

РУССКОЕ СЛОВО

УЧЕБНО-НАУЧНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЬ.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
877960A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1937 L

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го мая 1865 года.

Лодъ сьдъромъ

1865

Литър.

САНТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Рюмина и К^о.

СОДЕРЖАНІЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ МЫСЛИ Фиркова о воспитаніи женщинъ . . . Д. И. Писаревъ.
✓ МОРЕ. Статья Карла Фогта. Пер. съ нѣмецъ.
ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ИЛЛЮЗИИ Н. В. Соколовъ.
Поэту,
*** Стихотворенія Н. Вормсъ.
✓ ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ Ант. Троллопа.
Часть 2-я. (Гл. IX—XII)
✓ ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ. Повѣсть В. Самойловичъ.
✓ БАТЕРЛО (Романъ Э. Шатриана).
ПРОПАЩЕЙ. (Стихотв.) И. Ф. Тхоржевскій.
Эпизоды изъ романа. «Старое старится, мо-
лодое растетъ». 1) Мать и дѣти. 2) Слуги
и господа. Г. Н. Потанинъ.
✓ ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Романъ. Часть I-я. На по-
гостъ. (Гл. X—XIII) Н. А. Благовѣщенскій.
Изъ родногo захолустья. (Стихотв.) Н. Вормсъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- ✓ ПУШКИНЪ И ВѢЛИНСКІЙ. (Статья первая) . . . Д. И. Писаревъ.
Библиографическій листокъ. В. А. Зайцевъ.
*П. Ж. Прудонъ. Литературные Майораты. Спб. Изданіе Жур-
кевича и Зубарева. 1865.—Чтенія о полезныхъ и вредныхъ живот-
ныхъ. Карла Фогта. Спб. Изданіе Л. П. Шелуновой. 1865.—
Классическіе иностранные писатели въ рускомъ переводѣ. Книжо-
ка I. Содержаніе: Исповѣдь Руссо (Ч. I, вѣ. 1—3). Стернъ.
Самодѣльное путешествіе. Лотфелло. Письма о невольниче-
ствѣ. Спб. Изданіе Бакста. 1865.—Эстетическія отношенія ис-
кусства къ дѣйствительности. Изданіе второе А. Н. Пыпина. Спб.
1865.*
УГОЛОВНО СТАТИСТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ Г. Б.

ОТДѢЛЪ Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.

Движеніе сѣверо-американской арміи къ Ричмонду.—Паденіе Ричмонда и капитуляція генерала Ли.—Пожаръ въ столицѣ южанъ.—Вступленіе непріятели въ Ричмондъ и бѣство Джефферсона Дэвиса.—Значеніе Линкольна, какъ политическаго дѣятеля и президента американской республики.—Платоническій экстазъ европейской прессы къ Линкольну.—Убійство президента Уильямомъ Бузомъ.—Подробности этого событія.—Неблаговидныя мѣры, предпринятыя новымъ президентомъ, Джонсономъ, для поимки убійцы и соучастниковъ ихъ.—Письмо Буса, проливающее свѣтъ на эту фанатическую личность.—Мнѣніе о новомъ президентѣ.—Неподвижность прусскихъ депутатовъ.—Басня вороны и лисицы, принимаемая къ политикѣ Австріи и Пруссіи.—Программа примиренія Венгрии съ Австріей, обнародованная венгерскимъ патриотомъ Деакомъ.—Попытки къ новому соглашенію Пія IX съ Викторомъ Эммануиломъ.—Новыя подвиги испанскаго министра Нарваэца.—Вооруженное состояніе Европы и защитники этого состоянія.—Взглядъ Прудона въ его послѣднемъ, еще неизданномъ сочиненіи на политическую способность рабочаго населенія Франціи.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.

Нашъ маленькій уездный городокъ.—Прежнія правила рекрутскаго набора.—Постепенное развитіе мирныхъ наклонностей въ европейскомъ населеніи.—Невозможность отмѣны личнo-обязательныхъ повинностей.—Новыя облегчительныя мѣры, принятыя у насъ въ последнее время при рекрутскихъ наборахъ.—Числовыя данныя о наборахъ 1863 г.—Улучшеніе солдатскаго содержанія.—Теорія и практика.—Опытъ замѣны личной повинности денежною.

МЫСЛИ ФИРХОВА О ВОСПИТАНИИ ЖЕНЩИНЪ.

I.

Одинъ изъ замѣчательныхъ европейскихъ натуралистовъ нашего времени, Рудольфъ Фирховъ, высказалъ въ нынѣшнемъ году нѣсколько очень свѣтлыхъ мыслей о воспитаніи женщинъ. Мысли эти важны не столько по своему прогрессивному характеру, сколько по своей практичности, безобидности и осуществимости. Прогрессивныхъ мечтаній по вопросу о женщинахъ было высказано чрезвычайно много. Если бы человѣчество могло подвигаться впередъ посредствомъ рисованія блестящихъ идеаловъ, то всѣ эти мечтанія были бы чрезвычайно полезны. Къ сожалѣнію, это рисованіе идеаловъ составляетъ только самую легкую и самую незначительную часть той работы, которая должна вести человѣчество къ его будущему благосостоянію. Если вы нарисовали идеалъ, то вы должны еще, кромѣ того, показать обществу, какимъ путемъ оно должно идти къ осуществленію этого идеала. Если вы сказали обществу: «вотъ чѣмъ *должна* быть женщина!» то на васъ лежитъ еще обязанность объяснить вашимъ современникамъ, какимъ образомъ она *можетъ* придти къ указанной вами цѣли. Принимаясь за эту вторую часть задачи, вы должны брать въ расчетъ не только отвлеченную возможность, но и реальную удобоисполнимость. Есть множество вещей совершенно возможныхъ по законамъ природы и, въ то же время, совершенно неисполнимыхъ при данныхъ условіяхъ мѣста и времени. Данныя условія, мѣшающія осуществленію прекрасныхъ идеаловъ,—это, конечно, штука очень нелѣпая и несносная; но, будете ли вы ихъ проклинать, будете ли вы ихъ игнорировать—это рѣшительно все равно; ни ваши проклятія, ни ваше игнорированіе не сдвинутъ ихъ съ

мѣста и не принесутъ ни малѣйшей пользы вашей любимой идеѣ; вы будете, въ счастливомъ невѣденіи матеріальныхъ препятствій, ублажать себя великолѣпными теоретическими построениями, а дѣйствительная жизнь будетъ по прежнему тащиться по своей колѣѣ. Чтобы быть настоящимъ прогрессистомъ, не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы быть реалистомъ, а не мечтателемъ, вы должны изучать данныя условія, каковы бы они ни были. Вы должны постоянно принимать ихъ въ соображеніе, вы должны даже, скрѣпя сердце, поддѣлываться къ нимъ, для того, чтобы передѣлывать ихъ по своему. Вы видите, напримѣръ, что какаянибудь любимая, высоко-гуманная и прогрессивная идея ваша осмѣяна и оклеветана тѣми людьми, которые неспособны ее понять. Испытавши такое пораженіе, вы все-таки не должны останавливаться на томъ безотрадномъ заключеніи, что общество еще не доросло до пониманія своихъ собственныхъ выгодъ. Если общество, по своей неразвитости или по какимънибудь другимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, неспособно воспользоваться вашей идеею въ той формѣ, въ которой вы ее предложили сначала, то вы должны измѣнить эту форму и повторить вашу попытку, и повторять эти попытки до тѣхъ поръ, пока не добьетесь успѣха. Каждая великая и плодотворная идея обладаетъ такою гибкостью, эластичностью и живучестью, которая, рано или поздно, должна побѣдить или пережить всѣ препятствія. Для каждой великой и плодотворной идеи можно придумать такое скромное приложеніе, которое не покажется предосудительнымъ даже самому отъявленному рутинеру. — Эти общія размышленія о великихъ и плодотворныхъ идеяхъ прилагаются въ частности съ величайшимъ удобствомъ къ великой и плодотворной идеѣ рациональнаго воспитанія женщинъ. Нѣкоторые умные и честные люди высказали въ нашей періодической литературѣ ту мысль, что женщина должна быть дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ общества, что, слѣдовательно, она должна учиться и трудиться. Другіе возразили на это, также въ нашей періодической литературѣ, что женщинѣ въ обществѣ нечего дѣлать, что ея мѣсто у семейнаго очага, что она должна быть исключительно женою, матерью и хозяйкою. Я называю этихъ возражателей людьми неумными и нечестными, потому что они прикинулись защитниками очень почтенныхъ вещей, на которыя никто не думалъ нападать. По поводу вопроса о серьезномъ научномъ образованіи женщинъ, они защищали дѣломудріе дѣвушки, которое не подвергалось ни малѣйшей опасности. По

поводу вопроса объ артельномъ трудѣ, они защищали семейныя добродѣтели супруги, противъ которыхъ также никто не говорилъ худого слова. Такими дешевыми средствами они ухитрились набросить на своихъ литературныхъ противниковъ неблагоприятную тѣнь и сѹмѣли упрочить за собою репутацію зоркихъ и благонамѣренныхъ блюстителей общественной нравственности. Публика, при которой производились эти незамысловатые фокусы, по своему обыкновению, благодушествовала, хлопала глазами, развѣшивала уши. Женскій вопросъ, при такихъ условіяхъ, разумѣется, сѣлъ на мель, и снимать его съ этой мели стало дѣломъ почти опаснымъ. Миѣ кажется, однако, что вопросъ сѣлъ на мель собственно потому, что у нашихъ прогрессистовъ не хватило практической находчивости и изворотливости. Располагая нѣкоторою дозою этихъ драгоценныхъ качествъ, можно было извлечь для даннаго вопроса самую существенную пользу даже изъ возраженій; можно было совершенно неожиданно стать на точку зрѣнія этихъ софистовъ и разбить ихъ на голову ихъ собственнымъ оружіемъ. Эти благодѣтели нашего общества твердятъ безъ умолку, что женщина должна быть исключительно женою, матерью и хозяйкою. Прекрасно. Это очень хорошо, что они высказали свои желанія, и притомъ высказали ихъ такъ неоднократно, такъ громко и торжественно, что имъ уже невозможно отъ нихъ отпереться. Теперь остается только спросить у нихъ, желаютъ ли они, чтобы женщина была *хорошею* женою, *хорошею* матерью и *хорошею* хозяйкою. Если на этотъ вопросъ они отвѣтятъ *нѣтъ*, то, можетъ быть, даже наша благодушная публика перестанетъ пить шампанское за ихъ здоровье. Если же они, какъ и слѣдуетъ того ожидать, отвѣтятъ *да*, то прогрессисты могутъ считать свое дѣло выиграннымъ и могутъ прочитать мистификаторамъ очень блистательное и очень назидательное поученіе. Послушайте вы, благодѣтели, скажутъ прогрессисты: знаете ли вы, что значитъ быть *хорошею* женою, *хорошею* матерью и *хорошею* хозяйкою? Знаете ли вы, какія для этого требуются обширныя и основательныя свѣденія? Знаете ли вы, какое тутъ необходимо высокое развитіе? Знаете ли вы, какія радикальныя преобразованія надо произвести во всей системѣ женскаго воспитанія для того, чтобы это воспитаніе дѣйствительно давало обществу *хорошихъ* жонъ, *хорошихъ* матерей и *хорошихъ* хозяекъ? Если вы этого не знаете, то вы—пустые фразеры. Если же вы это знаете, то вы, толкующіе безъ умолку о

жонахъ, матеряхъ и хозяйкахъ, должны дѣйствовать съ нами заодно и хлопотать еще усерднѣе насъ о серьезности и разносторонности женскаго образованія. А такъ какъ вы этого не дѣлаете и такъ какъ вы сами стараетесь помѣшать всему, что клонится къ образованію *хорошихъ* жонъ, *хорошихъ* матерей и *хорошихъ* хозяекъ, то вы опять-таки пустые фразеры и ничтожные мистификаторы. Тѣ люди, которымъ дѣйствительно дорого процвѣтаніе и совершенствованіе русскаго семейства и русскаго хозяйства, должны отвернуться отъ вашей лицемѣрной болтовни и прислушаться къ тому, что говорятъ честные граждане и мыслящіе наблюдатели общественной жизни.—Такою филиппикою прогрессисты могли зажать ротъ непризваннымъ оберегателямъ общественнаго пѣломудрія. Затѣмъ, вырвавъ изъ ихъ рукъ знамя семейныхъ добродѣтелей и убѣдивъ общество въ томъ, что эти добродѣтели не подвергаются ни малѣйшей опасности, прогрессисты могли развернуть программу того образованія, которое дѣйствительно формируетъ жонъ, матерей и хозяекъ. Эта программа, силою своей очевидной разумности, привлекла бы къ себѣ полное сочувствіе и полное довѣріе всѣхъ безпристрастныхъ и неразвращенныхъ людей нашего общества. Самые робкіе и недалновидные умы поняли бы безъ труда ея несомнѣнную практическую пользу, и великая идея женскаго образованія и женскаго труда привилась бы къ нашему обществу именно благодаря тому обстоятельству, что она явилась къ нему въ самой скромной, элементарной и неблестящей формѣ.—По вашему мнѣнію, господа филистеры, мыслящія женщины составляютъ вредную и опасную роскошь. Вы не знаете, что съ ними дѣлать. Вы повторяете стихи вашего милаго Пушкина о семинаристахъ въ желтой шали и объ академикахъ въ чепцѣ. Вамъ нужны только жоны, матери и хозяйки. Прекрасно. Будемъ формировать добросовѣстно жонъ, матерей и хозяекъ и не будемъ вовсе заботиться о формированіи мыслящихъ женщинъ. Вы, господа филистеры, останетесь спокойны и довольны, а мыслящія женщины придутъ сами собою, и когда онѣ придутъ, тогда эта вредная и опасная роскошь перестанетъ васъ пугать, тогда вы будете знать, что съ ними дѣлать и тогда вы забудете или осмѣете стихи вашего милаго Пушкина. — Всѣ эти размышленія вызваны публичной лекціей Фирхова, прочитанною имъ 20 февраля нынѣшняго года, въ Берлинѣ, въ пользу общества домашняго и народнаго воспитанія. Эта лекція носитъ заглавіе: «О

воспитаніи женщины для ея назначенія.» Я передамъ изъ нея тѣ мѣста, которыя имѣютъ чисто-практическій характеръ.

II.

«При теперешнемъ положеніи общества, говоритъ Фирховъ, вліяніе отца на дѣтей несравненно болѣе слабо, чѣмъ въ прежнія времена, когда сословіе, занятія, ремесло отца заранѣе рѣшали вопросъ о томъ, къ какому сословію, къ какимъ занятіямъ, къ какому ремеслу будетъ принадлежать ребенокъ. Движеніе общества, становясь съ каждыиъ днемъ болѣе свободнымъ, даетъ возможность даже ребенку простолюдина выбирать себѣ свое будущее назначеніе по собственному желанію; вслѣдствіе этого, на основаніи весьма понятныхъ психологическихъ причинъ, сила отцовскаго вліянія уменьшается; а съ другой стороны, постоянно возрастающее раздѣленіе труда и перенесеніе рабочихъ центровъ прочь отъ домашняго очага отнимаютъ также у отцовъ и физическую возможность слѣдить постоянно за воспитаніемъ дѣтей. Такимъ образомъ, усиливается то вліяніе, которое сама природа отводитъ матери, хозяйкѣ дома.» Фирховъ приходитъ къ тому общеизвѣстному заключенію, что воспитаніе подростовающихъ поколѣній составляетъ высшее назначеніе женщины. «Забота о мужѣ, продолжаетъ онъ, стоитъ уже на второмъ планѣ. Мужъ прежде всего долженъ заботиться самъ о себѣ, и подмога жены должна быть для него именно только подмогою. Въ общемъ домашнемъ хозяйствѣ мужу принадлежать, естественнымъ образомъ, виѣшнія заботы, а женѣ—внутреннія. Обратный порядокъ вещей никогда не превратится въ общее правило, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ возможенъ и даже совершенно законенъ. Но если бы этотъ обратный порядокъ сдѣлался общимъ правиломъ, если бы вообще люди попробовали осуществить ту *эманципацию женщины*, къ которой стремились нѣкоторые отдѣльные кружки со времени французской революціи, — то это могло бы произойти только въ ущербъ семейству. Этому никогда и не отрицали послѣдовательные мыслители, занимавшіеся этой задачею. Эманципация женщины, разрушеніе семейства, гуртовое воспитаніе дѣтей съ пеленокъ, — все это неизбѣжно идетъ одно къ одному. По странному смѣшенію понятій, это считалось послѣдовательнымъ про-

веденіемъ идеи свободы. Но тутъ надо помнить одно: все, что выигрываетъ при этомъ женщина, не столько въ свободѣ, сколько въ своеволии, то теряетъ ребенокъ. Вся обезпеченность индивидуальнаго развитія, на которомъ основаны полное чувство личности и отвѣтственности и всѣ ручательства независимости, порядка и свободы,—утратилась бы совершенно при гуртовомъ воспитаніи дѣтей. Вся будущность человѣчества была бы поставлена на карту для того, чтобы осуществить произвольно-придуманную и притомъ все-таки только мнимую свободу женщины».—Видите, господа филистеры, какой благонадежный человекъ этотъ Фирховъ! Даже порицаетъ эманципацію женщинъ и даже за будущность человѣчества трепещетъ. И я нарочно привелъ вамъ все это мѣсто, для того, чтобы вы возликовали, и для того, чтобы, вслѣдъ затѣмъ, вы немедленно убѣдились въ преждевременности и неосновательности вашего ликованія. Вы подумайте только, *какую* эманципацію женщинъ осуждаетъ Фирховъ? Развѣ ту, на которую нападали вы? Нѣтъ-съ, извините, совѣмъ не ту. О той эманципаціи женщинъ, которая находится въ ближайшей и непосредственной связи съ французскими мыслителями XVIII вѣка и ихъ послѣдователями нашего времени, у насъ не было никогда ни слуху, ни духу. Вспомните, что въ нашей журналистикѣ проводились по этому вопросу исключительно идеи чисто-англійскаго или англо-американскаго происхожденія. Вспомните, что краеугольнымъ камнемъ всѣхъ нашихъ прогрессивнѣйшихъ разсужденій о женщинѣ оказалась извѣстная статья солиднѣйшаго англійскаго ученаго, Джона Стюарта Милля, который такъ же похожъ на сенъ-симониста или на фурьериста, какъ г. Катковъ на В. Гюго. Вспомните, что самымъ крайнимъ выраженіемъ радикализма считается со стороны нашихъ женщинъ отрицаніе кося и криолина. Вспомните, что самыя отпѣтыя изъ нашихъ оворицъ требуютъ себѣ только науки и труда. Вспомните все это—и тогда вы убѣдитесь въ томъ, что если бы вы обратились къ Фирхову съ жалобой на нашихъ прогрессистовъ и на нашихъ эманципированныхъ женщинъ, и если бы вы, въ подтвержденіе вашихъ жалобъ, представили ему самыя поразительныя факты изъ нашей жизни и изъ нашей печати, то Фирховъ пришелъ бы въ крайнее недоумѣніе и спросилъ бы у васъ съ самымъ искреннимъ изумленіемъ: да на что же вы жалуетесь? И что вы тутъ видите дурного? И гдѣ вы тутъ ухитрились откопать эманципацію женщинъ?—Легко

можетъ быть, что Фирховъ съ самымъ неподдѣльнымъ соболѣзнованіемъ пощупалъ бы даже вашъ пульсъ и освѣдомился бы о нашемъ здоровьи. — Вытородивъ, такимъ образомъ, совершенно нашъ вопросъ о женскомъ образованіи и о женскомъ трудѣ, я могу теперь замѣтить изъ безкорыстной любви къ истинѣ, что трепетанье Фирхова за будущность человѣчества составляетъ въ его лекціи такое ораторское украшеніе, которому самъ Фирховъ, какъ очень умный человѣкъ, конечно, не могъ придавать никакого серьезнаго значенія. Дѣйствительно, если эманципация женщинъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее нѣкоторые французскіе мыслители, идетъ въ разрѣзъ съ естественными стремленіями человѣческаго организма, то она останется навсегда неосуществимою мечтою, потому что всѣ эти французскіе мыслители не имѣли и никогда не будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи, для распространенія своихъ идей, никакихъ средствъ, кромѣ словесной и печатной проповѣди. Въ такомъ случаѣ, ихъ заблужденіе никому неопасно и ни для кого незаразительно; стало быть, не зачѣмъ и трепетать за будущность человѣчества. Можно замѣтить вообще, что ежедневная жизнь людей слагается всегда не по искусственнымъ теоріямъ, а по законамъ природы. Когда и что ѣсть, когда и какъ спать, какъ обращаться съ женой и съ дѣтьми, — все это такіе вопросы, на которые огромное большинство людей никогда не согласится искать отвѣта въ той или въ другой книгѣ. Масса будетъ жить такъ, какъ она привыкла; привычки ея, безъ сомнѣнія, измѣняются, но ихъ измѣняютъ важныя историческія событія, а не книжныя теоріи. Введеніе картофеля, распространеніе желѣзныхъ дорогъ, приобщеніе химіи къ земледѣлію, развитіе машиннаго производства, вліяніе кооперативныхъ обществъ — вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ явленій жизни, которыя перевоспитываютъ массу, то есть, измѣняютъ ея основныя привычки, иногда въ хорошую, а иногда и въ дурную сторону. Книжная теорія можетъ также подействовать на массу, но не прямо, то есть, не такъ, что масса прочтетъ книгу и, въ одинъ прекрасный день, скажетъ: давайте осуществлять теорію. Чтобы подействовать на массу, книжная теорія должна сначала воплотиться въ жизни очень небольшого кружка самыхъ усердныхъ и вѣрующихъ адептовъ. Этотъ небольшой кружокъ сдѣлается зародышемъ чисто-практическаго движенія. Изъ нему начнутъ примыкать понемногу новыя кружки, и члены этихъ кружковъ, подчинясь указаніямъ теоріи въ своей

вседневной жизни, будут исподоволь приобретать себѣ новыя привычки. Войдя, такимъ образомъ, въ жизнь, какъ воспитательный элементъ, теорія передѣляетъ характеры и взаимныя отношенія своихъ adeptовъ. Такъ поступили, на примѣръ, съ своими adeptами теоріи квакерства и мармонизма. Если теорія такъ сильна по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, что она можетъ подчинить своему господству цѣлое общество, то эти же самыя внутреннія достоинства, упрочившія за нею побѣду, устранять также и тѣ второстепенныя неудобства, которыя могли бы отравить ея благотворное вліяніе. «Но меня спросятъ, продолжаетъ Фирховъ: неужели единственное назначеніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы быть женою и матерью? Конечно, нѣтъ. Многимъ женщинамъ совсѣмъ не суждено сдѣлаться супругами и матерями, и, разумѣется, о такихъ женщинахъ нельзя сказать, что призваніе ихъ—быть *старыми дѣвами*. Судьба челоуѣка и его призваніе — двѣ вещи разныя. Даже для супруги и для матери вся задача жизни вовсе не ограничивается тѣмъ, чтобы быть именно только супругою и матерью. Многимъ женщинамъ даны отъ природы самыя обширныя средства дѣйствовать на судьбу челоуѣчества, и я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія сомнѣваться въ томъ, что женщина способна посвящать себя разрѣшенію такихъ болѣе общихъ задачъ. Пусть каждая отдѣльная личность сама обдумываетъ и рѣшаетъ, какая дѣятельность соответствуетъ размѣрамъ ея личныхъ силъ. Современное общество отчасти уже выработало въ себѣ, отчасти еще выработаетъ, какъ естественный результатъ дальнѣйшаго развитія, ту степень индивидуальной свободы, которая необходима для того, чтобы и женскій полъ самодѣятельно (*selbstthätig*) принималъ надлежащее участіе въ разрѣшеніи общихъ задачъ челоуѣчества». Да, *selbstthätig*! Я не даромъ выписалъ это вѣмецкое слово, которое доказываетъ совершенно очевидно, что Фирховъ непремѣнно пощупаетъ вашъ пульсъ, если вы пойдете жаловаться ему на русскую эманципацію женщинъ. Вы ужъ лучше и не ходите.

III.

«Почти 200 лѣтъ тому назадъ, говорятъ Фирховъ, почтенный Фенелонъ написалъ слѣдующія слова: «женщину слѣдуетъ обучать тому, что составляетъ задачу ея жизни. Ей придется наблюдать за

воспитаніемъ дѣтей,—сыновей до извѣстнаго возраста, дочерей до ихъ замужества, наблюдать за образомъ жизни, за нравственностью и за службою домочадцевъ, наблюдать за всѣмъ ходомъ хозяйства, за расходами и т. д. Въ этомъ заключается ея обязанность и по этимъ предметамъ она должна обладать свѣденіями.»—«Но, продолжаетъ Фирховъ, эти слова окажутся благочестивыми желаніями, если мы сравнимъ ихъ съ общимъ состояніемъ женскихъ училищъ, какъ они существовали въ XVIII столѣтіи и какъ они существуютъ даже въ XIX-омъ. Ни высшія, ни низшія женскія школы не стремятся къ той цѣли, чтобы воспитывать *для жизни*. Онѣ, можетъ быть, развертываютъ умственныя способности воспитанницъ для впечатлѣній искусства и науки; онѣ, можетъ быть, доставляютъ имъ обильный запасъ знаній, выучиваютъ ихъ разнымъ художествамъ, возпряютъ ихъ въ различныхъ отрасляхъ женскаго рукодѣлья; онѣ, можетъ быть, готовятъ даже хорошихъ учительницъ, но онѣ не образуютъ хозяекъ (Hausfrauen). Когда я говорю «хозяйка», то, послѣ всего вышесказаннаго, я подразумѣваю тутъ не только супругъ и матерей, но вообще такихъ женщинъ, которыя сознательно могутъ взять въ свои руки всѣ отрасли домашняго управленія,—такихъ женщинъ, которыя самостоятельно могутъ заниматься ухаживаньемъ за дѣтьми, попеченіями о больныхъ, кухнею, садомъ. Поэтому я оставляю здѣсь совершенно въ сторонѣ специальный вопросъ о «воспитаніи женщины для мужа;» я также не буду касаться здѣсь вопроса о «воспитаніи женщины для общества». По моему мнѣнію, какъ первый, такъ и второй вопросъ предполагаютъ непременно *воспитаніе женщины для дома*. Но какъ должно быть ведено это воспитаніе? Мнѣ скажутъ, что подобное воспитаніе не составляетъ задачи женскихъ школъ и пенсіоновъ. Да, я долженъ признаться, что имъ не задавали этой задачи и что отъ нихъ даже несправедливо было бы требовать ея разрѣшенія. Но, тѣмъ не менѣе, сама жизнь ставитъ эту задачу. Вѣдь навѣрное же для большинства молодыхъ дѣвушекъ наступитъ когда нибудь такое время, когда имъ придется нянчить дѣтей, ухаживать за больными, завѣдывать кухнею, погребомъ или садомъ. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, можно думать, что все это дѣлается само собою, что все это изучается въ одну минуту? Сколько горькихъ опытовъ приходится тутъ пережить, какъ много тяжелыхъ заботъ приходится перенести! Какое множество браковъ было бы гораздо счастливѣе, если бы время перваго ученья было пе-

режато раньше свадьбы! Какъ часто случается, что положеніе супруги было бы гораздо самостоятельнѣе, если бы она во время своей дѣвической жизни была лучше приготовлена къ супружеству! Много необходимыхъ свѣденій можно усвоить себѣ теоретически; ко многому можно приготовиться посредствомъ теоріи; заботы объ этой теоретической части женскаго воспитанія составляютъ, конечно, прямую обязанность женскихъ школъ. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о тѣлесномъ уходѣ, собственно о *shieny*. Никому не придетъ въ голову та мысль, что суевѣрныя примѣты, доходящія до насъ путемъ изустнаго преданія, рисуютъ намъ, хотя бы въ самыхъ грубыхъ очеркахъ, картину жизни здороваго и больного организма. Естественное, преподаваемое въ женскихъ школахъ, подрываетъ отчасти авторитетъ этого преданія, но оно не ставитъ на ея мѣсто ничего цѣлостнаго. Конечно, анатомія и физиологія — такія науки, о которыхъ думали прежде, что онѣ не смѣютъ показываться въ хорошемъ обществѣ, и что молодыя дѣвушки, по возможности, не должны даже подозрѣвать ихъ существованія. Но то, что естественно, не всегда бываетъ опасно, даже въ томъ случаѣ, когда оно является въ полной наготѣ; опытъ научилъ насъ, что прикрываніе бываетъ часто гораздо опаснѣе. Кромѣ того, мы не настаиваемъ на томъ, чтобы въ женскихъ школахъ читался полный курсъ анатоміи и физиологіи, и, конечно, всегда найдется возможность выбрать изъ этихъ наукъ тѣ отдѣлы, которые не подѣйствуютъ возмущающимъ образомъ ни на какую душу». По тону Фирхова видно, что эту послѣднюю уступку онъ дѣлаетъ очень неохотно; и можно сказать рѣшительно, что онъ дѣлаетъ ее совершенно напрасно; онъ самъ высказалъ ту мысль, что знаніе естественнаго закона неопасно и что прикрываніе бываетъ опаснѣе наготы; эту мысль онъ долженъ былъ выдержать до конца и провести до самыхъ крайнихъ ея послѣдствій. Если только допустить систему утаиваній и закрываній, то невозможно будетъ опредѣлить заранѣе, гдѣ остановится маскирующая дѣятельность педагоговъ. Въдь тогда и о пищевареніи придется говорить съ деликатными выпусками; пока пища находится въ желудкѣ, тогда еще куда не шло; но когда она попадетъ въ такое неприличное мѣсто, какъ кишечный каналъ, тогда стыдливому преподавателю, конечно, придется потерять ее изъ виду. А ужъ о прямой кишкѣ онъ даже и подумать посовѣтится во время своего пребыванія въ стѣнахъ женской школы. Какъ поставить что нибудь *шлюдо*

стное на мѣсто преданій народной медицины? И если преподавать анатомію и физиологію съ нѣкоторыми опущеніями, то зачѣмъ же отзыватьсь съ насмѣшкою о тѣхъ временахъ, когда анатомія и физиологія не смѣли показываться въ хорошемъ обществѣ? Нѣтъ. Некоррошо поступилъ тутъ Фирховъ. Онъ уже черезчуръ дружелюбно и ласково относится здѣсь къ предразсудкамъ, противъ которыхъ можетъ и долженъ сказать свое полное и отвренное слово такой авторитетъ науки, какъ Рудольфъ Фирховъ. Если такіе люди, какъ Фирховъ, будутъ церемониться и вилать хвостомъ передъ общественными предразсудками, то у кого же хватить рѣшимости вступить съ ними въ борьбу и, самое главное, у кого хватить нравственнаго авторитета на то, чтобы заставить общество выслушать и принять разумное мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ господствующимъ заблужденіемъ?

«Чтобы завѣдывать кухней правильнаго хозяйства, продолжаетъ Фирховъ, надо же знать, что удобоваримо и что нѣтъ. Хозяйка обыкновенно усваиваетъ себѣ это знаніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посредствомъ опыта. Для этого нѣсколько членовъ семейства должны сначала неоднократно испортить себѣ желудки. Но почему именно они себѣ испортили желудки, этого хозяйка все-таки не узнаетъ, и черезъ нѣсколько времени это происшествіе повторяется снова, и набирается, такимъ образомъ, запасъ опытныхъ знаній. На сколько этотъ родъ опытовъ недостаточенъ для того, чтобы на нихъ можно было основать цѣлесообразное приготовленіе кушаній, это очень ясно видно изъ того обстоятельства, что во вседневной жизни считается удобоваримымъ все, что не производитъ боли въ желудкѣ или въ животѣ. А между тѣмъ, удобоваримо только то, что дѣйствительно переваривается, то есть, растворяется и *входитъ въ кровь*. Удобоваримое можетъ сдѣлаться вреднымъ, а неудобоваримое можетъ только быть потрачено даромъ. А пища маленькихъ дѣтей — какъ ошибочекъ бываетъ часто ея выборъ! И сколько кушаньевъ, которыя можно было бы ѣсть безъ вреда, подаются на столъ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ бы это нужно было для успѣшнаго хода пищеваренія!» За этотъ гениальный маневръ Фирхова читатель можетъ ему простить даже его разсужденіе о цѣломудренной анатоміи. Онъ попалъ въ слабую струну филистеровъ. Онъ понялъ, что на нихъ надо дѣйствовать желудочными аргументами. Хотя они обыкновенно прикидываются идеалистами, хотя они съ добродѣтельнымъ ужасомъ отно-

сятся къ реальному и утилитарному направленію, которое, по ихъ мнѣнію, включаетъ человѣка въ разрядъ безсловесныхъ скотовъ, — однако, на самомъ дѣлѣ, они живутъ исключительно въ желудокъ и въ немъ обрѣтаютъ себѣ весь смыслъ и всю поэзію человѣческаго существованія. Поэтому Фирховъ поражаетъ ихъ именно въ желудокъ. Смотрите, филистеры, говоритъ онъ имъ, учите вашихъ маленькыхъ дочерей уму-разуму, а то у васъ, на старости лѣтъ, каждый день будетъ животъ болѣть по ихъ милости. Онѣ будутъ мстить вамъ за свое невѣжество самымъ естественнымъ и, въ то же время, самымъ жестокимъ образомъ. Онѣ будутъ учиться физиологіи надъ вашими почтенными особами. Онѣ будутъ производить химическіе опыты надъ вашими собственными животами. Нравится ли вамъ такая мрачная перспектива? Приятно ли солидному гражданину и отцу семейства играть въ отношеніи къ собственной дочери ту пассивную роль, которую выполняютъ кролики и собаки на столѣ у профессора экспериментальной физиологіи? Надъ этимъ, господа, стоитъ вамъ придуматься.

IV.

«Для того, продолжаетъ Фирховъ, чтобы судить объ этихъ простѣйшихъ вещахъ, надо же, по крайней мѣрѣ, знать, какъ устроенъ желудокъ и какимъ манеромъ онъ ухитряется переваривать пищу и питье, и изъ какихъ составныхъ частей состоятъ кушанья и напитки, и что дѣлается съ этими составными частями въ человѣческомъ тѣлѣ, и на что онѣ пригодны, и такъ далѣе. Для всего этого требуется не только кое-что изъ физиологіи и изъ анатоміи, но также кое-что изъ химіи, изъ ботаники и многое другое. И это знаніе должно быть не внѣшнимъ знаніемъ, не собраннымъ изъ отрывочныхъ лоскутковъ, не такимъ, при которомъ надо было бы долго размышлять, чтобы додуматься до того, какъ надо дѣйствовать; это знаніе должно быть цѣльнымъ и живымъ знаніемъ, такъ чтобы оно во всякую данную минуту было подъ руками и чтобы оно постоянно само собою поддерживало и направляло работу мысли. Въ такомъ же точно положеніи находятся вопросы о согрѣваніи и о приученіи къ холоду, о вентиляціи и объ отопленіи, объ одѣваніи и объ устройствѣ постели. Всѣ эти вопросы могутъ быть обработаны теоретически и основные принципы ихъ могутъ быть изложены такъ просто, что самое посредствен-

ное пониманіе усвоить ихъ легко и запомнить ихъ отчетливо. Все это можно было бы преподавать въ каждой школѣ дѣвушкамъ старшаго возраста». Всѣ эти совѣты Фирхова замѣчательно-хороши именно потому, что они одинаково убѣдительны, какъ для самыхъ трусливыхъ консерваторовъ, такъ и для самыхъ размахистыхъ прогрессистовъ. Консерваторы должны принять эти совѣты съ восторгомъ; женщину хотять готовить для семейства; изъ нея хотять сформировать образцовую хозяйку; чего же лучше? Вѣдь это завѣтный идеалъ консерваторовъ; вѣдь этимъ идеаломъ они постоянно поражаютъ всѣхъ своихъ противниковъ по женскому вопросу; вѣдь только за неприкосновенность этого идеала они и сражаются съ такъ называемыми эманципаторами женщины. Но, приводя въ восторгъ консерваторовъ, совѣты Фирхова, въ то же время, совершенно удовлетворяютъ и прогрессистовъ. Въ своихъ надеждахъ и желаніяхъ, въ своихъ взглядахъ на будущее, обѣ партіи остаются, конечно, въ непримиримомъ разногласіи. Одни надѣются, что женщина засядетъ въ кухнѣ и въ дѣтской и углубится въ научное штопанье, въ научное стиранье грязнаго бѣлья и въ столь же научное приготовленіе превосходнѣйшихъ кулебякъ. Другіе питаютъ въ своихъ преступныхъ душахъ совсѣмъ другія надежды; они не отрицаютъ ни бѣлья, ни кулебякъ, но они осмѣливаются думать, что каждая умная и образованная женщина, поддерживая порядокъ въ своемъ домѣ, счумѣетъ оставить въ своей жизни очень просторное мѣсто для такихъ идей и дѣйствій, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ бѣльемъ, ни съ кулебякою. Но пусть каждая партія надѣется по своему; кто изъ нихъ угадывалъ вѣрно физіономію будущаго и кто ошибался въ своихъ расчетахъ—это видно будетъ впоследствии; спорить и горячиться изъ-за надеждъ и желаній рѣшительно не стоить; стоило бы спорить и горячиться только въ томъ случаѣ, если бы въ данную минуту существовали два противоположныя мнѣнія на счетъ того, *какъ надо поступать* въ разбираемомъ вопросѣ. Но двухъ противоположныхъ мнѣній быть не можетъ. Рисуйте себѣ какой угодно идеалъ—образцовую хозяйку или мыслящую женщину—это все равно: въ данную минуту наша женщина стоитъ одинаково далеко, какъ отъ перваго изъ этихъ идеаловъ, такъ и отъ втораго; чтобы сдвинуть ее съ мѣста и чтобы сколько нибудь приблизить ее къ тому или къ другому идеалу, ей, во всякомъ случаѣ, надо дать образованіе. Вотъ это, значить, первый пунктъ, на которомъ должны согласиться между собою всѣ оттѣнки мнѣній. Кромѣ

того, они сойдутся еще и на втором пункте. Спрашивается: какое образование надо дать женщин? Обоители образцовой хозяйки скажут, конечно, что ей надо дать такое образование, которое выучило бы ее хозяйничать. А Фирховъ доказываетъ ясно, какъ дважды два—четыре, что благоразумное хозяйничаніе немислимо безъ основательной теоретической подготовки, и что эта подготовка должна состоять въ изученіи природы, вообще и человѣческаго организма въ особенности. То есть, другими словами: обожатели образцовой хозяйки, если у нихъ есть въ головѣ капля здраваго смысла, должны настоятельно требовать, чтобы женщинъ было дано обширное, серьезное и, притомъ, *реальное* образование. Ну, и слава тебѣ Господи! Обожатели мыслящей женщины только этого въ данную минуту и желаютъ.—Программа Фирхова превосходитъ въ томъ отношеніи, что она соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества общаго и спеціального образованія,—такого, которое должно выпускать женщину прямо изъ школы въ жизнь, и такого, которое должно готовить ее для болѣе серьезныхъ научныхъ занятій. Пройдя черезъ школу, устроенную по идеѣ Фирхова, однѣ дѣвушки, одаренныя обыкновенными умственными способностями, сдѣлаются хорошими хозяйками, а другія, болѣе даровитыя, получатъ такой толчекъ впередъ, что поймутъ ясно свое призваніе и, смотря по складу своего ума, сдѣлаются медиками, натуралистами, механиками, технологами, мыслительницами, писательницами, вообще чѣмъ угодно. Школа, готовившая ихъ преимущественно или даже исключительно для хозяйственной дѣятельности, заложить въ ихъ умныя головы, благодаря своему реальному направленію, такой прочный фундаментъ дѣльныхъ мыслей и основательныхъ знаній, который пригодится имъ на всякомъ житейскомъ поприщѣ и изощритъ ихъ умственные способности для всякой дальнѣйшей работы. Спеціальное образованіе обыкновенно стѣсняетъ умственный кругозоръ учащагося и нерѣдко уродуетъ челоѣка для того, чтобы сформировать искуснаго ремесленника. Но этотъ упрекъ совершенно неприложимъ къ тому спеціальному образованію, которое Фирховъ рекомендуетъ женщинамъ. Такое спеціальное образованіе, которое цѣликомъ основано на изученіи природы, оказывается неизмѣримо выше всѣхъ возможныхъ общихъ образованій. Если бы предложили умнѣйшему изъ прогрессистовъ составить такой планъ женскаго образованія, который, не клонясь ни къ какимъ спеціальнымъ цѣлямъ, долженъ былъ бы направляться исключительно

къ тому, чтобы развернуть и укрѣпить всѣ умственныя способности ученицъ,—то прогрессистъ, навѣрное, пришелъ бы къ тѣмъ самымъ практическимъ выводамъ, къ которымъ подошелъ Фирховъ съ другой стороны, посредствомъ анализа чисто-хозяйственныхъ потребностей, недосмотровъ и недостатковъ. Та практическая тенденція, которую Фирховъ рекомендуетъ женскимъ школамъ, имѣетъ очень важное и очень полезное значеніе для общаго развитія умственныхъ способностей. То значеніе, которое усваивается для того, чтобы потомъ прикладываться къ дѣлу, должно быть непремѣнно живымъ и цѣльнымъ знаніемъ. Химія, ботаника и физиологія, которыя должны каждый день являться на помощь къ будущей хозяйкѣ, стоящей передъ кухонной плитою, будутъ, конечно, изучаться не такъ, какъ изучаются теперь въ женскихъ и даже въ мужскихъ заведеніяхъ разныя науки, необходимыя только для того, чтобы придать блескъ выпускному экзамену и занять почетное мѣсто въ аттестатѣ или въ дипломѣ. Если только мысли Фирхова когда нибудь найдутъ себѣ достойныхъ исполнителей, то во многихъ европейскихъ государствахъ молодые люди мужескаго пола принуждены будутъ завидовать тому образованію, которое будутъ получать прусскія дѣвушки.

V.

«Но, продолжаетъ Фирховъ, и основные принципы *душевной гигиены* — преимущественно въ приложеніи къ дѣтямъ, — могутъ безъ труда быть развиты въ общихъ чертахъ. Педагогическихъ образцовъ имѣется достаточно; ихъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ діетическихъ и гигиеническихъ образцовъ; и молодая мать стала бы смотрѣть съ большей смѣлостью и самоувѣренностью на своего перваго младенца, если бы она не принуждена была сознаться самой себѣ, что онъ — ея *кробный ребенокъ*, тотъ ребенокъ, надъ которымъ она, болѣе или менѣе самостоятельно, по своимъ собственнымъ соображеніямъ, должна производить свои педагогическіе эксперименты. Нечего грѣха таить, наше домашнее воспитаніе стоитъ до сихъ поръ на томъ низкомъ уровнѣ развитія, на которомъ находилось въ прошедшемъ столѣтіи народное хозяйство. Это—чисто первобытное хозяйство. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы ввести въ жизнь *науку воспитанія*, которая положила бы конецъ производству

безконечных педагогических экспериментовъ и воспитыванію дѣтей по неопредѣленнымъ слухамъ.»

Такимъ образомъ, Фирховъ вводитъ въ свою программу еще новую черту, которая окончательно отстраняетъ отъ нея всякій упрекъ въ односторонности. Изучая химию, ботанику, анатомію, физиологію и другія отрасли естествознанія, дѣвушки должны, кромѣ того, знакомиться съ тѣми законами, по которымъ развиваются и крѣпнутъ, съ самаго ранняго дѣтства, умъ и характеръ человѣка. Теоретическая часть *науки воспитанія*, какъ понимаетъ ее Фирховъ, должна, конечно, заключать въ себѣ сводъ наблюдений, рисующій передъ ученицами полную и вѣрную картину тѣхъ психическихъ видоизмѣній, черезъ которыя проходитъ ребенокъ, начиная отъ колыбели и кончая юношескимъ возрастомъ. Эта теоретическая часть должна быть направлена преимущественно къ тому, чтобы заставить молодую дѣвушку уважать въ ребенкѣ будущаго человѣка. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ нашего воспитанія состоитъ именно въ томъ, что мы слишкомъ легко и, смотря по нашему минутному настроенію, то слишкомъ игриво, то слишкомъ презрительно относимся къ мыслямъ, чувствамъ, желаніямъ и требованіямъ дѣтей. Намъ почти никогда не приходитъ въ голову, что ребенокъ есть человѣческая личность, не только имѣющая, но даже сознающая свои естественныя и неотъемлемыя права. Мы почти никогда не умѣемъ сообразить, что, легкомысленно нарушая законныя права ребенка, мы приучаемъ его смотрѣть съ такимъ же нахальнымъ легкомысліемъ на права другихъ людей, съ которыми ему впоследствии придется имѣть сношенія. Ежеминутно оскорбляя ребенка нашею невнимательностью къ его разумнымъ желаніямъ, требованіямъ и возраженіямъ, мы ежеминутно, ни къ селу, ни къ городу, подольщаемся къ нему то ласками, то поцѣлуями, то пряниками. Такимъ образомъ, мы какъ-будто нарочно воспитываемъ въ ребенкѣ преврѣніе къ нашему уму и нашему характеру, а потомъ, когда плоды нашей педагогической безтолковщины начинаютъ созрѣвать, мы начинаемъ выть и орать, что злонамѣренная журналистика выдумала молодое поколѣніе и посѣяла раздоръ между отцами и дѣтьми. Всѣ эти печальныя явленія нашей всендневной жизни происходятъ преимущественно оттого, что наше домашнее воспитаніе есть *«чисто первобытное хозяйство»*, то есть, оттого, что мы не имѣемъ никакого понятія о самыхъ элементарныхъ истинахъ опытной психологіи. Мы знаемъ, напримѣръ, очень хорошо, что пя-

пятилѣтній мальчикъ лѣтъ черезъ пятнадцать сдѣлается двадцати-лѣтнимъ юношею; но изъ этого положенія мы не умѣемъ вывести самыхъ естественныхъ и необходимыхъ послѣдствій; мы не умѣемъ понять, что въ нервной системѣ пятилѣтняго мальчика заключается, въ видѣ зародыша, весь складъ ума, весь темпераментъ и весь характеръ будущаго мужчины, и что этотъ зародышъ разовьется правильно или уродливо, разцвѣтетъ или зачахнетъ, смотря по тому, будемъ ли мы своимъ вліяніемъ содѣйствовать или мѣшать его развитію; будемъ ли мы охранять лабораторію молодой мысли отъ всякихъ постороннихъ посягательствъ, или же, напротивъ того, врываться въ эту лабораторію съ нашими глупыми фантазіями и съ нашимъ грубымъ самодурствомъ.—Чтобы мы дѣйствительно проникнулись глубокимъ уваженіемъ къ тому живому матеріалу, который мы имѣемъ подъ руками въ дѣлѣ воспитанія, мы нуждаемся, конечно, не въ умилительныхъ наставленіяхъ о великой задачѣ воспитателя, не въ риторическихъ словозміяніяхъ объ отвѣтственности передъ обществомъ и передъ собственною совѣстью, а именно въ томъ, чтобы мыслящіе наблюдатели нарисовали намъ подноію и вѣрную картину развитія отдѣльнаго человѣка. Глядя на эту картину, вдумываясь во всѣ ея подробности, замѣчая, что одна фаза вытекаетъ необходимо изъ другой, что всѣ эти фазы неразрывно связаны между собою, что онѣ взаимно объясняютъ другъ друга и что взрослый юноша, вступающій въ дѣйствительную жизнь, есть не что иное, какъ продуктъ и результатъ впечатлѣній, пережитыхъ имъ въ родительскомъ домѣ и въ школѣ, — каждая мать семейства пойметъ, глубоко прочувствуетъ и навсегда запомнитъ ту великую истину, что во всей человѣческой жизни нѣтъ ни одной минуты, въ которую было бы позволительно относиться къ человѣку легкомысленно и безпечно, и что человѣкъ имѣетъ полное и неотъемлемое право на уваженіе своихъ ближнихъ съ самаго своего появленія на свѣтъ. Любопытно замѣтить, что законодательство всѣхъ образованныхъ народовъ обогнало въ этомъ отношеніи нравы всендневной жизни.—Во всѣхъ европейскихъ государствахъ жизнь и собственность грудного ребенка ограждены такъ же прочно, какъ жизнь и собственность всѣхъ остальныхъ гражданъ. Законъ признаетъ права человѣка съ минуты его рожденія; но тамъ, гдѣ прекращается охранительное дѣйствіе закона, — тамъ начинается полный произволъ взрослыхъ; отецъ не смѣетъ ни убить, ни обобрать

своего ребенка, но онъ нисколько не посоветится высъчь его безвинно, прикрикнуть на него ни за что, ни про что, дать ему неисполнимое приказаніе и заставить его молчать, когда ребенокъ представляетъ ему дѣльныя вѣраженія. А между тѣмъ, всѣ эти проявленія родительской халатности ложатся грязными пятнами и безобразными рубцами на характеръ будущаго человѣка; всѣ они отзываются болѣзненно на самихъ же родителяхъ; и всѣ они могли бы найти себѣ крѣпкую узду въ основательномъ изученіи законовъ человѣческаго развитія. — Мы увидимъ сейчасъ, какъ серьезно понимаетъ Фирховъ то преподаваніе педагогики, которое онъ рекомендуетъ женскимъ училищамъ. «Конечно, говоритъ онъ, я не держусь того мнѣнія, что такая наука воспитанія окажется достаточною, если она будетъ преподаваться въ женскихъ школахъ только теоретически. Не думаю я также, чтобы слѣдовало представлять на произволъ судьбы изученіе педагогической практики, которая, такимъ образомъ, усвоивалась бы старшею сестрою только въ томъ случаѣ, если журавлю заблагоразсудится принести ей еще братца или сестрицу. Надо устроить такъ, чтобы педагогическая практика сдѣлалась одною изъ нормальныхъ составныхъ частей женскаго воспитанія.» Разумѣется, Фирховъ не ограничивается однимъ голымъ заявленіемъ существующей потребности; онъ показываетъ, какимъ образомъ можно удовлетворить эту потребность. Эта часть его лекціи составляетъ ея лучшее украшеніе. Тутъ Фирховъ подаетъ мысль дѣйствительно новую, очень оригинальную и до такой степени простую и удобоисполнимую, что остается только удивляться тому, какимъ образомъ она могла оставаться до сихъ поръ новою и оригинальною въ Германіи, въ классической странѣ педагогики. Впрочемъ, одна изъ характеристическихъ особенностей всѣхъ замѣчательныхъ умовъ состоитъ именно въ томъ, что они умѣютъ открывать новыя стороны въ тѣхъ предметахъ, которые всѣмъ давно извѣстны и всѣмъ давно успѣли намозолить глаза. А потомъ, когда замѣчательный умъ подаетъ новую мысль, тогда всѣ начинаютъ удивляться тому, какъ это они сами давнымъ-давно не додумались до такой простой и очевидной истины.

VI.

«Для того, продолжаетъ Фирховъ, чтобы большинство молодыхъ

дѣвушкамъ могли изучить практическую часть педагогики, надо воспользоваться тѣми учрежденіями, которыя находятся подъ руками и которыя могутъ быть созданы повсемѣстно, каждою общиною (Gemeinde) и каждымъ обществомъ (Verein). Я подразумѣваю здѣсь заведенія для храненія маленькихъ дѣтей (Kleinkinderbewahranstalten), такъ называемыя ясли (Krippen) и дѣтскіе сады (Kindergärten). Они совершенно приспособлены къ тому, чтобы играть въ развитіи созрѣвающего женскаго поволенія ту роль, которую играютъ больница и клиника въ образованіи молодого медика. Они могутъ сдѣлаться образовательными заведеніями, въ которыхъ будетъ изучаться на практикѣ воспитаніе дѣтей, какъ съ физической, такъ и съ моральной стороны. Можно пользоваться и другими заведеніями, тамъ, гдѣ они существуютъ, напримѣръ, воспитательными домами (Findelhäuser) и сиротскими пріютами, но ужъ дѣтскіе сады и заведенія для храненія маленькихъ дѣтей можно имѣть почти повсемѣстно.»—Написавши эти слова Фирхова, я вспомнилъ, что очень недавно я встрѣтилъ въ одномъ журналѣ, кажется, въ «Современникѣ», извѣстіе о первомъ дѣтскомъ садѣ, заведенномъ въ Петербургѣ госпожею Любевидъ. Въ самомъ прогрессивномъ изъ русскихъ городовъ, въ Петербургѣ, только-что начинается появляться то, что, по словамъ Фирхова, встрѣчается въ Пруссіи на каждомъ шагу, то есть, почти въ каждой деревнѣ, и ужъ навѣрное въ каждомъ изъ самыхъ маленькихъ провинціальныхъ городковъ. Славапозилы наши имѣютъ полное основаніе порадоваться тому, что мы очень упорно сопротивляемся разлагающему вліянію глетворнаго запада. — «Всѣ эти заведенія, говоритъ Фирховъ далѣе, до сихъ поръ существовали только ради тѣхъ дѣтей, которыя туда принимались, или ради ихъ родителей; иногда съ этими учрежденіями связывались также церковныя цѣли. До сихъ поръ было упущено изъ виду, что, эти заведенія могутъ быть питомниками дѣятельной добродѣтели и основательнаго знанія для женской молодежи, семинаріями хорошихъ матерей и хозяекъ, если только воспользоваться ими для пракческаго наученія педагогики подъ руководствомъ опытныхъ учителей или учительницъ. Такимъ образомъ, къ готовому знанію присоединится готовое умѣнье.—Когда дѣвочка лежитъ еще въ люлькѣ, вы даете ей куклу, и она играетъ ею до тѣхъ поръ, пока подростетъ. Потомъ вы отдаете въ ея распоряженіе кукольную комнату и убираете эту комнату всѣми принадлежностями, какія

вы только можете приобрести. Зачѣмъ это дѣлается? Зачѣмъ, чтобы въ играхъ ребенка подготовить будущую спеціальную дѣятельность женщины; зачѣмъ, чтобы пробудить чувство женщины, чтобы приучить малютку къ заботамъ дѣтской комнаты. Очень хорошо! Но зачѣмъ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Куклу ставить въ уголь. Весь миръ появляется передъ дѣвушкою въ какомъ-то замаскированномъ видѣ. Только въ лицѣ своего собственного ребенка молодая мать встрѣчаетъ снова передъ собою реальный предметъ. Неужели вы не чувствуете, что здѣсь оказывается въ воспитаніи большая ошибка, самая тяжелая изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадаетъ общество? Неужели вы не понимаете, что это грѣхъ—довѣрять живого ребенка такой матери, которая только въ кукольной комнатѣ приготавлилась къ исполненію своихъ серьезныхъ материнскихъ обязанностей? Да еще, къ тому же, такой матери, которой приходится платить дань всѣмъ запутаннымъ условіямъ современной общественной жизни, переполненной суетными удовольствіями, искаженной странными модами, подавленной превратными и суевѣрными понятіями! Эту ошибку можно устранить только тѣмъ, чтобы, вслѣдъ за кукольною комнатою, вести теоретическую подготовку женской школы, а потомъ практическое образованіе дѣтскаго сада». — Этими цитатами я исчерпалъ все содержаніе лекціи Фирхова. Собственно новою можетъ быть названа въ этой лекціи только мысль о практическомъ изученіи дѣтскихъ нравовъ въ дѣтскихъ садахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Но эта мысль очень плодотворна, потому что она въ высшей степени удобоисполнима. Кромѣ того, вся лекція очень замѣчательна, какъ сжатая и дѣльная программа послѣдовательнаго реализма, примѣненнаго къ воспитанію женщины. Эту программу я, въ самомъ началѣ этой статьи, назвалъ *безобидною* въ томъ смыслѣ, что она не испугаетъ никого изъ самыхъ безнадѣжныхъ филистеровъ. Это достоинство очень немаловажное, потому что многія превосходныя идеи остаются неосуществленными единственно по той причинѣ, что онѣ, благодаря своему яркому блеску, однимъ своимъ появленіемъ возбуждаютъ противъ себя оглушительное возраженіе. Программа Фирхова не возбудитъ противъ себя никакого негодованія.

Д. Писаревъ.

М О Р Е:

КАРЛА ФОГТА.

I.

ОРГАПИЧЕСКІЙ МІРЪ.

Не одному юному естествоиспытателю, съ скромнымъ количествомъ талеровъ въ карманѣ, приходится вздыхать по тѣмъ дальнимъ берегамъ, на которыхъ другіе собираютъ богатія жатвы наблюдений и открытій. Подобно тому, какъ художникъ мечтаетъ объ Италіи, такъ зоологъ и ботаникъ обращаютъ свои взоры къ югу, куда ихъ манитъ то очаровательная Виллафранская бухта близъ Ниццы, то Неаполитанскій заливъ, то Мессинскій проливъ съ своимъ «теченіемъ.» Одинъ желаетъ перенестись въ сосѣдство океана, на гранитныя прибрежныя скалы Бретани, другой къ фіордамъ Норвегіи и къ Ланландскимъ прибрежьямъ; иные даже позволяютъ себѣ мечтать о Тихомъ океанѣ, о коралловыхъ островахъ и о тѣхъ заливахъ, гдѣ мангусовыя деревья погружаютъ свои воздушныя корни въ соленыя волны, помогая, такимъ образомъ, сушѣ все дальше и дальше вдвигаться въ море. «Море есть мать всего живого» говоритъ старая пословица, которая съ каждымъ днемъ подтверждается новыми наблюдениями. И такъ, желающій утолить свою жажду у самаго источника жизни—пускай спѣшитъ къ морскому берегу, какъ къ единственной надежной точкѣ отправленія, откуда ему можно изслѣдовать, наблюдать, учиться самому и поучать другихъ.

Живо рисуются въ моей памяти тѣ времена, когда мы, вмѣстѣ съ цвѣтомъ ученаго общества, собирались въ Парижѣ, вокругъ нашего радушнаго амфитріона, Мильнъ-Эдвардса, составляли планы изслѣдованій и обдумывали экспедицію, имѣвшую преимущественной цѣлью осмотрѣть коралловый поясъ Тихаго океана и Антильскихъ острововъ. У меня тогда ничего не было за душой, кромѣ докторскаго диплома да непочатой бодрости новичка; мои изслѣдованія ограничивались одной Швейцаріей; за то всѣ другіе успѣли, частью на собственный счетъ, частью на счетъ правительства, познакомиться съ моремъ. Правительство должноствовало дать корабль, а Мильнъ-Эдвардсу предоставлялось опредѣлить его маршрутъ; каждому изъ естествоиспытателей должна была выпасть на долю отдѣльная область изслѣдованія: кому черви, кому кораллы, кому слизняки, кому рыбы. Предполагалось также взять съ собою физиковъ и химиковъ; корабль предполагалось такъ устроить, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было продолжать работы въ открытомъ морѣ. Морскую болѣзнь мы заранѣе вычеркнули изъ списка угрожавшихъ намъ золь, подобно тому, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, императоръ Францъ Іосифъ вычеркнулъ дефицитъ. — «Надо и вамъ съ нами ѣхать, говорилъ Эдвардсъ; нужды нѣтъ, что вы — иностранецъ; наука не признаетъ этихъ узкихъ разграниченій. Вы должны изучать развитіе морскихъ животныхъ, этотъ предметъ имѣетъ въ настоящее время огромное значеніе. Кювье положилъ въ основаніе систематической зоологіи организацію взрослоаго животнаго, сравнительную анатомію; но въ этой системѣ существуютъ пробѣлы, которые могутъ быть восполнены только съ помощью сравнительной эмбриологіи. Но вы еще не видали моря! Въ такомъ случаѣ, вамъ надо побывать прежде на морскомъ берегу и тамъ хорошенько ознакомиться со всѣми особенностями того поля, на которомъ собираетесь дѣйствовать». — И такъ, объ экспедиціи на казенный счетъ мы пока замолчали и принялись разсуждать о томъ, куда нѣмъ держать путь изъ Парижа; а я, между тѣмъ, разсчитывалъ по пальцамъ, сколько лѣстовъ геологіи и газетной корреспонденціи я долженъ буду исписать, чтобы покрыть путевыя издержки, потому что времена были плохія и въ кармагъ у меня было пусто.

— «Ступайте въ Италію», говорилъ одинъ, или, если хотите, въ Алжиръ, море тамъ, мѣстами, необыкновенно богато. Въ Виллафранскомъ заливѣ и въ Мессинскомъ проливѣ плаваютъ на поверхности воды самыя рѣдкіе и разнообразныя виды; такъ называемыя теченія или водовороты, какъ ихъ называютъ рыбаки, вишня кишатъ стекловидными, прозрачными животными всевозможныхъ родовъ.

Вамъ не нужно другихъ инструментовъ, кромѣ тонкой сѣти, въ родѣ тѣхъ сѣтей, которыми ловятъ бабочекъ, только снабженной болѣе крѣпкой рукояткой и болѣе крѣпкимъ желѣзнымъ концомъ; двухъ-трехъ стеклянныхъ чашекъ и нѣсколькихъ большихъ цилиндрическихъ стакановъ; а этотъ приборъ можно вездѣ достать. Выбравъ ясную погоду, когда море не шелхнется, вы выѣзжаете съ дочникомъ и пристально вглядываетесь въ зерцальную поверхность. Какъ скоро на мелкой ряби вы замѣчаете такія полосы, которыя, не смотря на вѣтерокъ, остаются гладкими....

— Мнѣ эти полосы хорошо знакомы еще по Нейенбургскому озеру, отвѣчалъ я. Тамъ намъ часто попадались подобныя полосы, и мѣста, которыя казались будто залитыми масломъ. Быть можетъ, причина этого явленія заключаются въ присутствіи микроскопическихъ животныхъ и растений, которыя поднимаются изъ глубины и оказываютъ на движеніе водной поверхности то же дѣйствіе, какъ и масло. Наши рыбаки называютъ ихъ фонтанами. У Виллафранскихъ рыбаковъ они извѣстны подъ названіемъ теченій (courants).

— Такъ вотъ къ этимъ-то полосамъ вы и плывите; и вы соберете съ нихъ богатую добычу. Тамъ толчется и плаваетъ все, что вообще можетъ толочься и плавать на поверхности воды: цѣлыя стада акалефовъ различныхъ видовъ, а между ними отдѣльные экземпляры моллюсковъ, хищныя улитки, красивыя крылоногія улитки, похожія на бабочекъ, у которыхъ изъ тонкой, прозрачной раковины выходятъ два крылообразныхъ плавательныхъ пера, съ помощью которыхъ онѣ какъ-будто летаютъ въ водѣ; тутъ же встрѣтите вы цѣлыя колоніи веселыхъ плавающихъ полиповъ, раковъ всевозможныхъ породъ, изъ которыхъ одни дѣйствительно принадлежатъ въ раковиднымъ животнымъ, другіе же представляютъ только переходный видъ; наконецъ личинки, которымъ суждено впоследствии преобразиться въ иную форму. Да и кромѣ того, какой богатый выборъ всевозможныхъ экземпляровъ найдете вы на рыбномъ рынкѣ; тамъ выставляется все съѣдомое, начиная отъ рыбъ и кончая раками, краббами, каракатицами, морскими ежами, раковинами, различными червяками и «морскими плодами» (frutti di mare), какъ ихъ называютъ итальянцы, пожирающіе ихъ большею частью сырыми, точь въ точь какъ мы ѣдимъ устрицы. Наконецъ, какое множество губокъ, неподвижныхъ полиповъ и коралловъ, актиній, водорослей, плащеносковъ и другихъ организмовъ живетъ въ старыхъ стѣнахъ корабельныхъ верфей, въ набережныхъ гаваней и въ камняхъ, валяющихся на землѣ. Чего-чего

тамъ не копошится! И маленькіе раки съ краббами, и улитки въ раковинахъ и безъ раковинъ, и морскіе зайцы, и міриады всевозможныхъ червей. Стоитъ только поскоблить лопатой уголокъ каменной стѣны или опрокинуть камень, и вотъ вы запаслись матеріаломъ для изученія на цѣлую недѣлю. Прибавьте къ этому зеркальную прозрачность водъ залива, куда не проникаютъ даже самыя сильныя бури. Нѣтъ, непременно ступайте въ Ниццу, въ Виллафранку, на берегъ Средиземнаго моря!

— Средиземное море Средиземнымъ моремъ, замѣчалъ другой, но и океанъ не уступитъ ему въ свѣтлой прозрачности; а кромѣ того, онъ имѣетъ одно великое преимущество — это преимущество прилива и отлива. Въ Средиземномъ морѣ вамъ приходится ограничиваться въ вашихъ изслѣдованіяхъ всегда одинаковымъ уровнемъ; вамъ доступно только то, что вы можете достать рукою; изслѣдованіе на большей глубинѣ становится уже затруднительнымъ. Водолазный колоколь или дыхательный снарядъ полковника Полена, посредствомъ котораго свѣжій воздухъ накачивается подъ воду, — не подъ силу одному человѣку. Средиземное море, я согласенъ, представляетъ большее разнообразіе видовъ, чѣмъ океанъ, но ваши изслѣдованія зависятъ отъ прихоти вѣтра, волнъ и теченія. Чуть подулъ нѣсколько сильный вѣтеръ, — всѣ морскія животныя скрываются съ поверхности воды; а рыться около стѣны и въ каменьяхъ также не очень пріятно въ такую погоду. Но, кромѣ того, даже и въ тихую погоду вы находитесь въ зависимости отъ случая. Сегодня бухта кишмя кишитъ акалефами, плавающими полипами и т. п. тварями; завтра, при совершенно такой же погодѣ, отъ нихъ простылъ и слѣдъ. Вы начали работу, но животныя, которыми вы пользовались, погибли, начинаютъ разлагаться, и вотъ вамъ подъ часъ приходится ждать цѣлыя недѣли, даже мѣсяцы, пока снова попадется тотъ же типъ. Подобную неудачу я испыталъ съ великолѣпными синими акалефами. Однажды весною они показались роями у берега. Трупки ихъ образовали синюю каемку на желтоватомъ прибрежномъ пескѣ, куда ихъ выбросило волнами. Рыбаки приносили ихъ массаами отвсюду, и я принялся за изслѣдованіе, обѣщавшее много очень любопытныхъ результатовъ. Это продолжалось три-четыре дня; я и днемъ, и ночью работалъ съ микроскопомъ, дѣлалъ вскрытія и инсекціи; голова у меня шла кругомъ, и я радовался, какъ нищій, нашедшій кладъ, — и вдругъ все пропало! Мои акалефовы точно и не бывало; мои замѣтки и рисунки валяются ненужнымъ хламомъ въ моемъ бюро; съ той поры про-

шло уже шестнадцать мѣсяцевъ, а друзья пишутъ мнѣ изъ Ниццы, что этой породы и до сихъ поръ тамъ видома не видать.

— И такъ, продолжалъ совѣтникъ, если вы хотите меня послушаться, то изберите для своей первой экспедиціи какое нибудь скалистое побережье съ приливомъ и отливомъ. Ступайте въ Бретань, въ Сенъ-Мало или въ Біарицъ; словомъ, въ такое мѣсто, куда мода еще не привлекла толпы охотниковъ до морскихъ купаній и гдѣ вы можете спокойно жить и работать. У нашихъ западныхъ береговъ по сосѣдству съ Ла-Маншемъ разница между самымъ высшимъ и самымъ низшимъ уровнемъ воды въ сильные прибои, бывающіе во время полнолуныя и новолуныя, бываетъ иногда въ десять, двадцать, тридцать и даже сорокъ футовъ. И такъ, выберите себѣ мѣсто, изобилующее небольшими заливами, врѣзывающимися въ скалы; всего лучше, если эти скалы будутъ гранитныя и сланцовыя, потому что на этихъ породахъ камней всего охотнѣе осаживаются морскія растенія, водоросли и лучицы; и вы можете быть заранѣе увѣрены въ успѣхѣ. Формы не такъ разнообразны, какъ въ Средиземномъ морѣ, но вы за то менѣе подвергаетесь опасности перепрыгивать отъ одной къ другой и дробить, такимъ образомъ, вашу дѣятельность, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать ее въ одномъ какомъ нибудь направленіи. Потомъ, совѣтую вамъ, идти за волями, когда онѣ отливаютъ; тутъ вамъ обыкновенно будетъ сопутствовать мѣстное населеніе, которое пользуется отливомъ, чтобы заготовить морскими продуктами, составляющими главную его пищу. Въ углубленіяхъ, образовавшихся на поверхности скалъ, въ рытвинахъ, промытыхъ въ песокъ волнами, остались всѣ тѣ морскіе обитатели, которые не успѣли воротиться назадъ вмѣстѣ съ отливомъ. Эти углубленія кишатъ краббами и раками, слизняками и червями, улитками и раковинами. Скалы усѣяны губками, актиніями, морскими жолудями, плоченосками, устрицами, ракушками, пателетами и пр. Все это населеніе, крѣпко съжившись, дожидается той минуты, когда возвращающійся приливъ позволитъ ему снова расправить свои покровы. Прибрежное населеніе охотится за тѣми изъ этихъ животныхъ, которыя употребляются въ пищу. Креветки, раки и крабы ловятся неводами; ушанки, устрицы и пателеты соскабливаются острымъ желѣзомъ со скалъ. Но вы, какъ скоро вамъ посчастливилось отыскать въ промойнѣ колонію задержанныхъ тамъ животныхъ, которыхъ вы задумали изучить, можете быть увѣрены, что при каждомъ отливѣ найдете ихъ на прежнемъ мѣстѣ. Промойны служатъ вамъ кладовою, ключъ отъ которой вручается вамъ дважды въ день.

Естественно-научные поиски—таже своего рода охота; тотъ, у кого чувства не притупились для внѣшняго міра, кто умѣетъ отдавать себѣ отчетъ о малѣйшихъ перемѣнахъ, вызываемыхъ теченіемъ, почвою, погодою, временемъ дня и года, и умѣетъ въ то же время извлекать практическую пользу изъ своихъ наблюденій, тотъ подѣлтитъ многое тамъ, гдѣ другіе ничего не увидятъ, если только ему мало-мальски повезетъ счастье. Но охотникъ можетъ тогда только сказать, что онъ знаетъ свое отъѣзжее поле, когда онъ въ продолженіи долгаго времени обходитъ его изо дня въ день; такъ и естествоиспытатель долженъ пробыть многіе годы на одной какой нибудь точкѣ морского берега, чтобы основательно познакомиться съ нею. Новичокъ, впервые посѣщающій берегъ моря, много-много что успѣетъ приобрести поверхностный общій взглядъ; даже опытный изслѣдователь потеряетъ много дней и даже недѣль прежде, чѣмъ узнаетъ лучшія мѣста. Прибавьте къ этому что поѣздка и пребываніе на мѣстѣ изслѣдованія должны укладываться въ короткій срокъ нашихъ университетскихъ ваканцій; а эти вакансии вслѣдствіе стараго, бессмысленнаго обычая, раздроблены, по крайней мѣрѣ, въ Германіи на два и даже на четыре неравные промежутка. Много времени приходится такимъ, образомъ, терять даромъ; тѣмъ болѣе, что, по милости нашихъ уставовъ, воспрещается испрашивать себѣ отпускъ на болѣе долгій срокъ, даже по случаю болѣзни. Здѣсь я касаюсь большаго пробѣла въ ходѣ нашего естественнаго образованія. Всѣ теперь убѣдились, что въ точныхъ наукахъ практическое преподаваніе, практическое участіе въ дѣлѣ въ 1000 разъ приносятъ болѣе пользы учащемуся, чѣмъ теоретическія лекціи. Такъ, напримѣръ, еще немного лѣтъ тому назадъ, микроскопъ представлялся студенту чѣмъ-то въ родѣ «не тронь меня»; онъ приближался къ нему съ священнымъ ужасомъ и притаивъ дыханіе, когда профессоръ приглашалъ его взглянуть въ него. Теперь же вы не найдете ни одного студента медицины, который бы вышелъ изъ университета, не умѣя на столько владѣть этимъ инструментомъ, чтобы быть въ состояніи производить имъ самостоятельныя наблюденія. И во всѣхъ отрасляхъ знанія замѣтены тотъ же прогрессъ въ дѣлѣ практики. Тамъ, гдѣ прежде считались достаточными, для нагляднаго обученія, простыя коллекціи, тамъ требуются теперь цѣлыя лабораторіи. Только на берегу моря еще недостаетъ намъ подобныхъ лабораторій.

А между тѣмъ, море, какъ мать всего живого, представляетъ единственную удобную почву, на которой описательное естествознание, сравнительная анатомія, физиологія и эмбриологія могутъ

пустить глубокие корни; такъ что, по моему мнѣнію, дальнѣйшій ходъ прогресса долженъ непремѣнно ознаменоваться учрежденіемъ, на ряду съ метеорологическихъ станціями, зоологическихъ обсерваторій на морскихъ берегахъ; пускай эти обсерваторіи будутъ такъ устроены, чтобы всякому, какъ туземцу, такъ и иностранцу, были въ нихъ доступны аппараты, необходимые для наблюденій въ большихъ размѣрахъ, — аппараты, которые частное лицо не можетъ возить съ собою.

Когда мой другъ, знаменитый физикъ Маттеучи, былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ Италіи, я предложилъ ему однажды этотъ планъ. Онъ схватился за него съ тѣмъ жаромъ, который возбуждало въ немъ всякое доброе начинаніе, всякая мѣра, обѣщавшая способствовать прогрессу науки. — «Ощественное обученіе чахнетъ у насъ, сказалъ онъ: — наши патеры его заѣдаютъ. Реорганизациія — дѣло трудное и можетъ только подвигаться съ крайнею медленностью. У насъ нѣтъ недостатка въ учащихъ, но учебныя силы у насъ плохи. Прежде всего намъ нужно образовать молодежь, которая желала бы и умѣла бы учиться, и была бы въ состояніи самостоятельно трудиться надъ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ; тогда учебное дѣло, при врожденной понятливости нашего народа, пойдетъ какъ по маслу. Твоя идея хороша, но мы должны изыскать способъ примѣнить ее къ существующимъ обстоятельствамъ. Практическая школа для желающихъ посвятить себя преподаванію точныхъ наукъ, и притомъ такая школа, въ которой сосредоточились бы лучшія научныя силы, могла бы принести неизмѣримую пользу. Профессорамъ и академикамъ, занимающимъ кафедры въ подобномъ заведеніи, не было бы никакой надобности читать методическія лекціи. Молодые люди, поступающіе въ него, должны уже быть достаточно знакомы съ теоретическою стороною дѣла; задача ихъ должна заключаться въ усвоеніи практическихъ методовъ научнаго изслѣдованія». — Ты правъ, отвѣчалъ я, и лучшимъ мѣстомъ для подобнаго учрежденія былъ бы Неаполь. Тамъ не мало королевскихъ замковъ, которые только при подобномъ употребленіи могли бы съ пользою продолжать свое существованіе. Тамъ у насъ водъ рукою и суша, и море, и вулканы, — словомъ все, чѣмъ природа такъ заманчива для нашей любознательности, собрано на небольшомъ пространствѣ. Лабораторіи надо устроить какъ можно просторнѣе и снабдить ихъ возможно-большимъ запасомъ нужныхъ аппаратовъ, такъ чтобы путешественнику-естествоиспытателю оставалось только сложить въ гостиницѣ свой чемоданъ

и прямо приступить къ своимъ занятіямъ. Скорѣе, карандашъ и бумагу, набросаемъ планъ и составимъ смѣту расходовъ!»

Но нѣсколько недѣль спустя министерство пало вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, и нашъ прое́ктъ не сдѣлалъ вы́деннаго яйца.

Свойства берега, составъ почвы и глубина имѣють огромное значеніе при ислѣдованіи организмовъ, живущихъ въ морѣ. Обитатели скалнстыхъ прибрежій рѣзко отличаются отъ обитателей песчаной почвы или гравія; въ тинѣ живутъ одни организмы, въ твердой глинѣ другіе. Даже самыя незначительныя измѣненія въ составѣ почвы тотчасъ же отзываются на животныхъ и растеніяхъ, ее обитающихъ. Морскіе жолуди (баланы) и тому подобныя усногія животныя, раковина которыхъ можетъ герметически закупориваться, всего болѣе любятъ кристалловидные камни, глиммеръ, гранитъ и гнейсъ. Нерѣдко они гнѣздятся на такой высотѣ, что только самыя сильныя приливныя валы могутъ доставлять имъ воду, необходимую для дыханія, и атомы для пищи. На этихъ же утесахъ кристалловидной породы растетъ и большая часть водорослей; эти водоросли образуютъ нерѣдко настоящіе лѣса, желтозеленыя и красноватыя листья которыхъ, обнажаемые отливомъ, дѣлають почву до того скользкой, что по ней можно ступать только съ крайней осторожностью. Тутъ встрѣтите вы и ламинарии, листья которыхъ нерѣдко разрастаются въ ладонь ширины, при нѣсколькихъ локтяхъ длины, и пузырчатыя водоросли съ сучковидными стеблями, сѣменные узелки которыхъ наполняются воздухомъ и плавають по водѣ; среди этой-то растительности укрываются въ мутной влагѣ безчисленныя улитки, трубчатки, моллюски, даже морскія звѣзды и морскіе ежи, плотно закупорившись въ свои раковины въ ожиданіи прилива. Въ безчисленныхъ разщелинахъ камней гнѣздятся губки, неподвижныя плащеноски и актиніи; во время отлива эти животныя втягивають въ себя свои щупальцы, подчасъ играющіе самыми яркими цвѣтами, и, свернувшись въ клубокъ, до того сжимають свою жесткую кожу, что она становится хрящеватой и оказываетъ сопротивленіе ножу. Утесы изъ кристалловидныхъ горныхъ породъ, безспорно, представляютъ самую удобную почву для развитія водной фауны и флоры.

Известковый грунтъ имѣетъ своихъ, ему одному свойственныхъ обитателей. Морскіе ежи, правда, пробуравливають себѣ иногда жилища, ужъ Господь ихъ вѣдаетъ какъ, въ самыхъ твердыхъ кремняхъ; но всего плотнѣе сверлятъ они свои круглыя норки въ болѣе мягкомъ известнякѣ; за то жолуди исключительно сверлятъ свои норки въ известняковыхъ камняхъ и въ отвердѣвшей глинѣ,

причемъ забираются такъ глубоко, что животное, успѣвшее вырасти во время своей работы, никогда уже не можетъ болѣе покинуть имъ же самимъ выкопанное убѣжище. Миловидный коралловый мохъ, который долго причисляли къ животному царству, тогда какъ онъ, въ сущности, принадлежитъ къ растительному, — красивые павлиновые хвосты (*Padina pavonia*), губчатые поросли (*Acetabulum*) совершенно походяшія съ виду на обыкновенный шампиньонъ. Всѣ эти растенія тоже всего болѣе любятъ известковую почву, изъ которой они извлекаютъ известъ, покрывающую и пропитывающую ихъ ткани. Но изъ всѣхъ породъ известковаго грунта, коралловый грунтъ всего гуще заселенъ. Во-первыхъ, въ немъ находите вы сампхъ коралловъ, эти тысячелѣтніе оплоты нѣкоторыхъ прибрежій и острововъ, сооружавшіеся мало по малу изъ милліоновъ маленькихъ полиповъ, нараставшихъ другъ на друга. Трудно найти болѣе оригинальный и строго коммунистическій бытъ, какъ бытъ этихъ полиповъ. Нигдѣ также не найдете вы болѣе тѣсныхъ семейныхъ узъ, какъ у этихъ животныхъ у которыхъ дитенышъ цѣлую жизнь проводитъ, прилѣпившись къ тѣлу матери, и одно поколѣніе селится на скелетахъ своихъ предшественниковъ, съ которыми остается неразлучно даже послѣ смерти. Трудно представить себѣ болѣе полную общность имуществъ, какъ у этихъ маленькихъ существъ: пищевой мѣшокъ cadaго изъ нихъ находится въ связи съ системою каналовъ, вѣтви которой проходятъ по всей массѣ сплоченныхъ между собою коралловъ, такъ что каждый полипъ, которому удалось поживиться добычей, отдаетъ въ общую сокровищницу какъ излишекъ своей пищи, такъ и продуктъ своего пищеваренія. У этихъ животныхъ все общее: и наслажденье, и трудъ; а трудъ на нихъ лежитъ не малый: шутка ли воздвигать со дна морского цѣлыя скалы и стѣны, благодаря которымъ, части моря превращаются въ тихія лагуны и озера, имѣющія сообщеніе съ моремъ только посредствомъ узкихъ проливовъ; сердито хлещутъ валы о виѣшнюю окраину рифовъ, отрываютъ отъ нихъ глыбу за глыбой и прокапываютъ брешь, но новые милліоны полиповъ, быстро распложаясь, снова сглаживаютъ слѣды этихъ опустошеній. Эти-то дырявые вѣтвеобразные коралловые рифы, по всѣмъ направленіямъ изборозжденные расщелинами, служатъ жилищемъ безчисленному множеству животныхъ. Сюда стекаются морскіе лещи и другія рыбы съ твердыми, какъ камень, зубами: полипники; благодаря своему живому содержимому, составляютъ для нихъ лакомый кусокъ; они обглаживаютъ ихъ ни дать, ни взять, какъ овцы гложутъ мягкую траву. На той сторонѣ утесовъ, о которую ударяется приливъ, живутъ улитки съ толстыми раковинами, раз-

ные моллюски и морские ежи, вообще такія животныя, которымъ нечего бояться нѣскольکو рѣзкаго вѣтра и сильнаго прибоа; со-всѣмъ иную картину представляетъ сторона утесовъ, обращенная къ лагунамъ и усѣянная мелкимъ, ослѣпительно-бѣлымъ коралловымъ пескомъ. Здѣсь, въ мирномъ затишьи, гнѣздятся тѣ породы улитокъ, моллюсковъ и морскихъ ежей, покрывка которыхъ не толще листа бумаги; тутъ же найдете вы и нѣжныхъ мшанокъ, служащихъ какъ бы кружевнымъ уборомъ Нептуну. Ярво-цвѣтныя голыя улитки ползаютъ по всѣмъ направлениамъ и съ помощью своихъ колючихъ язычковъ, вытаскиваютъ коралловыхъ полиповъ изъ ихъ убѣжища; раки въ тонкихъ, прозрачныхъ панциряхъ копошатся въ землѣ. Словомъ, породы распределены здѣсь сообразно съ условіями, необходимыми для ихъ существованія: на сторонѣ, обращенной къ бурливому морю поселились животныя, обладающія толстыми покровами; это все народъ неизнѣженный, умѣющій поспорить съ непогодю; внутри же, по сосѣдству съ безвѣтренной лагуной, располагаются животныя съ болѣе нѣжной организаціей, заставляющей ихъ предпочитать тихія воды и мирный образъ жизни.

Грязь и песокъ имѣютъ точно также свои особенности. Твердая глина, имѣющая почти одинаковую степень твердости съ каменистою почвою, часто бываетъ любимымъ мѣстопробываніемъ устрицъ, которыя впрочемъ уживаются и въ скалистой почвѣ, и въ тяжеломъ пескѣ; примѣръ тому мы видимъ въ Канкальскомъ заливѣ, гдѣ песокъ до того твердъ подъ водою, что нога человѣческая почти не оставляетъ на немъ отпечатка. Но всего чаще попадаютъ на глинистыхъ меляхъ тѣ устричныя колоніи, на размноженіе которыхъ правительствамъ и обществу не мѣшало бы обращать вниманіе, такъ какъ потребленіе устрицъ со дня на день увеличивается. Въ глину же, въ песокъ или въ тину зарываются тѣ безчисленныя раковины, которыя, съ помощью болѣе или менѣе длинныхъ дыхательныхъ трубочекъ, накачиваютъ въ глубину своихъ норокъ воду, необходимую имъ для дыханія, которую онѣ потомъ пропускаютъ непрерывнымъ потокомъ сквозь свое тѣло. Въ рыхломъ пескѣ преимущественно скрываются трубчатники, сверлянки, строящія себѣ изъ песчинокъ углыя жилища; золотомъ отливающія амфитриты, съ золотыми лучистыми вѣточками, неуклюжіе, толстые песчаники, похожіе на земляныхъ червей и употребляемые, какъ приманка при ловлѣ акулы, трески и камбалы. На песчаныхъ берегахъ Бретани и на побережьи Сѣвернаго моря, женщины, дѣвушки и даже мальчики, негодящіяся еще въ работу на баркахъ,

отправляются аккуратно во время каждого отлива, как днем, так и ночью, вооружившись заступомъ, выкапывать песчаниковъ изъ ихъ норъ, которыя легко распознать по небольшой, шарообразной насыпи, увѣнчанной посрединѣ песочною кучкою въ формѣ завѣта.

Не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что свойства почвы оказываютъ подобное же влiянiе и на значительной глубинѣ. Такъ, на значительномъ протяженiи между оконечностями Ирландiи и материкомъ Сѣверной Америки, протяженiи, вдоль котораго идетъ электрической телеграфъ и которое потому извѣстно подъ именемъ телеграфной плоскости, пробовали опускать лотъ въ страшную глубину 10,000 футовъ и почти ничего не доставали со дна, кромѣ мѣловой грязи; грязь эта, разсмотрѣнная въ микроскопъ, оказалась составною изъ миллионовъ известковыхъ раковинъ, микроскопическихкихъ животныхъ, такъ называемыхъ ризонодовъ (корненожекъ); со дна же Средиземнаго моря не удавалось добыть подобной грязи. Спрашивается, не въ правѣ ли мы искать причины этого явленiя преимущественно въ особенностяхъ почвы, хотя, конечно, оно и должно быть отнесено отчасти на счетъ морскихъ теченiй въ глубинѣ океана?

Но однѣ особенности почвы не могутъ обуславливать того разнообразiя, которое мы встрѣчаемъ въ природѣ. Тутъ должны дѣйствовать еще и другiя причины, о которыхъ мы уже разъ упомянули, говоря о кораллахъ. Движенiе воды играетъ далеко не маловажную роль при распредѣленiи организмовъ. Такое-то растенiе, такое-то животное любить быстро крутящiяся водовороты; другiе же, напротивъ, предпочитаютъ созерцательнoспокойный образъ жизни въ тихихъ, почти стоячихъ водахъ. Въ расщелинахъ утесовъ подъ крѣпостью въ Ниццѣ, въ ущельяхъ, въ которыя вода съ ревомъ падаетъ съ высоты и, стѣсненная въ своемъ теченiи, нерѣдко грохочетъ, подобно пушечнымъ выстрѣламъ, мнѣ случалось еще находить горизонтальныхъ улитокъ и багрянокъ; въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, о которыхъ съ такою силою ударялись волны, я находилъ трубоороговъ; боковыя же расщелины были буквально облѣплены губками, плащеносками и гибкими роговыми кораллами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бурливо клокочутъ волны, всѣ животныя съ твердымъ покровомъ приобрѣтаютъ болѣе крѣпкiй панцирь; толщина его, порою, до того увеличивается, что вы принимаете ихъ за совершенно отдѣльные виды, неимѣющiе ничего общаго съ родственными видами, живущими въ продолженiи многихъ поколѣнiй, въ сравнительно тихихъ водахъ. И въ виду-то подобныхъ фактовъ, такъ убѣдительно говоря-

щихъ о вліяніи внѣшнихъ условій, осмѣливаются оспаривать ту истину, что видъ можетъ преобразовываться въ борьбѣ за существованіе и приспособляться къ различнымъ условіямъ этой борьбы!

Но не всѣ теченія океана зависятъ отъ направленія вѣтра или отъ прилива и отлива; есть и такія, которыя подвержены совершенно инымъ законамъ и постоянно продолжаютъ въ одномъ и томъ же направленіи; и только въ весьма недавнее время удалось намъ изслѣдовать съ большею опредѣлительностью направленіе подобныхъ теченій. Изъ Атлантическаго океана есть теченіе черезъ Гибралтарскій проливъ въ Средиземное море, и теченіе это до того замѣтно, что у мореплавателей существуетъ выраженіе: «плыть вверхъ или внизъ по дорогѣ», точъ въ точъ какъ у кондукторовъ говорится о поѣздкахъ взадъ и впередъ по столбовой дорогѣ. Мексиканскій заливъ постоянно шлетъ къ намъ на европейскій берегъ черезъ океанъ свои темныя воды, и вліяніе этого теченія такъ сильно, что западные берега Франціи, Англии и Норвегіи обладаютъ сравнительно, самымъ теплымъ климатомъ на земномъ шарѣ. О размѣрахъ этого вліянія мы можемъ судить уже изъ того, что искомый проходъ на сѣверо-западѣ сѣверо-американскаго материка предполагается на одной широтѣ съ Гаммерфестомъ, и что, слѣдовательно, Франклинъ погибъ на томъ же разстояніи отъ полюса, на которомъ въ Норвегіи море не замерзаетъ круглый годъ, а лѣтомъ тамъ воздѣлываютъ ячмень и картофель.

Эти-то морскія теченія, отъ которыхъ идутъ другія, побочныя вѣтви, имѣютъ огромное значеніе для естествоиспытателя, потому что отъ нихъ зависитъ распредѣленіе плавающихъ морскихъ животныхъ. Атлантическое теченіе несетъ на сѣверъ и выбрасываетъ на берега Франціи, Англии и Норвегіи множество южныхъ породъ, каковы, напр. голотурія, «военный корабль» (*Physalia*) съ своимъ большимъ голубымъ плавательнымъ пузыремъ, отливающимъ разнообразными цвѣтами радуги; пузырь этотъ украшенъ, точно драгунская каска, продольнымъ гребнемъ, а подъ нимъ живетъ и плодится цѣлая колонія полиповъ, производящихъ сильную боль на кожѣ своими колючими щупальцами. Если Мессинскій заливъ такъ богатъ мелкими акалефами, плавающими личинками, морскими ежами, крылоногими улитками и раками, то этимъ онъ въ значительной степени обязанъ теченію, которое проходитъ между Сециллою и Харибдою и въ самомъ заливѣ описываетъ кругъ. Въ Тромзоскомъ проливѣ намъ случилось бросить якорь среди такого водоворота, который по цѣлымъ днямъ крутилъ вокругъ насъ оторванныя поросли, куски дерева, листья, а съ ними вмѣстѣ и раз-

личныя породы акалефовъ, раковъ и маленькихъ рыбъ, которыя водоросли служили убѣжищемъ.

Если какое нибудь изъ этихъ животныхъ ускользало отъ нашего невода съ одной стороны корабля, то намъ стоило только перейти на другой бортъ, чтобы тотчасъ же снова отыскать его. Не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что подобныя же условiя существуютъ и въ глубинѣ моря. Существованiе и тамъ такихъ же теченiй положительно доказано, только теченiя эти мало изслѣдованы, такъ какъ они не имѣютъ значенiя для мореплаванья и принимаются въ соображенiе только при изслѣдованiи морского дна на значительной глубинѣ. Не можетъ быть также никакого сомнѣнiя, что эти подвижныя теченiя, вмѣстѣ съ различными осадками морского дна, уносятъ мѣстами и легчайшiе, и наиболѣе подвижныя организмы, мѣстами же сгущиваютъ ихъ въ большихъ массахъ, такъ что и на днѣ морскомъ распределенiе органической жизни далеко не вездѣ равномернo. Что же касается телеграфной плоскости между Ирландiею и Ньюфаундлендомъ, о которой было говорено выше и гдѣ на глубинѣ 10,000 футовъ нашли толстый слой микроскопическихъ корненожекъ, то дальнѣйшiя изысканiя должны показать: принадлежитъ ли дѣйствительно этотъ слой къ наноснымъ пластамъ, образованнымъ черезъ морскiя теченiя.

До сихъ поръ я говорилъ только о близлежащихъ моряхъ; а теперь скажу нѣсколько словъ объ океанѣ. И здѣсь, такъ же какъ и на сушѣ, мы встрѣчаемся съ общимъ закономъ, которому всюду подчиняется жизнь: тепло порождаетъ разнообразiе, холодъ—однообразiе.

Чтобы лучше выяснитъ это, я оставляю на время море и скажу нѣсколько словъ объ органической жизни на сунгѣ.

Попробуемъ ли мы въ тропическихъ странахъ взобраться на тѣ высоты, гдѣ снѣгъ никогда не таетъ, или же окинемъ взглядомъ все пространство земного шара отъ поворотныхъ круговъ и до полюсовъ, вездѣ бросается намъ въ глаза одно и то же явленiе: разнообразiе видовъ, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ, сокращается по мѣрѣ того, какъ мы вступаемъ въ болѣе холодныя поясы. Ботаники давно уже доказали этотъ фактъ посредствомъ сопоставленiй; то же сдѣлали и зоологи. Чтобы еще тщательнѣе убѣдиться въ немъ, достаточно броситъ взглядъ на окружающую насъ природу. Чѣмъ дальше мы подвигаемся къ сѣверу, тѣмъ болѣе, въ общемъ характерѣ растительности, выступаютъ лѣса и луга и тѣмъ однообразнѣе становятся въ своемъ произрастенiи какъ тѣ, такъ и другiе. У насъ, въ умѣренномъ климатѣ,

еще можно говорить о луговых коврахъ, красующихся во время цвѣта самымъ яркимъ разнообразіемъ красокъ. Далѣе на сѣверѣ луга эти скорѣе можно сравнить съ одноцвѣтнымъ фономъ, окрашеннымъ сплошь въ голубой, желтый или красный цвѣтъ. У насъ въ лѣсахъ еще господствуетъ смѣшеніе различныхъ хвойныхъ породъ съ лиственными; на сѣверѣ же мрачныя ели нигдѣ не отбѣняются болѣе свѣтлою листвою. Но по мѣрѣ того, какъ мы движемся на югъ, лугъ исчезаетъ и уступаетъ мѣсто саваннѣ, необозримой равнинѣ, усыпанной тысячами различныхъ травъ; лѣсъ становится паркомъ, въ которомъ почти буквально, что ни дерево, то новая порода.

Въ животномъ царствѣ поражаетъ то же разнообразіе близвъ тропиковъ и та же бѣдность на сѣверѣ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ хоть оленя. Въ нашихъ странахъ существуютъ четыре представителя этой породы: обыкновенный олень, лось, козуля и лань; на сѣверѣ же всего только одинъ: сѣверный олень, который за то, правда, водится стадами. Можно почти принять за правило, что ни одинъ типъ, ни одна порода, имѣющая своихъ представителей на сѣверѣ, не исчезаетъ совершенно на югѣ; но югъ, врозь того, обладаетъ множествомъ другихъ породъ, которыхъ и знать не знаютъ на сѣверѣ. Сравните перечень норвежскихъ млекопитающихъ или птицъ съ перечнемъ бразильскихъ или индійскихъ, и вась поразитъ бѣдность сѣвера по сравненію съ богатствомъ юга. Цѣлыхъ порядковъ вовсе не существуетъ на сѣверѣ; другіе же, обнимающіе на югѣ цѣлыя дюжины семействъ и цѣлыя сотни видовъ, имѣютъ своимъ представителемъ на сѣверѣ всего одинъ какой нибудь видъ.

То же явленіе замѣчается и въ жизни моря. Полипы и акалефы, моллюски и улитки, каракатицы и раки, даже рыбы утрачиваютъ разнообразіе видовъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу; единственнымъ исключеніемъ являются, повидимому, морскія млекопитающія: тюлени, дельфины и киты; но и тутъ, если всмотрѣться поближе, число типовъ недалеко ушло отъ вышеупомянутыхъ породъ. Подробное разсмотрѣніе этого явленія завело бы меня слишкомъ далеко; довольно будетъ упомянуть, для примѣра рыбъ, четыре породы: треска, сеledка, лосось и камбала составляютъ девять десятыхъ всего рыбьяго населенія Ледовитаго океана и сѣверной части Нѣмецкаго моря, такъ что на долю остальныхъ породъ приходится всего одна десятая. Если мы при этомъ припомнимъ безконечное разнообразіе типовъ, заселяющихъ тропическія моря, то насъ не-

вообще приваждаетъ въ изумленіе отсталость развитія органической жизни на сѣверѣ.

Впрочемъ, эта отсталость ограничивается развитіемъ видовъ и отнюдь не мѣшаетъ многочисленности индивидуумовъ въ каждомъ отдѣльномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи даже трудно сказать, какому изъ морей отдать предпочтеніе, — тропическому или полярному. Вспомнимъ безчисленныя стада трески, селедокъ, сарделей и другихъ породъ, покрывающихъ иногда море на протяженіи пѣлыхъ миль; вспомнимъ зеленыя и красныя пятна, извѣстныя у матросовъ подъ именемъ лужакъ, наволающихъ иногда пѣлые градусы широты; первыя изъ этихъ пятенъ состоятъ изъ миллионовъ маленькихъ акалефовъ и крылоножекъ, съ жадностью пожираемыхъ китамъ; вторыя же образуются изъ сгруппированія брѣшечныхъ раковъ, имѣющихъ никакъ не болѣе одной линіи длины и поглощаемыхъ въ несмѣтныя количества китомъ, который ловитъ ихъ, плавая по поверхности воды съ пассивно-разинутою пастью. Вспомнимъ также стада морскихъ птицъ, одинъ видъ которыхъ иногда заключаетъ въ себѣ сотни тысячъ индивидуумовъ, такъ что полетъ ихъ омрачаетъ воздухъ, а когда онѣ спускаются на море за добычей, то морская поверхность принимаетъ видъ пространства, устланнаго черными базальтовыми камнями; вспомнимъ, наконецъ, планктонъ водорослей, образующія настоящіе луга и лѣса; водоросли эти такъ тѣсно жмутся другъ къ другу, что не оставляютъ ни клочка свободной земли, и скалы, обнаженныя отливомъ, представляются покрытыми желтоватою зеленью въ человѣческой ростъ вышиной. Принимая въ соображеніе всѣ эти факты, мы готовы допустить, что сѣверъ богаче индивидуумами, хотя, конечно, эти индивидуумы распадаются на меньшее количество видовъ. Но если, съ другой стороны, мы возьмемъ равнинныя отмели и коралловые рифы южныхъ морей, представляющіе точно также накопленіе несмѣтнаго количества индивидуумовъ, или припомнимъ стада макрелей, тунцовъ и летучихъ рыбъ, стада, правда, не столь многочисленные, какъ на сѣверѣ, но за то слѣдующія одно за другимъ въ болѣе короткіе промежутки времени, — то мы должны будемъ принять, что въ итогѣ сѣверъ и югъ равны между собою. Правда, подобно тому, какъ суша на сѣверѣ импонируетъ величавымъ однообразіемъ своихъ небозримыхъ равнинъ и мрачныхъ еловыхъ лѣсовъ, такъ и сѣверныя моря импонируютъ своими тысячами тюленей, сотнями тысячъ водныхъ птицъ, миллионами рыбъ и маленькихъ раковъ. Эти массы индивидуумовъ, совершенно схожихъ между собою, большею частью равныхъ даже по возрасту и по ве-

личинѣ, особенно поражаютъ васъ среди этой холодной, съ виду мертвой природы; онѣ говорятъ воображенію и составляютъ неизгладимое впечатлѣніе въ памяти. На югѣ же, хотя массы и находятся на лицо, но онѣ распадаются на такое пестрое разнообразіе видовъ, что это разнообразіе скорѣе кидается вамъ въ глаза, чѣмъ сама масса.

И такъ, пока не доказано противное, мы можемъ принять за общее правило, что сумма жизни въ морѣ во всѣхъ извѣстныхъ намъ широтахъ приблизительно одинакова; за то монета, въ которой эта сумма обращается, весьма различна, смотря по мѣстности: на сѣверѣ она равномернѣе, на югѣ разнообразнѣе.

Фактъ этотъ, бесспорно, въ высшей степени замѣчательный, и его отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду при разсмотрѣніи органическаго міра съ высшей точки зрѣнія. По всѣмъ вѣроятіямъ, основную причину этого различія надо искать въ болѣе равномерномъ и постоянномъ дѣйствіи внѣшнихъ условій, вліяющихъ на органическую жизнь на сѣверѣ, тогда какъ на югѣ постоянное измѣненіе теллурическихъ силъ обуславливаетъ разнообразіе организмовъ.

Ничто, какъ мнѣ кажется, не говоритъ болѣе убѣдительно въ пользу того положенія, что органическая жизнь сама собою слагается такъ, какъ ей указываютъ внѣшнія вліянія. Кто же повѣритъ въ наши дни, чтобы природа случайно вздумала устроить себѣ въ тропическихъ странахъ нѣчто въ родѣ будуара, убраннаго всевозможными щегольскими бездѣлушками и богато изукрашенною мебелью, на сѣверѣ же завела казарменное устройство? Вѣдь сумма органической жизни, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ поясѣ, равна. Но сколько условій для разнообразія встрѣчаемъ мы въ теплыхъ странахъ и какъ мало ихъ въ полярномъ поясѣ! Ужъ одна періодичность имѣетъ громадное значеніе! Шесть мѣсяцевъ дня, шесть мѣсяцевъ ночи, шесть мѣсяцевъ зимы, шесть мѣсяцевъ лѣта, шесть мѣсяцевъ смерти, шесть мѣсяцевъ жизни, или даже и того менѣе, потому что теплу, лѣту и жизни отведены въ полярныхъ странахъ еще болѣе тѣсные предѣлы, чѣмъ свѣту,—гдѣ тутъ развиваться роскошной растительности, гдѣ тутъ организмамъ одолѣвать суровыя условія, которыми окружаютъ ихъ неумолимыя теллурическія силы? У тропиковъ же, напротивъ, день и ночь чередуются въ кратчайшіе промежутки времени; какъ тому, такъ и другой отведено равно по двѣнадцати часовъ; тепло, лѣто и жизнь круглый годъ, вѣчная возможность для организмовъ развиваться во всѣхъ направленіяхъ.

На сѣверѣ тотъ видъ, которому разъ удалось выработаться, приспособиться къ условіямъ окружающаго міра и выйдти побѣдите-

лёмъ изъ борьбы за существованіе, не можетъ уже болѣе измѣняться; онъ остается тѣмъ же, чѣмъ и былъ, потому что самыя условія остаются неизмѣнными. Близъ поворотныхъ же круговъ, напротивъ, каждое измѣненіе первобытной формы, каждое развитіе ея въ новомъ направленіи находятъ и условія, благопріятствующія дальнѣйшему развитію и борьбѣ за существованіе. На островѣ Исландіи, близъ Акурейра, есть рябина, выросшая подъ защитою стѣны; это единственное дерево на дѣломъ островѣ. Вѣтви дерева поднялись благополучно до высоты стѣны, но тутъ, всего на какихъ нибудь 20 футахъ отъ земли, оно принуждено было остановиться въ своемъ ростѣ. Каждый отпрыскъ, которому въ ясные лѣтніе дни удается заглянуть черезъ стѣну въ открытое поле, неизбѣжно гибнетъ подъ суровымъ дыханіемъ зимнихъ стужъ и мятелей. У тропиковъ же, напротивъ, дерево тянется въ высоту, на сколько хватаетъ его силъ; ничто не препятствуетъ его росту, кромѣ законовъ, присущихъ самой его организаціи. Такъ и органическое дерево жизни развивается различно подъ различными широтами и порождаетъ новыя формы тамъ, гдѣ внѣшнія условія благопріятствуютъ этому разнообразію.

Патріархъ естественной исторіи, Карлъ Эрнстъ фонъ-Беръ издалъ недавно великолѣпное сочиненіе, въ которомъ онъ, опираясь на факты, развиваетъ тотъ законъ, что органическій міръ тѣмъ выше поднимается отъ земли, чѣмъ ближе къ тропикамъ, и наоборотъ: чѣмъ ближе къ полюсамъ, тѣмъ дѣлается приземистѣе. Онъ прослѣдилъ этотъ законъ какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ, и вездѣ приводитъ самыя убѣдительныя доказательства. Но законъ этотъ есть не болѣе, какъ логическое слѣдствіе другого, болѣе общаго закона, присущаго всему живому, о которомъ мы только-что упоминали. Близъ тропиковъ земля есть не что иное, какъ точка опоры; не существуя космическаго закона тяготѣнія, органическій міръ, быть можетъ, вовсе отдѣлился бы отъ почвы и свободно парилъ бы въ воздушномъ пространствѣ. У полюсовъ же земля есть источникъ всего: она даетъ и точку опоры, и тепло, и защиту; потому-то тажъ льнетъ къ ней все животное и растительное царство.

Но да не подумаетъ читатель, чтобы скудность жизненныхъ условій, окружающихъ органическій міръ на сѣверѣ, скудность, позволяющая видамъ дробиться лишь въ весьма тѣсныхъ, строго-обозначенныхъ границахъ, распространялась и на тѣ виды, которымъ разъ удалось принаровиться къ окружающимъ ихъ жизненнымъ условіямъ. Размѣры типовъ остаются—по крайней мѣрѣ, въ морѣ,—

приблизительно одинаковы подъ всеми широтами. Киты и моржи сѣвера могутъ поспорить многочисленностью съ кашалотами и морскими коровами южныхъ морей; гигантскія акулы безразлично гоняются за добычей какъ въ тропическихъ моряхъ, такъ и во соседству съ вѣчными льдами. Колоссальной камбалѣ нарвежскихъ фиордовъ соответствуетъ рогонось Тихаго океана. Количество индивидуумовъ и колоссальность видовъ остаются одинаковы подъ всеми градусами широты; вся разница заключается въ разнообразіи видовъ.

Но теперь представляется вопросъ: распространяется ли и на морѣ тотъ законъ, въ силу котораго организмы на югѣ перемещаются въ высоту, на сѣверѣ же ползаютъ на землѣ? Можно ли утверждать, говоря о морѣ, что высшая точка, которой достигаютъ въ немъ органическая жизнь, находится въ тропическихъ странахъ на поверхности воды, близъ полюсовъ же кроется въ почти неизвѣданной морской глубинѣ?

Испытанные до сихъ поръ методы изслѣдованія крайне недостаточны тамъ, гдѣ нужно проникнуть на болѣе значительную глубину. Водолазныя колоколья, Поленовскій шлемъ, аппаратъ изобрѣтенный Бауеромъ (про котораго всѣ, какъ у насъ водится въ Германіи, забыли и думать, и которому по смерти, безъ сомнѣнія, воздвигнутъ монументъ),—всѣ эти снаряды достигаютъ своей цѣли только на относительно очень незначительной глубинѣ, которая, въ сравненіи съ бездонною морскою пучиною, все же является не болѣе, какъ береговой полоскою. Неводъ проникаетъ глубже; его можно спускать на нѣсколько сотенъ саженой, но чѣмъ глубже вы его закидываете, тѣмъ затруднительнѣе становится эта операція и тѣмъ менѣе можно полагаться на ея результаты. Для того чтобы посредствомъ невода достать пластъ съ морского дна на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ сажень, понадобится бы очень сильныя машины и корабли довольно большаго калибра, и все-таки подобное изслѣдованіе врядъ ли дало бы намъ полное понятіе о жизни моря въ этихъ пучинахъ. Какіе, однакожъ, богатые результаты уже дали намъ изслѣдованія посредствомъ невода, произведенныя въ обширныхъ размѣрахъ вдоль береговъ Норвегіи и Англіи, въ Средиземномъ морѣ и даже въ арктическихъ широтахъ Шпицбергена. Въ предѣлахъ береговой полосы и тѣхъ линій, которыя образуются вокругъ материковъ и острововъ постоянными наносами твердыхъ веществъ, неводъ указалъ намъ строго-равнграниченныя горизонтальныя пояса распространенія; нѣкоторые виды никогда не переступаютъ за предѣлы этихъ поясовъ, вѣкъ ихъ многіе виды, повидимому, вовсе не могутъ существовать. Смотря по степени точности, съ которой удавалось

преимущества наблюдёнія надъ отдѣльными видами, различали три пояса и болѣе; каждый изъ этихъ поясовъ имѣеть въ морской жизни и флорѣ каждой страны ему одному свойственныхъ обитателей. Въ особенности на сѣверѣ неводъ извлекаетъ изъ глубины фюродовъ не одинъ новый видъ, существованіе котораго прежде и не подозрѣвали; открытіе этихъ, въ полномъ смыслѣ слова, подводныхъ обитателей дало поводъ къ выводамъ, имѣющимъ большое значеніе для разрѣшенія нѣкоторыхъ зоологическихъ вопросовъ...

Что же касается тѣхъ мѣстъ морского дна, куда, по причинѣ ихъ глубины, не достигаетъ неводъ, то мы имѣемъ о нихъ лишь тѣ отрывочныя свѣденія, которыя можно было добыть черезъ закидываемые лота, приносящаго со дна немного тины, да черезъ погрузенія, причиняемыя подводнымъ телеграфнымъ проволокамъ нѣкоторыми морскими животными. Эти размыванія, безспорно, оказали намъ немаловажную услугу; они открыли, что органическая жизнь не прекращается окончательно, какъ думали прежде, тамъ, гдѣ море достигаетъ наибольшей своей глубины, но что она тамъ и тамъ имѣеть своихъ, хотя и не столь многочисленныхъ представителей; но, тѣмъ не менѣе, всякій пойметъ, что результатъ этихъ размываній далеко не исчерпываетъ вопроса. Кто отважится судить о всемъ растительномъ и животномъ населеніи, хотя бы и одного маленькаго озера, по тѣмъ образчикамъ, которые добыты со дна его случайно закинутымъ лотомъ, или по тѣмъ органичкамъ, которые прилипаютъ къ обломкамъ потонувшаго корабля?

Но, какъ бы то ни было, собранные до сихъ поръ факты не даютъ намъ права отвѣчать утвердительно на поставленный нами выше вопросъ. Все, напротивъ, говоритъ въ пользу того предположенія, что органическая жизнь, по мѣрѣ увеличенія морской глубины, утрачиваетъ какъ разнообразіе видовъ, такъ и многочисленность индивидуумовъ. Ничто схожее съ этимъ явленіемъ встрѣчаемъ мы и на сушѣ: чѣмъ выше поднимаетесь вы въ горы, тѣмъ малочисленнѣе становятся какъ самыя тины, такъ и отдѣльные экземпляры каждаго изъ нихъ, пока, наконецъ, въ области вѣчныхъ снѣговъ развитіе органической жизни не достигаетъ своего минимума. По изслѣдованіямъ Форбеса и другихъ, тотъ же законъ замѣчается и въ моряхъ, по крайней мѣрѣ, умѣренныхъ поясовъ. Прибрежная полоса отличается величайшимъ богатствомъ, поразительнымъ разнообразіемъ какъ видовъ, такъ и индивидуумовъ; но чуть вы нѣсколько углубились въ море, какъ это богатство быстро начинаетъ исчезать. Повидимому, то же явленіе распространяется и на тропическія страны. Кораллы воздвигаютъ свои постройки только на

известной степени глубины; эти постройки, которыя съ виду нисходятъ въ бездонныя пропасти, сооружались только съ помощью постепеннаго пониженія почвы; новыя поколѣнія принимались за работу на остаткахъ вымершихъ поколѣній и такимъ путемъ возводили коралловые рифы до настоящей ихъ вышины. Микроскопическіе организмы, которые, повидимому, одни только и составляютъ населеніе морского дна на болѣе значительной глубинѣ, водятся въ то же время и въ пескѣ прибрежной полосы.—И такъ, поверхность моря является центромъ самой кипучей жизненной дѣятельности, прибрежная черта прилива и отлива служить въ то же время и гранью, въ предѣлахъ которой организмы достигаютъ наибольшаго разнообразія. Можно ли примѣнить то же правило и къ полярнымъ морямъ,—это еще вопросъ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, придется рѣшить отрицательно. Пища, находимая въ желудкѣ камбалъ и акулъ, которыхъ ловятъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, указываетъ, повидимому, на существованіе самаго разнообразнаго населенія въ глубинѣ даже нѣсколькихъ тысячъ саженъ. Я самъ видѣлъ треску, вынутую изъ глубины тысячи слишкомъ футовъ; въ желудкѣ ея можно было ясно отличить голотурій, морскихъ ежей и моллюсковъ, частью только-что проглоченныхъ, частью же совсѣмъ или на половину переваренныхъ. Всѣ эти животныя не могутъ покидать дно, слѣдовательно, треска доставала ихъ прямо отсюда. Я, право, не знаю, удалось ли бы мнѣ отыскать такой богатый подборъ галотурій въ болѣе мелкихъ мѣстахъ; помнится, ихъ было три или четыре вида, которые я легко отличилъ одинъ отъ другого. Наконецъ, высказанное мною предположеніе подтверждается тѣми диковинными полшами и кораллами, которые вытаскивались посредствомъ невода изъ самыхъ глубокихъ мѣстъ и нигдѣ въ болѣе мелкихъ мѣстахъ не попадались. Быть можетъ, на сѣверѣ тѣ же причины, которыя заставляютъ органическую жизнь суши жаться къ землѣ, побуждаютъ и морскіе организмы укрываться на дно моря отъ опасностей, угрожающихъ имъ на его поверхности. Въ подтвержденіе этого предположенія говорить, повидимому, тотъ фактъ, что многія породы рыбъ, какъ, напр. селедка и треска, цѣлый годъ проводятъ въ значительной глубинѣ, покидая ее только въ пору метанія икры, когда потребность любви заставляетъ ихъ подниматься на поверхность; но, какъ я уже сказалъ, недостаточность произведенныхъ до сихъ поръ изслѣдованій не позволяетъ еще намъ придти ни къ какому положительному заключенію.

Изъ всего вышесказаннаго читатель можетъ усмотрѣть, что море скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ множество вопросовъ, имѣющихъ

чрезвычайную важность для науки и рѣшеніе которыхъ бросило бы новый свѣтъ не на одну темную точку. Но если отъ общихъ вопросовъ мы перейдемъ къ частнымъ, то у насъ подъ рукою окажется еще болѣе богатый матеріалъ, и изслѣдованіе моря становится на столько же поучительнѣе изслѣдованія прѣсныхъ водъ, на сколько самое море превосходитъ эти воды объемомъ.

Да позволятъ мнѣ ограничиться здѣсь изложеніемъ только нѣкоторыхъ сторонъ дѣла, наиболѣе доступныхъ общему пониманію. На морскихъ водоросляхъ впервые удалось прослѣдить таинственный законъ, управляющій оплодотвореніемъ тѣхъ низшихъ клѣтчатыхъ растений, которыя Линней, въ своей классификаціи, включилъ въ разрядъ тайнобрачныхъ. Въ тканяхъ этихъ растений и въ извѣстныхъ органахъ ихъ подмѣтили еще, въ концѣ прошлаго столѣтія, произвольное, повидимому, движеніе маленькихъ зеленыхъ ядрышекъ; но никто не успѣлъ дать себѣ болѣе точнаго отчета объ этомъ явленіи, пока новѣйшія изслѣдованія—преимущественно двухъ ученыхъ: парижскаго Туре и Берлинскаго Прингегейма—не разъяснили всѣхъ подробностей этого процесса. Теперь мы узнали эти странныя, безконечно-маленькія частицы, представляющія почти крайнюю грань произведенныхъ до сихъ поръ микроскопическихъ изслѣдованій; болѣею частью, онѣ имѣютъ форму веретена съ заостреннымъ концомъ и иногда бывають отмѣчены ярко-краснымъ пятномъ, имѣющимъ форму глаза. Онѣ поднимаются изъ особаго рода сумки и плаваютъ съ необыкновенною быстротою при помощи двухъ бичеобразныхъ нитей, которыми хлещутъ по водѣ: плавая, такимъ образомъ, онѣ окружаютъ женскія зародышныя ядрышки;—послѣднія гораздо крупнѣе и снабжены аппаратомъ, состоящимъ то изъ нѣсколькихъ плавательныхъ нитей, то изъ вѣнка плавательныхъ волосковъ, то, наконецъ изъ цѣлаго покрыва рѣсничекъ: посредствомъ этого-то аппарата онѣ двигаются, болѣею частью, медленно по водѣ, вращаясь на своей оси. Можетъ статься, что при актѣ оплодотворенія двигающееся мужское сѣменное тѣльце проникаетъ въ женское зародышное ядрышко, равнымъ образомъ находящееся въ движеніи; по крайней мѣрѣ, Прингегеймъ утверждаетъ, что видѣлъ этотъ процессъ; но, какъ бы то ни было, изъ соприкосновенія этихъ двухъ элементовъ происходитъ оплодотворенное зерно.

Изслѣдованіе этого процесса послужило ключомъ къ открытію подобнаго же процесса въ прѣсноводныхъ клѣтчатыхъ растеніяхъ. И здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми же элементами оплодотворенія. Наблюденія эти, повидимому, разрушаютъ старое разграниченіе

между растительнымъ и животнымъ царствомъ, полагаемое въ произвольномъ движеніи. Правда, движеніе этикъ растительныхъ частицъ, снабженныхъ двигательными органами, весьма близко подходящими къ подобнымъ же органамъ животныхъ, можетъ быть и произвольное, но, во всякомъ случаѣ, его невозможно отличить отъ произвольнаго, и вообще истинный характеръ этикъ элементовъ можетъ быть опредѣленъ только съ помощью наблюденій надъ ними въ позднѣйшій стадіумъ ихъ развитія, наступающій послѣ оплодотворенія. Вѣрно то, что эти движенія такъ поразительно схожи съ движеніями настоящихъ животныхъ—маленькихъ инфузорій, что многіе изъ этикъ растительныхъ организмовъ, пона не было извѣстно ихъ происхожденіе и дальнѣйшее развитіе, дѣйствительно принимались за инфузорій.

Отъ растений я перехожу къ животнымъ. Здѣсь прежде всего намъ бросается въ глаза тотъ фактъ, что море обладаетъ всѣми главнѣйшими типами, которые развиваются на твердой землѣ. Мы находимъ въ морѣ первообразы даже такихъ животныхъ, самою естественною средою которыхъ долженъ бы быть, по видимому, воздухъ,—наволны, накримѣръ, птицы и насѣкомыя. Кроме того, море обладаетъ множествомъ такихъ видовъ, которые могутъ существовать только въ его нѣдрахъ и совершенно чужды прѣснымъ водамъ. Низшій типъ, развиваясь въ высшій,—становится изъ воднаго животного воздушнымъ; но многіе типы не достигаютъ этой степени развитія и останавливаются на низшей.

Низшій типъ всегда бываетъ въ то же время и простѣйшій; органамъ совершенствуется, создавая для каждой отдѣльной функции по отдѣльному органу. Нога, которая въ то же время служитъ орудіемъ и движенія, и дыханія, и дѣтороднымъ органомъ, должна, конечно, имѣть болѣе сложное устройство, чѣмъ та нога, которая служитъ только органомъ движенія и при которой существуютъ отдѣльные дыхательные и дѣтородные органы; но первая все же представляетъ менѣе совершенный типъ. Неполный организмъ, каковымъ мы его встрѣчаемъ въ яйцѣ, обладаетъ лишь тѣми общими свойствами, которыми присущи каждой органической клѣточкѣ. Лишь позднѣе развиваются въ этомъ яйцѣ на счетъ его субстанціи отдѣльные органы. Но каждый изслѣдователь, занимавшійся эмбриологіей, подтвердитъ вамъ, что въ началѣ органы обозначаются группами и лишь мало по малу обособляются и выдѣляются изъ этикъ группъ. Развитіе cadaго единичнаго органа совершается, такъ сказать по строго-логическому плану: сначала отиѣчаются главы, потомъ параграфы, а затѣмъ уже отдѣльныя предложенія и слова.

Подобное же отношеніе замѣчаемъ мы и во всей совокупности животнаго царства. Низшія животныя являются въ своихъ функціяхъ и органахъ (а тѣ и другія взаимно обусловливаютъ другъ друга) столь же обобщенными, какъ и животная клеточка. Малосложное вещество, изъ котораго они составлены, завѣдуетъ всѣмъ: и пищеvarеніемъ, и дыханіемъ, и выдѣленіями, и ощущеніемъ, и движеніемъ. Лишь мало по малу появляются, вмѣстѣ съ отдѣльными функціями, и отдѣльные органы; чѣмъ далѣе идетъ этотъ процессъ, тѣмъ выше становится организмъ, въ которомъ онъ происходитъ, нова, наконецъ, онъ не завершается человѣкомъ.

Теперь читатель пойметъ, почему изученіе именно морскихъ животныихъ само по себѣ такъ интересно. Эти животныя, въ сравненіи съ животными суши, стоятъ вообще на низшей степени развитія; они, такъ сказать, образуютъ почву, изъ которой вырастаетъ фауна той или другой страны. Но это-то упрощенное устройство и позволяетъ заглянуть поближе въ общій планъ организаціи; оно-то и способствуетъ болѣе близкому знакомству съ различными жизненными условіями и, такимъ образомъ, ведетъ къ болѣе ясному пониманію сложнѣйшихъ, болѣе развитыхъ типовъ. Прибавьте къ этому многія второстепенныя удобства, какъ то: большую прозрачность изслѣдуемаго вещества, большую легкость приемовъ, употребляемыхъ при изслѣдованіи, большее изобиліе экземпляровъ, находящихся подъ рукою, — и вы поймете, почему естественныиатель съ такимъ жаромъ снѣзять разработать это богатое поле для открытій. Дѣло въ томъ, что многіе типы, которые на сушѣ или въ прѣсныхъ водахъ являются покрытыми непроницаемыми для глаза покровами, имѣютъ въ морѣ своихъ представителей, до того прозрачныхъ, что ихъ можно безъ всякаго приготовленія, прямо изучать подъ микроскопомъ; другія, болѣе высокія животныя не требуютъ скальпеля, чтобы обнажить передъ взгядомъ естественныателя всѣ тайны своей внутренней организаціи. Въ подтвержденіе этого, достаточно будетъ упомянуть о *Salpen*, достигающихъ обыкновенно длины съ палецъ и заключенныхъ въ довольно плотный покровъ, но въ то же время до того прозрачныхъ, что въ тѣлѣ ихъ безъ труда можно прослѣдить каждый кровяной шарикъ на его пути по различнымъ развѣтвленіямъ кровеносныхъ сосудовъ. Если возьмемъ *Figosea*, большихъ безраковинныхъ улитокъ, въ футъ длиною и въ большой палецъ толщиною. — улитки эти двигаются въ водѣ посредствомъ веслообразной ноги; тѣло ихъ до того прозрачно, что можно, не теряя времени на протливую работу и пренашированья, прослѣдить съ помощью гупы тонкія нервныя нити, выходящія изъ ихъ мозга. Вспомнимъ, нахо-

нецъ, прозрачныхъ раковъ и червяковъ, въ тѣлѣ которыхъ можно прослѣдить игру каждой мышцы, движеніе каждаго шарика; вспомнимъ безчисленные виды болѣе или менѣе крупныхъ аналефовъ которыхъ непосвященный наблюдатель приметъ, пожалуй, за оживленный студень и чудную организацію которыхъ можно изучать подъ микроскопомъ безъ малѣйшаго нарушенія ихъ жизненныхъ отправленій.

Но мы должны упомянуть здѣсь объ одномъ общемъ законѣ, который идетъ въ разрѣзъ съ первобытною простотою организаціи. Законъ этотъ заключается въ томъ, что морскіе виды на извѣстной степени развитія, отличаются гораздо сильнѣйшимъ развитіемъ органовъ движенія и чувствъ, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ прѣсноводные типы на той же степени развитія. Особенно ярже выступаетъ этотъ законъ въ только-что слагающихся организмахъ. Въ водѣ существуетъ множество животныхъ, которыя извѣстный періодъ своей жизни проводятъ, прикрѣпившись къ одному какому нибудь мѣсту; періодъ этотъ обыкновенно совпадаетъ съ возрастомъ половой зрѣлости. Особенно изобилуютъ эти осѣдлые типы въ морѣ; таковы кораллы и раковины, образующіе цѣлыя рифы и отмели, на которыхъ умѣстилось бы съ дюжину германскихъ герцогствъ. Но, какъ ни многочисленны эти животныя-сидни (а количество ихъ не малое, особенно если мы включимъ въ ихъ разрядъ чужездныхъ животныхъ на тѣлѣ или во внутренности другихъ животныхъ), все же между ними нѣтъ ни одного вида, который бы, въ тотъ или другой періодъ своей жизни, не двигался свободно; большею частью, какъ мы уже сказали, періодъ этотъ бываетъ въ молодости. Только-что вылупившійся изъ яйца дѣтенышъ полипа, или вѣрнѣе, самое это яйцо обладаетъ въ продолженіе нѣкотораго времени покровомъ изъ двигающихся рѣсничекъ, посредствомъ котораго плаваетъ по водѣ прежде чѣмъ превратится въ настоящаго коралла или полипа. Вылупившійся изъ яйца дѣтенышъ устрицы снабженъ большимъ выемчатымъ парусомъ, покрытымъ двигающимися волосами; съ помощію этого паруса, который животное можетъ выпускать изъ своей раковины и снова втягивать въ нее, молодая устрица такъ же проворно плаваетъ въ водѣ, какъ любая рыба. Наконецъ, акалефы, которыхъ вѣтеръ во многихъ морскихъ кунальныхъ нагоняетъ цѣлыми стадами и колючія свойства которыхъ причиняютъ такое неприятное ощущеніе купающимся, какъ свободно движущіеся зародыши одного вида сидячихъ животныхъ, схожаго съ коралловыми полипами.

Всѣ эти движущіеся морскіе виды отличаются отъ прѣсноводныхъ несравненно сильнѣйшимъ развитіемъ двигательныхъ аппаратовъ и

совершеннѣйшимъ устройствомъ органовъ чувствъ. Зародышъ нашего прѣсноводнаго моллюска, гидры, никогда не плаваетъ подобно акалефу; онъ только и можетъ что ползкомъ прищипывать себѣ мѣсто, гдѣ бы ему прирѣвиться. Дѣтеныши нашихъ красочныхъ раковинъ имѣютъ всего на всего кожаную складку, очень слабо напоминающую парусъ устрицы; парусъ другой породы раковинъ, *river dimm*, водящейся въ болотахъ, до того плохъ, что не годится для плаванья и служитъ только для приведенія въ движеніе воды; дѣтеныши нашихъ раковъ остаются въ яйцѣ, пока не достигнутъ устроившаго тѣла своихъ родителей, между тѣмъ, какъ дѣтеныши большей части морскихъ раковъ появляются на свѣтъ нестойкими личинками и обладаютъ временными, сильно развитыми плавательными лапками, съ помощью которыхъ могутъ предпринимать даже дальнія путешествія, такъ что нѣкоторые принимали этихъ молодыхъ раковъ, столь мало схожихъ съ родителями, за особые виды морскихъ животныхъ. Всюду повторялось то же явленіе; то, что у прѣсноводнаго животнаго остается простымъ отросткомъ, сосочкомъ или ножкой, съ помощью которой животное прищипляется къ другому тѣлу, вырастаетъ у морскаго животнаго въ могучее веслообразное орудіе для плаванья или въ органъ дыханія. То же самое замѣчаемъ мы и въ органахъ чувствъ, особенно зрѣнія: тамъ, гдѣ прѣсноводное животное совершенно слѣпо или обладаетъ лишь несовершеннымъ зрѣніемъ, соответствующій ему морской типъ обладаетъ, на крайней мѣрѣ, зачатками глазъ, а то и вполне образованными глазами. Да оно и понятно: органы чувствъ и движенія состоятъ въ тѣснѣйшемъ соотношеніи между собою.

Какъ объяснить это развитіе органовъ чувствъ и движенія какъ не тѣмъ закономъ, въ силу котораго каждый организмъ стремится примѣнить себя къ окружающимъ его условіямъ жизни и борьбы за существованіе? Необыятность морскаго простора, постоянное движеніе его водной массы, сильныя бури, волнующія его, неизбѣжно должны вызывать сильнѣйшее развитіе двигательныхъ органовъ, безъ которыхъ животныя не могли бы побороть окружающія ихъ препятствія и опасности. Подобно тому, какъ челобѣкъ для плаванья по океану нуждается въ болѣе прочно устроенномъ кораблѣ, чѣмъ для плаванья по Боденскому или Женевскому озеру, такъ и личинка, живущая въ морѣ, должна имѣть сильнѣйшій и иначе устроенный плавательный аппаратъ, чѣмъ родственная ей личинка, живущая въ прѣсныхъ водахъ. Кто приставилъ личинкѣ рака болѣе развитую плавательную ногу, кто придѣлъ плавательный парусъ къ личинкѣ раковины? Всѣ эти изъ-

жизненія вытекаютъ изъ самаго организма, который совершенствуется черезъ большее упражненіе различныхъ органовъ, и всякое усовершенствованіе, выработанное одной какой нибудь особю, передается изъ рода въ родъ, отъ родителей къ дѣтямъ.

Я уже сказалъ, что многіе виды животныхъ остались бы вовсе неизвѣстны или были бы извѣстны весьма плохо, если бы органическая жизнь сосредоточивалась на одной сушѣ.—Такъ, безъ моря мы можемъ составить себѣ лишь весьма неполное понятіе о корненожкахъ, этихъ странныхъ животныхъ, которыя изъ своего почти безформеннаго, студенистаго тѣла пускаютъ во всѣ стороны длинныя сѣткообразныя нити, иногда сливающіяся между собою; внутри этихъ нитей можно прослѣдить движеніе шариковъ; нити то животное высасываетъ другія животныя и растенія, служащія ему пищею. Въ прѣсной водѣ водятся только пресвѣтнѣе виды этихъ животныхъ; въ морѣ же вы встрѣчаете виды, живущіе стадами, покрытые известковыми раковинами самой красивой формы и представляющіе самыя разнообразныя комбинаціи кѣлочекъ, размножающихся съ непоимѣрной быстротою; эти виды играютъ довольно важную роль въ образованіи почвы. Равнымъ образомъ, недалеко бы мы ушли въ изслѣдованіи губокъ, если бы ограничили прѣсноводною губкою и не изучали морской; но еще бѣднѣе были бы безъ моря наши свѣденія о лучистыхъ животныхъ, какъ ювы полипы, кораллы, аналефы, морскія звѣзды, морскіе ежи и морскіе огурцы, населяющіе морскую влагу и дно въ такихъ страшныхъ массахъ; въ прѣсныхъ водахъ эти животныя имѣютъ только одного представителя, гидру, которая такъ охотно располагается на корнѣ водяной чечевицы и въ устройствѣ своего тѣла представляетъ столько неправильностей, что по ней одной никогда нельзя было бы изучить столь сильно уклоняющійся отъ нея типъ лучистыхъ животныхъ. Въ расположеніи органовъ этихъ животныхъ мы замѣчаемъ совершенно иной законъ, чѣмъ въ остальномъ животномъ мірѣ. У всѣхъ остальныхъ животныхъ, если не самое тѣло; то, по крайней мѣрѣ, зародышъ его дѣлится посредствомъ линіи, проходящей по всей его вертикальной плоскости, на двѣ равныя половины; это устройство сохраняется тѣломъ на всю жизнь, хотя иногда, вырастая, оно и терлетъ свою первобытную симметрію или же продольная линія, какъ у улитки, закручивается въ формѣ винта. У лучистыхъ же животныхъ органы располагаются по радіусамъ круга вокругъ центральной оси, которая постоянно представляетъ линію, а не плоскость; если иногда парное расположеніе радіусовъ и возстановляетъ своего рода симметрію, то все же по нимъ

всегда можно геометрически прослѣдить первобытную лучистую форму.

Этотъ-то классъ лучистыхъ животныхъ знакомить насъ съ самыми любопытными процессами, о которыхъ безъ нихъ мы кончатія бы не имѣли. Слишкомъ подробнаго изложенія потребовало бы описаніе всѣхъ стадіумовъ развитія, черезъ которые проходятъ эти животныя. Довольно будетъ сказать, что у нихъ, такъ же какъ и у насѣкомыхъ, вы можете отличить личинку, куколку и вполне образовавшееся животное; не этого мало: воспроизведеіе рода посредствомъ яйца чередуется здѣсь съ воспроизведеніемъ посредствомъ почки, такъ что иногда лишь черезъ два или три поколѣнія животное возвращается къ первобытной формѣ. Изъ полипа выходитъ почка, изъ почки акалефа, изъ акалефа, свободно плавающего и самостоятельнаго индивидуума,—яйцо, изъ яйца родъ инфузорій, которая, послѣ долгаго плаванья, прикрѣпляется къ одному мѣсту и, наконецъ, вырастаетъ въ полипа. На этотъ рядъ-измѣняющихся поколѣній, въ которыхъ отъ родителей одного вида происходятъ дѣти совершенно иного вида, можно было бы съ полнымъ правомъ сослаться въ подтвержденіе того факта, что отъ одновидныхъ родителей могутъ происходить разновидныя дѣти и даже продолжать эту разновидность изъ рода въ родъ; такимъ образомъ, происхожденіе новыхъ видовъ является намъ фактомъ, по крайней мѣрѣ, нелекаршимъ въ всякой вѣроятности, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ отчасти возможность вызывать, черезъ измѣненія внѣшней обстановки и жизненныхъ условій, соответствующія пережвны въ этихъ поколѣніяхъ. Полипы, который въ морѣ производятъ несмѣтное количество почекъ, свободно плавающихъ въ водѣ, порождаетъ, какъ скоро вы его перемѣстите въ тѣсную банку или въ аквариумъ, только лички, лишенные способности свободного передвиженія, для котораго у нихъ не было бы и мѣста; даже почкамъ нашихъ прѣсноводныхъ полиповъ отказано въ этой способности свободного движенія.

Здѣсь я долженъ обратить вниманіе читателя на одно весьма важное обстоятельство. У этихъ лучистыхъ животныхъ, въ особенности же у одного ихъ вида—плавающихъ полиповъ, этихъ чудно-красивыхъ, играющихъ самыми яркими цвѣтами организмовъ, на которые невольно залюбуется всякій, даже неученый наблюдатель, совершенно теряется для насъ разница между органомъ и индивидуумомъ. Граница между этими двумя понятіями, которая во всѣхъ остальныхъ случаяхъ относится одно къ другому, какъ часть къ цѣлому, исчезаетъ здѣсь совершенно: вы уже болѣе не знаете, гдѣ

кончается органъ и гдѣ начинается индивидуумъ. Знаю, что при этомъ иной философъ, голова котораго начинена всевозможными тонкими различіями между *я* и *не я*, сострадательно покачаетъ головою и заподозритъ мой разсудокъ въ переходѣ на отрицательную сторону существованія; но я отвѣчу философу словами поэта: много вещей между небомъ и землею — и въ особенности въ морѣ, — о которыхъ и не снится профессорской мудрости и умозрѣнію *а priori*; къ числу-то этихъ вещей принадлежить и описываемое мною явленіе. Могу же я себѣ представить существованіе индивидуумовъ, вся дѣятельность которыхъ ограничивается сохраненіемъ своего собственнаго *я* и остается совершенно чужда второму великаго отправления растительной жизни — воспроизведенія своего рода; могу я также допустить, что существуютъ другіе индивидуумы, занимающіеся только воспроизведеніемъ, таковы, напримѣръ, нѣкоторые народы мухъ, которыя во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ представляютъ совершенно образовавшійся организмъ и которымъ недостаетъ только рта, такъ что онѣ абсолютно не могутъ принимать въ себя никакой пищи и тотчасъ же по совершеніи акта дѣторожденія умираютъ. Наконецъ, я могу представить себѣ и такихъ индивидуумовъ, у которыхъ вся жизненная задача ограничивается движеніемъ и которые только и дѣлаютъ, что, плавая по водѣ, влекутъ за собою другіе виды индивидуумовъ, подобно тому, какъ локомотивъ тащить рядъ вагоновъ. Наконецъ, когда я благополучно свалилъ съ плечъ и эту теоретическую операцію, почему бы мнѣ не представить себѣ и такихъ индивидуумовъ, кругъ дѣятельности которыхъ еще ограниченнѣе, которые знать не знаютъ ни пищеваренія, ни воспроизведенія, ни движенія и существуютъ только для того, чтобы прикрывать чешуйками или щитами другихъ активныхъ индивидуумовъ? Мнѣ возразятъ, что это уже не индивидуумы. — Согласенъ; но они являются на свѣтъ точно такимъ же образомъ, какъ и другіе индивидуумы, образуются изъ того же вещества и только останавливаются на низшей степени развитія, между тѣмъ, какъ другіе идутъ далѣе. И такъ то, что въ совершенномъ состояніи является индивидуумомъ, въ несовершенномъ остается органомъ. И точно, если всмотрѣться поближе, что такое яйцо въ несовершенномъ состояніи, какъ не органъ? А развиваясь, оно становится индивидуумомъ. Но гдѣ же провести границу между тѣмъ и другимъ при непрерывномъ ходѣ развитія? Вопросъ этотъ такъ же мудро рѣшить, какъ и вопросъ о томъ: когда душа входитъ въ тѣло ребенка? Если она находится еще въ яйцѣ, то каждый женскій организмъ долженъ быть настоящимъ распад-

нивою души; если же душа вселяется въ тѣло пазухѣ, то невозможно опредѣлить моментъ, когда это совершается.

Но это еще не все: каждый индивидуумъ, соединенный въ этой массѣ плавающихъ моллюсковъ съ индивидуумами другого вида, имѣетъ свою самостоятельную волю. Животнымъ, занимающимся пищевареніемъ, выгнываются, ловятъ добычу посредствомъ особыхъ, приспособленныхъ для этого нитей, пожираютъ и перевариваютъ пищу; — словомъ, остаются въ своихъ отправленіяхъ совершенно независимыми другъ отъ друга. То же самое замѣчаемъ мы и въ животныхъ, занимающихся воспроизведеніемъ. Многія изъ нихъ отпрыгаютъ отъ полипника и плаваютъ отдѣльно по морю; другія остаются прикрепленными къ общему стволу, но дѣломъ воспроизведенія занимаются независимо другъ отъ друга. Но рядомъ съ этими независимыми единичными волями, дѣятельность которыхъ такъ очевидна, общество управляется еще совокупною волею; подобно тому, какъ рота солдатъ управляется волею командира, съ той только разницею, что тутъ нѣтъ командира, но совокупная воля въ данные моменты вытекаетъ изъ общей сложности единичныхъ волей. Пускай докторъ Фрауштедтъ обратится за разъясненіемъ этого явленія къ философу воли, Шопенгауэру; что до меня касается, то я ограничиваюсь болѣе скромною задачею и констатирую только фактъ; предоставляя другимъ любознательствовать о томъ, какъ провести логическую связь между фактомъ и «волею, разсматриваемою, какъ представленіе».

Только что разсмотрѣнныя нами явленія привели насъ въ столь обширную для зоолога область эмбриологіи; бѣглимъ взглядомъ на эту область я желалъ бы окончить настоящую статью. У большей части морскихъ животныхъ, какъ то: червей, моллюсковъ, улитокъ, каракатицъ (которыя тоже представляютъ типъ, исключительно свойственный морю), и скорлупныхъ животныхъ, всѣ фазисы развитія организма гораздо явственнѣе обозначены и доступны для наблюдателя; тѣмъ у животныхъ, живущихъ на сушѣ или въ прѣсной водѣ. Море, сильнѣе вызываетъ стремленіе къ движению, а потому всѣ морскіе организмы отличаются тѣмъ, что въ возможно-раннемъ періодѣ развитія вырабатываютъ въ себѣ самостоятельность. Самостоятельность эта выражается въ томъ, что дѣтеныши очень рано и, болѣею частью, въ очень еще несовершенномъ состояніи развитія отдѣляются отъ организма матери и пускаются въ открытое море. Они бывають снабжены временнымъ аппаратомъ для ѣды и движенія, временными органами чувствъ; все это, болѣею частью, въ послѣдствіи исчезаетъ или видоизмѣняется. Не впол-

нѣ образовавшихся животныхъ, слабѣнныхъ такими временными органами, называютъ обыкновенно личинками. Образованіе личинки, которая въ прѣсной водѣ и на сушѣ стоитъ обыкновенно на второмъ планѣ, играетъ у морскихъ животныхъ важную роль. Но какая разница въ отношеніяхъ личинки къ вполнѣ развившемуся животному! Здѣсь въ личинкѣ все только на время; отъ ея тѣла или ничего не остается, или только самая малая частица воспринимается окончательно сложившимся животнымъ, которое образуется изъ почвы, появляющейся на тѣлѣ или во внутренности личинки и, тотчасъ же отбрасываетъ ее, какъ ненужный матеріалъ, какъ скоро достигаетъ извѣстной степени самостоятельности. На сушѣ же или въ прѣсныхъ водахъ, напротивъ, только нѣкоторыя части являются временною принадлежностью личинки, и самыхъ незначительныхъ измѣненій бываетъ достаточно, чтобы образовать изъ нея окончательно сложившійся индивидуумъ. Но между этими двумя крайними гранями лежитъ множество посредствующихъ звеньевъ, которыя замыкаются другъ за друга, подобно кольцамъ цѣпи; сюда принадлежатъ самые оригинальные виды, порою такъ рѣзко отличающіеся отъ родителей, что нужно самое внимательное изслѣдованіе, чтобы соединить этотъ рядъ видовъ въ одно цѣлое и разобрать ходъ развитія во всей его стройной послѣдовательности.

Здѣсь мѣсто закончить статью; въ отдѣльныхъ подробностяхъ вдаваться не стану, потому что онѣ врядъ ли будутъ понятны читателю и, пожалуй, напротивъ, ослабятъ впечатлѣніе общей картины. Но всякому, желающему составить себѣ болѣе полное понятіе о дивномъ органическомъ мірѣ, живущемъ въ морѣ, я укажу на великолѣпное сочиненіе одного ученаго, умершаго, къ сожалѣнію, слишкомъ рано для науки. Это сочиненіе Мовена-Тандана, умершаго годъ тому назадъ профессоромъ естественной исторіи при медицинскомъ факультетѣ въ Парижѣ; появилось оно недавно у Гашета подъ заглавіемъ: «Le monde de la mer, par Alfred Fredol». Великолѣпныя гравюры на деревѣ изображаютъ главнѣйшіе типы и виды; но особенно хороши раскрашенные гравюры на стали, передающія съ необыкновенною живостью и точностью чудные цвѣта, которыми красуются нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ИЛЛЮЗИИ.

Раздумье вяло, на безумье гляди.

Тамъ, въ Европѣ, гдѣ процвѣтаетъ цивилизація, творится многое, чего не грѣзилось не только намъ, а даже древнимъ мудрецамъ, — тамъ рабочий, возбуждаетъ къ себѣ идеальную любовь достаточныхъ людей. Они любятъ его, какъ существо, похожее на человѣка; они любятъ его, какъ свободнаго гражданина, который пользуется своимъ законнымъ правомъ умирать съ голоду; они любятъ его, наконецъ, за то, что онъ усердно работаетъ и притомъ еще постоянно проситъ работы.

Какъ бы изумились, въ самомъ дѣлѣ, древніе мудрецы, если бы очутились среди современныхъ филантроповъ, друзей рабочаго народа, и прислушались къ ихъ громкимъ возгласамъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей!

Мудрый Аристотель былъ того убѣжденія, что «рабочихъ не слѣдуетъ признавать гражданами». Званіе гражданина, говорилъ онъ, принадлежитъ по праву только тому, кто не живетъ работою, то есть, тому, кто не унижается до занятія ремеслами. Ремесломъ же я называю всякую наемную работу, за которую платятъ.» (Polit. — IV, VIII, 5—6; V, II, 1; VII, II, 2).

Платонъ, божественный Платонъ, въ свою очередь, утверждалъ, что «природа не создавала ни сапожниковъ, ни кузнецовъ. Подобныя занятія позорятъ каждаго, кто имъ предается. Презрѣнные наемники, изверги безъ названія! — нѣтъ вамъ политическихъ правъ;

вы лишаетесь ихъ по вашему низкому состоянію.» (Respublica, Lib. V).

Ксенофонтъ говорилъ: «ремесленниковъ не допускаютъ къ занятію общественныхъ должностей—и совершенно справедливо.» (Oekonomikon, IV, VI).

Цицеронъ тоже былъ убѣжденъ, что «всѣ рабочіе, какіи бы ремесломъ они ни занимались, должны составлять низкій отверженный классъ людей, недостойныхъ званія гражданъ.» (De Offic. I. tit. II, ch. XII).

Довольно. Такъ вотъ она, классическая мудрость, которой поучается до сихъ поръ школьное юношество во славу педагогичи и которая находитъ себѣ такихъ усердныхъ защитниковъ въ компаніи нашихъ филистеровъ!

Аристотель, Платонъ, Цицеронъ и другіе древніе республиканцы были, безспорно, люди славные и умные; но, при всемъ своемъ умѣ, они смотрѣли на рабство, какъ на разумное и законное явленіе, а работника считали извергомъ общества.

Нанерекоръ своему классическому образованію, современные ендатроцы смотрятъ на рабство, какъ на явленіе позорное и беззаконное, а работника признаютъ свободнымъ гражданиномъ. Почему? Не потому ли, что сами рабочіе захотѣли, наконецъ, пользоваться человѣческими правами и стали добиваться ихъ?

И такъ, не будемъ удивляться ни безчеловѣчію древнихъ, ни челоуѣколюбію новыхъ мудрецовъ. Все сдѣлало и сдѣлаетъ время, благотельное время съ его горькимъ опытомъ, а не мудрость мудрыхъ, которая, рано или поздно, но всегда становится очевидной глупостью: такъ, по крайней мѣрѣ, доказываетъ исторія.

По нашей поговоркѣ: «оттерпимся—и мы люди будемъ!» А тѣмъ временемъ, пусть догниваетъ старая цивилизація; намъ не зачѣмъ подбирать ея негодные обломки или наряжаться въ ея лохмотья.

Вотъ почему лучшая мыслящая часть Европы ищетъ разрѣшенія экономическихъ вопросовъ помимо тѣхъ преданій, которыя не даютъ этого разрѣшенія. Рабочіе классы предъявляютъ новыя требованія, о которыхъ старая Европа и не думала. Развѣдающій науцедизмъ не можетъ долѣе оставаться хронической болѣзнію и требуетъ немедленнаго излеченія; однимъ словомъ, политическое развитее безъ экономическаго дѣлается невозможнымъ.

Вотъ, напримеръ, *Бельгiя*: эта страна—самая *плодотворная*. (125 чел., на 100 десятинъ), самая *промышленная* (рабочий классъ составляетъ $\frac{1}{2}$ населенiя), самая *земледельческая* (земля такъ хорошо обработана и такъ плодородна, что производитъ вдвое больше того, сколько нужно для пропитанiя жителей); эта страна—самая *свободная* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая *злосчастная*. Ницѣ, даже въ Ирландiи, нѣтъ такой возмутительной и страшной нищеты, какъ въ богатой Бельгiи. Официальная статистика показываетъ, что въ этомъ королевствѣ *одинъ* изъ *шести* жителей записанъ въ число бѣдняковъ, получающихъ законное пособiе! Въ самыхъ промышленныхъ провинцiяхъ, какъ, наприм. въ Брабантѣ, восточной и западной Фландрiи, число бѣдныхъ еще значительнѣе: тамъ приходится *одинъ* законный нищій на 4, даже на 3 жителей.

Повсюду сельское населенiе страдаетъ менѣе городского; въ Бельгiи же наоборотъ.—Напр. въ городахъ Фландрiи считается *одинъ* бѣднякъ на 4 жит., а въ деревняхъ—одинъ на 3. Десятни тысячъ людей не знаютъ даже ржаного хлѣба и питаются травой и корнями растений. Въ большей части сельскихъ общинъ, средняя заработная плата недвижимца—60 сантимовъ, то есть, 15 коп. въ сутки. Въ зимнее время рабочий нанимается за 20 сант. (за 5 в. въ день). Обыкновенная плата городскихъ рабочихъ—1 франкъ 30 сант. (33 в.), и менѣе, а работница получаетъ 75 сант. Самая скудная пища обходится въ день 60 сант. на человѣка! (Poussin, la Belgique et les Belges).

Нищета въ Голландiи едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ Бельгiи. Тамъ земледѣлю требуется очень мало ружь, потому что $\frac{2}{3}$ земель находится подъ лугами. Масса населенiя скончалась въ городахъ и, при страшной конкуренцiи рабочихъ, задѣльная плата самая ничтожная. А между тѣмъ, жизнь дорога, налоги обременительны, государственныи долгъ такъ великъ, что на каждаго жителя приходится по 1000 фр. т. е. 250 р. 560,000 чел. живутъ публичнымъ, полицейскимъ подаенiемъ, слѣдов. на 6 почти чел. считается *одинъ* официальный нищій. Въ большихъ городахъ бѣдность еще значительнѣе.

Для спасенiя отъ нищеты, Голландiя извергаетъ своихъ бѣдняковъ въ колонiи.

Въ республиканской Швейцарiи изъ 10 чел. *одинъ* находится въ

крайней бѣдности; эта цифра средняя. Въ Бернѣ на 4 жит. приходится одинъ бѣдный; въ роскошномъ кантонѣ *Vaud*—1 на 8. Въ Люцернскомъ кантонѣ $\frac{1}{4}$ населенія живетъ оофициальной милостыней, а $\frac{1}{2}$ населенія такъ бѣдна, что не можетъ дать ничего въ пользу нищихъ. Съ утра до ночи толпы голодныхъ окружаютъ дома зажиточныхъ гражданъ и постоянно держатъ ихъ въ осадномъ положеніи. Въ Шаагаузенѣ сама полиція посылаетъ бѣдняковъ въ дома богачей съ правомъ требовать подаянія. Въ кантонѣ *Valais*, населенномъ крѣпкими, нищета общая и безпримѣрная. Даже въ богатой Женевѣ, и тамъ одинъ изъ двадцати жителей—оофициальный нищій. Женевскія граждане пользуются исключительнымъ правомъ быть удачными женщинами; иностранки, которыя занимаются этимъ ремесломъ, изгоняются изъ республиканскаго города.

Нищета и неизбѣжный спутникъ ея—преступленія развиваются въ Швейцаріи замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Ежегодно тысячи семействъ покидаютъ свое отечество и выселяются въ Америку, даже въ Италію и Германію, спасаясь отъ нищеты или платежа податей въ пользу нищихъ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ достаточные люди сами отказываются отъ права гражданства, съ цѣлью избѣжать налога, который обязаны нести для пропитанія бѣдныхъ. Этотъ налогъ опредѣляется для каждой общины городскими совѣтомъ и возрастаетъ съ году на годъ въ страшной пропорціи, соразмѣрно быстрому развитію нищеты. И сколько же получаетъ бѣднякъ ежегодно пособія изъ рукъ своихъ законныхъ благотворителей?—Отъ 40 до 50 франковъ!

Не говоря уже о томъ, что оофициальная милостыня почти бесполезна для бѣдныхъ, она имѣетъ еще то пагубное вліяніе на характеръ швейцарцевъ, что дѣлаетъ ихъ безжалостными и совершенно равнодушными зрителями окружающей нищеты. «Мы платимъ законную подать бѣднымъ и потому не обязаны помогать имъ частнымъ образомъ; пусть обращаются къ полиціи, — она подастъ помощь кому нужно.»

Ученіе англійскаго пастора и экономиста Мальтуса о запрещеніи браковъ между бѣдными освящается швейцарскими законами, какъ нравственно средство противъ нищеты. Вотъ почему въ Швейцаріи бракъ позволителенъ только для тѣхъ, которые, по своему состоянію, не нуждаются въ законномъ пособіи. Бѣдные же, записан-

ные въ число нуждающихся, могутъ вступить въ бракъ только по истеченіи известнаго срока отъ послѣдней выдачи полицейскаго пособия, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія городскихъ старшинъ. Въ кантонѣ Швицъ эта отсрочка дѣлается на 4 года, а въ Унтервальденѣ на 12 лѣтъ! Иногда бѣднякъ, получающій позволеніе жениться, обязанъ по закону уплатить сполна всю сумму, которую выдавала ему полиція въ видѣ пособия, по мелочамъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ Швицѣ бракъ запрещается не только тѣмъ бѣднымъ, которые пользовались законнымъ пособиемъ послѣдніе четыре года, а даже и тѣмъ гражданамъ, которыхъ родственники, отецъ, мать, братья и сестры, находились въ подобномъ положеніи. Въ кантонѣ Аппенцель, каждое воскресенье и въ каждой церкви громко объявляются имена всѣхъ несчастныхъ, попавшихъ въ число официальныхъ бѣдняковъ, и суммы выданнаго имъ пособия. Въ Бернѣ и Фрибургѣ полиція вывѣшиваетъ на дверяхъ каждаго кабака и ресторана списки этихъ бѣдныхъ и строго запрещаетъ выпускать ихъ туда; для отличія отъ прочихъ гражданъ, они обязаны носить особенный, нарочно для того придуманный нарядъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Въ Унтервальденѣ заботливая полиція не только наряжаетъ своихъ питомцевъ въ нищенскій костюмъ, но запрещаетъ имъ всякія игры, танцы и подъ конвоемъ водить въ церковь. Забудьте, что эти питомцы полиціи—не преступники, не бездомные и нищие бродяги, а свободные граждане-республиканцы, которые по бѣдности, по честной бѣдности доводятъ себя до подобнаго униженія!

Швейцарскіе законы неумолимы относительно нищенства: оно считается почти уголовнымъ преступленіемъ. Лишеніе правъ гражданства, исключеніе изъ списка получающихъ законное вспоможеніе, насильственная вербовка, тѣлесное наказаніе, заточеніе въ смиренныя дома и тюрьмахъ, каторжная работа и разныя другія мягкія наказанія ожидаютъ бѣдняковъ, которымъ вздумается просить милостыню у прохожихъ. На стѣнахъ домовъ и церквей, на дорожныхъ столбахъ и всѣхъ перекресткахъ прибиты внушительныя и грозныя объявленія о запрещеніи нищенства. Городская и земная полиція неунынно слѣдитъ за нищими и неутомимо охотится на нихъ по горамъ, по лѣсамъ, по самымъ дикимъ ущельямъ, чуть-чуть не по снѣговымъ вершинамъ и ледникамъ. Въ городахъ и деревняхъ нѣкоторыхъ кантоновъ, напр., въ Аппенцель,

каждый домовладелец, вооруженный алебардой или длинной пикагой, обязан в определенные сроки выходить на землю своих или нанимать, вместо себя, более опытных охотников: Индичь и бесдомных (heimathlos) имеет право преследовать и ловить каждый кому вздумается; за поимку этих несчастных полиция дает такую же награду, какъ за истребленіе опасныхъ звѣрей.

Не смотря, однако, на всю строгость законовъ и рвеніе полиціи-сликъ и всякаждъ смидиговъ, нищета гнѣздится и накапливается въ горахъ и долинахъ Швейцаріи и угрожаетъ со временемъ затолить ее.

Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ! Ивдали намъ Швейцарія кажется какимъ-то земнымъ раемъ, обѣтованной страной; такою она представляется, конечно, и тѣмъ правдымъ, близорукимъ путешественникамъ, которые ѣдутъ туда любоваться красою тами природы; восходяжъ я закатомъ солнца на сибѣжнихъ высотахъ: Жаль, что швейцарская полиція не пригласяетъ такихъ сентиментальныхъ путешественниковъ охотиться на нищизнѣ, а напротивъ того, ласкаетъ вооруженъ ихъ приврачнымъ порядкомъ и счастьемъ.

Отвернемся съ отвращеніемъ отъ убогой Швейцаріи и взглянемъ на Англію, вротъ идеалъ несправимыхъ экономистовъ и политиковъ. Впрочемъ объ Англіи было уже писано у насъ такъ много дурного и хорошаго, что говорить объ ней долго не стоитъ. Для возбужденія восторга нашихъ англомановъ, приведемъ только нѣсколько статистическихъ данныхъ о благосостояніи рабочихъ народа въ соединенномъ королевствѣ Великобританіи.

Собственно въ Англіи считается одинъ официальный бѣднякъ на семь жителей обоого пола. Такимъ образомъ седьмая часть населенія (болѣе $2\frac{1}{2}$ милліоновъ), лишенная средствъ существованія, содержится на счетъ общественныхъ суммъ (таксы бѣдныхъ) или прокармливается въ рабочихъ домахъ (workhouses). Число официальныхъ бѣдныхъ постоянно возрастало въ страшной пропорціи: въ 1813 году, на иждивенія общинъ состояло 900,000 чел., въ 1848 году—1,880,000 чел., а теперь ихъ считается свыше 2,500,000. Если къ этой массѣ бѣдныхъ, получающихъ пособие отъ общинъ, причислить другихъ бѣдняковъ, которые живутъ частнымъ подаеніемъ, то окажется, что въ Англіи находится около пяти милліоновъ, то есть, болѣе $\frac{1}{4}$ населенія, въ крайне бѣдномъ состояніи. (Вычисленіе статистика барана Морага).

«Нельзя забыть, что въ число официальныхъ бедныхъ записываются только простые рабочіе; городская и сельская чернь; эти бедные, подъ названіемъ *paupers*, какъ плебей, не счисляются въ общественной жизни съ бедняками средняго и высшаго класса (*poor rates*), которыхъ питаетъ частная благотворительность. Въ аристократической Англии даже нищета не сглаживаетъ различія сословій: если бедный изъ высшаго или средняго круга, такъ называемый *poor man*, рѣшится записаться въ число *paupers*, то есть, официальныхъ бедняковъ-плебеевъ, то его считаютъ негоднымъ, позорящимъ общество; и лишаютъ его частнаго пособія, которымъ онъ пользовался, какъ аристократъ и джентльменъ.

Въ Англии частная благотворительность развита въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и не имѣетъ ничего общаго съ законной помощью въ пользу пролетаріевъ, которая собирается и раздается земскими властями. Вся частная благотворительныя учрежденія—больницы, воспитательныя и сумасшедшіе дома, дѣтскіе и сиротскіе приюты—содержатся и управляются безъ всякаго надзора и вмѣшательства правительства. Эти учрежденія очень богаты, потому что лорды, бароны и прочіе джентльмены, аристократы по происхожденію или деньгамъ охотно жертвуютъ изъ тщеславія или для усовершенія совѣсти; при этомъ она знаютъ еще, что помогаютъ не плебеймъ, а патриціамъ нищеты, которые впади въ нее вследствие распутства, мотовства, неудачныхъ спекуляцій, безвротства и тому подобныхъ джентльменскихъ несчастій.

Въ Англии тридцать тысячъ землевладѣльцевъ; въ ихъ рукахъ $\frac{5}{6}$ всей земли, которую удобряютъ своимъ потомъ голдрные машины. Социальное рабочее населеніе въ городахъ извѣстно каждому, кто знаетъ Англию хотя по наслыжкѣ. Одновременно съ развитіемъ нищеты, пролетаріатъ умножается и число преступленій, особенно въ промышленныя и торговыя городахъ. Въ Ньюкестлѣ осуждаютъ ежегодно одного изъ 24 жителей; въ Манчестерѣ—одного изъ 21; въ Лидсѣ—одного изъ 12. Официальная статистика доказываетъ, что, въ теченіе тридцати лѣтъ, число преступленій удваивается. Въ Лондонѣ, гдѣ бродитъ 60,000 нищихъ и 80,000 публичныхъ женщинъ, каждый изъ 83 чел. не имѣетъ никакихъ средствъ существованія, кромѣ грабежа и воровства, а потому болѣе 35,000 держится въ тюрьмахъ за эти необходимыя преступленія.

Въ такомъ завидномъ положеніи находится собственно Англія: съ княжествомъ Валлійю. Шотландцы и ирландцы, действительно, смотрятъ съ завистью на англичанъ.

Въ Ирландіи каждый годъ почти три милліона жителей, то есть, 40 процентовъ населенія, терпятъ самыя ужасныя лишенія и подвергаются голодной смерти. Голодъ продолжается обыкновенно три-четыре мѣсяца, съ апрѣля до августа, пока не созрѣетъ картофель, исключительная пища ирландцевъ. Счастливы изъ нихъ тѣ, кто можетъ питаться картофелемъ два раза въ сутки. Большинство бѣдныхъ ѣстъ только разъ въ день, черезъ день и даже черезъ двое сутокъ. (G. de-Beaumont). Кромѣ трехъ милліоновъ бѣдняковъ, униженныхъ болѣе или менѣе быстрою голодною смертію, множество другихъ несчастныхъ не живутъ, а прозябаютъ въ грязи, зловоніи, спотыкѣ, нарождая чахоточныхъ идіотовъ. Чѣмъ сильнѣе смертность, тѣмъ болѣе плодятся ирландцы, какъ-будто смертію кетятъ небѣдять смерть.

Ирландія — страна щедро надѣленная природой, почва превосходная, климатъ здоровый. Рабочее населеніе отличается трудолюбіемъ, — а между тѣмъ, находится въ самомъ отчаянномъ положеніи. Отчего? Оттого, что ирландцы, какъ рабы, работаютъ не на себя, а на англичанъ, на своихъ господъ земледѣльцевъ, на духовенство, на полицію и солдатъ. Все, что производитъ Ирландія, увозится въ Англію, тамъ продается и расходуетъся. По вычисленію Нортонъ, изъ суммы ежегоднаго производства на долю ирландцевъ приходится только 7 или 8 коп. въ сутки на человѣка, и то при равномъ раздѣлѣ.

Шотландія, по своей нищетѣ, — сестра Ирландіи. Тамъ рабочій народъ дошелъ тоже до безнадѣжнаго и скотскаго состоянія и испытываетъ еще болѣе, чѣмъ ирландцы, изъ 6 человекъ — одинъ горькій пьяница. Было время, когда Шотландія славилась красотой своего населенія; теперь же, подъ губительнымъ вліяніемъ нищеты, горя и страданій, жители оставляютъ поля и горы и чахнутъ въ городкахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Участъ земледѣльца еще хуже: безъ поземельной собственности и пріюта, онъ идетъ въ кабалу къ любому арендатору, лишь бы не умереть съ голоду. Аристократія, захватившая въ свои руки землю, природное достоинствѣ бѣдныхъ пахарей, безжалостно лишила ихъ свободы, независимаго труда и куска хлѣба.

Мы коснулись вопроса о поземельной собственности. — Замѣтить кстати, что въ Англїи, гдѣ все такъ мудро устроено, этотъ роковой вопросъ разрѣшается, въ теорїи и на практикѣ, отрицаніемъ всякаго адратаго и нравственнаго смысла. Правителю признаетъ насильственное лишеніе частной собственности (expropriation) непремѣннымъ закономъ общественной жизни.

Это явное противорѣчіе неудержимо увлекаетъ западную Европу къ государственному перевороту, и увлекаетъ ее тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сильнѣе развивается нищета рабочихъ классовъ и занемаетъ желаніе облегчать ихъ участь путемъ административныхъ реформъ. Въ Англїи, напримѣръ, идетъ теперь борьба за всеобщую, поголовную подачу голосовъ; эта борьба кончится, безъ сомнѣнія, торжествомъ радикальной партїи; аристократія принуждена будетъ отступить, во имя государственной пользы, отъ своихъ феодальныхъ, феодальныхъ правъ и поземельнаго монополя. Начнется раздѣлъ и молочная распродажа громадныхъ аристократическихъ имѣній. Такойъ законъ современнаго прогресса и этотъ законъ пишетъ сама исторїя.

Какъ мы уже сказали, тридцать тысячъ аристократовъ располагають судьбою всего земледѣльческаго населенія Англїи; они довели его до крайней нищеты и заставили искать спасенія въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ рабочему если и не лучше, то и не хуже, чѣмъ въ полѣ. Посмотримъ, что дѣлается во Франціи.

Тамъ нѣтъ поземельнаго монополя, нѣтъ такихъ обширныхъ помѣстій, какъ въ Англїи. Напротивъ того, земля во Франціи раздроблена на самыя мелкія участки и составляетъ собственность 25½ миллионновъ жителей; слѣдовательно болѣе 68 процентовъ населенія страны надѣлено землей.

При такомъ распредѣленіи поземельной собственности, слѣдуетъ, кажется, полагать, что масса французскаго народа не можетъ жаловаться на свое независимое, обеспеченное положеніе. Что же, однако, оказывается? После всевозможныхъ революцій, поземельная собственность — чистая иллюзія для французовъ. На 25½ миллионновъ земледѣльческаго населенія, считается только 250,000 (отъ 65 до 80 тысячъ семействъ) богатыхъ или зажиточныхъ собственниковъ. Затѣмъ, средній годовоі доходъ съ земли для 5 миллионновъ жит., имѣющихъ собственность, не превышаетъ 170 франковъ

(42 1/2 рубл.). Наконец, болше десяти тысяч владельцев получают въ общемъ итогъ всего 16 1/2 фр. (4 р. 12 к.) годового дохода на человѣка. Полагая даже на каждаго семейство по 4 чел. (отецъ, мать и двухъ дѣтей), мы приводимъ, тѣмъ не менше, къ тому неизбежному заключенію, что во Франціи до пяти тысячъ семействъ, владѣющихъ землей, должны питаться сельскими воздухомъ или жить работой по найму.

На поземельной собственности лежитъ гнетущій долгъ въ 10 миллиардовъ франковъ (2,500 милліоновъ рубл.); слѣдовательно, бѣдному собственнику, который платитъ подати и откупается отъ военной службы, приходится еще работать на своихъ кредиторовъ; иначе онъ лишится и того приврака, который называется своей землицей. 66 франковъ въ годъ на семейство изъ 4 человекъ! Безможно ли существовать многочисленному классу собственниковъ при такой нищетѣ? Конечно, нельзя, и потому земледѣльцы бѣгутъ изъ деревень искать работы въ городахъ. Но лучше ли имъ тамъ?

Недавно министръ народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи, въ своемъ докладѣ Наполеону III, наивно замѣтилъ, что сельское населеніе поступаетъ очень благоразумно, когда рѣшается покинуть деревню и выдвигается въ города. «На, что тутъ жаловаться? говорить оумъ! Въ городѣ земледѣлецъ находитъ менше тяжкое занятіе; приотъ ему отырываются двери больницъ, разныхъ богоугодныхъ и благотворительныхъ учреждений; въ городѣ, наконецъ, его иногда избавляютъ отъ прамыхъ налоговъ, а дѣтей его сажаютъ въ школы».

Такъ разсуждаетъ одинъ изъ самыхъ либеральныхъ и модныхъ министровъ второй французской имперіи; чего же ожидать отъ прочихъ мудрецовъ!

Кромѣ 20 милліоновъ пролетаріевъ поземельной собственности, во Франціи числится еще около 3,300,000 наемныхъ сельскихъ работниковъ, которые не имѣютъ и влочка собственной земли. Положеніе этихъ несчастныхъ несравненно хуже рабства; рабы не умираютъ съ голоду; ихъ кормятъ, по крайней мѣрѣ, какъ домашнюю скотину, а наемнику даютъ только такую задѣльную плату, которая бы напоминала ему, во снѣ и на яву, о близости голодной смерти.

Городское рабочее населеніе Франціи получаетъ, среднимъ числомъ, 1 фр. 40 сант. (35 коп.) въ сутки на человѣка; это вычисленіе

официальнаго статистика г. Легоа; другіи понижаютъ среднюю заработную плату до 1 фр. 10 сант. Можетъ ли семейный рабочий существовать въ городѣ, гдѣ обыкновенно все дорого, даже за 1 фр. 40 сант? Можетъ ли онъ, притомъ, всегда рассчитывать на этотъ ничтожный заработокъ?—Это вопросъ жизни и смерти для бѣднаго рабочаго, вопросъ, котораго не задаютъ себѣ филантропы, потому что они сыты, а сытые голодныхъ не понимаютъ.

У работника одна забота—была бы у него работа. Но дѣло въ томъ, что она — случайная находка для наемниковъ; конкуренція ставитъ ихъ въ такое положеніе, что они не могутъ найти столько хозяевъ, сколько хотятъ. Хозяину нуженъ одинъ рабочий, а являются трое. Сколько ты просишь? спрашиваетъ онъ перваго. — Два франка; я семейный—у меня жена и дѣти. — Хорошо. А тебѣ сколько надо? говоритъ наниматель другому работнику. — Полтора франка; хотя я и женатъ, но безъ дѣтей. — Прекрасно. А ты сколько хочешь? обращается онъ къ послѣднему. — Я холостой — и мнѣ довольно одного франка. — Ну, такъ за тобой и работа! отвѣчаетъ хозяинъ. Дѣло рѣшено: работа, какъ товаръ, куплена съ торгу по самой дешевой цѣнѣ и по всѣмъ правиламъ политической экономіи. Одинъ изъ трехъ рабочихъ нанятъ: что же станутъ дѣлать два остальные? Конечно, будутъ голодать, въ ожиданіи работы. А если имъ вздумается воровать! Не бойтесь: на то есть полиція.

Императоръ Наполеонъ III говоритъ: «Въ настоящее время вознагражденіе за трудъ предоставлено произволу случая или насилія. Рабочіе живутъ, какъ илоты среди сибаритовъ. У рабочаго народа нѣтъ ничего; руки—все его богатство; этимъ рукамъ надо дать полезное занятіе. Теперь работникъ бунтуетъ, потому что его притѣвляютъ. Бѣдность тогда лишь перестанетъ возмущаться, когда богатство не будетъ болѣе угнетать ее.» Louis Napoléon. — *Extinction du paupérisme*. Т. II).

По мнѣнію г. Тьера, шестая часть населенія Франціи, то есть болѣе шести миллионъ, находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что должна существовать подаяніемъ. Между тѣмъ число несчастныхъ, получающихъ законное пособіе, не превышаетъ трехъ миллионъ, а потому частная милостыня дѣлается соціальной необходимостью. Кромѣ раздачи пособія въ натурѣ, равными съвѣтными привасами, администрація расходуетъ на бѣдныхъ ежегодно

до 120 миллионъ франковъ, т. е. по 40 фр. на челоѣна. Такимъ образомъ, официальному бѣдняку приходится существовать на 11 сантимовъ (2 $\frac{1}{5}$ коп.) въ сутки! Полиція признаетъ это пособіе совершенно достаточнымъ и потому строго преслѣдуетъ тѣхъ недовольныхъ, которые осмѣливаются рассчитывать на милосердіе проходящихъ.

Въ богатомъ Парижѣ официальные бѣдняки довольствуются еще меньшимъ пособіемъ, чѣмъ ихъ братья въ другихъ городахъ: на долю каждаго влосчастливаго парижанина, попавшаго въ списокъ питомцевъ благотворительныхъ бюро (bureaux de bienfaisance), достается, среднимъ числомъ, отъ 8 до 9 сантимовъ въ сутки. Такое денежное пособіе получаютъ 116,000 чел. Въ Парижѣ, гдѣ такъ дороги квартиры, около 11,000 семействъ не въ состояніи платить за наемъ ихъ болѣе 100 фр. въ годъ; 20,000 семействъ платятъ отъ 100 до 200 фр. Какія квартиры можно имѣть за подобныя цѣны — рѣшительно нельзя вообразить: ихъ нужно видѣть своими глазами, чтобы убѣдиться въ справедливости французской поговорки: «нѣтъ ничего невозможнаго для француза». Дѣйствительно, кто видѣлъ, какъ живутъ парижскіе бѣдняки въ грязныхъ, удушливыхъ норахъ и чердакахъ, безъ оконъ и печей, тотъ, значитъ, видѣлъ нищету во всей ея прелести, а француза — въ его неподражаемой стойкости среди самыхъ ужасныхъ лишеній.

Въ нищетѣ и развратѣ Парижъ нисколько ни уступаетъ Лондону. Цѣлые кварталы населены жалкими бѣдняками и публичными женщинами. На 100 рожденій считается 33 виббрачныхъ. Изъ общаго числа умирающихъ, одна треть хоронится на счетъ городскихъ суммъ, а четверть умираетъ въ больницахъ.

Не менѣе поразительна нищета и въ другихъ городахъ Франціи. Въ Троя, напримѣръ, изъ 9,000 рабочихъ, болѣе половины числятся официальными бѣдняками и получаютъ пособіе; въ С.-Контенѣ, Лиможѣ, Руанѣ и прочихъ мануфактурныхъ городахъ эта пропорція бѣдныхъ еще значительнѣе.

Вообще состояніе Франціи весьма плачевно, не смотря на все усердіе профектовъ и бдительность полиціи, которая никакъ не можетъ запугать нищету и помѣшать ей развиваться. Тамъ, гдѣ нищета, завѣдомо полиціи, пожираетъ шестую часть населенія, гдѣ бредитъ безъ куска хлѣба и пристанища до 300,000 несчастныхъ;

гдѣ свыше милліона незаконнорожденныхъ и до 150,000 ежегодныхъ подкидышей, гдѣ 60,000 жаторжныхъ и 30,000 умалшенныхъ, гдѣ отчаянный развратъ и преступленіе прососали всё слои общества, — тамъ ему остается только разлагаться и догнивать, безъ надежды на воскресеніе.

Старая цивилизація умираетъ не по годамъ, а по днямъ. Она чувствуетъ свою дряхлость и, въ то же самое время, страшится смерти, какъ суевѣрная грѣшница. А между тѣмъ, мы только и слышимъ отъ либераловъ всевозможныхъ оттѣнковъ что о прогрессѣ. Они обѣщаютъ намъ въ будущемъ зодотыя горы, не видя или не желая видѣть, что, чѣмъ дальше, — тѣмъ хуже. Было время, когда и древній міръ, разрушадсь по частямъ, не хотѣлъ вѣрить близости паденія; азва рабства и нищеты, точка его входу и поперегъ, а онъ все еще гордился своей мудростью, праздновалъ свои побѣды надъ варварствомъ и потѣшался въ Римѣ; но время сдѣлало свое дѣло: оно смаяло и равнѣяло, какъ прахъ, древнюю цивилизацію.

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать вѣковъ, но разрѣшеніе экономическаго вопроса въ самой жизни народовъ недалеко ушло.

Да не подумаетъ читатель, что мы исключаемъ нѣмцевъ изъ числа народовъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятное положеніе передъ экономической задачей XIX вѣка. И въ Германіи чувствуется та же гниль, хотя и съ особеннымъ запахомъ прогорклаго пива и севернаго табаку. Даже самими нѣмцамъ до того уже противенъ «дымъ отечества», что они толпами бѣгутъ и выселяются въ Америку, Австралію или на мысъ Доброй Надежды. Бѣжить, разумѣется, самое бѣдное, но вдоровое сословіе рабочихъ.

Выселеніе нѣмцевъ, усиливаясь съ году на годъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что нищета съ цивилизованнымъ рабствомъ свирѣпствуетъ въ Германіи не менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы. Доктора и профессора «*Staats und Polizei-Wissenschaften*», — безъ устали копаются въ пыли библиотекъ, отыскиваютъ въ исторіи Китая, Египта, Ассиріи и Вавилона самыя негѣлые законы противъ нищеты, выдаютъ ихъ за свои собственные проекты и предлагаютъ властямъ примѣнять ихъ на дѣлѣ. Ученость, особенно профессорская, непривающая здраваго смысла, — въ большемъ почетѣ у нѣмцевъ. Что скажетъ какойнибудь Herr Doctor Esel? Скажетъ онъ глупость за кружкой пива или съ кафедръ — все запишется, все напечатается, расхвалится и навсегда засядетъ въ мозгу его соотечественниковъ, какъ аксіома или мудрая

пословица. Полиція въ Германіи не выдумываетъ сама ничего, а только пользуется лекціями и сочиненіями ученыхъ спеціалистовъ, которые изучили законы Дракоша и равныхъ сарановъ. До сихъ поръ эти ученые не нашли другихъ средствъ противъ нищоты, кромѣ преслѣдованія и наказанія нищихъ, а потому полиція во всей Германіи дѣятельно преслѣдуетъ и строго наказываетъ всякаго бѣдняка, который, изъ страха голодной смерти, проситъ подаванія. Въ Мюнхенѣ, напримѣръ, каждую недѣлю хватаютъ 2,600 нищихъ только за то, что они полагаются на христіанское милосердіе своихъ ближнихъ. Въ Дрезденѣ, Гамбургѣ, Баденѣ печатають катехизисы, въ которыхъ внушается гражданамъ преслѣдовать нищенство, какъ преступленіе противъ общества. Между тѣмъ число нищихъ размножается повсюду въ такой степени, что городскія и земскія власти принуждены усиливать штаты полиціи и раздавать пособіе бѣднякамъ, которые протягиваютъ руку полицейскимъ сыщикамъ. Въ Гамбургѣ, гдѣ болѣе развита нищета, полиція кормитъ одного изъ 13 жителей; въ Баденскомъ и Вюртембергскомъ герцогствахъ — одного изъ 20; въ Саксоніи, Баваріи, Ганноверѣ — тоже. Въ Австріи считается болѣе 1,500,000 бѣдныхъ, получающихъ законное пособіе, а въ Пруссіи — до 700,000, т. е. одинъ изъ 26 жителей признается официальнымъ нищимъ.

Такимъ образомъ, нищета бичевала древній міръ и утопила его въ крови рабовъ; нищета бичуетъ и современную Европу и заставляетъ ее испытывать революціи и войны. Какъ видно, нищету нельзя усыпить баснями цивилизаціи. *Кормись и корми или умирай!* кричитъ злобѣщая, неутомимая и безстрашная нищета, и народы повинуются ея голосу, какъ закону самой природы.

И такъ первый и послѣдній, неотвѣтственный вопросъ исторіи — вопросъ *народнаго пропитанія*. Кто хочетъ понять смыслъ историческихъ событій и разгадать тайну горькой жизни и жалкой смерти народовъ, тотъ долженъ узнать, какъ разрѣшался этотъ вопросъ въ древнія и новыя времена. Въ этомъ отношеніи современная цивилизація немногимъ отличается отъ древняго рабства: какъ прежде, такъ и теперь, вопросъ народнаго пропитанія обстоитъ нерѣшеннымъ и потому нищета одинаково гложетъ народы во вѣки вѣковъ. Какъ прежде, такъ и теперь, война и насильственная смерть — удѣлъ народовъ, осужденныхъ природою на разрѣшеніе задачи нищеты.

«*Хлѣба и зрѣлища!*» — (*Panem et circenses*) — кричала римскіе пролетаріи въ славныя времена республики и имперіи.

«Труда и хлѣба!» — кричатъ французскіе работники, и крику ихъ вторитъ все рабочее населеніе Европы.

Въ языческой римской имперіи, со временъ Цезаря, была завѣдена бесплатная раздача хлѣба бѣднымъ плебеямъ. Изъ числа 450,000 жителей Рима, 320,000 чел., почти три четверти городского населенія, питалось даровымъ хлѣбомъ. Въ столицѣ имперіи были постоянныя запасы продовольствія, и нѣкоторые императоры приказывали раздавать бѣднымъ, кромѣ хлѣба, вино и овощи.

Въ средневековой западной Европѣ бѣдныхъ никогда такъ не кормили, какъ въ древнемъ Римѣ; въ средніе вѣка нищая братія, таскаясь по монастырямъ, выпрашивала куски хлѣба во имя Христа. Прошли темные средніе вѣка, озарилась Европа свѣтомъ цивилизаціи, нищихъ стали преслѣдовать, а милостыня сдѣлалась полицейскимъ правомъ. За исключеніемъ Испаніи и Папской области, на Западѣ нельзя уже публично просить подаванія; тамъ нищій какъ-будто оскорбляетъ полицію, не довѣряя ей челоуѣколюбію! На содержаніе бѣдныхъ взимается особая подать, которая обыкновенно не входитъ въ роспись общихъ государственныхъ налоговъ, а въ число городскихъ и земскихъ повинностей. Какъ ни велика эта подать въ нѣкоторыхъ странахъ, тѣмъ не менѣе, она не въ состояніи облегчить участь бѣднаго и самаго многочисленнаго класса рабочихъ. Не говоря уже о томъ, что большинство бѣдныхъ лишено всякаго пособія и даже права на трудъ или на нищенство, ещенціальная милостыня разоряетъ только общество и нисколько не ослабляетъ нищеты. Вотъ почему статистики-экономисты, при всей христіанской любви къ ближнему, единогласно утверждаютъ, что подаваніе бѣднымъ — общественное зло и зло опасное. Они говорятъ: «искоренять нищету состраданіемъ и милосердіемъ все равно, что тушить пожаръ масломъ или спиртомъ.»

Повсемѣстный опытъ дѣйствительно доказываетъ ту горькую истину, что нищета развивается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе желаютъ отъ нея избавиться. Англія, напримѣръ, въ 1813 году содержала около 800,000 бѣдныхъ на счетъ земскихъ сборовъ; въ 1848 г. число ещенціальныхъ нищихъ, получавшихъ пособіе, возросло до 1,800,000 чел., а ежегодная подать для нихъ была свыше 50 миліоновъ рублей. Бѣдняки поневолѣ должны ограничиваться удовлетвореніемъ самыхъ настоятельныхъ животныхъ потребностей, но спра-

шивается: возможно ли удовлетворить ихъ за 20 или 30 рублюй годового содержанія?... Замѣьте при этомъ, что англійскій бѣднякъ получаетъ гораздо болѣе другихъ!...

Что же дѣлать съ бѣдными рабочими безъ работы?— Пусть они лучше умираютъ быстрой голодной смертью, говорить одинъ изъ филантроповъ, а не мучатся напрасно и не раздражаютъ своего аппетита крошками хлѣба, которыми угощаютъ ихъ официальная благотворительность. И кто просить бѣдныхъ родиться на свѣтъ, когда и безъ нихъ не со- веѣшь-то весело живетъ богатымъ? Государство не богоугодное учрежденіе, а притонъ для нищихъ; если въ нихъ кто не нуждается и всякій скорѣе готовъ отвернуться, чѣмъ подать имъ помощь, то законный порядокъ и сама природа требуютъ, чтобы они сошли съ лица земли и простились съ живнью. и Даръ случай- ный, даръ напрасный, жизнь — зачѣмъ ты имъ дана!

Вотъ смыслъ западной филантропіи, вотъ ученіе париссеевъ, по- слѣдователей знаменитаго англійскаго экономиста Мальтуса. И это ученіе возведено теперь на степень науки! Оно питаетъ юношей и отраду старцамъ подаетъ! «Безъ сожалѣнья, безъ участія смотрите на бѣдность и нищету; не отравляйте вашей жизни этими пошлыми сентиментальными чувствами; кушайте, пейте и веселитесь, а объ остальномъ не заботьтесь: сытому вездѣ и все должно казаться хо- рошо. Не думайте, что вамъ радость, то другимъ напость; это вздоръ!»

«Илоты среди сибаритовъ», говоритъ Наполеонъ III, указывая на положеніе бѣдныхъ въ западной Европѣ.

«Варвары и дикари среди образованныхъ», говоритъ англійскій историкъ Карлейль, указывая на рабочихъ, доведенныхъ до нищеты и скотскаго состоянія. — Готы, вандалы и гунны наводнили рим- скую имперію и рушили ее. Намъ не зачѣмъ ждать намѣстнаго по- добныхъ варваровъ: они не придутъ къ намъ издалека, чтобы мо- чомъ и огнемъ уничтожить нашу цивилизацію. Нѣтъ, не вдали отъ насъ, а съ нами вмѣстѣ, въ нашихъ богатыхъ городахъ и росеѣн- ныхъ селахъ живутъ тѣ самые варвары, которые поминутно угро- жають сорвать и разметать плоды нашей цивилизаціи. Эти дорогие плоды не по вкусу дикарей современной Европы!

И такъ, никакія политическія реформы и конституціи не спасутъ Европы отъ гражданскихъ войнъ и переворотовъ, которыми угро- жааетъ ей безвыходное положеніе рабочаго населенія.

Что будетъ, то будетъ, — а пока достоверно то, что на Западѣ рабочій классъ рѣзко отличается отъ прочихъ сословій и составляетъ въ обществѣ какъ бы особую породу людей. Образъ жизни, нравы, понятія и стремленія рабочихъ совершенно своеобразны и потому чужды и противны людямъ воспитаннымъ и образованнымъ. Напрасно наивные филантропы пытаются имѣть какое-то благотворное вліяніе на умъ и сердце работника: всѣ ихъ попытки сблизиться съ нимъ и образовать его по своему остаются безъ успѣха и кончаются илачевнымъ разочарованіемъ. Кто виноватъ? — Тутъ нельзя винить ни дикую природу рабочаго, который не поддается обаянію образованности, ни безтактность и неопытность учителей, которые не умѣютъ взяться за дѣло воспитанія. Нѣтъ, вся вина въ порядкѣ и силѣ вещей: цивилизація такъ устроила общество, что рабочій долженъ поневолѣ отказаться отъ образованія, слѣдуя поговоркѣ: «родился на свѣтъ, а ступай во тьму». Дѣло въ томъ, что «за ученаго двухъ неученыхъ даютъ»; въ этомъ-то и заключается весь смыслъ цивилизаціи, которая хочетъ просвѣщать всѣхъ и каждого, и, въ то же самое время, не можетъ обойтись безъ невѣжества и толпы неучей. Какъ разрѣшить этотъ вопросъ, основанный на очевидномъ противорѣчій? Или свѣтъ образованія немыслимъ безъ мрака невѣжества, какъ день безъ ночи? Въ такомъ случаѣ, нечего и заботиться о всеобщемъ просвѣщеніи: «будемъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и логичны». Вотъ что должны сказать другъ другу филантропы, довольные своимъ жалкимъ и нелѣпымъ образованіемъ.

«Мука — всему наука», говоритъ народная поговорка. Рабочій на западѣ ничему не учился, ничего не знаетъ по книгамъ, это правда; но, взамѣнъ того, онъ извѣдалъ цивилизацію на опытѣ, помнитъ еще старыя уроки, а главное, знаетъ, какъ работаетъ и какъ покупается его работа. Равнодушно смотритъ онъ на борьбу политическихъ партій. Ни жаркіе споры въ парламентѣ, ни смѣна министерствъ, ни газетныя новости и объявленія, короче — ничто не волнуетъ рабочаго народа: онъ стоитъ особнякомъ, не сближаясь съ образованными классами общества и не раздѣляя ихъ радостей и печалей. Работа, одна лишь работа съ кускомъ насущнаго хлѣба занимаетъ его и заставляетъ забывать весь цивилизованный міръ. За работу рабочій готовъ всегда продать себя на день, на два, на недѣлю, на мѣсяцъ, на годъ, на всю жизнь; за работу онъ готовъ стать рабомъ и отказаться отъ всякихъ политическихъ и дру-

гих ненужныхъ правъ, которыя не обезпечиваютъ его существованія, не спасаютъ отъ голода и холода. Рабство не можетъ пугать современнаго западнаго работника, потому что свобода труда, которой его наградили, хуже рабства. Вотъ почему онъ такъ мало цѣнитъ свое достоинство.

Мы видѣли и наблюдали западнаго рабочаго и откровенно говорить, что изъ него выйдетъ варваръ, хуже вандала или гунна. Нищета деморализовала рабочій народъ, сдѣлала его лицежѣрнымъ, жаднымъ, трусливымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жестокимъ и мстительнымъ. Онъ унижается, пока нуждается и пока ему угрожаетъ голодная смерть; но лишь-только онъ видитъ, что въ немъ занскиваютъ, за нимъ ухаживаютъ, — его смиреніе тотчасъ же обращается въ наглость и явную злобу. Самые безжалостные и безсовѣстные люди выходятъ чаще всего изъ среды пролетаріевъ.

Въ Европѣ развилась такая ужасающая нищета, которую нельзя извести ни добротнымъ или полицейскимъ подаваніемъ, ни страхомъ наказанія, ни выселеніемъ или изгнаніемъ бѣдныхъ. Противъ язвы нищеты, протѣвшей паськовозъ современныя западныя общества, бессильна даже и смерть; чѣмъ болѣе умираетъ нищихъ, тѣмъ болѣе ихъ еще нарождается. Одно поколѣніе быстро смѣняетъ другое и, не достигая зрѣлаго возраста, сходитъ въ могилу, завѣщая новому поколѣнію всѣ старыя, наследственныя болѣзни и неизлѣчимуую нищету. И вотъ плодится и размножается порода не людей, а какихъ-то особенныхъ существъ—чахлыхъ, уродливыхъ, съ безмысленнымъ и звѣрскимъ выраженіемъ лица. Эта безобразная порода дикарей, лишенная физическаго и умственнаго развитія, составляетъ многочисленный классъ наемныхъ рабочихъ, которые называются свободными гражданами и пользуются правомъ продавать свой трудъ по вольной цѣнѣ. Но дешево цѣнится наемная работа; конкуренція самихъ рабочихъ низводитъ задѣльную плату до такого уровня, ниже котораго животное ихъ существованіе становится невозможнымъ. Жизнь не мила пролетарію, но въ немъ не угасаетъ, однако, чувство самохраненія, и какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и онъ за кусокъ хлѣба работаетъ, работаетъ свыше силъ своихъ, до изнеможенія и смерти. Въ этой отчаянной привязанности къ жизни есть что-то нечеловѣческое, безумное и даже возмутительное, что-то больно поражающее мозгъ и сердце мыслящаго человѣка. Такая упорная борьба и за такую жалкую жизнь свойст-

венна только скотамъ и звѣрямъ! «Двухъ смертей не бываетъ, одной не миновать». Этой пословицы не придумаетъ никогда пролетарій, который постоянно гоняется за призракомъ жизни и умираетъ радомъ смертей, въ непрерывныхъ предсмертныхъ судорогахъ.

Рабъ привязывается иногда къ своему господину, любить его, цѣнить доброе его расположеніе, заявляетъ свою благодарность и преданность, не покидаетъ его въ минуты опасности или несчастья и не продаетъ его. Въ толпѣ же рабочихъ пролетаріевъ не ищите людей, привязанныхъ къ своимъ хозяевамъ; они продадутъ даже самыхъ добрыхъ и честныхъ въ нихъ, лишь только явится барышникъ, который пообѣщаетъ надбавить имъ цѣну. Эта низкая продажность все болѣе и болѣе развивается въ рабочемъ классѣ, на Западѣ, гдѣ раньше исчезло крепостное право. Тамъ наемникъ не дорожитъ не только хозяиномъ, котораго бросаетъ при первомъ удобномъ случаѣ, но даже своимъ семействомъ: онъ по частямъ распродаетъ его и публично торгуетъ своими дѣтьми. Въ Лондонѣ, напримѣръ, есть рынокъ, куда работникъ — отецъ семейства — водить продавать, какъ товаръ, своихъ сыновей и дочерей въ томъ возрастѣ, когда они даже негодны еще въ работу. Этотъ торгашъ дѣтскаго мяса, какъ разнощикъ, громко выкликаетъ покупателей, даетъ имъ ощупывать свой товаръ и, за два или за одинъ шиллингъ въ недѣлю, сбываетъ сына или дочь въ распоряженіе покупщика! Вотъ на что сталъ способенъ рабочий! Онъ не читалъ политической экономіи, не знаетъ теоріи Мальтуса или Джон. Ст. Милля, а понимаетъ условія найма и правила запроса и предложенія не хуже любого экономиста; науперизмъ убилъ въ немъ человѣчность, но за то научилъ его, какъ добывать деньги и барышничать.

Лѣзная работа цивилизаціи разваливается по кускамъ. Другими словами: западная Европа прогрессивно впадаетъ въ варварскій экономическій непотизмъ, въ которомъ должна исчезнуть личная свобода и независимость. Вотъ конецъ цивилизаціи съ ея иллюзіями!

Передовые люди западнаго прогресса и народныя вожаки, конечно, не видятъ этой пропасти; они смотрятъ назадъ, а не впередъ и не подъ-ноги. Вотъ почему имъ придется провалиться первымъ, а за ними провалится и все стадо.

Наше предсказаніе не выдумка: мы основали его на дѣйствительности, на осязательныхъ и безспорныхъ фактахъ современнаго на- правленія западной цивилизаціи. Намъ остается только доказать,

что изменить этого рокового направления нельзя уже никакими политическими или экономическими реформами. Передъ силою вещей бессильна мудрость современныхъ мудрецовъ, — что мы и докажемъ, когда будемъ говорить о разныхъ «экономическихъ иллюзіяхъ» которыми съ горя предается Западная Европа.

Прошли вѣка за вѣками, а народы все просятъ хлѣба, и эта жгучая просьба ясно доказываетъ, что экономическій вопросъ былъ и будетъ всегда преобладающимъ вопросомъ въ развитіи народовъ. Въ разъясненію его стремятся самые лучшіе умы нашего времени; съ разъясненіемъ его соединяются всѣ задачи XIX вѣка, и кто станетъ отрицать громадную важность этого вопроса, тотъ значить не ценитъ ни духа времени, ни стремленій современныхъ обществъ.

Но какъ идти къ разрѣшенію этого вопроса древніе и новые мыслители — объ этомъ мы наѣрены поговорить въ слѣдующей статьѣ.

И. Соколовъ.

ПОЭТУ.

Теперь прошла пора мечтаній,
Трескучихъ фразъ и общихъ мѣстъ—
Людьми непонятыхъ страданій,
Сентиментальныхъ описаній,
Гдѣ «онъ, она, могила, крестъ.»

Теперь не время музѣ рѣзвой
Точить баласы, пѣсни пѣть,
Пора наукѣ, мысли трѣзвой
Спокойно разумомъ владѣть.

Пускай луны поклонникъ нѣжный
Летитъ въ заоблачный эфиръ,
Намъ не понять порывъ мятежный,
Нашъ мѣръ сухой, холодный, сѣвѣнный
Не любить томныхъ, сладкихъ лиръ.

Все облака, весна да розы,
Да соловьи, да свѣтляки,
Все той-же стихотворной прозы
Сухіе тощіе ростки.

Когда сидятъ и мрутъ безъ хлѣба,
Ты все поешь, какъ соловей,
Лазурь чарующую неба
И красоту родныхъ полей.

Поэтъ прилизанный, приличный,
Ты слишкомъ мелеешь иногда:
Нечестенъ лепетъ поэтичный,
Гдѣ горе, слезы и нужда.

Буди въ насъ силы молодца,
На дѣло честное зови
И примемъ мы слова живыя
Во имя, разума, любви....

И. Вернсъ.

* * *

Онъ въ дырявыхъ пеленкахъ лежалъ,
Умирала страдалица мать,
Онъ ужъ голодъ знавать начиналъ,
Съ колыбели учился страдать
И звучало надъ бѣднымъ пророчество:
Сиротство, нищета, одиночество.

Онъ на улицѣ шумной стоялъ
И о хлѣбѣ прохожихъ молилъ,
Но никто этой просьбѣ не внялъ;
Пышный городъ такъ весело жилъ!
И звучало надъ бѣднымъ пророчество:
Сиротство, нищета, одиночество.

Онъ любилъ глубоко, тяжело
И о счастья мечталъ иногда,
Да въ лучину ее увлекло
Злое горе, угубила нужда.....
И звучало надъ бѣднымъ пророчество:
Сиротство, нищета, одиночество.

Онъ лежалъ изможденный, худой,
Кровь изъ раны на землю текла,
Суетился хирургъ молодой,
Да толпа любопытныхъ росла
И сбылося надъ бѣднымъ пророчество:
Сиротство, нищета, одиночество.

И. Бернсъ.

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ГЛАВА IX.

СТАРЫЙ СЕВАЙРЪ ПРИКАЗАЛЪ ДОЛГО ЖИТЬ.

Между тѣмъ, Кэтъ Вавазоръ по прежнему жила въ Уэст-морлендѣ одна одишенька съ дѣдомъ, и нельзя сказать, чтобы ея житіе было веселѣе. Джоржъ привыкъ смотрѣть на старика, какъ на старую башню, которая хотя и грозитъ съ виду паденіемъ, а между тѣмъ, стоитъ себѣ да стоитъ. Но Джоржъ видѣлъ то, что ему хотѣлось, или, вѣрнѣе, прямо противоположное тому, что ему хотѣлось бы видѣть. Въ теченіи многихъ лѣтъ, онъ ждалъ и не могъ дожидаться смерти дѣда; онъ обвинялъ судьбу въ жестокой несправедливости за то, что она такъ долго мѣшкала перерѣзать нить этой жизни; не мудрено, что, при такомъ настроеніи, онъ съ какимъ-то озлобленіемъ преувеличивалъ ту долю силы, которую старику удалось сохранить. Онъ почти освоился съ мыслью, что нехудо было бы придушить это крикливое старое горло, такъ упорно отказывавшееся испустить духъ. Но на самомъ дѣлѣ жизненная искра еле тлѣлась въ тѣлѣ старика, и если бы Джоржъ могъ знать, какъ обстояло дѣло, то онъ врядъ ли бы сталъ питать такія преступныя мысли.

Старикъ быстро дряхлѣлъ и почти уже стоялъ одной ногой въ гробу, хотя онъ по прежнему каждое утро выходилъ изъ своей комнаты и отправлялся, черезъ силу, бродить по хозяйству. Въ обычные часы онъ садился за столъ и выпивалъ, на зло докторскому предписанію, свою обычную порцію портвейна.

Докторъ вовсе и не желалъ лишать его этой послѣдней утѣхи, онъ только совѣтовалъ ему раздробить ту же порцію на нѣсколько приемовъ. Но и этому предписанію старикъ противился съ негодованіемъ и безпощадно ругалъ Кэтъ каждый разъ, какъ она позволяла себѣ напоминать ему о немъ.

— Есть изъ чего хлопотать, сказалъ онъ ей однажды вечеромъ:—точно не все равно, живъ ли я или умеръ; развѣ вотъ только что: Джорджъ выгонитъ тебя изъ этого дома, какъ скоро онъ ему достанется.

— Я не о себѣ забочусь, сэръ, отвѣчала Кэтъ со слезами на глазахъ: у меня была на умѣ только ваша польза.

— Ну, недолго тебѣ придется утруждать себя заботою о мнѣ, отвѣчалъ старый сквайръ, выпивая однимъ залпомъ свой стаканъ вина.

Кэтъ ходила за нимъ съ безграничною преданностью. Женщины вообще умѣютъ быть преданными въ подобныхъ случаяхъ; она заботилась о немъ, какъ о маломъ ребенкѣ, и съ добродушною веселостью скорѣе, чѣмъ съ покорностью, переносила вспышки его гнѣва: случилось ли ему разражаться ругательствами на внука, она не противорѣчила ему прямо, но умѣла вставить одно-другое слово въ оправданіе брата.— А вотъ погоди, отвѣчалъ онъ ей на это: еще доживешь до того, что онъ оберетъ тебя до послѣдней нитки и нагую выгонитъ на улицу.—Кэтъ горячилась и объявляла, что, каковы бы ни были недостатки ея брата, онъ не давалъ ей до сихъ поръ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ его привязанности къ ней. Но старый сквайръ насмѣшливо улыбался.

Однажды утромъ, вскорѣ послѣ этого разговора, Кэтъ вошла въ комнату къ дѣду съ завтракомъ, состоявшимъ изъ жиденькаго бульона, который онъ глоталъ черезъ силу. Старикъ усадилъ ее возлѣ себя и повелъ рѣчь объ имѣннѣи.

— Я знаю, заговорилъ онъ, что въ денежныхъ дѣлахъ ты, какъ есть, дура. И всѣ-то женщины по этой части немного смыслятъ, а ты менѣе, чѣмъ всякая другая.

На это Кэтъ отвѣчала только легкой улыбкой, выражавшей, что она и сама сознаетъ за собой тотъ же грѣшокъ.

— Мнѣ нужно повидаться съ Гогремомъ, продолжалъ онъ. Напиши ему два слова и скажи, чтобы онъ пріѣзжалъ сегодня или прислалъ когонибудь изъ своихъ клерковъ.

Гогремъ былъ стряпчій, проживавшій въ Пенритѣ и приглашавшійся въ Вавазорскій замокъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда сквайру нужно было что нибудь измѣнить въ своемъ завѣщаніи.

— Не лучше ли повременить этимъ дѣломъ, пока вамъ будетъ полегче? замѣтила Кэтъ. Но старикъ обрушился на нее съ такимъ градомъ ругательства, что она вскочила съ своего мѣста и, не помня себя, бросилась къ письменному столу, чтобы написать требуемую записку.

— Какъ бы ты распорядилась съ имѣньемъ, если бы я оставилъ его тебѣ? спросилъ сквайръ, когда она воротилась, отправивъ посланнаго.

Трудно было сразу отвѣчать на такой вопросъ. Она стояла съ минуту въ раздумьи, держа за руку старика и опустивъ глаза на его кровать. А онъ, между тѣмъ, пытливо глядѣлъ ей въ лицо своими мутными старческими глазами, какъ бы стараясь прочесть ея сокровенную думу.

— Мнѣ кажется, проговорила она наконецъ, что я отдала бы его брату.

— Такъ не оставляю же я его тебѣ, чортъ поberi! воскликнулъ онъ.

На этотъ разъ Кэтъ не вскочила и, не выпуская его руки изъ своей, продолжала глядѣть на кровать.

— Если бы я была, дѣдушка, на вашемъ мѣстѣ, отвѣчала она почти шопотомъ, я бы не рискнула дѣлать такія важныя распоряженія подѣ влияніемъ болѣзни. Да и сами вы, я убѣждена въ томъ, отсовѣтовали бы это всякому другому.

— Оставить имѣнье Алисъ? продолжалъ старикъ, разсуждая вслухъ съ самимъ собою, — и та тоже отдастъ все ему. И чѣмъ только приворожилъ онъ васъ обѣихъ? — хоть убей, не понимаю! Дурень онъ, какъ смертный грѣхъ; одинъ этотъ шрамъ, что бороздитъ ему рожу, чего стоитъ. Ума въ немъ особеннаго я тоже не вижу; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ онъ ничего такого умнаго на своемъ вѣку не сдѣлалъ. — Дай-ва мнѣ, Кэтъ, этой дряни, что принесли изъ аптеки.

— Кэтъ подала ему лекарство.

— И откуда досталъ онъ денегъ, чтобы купить себѣ голоса на выборахъ? продолжалъ старикъ, принявъ лекарство. Такому молодцу, какъ онъ, никто ничего въ долѣ не повѣритъ.

- Не знаю, откуда онъ взялъ деньги, солгала Кэтъ.
- Вѣдь ты ему не давала взаймы, не такъ ли?
- Онъ самъ на отрѣзъ отказался занимать у меня
- А ты таки предлагала ему?
- Да, сэръ.
- И онъ не взялъ у тебя?
- Не взялъ ни единого пени, сэръ.
- Что же побудило тебя дѣлать ему подобное предложеніе послѣ того, что я тебѣ сказалъ?
- Деньги мои, и я могу распоряжаться ими, какъ хочу, твердо отвѣчала Кэтъ.

— Глупа же ты, какъ я на тебя посмотрю,—вуда какъ глупа! Послѣ и будешь каяться, да поздно. А теперь ступай и пришли мнѣ сказать, когда пріѣдетъ Гогремъ.

Кэтъ ушла и, справивъ кое-какія дѣла по хозяйству, пристѣла въ столовой—поразмыслить о настоящемъ своемъ положеніи. Невзрачна была эта старомодная столовая съ своимъ выпѣвшимъ ковромъ и жесткою мебелью, обитою такою же полинялою матеріею. Вообще Вавазорскій замокъ не могъ похвалиться особеннымъ комфортомъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, владѣлецъ его находился въ стѣсненномъ положеніи и принужденъ былъ жить крайне разсчетливо. Нельзя сказать, чтобы онъ, вслѣдствіе этого, сдѣлался скрягою: за столомъ у него ѣлось и пилось въ волю, внучкѣ его, Кэтъ, никогда не было отказа въ деньгахъ; но на починку и мебелировку дома онъ ничего не расходовалъ, садъ тоже запустилъ; вслѣдствіе этого, всюду царствовалъ какой-то грязный, унылый, непривѣтливый колоритъ.

И такъ, Кэтъ задавала себѣ вопросъ, какъ ей поступать при настоящемъ положеніи дѣлъ? Она знала, что дѣдъ ея умиралъ и что, по многимъ причинамъ, не слѣдуетъ ей оставаться одной при его смертномъ одрѣ. Надо было извѣстить остальныхъ членовъ семейства. Но при этомъ представлялся вопросъ: чье присутствіе было бы всего умѣстнѣе въ настоящую минуту? По всей справедливости, ей слѣдовало прежде всего извѣстить Джоржа, какъ прямого наследника и будущаго главу дома, тѣмъ болѣе, что старикъ поговаривалъ о перемѣнѣ своего завѣщанія. Но при этомъ представлялось опасеніе: не принесетъ ли присутствіе Джоржа въ Вавазорѣ болѣе вреда,

чѣмъ пользы его же собственнымъ интересамъ? Нечего было и думать, чтобы Джоржъ смягчилъ обычную грубость своего обращенія даже у смертнаго одра старика, и надо было готовиться, что сквайръ, умирая, проклянетъ своего наслѣдника. Ничто, конечно, не мѣшало Кэтъ послать за дядей Джономъ, но не могла же она этого сдѣлать, не предупредивъ брата, а врядъ ли можно было ожидать, чтобы дядя и племянникъ поладили, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.—Навонецъ, Кэтъ рѣшилась написать тетусшѣ Гринау и попросить ее пріѣхать въ Вавазоръ; затѣмъ она рѣшилась написать Джоржу о томъ, какъ обстоятъ дѣла, и предоставить на его усмотрѣніе:—пріѣзжать ему или нѣтъ; она рассчитывала, что Джоржъ обо всемъ скажетъ Алисѣ, а Алиса отцу, который уже самъ рѣшитъ, какъ ему поступить въ настоящемъ случаѣ.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ мистеръ Гогремъ и былъ принятъ старымъ сквайромъ наединѣ. Пріѣхалъ и докторъ и, покачивая головою, объявилъ Кэтъ, что дѣдъ ея слабѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Кэтъ пристала къ нему съ разспросами, и тогда докторъ прямо высказался, что жизни старику осталось недѣля, быть можетъ, двѣ, и что развѣрзвѣ ужъ онъ будетъ очень остороженъ, тогда протянется, пожалуй, и мѣсяць.

Гогремъ уѣхалъ, не повидавшись съ Кэтъ, которая все еще льстила себя надеждою, что новое завѣщаніе такъ и не состоится. А между тѣмъ, завѣщаніе было сдѣлано и подписано двумя свидѣтелями—приходскимъ причетникомъ и однимъ изъ фермеровъ, которыхъ нарочно для этого призывали въ комнату больного.

Въ сумерки старикъ сошелъ къ обѣду; передъ этимъ онъ съ четверть часа походилъ, едва передвигая ноги, по большой аллеѣ передъ домомъ; день былъ холодный и ненастный, и Кэтъ укутала его потеплѣе съ головы до ногъ. Старикъ сѣлъ за столъ и попробовалъ ѣсть, но пища не шла ему въ горло.

— Не хочется мнѣ что-то ѣсть, проговорилъ онъ. Я полагаю, что тебѣ никакой обиды не будетъ, если я разомъ выпью свою кружку вина?

— А все же лучше покушали бы вы прежде чегонибудь, сэръ. Хотите, я принесу вамъ нѣсколько сухарей:—вы бы могли макать ихъ въ вино.

Выраженіе *макать* было выбрано неудачно, и старикъ разсердился.

— Моченые сухари! это еще что за новости? Стану я портить ими вино—единственную вещь, которая идетъ мнѣ въ душу!

— Но вино больше подкрѣпило бы васъ при какойнибудь пищѣ.

— Подкрѣпило, какъ бы не такъ! Меня ужъ ничто больше не подкрѣпить. Охота тебѣ приставать ко мнѣ съ такими вздорными просьбами.

И онъ налилъ себѣ вина, въ твердой рѣшимости выпить свои обычные четыре стакана, пока рука его не откажется подносить стаканъ къ губамъ.

Кэтъ на скорую руку проглотила свой обѣдъ, потомъ поправила уголья въ каминѣ, опустила занавѣсы на окнахъ и придала всей комнатѣ, по возможности, уютный видъ. Старикъ слѣдилъ глазами за ея неслышными движеніями; когда она подошла къ его стулу и придвинула къ нему графинъ съ виномъ, онъ положилъ свою мохнатую, жесткую руку на ея руку, покоившуюся на столѣ, съ несвойственнымъ ему выраженіемъ нѣжности. Добрая ты у меня дѣвка, Кэтъ, проговорилъ онъ. Жаль, что ты не мальчикомъ родилась.

— Но тогда, быть можетъ, я не могла бы быть здѣсь и ходить за вами, отвѣчала она, улыбаясь.

— Это такъ. Ты вышла бы тогда, навѣрное, такую же, какъ твой братецъ, хоть и врядъ ли, на мой взглядъ, можетъ уродиться другое подобное сокровище.

— Ахъ, дѣдушка! если онъ въ чемъ и виноватъ передъ вами, не лучше ли стараться простить ему?

— Стараться простить ему! А сколько разъ я прощалъ ему, вовсе и не стараясь объ этомъ? Очень нужно ему было пріѣзжать сюда намеренно съ тѣмъ только, чтобы нагрубить мнѣ еще на послѣдяхъ! Зачѣмъ не сохранилъ онъ моего запрета—показываться мнѣ на глаза?

— Но сами же вы позволили ему пріѣхать сюда.

— Такъ-то такъ, но я не позволялъ ему дѣлать мнѣ грубость на грубости. Ну, да дай только срокъ:—онъ еще убѣдится, что я даромъ что старъ, а своему обидчику отплатить умѣю.

— Скажите, сэръ: вы не сдѣлали ничего такого, что могло бы послужить ему во вредъ? спросила Кэтъ.

— Я перемѣнилъ свое завѣщаніе—вотъ и все. Или ты думаешь, что я сталъ бы по пустякамъ выписывать стряпчачаго изъ Пенрита?

— Но завѣщаніе еще, не правда ли, не написано?

— Говорятъ тебѣ, что написано. Если бы я оставилъ имѣнье въ полное его распоряженіе, то онъ прожилъ бы его въ какихъ нибудь два года.

— Но, сэръ, пожизненное пользованіе—другое дѣло. Вѣдь сами же вы обѣщались оставить ему имѣнье въ пожизненное пользованіе.

— Какъ ты смѣешь говорить это? Никогда я ничего не обѣщаль. Если бы онъ вель себя, какъ слѣдуетъ въ отношеніи меня, то я все бы ему оставилъ, какъ прямому моему наследнику, и не посмотрѣлъ бы на то, что собственно у меня никогда не лежало къ нему сердце.

— А теперь вы лишили его всего?

— Отстань ты отъ меня, Кэтъ, съ своими разспросами.

Тутъ его схватилъ припадокъ кашля, и разговоръ на эту тѣму болѣе не возвращался. Вечеромъ она прочтала ему главу изъ священнаго писанія, но онъ слушалъ ее неохотно и положительно отказался отъ добавочной главы, которую она было вызвалась прочитать. Послѣ чтенія онъ задремалъ и провелъ такимъ образомъ съ полчаса въ своемъ креслѣ. Когда онъ проснулся, Кэтъ съ трудомъ могла уговорить его отправиться въ постель. Ни разу еще не видала его Кэтъ такимъ слабымъ: онъ едва-едва могъ подняться по лѣстницѣ съ помощью внучки и старой служанки. Но обычная сварливость и тутъ не покидала его; очутившись въ своей комнатѣ, онъ задалъ порядочную головомойку внучкѣ и служанкѣ за то, что туфли его были переставлены.

— Дѣдушка, сказала Кэтъ, не остаться ли мнѣ съ вами эту ночь?

Но онъ еще пуше разсердился за такое предложеніе; наконецъ, кое-какъ съ помощью служанки удалось уложить его въ постель.

Удалившись къ себѣ въ комнату, Кэтъ сѣла за письма. Прежде всего написала она тетускѣ Гринау; тутъ ей не надѣ

чѣмъ было долго думать: она просто сообщала теткѣ объ опасности, въ которой находится старикъ, и просила ее пріѣхать проститься съ нимъ.—«Ваше присутствіе, писала она, будетъ для меня большимъ утѣшеніемъ въ эти тяжелыя минуты; да и у васъ на душѣ будетъ спокойнѣе послѣ того, какъ вы увидите съ отцомъ предъ его кончиной.»—Кэтъ запечатала это письмо въ полной увѣренности, что тетка непременно пріѣдетъ.

Не такъ-то легко далось ей письмо къ брату. Начала она съ того, что описала ему положеніе старика, дни котораго, видимо, были сочтены. Затѣмъ она писала ему, что пригласила тетушку Гринау.—«Что же касается твоего присутствія здѣсь, продолжала она, то предоставляю тебѣ рѣшить самому—необходимо оно или нѣтъ. Въ случаѣ чегонибудь (въ такихъ случаяхъ рѣдко рѣшаются назвать смерть безъ обиняковъ), я дамъ тебѣ знать, и ты, конечно, тотчасъ же пріѣдешь.»—Наконецъ, волей-неволей, надо же было упомянуть о завѣщаніи. Кэтъ могла бы еще обойти этотъ предметъ молчаніемъ, если бы ее не беспокоила мысль, что сама она замѣшана въ это дѣло; но теперь она боялась брата, боялась, чтобы онъ не перетолковалъ ея образъ дѣйствій въ дурную сторону. Впослѣдствіи онъ могъ ее же обвинить въ томъ, что она, своимъ молчаніемъ, помѣшала ему принять мѣры для отвращенія бѣды. И такъ, она подробно изложила ему какъ было дѣло.—«Не легко мнѣ писать тебѣ объ этомъ, продолжала она. Я знаю, что для тебя это будетъ тяжелымъ ударомъ. Сколько я могла понять изъ его словъ, въ этомъ послѣднемъ завѣщаніи онъ отстраняетъ тебя совершенно отъ наслѣдства. Я не запомню въ точности его выраженій, но таково было общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этого разговора. Наканунѣ онъ спросилъ у меня, что бы я сдѣлала съ имѣньемъ, если бы онъ оставилъ его мнѣ? Я, конечно, приняла такой вопросъ за шутку.—О содержаніи его завѣщанія я рѣшительно не имѣю и приблизительнаго понятія. Больше я тебѣ сказать ничего не могу: я сказала тебѣ все, что знаю.»

На слѣдующій день, рано утромъ, она тихонько вошла въ спальню старика; больной, повидимому, спалъ, и она такъ же тихо удалилась. Раза четыре въ теченіе этого утра заглядывала она въ спальню дѣда, но онъ, казалось, незамѣчалъ ея.

Наконецъ ее стало тревожить опасеніе: ужь не умеръ ли онъ, и она осторожно дотронулась рукою до его плеча. Онъ отвѣчалъ ей тихимъ пожатіемъ руки, свидѣтельствовавшимъ, что онъ не только живъ, но еще въ полномъ сознаніи.

Въ двѣнадцать часовъ ей принесли съ почты письмо. Она тотчасъ узнала почеркъ Алисы и, распечатавъ письмо, увидѣла, что оно очень длинно; прочитать его тотчасъ же у нея не было времени, но нѣсколько словъ, бросившихся ей въ глаза, заставили ее страшно желать поскорѣе ознакомиться съ его содержаніемъ. Но ей нельзя было ни на минуту отлучиться отъ дѣда. Въ два часа пріѣхалъ докторъ и пробылъ вплоть до вечернихъ сумерокъ. Въ восемь часовъ вечера старика не стало.

ГЛАВА X.

ИЗЪ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМЪ, КАКОЕ НАКАЗАНІЕ ПОСТИГЛО АЛИСУ.

Невесело было положеніе бѣдняжки Кэтъ среди стараго замка. Не то, чтобы смерть дѣда была для нея неожиданнымъ ударомъ:—она давно къ ней приготовилась. Старикъ довольно таки пожилъ на свой пай и самъ зналъ, что пора ему на покой; но все же присутствіе смерти имѣетъ въ себѣ что-то плачевное и торжественное. Къ тому же, Кэтъ была одна-одиношенька въ Вавазорскомъ замкѣ; по сосѣдству у нея не было ни души знакомой. До пріѣзда тетушки Гринау и брата должно было пройти, по меньшей мѣрѣ, дня два, а тутъ еще у нея были полны руки самыхъ непріятныхъ хлопотъ. Прислуга замка была для нея плохой подмогой. Весь домашній штатъ состоялъ изъ стараго дворецкаго, до того удрученнаго ревматизмами и различными немощами, что онъ почти никогда не выходилъ изъ своей коморки; изъ мальчика, справлявшаго за послѣднее время и свои дѣла, и дѣла дворецкаго; изъ старухи, годной только въ должность сидѣлки, и изъ двухъ неотесанныхъ врестьянокъ, числившихся въ должностяхъ вухарки и горничной.

Въ день смерти стараго свайра Кэтъ часа два бродила по комнатамъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Письмо, лежавшее

въ ея карманѣ, не выходило у нея изъ ума, и въ душѣ она сгорала нетерпѣннѣмъ поскорѣе прочитать его; но ее удерживало какое-то ложное чувство приличія: ей казалось, что въ такую минуту всѣ ея мысли должны принадлежать усопшему.

Такого рода обязательное гореванье невольнo приводитъ на память анекдотъ о той дамѣ, которая освѣдомлялась по секрету у своей пріятельницы—умѣстна ли при глубокомъ траурѣ жареная курица подъ хлѣбнымъ соусомъ; или другой анекдотъ о коронованной особѣ, ощутившей великое облегченіе въ своей горести послѣ того, какъ одинъ изъ придворныхъ завѣрилъ ее, что пикетъ—траурная игра.

Наконецъ, часовъ въ одиннадцать, Кэтъ рѣшилась прочитать письмо.—Такъ какъ письмо это находится въ связи съ ходомъ моего разсказа, то я привожу его здѣсь цѣликомъ:

Улица королевы Анны. Апрельъ 186...

Милая Кэтъ,

«Я не знаю, съ чего начать это письмо, какъ высказать тебѣ все, что у меня на душѣ; а между тѣмъ, мнѣ такъ много нужно сказать тебѣ. Я должна тебѣ все сказать, но, кромѣ тебя, никто не услышитъ отъ меня подробностей того, что случилось. Мнѣ бы слѣдовало написать тебѣ еще вчера, но вчера мнѣ было такъ дурно, что у меня не хватало на это силъ. Послѣ того, какъ братъ твой ушелъ отъ меня, я была какъ потерянная и могла только плакать,—плакать, какъ дитя.

«Милая Кэтъ, надѣюсь, что ты не разсердишься на меня за то, что я должна сообщить тебѣ фактъ, что твой братъ поссорился со мною; это не можетъ долѣе оставаться для тебя тайною, а я не хочу, чтобы ты узнала всѣ подробности случившагося черезъ него. Онъ пришелъ ко мнѣ вчера въ ужасномъ гнѣвѣ. Стоя передо мною, онъ спросилъ у меня, по какому случаю та сумма денегъ, которую онъ просилъ у меня взаймы, попала къ нему черезъ руки мистера Грея? Само собою разумѣется, я была непричастна къ этому дѣлу, и ничего не могла ему сказать. Я никому не говорила объ этихъ деньгахъ, кромѣ папа, который и взялся сдѣлать всѣ нужныя распоряженія. Я и до сихъ поръ еще не возьму въ толкъ, какъ это такъ случилось; съ отцомъ я еще не успѣла переговорить. Но Джорджъ на-

прямикъ объявилъ мнѣ, что не вѣрять мнѣ и что я сговори-
лась съ другими, чтобы унизить его въ общественномъ мнѣніи.

«Потомъ онъ спросилъ у меня, люблю ли я его?—Кэтъ, я
ничего отъ тебя не утаю, какъ ни тяжело мнѣ писать тебѣ
объ этомъ. Помнишь ли ты, какъ было дѣло на рождество,
когда мы обѣ съ тобою гостили въ Уэстморлендѣ? Не въ
обвиненіе тебѣ говорю я это, но мнѣ кажется, что я слиш-
комъ поторопилась тогда отвѣчать ему. Мнѣ казалось, что я
могу быть полезна ему, сдѣлавшись его женою: а надо же
мнѣ, думала я, приносить хоть какую нибудь пользу.—На его
вчерашній вопросъ я ничего не отвѣчала. И могла ли я от-
вѣчать ему утвердительно послѣ всѣхъ оскорбленій, которыя
я отъ него только-что вынесла? Тогда онъ снова возвысилъ
голосъ и потребовалъ отъ меня, чтобы я отослала назадъ ми-
стеру Грею всѣ подарки, полученные мною отъ него; при
этомъ онъ перебросилъ ко мнѣ черезъ столъ небольшой ножъ
для разрѣзанія бумаги, подаренный мнѣ мистеромъ Греемъ.
Не подчиняться же мнѣ было его прихоти, высказанной въ
такомъ повелительномъ тонѣ; я ничего не отвѣчала и спо-
койно положила ножъ на прежнее мѣсто. Но онъ снова схва-
тилъ его и бросилъ въ каминъ.—Я имѣю полное право смо-
трѣть на васъ, какъ на мою жену, проговорилъ онъ; а какъ
женѣ моей, я не позволю вамъ хранить у себя подарки этого
человѣка.—На это я, кажется, отвѣчала ему, что никогда не
буду его женою,—навѣрное не знаю, хотя многія изъ его
словъ запечатлѣлись у меня въ памяти; своихъ словъ я въ
точности не припомню. Помню только, что онъ съ клятвою
объявилъ мнѣ на мои слова, что если я вторично возьму на-
задъ свое слово, то я отъ него такъ дешево не отдѣлаюсь;
онъ грозилъ отомстить мнѣ за мое вѣроломство какою-то страш-
ною местию. Ахъ, Кэтъ, ты не можешь себѣ представить, ка-
кой у него былъ страшный видъ въ эту минуту! Онъ насту-
палъ на меня все ближе и ближе, и я, помнится, задрожала
передъ нимъ,—мнѣ такъ вотъ и казалось, что онъ меня уда-
ритъ. Само собою разумѣется, я не отвѣчала ему ни слова;
да и что могла я отвѣчать человѣку, позволившему себѣ, отно-
сительно меня, такія выходки? Затѣмъ, сколько я помню, онъ
сѣлъ и повелъ рѣчь о деньгахъ. Я сказала ему, что онъ мо-
жетъ брать у меня, сколько ему будетъ угодно, что себѣ я

нелзя. Ее связывала съ братомъ кровная привязанность и сила привычки; она все еще вѣрила въ силу его ума, но начинала сомнѣваться въ честности его образа дѣйствиѣ. Она сознавала, что, связывая свою участь съ его участью, она, быть можетъ, идетъ на встрѣчу своей же гибели, но это не измѣняло ея мужественной рѣшимости. Въ таковой готовности жертвовать собою было много благородства, но неблагородно поступала Кэтъ, пуская въ ходъ всевозможныя средства, чтобы втравить и Алису въ подобный же рискъ; невольное угрызение совѣсти проснулось въ Кэтъ, когда она, въ глухую полночь, расхаживала съ письмомъ кухни въ ругѣ.

Краска стыда кинулась ей въ лицо при мысли о сценѣ, описанной въ этомъ письмѣ. Еще безпощаднѣе, чѣмъ Алиса, относилась она къ поступку своего брата. Въ этомъ проступкѣ было нѣчто такое, что во сто-кратъ увеличивало вину его въ ея глазахъ, хотя это нѣчто и казалось Алисѣ совершенно естественнымъ.—Какъ могъ онъ требовать денегъ отъ дѣвушки, на которой собирался жениться! Хорошо было Алисѣ признавать законность подобнаго требованья; Кэтъ смотрѣла на это дѣло иначе. Она скажетъ ему здѣсь же, въ этомъ домѣ, который такъ недавно посѣтила смерть,—что считаетъ его поступокъ подлымъ и недостойнымъ мужчины. Кэтъ была неробкаго десятка; она дала себѣ слово высказать ему всю правду въ глаза, какъ бы зловѣще не искажилось при этомъ его лицо, какими бы страшными угрозами не отвѣчалъ онъ на ея рѣчи.

Пробило часъ и два, а Кэтъ все еще сидѣла въ гостиной. Огонь въ каминѣ погасъ и, хотя дѣло было уже въ половинѣ апрѣля,—ее начинала пробирать дрожь. Но прежде, чѣмъ лечь въ постель, она хотѣла написать нѣсколько словъ Алисѣ. Брату она порѣшила телеграфировать на слѣдующее утро, такъ же какъ и тетумѣ Гринау; но Алисѣ ей непремѣнно хотѣлось написать, хотя бы то было нѣсколько строкъ.—И такъ, дрожа отъ холода, она достала всѣ письменныя принадлежности и, не откладывая до другого дня, написала слѣдующее коротенькое письмо:

«Милая Алиса, я получила сегодня твое письмо и сегодня же скончался нашъ бѣдный старый дѣдъ. Передай объ этомъ

дядѣ Джону. Ты поймешь, что въ настоящую минуту я не могу распространяться о томъ дѣлѣ, про которое ты пишешь; но, даже въ такую минуту, я должна тебѣ сказать, что между нами ссоры не будетъ; по крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, останусь въ отношеніи тебя тѣмъ же, чѣмъ и была. Пока, я не могу ничего болѣе сказать, — вѣдь въ комнатѣ наверху лежитъ бездыханный трупъ моего дѣда. Я телеграфировала Джоржу и жду его сюда. Думаю также, что прійдетъ тетюшка Гринау, которой я писала еще за нѣсколько времени передъ тѣмъ, прося ее прійхать для моего успокоенія. Что касается дяди Джона, то пускай его самъ рѣшаетъ, какъ ему поступить въ настоящемъ случаѣ; меня пріѣздъ его очень бы обрадовалъ, на сколько вообще что нибудь можетъ меня обрадовать въ настоящую минуту. Стряпчій взялся распорядиться похоронами, для которыхъ, думаю, надо будетъ подождать пріѣзда Джоржа. Твоя кузина и другъ твой, Кэтъ Вавазоръ».

Внизу она сдѣлала маленькую приписку.

«Дорогая Алиса, если только ты хочешь, ты будешь мнѣ сестрою, самымъ дорогимъ и близкимъ мнѣ человѣкомъ».

Получивъ это письмо, Алиса была до того поражена извѣстіемъ о смерти дяди, что на минуту забыла даже личное свое горе. Она отправилась въ отцу и подала ему письмо Кэтъ.

— Папа, проговорила она, есть вѣсти изъ Уэстмарленда, — такія вѣсти, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ для васъ неожиданностью.

— Вѣрно отецъ умеръ, проговорилъ на это Джонъ Вавазоръ.

Тутъ Алиса передала ему письмо, чтобы онъ самъ прочиталъ его.

— Нечего и говорить, что я поѣду, замѣтилъ онъ, дойдя до того мѣста, гдѣ Кэтъ упоминала о немъ. Ужъ не воображаетъ ли она, что я откажусь провожать отца на кладбище изъ-за того только, что не долюбливаю ея брата? — А что значать эти увѣренія, что между вами не будетъ никакой ссоры?

— Я объясню вамъ это въ другой разъ, проговорила Алиса.

И онъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Затѣмъ онъ объя-

вилъ, что въ тотъ же вечеръ отправится съ почтовымъ поѣздомъ.

— Скучновато оно будетъ, добавилъ онъ, но мнѣ хочется присутствовать при вскрытіи завѣщанія.

Этимъ и кончился разговоръ. Въ шесть часовъ отецъ и дочь пообѣдали и, вскорѣ послѣ обѣда, мистеръ Вавазоръ отправился въ свою комнату — уложить свои вещи. Нѣсколько времени спустя, Алиса послѣдовала за нимъ, но такъ рассчитала, чтобы придти какъ разъ за нѣсколько минутъ передъ его отъѣздомъ.

— Папа, проговорила она, притворивъ за собою дверь:— прежде чѣмъ вы уйдете, я должна сказать вамъ, что между мною и Джоржемъ все кончено.

— Какъ! ты и съ нимъ разсорилась? воскликнулъ отецъ съ непритворнымъ изумленіемъ.

— Вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ со мной разсорился. Но, папа, прошу васъ, не разспрашивайте меня ни о чемъ въ настоящую минуту. Я все расскажу вамъ, когда вы вернетесь домой; сказала же я вамъ объ этомъ теперь потому, что мнѣ казалось, что вы должны знать, какъ обстоитъ дѣло, прежде, чѣмъ отправитесь въ Вавазоръ.

— Такъ это его продѣлки?

— Я не могу вамъ всего объяснить въ нѣсколькихъ словахъ.—Папа! поймите же наконецъ, какъ мнѣ больно и стыдно въ настоящую минуту, и не разспрашивайте меня такъ.

— Ну, а какъ же на счетъ Джона Грея?

— Мои намѣренія относительно его нисколько не измѣнились.

— Хоть убей, ничего не понимаю. Ты знаешь, что Джоржу было выдано изъ твоихъ денегъ двѣ тысячи фунтовъ... т. е. изъ твоихъ, либо изъ чьихъ другихъ—не въ томъ дѣло. Теперь мнѣ некогда объ этомъ распространяться. Ты знаешь мое мнѣніе о Джоржѣ и поймешь, что я, съ своей стороны, очень радъ, что дѣло у васъ разошлось. Пока, я ничего больше не скажу.

И съ этими словами онъ вышелъ, оставивъ Алису наединѣ съ ея мыслями.

Джоржъ Вавазоръ отправился съ тѣмъ же поѣздомъ, съ которымъ поѣхалъ и его дядя. Рассказывая по платформѣ и

заглядывая въ вагоны, чтобы прискаты себѣ мѣсто, онъ встрѣтилъ взглядъ Джоржа Вавазора; но дядя и племянникъ ни слова не сказали другъ другу, и Джоржъ отправился въ другой вагонъ. На слѣдующее утро, передъ разсвѣтомъ, они снова столкнулись лицомъ къ лицу въ буфетѣ на Ланкастерской станціи.

— Такъ-то, Джоржъ, обратился дядя въ племяннику: — старикъ приказалъ долго жить.

Мистеръ Вавазоръ разсудилъ, что такъ какъ оба они ѣдутъ въ одинъ и тотъ же домъ, то приличнѣе имъ обмѣняться дорогою хоть нѣсколькими словами.

— Да, отвѣчалъ Джоржъ, наконецъ-то прибралъ его Богъ. Любопытно было бы мнѣ знать, какую еще пакость сочинилъ онъ передъ смертью?

Джонъ Вавазоръ отвернулся, возмущенный до глубины души. Какъ ни мало была въ немъ развита извѣстнаго рода деликатность чувства, въ настоящемъ случаѣ онъ былъ чуждъ всякихъ своекорыстныхъ расчетовъ. Онъ не ожидалъ ничего для себя и не завидовалъ племяннику, къ которому должно было перейти все наслѣдство. Въ эту минуту онъ вспоминалъ о старомъ сквайрѣ просто, какъ о добромъ отцѣ, и слова, сказанныя Джоржемъ въ такую минуту, казались ему противоестественными.

— Врядъ ли мы найдемъ экипажъ въ Шэпѣ, заговорилъ, въ свою очередь, Джоржъ. Не лучше ли намъ нанять карету въ Кендэлѣ?

Джонъ Вавазоръ согласился на это предложеніе, и дядя съ племянникомъ окончили свое путешествіе вмѣстѣ. Дорогою Джоржъ не выпускалъ сигару изо рта, и спутники перекинулись всего нѣсколькими словами.

Въ старомъ замкѣ они встрѣтили мистрисъ Гринау, успѣвшую почти одновременно съ ними пріѣхать изъ Норвича.

ГЛАВА XI.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Пріѣздъ мистрисъ Гринау въ эту минуту былъ большимъ облегченіемъ для Кэтъ. Безъ нея она положительно не знала бы,

какъ встрѣтить дядю и брата. Теперь же всѣ они поневолѣ должны были оставаться въ границахъ той вѣзливости, которую посторопніе люди обязаны соблюдать въ отношеніи другъ друга.—Джоржъ былъ представленъ теткѣ, которую ни разу не видалъ съ самаго дѣтства.

— Такъ это вы, Джоржъ, проговорила мистрисъ Гринау, улыбаясь и протягивая ему руку.

— Да, я Джоржъ, отвѣчалъ онъ.

— И членъ парламента въ придачу, продолжала мистрисъ Гринау. Шутка ли, какая честь для всего нашего семейства! Когда я узнала объ этомъ, я почувствовала такую гордость!..

Мистрисъ Гринау проговорила это очень любезно, стараясь придать своимъ словамъ оттѣнокъ искренности; затѣмъ она обратилась къ брату:

— Папа таки пожилъ довольно на своемъ вѣку, хотя, говоря откровенно, я никакъ не думала, чтобы онъ былъ такъ слабъ, какъ оказывается по рассказамъ Кэтъ.

— Я и самъ этого никакъ не ожидалъ, отвѣчалъ Джонъ Вавазоръ:—еще на рождество онъ ѣздилъ съ нами въ церковь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Те-те! Какъ видно, онъ скончался точь въ точь, какъ мой бѣдный Гринау.—И при этомъ воспоминаніи она поднесла платокъ къ глазамъ.—Ты вѣдь, кажется, совсемъ не зналъ моего Гринау, Джонъ?

— Я видѣлъ его только разъ.

— О, такъ ты не могъ вполне оцѣнить этого человѣка! Я знаю, что противъ него были отчасти предубѣждены за то, что онъ былъ негоціантомъ; но теперь мы не будемъ объ этомъ говорить. Чѣмъ была бы я безъ него, безъ этого негоціанта?

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ.

— Да, Джоржъ, такихъ людей мало на свѣтѣ. Ну, да такъ ужъ удѣлъ всего прекраснаго на землѣ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что мистрисъ Гринау передъ отъѣздомъ изъ Норвича объявила капитану Бельфильду, что при извѣстныхъ условіяхъ,—если онъ будетъ вести себя хорошо,—счастье, быть можетъ, ему и улыбнется. Вслѣдствіе этого, капитанъ Бельфильдъ отправился къ лучшему портному

города, рассказалъ ему о близкой своей женитьбѣ и заказалъ кучу всевозможнаго платья.

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, продолжала мистрисъ Гринау, проводя рукою по глазамъ, и должны ожидать, что, рано или поздно, настанетъ нашъ чередъ.

— На это братъ ея отвѣчалъ легкимъ вздохомъ, долженствовавшимъ выразить сочувствіе; затѣмъ онъ объявилъ, что желаетъ немного пройтись по саду. Джоржъ, между тѣмъ, попросилъ сестру проводить его въ ея комнату и отправился съ нею наверхъ.

Кэтъ порѣшила не говорить ему пова ни слова объ Алисѣ и отложить это объясненіе до окончанія похоронъ. Идя передъ нимъ по лѣстницѣ, она почти дрожала отъ страха, предчувствуя, что по поводу завѣщанія ей предстоитъ пренеприятный разговоръ, а можетъ быть, даже и положительная ссора.

— Какая нелегкая принесла эту бабу сюда? былъ первый вопросъ Джоржа.

— Я сама просила ее пріѣхать, отвѣчала Кэтъ.

— Это зачѣмъ? сердито проговорилъ Джоржъ, и въ тонѣ, которымъ были сказаны эти слова, Кэтъ явственно послышалось, что онъ уже считаетъ себя полнымъ хозяиномъ дома и намѣренъ стать такимъ же хозяиномъ и надъ личностью сестры. Но Кэтъ съ нѣкоторыхъ поръ начинала приходить къ убѣжденію, что не слѣдъ ей поддаваться брату.

— Я просила ее пріѣхать, Джоржъ, когда дѣдушка былъ еще въ живыхъ, и я думала, что онъ протянетъ еще нѣсколько недѣль. Я была съ нимъ совершенно одна, въ цѣломъ домѣ не было, кромѣ прислуги, ни одной женщины;—такая жизнь была мнѣ не подъ силу.

— Отчего ты не выписала къ себѣ Алису?

— Алисѣ нельзя было пріѣхать, отвѣчала Кэтъ, немного помолчавъ.

— Не понимаю, почему бы это ей нельзя было пріѣхать? А я не хочу, чтобы эта женщина таскалась сюда. Она уронила себя, вышедши замужъ за кузнеца.

— Но, Джоржъ, не ты ли самъ совѣтовалъ мнѣ принять ея приглашеніе?

— Это совсѣмъ другое дѣло. Благо мужъ ея умеръ и де-

нежки его остались при ней,—отчего же тебѣ и не съѣздить къ ней иной разъ—погостить? Но я не хочу, чтобы она сюда таскалась.

— Казаюсь бы, что можетъ быть естественнѣе, какъ дочери пріѣхать въ домъ своего умирающаго отца?

— Сдѣлай милость, уволь меня отъ подобныхъ разсужденій. Всѣ эти такъ называемыя естественныя чувства—чепуха. О старикѣ она столько же жалѣетъ, какъ и я, и всѣ ея вздохи столько же искренны, какъ и ея печаль по мужѣ. Все это лицемеріе и больше ничего. Вотъ и дядя Джонъ тоже считаетъ долгомъ корчить постное лицо, пока въ домѣ лежитъ покойникъ, а спроси-ка у него: охотно ли онъ ѣздилъ въ гости къ отцу за послѣдніе двадцать лѣтъ?—Да ему эти поѣздки были тошнѣ смерти.—Когда его хоронять?

— Въ субботу, послѣ завтра.

— Почему бы не завтра? Тогда мы могли бы уѣхать въ субботу.

— Ты забываешь, Джоржъ, что онъ только въ понедѣльникъ испустилъ духъ, проговорила Кэтъ тономъ серьезной укоризны.

— Такъ что-жъ изъ этого?.. У кого завѣщаніе?

— У мистера Гогрема. Онъ былъ здѣсь вчера и просилъ меня передать тебѣ и дядѣ Джону, что онъ привезетъ его съ собою, возвратившись съ похоронъ.

— Дядя-то Джонъ причемъ тутъ? рѣзко замѣтилъ Джоржъ. Я сегодня же отправлюсь въ Пенритъ и заставлю Гогрема выдать мнѣ завѣщаніе.

— Не думаю, Джоржъ, чтобы онъ на это согласился.

— Какое право имѣетъ онъ удерживать завѣщаніе у себя? Кто мнѣ поручится въ томъ, что это дѣйствительно послѣднее завѣщаніе старика?—Гдѣ хранились у него всѣ бумаги?

— Въ старомъ бюро, что стоитъ въ столовой. Оно запечатано.

— Кто наложилъ печати?

— Мистеръ Гогремъ и я.

— Тебя-то кто просилъ мѣшаться не въ свое дѣло?

— Я только помогала ему. Но мнѣ кажется, что онъ былъ совершенно правъ. Если не ошибаюсь, такъ обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Полно врать; это ты все на старый аршинъ мѣришь. Пока я не убѣдился въ противномъ, все здѣсь принадлежитъ мнѣ, какъ законному наслѣднику, и я не потерплю посторонняго вмѣшательства, пока не узнаю, что меня дѣйствительно лишили моихъ правъ. Да еще вопросъ,—подчинюсь ли я безпрекословно завѣщанію, писанному при послѣднемъ издыханіи? Мало ли что человѣку вздумается написать, когда его пальцы уже еле владѣютъ перомъ! Такія послѣднія распоряженія не имѣютъ никакой законной силы.

— Не заподозришь же ты меня въ желаніи отнять у тебя то, что принадлежитъ тебѣ по праву.

— Надѣюсь, что до этого еще не дошло.

— Грѣшно тебѣ, Джоржъ, такъ говорить.

— Что ты, что ты? Вѣдь я же говорю, что не думаю этого. За то другіе были бы не прочь;—хоть бы тотъ же дядя Джонъ. Ну, да сунься онъ только, чортъ возьми! Я ему такую тяжбу затѣю, что онъ жизни не радъ будетъ.

Въ эту минуту вошла старая служанка и доложила, что мистрисъ Гринау и мистеръ Ваваторъ собираются въ комнату стараго свайра—взглянуть на покойника; такъ не угодно ли будетъ мистеру Джоржу и миссъ Кэтъ идти вмѣстѣ съ ними.

— Ты пойдешь, Джоржъ? спросила Кэтъ.

— Нѣтъ; что мнѣ тамъ дѣлать? Съ какой стати стану я лицемѣрить передъ трупомъ человѣка, котораго я ненавиждѣлъ и который мнѣ платилъ такую же ненавистью, человѣка, который еще при послѣднемъ издыханіи покушался ограбить меня? Не пойду я туда.

Кэтъ ушла, обрадовавшись случаю вырваться отъ брата. Съ каждымъ часомъ росло въ ней сознаніе, что, такъ или иначе, имъ слѣдуетъ разойтись. За послѣднее время въ немъ стало проявляться какое-то свирѣпое озлобленіе, дѣлавшее его невыносимымъ.

Кэтъ присоединилась къ дядѣ и теткѣ и пошла проститься съ дѣдомъ.

— Бѣдный, бѣдный старикъ! проговорила мистрисъ Гринау, и всегда готовые слезы хлынули у нея изъ глазъ. — Помнишь ли, Джонъ, какъ онъ бывало журилъ меня и пророчилъ, что изъ меня проку не выйдетъ?.. Признайся, Кэтъ, вѣдь онъ и тебѣ говорилъ то же самое?

— Онъ всегда былъ очень добръ ко мнѣ, отвѣчала Кэтъ. У нея слезы были не такъ-то дешевы.

— Славный онъ былъ старикъ и истый джентльменъ, замѣтилъ Джонъ Вавазоръ. Люди этого закала переводятся въ наши дни, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова джентльменъ; я не запомню за нимъ ни одного несправедливаго поступка.—Какъ ты думаешь, Кэтъ, не пойдти ли намъ внизъ?

Мистрисъ Гринау замѣшкалась еще нѣсколько минутъ, чтобы рассказать старой служанкѣ нѣкоторыя подробности погребенія покойнаго Гринау, и затѣмъ послѣдовала за братомъ и племянницей.

Джоржъ не осуществилъ свое намѣренье—сѣздить въ Пенритъ и повидаться съ мистеромъ Гогремомъ, котораго увидѣлъ только въ день похоронъ, когда этотъ почтенный страпчій явился, чтобы присутствовать при церемоніи.

Печально прошли два дня, предшествовавшіе похоронамъ, для всего общества, собравшагося въ Вавазоръ, кромѣ мистрисъ Гринау, которая дѣлала видъ, что не замѣчаетъ дурнаго расположенія духа своего племянника. Она называла его «бѣднымъ Джоржемъ» и снисходительно относилась къ грубымъ его выходкамъ, какъ-будто онѣ были слѣдствіемъ глубокаго огорченія. Она предлагала ему разные вопросы о парламентѣ,—вопросы, на которые онъ, конечно, и не думалъ отвѣчать, и, нисколько не смущаясь явными выраженіями отвращенія съ его стороны, рассказывала ему различные анекдоты про своего милаго покойнаго Гринау.

Наконецъ, эти тяжелые два дня миновались и насталъ день похоронъ. Провожатыми были докторъ съ страпчимъ и дядя съ племянникомъ. Во время церемоніи Джоржъ, видимо, старался занять самое видное мѣсто, какъ бы желая заявить этимъ, что продолжаетъ считать себя законнымъ наслѣдникомъ.

— Мнѣ сказали, что завѣщаніе моего дѣда у васъ, обратился Джоржъ къ мистеру Гогрему, какъ только увидѣлъ его.

— Оно у меня въ карманѣ, отвѣчалъ страпчій, и я намѣренъ приступить къ чтенію его тотчасъ же по возвращеніи изъ церкви.

— Развѣ вездѣ такъ заведено, чтобы завѣщаніе отбиралось по смерти завѣщателя посторонними лицами? спросилъ Джоржъ.

— Вездѣ, отвѣчалъ стряпчій; къ тому же, на этотъ разъ это было сдѣлано по желанію самого завѣщателя.

— Сколько я знаю, такъ-въ общій обычай, замѣтилъ Джонъ Вавазоръ.

При этихъ словахъ Джоржъ оглянулся на дядю. Казалось, онъ былъ готовъ тутъ же на него броситься, но онъ удержался и не сказалъ ни слова, только оскалилъ зубы.

Во всю дорогу въ церковь и назадъ въ замокъ Джоржъ не проронилъ ни слова. Джонъ Вавазоръ предложилъ доктору нѣсколько вопросовъ о послѣднихъ дняхъ жизни стараго сквайра, и какъ докторъ, такъ и стряпчій подтвердили, что старикъ оставался въ полномъ сознаніи до послѣдней минуты.

Когда общество возвратилось въ замокъ, мистрисъ Гринау пригласила всѣхъ въ столовую—закусить. Выпили по стакану хереса, а Джоржъ выпилъ даже цѣльныхъ два или три.

Затѣмъ докторъ удалился и стряпчій предложилъ отправиться въ другую комнату.

Всѣ три джентльмена встали и направились въ гостиную. Джоржъ шелъ впереди всѣхъ; за нимъ слѣдовалъ стряпчій, и шествіе замыкалось Джономъ Вавазоромъ. По лицамъ двухъ послѣднихъ легко было угадать, что они готовятся къ непріятной сценѣ.

— Джентльмены, началъ мистеръ Гогремъ:—не угодно ли вамъ будетъ присѣсть.

Джонъ Вавазоръ сѣлъ.

— Я предпочитаю слушать стоя, отозвался Джоржъ.

Мистеръ Гогремъ развернулъ бумагу, которую держалъ въ рукахъ.

— Прежде чѣмъ вы приступите къ чтенію, перебилъ его Джоржъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Я не знаю содержанія этого завѣщанія. На сколько мнѣ извѣстно, оно было написано моимъ дѣдомъ за часъ или за два до его смерти.

— Не совсѣмъ такъ; оно было написано за сутки слишкомъ до его смерти, возразилъ стряпчій.

— Или за сутки — это все равно. Дѣло въ томъ, что онъ уже былъ при смерти; — вѣдь послѣ того онъ уже не вставалъ съ постели?

— Нѣтъ, мистеръ Вавзоръ, онъ въ то время былъ еще на ногахъ: еще въ тотъ же день онъ сходилъ въ столовую къ обѣду. Впрочемъ, обстоятельство это не имѣетъ никакого значенія относительно дѣйствительности завѣщанія, и я не понимаю, съ какою цѣлью вы налагаете на него?

— А вотъ выслушайте меня, тогда поймете. Я налагаю на это обстоятельство потому, что отрицаю компетентность моего дѣда дѣлать посмертныя распоряженія передъ самою смертью и въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ. Я видѣлъ его за нѣсколько недѣль до его смерти; онъ и тогда уже былъ неспособенъ управлять дѣлами по имѣнью.

— Мнѣ вѣжется, Джоржъ, что теперь не время дѣлать подобныя возраженія, замѣтилъ дядя.

— А я такъ думаю, что теперь-то и время, возразилъ Джоржъ. Если не ошибаюсь, содержаніе завѣщанія таково, что если признать его дѣйствительность, то я лишаюсь черезъ него самымъ противозаконнымъ образомъ того, что принадлежитъ мнѣ по праву. А потому, я протестую противъ него теперь и намѣренъ оспаривать его законнымъ порядкомъ, если будетъ приступлено къ его исполненію. — Можете теперь читать завѣщаніе, если вамъ угодно.

— Я и буду его читать, отвѣчалъ мистеръ Гогремъ, и съ своей стороны, утверждаю, что оно имѣетъ полную силу.

— А я утверждаю, что нѣтъ. Въ этомъ-то мы съ вами и расходимся.

Началось чтеніе, прерываемое гнѣвными восклицаніями со стороны Джоржа. Завѣщатель началъ съ того, что выразилъ свое желаніе, чтобы помѣстье осталось въ его родѣ и въ фамилии Вавзоровъ. Затѣмъ онъ объявлялъ, что находится вынужденнымъ обойти своего прямого наслѣдника, котораго не считаетъ способнымъ сохранить имѣнье въ неприкосновенности; а потому временнымъ владѣльцемъ и, въ то же время, своимъ душеприкащикомъ назначаетъ сына своего, Джона Вавзора. Въ случаѣ, если Джоржъ женится и у него родится сынъ, имѣнье должно перейти въ этому сыну по достиженіи имъ совершеннолѣтія. До тѣхъ поръ Джону Вавзору разрѣшалось пользоваться доходами съ обязательствомъ выплачивать внучкѣ завѣщателя, Катъ, ежегодно пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Въ случаѣ, если у Джоржа не будетъ сына,

имѣнье отказывалось старшему сыну Кэтъ, или же, въ случаѣ бездѣтности послѣдней, — старшему сыну Алисы, долженствовавшему принять имя Вавазоръ. Все движимое свое имущество старый сквайръ отказывалъ сыну своему, Джону Вавазору.

— Какъ я думалъ, такъ и оказалось, проговорилъ Джоржъ. — Голосъ его звучалъ непріятно и какой-то зловѣщій огонь горѣлъ у него въ глазахъ. — Злой старикъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы ограбить меня до послѣдней нитки, за то, что я не потакалъ ему во всѣхъ его сумасбродствахъ, когда былъ здѣсь въ послѣдній разъ, за нѣсколько времени до его смерти. — Такое завѣщаніе не признаютъ ни въ одномъ судебномъ мѣстѣ.

— Что касается этого, то я пока ничего не могу вамъ сказать, замѣтилъ страпчій.

— Гдѣ его первое завѣщаніе?

— Если не ошибаюсь, мы писали передъ этимъ еще два другихъ завѣщанія.

— Такъ гдѣ же они?

— Этого я не обязанъ знать, мистеръ Вавазоръ. Одно онъ, кажется, уничтожилъ, но я не могу этого положительно утверждать. Что же касается другого, то я о немъ положительно ничего не знаю.

— Скажите, какъ вы намѣрены поступить? обратился Джоржъ къ дядѣ.

— Что тутъ спрашивать? Конечно, я исполню завѣщаніе, — мнѣ другого и выбора нѣтъ. Дѣло это всего ближе касается вашей сестры, такъ какъ, въ силу завѣщанія, она получаетъ пожизненную ренту въ пятьсотъ фунтовъ; а въ случаѣ у нея будетъ сынъ, а у васъ нѣтъ, все имѣнье переходитъ къ ея сыну.

Джоржъ простоялъ нѣсколько минутъ въ раздумьи. Нельзя ли ему было какъ нибудь черезъ Алису и Кэтъ, женившись на первой, прибрать имѣнье къ рукамъ? Но нѣтъ! Для него было важно тотчасъ же получить имѣніе въ полное свое распоряженіе, чтобы онъ могъ подъ залогъ его достать денегъ; а эта возможность совершенно уничтожалась завѣщаніемъ.

— Это, просто на просто, мошенническая штука, проговорилъ онъ.

— Что вы хотите сказать этимъ, сэръ? спросилъ страпчій.

— Я хочу сказать именно то, что говорилъ:—это, просто на просто, мошенническая штука. Кто присутствовалъ при составленіи этого завѣщанія?

— Подпись засвидѣтельствована...

— Я не про подпись спрашиваю. Кто былъ въ комнатѣ, когда писалось это завѣщаніе?

— Я былъ при вашемъ дѣдѣ.

— И кромѣ васъ, никого больше?

— Никого. Присутствіе еще третьяго лица при составленіи подобнаго документа было бы несогласно съ общепринятымъ обычаемъ.

— Въ такомъ случаѣ, я смотрю на этотъ документъ, какъ на клочекъ никуда негодной бумаги, проговорилъ Джоржъ и вышелъ вонъ, хлопнувъ дверьми.

— Никогда еще въ жизни мнѣ не наносили подобнаго оскорбленія, проговорилъ стряпчій чуть не со слезами на глазахъ.

— Онъ раздраженъ неудачей; дѣла его, если не ошибаюсь, безнадежно плохи, отвѣчалъ Джонъ Вавазоръ. Не стоитъ обращать вниманіе на его слова.

— Но это не даетъ ему права оскорблять меня. Я только исполнилъ свой долгъ. Я даже не позволилъ себѣ давать вашему отцу никакихъ совѣтовъ. Обвинять человѣка голословно,—развѣ такъ поступаютъ честные люди? Понадись онъ мнѣ только на глаза, я ему выскажу это.

— Можете быть увѣрены, мистеръ Гогремъ, что самъ онъ врядъ ли будетъ искать новой встрѣчи съ вами.

Затѣмъ стряпчій удалился, посоветовавъ мистеру Вавазору дать знать своему лондонскому стряпчему, чтобы онъ принялъ мѣры для засвидѣтельствованія подлинности завѣщанія.— Оно составлено такъ, что подъ него иголки подточить нельзя, добавилъ мистеръ Гогремъ. Если это завѣщаніе признаютъ недѣйствительнымъ, то я послѣ этого ни бельмеса не смыслю въ своемъ дѣлѣ.

Кто теперь сообщить эту новость Кэтъ? было первою мыслью Джона Вавазора, когда онъ остался одинъ. Какъ воротиться ему въ Лондонъ безъ дальнѣйшихъ столкновений съ племянникомъ? Какъ приступить ему къ исполненію непосредственныхъ обязанностей, налагаемыхъ на него новымъ его завѣщаніемъ

душеприкащика и временнаго владѣльца. Ну, какъ Джоржъ насильственно вступитъ въ права хозяина дома и вытребуетъ у Кэтъ всѣ ключи? Что тогда дѣлать? Ясно было, что о немедленномъ возвращеніи въ Лондонъ, къ мирнымъ удовольствіямъ столь любезнаго клуба, нечего было и думать. Новыя обязанности Джона Вавазора были таковы, что не радовало его положеніе, въ которое ставило его завѣщаніе отца. Правда, благодаря этому завѣщанію, доходы его значительно увеличивались, но за то сколько же и хлопотъ влекло оно за собою!

Въ столовой онъ засталъ мистрисъ Гринау одну.

— Ну что, Джонъ, спросила она:—что хорошаго узнали вы изъ завѣщанія?

— Гдѣ Кэтъ? спросилъ онъ.

— Она ушла съ братомъ.

— Она захватила шляпу съ собою?

— Да, онъ позвалъ ее прогуляться, и она тотчасъ же пошла.

— Ну, такъ онъ ей, конечно, скажетъ, проговорилъ Джонъ Вавазоръ.

Затѣмъ онъ изложилъ сестрѣ всѣ подробности завѣщанія.

— Bravo! воскликнула вдовушка;—это отлично. Я очень люблю Кэтъ, а теперь она можетъ выйти замужъ, за кого ей вздумается.

ГЛАВА XII.

НОВАЯ ПРОГУЛКА ПО ГОРАМЪ.

Наговоривъ дерзостей стряпчему, Джоржъ тотчасъ же отправился въ гостиную, гдѣ сидѣли его сестра и тетка. — Кэтъ, сказала онъ, надѣнь шляпу и пойдемъ прогуляться со мною. Я свалилъ эту процедуру съ плечъ.—Кэтъ тотчасъ же одѣлась и послѣдовала за братомъ.

Они прошли порядочный клочокъ дороги, не говоря ни слова. Кэтъ выжидала, чтобы братъ первый заговорилъ о завѣщаніи, и не отваживалась предлагать ему никакихъ вопросовъ. Джоржъ и самъ собирался завести рѣчь о завѣщаніи,

но приступить къ подобному разговору было не такъ-то легко.

— Куда мы пойдѣмъ? спросила Кэтъ, когда они оставили за собою старья, заплѣснѣвшія ворота, служившія входомъ въ усадьбу.

— Пойдемъ на тотъ скатъ холмовъ, отвѣчала Джоржъ; погода хорошая, а мнѣ хотѣлось бы избавиться на время отъ дяди Джона.

И они обогнули лѣсистый холмъ,—тотъ самый, который, нѣсколько времени тому назадъ, былъ свидѣтелемъ достопамятнаго разговора между Алисой и ея кузиной. Молча взобрались они на самую вершину холма; любопытство Кэтъ дошло до послѣдней степени напряженія, но у нея не хватало духу на вопросы.

— Ну-съ, заговорилъ Джоржъ, когда они остановились на минуту у межевой канавки, черезъ которую единственной переправой служила перекинутая доска:—не полюбопытствуешь ли ты узнать, какъ облагодѣтельствовалъ тебя твой любезный дѣдушка?—И онъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо.— Или, быть можетъ, ты уже все знаешь?

Онъ было вышелъ изъ дому въ твердой рѣшимости не ссориться съ сестрою; онъ сообразилъ, что въ его же собственномъ интересѣ ему надо стараться о поддержаніи съ нею доброго согласія, что въ этомъ его единственный якорь спасенія. Но гнѣвъ и досада брали свое; постоянное озлобленіе, выпѣвшее въ немъ противъ цѣлаго свѣта, помрачало въ немъ рассулокъ, и онъ самъ не владѣлъ собою.

— Ничего я не знаю, отвѣчала Кэтъ. Если бы я что знала, то, конечно, передала бы тебѣ. Грѣшно тебѣ и дѣлать-то мнѣ такіе вопросы.

— Я, право, начинаю сомнѣваться, отвѣчалъ онъ:—есть ли хоть одинъ человекъ на свѣтѣ, на котораго можно было бы положиться. Мой дѣдъ сдѣлалъ, съ своей стороны, все, что могъ, чтобы вырвать у меня имѣніе изъ рукъ.

— Я тебѣ говорила, что боюсь этого.

— И наслѣдницей своей онъ назначилъ тебя.

— Меня?

— Да, тебя.

— Онъ мнѣ положительно говорилъ, что не сдѣлаетъ этого.

— А между тѣмъ, онъ это сдѣлалъ.

— Въ такомъ случаѣ, Джоржъ, и я сдѣлаю то, что обѣщала ему сдѣлать, если онъ составитъ подобное завѣщаніе. Я сказала ему, что передамъ имѣнье тебѣ; и тогда-то онъ поклялся, что не назначить меня своей наслѣдницей.

— Ну, не дура ли ты была! воскликнулъ Джоржъ. Кто просилъ тебя говорить ему это? Вѣдь ты же знала, что этимъ не заставишь его поступить со мною по долгу совѣсти.

— Я отвѣчала на его вопросъ, Джоржъ.

— Эхъ, слушать-то тебя тошно. Ты погубила меня, а между тѣмъ, въ твоей власти было меня спасти.

— Но я еще спасу тебя и теперь, если имѣнье завѣщано мнѣ. Я не желаю отнимать его у тебя. Богъ мнѣ свидѣтель, что я всегда старалась дѣйствовать въ Вавзорѣ въ твоихъ интересахъ. Я готова подписать любой документъ, въ силу котораго имѣнье перешло бы къ тебѣ.

Нѣсколько времени они продолжали дорогу молча. Шли они той же самой тропинкой, по которой Алиса и Кэтъ направлялись прошлой зимой. Невольно вспоминались теперь бѣдняжкѣ Кэтъ пламенные рѣчи, которыми она тогда ходатайствовала за Джоржа. Какъ искусно переплетала она тогда ложь съ истиной, чтобы выставить брата въ самомъ выгодномъ свѣтѣ передъ кузиной. Вспомнился ей и Джонъ Грей, и почувствовала она, что недоброе тогда сдѣлала дѣло. Она уже не могла болѣе боготворить брата и во всемъ безпрекословно исполнять его волю; но относительно имѣнья, на которое онъ могъ имѣть притязанія въ качествѣ прямого наслѣдника, она съ радостью была готова уступить ему свои права.

— Если завѣщаніе дѣйствительно такъ составлено, какъ ты говоришь, Джоржъ, то я передамъ тебѣ имѣнье.

— Ничего-то ты не можешь мнѣ передать. Старый разбойникъ былъ себѣ на умѣ; онъ все отдалъ въ руки дяди Джона, чортъ бы ихъ обоихъ побралъ!

— Джоржъ, Джоржъ, вѣдь онъ ужъ покойникъ!

— Табъ что-жъ, что покойникъ? Я объ одномъ только жалю, что онъ не умеръ десять или двадцать лѣтъ тому назадъ. Ужъ не думаешь ли ты, что я прощу ему обиду за то только, что его уже нѣтъ въ живыхъ? Нѣтъ, я и память его не оставляю въ покоѣ, если только мои провѣтья могутъ хоть отчасти отплатить ему за зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ.

— Проклятыями можно мстить только живымъ.

— Ну, съ живыми-то я иначе раздѣляюсь. Я такъ насолю дядѣ Джону, что онъ проклянетъ тотъ часъ, когда вздумалъ посягнуть на мои права.

— Не думаю, чтобы онъ посягалъ на нихъ.

— Не думаешь? А зачѣмъ онъ прїѣзжалъ сюда на рождество? Или ты воображаешь, что это завѣщаніе состоялось безъ его вѣдома?

— Я убѣждена, что онъ ничего о немъ не зналъ. Планъ этотъ врядъ ли созрѣлъ и у самого дѣдушки за недѣлю до его смерти.

— Въ самомъ дѣлѣ? Помни, что тебѣ придется присягнуть въ этомъ передъ судомъ. Я этого дѣла не оставлю такъ. Ты должна будешь явиться въ качествѣ свидѣтеля.—Сколько времени тому назадъ спрашивалъ онъ у тебя, какъ ты распорядишься съ имѣніемъ, если онъ оставитъ его тебѣ?

— Не помню навѣрное; кажется, дня за два до смерти.

— Постарайся припомнить. Вѣдь съ тебя потребуютъ присягу. А теперь отвѣть мнѣ чистосердечно: былъ ли онъ, по твоему мнѣнію, въ состояніи зрѣло обдумать такое важное дѣло, какъ завѣщаніе?

— Я совѣтовала ему отложить это дѣло.

— Совѣтовала? На какомъ основаніи?

— Я говорила ему, что посмертныя распоряженія вообще не слѣдуетъ дѣлать подъ вліяніемъ болѣзни.

— Такъ-такъ. А что онъ на это отвѣчалъ?

— Онъ очень разсердился и велѣлъ мнѣ послать за мистеромъ Гогремомъ.

— А теперь скажи-ка мнѣ, Кэтъ... да подумай хорошенько прежде, чѣмъ отвѣчать. Отъ тебя зависитъ овозаить мнѣ важную услугу. И притомъ, не думай, чтобы я хотѣлъ обобратить тебя; та доля, которую ты сама считаешь принадлежащею тебѣ по праву, такъ и останется за тобою.

Какъ видите, недалеко ушелъ Джоржъ въ пониманіи характера своей сестры.

— Ничего мнѣ ненужно, отвѣчала она, сердито топаю ногою по измятой травѣ. Ты неспособенъ даже понять, Джоржъ, что такое честность.

Легкая, наглая усмѣшка промелькнула на его лицѣ и тот-

часть же исчезла. — Твоя правда, говорила эта усмѣшка, я не могу похвастаться этого рода пониманіемъ.

— Ну, да не въ томъ дѣло, отвѣчалъ онъ. Ты говоришь, что отсовѣтывала дѣду не писать завѣщаніе; слѣдовательно, ты находила, что онъ не вполне владѣетъ своими умственными способностями?

Она отвѣчала ему не вдругъ.

— Не то, чтобы онъ не вполне владѣлъ своими умственными способностями, проговорила она, подумавъ съ минуту; но мнѣ казалось, что ему не слѣдуетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ того настроенія духа, которое болѣзнь обыкновенно влечетъ за собою.

— Слушай, Кэтъ: я вѣрю, что ты, по крайней мѣрѣ, не желаешь быть соучастницей въ этой мошеннической продѣлкѣ. Что вся штука эта мошенническая, въ этомъ ты не можешь сомнѣваться. Ты слышала отъ меня, что онъ завѣщаль имѣнье тебѣ; это неправда. Онъ завѣщаль его дядѣ Джону.

— Зачѣмъ же ты меня обманула?

— А что, обидно тебѣ, небось, что не ты наследница?

— Конечно обидно; дядя Джонъ не уступитъ тебѣ своихъ правъ. Знаешь ли, Джоржъ, я не понимаю тебя: съ какой стати ты все это дѣлаешь?

— Тутъ и понимать тебѣ нечего; слушай только меня. Имѣнье оставлено дядѣ Джону, но онъ долженъ выплачивать тебѣ ежегодно пятьсотъ фунтовъ до совершеннолѣтія другого лица, которое пока еще и на свѣтъ не родилось и, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда и не родится. Ну, не доказываетъ ли самое содержаніе завѣщанія, что старикъ былъ не въ своемъ умѣ?

— Онъ столько же былъ помѣшанъ, какъ и ты, Джоржъ.

— Не перебивай меня и слушай. Я не говорю, что онъ былъ изстуженный безумецъ. Но вѣдь ты же сама совѣтовала ему не дѣлать новаго завѣщанія на томъ основаніи, что онъ, какъ тебѣ казалось, не въ состояніи былъ зрѣло обдумать такое важное дѣло.

— Да, я совѣтовала ему не дѣлать этого.

— И ты можешь присягнуть въ этомъ?

— Надѣюсь, что я буду избавлена отъ этой необходимости; но если меня спросятъ, я должна буду клятвенно подтвердить то, что говорю теперь.

— Такъ. Теперь слушай меня и видишь хорошенько въ

мои слова. Завѣщаніе, въ настоящемъ своемъ видѣ, дѣлаетъ полнымъ распорядителемъ надъ имѣніемъ — Джона Бавазора. Если бы ты даже и хотѣла помочь мнѣ, ты ничего не можешь сдѣлать; а между тѣмъ, ты болѣе всего заинтересована въ этомъ завѣщаніи, потому что, въ случаѣ у меня не будетъ сына, все имѣніе переходитъ къ твоему. — Поняла ты теперь?

— Кажется, поняла.

— И твое свидѣтельство противъ дѣйствительности завѣщанія будетъ имѣть всего болѣе вѣса.

— Я готова подтвердить передъ судомъ то, что сказала тебѣ, если изъ этого будетъ какойнибудь прокъ.

— Этого мало. Слушай, Кэтъ: сколько разъ ты мнѣ говорила, что готова идти за меня въ огонь и въ воду; теперь пришло время доказать мнѣ твою привязанность на дѣлѣ.

Кэтъ чувствовала, что отвращеніе ея къ нему, ко всему, что онъ дѣлалъ и требовалъ отъ нея, растетъ съ каждымъ его словомъ. Она мало по малу начинала понимать, что онъ хочетъ подбить ее на такое дѣло, на которе она не можетъ согласиться, и что отказъ съ ея стороны вызоветъ страшную бурю. Она стиснула зубы и крѣпко сжала свой маленькій кулакъ. Въ случаѣ надобности, она готова была вступить съ нимъ хоть въ рукопашный бой. Подъ пристальнымъ зловѣщимъ взглядомъ его глазъ, вся любовь ея къ нему перешла почти въ ненависть.

— Да, пришло время доказать мнѣ твою привязанность на дѣлѣ, повторилъ онъ. Ты отсовѣтывала ему дѣлать завѣщаніе, потому что тебѣ казалось, что онъ не въ здоровомъ умѣ, — не такъ ли?

— Нѣтъ, не такъ.

— Постой, Кэтъ! Подумай хорошенько, и ты сама увидишь, что это такъ. Что же значать твои слова, что онъ не вполне владѣлъ своими разсудочными способностями?

— Я этого никогда не говорила.

— Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты предостерегала его противъ тогдашняго его настроенія духа?

— Слушай, Джоржъ: я, кажется, начинаю понимать, къ чему ты ведешь рѣчь. Если меня спросятъ: правда ли, что онъ былъ въ безпамятствѣ или помѣшательствѣ, я должна буду отвѣтить, что нѣтъ.

— И ты такъ и отвѣтишь?

— Да. Всякій другой отвѣтъ былъ бы ложью.

— Такъ ты рѣшилась погубить меня и прибрать имѣнье къ рукамъ? И онъ снова бросилъ на нее устрашающій взглядъ. — И ты за одно съ моими врагами? Смотри, Кэтъ, берегись.

Въ эту минуту они находились миляхъ въ трехъ отъ замка. Кэтъ поглядѣла кругомъ и увидѣла, что они совершенно одни. Кругомъ не было видно ни жилья, ни слѣда человѣческаго. Кэтъ поняла всю критичность своего положенія, но въ то же время въ ней съ новой силой воспрянула рѣшимость противиться ему до конца. Она скажетъ ему на прямикъ, что дороги ихъ съ этой минуты должны разойдтись. Не запугаютъ ее никакіе взгляды, никакія рѣчи. Невѣроятнымъ казалось ей, чтобы родной ея братъ рѣшился прибѣгнуть къ физическому насилію; но, хотя бы и такъ, хотя бы онъ схватилъ ее за руку такъ же грубо, какъ недавно схватилъ Алису, хотя бы онъ и того хуже съ ней поступилъ, — она не поддастся ему. Не даромъ въ жилахъ ея течетъ та же кровь, какъ и въ его жилахъ; она докажетъ ему, что въ чемъ другомъ, а въ мужествѣ она цоспорить съ нимъ.

И точно было чего испугаться при взглядѣ на его лицо. Онъ съ намѣреніемъ хотѣлъ застрашать ее, давъ ей почувствовать, что онъ собирается сдѣлать что-то ужасное. Въ сущности, онъ и самъ еще не рѣшилъ, что такое сдѣлаетъ. Какая-то слѣпая сила толкала его на недоброе дѣло.

— Кэтъ, проговорилъ онъ, удерживая ее за руку: — надо намъ, такъ или иначе, теперь же покончить этотъ разговоръ. Ты много мнѣ наобѣщалась и я было повѣрилъ твоимъ обѣщаніямъ. Теперь ты можешь разомъ исполнить ихъ: стоитъ тебѣ сказать, что старикъ уже изъ ума выжилъ, когда писалъ завѣщаніе; ты же сама знаешь, что это правда. — И такъ, отвѣчай: согласна ли ты помочь мнѣ въ моемъ кривомъ дѣлѣ? Подумай хорошенько прежде, чѣмъ отвѣтишь, потому что, вотъ тебѣ Богъ, если я не добьюсь отъ васъ справедливости, то я съумѣю вознаградить себя хоть местию.

И говоря это, онъ положилъ ей руку на грудь возлѣ самаго горла.

— Отними руку, Джорджъ, сказала она. Не на такую ты дуру попалъ, чтобы запугать меня подобными выходками.

— Отвѣчай же мнѣ, проговорилъ онъ, потрясая ее за воротъ платья, которое онъ сжималъ въ рукахъ.

— Боже мой, до чего я дожила, Джоржъ! Я должна стыдиться своего брата.

— Отвѣчай мнѣ, повторилъ онъ и снова потряхнулъ ее.

— Ты уже слышалъ мой отвѣтъ. Не скажу я того, чего ты отъ меня требуешь. Покойный дѣдъ былъ до послѣдней минуты въ полномъ сознаниіи и не думалъ выживать изъ ума. Какъ мнѣ кажется, онъ приводилъ въ исполненіе намѣреніе, которое зрѣло въ немъ давно. Сколько ты не бросай на меня угрожающихъ взглядовъ, сколько ни тряси за платье, ты не заставишь меня отступить отъ моихъ словъ. Плохо ты меня знаешь, если воображаешь, что можешь запугать меня, какъ ребенка.

Онъ выслушалъ ее до послѣдняго слова, не измѣняя своего положенія; но рука, сжимавшая платье, мало по малу разжималась, и онъ далъ ей спокойно договорить.

— Такъ вотъ какъ! протянулъ онъ, когда она кончила. Такъ-то ты понимаешь честность. А туда же, чуть не зажала уши, когда тебѣ заговорили о деньгахъ. А любопытно было бы мнѣ знать, — заранѣе ли все это было условлено между тобою и дядей Джономъ?

— У него ты не посмѣешь объ этомъ спросить, потому что онъ мужчина, отвѣчала Кэтъ, и глаза ея наполнились слезами; но то были слезы не страха, а негодованія на взводимое на нее обвиненіе.

— Ты думаешь? — Ну, это еще мы увидимъ. Что же касается тебя со всѣми твоими обѣщаніями... слушай, Кэтъ: ты знаешь, что я сдержу свое слово; обѣщайся исполнить то, чего я отъ тебя требую, не то бѣда тебѣ будетъ отъ меня.

— Ужь не хочешь ли ты этимъ сказать, что убьешь меня? проговорила она.

— А почему бы и не убить тебя? Послѣ зла, которое вы мнѣ сдѣлали, неужели я остановлюсь передъ какою бы то ни было местию? Почему бы мнѣ не убить и тебя, и Алису въ отплату за ваши предательскіе поступки со мною?

— Бѣдная Алиса! промолвила Кэтъ и смѣло, какимъ-то вызывающимъ взглядомъ взглянула ему въ лицо.

— Какъ бы не такъ, — бѣдная! Проклятая притворщица.

Впрочемъ вы съ ней два сапога съ одной ноги—лживыя, вѣчно ноющія, лицемѣрныя интригантки. Пошла теперь, жалуйся своему дядюшкѣ и той, какъ бишь ее-то? старой кумушкѣ, что я грозилъ убить тебя. Да не забудь и судьѣ объ этомъ рассказать, когда тебя призовутъ къ присягѣ, чтобы удобнѣе было обобратить меня. Лунья! притворщица!

И съ этими словами онъ такъ сильно оттолкнулъ ее отъ себя, что она со всего размаху упала на каменную почву.

И не останавливаясь, чтобы приподнять ее, даже не оглянувшись на нее, онъ пошелъ далѣе по направленію къ сѣверу. Кѣтъ встала и, присѣвъ на случившуюся тутъ кучку каменьевъ, проводила его глазами, пока онъ не скрылся изъ виду за склономъ горы.

Въ первыя минуты послѣ паденья мысли ея были исключительно заняты имъ. Ей и въ голову не приходило опасаться покушенія на свою личность, даже въ ту минуту, когда она спросила,—ужь не собирается ли онъ убить ее? Кровь кипѣла въ ея жилахъ и сердце было полно гордаго презрѣнія къ опасности. Даже и теперь ей было не до страха: позоръ и несчастье брата не выходили у нея изъ ума. Теперь для нея было ясно, что опъ погибъ для нея и для себя безвозвратно. И это былъ тотъ самый братъ, въ котораго она такъ восторженно вѣровала, которому она готова была принести въ жертву не только себя, но и кузину!

Она чувствовала, что при паденіи ушибла себѣ руку; но въ первыя минуты ей не хотѣлось шевелить ею, не хотѣлось вообще заниматься собою. Только нѣсколько времени спустя, вставъ на ноги, она замѣтила, что малѣйшее движеніе причиняетъ ей сильную боль и что она совсѣмъ не владѣетъ правою рукою; тогда она ощупала ее лѣвою и убѣдилась, что кость сломана пониже локтя. Первою ея мыслью было: что скажетъ она брату при встрѣчѣ съ нимъ въ замкѣ? Открыть ли ему правду, или же прибѣгнуть ко лжи и сказать, что она упала, спускаясь съ горы послѣ того, какъ онъ ушелъ? Конечно, онъ не повѣритъ ей, но все же выдумка вывела бы ихъ обоихъ изъ затруднительнаго положенія.

Она пошла домой, крѣпко придерживая сломанную руку здоровою. Когда она вошла въ лѣсъ, начинало сильно темнѣть. Небо заволкло тучами и начиналъ накрапывать дождь.

Не прошла она и четверти мили, какъ дождь перешелъ въ ливень. Не смотря на физическое страданіе, она приостановилась на минуту подъ деревомъ, чтобы обдумать, какъ ей лучше вывернуться изъ неловкаго положенія относительно брата. Она сообразила, что очень легко можетъ статься, что она встрѣтитъ его, не доходя еще до дому, и тутъ въ первый разъ въ ней проснулся страхъ. Ну, какъ онъ выскочитъ изъ чащи и въ самомъ дѣлѣ убьетъ ее? Не для того ли онъ отправился другою дорогою, чтобы напасть на нее неожиданно и исполнить свою страшную угрозу? При этой мысли она было попробовала бѣжать, но пробѣжала немного, потому что быстрое движеніе причиняло ей сильную боль. Она пошла тише, храбро шагая подъ дождемъ и оглядываясь каждую минуту въ ту сторону, откуда Джоржъ могъ нагнать ее. Но никто не показывался изъ-за деревьевъ, и возвращеніе ея домой не ознаменовалось никакими приключеніями. Если бы она была спокойнѣе, то она сообразила бы, что Джоржу не было никакой физической возможности нагнать ее такъ скоро; чтобы вернуться назадъ, ему бы надо было снова взобраться по крутому скату холма, тогда какъ ея путь лежалъ подъ гору. Но онъ и не думалъ возвращаться назадъ; говимый преслѣдовавшею его фуриєю, онъ шелъ, куда глаза глядятъ, и подвигался по направленію къ Бамптону.

Въ замкѣ обѣдъ былъ заказанъ, по заведенному обычаю, къ пяти часамъ. Ровно въ пять часовъ Кэтъ дотащилась до парадной двери. Она отворила ее лѣвою рукою и прямо прошла въ столовую, гдѣ застала дядю и тетку передъ каминомъ.

— Обѣдъ на столѣ, сказалъ Джонъ Вавазоръ. Гдѣ же Джоржъ?

— Ты промокла, Кэтъ, замѣтила мистрисъ Гринау.

— Да, я промокла до костей, отвѣчала Кэтъ. Мнѣ надо отправиться наверхъ; не пойдете ли и вы, тетушка, со мною?

— Отчего же не пойти, — съ удовольствіемъ.

Тетушка Гринау тотчасъ же замѣтила, что случилось что-то неладное.

— Гдѣ же Джоржъ? повторилъ Джонъ Вавазоръ. Онъ вернулся съ тобою или намъ еще его надо дожидаться?

Кэтъ присѣла на стулъ.

— Я не могу вамъ въ точности сказать, куда онъ дѣвался, отвѣчала она.

Между тѣмъ, тетка подошла къ ней и только успѣла подхватить ее, потому что въ эту самую минуту она свалилась со стула.

— Тихе, руку мнѣ не разбередите, проговорила Кэть чуть слышно и безъ чувствъ упала къ теткѣ на руки.

— Онъ ей что-то недоброе сдѣлалъ, сказала мистрисъ Гринау, глядя на брата. Это его штука.

Джонъ Вавазоръ стоялъ, какъ громомъ пораженный, и отъ души былъ бы радъ снова очутиться въ улицѣ Королевы Анны.

(Продолженіе будетъ).

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

ПОВѢСТЬ.

Посвящается Н. А. Ушаковой.

I.

ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ УГОЛОКЪ.

Назадъ тому лѣтъ сорокъ, въ Петербургѣ, въ одномъ изъ скромныхъ переулковъ около Владимірской, стоялъ сѣрый деревянный домъ, съ зелеными ставнями и мезонипомъ.

По обѣимъ сторонамъ дома шли заборы, изъ за которыхъ выглядывали рябины, липы и яблони. Вообще, какъ переулокъ, такъ и домъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣли видъ патриархальный, напоминавшій провинцію. Каменныхъ домовъ здѣсь было немного, мелочныхъ лавочекъ и булочныхъ не было вовсе, и только изрѣдка раздавался по переулку стукъ кареты. За то уличные мальчишки на полной волю играли здѣсь лѣтомъ въ бабки, а зимой въ снѣжки.

Ворота сѣраго дома были всегда заперты, но за ними, во всякое время года, рано пробуждалась житейская дѣятельность. Весной и лѣтомъ, съ первыми лучами солнца высыпала на просторный дворъ цѣлая ватага дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, всевозможныхъ возрастовъ, большею частью, бѣловолосыхъ и босоногихъ. Всѣ они любили толпиться у крыльца, откуда безпрестанно гоняла ихъ барская прислуга, чтобъ они своимъ шумомъ и крикомъ не беспокоили господъ. Но маленькое народонаселеніе по прежнему льнуло къ крыльцу и видимо, ожидало кого-то.

Часовъ въ шесть, много въ семь утра выходила изъ комнатъ на

крыльцо старушка невысокаго роста, лѣтъ пятидесяти пяти, въ бѣломъ утреннемъ чепчикѣ и длинной кацавейкѣ, — черноглазая, слегка разрумяненная рѣзкимъ утреннимъ воздухомъ и съ озабоченнымъ выраженьемъ на лицѣ.

При появленіи этой старушки, вся ватага ребятъ бросалась къ ней, сбивая другъ друга съ ногъ и ловя ея руку чтобъ поцѣловать. Затѣмъ слѣдовали возгласы:

— Барыня, дай грошикъ на пряникъ!

Барыня опускала руку въ широкій карманъ и одѣляла празднующуюся братію грошиками, приправляя раздачу поученьями и замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ:

— Нѣтъ, ты поди сперва, Петрушка, къ мамкѣ, да скажи, чтобъ она умыла тебя, а послѣ ужъ и приходи за грошикомъ; а то видишь—какой ты чумазый.

— А ты, Терешка, Богу-то молился сегодня?

— Молился, барыня, молился, лепеталъ Терешка, котораго едва видно было отъ земли.

— Да кто видѣлъ, что ты молился?

— Дуня видѣла.

— Отче нашъ весь выучилъ?

— Весь, бодро отвѣчалъ Терешка, смотря прямо въ глаза барыни.

— А ну-ка скажи.

Старушка садилась на лавочку на крыльцѣ, а Терешка, вытянувшись передъ ней, какъ его тятка вытягивался передъ бариномъ, лепеталъ «Отче нашъ» такъ проворно и бойко, что никакой филологъ не разобралъ бы ни одного слова.

— Ну, умница, умница, приговаривала старушка, глядя его по головѣ.—Вотъ тебѣ за то два грошика на пряники.

Терешка въ восторгѣ порывался бѣжать.

— Пстой—пстой, ты сперва скажи спасибо! Всегда говори спасибо, когда тебѣ дадутъ что нибудь.

— Спасибо, барыня, проговаривалъ Терешка, встряхнувъ бѣлой головой, и летѣлъ въ кухню, стоявшую особнякомъ въ углу двора, — показать мамкѣ свои грошики.

И не однѣ дѣти радовались появленію барыни. Куры съ цыплятами, индюшки, утки, гусенята, все сбѣгалось къ крыльцу на знакомый голосъ. Судомойка приносила корзину съ овсомъ и ячменемъ и старушка щедро раздавала свою милостыню птичьему царству.

Затѣмъ проносили черезъ дворъ въ комнаты шипящій самоваръ, и вся ватага ребятъ и птицъ пускалась въ разсыпную.

Много хлопотъ и заботъ было у старушки. Дворъ былъ обстроены олигелями, амбарами, чуланами, кладовыми, набитыми всякими съѣстными припасами. Цѣлое утро странствовала старушка съ ключами изъ одной кладовой въ другую. За всемъ надо было присмотрѣть своимъ глазами. Гдѣ варенье начало плѣсенью подергиваться, надо было переварить его, гдѣ крысы почали кадку съ масломъ, гдѣ сливки надо было самой снять, посмотреть, хорошій ли гнетъ надъ творогомъ лежитъ и пр. Хозяйство у ней было большое, на прощипальную, хлѣбосольную ногу.

Кухня и людскія въ этомъ патриархальномъ домѣ были биткомъ набиты челядью. Какихъ лицъ, какихъ именъ тутъ не было! Тутъ былъ Гришка большой и Гришка меньшей, Егоръ поваръ и Егоръ столяръ, и Демьяшка, вѣчно растрепанный и съ заспанными глазами, и камердинеръ Трифонъ, отличавшійся презрѣньемъ къ пыли, которую безъ особыхъ замѣчаній не удостоивалъ стирать со столовъ и стульевъ. Всѣ они, болѣе или менѣе, любили выпить, поротозѣйничать за воротами, подрались межъ собою по пріятельски и подчасъ даже стянуть, что плохо лежало.

Старушка была набожна. Поведеніе челядищевъ сильно огорчало ее, тѣмъ болѣе, что они были, большею частію, люди семейные и отъ нихъ распространялось на барскомъ дворѣ, а слѣдовательно, и на бѣломъ свѣтѣ, новое, развращенное съ малолѣтства поколѣніе разныхъ Терешекъ и Гришекъ. Женская прислуга была лучше и состояла подъ особымъ надзоромъ генеральши. Каждое послѣ обѣда, возставъ отъ сна, приходила старушка въ дѣвичью съ огромной книгой въ кожаномъ переплетѣ, садилась посреди работавшихъ женщинъ и читала имъ житіе святыхъ или что нибудь другое духовнаго содержанія. Женщины слушали внимательно, хотя и не совсѣмъ понимали по славянски; онѣ любили барыню за то, что она не притѣсняла ихъ, кормила сытно и обращалась съ ними ласково. Онѣ нисколько не одобряли поведенія своихъ супруговъ и нерѣдко приносили на нихъ жалобы барынѣ. У ней былъ свой особый способъ чинить судъ и расправу. Отъ этого способа было мало толку, но барыня все-таки придерживалась его и только въ крайнихъ случаяхъ — и то съ великимъ отвращеніемъ, — жаловалась

ному, который употреблялъ уже другія, совершенно противоположныя мѣры. Вотъ образчикъ ея судопроизводства:

— Знаешь ли, Марфа, говорила она въ дѣвичьей, окончивъ чтеніе и закрывая книгу,—что твой Егоръ-то сегодня напроказилъ?

— Что, Марья Дементьевна? спрашивала Марфа съ легкимъ испугомъ, предчувствуя уже недобрую вѣсть.

— Смутилъ его окаянный, смутилъ,—тетерьку стянуть вздумалъ!

— Ахъ онъ мошенникъ! ахъ, онъ разбойникъ! восклицала Марфа, всплескивая руками.—Да какъ это у него рука-то поднялась? И еще на барское добро!

— Да вѣдь лукавый-то силенъ, замѣчала старушка? На доброе-то мы тяжелы на подъемъ, а на худое какъ разъ натолкнешь. А все оттого, что по кабакамъ любить шляться. Вотъ ему въ голову все такое и лѣзетъ; бѣсъ его и учить....

— Да когда-жъ онъ это барыня?

— Сегодня утромъ. Стою я въ кладовой и нагнулась надъ кадкой—масло достаю, а Егоръ позади меня. Вдругъ меня что-то хлопъ по шеѣ. Посмотрю, а это тетерька. Онъ черезъ мою голову съ полки-то за ланку ее и потянулъ. Вотъ я обернулась да и спрашиваю: откуда это, Егоръ, тетерька-то мнѣ на шею прилетѣла? А онъ, безсовѣстный, прямишенько мнѣ въ глаза смотреть и отвѣчаетъ:— «съ полки-съ».—Да что съ полки-то, говорю, это я и сама знаю. А ты мнѣ скажи, какъ она ухитрилась на шею-то мнѣ слетѣть? Ожила она, что ли, да летать стала? А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало: «Не могу знать-съ». Да и только.

— Такъ и не признался?

— Какъ не признаться! Я смотрю на него, а у него изъ-за пазухи-то перья выглядываютъ.

— Эге, Егоръ! говорю я, чудеса у насъ съ тобой совершаются: застрѣленные тетерьки летаютъ. Смотри-ка эта-то какая умная: съ полки прямо къ тебѣ за пазуху слетѣла.—Ну, что ты станешь съ нимъ дѣлать!.. Обрадовался, видно, что я много купила провизіи,—боятся чтобъ не испортилась.

— Ахъ, онъ воръ этакой! Дѣтей-то, дѣтей чему онъ выучить, окаянный! Ужъ я ему задамъ трепку!

— Нѣтъ, ты его усовѣсти лучше, Марфа, Бога-то ему напomini. Вотъ заставь его вечеромъ сто земныхъ поклоновъ положить; а

не выслушаетъ, скажи, что, молъ, барыня велѣла. А въ воскресенье въ церковь пойдѣ съ нимъ къ ранней обѣднѣ. Одного-то не пускай.

— Эхъ, барыня, да что ему сто поклоновъ! Вѣдь спина-то у него не купленная. Дубиной его жарить надобно, отвѣчала Марфа въ пылу негодованья.

— Нѣтъ, Марфа, плохо ужъ дѣло дубиной управлять; она только тѣло не вьязвить, а до совѣсти не доведеть. Попробуй-ка лучше добрымъ словомъ съ нимъ...

Неизвестно навѣрно: клалъ ли Егоръ земные поклоны или Марфа прибѣгала къ другимъ мѣрамъ. Достоверно только то, что онъ по прежнему, отдѣлавшись отъ страпни, отправлялся въ сосѣднюю улицу, откуда возвращался домой уже довольно сладкими шагами, — а тетерки продолжали исчезать.

Чтобъ лучше познакомить читателя съ бытомъ этого дома, необходимо начать съ хозяевъ.

Марья Дементьевна была дочь зажиточнаго купца въ Б—ѣ. Она рано лишилась матери. Отецъ ея женился во-второй разъ и отъ этого вторичнаго брака у него было пять сыновей.

Много-много житейскаго горя перенесла Марья Дементьевна съ самыхъ раннихъ лѣтъ; она выросла и разцвѣла среди нелѣпаго затворническаго быта, купеческой провинціальной жизни того времени. Она проводила молодость въ вышиваньи, въ вѣчномъ страхѣ отъ нелюбившей ея мачихи и въ таинственныхъ сладкихъ гаданьяхъ по святамъ о желанномъ суженомъ.

Замужъ ее выдали, почти не спрашивая ея согласія, и ей было все равно, за кого ни выйдти, лишь бы избавиться отъ мачихи и вздохнуть повободнѣе. Черезъ три года послѣ свадьбы, первый мужъ ея умеръ и она осталась, на двадцать-второмъ году, хорошею вдовой и не безъ состоянія.

Де прошло и двухъ лѣтъ, какъ она вторично вышла замужъ, но на этотъ разъ уже по собственному выбору.

Илья Сергѣевичъ Тростниковъ былъ сынъ сельскаго священника. Окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ поступилъ въ гражданскую службу и женился на Марьѣ Дементьевнѣ. Послѣ свадьбы, они переѣхали на житье въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто. Здѣсь они купили домикъ и зажили припѣваючи. Илья Сергѣевичъ былъ человекъ умный и дѣятельный. Онъ поступилъ на службу въ Сенатъ и на службѣ ему повезло. Въ то время, съ котораго начинается мой рассказъ,

онъ былъ уже генераломъ и по торжественнымъ случаямъ надѣвалъ красную денту, на которую Марья Дементьевна смотрѣла съ сердечнымъ умилениемъ. У Тростниковыхъ было много дѣтей, и всѣ почти онѣ были пристроены: сыновья служили и были жепаты, дочери повышли замужъ за людей чиновныхъ и приличныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. При старикахъ находились только меньшіе сыны и дочь. Но о нихъ поговоримъ мы въ слѣдующей главѣ; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о воспитаницѣ Марьи Дементьевны, Агашѣ.

Одинъ разъ возвращалась старушка изъ Воронежа, куда ѣздила на богомолье. На одной станціи пришлось ей уже черезчуръ долго ждать лошадей. Соскучась сидѣть въ компаніи, Марья Дементьевна вышла на крылечко. На послѣдней ступенькѣ его сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти, плохо одѣтая, босоногая и горько плакала. Марья Дементьевна обратилась къ дѣвочкѣ съ разспросами о чемъ, она плачетъ и кто она такая. Всклипывая и рыдая, дѣвочка объяснила кое-какъ, что ее зовутъ Агашей, что она бездомная сиротка, живетъ у станціонной смотрительши христа-ради и что смотрительша побила ее за то, что у нихъ пропалъ цыпленокъ. Умилилась Марья Дементьевна надъ бѣдной сироткой. Ей пришло въ голову, что не даромъ, возвращаясь съ поклоненія святому угоднику, наткнулась она на Агашу. Слѣдствіемъ этой мысли было то, что она переговорила съ смотрительшей и выпросила у ней Агашу на воспитаніе. Дѣвочку кое-какъ приодѣли, посадили въ бричку и привезли въ Петербургъ. Марья Дементьевна рассказала домашнимъ, какимъ случаемъ встрѣтилась она съ Агашей, и строго наказала, чтобы никто въ домъ не смѣлъ обижать ее.

Агашу обшили, выучили ее мыться и голову чесать и, чтобъ барышня нескучно было одной учиться у гувернантки, посадили за классный столъ и Агашу. Дѣвочка она была умная и перемчивая, скоро выучилась читать, писать и держать себя такъ, какъ держала барышня.

Натура Агаши была впечатлительная и любящая до страстности. Она привязалась всей душой къ Марьѣ Дементьевнѣ, ко всей семьѣ и домашнимъ, даже къ самому дому, который уврылъ ее отъ побоевъ и отъ нищеты.—Воспитаніе ея шло очень оригинально. Съ одной стороны гувернантка г-жа Турнѣ учила ее вмѣстѣ съ барышней французскому языку, свѣтскому обращенію, танцамъ и музыкѣ; съ

другой—Марья Дементьевна заставляла ее читать книги славянской печати и толковала ей о смиреніи и умерщвленіи плоти.

Подъ вліяніемъ этихъ разнородныхъ элементовъ, развивался умъ Агаша. Трудно было молодой дѣвущкѣ составить себѣ ясныя понятія о жизни, о ея разумныхъ и справедливыхъ требованіяхъ, когда окружающіе ее непонимали этихъ требованій. При ея воспримчивой натурѣ, отъ такой обстановки, изъ нее должна была выйдти или пустая кокетка, или великая ханжа, но въ то время съ котораго начинается нашъ рассказъ ни того, ни другого еще не было. Агашѣ было семнадцать лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ склонности дѣвущки рѣдко принимаютъ уже отчетливую, опредѣленную форму. Часто заходили къ Марьѣ Дементьевнѣ монахини изъ далекихъ монастырей и странницы съ безконечными рассказами о своихъ странствованіяхъ и обильными запасами разныхъ образковъ, крестиковъ и четокъ. Набожная старушка оказывала имъ всевозможное гостепримство. Входила странница—и Марья Дементьевна спѣшила къ ней на встрѣчу. Монахиня или странница располагалась на широкожъ диванѣ въ столовой. На столѣ появлялся привѣтливо кипящій самоваръ, баранки и бабочки съ вареньемъ разной величины; начинались разспросы и рассказы; Агаша, постоянно вертѣвшаяся около Марьи Дементьевны, не сводила глазъ со странницы и, подъ тихое жужжанье самовара, прислушивалась съ любопытствомъ къ нескладной, но интересной для нея рѣчи. Живо рисовались передъ ней тѣ мѣста, о которыхъ говорила странница: села и города, церкви съ золотыми куполами, монастыри со старинными, сумрачными церквями и рядами тѣсныхъ келій, одинокая тропинка въ дремучемъ лѣсу, по которой подъ вечеръ шла утомленная путница, поля и луга, ярко облитые при закатѣ солнечными лучами. Ей чудилось, что она сама все это видѣла, какъ-будто шла рядомъ со странницей. Эти рассказы открывали Агашѣ новый міръ, далекій отъ того, гдѣ она жила, уносили ея воображеніе за тридевять земель и возбуждали въ пей пламенное желаніе также постранствовать когда нибудь по свѣту, съ котомкой за плечами и съ посохомъ въ рукѣ. Часто задумывалась она даже о томъ, что хорошо было бы удалиться отъ міра въ какой нибудь уединенный монастырь, гдѣ нѣтъ ни страстей, ни житейскихъ опасностей, ни искушеній, про которыя слыхала она отъ Марьи Дементьевны.

Случались иногда съ Агашей странныя противорѣчія: то про-

ставала она по дѣлому часу передъ кіотою и клала земные поклоны; то задумывалась она надъ какою нибудь ленточкой, подходила къ зеркалу, набрасывала ленточку на свои блестящія, темныя волосы, смотрѣлась въ зѣркало и улыбалась; потомъ отходила отъ него и вздыхала такъ грустно, какъ, будто тяжелое безвыходное горе камнемъ лежало у ней на сердцѣ.

II.

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ.

Казалось, патриархальный уголокъ, о которомъ идетъ наша рѣчь, изобилывалъ всѣми земными благами. Амбары и чуланы его были набиты припасами, сундуки и комоды ломились отъ добра, дворъ кипѣлъ челядью, глава семейства былъ украшенъ чинами и орденами, Марья Деметъевна хозяйничала въ своемъ маленькомъ царствѣ, какъ ей приходило въ голову, — и чада ея процвѣтали и умножались. Повидимому, все въ домѣ было, какъ говорится, тишь да гладь, да божья благодать. Но у всякой медали есть своя изнанка.

Дѣло въ томъ, что надъ всѣми членами семьи сильно тяготѣлъ деспотизмъ самого хозяина Ильи Сергѣевича, — элементъ, почти всегда присутствующій патриархальному складу. Какъ большая часть людей, которые сами себѣ проложили дорогу, Илья Сергѣевичъ былъ самолюбивъ, гордъ и высоко цѣнилъ свои заслуги и свое положеніе въ обществѣ. Отъ природы онъ былъ характера угрюмаго, говорилъ мало и выражался, большею частью, лаконически. Ни хозяйственныхъ дрязгъ и пикарихъ обиденныхъ мелочей онъ не могъ терпѣть. Все домашнее управление, даже воспитаніе дочерей предоставилъ онъ Марьѣ Деметъевнѣ. Очень рѣдко вмѣшивался онъ во что нибудь домашнее и рѣдко раздавался громче обыкновеннаго въ домѣ его хозяйскій голосъ. А между тѣмъ, какъ только пріѣзжалъ онъ изъ Сената, всѣ въ домѣ притихали и старались прочесть на лицѣ его — въ духѣ онъ или нѣтъ? Если признаки были сомнительны, все начинало говорить шопотомъ, ходить съ оглядкой, за обѣдъ садились молча, и въ эти тяжелые дни не было на свѣтѣ человѣка хуже Ильи Сергѣевича.

Илья Сергѣевичъ былъ очень разсчетливъ, на что подчасъ съ прискорбіемъ жаловалась Марья Деметъевна. Въ особенности не

любилъ онъ давать денегъ на наряды. Пока росли старшія дочери и приходилось, по заведенному обычаю, вывозить ихъ на балы, — Марья Дементьевна приходилось подчасъ очень круто изворачиваться. Обыкновенно она посылала дочерей заблаговременно къ нему въ кабинетъ, помѣщавшійся въ мезонинѣ, — просить денегъ на балныя платья; но дочери всѣми способами старались избѣжать этой процедуры. Илья Сергѣевичъ никогда не бранилъ ихъ, не кричалъ, не обнаруживалъ вспыльчивости, но онъ зналъ, что если попадутъ къ нему, какъ говорится, не въ добрый часъ, то онъ скажетъ всего какихъ нибудь два-три слова, но такихъ холодныхъ, отрывистыхъ и, порой, проникнутыхъ ироніей, что всѣ ихъ радужныя мечты о балѣ разлетятся въ прахъ.

Вообще дочери, какъ и сыновья, питали къ отцу какую-то непредѣленную боязнь. Онъ зналъ, что тамъ, гдѣ дѣло коснется чего нибудь серьезнаго, отецъ пойдетъ наперекоръ ихъ желанію и поставитъ на своемъ.

Сборы на балы обыкновенно оканчивались тѣмъ, что Марья Дементьевна, уставши убѣждать дочерей, отправлялась къ отцу сама. Такъ какъ она знала по опыту, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія, то всходила обыкновенно на третью или четвертую ступеньку лѣстницы и оттуда уже кричала наверхъ:

— Илья Сергѣевичъ! а Илья Сергѣевичъ!

— Что тебѣ надо, матушка? отвѣчалъ сверху басъ.

— У Пеньковыхъ балъ въ пятницу, Катенькѣ и Варенькѣ новыя платья надо.

Выговоривъ эти слова, Марья Дементьевна приподымалась на цыпочкахъ и, какъ говорится, наостряла ушки, чтобъ не проронить отвѣта. Отвѣтъ всегда слѣдовалъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Скажи имъ, чтобъ въ старыхъ вѣхали, раздавалось наконецъ сверху.

И чтобы не говорила послѣ Марья Дементьевна, стоя на лѣсенкѣ или приподымаясь до площадки, Илья Сергѣевичъ оставался глухъ и нѣмъ, не удостоивая ничѣмъ пояснить своего рѣшенія. Иногда же, напротивъ, дѣло рѣшалось благопріятнѣе для молодыхъ особъ. Илья Сергѣевичъ призывалъ Марью Дементьевну наверхъ и давалъ ей ровно половину того, что она просила. Она знала эту замашку и, отправляясь за деньгами, всегда рассчитывала прежде такъ, чтобы спросить вдвое противъ того, сколько было надо.

— Въдъ въ грѣхъ вводитъ, говорила она послѣ шопетомъ въ откровенной бесѣдѣ съ купчихой Колаутиной, старинной своей приятельницей. — Поневоля и солжешь ему.

— Ничего, Марья Дементьевна, не грѣхъ, отвѣчала купчиха; — въдъ для родныхъ дѣтей дѣлаете.

Принципъ родства въ этомъ домѣ былъ въ большомъ почетѣ. Тростниковыхъ посѣщали не только родственники, жившіе въ Петербургѣ, но и прїѣзжіе изъ разныхъ городовъ Россіи, — братья, дяди, двоюродныя и троюродныя сестры, внучатные племянники и племянницы и проч. Гостямъ отводили или одинъ изъ флигелей на дворѣ, или какую нибудь изъ комнатъ дома, и они проживали здѣсь по нѣскольку недѣль, а иногда и мѣсяцовъ. Илья Сергѣевичъ любилъ эти посѣщенія. Вообще человекъ, достигшій нѣвѣстной степени благополучія, любить похвастаться своимъ новымъ положеніемъ передъ старыми знакомыми, выдавшими его прежде среди другой, болѣе скромной обстановки. Въ именины мужа и жены и по торжественнымъ праздникамъ давались въ этомъ домѣ званые обѣды, на которые приглашались исключительно родственники.

По такимъ днямъ Илья Сергѣевичъ обыкновенно бывалъ въ духѣ. Съ видимымъ удовольствіемъ посматривалъ онъ за обѣдомъ на праздничныя лица своихъ наряженныхъ дочерей и невѣстокъ, улыбался шутчатамъ и словоохотливо бесѣдовалъ съ зятьями и сыновьями обихъ служебныхъ занятіяхъ. Только два лица всегда рѣзко выдавались изъ среды этихъ довольныхъ своей судьбой лицъ. То были Борисъ и Ольга, младшія дѣти Тростниковыхъ. Съ перваго взгляда, казалось, они не имѣли между собою никакого сходства.

Ольга походила на отца. Это была высокая, стройная дѣвушка, съ красивыми чертами лица, съ сѣрыми глазами, которые смотрѣли, какъ-то тревожно-пытливо. Что-то сдержанное, холодное, иногда съ оттѣнкомъ ироніи или презрѣнья отражалось на ея физиономіи. Между черными, смѣло очерченными бровями постоянно была какая-то складочка, придававшая лицу вѣчно серьезное выраженіе. Движенія ея были граціозны; она выражалась опредѣлительно, ясно, но съ какой-то сухостью; смѣялась рѣдко.

Борисъ, напротивъ, походилъ на мать. У него было такое же кроткое лицо, та же мягкая улыбка и такіе же черные, бархатистые глаза. Но взглядъ его постоянно былъ разсѣянъ, точно онъ думалъ вѣчно о чемъ нибудь постороннемъ.

Разсѣянность Бориса Ильича и его безпрестанные промахи вошли даже въ поговорку между своими. Онъ сознавалъ это, былъ неловокъ, робокъ и неувѣренъ въ себѣ; прислуга подсмѣивалась надъ нимъ, да и сами родители только что не подозрѣвали въ немъ дурачка. Марья Деметьевна, въ глубинѣ души своей, была того мнѣнія, что плоховать вышелъ Боря передъ другими братьями. Илья Сергѣевичъ, говоря о своемъ меньшому сынѣ, выражался всегда съ каимъ-то не то презрѣньемъ, не то сожалѣніемъ.

Но Борисъ Ильичъ отъ природы вовсе не былъ дуракомъ, и только исключительныя обстоятельства заставили его углубиться въ самого себя и встать на ложную дорогу.

За слабостью здоровья, его побоялись отдать въ учебное заведеніе, подобно братьямъ, и вообще долго не начинали учить его серьезно. Когда Бориса выучили читать, онъ привязался къ чтенію, какъ почти къ единственному развлеченію, которое дозволяло ему здоровье.

Въ домѣ надъ дѣвичьей были антресоли, гдѣ въ углу стояла кровать, на которой лежала уже пятнадцать лѣтъ расслабленная дворовая женщина, Харитина. Какъ ни лечилъ ее докторъ и знахарки, ничто не помогло. Тяжела была жизнь этой бѣдной женщины. Она почти ничего не ѣла. Бывали такіе дни, въ которые она питалась только просѣерой и стаканомъ воды. На ея желтомъ, какъ воскъ, лицѣ выражалась такая грустная покорность судьбѣ, что невозможно было смотрѣть на нее безъ состраданья. Боря, вмѣстѣ съ дворовыми мальчиками и дѣвочками, часто карабкался вверхъ по лѣстницѣ къ Харитинѣ. Сначала эта неподвижно лежавшая женщина возбуждала въ немъ только удивленіе. Потомъ, когда мало по малу сталъ развиваться его дѣтскій умъ, онъ часто спрашивалъ Харитину:

— Что у тебя болитъ, Харитинушка, что ты всегда лежишь?

— Все болитъ, баринъ, отвѣчала Харитина.

Боря приходилъ въ крайнее изумленіе. Отъ зная по себѣ, какъ нелегко ему было, когда нездоровилось, и не могъ постигнуть, какъ можно жить, когда все болитъ, не плача и не жалуясь. Особенно его удивляло, что Харитина иногда еще улыбалась. Чѣмъ больше раздумывалъ онъ о всемъ этомъ, тѣмъ болѣе привязывался къ страдальцѣ.

Въ его маленькомъ, дѣтскомъ сердцѣ загорѣлось желаніе чѣмъ

нибудь облегчить жизнь Харитины. Онъ сталъ приносить ей свои дѣтскія книжки съ картинками; объяснялъ значеніе картинокъ и читалъ басни. Когда ему надоѣдало читать, онъ, сидя подлѣ ея постели, рисовалъ карандашомъ на бумагѣ разныя изображенія собакъ, лисицъ, медвѣдей и проч. и отдавалъ обыкновенно эти картинки Харитинѣ.

Такимъ образомъ, видъ великаго страданія глубоко подѣйствовалъ на душу ребенка и заронилъ въ нее сѣмена высоко-человѣчнаго чувства.

Около десяти лѣтъ, здоровье Бори укрѣпилось, и Марья Дементьевна, любившая его больше, чѣмъ другихъ дѣтей, именно за то, что онъ былъ слабѣе, упросила Илью Сергѣевича не отдавать его ни въ какой пансіонъ, а взять ему на домъ учителя, какъ она выражалась. Въ наставника Борѣ попался старичокъ нѣмецъ, идеалистъ и такой чудакъ въ практической жизни, какимъ можетъ быть только нѣмецъ, погрузившійся въ умозрѣніе. Вліяніе этого учителя отразилось и на мягкой, воспріимчивой натурѣ Бори. Въ мальчикѣ развилась наклонность къ мечтательности, къ идеализаціи, а существенная, дѣятельная сторона жизни, между тѣмъ, ускользала отъ него. Илья Сергѣвичъ не обращалъ большого вниманія на то, что можетъ выйти изъ такого ученія, и рассуждалъ по своему.

— Учить нѣмецъ, думалъ онъ, — и прекрасно, пускай его учитъ. Вѣдь чему нибудь все-таки выучить, а ужъ пороку Борису никогда не выдумать.

Первымъ результатомъ мечтательности Бориса была страсть къ рисованію, которая возрастала въ немъ вмѣстѣ съ годами. Учитель, Эдуардъ Карловичъ, по этой части ушелъ недалеко; но, замѣчая въ ученикѣ своемъ способности и сильную наклонность къ этому искусству, считая своимъ долгомъ поощрить его и предложилъ Марьѣ Дементьевнѣ взять для него учителя рисованія. Можетъ быть, для одного бы Бори этого и не сдѣлали, но madame Турнье, завѣдывавшая воспитаніемъ Ольги, соединила свои просьбы съ просьбами нѣмца, и они вдводемъ убѣдили старуху, что учитель рисованія необходимъ не только для Бориса, но и для Ольги.

Боря съ страстью предался своему любимому занятію. Эдуардъ Карловичъ водилъ его въ армітажъ и объяснялъ ему значеніе разныхъ картинъ. Изучая исторію, которую нѣмецъ, по крайнему своему разумѣнію, преподавалъ добросовѣстно, съ любовью къ дѣлу,

Борисъ любилъ особенно останавливаться на тѣхъ временахъ, когда искусство живописи составляло гордость народовъ, и когда сами государи не считали недостойнымъ себя поднять кисть какому нибудь Тициану. Онъ изучалъ съ любовью жизнь этихъ художниковъ и находилъ какое-то особое наслажденіе въ этомъ изученіи. Словомъ, изъ Бориса началъ образовываться художникъ, потому что никакая другая дѣятельность не могла привиться къ его мягкой, мечтательной натурѣ. Добродушный нѣмецъ радовался этому и начиналъ уважать въ мальчикѣ такъ называемое *призваніе*. Поощренный такимъ вниманіемъ, Борисъ строилъ на счетъ своей будущности планы, соответственные своимъ желаніямъ. Но врожденной робкости, онъ никому не высказывался, кромѣ сестры и Агашки, но онъ твердо былъ увѣренъ, что его планы осуществятся.—Но они, какъ увидимъ, не осуществились.

Борису было еще шестнадцать лѣтъ, когда Илья Сергѣевичъ, не подозрѣвавшій въ сынѣ художника, нашелъ, что довольно ужъ ему учиться, отказалъ нѣмцу и объявилъ сыну, что намѣренъ опредѣлить его на службу въ сенатъ подъ свой личный присмотръ.

— По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ Марьѣ Дементьевнѣ, бесѣдуя съ ней объ этомъ предметѣ:—какъ пораньше-то на службу поступить, такъ хоть къ дѣлу попривыкнетъ. А тамъ, пока я живъ, и мѣстшко ему кой-какое достану. Вѣдь онъ самъ собой ни до чего не дойдетъ.

Марья Дементьевна вполнѣ была согласна съ мужемъ. Она твердо вѣрила въ непогрѣшимость его ума.

Сильно ошеломило Бориса такое распоряженіе отца; однако, ему и въ голову не пришло противорѣчить старику, потому что противорѣчіе главѣ семейства было неслышано въ этомъ патриархальномъ домѣ. Воля отца признавалась закономъ. И вотъ, сирѣчь сердце, поступилъ онъ на службу, хотя и не дешево обошлась ему эта вынужденная покорность.

Онъ жилъ въ особомъ, маленькомъ флигелѣ на дворѣ и все свободное отъ службы время посвящалъ своему любимому занятію. Отецъ скоро узналъ объ этомъ, и ему не понравилась эта страсть. Ей приписывалъ онъ равнодушіе Бориса къ его служебной карьерѣ, его постоянную разсѣянность, его непрактичность. Старикъ рѣшился, какъ говорится, выбить у сына изъ головы дурь его, и бывалъ онъ ее подъ часъ такимъ ѣдкимъ, прощесскимъ словомъ;

такой леденцею наивъшливостью, что Борисъ могъ бы возненавидѣть отца, еслибъ былъ способенъ къ ненависти. Но такое выкидыванье дури сдѣлало только то, что Борисъ все больше и больше сталъ чуждаться родной семьи, а вмѣстѣ съ ней, и всякаго общества. Развитие его пошло какъ-то странно и болѣзненно, отчуждене отъ родныхъ и постоянное одиночество давали еще больший просторъ его мечтательности. Длинные зимніе вечера, одинъ во флигелѣ, много читалъ онъ и, такимъ образомъ, самъ старался довершить свое неоконченное образование. Вслѣдствіе чтенія и размышленія, у него скоро выработался свой особый идеальный взглядъ на жизнь и на людскія отношенія, совершенно протявоположный взгляду семьи.

Нѣсколько разъ случалось ему въ присутствіи отца высказывать свое мнѣніе о томъ или другомъ предметѣ, и никогда эти мнѣнія не встрѣчали одобренія со стороны Ильи Сергѣевича. Напротивъ, старикъ не щадилъ сына и не разъ обрывалъ его, даже при гостяхъ.

— Ужь больно замололъ ты, Борисъ! Молчалъ бы лучше, коли умомъ не вышелъ, проговаривалъ онъ басомъ и насупивъ брови.

Подобныя замѣчанья совершенно отбили у молодого человѣка всякую охоту говорить въ присутствіи отца. Вотъ почему на праздничныхъ обѣдахъ онъ больше молчалъ и сидѣлъ, словно убитый, не принимая почти никакого участія въ томъ, что происходило вокругъ него.

Въ той же сферѣ и почти среди тѣхъ же впечатлѣній, но съ другими результатами, развился характеръ Ольги. У этой дѣвушки была натура самостоятельная, сосредоточенная, склонная отъ природы къ наблюдательности и анализу. Никто въ домѣ не могъ имѣть на нее большого вліянія. Въ дѣтскіе годы, она училась, вовсе не размышляя о томъ, чему учила ее м-те Турнье, и машинально покорялась наставленіямъ матери. Но когда умъ ея началъ работать, онъ отвергнулъ и веселенькія понятія о жизни м-те Турнье, и пассивную покорность матери, и пошелъ самъ, своимъ самостоятельнымъ путемъ, стремясь къ свѣту среди окружающаго его мрака. Въ умѣ молодой дѣвушки началась борьба. Нехорошо показалось ей жить такъ, какъ жили ея родители, а отцовскій деспотизмъ постоянно возмущалъ ее. Она такъ же, какъ братъ, стала чуждаться общества, такъ же стала любить уединеніе, но это отчужденіе отъ людей дѣйствовало

на нее не таѣ, какъ на Бориса: оно вдохновляло ее энергіей, и съ каждымъ днемъ все больше и больше выработывалась въ ней и зрѣла независимость мысли. По наружности покорялась и она, но при первомъ важномъ случаѣ она не замедлила бы сбросить маску покорности и вступила бы въ открытую борьбу съ жизнью. Вотъ почему и ея лицо бывало всегда серьезно на веселыхъ семейныхъ пиршествахъ и блуждала по нему, порой, полугрустная, полупрезрительная усмѣшка. Она любила Бориса больше всѣхъ братьевъ, отчасти потому, что вмѣстѣ съ нимъ выросла, отчасти также и потому, что чувствовала къ нему сожалѣніе. Мягкость его природы, начинавшаяся превращаться въ апатію, приводила ее въ негодованье, но она, изъ жалости, не высказывала этого брату, и только иногда колкій намекъ, нечаянно сорвавшійся съ языка ея, или горькая иронія, случайно выразившаяся въ какомъ нибудь одномъ словѣ, — давали понять Борису, что сестра не вполне симпатизируетъ ему.

Марья Дементьевна не могла не видѣть, что ея младшія дѣти вовсе непохожи на другихъ сестеръ и братьевъ, но она объясняла это по своему. Мы знаемъ, какого она была мнѣнія о Борисѣ; про Ольгу же она обыкновенно говорила, что тався въ отца уродилась — и лицомъ, и характеромъ.

Илья же Сергѣевичъ никогда не видѣлъ того, чего ему не хотѣлось видѣть.

III.

ОБОРВАНЕЦЪ.

Однажды послѣ обѣда, подѣ исходъ лѣта, Марья Дементьевна сидѣла въ садикѣ, подѣ тѣнью яблони, и варила на жаровиѣ смородиное желе. Подлѣ нея стоялъ столикъ, на немъ ягоды и тарелка съ пѣнками, которыми лакомились дворовые ребяташки; за стуломъ Марьи Дементьевны, для разныхъ непредвидѣнныхъ услугъ, стоялъ козачекъ Ваня, и ему также иногда попадала въ ротъ ложка съ пѣнками.

— Принеси-ка, Ваня, еще блюдечко, сказала Марья Дементьевна.

Ваня побѣжалъ, но воротился безъ блюдечка и въ поныхахъ.

- Барыня, объявилъ онъ, васъ тамъ кто-то спрашиваетъ.
 — Кто такой?
 — Не знаю-съ. Говорить: доложи барынь, что я желаю ее видѣть.
 — Экой ты какой! Что-жъ ты фамплин не спросилъ?
 — Да у него нѣтъ фамилин-съ.
 — Ну, что ты мелешь вздоръ?
 — Вѣдь это не господинъ-съ.
 — Такъ кто-жъ такой?
 — Да не знаю-съ, оборванецъ какой-то.
 — Поди-ка лучше позови кого нибудь потолковѣ себя.
 — Я пойду, барыня, посмотрю, что за оборванецъ такой! вскричала дворовая дѣвушка, Катя, любимица Марьи Дементьевны, и, не дождавшись отвѣта, бросилась со всѣхъ ногъ за калитку.

У крыльца стоялъ, прислонясь къ столбику, видный молодой человекъ. На немъ было что-то въ родѣ пальто, сѣрое, порядочно поистертое. Сапоги его краснорѣчиво вопіяли о долговременной службѣ. Онъ снялъ съ головы фуражку и отиралъ лобъ бумажнымъ, клѣтчатымъ платкомъ. Костюмъ его и въ особенности яркокрасная, суконная жилетка сильно озадачили Катю. Она постояла нѣсколько секундъ въ недоумѣннн у калитки и пустилась обратно въ садъ.

— Барыня, вскричала она, подбѣжавъ къ Марьи Дементьевнѣ:— Ванька все вреть. Это фигляръ какой-то...

— Господи, Боже мой! Да зачѣмъ же фигляру меня спрашивать?— Онъ сказалъ тебѣ, что онъ фигляръ?

— Пѣтъ, барыня, да на немъ красная жилетка.

— Дуня, закричала старушка проходившей въ эту минуту по двору женщинѣ.

Дуня пришла.

— Постой-ка вотъ здѣсь, помѣшай варенье, да ребятишекъ не подпускай близко, а то обожгутся.

Дуня взяла ложку, и Марья Дементьевна пошла изъ сада. На половинѣ двора, молодой человекъ подошелъ къ ней съ очевидной робостью и замѣшательствомъ.

— Позвольте васъ спросить, сказалъ онъ, вѣжливо раскланываясь;—могу я видѣть ея превосходительство, Марью Дементьевну Тростникову.

— Это я и есть. Что вамъ угодно? Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? спросила, въ свою очередь, старушка, помахивая

съ недоумѣньемъ то на красивое лицо молодого человѣка, вовсе несоотвѣтствующее его костюму, то на самый костюмъ.

— Я Ананьевъ, проговорилъ онъ робко.

— Ананьевъ? воскликнула Марья Дементьевна, обрадовавшись. Сынъ Матвѣя Степановича?

— Нѣтъ не Матвѣя, а Александра Степановича, отвѣчала молодой человѣкъ уже съ большей увѣренностью.

— Ахъ, Боже мой! Такъ вѣдь вы не чужой: по родителю вашему, племянникомъ троюроднымъ приходитесь.— Очень рада васъ видѣть. Пожалуйста въ комнаты, милости прошу... Давно ли вы прѣѣхали,

— Сегодня, отвѣчалъ Ананьевъ.

— Были вы у Евграфа Ивановича Темяшина? Вѣдь онъ вамъ родной дядя: старшій братъ покойницы вашей матушки.

— Я былъ у дяди, но ужъ никогда больше не пойду къ нему, проговорилъ молодой человѣкъ.

Марья Дементьевна сейчасъ же пригласила его въ комнаты.

— Обѣдали ли вы? спросила она съ тревожнымъ участіемъ.

— Обѣдалъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, и физиономія его ясно выражала, что онъ не умѣетъ лгать.

— Такъ не прикажете ли кофею или чаю?

— Нѣтъ, благодарю.

— Все равно. Скажи, Ваня, чтобъ приготовили закуску и вина дали. Можетъ быть, вы выпьете рюмку, чтобъ освѣжиться.

Молодой человѣкъ не противорѣчилъ.

— Вы застали Евграфа Ивановича дома?

— Засталъ.

— Радъ онъ былъ видѣть васъ?

— Очень. Знаете ли, что онъ сказалъ мнѣ?

— Что?

— Онъ спросилъ, зачѣмъ я прѣѣхалъ въ Петербургъ. Я отвѣчалъ, что хочу поступить въ медико-хирургическую Академію.— Эге! вотъ у тебя какіе замыслы, сказалъ Евграфъ Ивановичъ.— Чѣмъ же ты думаешь жить? Я отвѣчалъ, что постараюсь достать себѣ кое-какіе уроки...— Ну, братъ, сказалъ мнѣ въ отвѣтъ Евграфъ Ивановичъ, коли ты съ такими блестящими надеждами махнулъ въ Петербургъ, такъ на меня не надѣйся. Помни, что я вѣдь не Ананьевъ, а Темяшинъ.

Марья Дементьевна покачала головой.

— Что-жь вы на это ему? спросила она.

— Да что! плюнулъ да и пошелъ, отвѣчалъ грустно молодой человѣкъ.

— Я такъ и думала, что Евграфъ Ивановичъ не окажетъ вамъ родственной ласки, проговорила Марья Дементьевна послѣ минутнаго молчанія. — Жестокосердый онъ человѣкъ, и съ своими-то дѣтьми подѣ часъ люто обходится.

Между тѣмъ, принесли закуску и вино. Ананьевъ, по радушному приглашенію старушки и забывъ, что уже пообѣдалъ, принялся за нее усердно. Мало по малу, онъ сталъ поразвязнѣе, лицо его повеселѣло и онъ отвѣчалъ на разспросы откровенно и съ полной довѣренностью.

У Ананьева не было ни отца, ни матери. Онъ воспитывался въ семинаріи, откуда получилъ хорошій атестатъ, который, вмѣстѣ съ видомъ, оставилъ на почтовомъ дворѣ въ залогъ, потому что у него недостало двухъ рублей заплатить ящичку. Страсть къ наукѣ заставила его пуститься въ Петербургъ изъ В., то-есть, почти за нятъсотъ верстъ, съ двадцатью пятью рублями ассигнаціями въ карманѣ. Онъ гдѣ ѣхалъ на возахъ, гдѣ шель пѣшкомъ, и вообще перенесъ много приключеній въ продолженіи своего странствованія. У него еще были три брата, моложе его, изъ коихъ одинъ находился въ семинаріи, а два въ училищѣ, и одна сестра, которую, по смерти родителей, онъ оставилъ на попеченіе ближайшей родни.

Когда молодой человѣкъ кончилъ разсказъ о своемъ путешествіи, Марья Дементьевна нѣсколько минутъ сидѣла, задумавшись. Ея добрые, черные глаза выражали живѣйшее участіе.

— Такъ у васъ, значитъ, на первую пору и пріюта нѣтъ никакого? проговорила она наконецъ.

Ананьевъ поврасцѣлъ и какъ-то неловко замаялся.

— Сходите на почтовый дворъ и привезите вашъ чемоданъ. Поживете у насъ, пока не устроитесь; у Бори во флягелъ для васъ мѣсто найдется.

— Но какъ это покажется Ильѣ Сергѣевичу? спросилъ перѣши-тодѣно Ананьевъ.

— Его теперь дома нѣтъ; да я знаю, что онъ вамъ тоже самое скажетъ, что и я. Онъ у меня до родныхъ горячій. Все равно, что мои, — что его не разбираетъ.

Ободренный приглашеиёмъ, которое обезпечивало ему приютъ, хотя на нѣкоторое время, молодой человекъ просіялъ. Марья Дементьевна дала ему денегъ на выручку атестата, и онъ весело отправился на почтовый дворъ.

Возвратился домой Илья Сергѣевичъ. Ему рассказали о новоприбывшемъ родственникѣ и о томъ, что его пригласили остановиться пока во флигелѣ у Бориса. Илья Сергѣевичъ что-то промычалъ на это и этимъ способомъ выразилъ свое согласіе.

Вся семья сидѣла за чайнымъ столомъ, когда козачекъ Ваня, взглянувъ въ окно, объявилъ, что идетъ баринъ съ узелкомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, вошелъ Ананьевъ. Прежде всѣхъ бросилась ему въ глаза Ольга, высокая, стройная, молодая, со своимъ умнымъ, красивымъ лицомъ, подернутымъ затаенной грустью. Молодой человекъ привыкъ видѣть только невзрачныя лица деревенскихъ просвирень и поповень, и потому неудивительно, что симпатическая фигура Ольги заинтересовала его съ перваго же взгляда. Затѣмъ, взгляды его перешелъ на величественную и угрюмую фигуру Ильи Сергѣевича.

— Ого, какой баринъ! подумалъ Ананьевъ и невольно призадумался, сообразивъ, что ему придется быть подъ вліяніемъ гостепріимства этого барина. Бориса и Агашу онъ почти не замѣтилъ; — ихъ какъ-то никто не замѣчалъ.

Марья Дементьевна представила Ананьева всему семейству. Онъ раскланялся и смиренно усѣлся на кончикъ стула. Илья Сергѣевичъ очень уважалъ въ молодыхъ людяхъ скромность и робость, и въ такихъ случаяхъ всегда обращался съ ними снисходительно, чтобы милостиво ободрить ихъ. Онъ началъ предлагать Ананьеву тѣ же вопросы, какъ и Марья Дементьевна, и рассказъ о путешествіи — гдѣ на обозахъ, гдѣ пѣшкомъ — сильно понравился Ильѣ Сергѣевичу.

— Э, да ты, братъ, молодецъ, какъ я вижу! проговорилъ онъ, развеселясь. Захотѣлъ въ люди выйти, такъ недолго думалъ. Махнулъ въ Петербургъ, чуть не съ двугривеннымъ въ карманѣ. Это я люблю. Изъ тебя толкъ выйдетъ.

Илья Сергѣевичъ отодвинулъ допитый стаканъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Только вотъ чего я не понимаю, продолжалъ онъ, остановясь передъ новымъ родственникомъ: — съ чего тебѣ вздумалось въ медицинскую академію? Что за находка лекаремъ быть? Ты лучше бы, братецъ, прямо поступилъ на службу. Вѣдь ты говоришь, что

атестать у тебя хорошій. Я-бъ тебя, пожалуй, опредѣлилъ къ мѣсту.

Ананьеву это не понравилось. Медицина была его мечтой, глубоко запавшей въ душу, и онъ съ юношескою горячностью заступился за эту любимую науку, коснулся мимоходомъ сословныхъ предрасудковъ и кончилъ тѣмъ, что твердо и рѣшительно объявилъ о своемъ неизмѣнномъ намѣреніи, быть со времени мемедикомъ. Онъ выражался безъ запальчивости, но рѣзко, свободно и прямо, какъ-будто забывъ, что его слушаетъ баринъ, безъ гостепріимнаго крова котораго, онъ не зналъ бы, куда и голову преклонить на эту почъ. Никогда еще въ домашнемъ быту Тростникова не раздавалась такая живая, свободная рѣчь. Всѣ на нее какъ-то встрепенулись.

Марья Дементьевна сидѣла, какъ на иголкахъ, пробовала было остановить, замять молодого человѣка, но онъ не замѣчалъ ее попытокъ. На лицѣ Ольги выразилось непритворное любопытство. Даже Борисъ точно ожилъ, покраснѣлъ и зашевелился на стулѣ. Всѣ ожидали, что Илья Сергѣичъ не стерпитъ такой дерзости, но къ общему удивленію, онъ выслушалъ Ананьева безъ всякаго неудовольствія, не возражая и даже не хмура бровей. Когда Ананьевъ кончилъ, онъ даже усмѣхнулся.

— Экъ наговорилъ-то! промолвилъ онъ, взявшись хладнокровно за трубку. Ну-ну, по мнѣ все равно, въ лекаря, такъ въ лекаря,— твое дѣло. Я вѣдь только мое мнѣніе высказалъ. А говорить-то ты ужъ мастеръ! Видно, что въ семинаріи риторикѣ прошелъ.

Дѣло въ томъ, что Илья Сергѣвичу было рѣшительно все равно, какую бы карьеру не избралъ Ананьевъ. Онъ предложилъ ему свое содѣйствіе только для того, чтобы, какъ говорится, была бы честь предложена; а если молодой человѣкъ самъ избавлялъ его отъ хлопотъ,— ему же лучше было?

Вскорѣ послѣ чаю, Борисъ увелъ Ананьева къ себѣ во флигель.

На другой день, рано поутру, въ столовой за тѣмъ же чайнымъ столомъ сидѣли Марья Дементьевна и Илья Сергѣвичъ, встававшіе раньше всѣхъ въ домѣ. Бесѣда шла о новоявившемся родственникѣ. Марья Дементьевна припоминала всю семью и покойныхъ его родителей, рассказывала какіе они были прекрасные люди, и сильно соболѣзновала о томъ, что Митя (такъ она называла Ананьева) явился въ столицу такой оборванный, неприглядный. Илья Сергѣвичъ слушалъ ее однимъ ухомъ и курилъ трубку, прихлебывая чай.

— Повѣрнѣли, говорила она, какъ увидала я его вчера, такъ обомлѣла просто. Сапожки-то вѣдь совсѣмъ безъ подметокъ. На что Ванюшка да Катя вчера прибѣжали ко мнѣ, да и говорятъ: одинъ говорить нищій, а другая, говорить, фиглярь пришелъ.

Поехался Илья Сергѣевичъ. Непріятно ему показалось, что родственника его жены, который поселился въ его домѣ, дворовая челядь смѣла приравнять къ фигляру и нищему.

— Да оно, матушка, почти такъ и есть, проговорилъ онъ наконецъ. Его хоть сейчасъ на паперть къ церковнымъ дверямъ можно поставить. Срамъ да и только. Я дамъ ему двадцать-пять рублей. Скажи ему, чтобъ онъ себѣ сапоги да жилетку купилъ. Лишняго-то не надо. Вѣдь если въ академію поступить, такъ казенную форму надо шить.

Марья Дементьевна поблагодарила мужа и рассказала ему, какъ принялъ молодого человѣка Евграфъ Ивановичъ, родной его дядюшка по матери.

Между Ильей Сергѣевичемъ и Темяшинымъ существовало какое-то странное соперничество. Оба они, какъ говорится, вышли въ люди изъ простой среды и оба въ настоящее время, посреди своихъ родственникововъ, были представителями бюрократическаго аристократизма. Извѣстно, какъ въ провинціи и особенно въ прежнее время, смотрѣли на чиновныхъ людей. Илья Сергѣевичъ и Евграфъ Ивановичъ считались тамъ звѣздами чуть ли не первой величины, изъ коихъ одна озаряла своимъ сіяніемъ весь живущій родъ и будущихъ потомковъ Тростниковыхъ, другая весь живущій родъ Темяшиныхъ, также съ потомками. На нихъ смотрѣли съ подобострастіемъ, и прозвися имена ихъ превосходительствъ придавали голосу почти-тельный тонъ. Чиновные особы не то чтобы не ладили между собой, а просто пикировались и соперничали въ богатствѣ, почестяхъ и вліяніи на остальную родню.

Марья Дементьевна знала это и не безъ намѣренья рассказала о поступкѣ Евграфа Ивановича.

— Такъ ему значить отъ дядюшки нечего ждать, проговорилъ Илья Сергѣевичъ съ ироническою усмѣшкой, выслушавъ ее.

Марья Дементьевна махнула рукой.

— Куды! Безсовѣстный человѣкъ просто.

Илья Сергѣевичъ всталъ и нѣсколько прошелся по столовой.

— Какъ же онъ думаетъ жить? спросилъ онъ наконецъ, остановясь.

— Ужь и не придумаю какъ! Ума не приложу. Жаль малаго, да вѣдь что-жь дѣлать! сами они въ Петербургъ лѣзутъ.

— Они Петербургъ-то считаютъ за свою деревню, замѣтилъ Илья Сергѣевичъ, снова заходявъ. Вѣдь хватило же ума, очертя голову, чуть не пѣшкомъ махнуть. Или онъ, можетъ быть, на дядю надѣялся!

— Должно быть, что надѣлся.

— Удружилъ же ему дядюшка!

— Я, Илья Сергѣевичъ, думала было, начала робко Марья Дементьевна:—нелзя ли ему этакъ хоть съ годикъ, пока поисправится, у насъ пожить? Вѣдь не объѣсть же онъ насъ. У Бори-то тѣсно-вато, а я бы ему вотъ другой флигелекъ поочистила, что за кухней. Въ немъ хламъ разный валяется, такъ на чердаки да по сараямъ можно вытащить его. Онъ, видишь ты, говорилъ, что хотѣлъ бы уроками заняться; ну и пусть бы пока поучилъ дѣтей у Катеньки. Ходить туда недалеко, а имъ все же не платить.

Илья Сергѣевичъ нѣсколько минутъ продолжалъ ходить молча.

— Пожалуй, очисти флигель, сказалъ онъ наконецъ, а тамъ посмотримъ.

Марья Дементьевнѣ только этого и надо было. Она знала, что стоило только разъ водворить родственника въ домѣ, а тамъ Илья Сергѣевичъ привыкнетъ каждый день видѣть его за обѣдомъ, и дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ.

Въ то же утро, она передала Анашьеву бѣленькую ассигнацію, которую далъ Илья Сергѣевичъ, прибавивъ къ ней еще такую жеизъ своихъ собственныхъ, экономическихъ запасовъ, и рассказала ему свои планы на счетъ его будущности, не забывъ упомянуть о Катенькиныхъ дѣтяхъ.

Затѣмъ Марья Дементьевна посвятила все утро на очищеніе флигеля. Хламъ перетаскали, двѣ дворовыхъ женщины проворно вымыли небольшія комнаты, обмели стѣны и сняли съ нихъ паутину. Во флигель перенесли кровать, два стула, столъ, комодъ, и молодой чедовѣкъ, въ тотъ же вечеръ, переселился на новоселье.

IV.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА.

Съ водвореніемъ Ананьева въ домъ Тростниковыхъ, точно струя новой, свѣжей жизни влилась въ удушливую атмосферу ихъ быта, пропитаннаго предрассудками, деспотизмомъ и скукою. Молодой человекъ отъ природы былъ незастѣпчивый малый. Въ немъ было много увѣренности въ своихъ силахъ, свѣтло и ясно рисовалась предъ нимъ цѣль жизни, и возможность достиженія этой цѣли придавала ему особенную энергію.

Всѣ въ домѣ скоро привыкли къ нему и полюбили его. Марья Дементьевна скоро отложила съ нимъ всѣ церемоніи и стала говорить ему «Митя» и «родной ты мой». Илья Сергѣевичъ благоволилъ къ нему. Ему нравилась увѣренность молодого человека въ самомъ себѣ, его веселое лицо и звучный смѣхъ. Печальныя, озабоченныя или боязливыя лица домашнихъ нагоняли порой тоску на главу семейства. Кромѣ того, можетъ быть, нравилась Ильѣ Сергѣевичу и роль покровителя, всегда льстящая самолюбію нѣкоторыхъ людей. Часто прохаживаясь вечеромъ по залѣ, Илья Сергѣевичъ говорилъ:

— А гдѣ Дмитрій? позвать его сюда.

Козачокъ Ваня бѣжалъ за Дмитриемъ Александровичемъ, и межъ нимъ и старикомъ завязывалась вечерняя бесѣда. Илья Сергѣевичъ говорилъ больше въ поучительномъ духѣ; рассказывалъ про свою молодость, про то, съ какемъ трудомъ онъ карабкался по служебной лѣстницѣ, прежде чѣмъ добрался до верхней ступеньки, касаясь иногда общественныхъ дѣлъ, политики и настоящей своей служебной дѣятельности, — словомъ, всего, о чемъ любятъ потолковать старики.

Крѣпко надоѣдали подчасъ эти бесѣды Ананьеву, тѣмъ болѣе, что онъ стужалъ бы употребить свое время несравненно пріятнѣе; но молодой человекъ велъ себя съ тактомъ. Онъ слушалъ старика терпѣливо, и если ужъ не могъ не противорѣчить, то противорѣчалъ осторожно, такъ чтобы гусей не раздражить. Часто какое нибудь мѣткое замѣчаніе съ его стороны вызывало усмѣшку на лицѣ старика, а иногда даже какъ-то странно звучалъ въ большомъ, вѣчно

безмолвною заглѣ непривычный смѣхъ генерала, вызванный какимъ нибудь острымъ словомъ Ананьева. За то Илья Сергѣевичъ говаривалъ Марьѣ Дементьевнѣ, когда приходилось къ слову:

— А вѣдь Дмитрій-то не дуракъ! Изъ него будетъ толкъ. Жаль только, что упрямя, лекаршикой хочетъ быть...

Для Ольги Ананьевъ былъ заманчивой личностью. Сначала онъ только возбудилъ ея любопытство. Она никогда не слыхала, чтобы кто нибудь противорѣчалъ ей отцу. И вотъ является молодой человекъ, сирота, полу-оборванный—проситъ пріюта и говоритъ съ ея отцомъ очень откровенно и смѣло отстаиваетъ свои убѣжденія, и дѣлаетъ по своему. Это ее заставило призадуматься.

Съ каждымъ днемъ Ананьевъ сильнѣе и сильнѣе начиналъ занимать Ольгу. Она никогда не любила ни выѣзда, ни баловъ, ни вообще свѣтскаго бездѣльничанья. При первомъ знакомствѣ съ этою жизнью, она умѣла какъ-то угадать ея смыслъ и значеніе. Молодые свѣтскіе люди, которыхъ она встрѣчала на вечерахъ у сестеръ и братьевъ, не нравились ей. Ананьевъ явился передъ нею, какъ представитель другого порядка молодежи. На ея душу повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, какъ лѣтній вѣтерокъ, который въ ясное, лѣтнее утро вѣетъ въ лицо и придаетъ новыя силы. Она стала наблюдать за нимъ, изучать его.

Почти такое же дѣйствіе произвела и сама она на молодого человека. Его заинтересовало ея задумчивое, печальное лицо, среди этой, повидимому, счастливой обстановки. Познакомивъ съ нею поближе и прпсмотрѣвъ къ семейному быту и къ окружающимъ ее личностямъ, онъ скоро понялъ, въ чемъ дѣло.

Мыслящая, энергичная натура Ольги, не легко примиряющаяся съ такою жизнью, возбудила въ немъ сперва удивленіе, а потомъ это чувство перешло въ участіе и симпатію, а потомъ... Но мы заходимъ далеко. Пока, довольно того, если мы скажемъ, что Ананьевъ любилъ проводить въ маленькой комнатѣ, называемой диванной, свободное время, гдѣ обыкновенно сидѣли Ольга и Агаша за рукодѣльемъ. Марья Дементьевна часто располагалась тутъ же со своими книгами въ кожаныхъ переплетахъ или съ какимъ нибудь вязаньемъ. Но глава семейства рѣдко заглядывалъ въ эту комнату, потому что вообще не любилъ женскаго общества.

У Ананьева были два способа занимать Ольгу: или онъ толковалъ съ нею о какихъ нибудь научныхъ вопросахъ, о прочитанныхъ

ею книгахъ серьезнаго содержанія, которыя онъ же отвачивалъ ей, гдѣ только могъ; или забавлялъ ее юмористическими разсказами о своихъ дѣтскихъ годахъ, о семинаріи, о всемъ, что могло вызвать веселый, искренній смѣхъ. Никто не мѣнялъ молодымъ людямъ. Марья Дементьевна думала, что Ольга видитъ въ Ананьевѣ только родственника, а Ильѣ Сергѣевичу и въ голову не могло придти, что его дочери могъ понравиться человекъ нечиновный, небогатый и, вдобавокъ, кандидатъ въ лекаря. Только одна Агаша не симпатизировала Ананьеву. Нельзя сказать, чтобы она питала къ нему непріятное чувство, но ей просто подчасъ было досадно на него.

Мы уже сказали, какъ сильно она была привязана ко всемъ въ этой семьѣ. Ей казалось несправедливымъ, ненатуральнымъ, чтобы пришлецъ, пріютившійся подъ кровомъ этого дома, былъ веселъ и счастливъ, тогда какъ Борисъ, членъ этой семьи, долженствовавшій, по законному порядку, имѣть всѣ права на счастье въ этомъ домѣ, былъ постоянно унылъ и робокъ.

Агаша была неправа въ отношеніи къ Ананьеву, но... есть таія чувства, которыя иногда сильно грѣшатъ противъ справедливости.—Что же касается самого Бориса, то онъ привязался къ Ананьеву такъ, какъ не былъ привязанъ ни къ одному изъ своихъ братьевъ. Энергичный, смѣлый молодой человекъ увлекалъ его. Ананьевъ же, съ своей стороны, понималъ темную сторону жизни Бориса и не разъ пытался расшевелить юношу и заставить его поговорить съ отцомъ откровенно; но всѣ старанія его были безуспѣшны. Борисъ упорно и угрюмо отпѣкивался, а самъ становился все пасмурнѣе и молчаливѣе. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Ананьевъ поступилъ въ медико-хирургическую академію и принялся за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что часто по цѣлымъ ночамъ просиживалъ за книгами и анатомическими рисунками,—Борисъ сталъ еще печальнѣе. Молодость точно улетала отъ него. Въ его наружности и въ движеніяхъ проявлялось что-то уже стариковское.

Марья Дементьевна видѣла все это и вѣрно у ней болѣло за него сердце; но какъ помочь горю,—она не знала, да не знала даже, чему и приписать его. Ей не вѣрилось, чтобы можно было такъ убиваться оттого, что хотѣлось быть художникомъ. Когда Ольга или Агаша наводили ее на эту мысль, она обыкновенно говаривала съ улыбкой:

— Пустяки, что отъ этого. Вѣдь пишеть же онъ картинки тамъ у себя во олигелѣ. Съ чего тутъ убиваться! Нѣтъ, ужь не оттого это!..

И она многозначительно помахивала головою, давая понять этимъ движеніемъ, что у нея есть свое воззрѣніе на этотъ предметъ; а воззрѣніе это состояло въ томъ, что она тайномъ давно подозрѣвала, не взглянулъ ли Борю какой недобрый человекъ.

Почти такъ же думала Агаша; разъ утромъ она вошла въ комнату Ольги; лицо ея было встревожено.

— Знаете, Ольга Ильинична, сказала она, прясѣвъ на диванъ:— у насъ въ домѣ что нибудь недоброе будетъ.

— Что такое? почти съ испугомъ спросила та, обернувшись къ ней.

— Какой я сегодня сонъ видѣла...

Ольга пожала плечами, усмѣхнулась и снова принялась за свое дѣло.

— Вы смѣяться будете, продолжала Агаша, а вѣдь право этотъ сонъ что нибудь нехорошее предвѣщаетъ...

— Ужь не видела ли ты, что тебя за Макара Осиповича протсватали? проговорила Ольга и расхохоталась.

Макаръ Осиповичъ былъ весьма невзрачный, пожилой чиновникъ, приходившій иногда къ Ильѣ Сергѣевичу. Агашѣ сильно не нравилась его шершавая и потертая особа. Ольга иногда, въ веселыя минуты, дразнила ее имъ.

— Ахъ, перестаньте, ради Бога, съ вашимъ несноснымъ Макаремъ Осиповичемъ, отозвалась Агаша съ досадою. Мнѣ, право, не до смѣха. Послушайте лучше, что я вамъ расскажу.

— Рассказывай, я слушаю.

— Видѣла я, что будто шла я какинъ-то полемъ. День такой чудный былъ, солнце такъ и сіяеть. А я будто заблудилась и не знаю, куда идти. Вдругъ на встрѣчу мнѣ Борисъ Ильичъ, печальный такой, блѣдный, что мнѣ даже страшно стало. Я ему рассказываю, что заблудилась, а онъ говоритъ: ничего, пойдите со мной, я васъ провожу. Пошла я съ нимъ, а вокругъ насъ цвѣты растутъ такіе, какихъ я никогда не видала. Нарвалъ Борисъ Ильичъ пребольшой букетъ и хотѣлъ было отдать его мнѣ, какъ вдругъ изъ него выползаетъ преогромная змѣя, да какъ обожьется вокругъ шеи Бориса Ильича,—я такъ и обомлѣла. Съ тѣмъ я и проснулась.

— Ты, Агаша, точно старая баба какая, проговорила Ольга:— и снамъ, и примѣтамъ разнымъ вѣришь.

— Да посмотрите-ка на Бориса Ильича, на что онъ похожъ:— по-неволѣ сну повѣришь. Ходитъ, голову повѣся, съ каждымъ днемъ, кажется, худѣетъ. Просто, какъ свѣча таетъ.

Ольга вздохнула. Лицо ея стало серьезно.

— Что-жъ тутъ дѣлать? проговорила Ольга:— жалъ брата, да вѣдь отчасти и самъ онъ виноватъ. Случается онъ потому, что ему служить не хочется; другой бы, на его мѣстѣ, все сдѣлалъ, чтобъ до своего добиться, а онъ только молчить да хмурится.

— А что же ему дѣлать? Вѣдь вы сами знаете, къ Ильѣ Сергѣевичу нескоро подступишься.

— Все же попробовать бы надо. Что за ребячество, въ самомъ дѣлѣ, въ эти годы не имѣть своего голоса. Посмотри на Дмитрія Александровича... Онъ сдѣлалъ же по своему, и отецъ не разсердился на него.— Нѣтъ, братъ Борисъ самъ виноватъ; у него нѣтъ своей воли.

— Вы-бъ ему сказали, Ольга Ильинишна, замѣтила робко Агаша.

Ей очень хотѣлось видѣть Бориса такимъ же веселымъ и довольнымъ, какъ Ананьевъ.

Ольга отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, сказала она, къ чему говорить по пустому. Мы уже довольно говорили ему,—и Дмитрій Александровичъ, и я. Съ нимъ ничего не сдѣлаешь; это ужъ такая несчастная натура. Онъ будетъ терпѣть и молчать до тѣхъ поръ, пока не впадетъ въ чахотку или не сойдетъ съ ума.— Ахъ, еслибъ я была на его мѣстѣ!.. добавила она, и глаза ее заискрились, щеки загорѣлись.

— Что-жъ бы вы сдѣлали?

— Я бы сзумѣла постоять за себя.

Этотъ разговоръ и въ особенности сонъ произвели сильное впечатлѣнiе на Агашу. Она успѣла уже понабраться суевѣрныхъ вѣрованiй; къ тому же, ей было невыразимо жалъ Бориса. Она стала думать, какъ бы помочь его горю. Цѣлый день и почти цѣлую ночь продумала она объ этомъ. Наконецъ, она рѣшилась сама поговорить съ Борисомъ и воспользовалась первымъ удобнымъ для этого случаемъ. На другой день, послѣ обѣда, Агаша дождалась, когда всѣ разошлись изъ столовой. Илья Сергѣевичъ ушелъ, по обыкновенiю, наверхъ, Ольга въ свою комнату, а Марья Дементьевна пошла хло-

потать о чемъ-то въ дѣвничью. Въ столовой остался только Борисъ, допивавшій свой кофе. Агаша подошла къ нему и шепнула:

— Приходите въ диванную, мнѣ надо поговорить съ вами.

Борисъ взялъ чашку и перешелъ въ диванную.

— Скажите, пожалуйста, Борисъ Ильичъ, начала Агаша, потупивъ глаза на работу и вся вспыхнувъ:—отчего вы такъ печальны?

Борисъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Агаша выросла на его глазахъ. Онъ давно зналъ, что она добрая, очень добрая дѣвочка, но считалъ ее совершеннымъ ребенкомъ и никакъ не предполагалъ встрѣтить въ ней серьезнаго участія къ себѣ.

— Съ чего вамъ вздумалось сдѣлать этотъ вопросъ, Агаша? проговорилъ онъ, улыбнувшись. Развѣ вамъ жаль меня?

— Еще бы нѣтъ! Всѣмъ васъ жаль. У Марьи Деметьевны, у Ольги Ильинишны, у всѣхъ за васъ сердце болитъ.—Вы не разсердитесь, Борисъ Ильичъ, если я вамъ правду скажу?

— Нѣтъ, не разсержусь.

— Вы и сами немножко виноваты...

— Въ чемъ?

— Да въ томъ, что жизнь ваша такъ грустная. Что бы вамъ хоть разъ попытать счастья? Поговорили бы съ Ильей Сергѣевичемъ откровенно, сказали бы ему, что не хотите служить. Можетъ онъ и согласился бы, чтобъ вы въ академію поступили.

— А если нѣтъ?

— Ну, такъ что-жъ? Все-таки бѣды большой бы не было. Хоть и разсердился бы—и то неважность, пусть сердится себѣ на здоровье.

— Нѣтъ, Агаша, когда онъ откажетъ,—плохо будетъ. Вы этого не понимаете. Вотъ видите ли, теперь мнѣ тяжело, но я, по крайней мѣрѣ, не могу обвинять отца. Не говорилъ я ему ничего, онъ ничего не знаетъ и выходитъ вотъ какъ; и вы же говорите, что самъ я виноватъ и пенять не на кого. А когда я ему выскажу, да онъ откажетъ мнѣ, тогда ужъ всему конецъ. Что мнѣ остается дѣлать? Мысль, что я вѣчно буду тянуть ляжку, которую ненавижу, эта мысль убьетъ меня до того, что я, пожалуй, и отца тогда ненавижу.

— Бегъ съ вами, Борисъ Ильичъ! проговорила Агаша съ испугомъ:—что это вы говорите? Какъ можно ненавидѣть отца, вѣдь это страшный грѣхъ! Ну, хоть бы и отказалъ!.. Вы старайтесь смириться; поворитесь: ему. Вѣдь родительская воля—законъ.

— Не правда! прервалъ ее Борисъ съ жаромъ: — не законъ родительская власть тамъ, гдѣ она дѣлаетъ несчастными дѣтей. Никогда не издавалъ Богъ такого жестокаго закона.

Борисъ замолкъ. Глаза его еще блистали отъ внезапнаго воодушевленія, но лицо подернулось такой томительной тоской, что у Агаша заняло сердце. Она взглянула на него украдкой и на ея глазахъ задрожала слеза. Борисъ подмѣтилъ эту слезу; она, въ свою очередь, тронула его и заставила посмотрѣть на Агашу иначе, чѣмъ онъ смотрѣлъ на нее до сихъ поръ.

— Мнѣ дорого ваше участие, Агаша, проговорилъ онъ ей ласково. Я попытаюсь. Самъ я говорить съ отцомъ не стану, потому что боюсь получить отказъ; но я постараюсь переговорить съ матушкой.

— Ну, вотъ и прекрасно, воскликнула Агаша. Попытайтесь, Борисъ Ильичъ; можетъ быть, все исполнится такъ, какъ вы желаете, и вы будете довольны и веселы.

Вошла Марья Дементьевна и послала Агашу въ кладовую распорядиться по хозяйству.

Борисъ остался съ матерью. Слеза, которую онъ подмѣтилъ на глазахъ у Агаша, придавала ему особенную рѣшимость, и онъ повелъ съ Марьей Дементьевной разговоръ, въ которомъ высказалъ все, что у него лежало на сердцѣ, и попросилъ мать быть посредницей между нимъ и отцомъ.

Крѣпко пришлось не по нутру эта просьба Марьи Дементьевнѣ; но видѣла она тутъ ничего хорошаго. Попыталась было она отговорить сына отъ такихъ затѣй, да вдругъ взглянула на его блѣдное, исхудалое лицо, встрѣтила его умоляющій взглядъ — и жалко стало ей сына. — «Господи Боже мой! подумала она, что-жъ я за мать буду, если ужъ такъ пустяковъ для сына не сдѣлаю!»

— Поговорю я съ отцомъ, Боринька, поговорю, заключила она; пожалуй, сегодня даже, какъ встанетъ, и постараюсь разжалобить его.

Въ цѣломъ домѣ царствовала тишина, потому что глава семейства отдыхалъ. Казалось, сами мухи понимали всю важность этого факта и смиренно приютились кое-гдѣ по потолку и по стѣнамъ, не рѣшаясь жужжать. Наконецъ стѣнные часы столовой, не торопясь, пробили шесть. Марья Дементьевна оставила работу и нѣсколько секундъ прислушивалась: не слышно ли чего наверху. Скоро наверху явственно раздались шаги Иды Сергѣевича, половины ее:

скрипѣли подѣ нимъ, но все-таки, для лучшаго удостовѣренія въ дѣйствительности этого, Марья Дементьевна послала Агашу къ лѣстницѣ—послушать, всталъ ли Илья Сергѣевичъ.

— Ходить, сказала Агаша, возвратясь.

Старушка встала, постояла съ минутку въ раздумьи и потомъ поплелась къ лѣстницѣ. Агаша положила работу на столикъ и зашла дыханіе. Черезъ нѣсколько минутъ дверь скрипнула и въ комнату робко вошелъ Борисъ. Агаша похраснѣла и опять принялась за работу.

— Матушка вѣрно пошла наверхъ? спросилъ молодой человѣкъ, подойдя къ Агашѣ.

— Да.

— Давно?

— Сейчасъ.

Борисъ сѣлъ на диванъ и задумчиво принялся смотрѣть на Агашу. Онъ былъ почти увѣренъ, что отецъ откажетъ ему, но эта мысль была теперь для него второстепенною. Въ настоящую минуту его занималъ другой вопросъ, другое чувство. Неизбалованный участіемъ и ласками женщинъ, Борисъ цѣнилъ участіе Агашы и видѣлъ въ ней друга, который можетъ поддержать его и дать другой поворотъ его одинокой жизни.

Агаша не поднимала на него глазъ и прилежно шила; только щоки ея все болѣе и болѣе алѣли. Между тѣмъ наверху происходила сцена совершенно другого рода. Илья Сергѣевичъ, вставъ отъ сна, облежся въ халатъ съ узорчатыми разводами и расхаживалъ снокойпо изъ угла въ уголъ, какъ вдругъ передъ нимъ изъ-за перилъ лѣстницы показался сперва чепецъ Марьи Дементьевны, а потомъ и вся ея особа. Она вошла робко, точно заранѣе сознавала себя виноватою.

— Я къ тебѣ, Илья Сергѣевичъ, проговорила она:—поговорить съ тобой хотѣла.

Илья Сергѣевичъ приостановился.

— Что надо? спросилъ онъ.

Марья Дементьевна присѣла на диванъ.

— Да вотъ я на счетъ Бориньки...

Илья Сергѣевичъ снова принялся за прерванную прогулку.

— Очень онъ что-то худѣетъ нынче, боюсь я за него...

— Развѣ онъ болѣнъ? спросилъ Илья Сергѣевичъ, вдругъ оставаясь.

— Нѣтъ, не то, чтобъ болѣнъ, а только худѣетъ все; да ужъ такой печальный сталъ, что сердце выныло смотрѣть на него!

Илья Сергѣевичъ успокоился; по лицу его пробѣжала его обычная проническая усмѣшка.

— Вздумала, матушка, о чемъ горевать, проговорилъ онъ рѣзко:— будто первый разъ видишь своего собственного сына. Когда же онъ былъ такимъ, какъ всѣ люди?

— Я все боюсь, начала Марья Дементьевна, чтобъ онъ въ чашотку не впалъ.

Она замолчала и съискоса посмотрѣла на мужа. Усмѣшка на лицѣ Ильи Сергѣевича обозначилась явственнѣе.

Досадно стало на мужа Марьи Дементьевнѣ и досада придала ей бодрости.

— Да что-жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, Илья Сергѣевичъ, проговорила она, приободрился:— хочешь ты говорить со мною или нѣтъ?.. Коли тебѣ не время, такъ скажи лучше, я уйду.

— Я цѣлый часъ жду, матушка, чтобъ ты чтонибудь дѣльное сказала. Говори толкомъ, чего вамъ съ Борисомъ отъ меня надо?

— Вотъ что, заговорила старушка бойко:— людей, Илья Сергѣевичъ, Богъ не равно создалъ: одному далъ талантъ, другому два.

— А лѣтяямъ ни одного, перебилъ внезапно ея краснорѣчие Илья Сергѣевичъ.— Такъ ли матушка?

— Да ты погоди, дай мнѣ хоть слово-то вымолвить. Ты вотъ Бориньку на службу опредѣлялъ, а у него къ службѣ никакой способности нѣтъ. Сколько онъ ни служи, а толку никакого не будетъ; это я тебѣ напередъ говорю. Напрасно только здоровье да время убиваетъ.

— А ты прикажешь мнѣ, что ли, твое любимое дѣтище подъ стеклянный колпакъ поставить, да любоваться имъ? А? спросилъ Илья Сергѣевичъ, значительно возвысивъ голосъ.

— Зачѣмъ, батюшка, подъ колпакъ? Всякій человекъ можетъ себѣ пользу приносить, если только не приневоливать его къ тому, къ чему онъ неспособенъ. Вотъ еслибъ ты позволилъ Борису въ академію художествъ поступить!..

— Ну, такъ и есть; я такъ и зналъ, что онъ тебя настроилъ потакать ему. Экъ ему дурь-то въ голову зашла.

Илья Сергѣевичъ разгорячился, зашагалъ сильнѣе и на щекахъ его выступилъ румянецъ.

— Въ академію художествъ, повторилъ онъ иронически. Что-жъ, онъ въ художники сбегается?

— Да развѣ художники-то не люди? замѣтила Марья Дементьевна.

— Баклушники, кутилы, оборванцы! вотъ кто эти художники, прогремѣлъ Илья Сергѣевичъ. Нечего сказать, полезное дѣло, благородное занятіе. Развѣ я для того въ люди-то пробивался своими боками, чтобъ мои сыновья малярами были? Видишь, къ службѣ онъ неспособенъ, а смазливый рожицы малевать, вакханогъ да венеръ разныхъ—способенъ. Лѣнтій онъ, празднолюбецъ и ничего больше.

Илья Сергѣевичъ совсѣмъ разсердился.

— Такъ ты и скажи ему, мутушка, что, пока я живъ, этому не бывать. Пусть онъ эту дурь у меня изъ головы выкинетъ, чтобъ я никогда и не слыхалъ о ней, чтобъ и помину не было. Слышишь? А не то я покажу, что я ему отецъ! Да и тебѣ не совѣтую поблажать ему. Впередъ ко мнѣ съ пустяками-то не суйся. У тебя лишнего-то времени много, а у меня его и на дѣло не хватаетъ.

Илья Сергѣевичъ сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ и принялся за бумаги.

Аудіенція кончилась.

Вакханки и вены сильно смутили Марью Дементьевну, и Илья Сергѣевичъ не безъ намѣренія упомянулъ о нихъ. На самомъ дѣлѣ, онъ былъ совсѣмъ не такой строгій пуританинъ, какимъ выказалъ себя теперь; но онъ зналъ, что набожная Марья Дементьевна чувствовала непреодолимый ужасъ къ языческому міру, и потому ему хотѣлось, такъ сказать, вытравить изъ ея головы всякое попользованіе къ поблажкѣ сыну.

— Въ самомъ дѣлѣ, подумала она,—пустяки это Борисъ затѣялъ. Пожалуй, и натурщицы ходить будутъ... Вѣдь онѣ, говорятъ, ходятъ къ художникамъ. Тфу! мерзость какая...

И старушка, не возражая болѣе, встала съ дивана и ползла внизъ по лѣсенкѣ. Жаль ей было сына, да вѣдь спасенье души важнѣе его затѣй, а это все врагъ его одолевалъ.

— Вотъ такъ-то лучше, матушка, проворчалъ ей вслѣдъ Илья Сергѣевичъ; поди-ка теперь къ своему бабу, да посмотри-ка, сколько онѣ тамъ у тебя нашили.

Когда она отворила дверь въ диванную, Борисъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Онъ слышалъ громкій голосъ сверху и топанье родительской ноги. Поэтому, съ перваго взгляда на Марью Дементьевну, онъ понялъ, что дѣло его проиграно.

— Что, неудача, матушка? спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, Бориныча, и слышать не хочеть! Раскричался такъ, что Боже упаси. Я нерада, что и ходила. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ старинъ-то растолковалъ, оно выходитъ пустое занятіе. Ты бы лучше выбросилъ его изъ головы да къ службѣ постарался попривыкнуть.

Борисъ не дослушалъ. Онъ поблагодарилъ мать за ходатайство и вышелъ изъ комнаты.

Къ чаю онъ не пришелъ въ этотъ вечеръ. Когда Илья Сергѣевичъ сошелъ въ столовую, всѣ прочли на лицѣ его слѣды недавней грозы и всѣмъ стало неловко. Марья Дементьевна разливала чай молча; Ананьевъ и Ольга изрѣдка только обмѣнивались какоюнибудь фразею. Это тяжелое настроеніе духа сильнѣе всѣхъ овладѣло Агашей.

— Все это я виновата, думала бѣдная дѣвушка. Ему теперь тяжело, думала она, — тяжелѣй, чѣмъ было прежде. А все это я надѣлала.

Тоска давила ей грудь, и страшно становилось ей за Бориса. Когда совсѣмъ стемнѣло и въ комнатахъ зажгли свѣчи, Агаша украдкой вышла на крыльцо, осмотрѣлась вокругъ и остановилась въ раздумьи; потомъ она проворно пробѣжала по двору, отворила садовую калитку и, задыхаясь отъ волненія, стала пробираться по дорожкамъ къ концу сада, гдѣ стоялъ флигель. Изъ окна комнаты Бориса свѣтился огонь. Агашѣ страшно стало; она пристально вглядывалась въ кусты и деревья, боясь, не спрятался ли за ними ктонибудь изъ постороннихъ. Наконецъ она у окна. Еще минута раздумья — и она, съ судорожною рѣшимостью, подняла руку и звонко стукнула въ стекло.

— Кто тутъ? спросилъ Борисъ, выглянувъ изъ окна.

— Это я, Борисъ Ильичъ, отвѣтила полушопотомъ Агаша.

— Это вы, Агаша? Зачѣмъ вы сюда пришли? спросилъ Борисъ тревожнымъ, но радостнымъ голосомъ.

— Вы меня простите, начала Агаша: — это я вамъ надѣлала горя, уговорила просить Илью Сергѣевича. Меня совѣсть мучить, я себѣ

нигдѣ покоя найти не могу. Борисъ Ильичъ, ради Бога, не убивайтесь. Вѣдь мы всё должны нести свой крестъ; — роптать и убиваться грѣшно.

Борисъ не безъ тревоги прислушивался къ этому молящему голосу, въ которомъ звучала неподдѣльная скорбь. Мысль, что онъ былъ предметомъ этой скорби и горячаго сочувствія, охватила огнемъ все его существо.

— Вамъ жаль меня, Агаша? проговорилъ онъ тихо.

— Жаль! прошептала она.

Въ ту же минуту она почувствовала, что ея похолодѣвшія руки очутились въ горячихъ рукахъ Бориса.

— Развѣ вы меня любите, Агаша, что вамъ жаль меня? проговорилъ онъ, страстно дѣлауя и, въ то же время, крѣпко сжимая ея маленькія руки.

Агаша оторопѣла.

— Не знаю... нѣтъ, проговорила она почти съ испугомъ. Борисъ Ильичъ оставьте мои руки.

Но Борисъ не выпускалъ ихъ.

— Нѣтъ! проговорилъ онъ съ грустью. Не говорите этого жестокаго слова. Любите меня Агаша. Меня никто никогда не любилъ и никого не люблю я такъ, какъ васъ. Я чужой въ родной семьѣ. Ваша доброта, ваше участіе воскресили бы меня...

И онъ опять прильнулъ жгучими губами къ ея рукамъ. Агаша молчала, но уже не дѣлала попытокъ отнять руки.

— Скажите одно только слово — одно слово, продолжалъ Борисъ, и я буду счастливъ и веселъ. Я пойду къ отцу, скажу ему, что вы будете моей женой. Заупрямится онъ, не посмотрю на него, — увезу васъ, обвѣнчаемся тайкомъ. Проживемъ и безъ него; кусокъ хлѣба я съумѣю достать. Я буду работать день и ночь; скажите только, что вы меня любите, что вы согласны!

Агаша была въ такомъ настроеніи духа, какъ будто слышала все это не на яву, а въ какомъ-то сладкомъ снѣ. Но за этимъ быстрымъ сномъ еще быстрѣе послѣдовало пробужденіе. Она вздрогнула.

— Вамъ на мнѣ жениться, Борисъ Ильичъ? проговорила она съ невыразимымъ испугомъ. — Никогда, никогда. Вы вспомните, кто вы и кто я. Вы генеральскій сынъ, а я нищая. Ваша мать призрѣла меня Христа ради. Мнѣ ли стать межъ вами и вашей семьей... расорить васъ. Нѣтъ, ради Бога, и не думайте объ этомъ. Съумасшед-

шая, что я надѣлала! И какъ все это вамъ въ голову пришло?...
Хорошу невѣсту нашли!

Агаша засмѣялась какимъ-то горькимъ, отчаяннымъ смѣхомъ; съ силой отдернула руки и прежде, чѣмъ Борисъ успѣлъ сказать что-нибудь, шаги ея затихли вдали.

Вплоть до самаго разсвѣта не засыпала въ эту ночь Агаша. То весело билось ея сердце и охватывало его радостное чувство, то замирало оно отъ страха, и картины одна другой ужаснѣе представлялись ея разстроеному воображенію. Она была убѣждена, что любовь къ Борису была страшный грѣхъ, потому что, какъ она выражалась, онъ былъ генеральскій сынъ, а она нищая, и, слѣдовательно, межъ ними лежала бездна.

А между тѣмъ, она любила наперекоръ всеѣмъ своимъ доводамъ, и бѣдная дѣвушка не разъ вставала съ постели, повергалась предъ образомъ и съ отчаяньемъ шептала:

— Царица небесная, помоги мнѣ, научи меня разлюбить его!..

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВАТЕРЛО.

(РОМАНЪ Э. ПАТРИАНА).

Мнѣ не случалось видѣть такой радости, какъ при возвращеніи Людовика XVIII въ 1814 году. Это было весною, когда цвѣли изгороди, сады и фруктовыя деревья. Весь народъ такъ былъ утомленъ бѣдствіями нѣсколькихъ лѣтъ, всѣ ежеминутно боялись попасть въ рекруты и не возвратиться уже болѣе никогда, всѣмъ такъ надоѣли эти битвы и эта слава, отнятыя пушки, молебны, что всѣмъ хотѣлось пожить въ мирѣ, успокоиться и приобрести нѣкоторое довольство и честно воспитывать въ трудѣ и благонавіи своихъ дѣтей.

Да, всѣ были довольны, за исключеніемъ старыхъ солдатъ и фехтмейстеровъ. Мнѣ помнится, что, когда 3-го мая пришелъ приказъ вывѣсить на церкви бѣлое знамя, весь городъ дрожалъ отъ страха передъ гарнизонными солдатами, и кровельщику Нильолау Пассофу принуждены были дать десять луддоровъ за то, чтобы онъ водрузилъ это знамя. Онъ былъ видѣнъ со всѣхъ улицъ, съ бѣлымъ знаменемъ, съ лиліей на немъ, а изъ оконъ обѣихъ казармъ морскіе канонеры стрѣляли въ него. Не смотря на все это, Пассофъ все-таки поставилъ знамя, и спрятался потомъ въ амбаръ, пока моряки искали его по всему городу, чтобы убить.

Вотъ какимъ образомъ вели себя эти люди. Но работники, мужики и граждане кричали: «Да здравствуетъ миръ! Долой рекрутство и налогъ на вино!—потому что никому не было больше охоты жить, подобно птицамъ на вѣткахъ, и ломать себѣ шею за дѣла, которыя до нихъ не касались.

Можно себѣ представить, что, среди всей этой радости, я былъ все-таки всѣхъ счастливѣе; другіе не имѣли счастья пережить

тифа и страшныхъ сраженій при Вейсенфельсѣ, Лютценѣ, Лейпцигѣ; я же зналъ, что такое слава, и это придадо мнѣ еще болѣе любви къ миру и ненависти къ рекрутству.

Я возвратился къ старику Гульдену и всю жизнь не забуду, какъ онъ встрѣтилъ меня, всю жизнь буду слышать его возгласы, когда онъ протягивалъ мнѣ руки: «Вотъ ты и воротился, Жозефъ!.. милое дитя мое, а я считалъ тебя погибшимъ!» Мы плакали, обнимая другъ друга, и съ тѣхъ поръ зажили, какъ старые пріятели; онъ тысячу разъ заставлялъ меня рассказывать ему про наши сраженія и, смѣясь, называлъ меня хромымъ инвалидомъ.

Потомъ онъ самъ рассказывалъ объ осадѣ Пфальцбурга: какъ непріятель подошелъ къ городу въ январѣ, какъ старые республиканцы, оставшись одни съ нѣсколькими сотнями морскихъ канонеровъ, подняли пушки наши на валы, какъ пришлось отъ голоду ѣсть конину и ломать чугунныя плиты печей, чтобы изъ нихъ дѣлать картечь.—Старикъ Гульденъ, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, наводилъ пушки на пороховомъ бастіонѣ, со стороны Бишельберга, и я всегда представлялъ его себѣ въ черной шолковой шапочкѣ и въ очкахъ, наводящаго большую, двадцати-четырехъ фунтовую пушку; это смѣшило насъ обоихъ и развлекало во время работы.

Мы зажили, какъ жили въ старину; я накрывалъ на столъ и варилъ супъ. Поселился я опять въ своей прежней маленькой комнатѣ и день и ночь мечталъ о Катеринѣ. Но тогда было дѣло другое, и я не боялся набора.—Люди никогда не бываютъ вполнѣ счастливы; ихъ вѣчно что нибудь беспокоитъ!—Однимъ словомъ, меня вотъ что огорчало:

Вамъ извѣстно, что я хотѣлъ жениться на Катеринѣ; мы любили другъ друга, а тетушка Гредель только и мечтала объ этомъ. Къ несчастію, рекрутовъ 1815 года распустили, а рекруты 1813 г. все еще оставались солдатами. Должность солдата не такъ была опасна, какъ во времена имперіи. Многіе изъ солдатъ, удалившихся въ деревню, жили совершенно спокойно и не видѣли жандармовъ; но, тѣмъ не менѣе, для женитьбы мнѣ нужно было позволеніе. Новый мэръ, г. Журданъ, ни за что не хотѣлъ вписать меня въ книгу безъ этого позволенія, и это сильно возмущало меня.

Вслѣдъ за открытіемъ камеръ, старикъ Гульденъ написалъ военному министру, что я нахожусь въ Пфальцбургѣ и не совсѣмъ здоровъ; что я хромаю отъ рожденія, но что, не смотря на это, попалъ въ солдаты; что я дурной солдатъ, но могъ бы быть хорошимъ отцомъ семейства, и что было бы преступленіемъ не поз-

волю мнѣ жениться, потому что трудно встрѣтить человека хуже меня сложенного и съ большими недостатками; и что меня надо помѣстить въ госпиталь и т. д.

Письмо было превосходно написано и въ немъ говорила чистая правда. Одна мысль о томъ, что я могу отправиться, сложила бы меня въ постель.

Тетушка Гредель, старикъ Гульденъ, Катерина и я со дня на день ждали отвѣта министра. Понятно, что я горѣлъ нетерпѣніемъ; когда почтальонъ, сынъ звонаря, проходилъ по улицѣ, я за полмили узнавалъ его походку, конфузился, не могъ ничего дѣлать и высовывался въ окно. Я смотрѣлъ, какъ онъ входилъ въ дома, и когда онъ гдѣнибудь останавливался подольше, я говорилъ про себя: «Да что это онъ такъ долго заболтался? Точно онъ не можетъ просто отдать письмо и выйти? Этотъ Бранштейнъ—настоящая кумушка!» Я дулся на него, а иногда даже спускался съ лѣстницы и выбѣгалъ ему на встрѣчу.

— А мнѣ ничего нѣтъ?

— Нѣтъ, господинъ Жозефъ, нѣтъ, ничего нѣтъ, говорилъ онъ перебирая письма.

Послѣ этого я возвращался грустнымъ, а старикъ Гульденъ кричалъ мнѣ:

— Дитя! дитя! надо потерпѣть; ну, что же дѣлать! придется... придется... теперь вѣдь не военное время.

— Да они могли бы отвѣтить ужъ разъ десять, господинъ Гульденъ.

— Да развѣ у нихъ нѣтъ другого дѣла, кромѣ твоего? Они получаютъ въ день по сту такихъ писемъ, какъ твое, на каждое отвѣчаютъ по очереди, Жозефъ. И наконецъ, вѣдь теперь у нихъ еще все въ безпорядкѣ. Полно, вѣдь не мы одни на свѣтѣ; сколько есть молодыхъ людей, которые хотятъ жениться и ждутъ позволенія!

Я находилъ, что онъ правъ, но говорилъ про себя:—Ахъ! если бы этотъ министръ зналъ, какое удовольствіе онъ можетъ доставить, написавъ два слова, онъ навѣрно написалъ бы ихъ тотчасъ же. Какъ мы благословляли бы его, мы всѣ—и Катерина, и я, и тетушка Гредель!—Но все-таки приходилось ждать.

Я снова началъ ходить по воскресеньямъ къ «Четыремъ Вѣтрамъ,» и рано вставалъ въ эти дни. Не знаю, что меня будило тогда. Въ первое время мнѣ казалось, что я еще солдатъ, и меня пробирала дрожь. Я открывалъ глаза, смотрѣлъ на потолокъ и думалъ: «Ты у старика Гульдена, въ Пфальцбургѣ, въ твоей комнаткѣ. Сегодня

воскресенье, и ты идешь къ Катеринѣ!» Эта мысль прогоняла послѣднюю мою дремоту; я заранѣ видѣлъ Катерину съ ея розовыми щеками и голубыми глазами. Мнѣ хотѣлось немедленно встать, одѣться и идти; но било четыре часа, и городскія ворота не были еще отворены.

Приходилось ждать, что мнѣ очень не нравилось. Чтобы убить время, я начиналъ вспоминать нашу любовь и прежнія времена: страхъ передъ рекрутствомъ, дурной номеръ, «ходенъ къ службѣ», жандарма Вернера въ мѣрствѣ, отправленіе, дорогу, Майнцъ, улицу Капуньерштрассе, добрую старуху, устроившую мнѣ ножную ванну; далѣе, припоминалъ Франкфуртъ, Эрфуртъ, гдѣ получилъ первое письмо, за два дня до битвы, русскихъ, пруссаковъ,—однимъ словомъ, все... и мысленно плакалъ. Мысль о Катеринѣ постоянно возвращалась.—Било пять часовъ; я вскакивалъ съ постели, умывался, брился, одѣвался, а старикъ Гульденъ, за своими занавѣсками, поднимавъ носъ къверху, говорилъ мнѣ:

— Слышу, слышу, какъ ты вертишься ужъ цѣлыхъ полчаса. Хе-хе-хе! да вѣдь сегодня воскресенье!

Это возбуждало въ немъ смѣхъ; я тоже смѣясь кланялся ему и стремглавъ спускался съ лѣстницы.

На улицѣ бывало почти еще пусто; мясникъ Сепель кричалъ мнѣ всякій разъ:

— Эй, Жозефъ, иди сюда, мнѣ надо кое-что разсказать тебѣ!

Но я не оборачивалъ даже головы, и минуты черезъ двѣ уже былъ на дорогѣ къ «Четыремъ Вѣтрамъ», за гласисомъ.—Хорошее время, славный годъ; какъ все было зелено и какъ цвѣло, и какъ народъ торопился вознаградить потерянное время, сажая раннюю кашу, рѣпу, вспахивая землю, прибитую кавалеріей; какъ снова начала являться увѣренность, надежда на миръ, на солнце и на дождикъ, который былъ такъ необходимъ.

Въ продолженіе всей дороги, попадались женщины, старики, копающіе въ огородахъ; всѣ они бѣгали съ засухами и лейками.

— А! дядюшка Тебо, кричалъ я; а — тетюшка, Фюрстъ, Богъ-помочь! Богъ-помочь!

— Благодарю, господинъ Жозефъ, торопимся теперь:—эта осада все задержала, теперь нельзя терять времени.

Тачки, телѣги съ кирпичами, черепицею, досками, балками, срубамы, все это съ ранняго утра ѣхало къ городу для починки домовъ и попорченныхъ кровель. Какъ раздавались удары бичей и молотковъ далеко по полямъ! Со всѣхъ сторонъ, вокругъ бесѣдокъ видѣлись плотники и каменщики. Старикъ Ульрихъ и его три

сына работали уже на крышѣ *Цветочной Корзинки*, попорченной городскими бомбами, и укрѣпляли новыя стропила; слышно было, какъ они, посвистывая, ударяли молотками въ тактъ. Да, это было, кипучее время, миръ возвращался! Тогда не желали войны, ни за что не желали ея! Всѣ понимали, что значить домашнее спокойствіе; всѣмъ хотѣлось, по возможности, исправить все побитое и обгорѣлое; всѣ знали, что ударъ пилы и долота гораздо лучше удара пушки; всѣ сознавали, сколько слезъ и труда стоитъ десятилѣтняя поправка, которую бомбы могутъ уничтожить въ двѣ минуты.

А какъ я весело бѣжалъ тогда! Не было больше маршей и контр-маршей; я зналъ, куда иду, хотя и не получилъ приказа отъ сержанта Пинто. А ласточки—какъ онѣ поднимались къ небу, какъ онѣ пѣли, а перепела! а малиновки!.. Господи, только разъ въ жизни бываешь молодъ! А утренняя прохлада, а запахъ шиповника, растущаго вдоль изгородей; а вершина старой крыши «Четырехъ Вѣтровъ», маленькая дымящаяся труба!—«Это Катерина развела огонь и приготовляетъ намъ кофе...» Ахъ, какъ я бѣжалъ!.. Ну, вотъ я, наконецъ, и въ деревнѣ, и иду нѣсколько потише, чтобы перевести духъ, и смотрю на наши окошечки, заранѣе смѣясь. Дверь открывается, и тетушка Гредель, въ шерстяной юбкѣ, съ большою щеткою въ рукахъ, обертывается, и я слышу, какъ она кричитъ: «Вотъ онъ!... вотъ онъ!...» Почти въ ту же минуту выбѣгала Катерина, которая съ каждымъ днемъ становилась все красивѣе и красивѣе, въ своемъ голубомъ чепчикѣ, и восклицала: «А, хорошо... хорошо... я ждала его!» Какъ она довольна и какъ я цѣлую ея! Да здравствуетъ молодость!—Все это я вижу.—Мы входимъ съ Катериной въ комнату, а тетушка Гредель съ энтузіазмомъ поднимаетъ щетку и восклицаетъ:

— Нѣтъ болѣе рекрутскаго набора.... конецъ ему!

Мы отъ души хохочемъ, меня усаживаютъ, и пока Катерина смотритъ на меня, тетушка говоритъ:

— Неужели этотъ негодяй, министръ, еще не отвѣчалъ? Что же онъ никогда не напишетъ? Препжній ужъ черезчуръ хлопоталъ, а этотъ точно спитъ! Какая скука—вѣчно быть въ зависимости. Ты ужъ больше не солдатъ, потому что они бросили тебя, какъ покойника; вѣдь мы спасли тебя, такъ имъ до тебя и дѣла нѣтъ.

— Конечно-конечно, вы правы, тетушка Гредель, говорилъ я ей:—но вѣдь нельзя же намъ жениться, не отправившись въ мѣрство; а если мы не сходимъ въ мѣрство, священникъ не обвѣнчаетъ насъ въ церкви.

Тетушка тогда задумывалась и заканчивала разговоръ всегда такъ:

— Видишь ли, что Жозефъ:—всѣ эти люди, отъ перваго до послѣдняго, все устроили для себя. Кто платитъ жандармамъ и судьямъ? Кто платитъ священникамъ? Кто платитъ вообще всѣмъ?—Мы. А между тѣмъ, никто изъ нихъ не смѣетъ даже обвинять насъ. Это просто отвратительно! Если все пойдетъ такъ,—мы уѣдемъ вѣнчаться въ Швейцарію.

Эти слова насъ нѣсколько успокоивали, и мы проводили день весело, смѣясь и распѣвая!

II.

Не смотря на мое страшное нетерпѣніе, я всякій день видѣлъ вещи совершенно новыя, которыя теперь кажутся мнѣ какой-то комедіей, игранный на ярмаркѣ: я видѣлъ мэрровъ, помощниковъ ихъ, совѣтниковъ, хлѣбныхъ торговцовъ и лѣсопромышленниковъ, лѣсныхъ и полевыхъ сторожей, всѣхъ этихъ людей, десять лѣтъ считавшихся лучшими друзьями императора, — очень строго обращавшихся съ людьми, которые дурно отзывались объ его величествѣ;— я видѣлъ ихъ и въ трактирахъ, и на рынкѣ, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, и они кричали противъ тирана, узурпатора и корсиканскаго лудоѣда. Можно было подумать, что Наполеонъ былъ первый ихъ врагъ, а между тѣмъ, и они, и семейства ихъ занимали лучшія мѣста.

Мнѣ часто приходило въ голову, что хорошія мѣста достаются при всякомъ правленіи и всегда такимъ людямъ, и, тѣмъ не менѣе, мнѣ стыдно было бы бранить тѣхъ, которые не могутъ отвѣчать и которымъ тысячу разъ льстили эти же самые люди; по моему, лучше остаться бѣднымъ труженикомъ, чѣмъ приобрести богатство и почести такимъ путемъ. Но люди ужь вѣрно такъ созданы!

Надо признаться, что нашъ прежній мэръ и три или четыре совѣтника не слѣдовали этому примѣру; г. Гульденъ говорилъ, что они, по крайней мѣрѣ, уважали самихъ себя, а что у крикуновъ и чести и совѣсти нѣтъ.

Я помню, что разъ къ намъ пришелъ починить часы гакаматскій мэръ и началъ такъ дурно говорить противъ императора, что старикъ Гульденъ всталъ и сказалъ ему:

— Возьмите, господинъ Мишель, ваши часы, я не хочу больше работать для васъ. Какъ! вы, который еще въ прошломъ году го-

ворили всякому встрѣчному и поперечному: «Великій человѣкъ!» и никогда не называли его просто Бонапартомъ или императоромъ, а всегда говорили: «Императоръ и король, покровитель гельветской конфедераціи,» какъ-будто ротъ у васъ набить былъ вашей,—вы говорите теперь, что онъ извергъ, и называете Людовика XVIII Людовикомъ Благословеннымъ? Постыдились бы! За какихъ дураковъ вы принимаете насъ, какъ будто мы ничего не можемъ помнить.

Мэръ отвѣчалъ на это:

— Видно, что вы старый якобинецъ.

— Никому дѣла нѣтъ до того, что я такое, сказалъ Гульденъ; но, во всякомъ случаѣ, я не льстецъ. И вдругъ, поблѣднѣвъ, онъ закричалъ:

— Убирайтесь, господинъ Мишель, убирайтесь.... мерзавцы останутся мерзавцами при всякомъ правленіи.

Въ этотъ день онъ такъ былъ взбѣшенъ, что не могъ почти работать, и вставалъ всякую минуту, восклицая:

— Жозефъ, если бы я былъ приверженцемъ Бурбоновъ, меня оттолкнули бы отъ нихъ подобныя негодяи. Вотъ такіе-то люди и губятъ все, потому что соглашаются со всѣмъ, находятъ все превосходнымъ, отличнымъ и безъ всякихъ недостатковъ; они восторгаются отъ каждаго чиханія сильныхъ міра сего; однимъ словомъ, при всякомъ дѣлежѣ ихъ разбираетъ охота чѣмъ нибудь воспользоваться. А когда сильные міра сего, слушая ихъ восторги, дѣйствительно начинаютъ воображать себя богами и производятъ этимъ революціи, подобныя негодяи бросаютъ ихъ и начинаютъ играть ту же комедію съ другими. Такимъ образомъ, они остаются всегда наверху, а честные люди вѣчно живутъ въ загонѣ!

Это происходило въ началѣ мая мѣсяца, въ то время, когда въ мэрствѣ было ввѣщено объявленіе, что король торжественно вѣхалъ въ Парижъ, посреди маршаловъ имперіи, «что большая часть населенія бросилась ему на встрѣчу, что старики, женщины и дѣти тѣснились на балконахъ, чтобы взглянуть на него; что онъ сначала вошелъ въ церковь Богоматери,—поблагодарить Бога, а уже оттуда отправился въ тюльерійскій дворецъ».

Кромѣ того, въ объявленіи говорилось, что сенатъ имѣлъ честь сказать ему великолѣпную рѣчь, въ которой просилъ его не бояться всѣхъ этихъ беспорядковъ и быть смѣлѣе, обѣщая, что сенатъ поможетъ ему выйти изъ неприятнаго положенія.—Всѣ были довольны этой рѣчью.

Вскорѣ послѣ этого, намъ пришлось увидѣть еще кое-что: мы

увидѣли, какъ возвращались эмигранты изъ Германіи и Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали въ экипажахъ, а другіе тащились чуть не пѣшкомъ. Дамы были въ платьяхъ съ большими разводами, а мужчины всѣ почти въ старинномъ французскомъ нарядѣ, въ коротенькихъ панталонахъ, въ длинныхъ жилетахъ, — однимъ словомъ, такъ какъ рисуютъ французовъ времяя республики.

Всѣ эти люди имѣли гордый и веселый видъ; они были рады возвратиться къ себѣ на родину.

Не смотря на старыхъ клячъ, тащившихъ ихъ, не смотря на жалкія телѣжки, набитыя соломой, на передокъ которыхъ они сажали мужиковъ вмѣсто почтарей, — не смотря на все это, я не могъ смотрѣть на нихъ равнодушно; я вспоминалъ, какъ самъ я, пять мѣсяцевъ тому назадъ, былъ радъ опять увидѣть Францію и говорилъ про себя: «Бѣдныя! какъ они будутъ плакать, когда увидятъ Парижъ! Какъ будутъ счастливы!»

Они останавливались въ «Красномъ Быкѣ», гостиницѣ старыхъ посланниковъ, маршаловъ, принцевъ, герцоговъ и всѣхъ богачей, уже неѣздившихъ болѣе сюда, и видно было, какъ они сами чесались, одѣвались и брились у себя въ комнатахъ. Къ обѣду всѣ они сходили внизъ, съ нетерпѣньемъ крича: «Жанъ! Клодъ! Жерменъ!» распорядясь, какъ важныя особы, и сѣли за большіе столы, а лакеи ихъ, въ потертыхъ платьяхъ, стояли за стульями, съ салфеткою въ рукахъ. И въ этихъ людяхъ, одѣтыхъ по старинному, съ ихъ довольнымъ видомъ и изящными манерами, не было ничего противнаго, и народъ говорилъ: «Вотъ французы, возвращающіеся издалека; напрасно они уѣзжали и ожесточали противъ насъ Европу; — пусть же теперь они будутъ счастливы, здоровы, мы прощаемъ имъ и зла не желаемъ.»

Иные изъ эмигрантовъ пріѣзжали въ каретахъ на почтовыхъ лошадяхъ; въ такихъ случаяхъ нашъ новый мэръ, господинъ Журданъ, кавалеръ ордена Св. Людовика, священникъ Лотъ и новый комендантъ Робертъ де-ла-Фезандери въ вышитомъ мундирѣ ждали ихъ передъ городскими воротами; когда слышались удары бича на валу, они выступали съ улыбающимися лицами, какъ-будто озабоченные счастьемъ, и лишь только карета останавливалась, комендантъ подбѣгалъ отворять дверцы съ криками восторга. Иногда впрочемъ изъ уваженія къ себѣ, онъ не трогался съ мѣста, и тогда привѣтствія ограничивались только низкими поклонами и сахарными улыбками.

Старикъ Гульденъ, глядя въ окна, говорилъ, улыбаясь:

— Посмотри Жозефъ, это по модѣ, по модѣ стараго бурбонскаго

двора. Намъ стоитъ глядѣть изъ оконъ, и мы выучимся хорошимъ манерамъ,—а это пригодится намъ, когда мы сдѣлаемся герцогами или принцами.

Иногда же онъ говорилъ:

— Вотъ эти старики, Жозефъ, перестрѣливались съ нами на Вейссенбергскихъ линіяхъ; они были славными кавалеристами и хорошо дрались, какъ вообще дерутся всѣ французы: — но мы все-таки поколотили ихъ!

Онъ подмигивалъ глазами и веселѣ садился за работу.

Но начали носиться слухи черезъ прислугу «Краснаго Быка», что эти люди, нисколько не стѣсняясь, говорятъ между собою: «что они наконецъ побѣдили насъ и будутъ начальствовать надъ нами; что король Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ послѣ Людовика XVII, сына Людовика XVI; что мы были бунтовщики и что они насъ усмирили» Старикъ гульденъ говорилъ мнѣ съ выраженіемъ неудовольствія:

— Дурно, Жозефъ! Знаешь, что эти люди будутъ дѣлать въ Парижѣ? Они выпросятъ опять свои пруды, лѣса, парки, замки, пенсіи, не говоря уже о тепленькихъ мѣстахъ и всякаго рода повышеніяхъ и почестяхъ. Тебѣ кажутся старыми ихъ платья и ихъ парики,—а повѣрь, что понятія ихъ еще старѣе ихъ платьевъ и париковъ! Эти люди опаснѣе для насъ, чѣмъ русскіе и австрійцы, потому что русскіе и австрійцы уйдутъ, а эти останутся. Они захотятъ разрушить то, что мы созидали двадцать-пять лѣтъ! Посмотри, какіе это гордецы! А многіе изъ нихъ, между тѣмъ, жили въ страшной бѣдности за Рейномъ; но они считаютъ себя одинаковой съ нами породы,—породы лучшей, нежели мы, и думаютъ что народъ всегда готовъ подставлять свою шею, какъ это было передъ 89 годомъ.—Говорятъ, что Людовикъ XVIII благоразуменъ,—тѣмъ лучше для него! потому что, если, по несчастью, онъ станетъ слушать этихъ людей, если только узнается, что онъ способенъ слѣдовать ихъ совѣтамъ,—все прѣпало. Вспыхнетъ война противъ народа. Народъ думалъ двадцать-пять лѣтъ, знаетъ свои права, всякому хочется удержать за собою свою землю, хочется пользоваться одинаковыми правами, и потому каждый будетъ драться на смерть.

Вотъ что говорилъ мнѣ старикъ Гульденъ, и такъ какъ позволенія мнѣ все еще не присылали, я начиналъ думать, что министру некогда мнѣ отвѣчать, со всѣми этими графами, виантами, герцогами и маркизами, хлопочущими о возвращеніи своихъ лѣсовъ; прудовъ и прежнихъ хорошихъ должностей. Я приходилъ въ не-

годованіе и восхлищаль: «Что это за несчастье, Боже мой! кончится одна бѣда, какъ уже, вслѣдъ за нею, идетъ другая, и что мирные люди всегда страдаютъ по винѣ другихъ. Избавь насъ, Господи, отъ старыхъ и новыхъ маркизовъ! Осыпъ ихъ своими милостями, но только пусть они оставятъ насъ въ покоѣ.

Разъ утромъ, въ пятницу, въ рыночный день, зашла къ намъ тетушка Гредель. Въ рукѣ у нея была корзинка и она казалась веселою. Я смотрѣлъ на дверь, думая, что Катерина идетъ за нею, и сказалъ:

— А, здравствуйте, тетушка Гредель:—Катерина, вѣрно, въ городѣ и придетъ сюда?

— Нѣтъ, Жозефъ, нѣтъ, она въ «Четырехъ Вѣтрахъ», отвѣчала тетка:—у насъ работы полны руки, вѣдъ теперъ посѣвъ.

Я опечалился и въ душѣ разсердился, потому что слишкомъ рано обрадовался, а тетушка поставила корзинку, сняла съ нея салфетку и сказала:

— Вотъ тебѣ кое-что отъ Катерины, Жозефъ.

Она подала большой букетъ изъ весеннихъ розъ, фіалокъ и трехъ большихъ лилій съ листьями; я обрадовался при видѣ букета и засмѣялся, сказавъ:

— Какъ хорошо пахнетъ!

Обернувшійся старикъ Гульденъ тоже засмѣялся.

— Видишь, Жозефъ, какъ о тебѣ думаютъ, сказалъ онъ.

Мы всѣ засмѣялись. Словомъ, это разсѣяло мою печаль, и я поцаловалъ тетушку Гредель.—А это отъ меня Катеринѣ, сказалъ я.

Я пошелъ поставить букетъ въ стаканѣ на окошко подлѣ своей кровати. Нюхая его, я воображалъ, какъ Катерина вышла рано утромъ, на зарѣ, набрать фіалокъ и розъ, какъ собрала ихъ одну за другой, обложивъ большими лиліями, какъ нюхала ихъ, отчего запахъ казался мнѣ еще лучше, и я не переставалъ смотрѣть на нихъ. Наконецъ, я вышелъ, говоря себѣ: «Ты можешь нюхать ихъ всю ночь, завтра перемѣнишь въ нихъ воду, а послѣ завтра будетъ воскресенье и ты увидишь Катерину и поцѣлуешь ее въ благодарность».

Я вошелъ въ комнату, гдѣ тетушка Гредель разговаривала съ г. Гульденомъ о рынкѣ, о цѣнѣ хлѣба и т. д.; оба они были въ веселомъ расположеніи духа. Тетушка поставила корзинку на полъ и сказала мнѣ:

— Ну что, Жозефъ, не получилъ еще позволенія?

— Нѣтъ еще... Ужасно!

— Да, отвѣчала она: — всѣ эти министры гроша мѣднаго не стоятъ; вѣдь выбираютъ же на такое мѣсто что ни на есть самаго ледащаго и самаго лѣниваго!

Потомъ она прибавила:

— Но успокойся, я теперь выдумала кое-что и дѣло пойдетъ на лады.

Она засмѣялась, а мы съ старикомъ Гульденомъ приготовились слушать.

— Сейчасъ, продолжала она, я была на рынкѣ, и тамъ сержантъ Гармантъ объявилъ, что будетъ большее молебствіе за упокой Людовика XVI, Пишегрю, Моро и другихъ.

— Да, и Жоржа Кадудала, рѣзко замѣтилъ господинъ Гульденъ:—я читалъ объ этомъ вчера вечеромъ въ газетахъ.

— Да, и Кадудала, продолжала тетка.—Такъ вотъ видишь, Жозефъ, слушая объявленіе, мнѣ вдругъ пришло въ голову: на этотъ разъ намъ дадутъ позволеніе!.. Будетъ устроена процессія, въ искупленіе; мы пойдемъ всѣ: Жозефъ, Катерина и я станемъ въ первые ряды, и всѣ скажутъ: вотъ хорошіе роялисты, вотъ порядочные люди... Объ этомъ узнаетъ священникъ, теперь у священниковъ сильная рука, все равно, какъ въ былыя времена у генераловъ и полковниковъ; — мы пойдемъ къ нему... онъ хорошо насъ приметъ... напишетъ намъ даже прошеніе!.. И повѣрьте, что дѣло уладится какъ нельзя лучше.

Объясняя намъ это, тетушка говорила шопотомъ, поднявъ руку къверху и, казалось, была очень довольна своей выдумкой.—Я тоже былъ доволенъ и думалъ: «а вѣдь она права, такъ и надо сдѣлать. Какая умная эта тетушка Гредель!» но, взглянувъ на хозяйина, я увидѣлъ, что лицо его приняло серьезное выраженіе, и что онъ даже отвернулся, какъ-будто для того, чтобы смотрѣть на часы въ лупу, и нахмурилъ свои сѣдыя брови. Я уже по лицу его зналъ, когда ему что нибудь не нравилось, и сказалъ:

— Я думаю, тетушка Гредель, что это можетъ удасться; но прежде, чѣмъ сдѣлать что нибудь, мнѣ хотѣлось бы знать, что объ этомъ думаетъ г. Гульденъ.

Послѣ этого онъ обернулся и сказалъ:

— Всѣ свободны, Жозефъ, и всякій можетъ дѣйствовать, какъ говорить ему совѣсть. Молиться за искупленіе смерти Людовика XVI—хорошо!.. Честные люди всѣхъ партій могутъ это дѣлать, если только они дѣйствительно роялисты... но стоять на колѣняхъ по расчету,—нѣтъ ужъ по моему лучше оставаться дома. Поэтому нечего больше говорить о Людовикѣ XVI. Но за Пишегрю, за Моро, за Ка-

дудала—это другое дѣло. Пишегрю хотѣлъ выдать свою армію неприятелю, Моро дрался противъ Франціи, а Жоржъ Кадудаль—убійца; три человѣка—честолюбцы, стремившіеся поработить насъ, и всѣ трое пропали какъ собаки.—Вотъ что я думаю.

— И, Господи! вскричала тетушка Гредель:—что намъ до этого за дѣло? Мы отправимся туда не для нихъ, а для того, чтобы получить позволеніе. А что намъ до всего остального;—не такъ ли, Жозефъ?

Я не зналъ, что говорить, потому что находилъ выраженіе г. Гульдена справедливымъ. Онъ же, видя это, сказалъ:

— Я понимаю любовь молодыхъ людей, но не слѣдуетъ, матушка Гредель, пользоваться такими средствами, чтобы заставить молодого человѣка пожертвовать тѣмъ, что ему кажется честнымъ. Если у Жозефа нетакия же понятія о Пишегрю, Кадудаль и Моро, какъ у меня, то пусть онъ идетъ на процессію; я никогда не упрекну его. Что же касается меня, то я не пойду.

— И я не пойду, сказалъ я тогда:—я согласенъ съ мнѣніемъ г. Гульдена.

Я видѣлъ, что тетушка Гредель начинаетъ сердиться и краснѣть; но она тотчасъ же успокоилась и сказала:

— Ну, такъ мы съ Катериной пойдемъ, потому что намъ смѣшны всѣ эти старья понятія.

Старикъ Гульденъ не могъ не улыбнуться, видя ея злобу.

— Да, сказалъ онъ,—всѣ свободны; дѣлайте, что хотите.

Послѣ этого тетушка взяла свою корзинку и вышла, а онъ, улыбаясь, сдѣлалъ мнѣ знакъ проводить ее.

Я на-скоро надѣлъ сюртукъ и догналъ ее на углу улицы.

— Да, Жозефъ, сказала она, подходя къ площади:—старикъ Гульденъ хоть и хорошій человѣкъ, но сьумасшедшій. Съ тѣхъ, поръ какъ я знаю его, онъ никогда не бывалъ ни чѣмъ доволенъ. Онъ не смѣетъ говорить, но вѣчно думаетъ о республикѣ... только и думаетъ о своей старой республикѣ, гдѣ господствуетъ каждый нищій, мѣдникъ, чеботарь, жидъ и христіанинъ. Какой же тутъ смыслъ? Не будь онъ такимъ хорошимъ человѣкомъ, я не стѣснялась бы такъ съ нимъ, но надо помнить, что безъ него ты не выучился бы ремеслу, что онъ много помогалъ намъ и что мы должны уважать его. Вотъ почему я ушла поскорѣе, потому что, иначе, я могла разсердиться.

— И вы хорошо сдѣлали, сказалъ я ей:—я люблю Гульдена какъ отца, а васъ, какъ родную мать; меня всего болѣе огорчило бы, если бы вы поссорились съ нимъ.

— Ссориться съ такимъ человѣкомъ! отвѣчала тетушка Гредель:—да я скорѣе выскочила бы изъ окна... Нѣтъ, нѣтъ... Но все-таки, Жозефъ, не слѣдуетъ слушать всего, что онъ говоритъ, и я повторяю, что эта процессія чрезвычайно полезна для насъ, что священникъ достанетъ намъ позволеніе,—а это самое главное. Мы съ Катериной пойдемъ, а ты оставайся дома, такъ какъ г. Гульденъ нейдетъ. Но я увѣрена, что три четверти городскихъ и окрестныхъ жителей придутъ, и за Моро ли, Пинегрю или Кадудала, все равно—за кого бы то ни было, но ты увидишь, что процессія будетъ отличная.

— Вѣрно,—сказалъ я ей.

Мы пришли къ нѣмецкой заставѣ; я еще разъ поцѣловалъ тетушку Гредель и весело воротился домой.

III.

Я помню объ этомъ посѣщеніи тетушки Гредель, потому что черезъ недѣлю послѣ этого начались процессіи, искупытельныя обѣдни и проповѣди, кончившіяся только съ возвращеніемъ императора въ 1815 году и снова продолжавшіяся до бѣгства Карла X въ 1830. Всѣ люди того времени знаютъ, что всему этому не было конца. Когда я думаю о Наполеонѣ, я припоминаю, какъ пушка арсенала гремитъ рано утромъ, какъ дрожать наши маленькія окна; а старикъ Гульденъ еще въ постели кричитъ мнѣ: «Еще побѣда, Жозефъ!.. Хе-хе-хе! все побѣды!» А когда я думаю о Людовикѣ XVIII, я будто слышу звонъ колоколовъ и воображаю старика Бранштейна и двухъ его взрослыхъ сыновей, висящихъ на веревкахъ всѣхъ колоколовъ церкви; а господинъ Гульденъ, смѣясь, говоритъ мнѣ: «Какъ трезвонять, Жозефъ, вѣрно за святого Маглуара или за святого Поликарпа!»—Иначе я не могу представить себѣ этого времени.

Со временемъ имперіи я припоминаю, кромѣ того, какъ къ вечеру старикъ Куафе, Николай Рольфо и пять или шесть другихъ ветерановъ заряжали пушки, чтобы повторить двадцать-одинъ выстрѣлъ, а полъ-города Пфальцбурга высыпала на противоположащій бастионъ посмотриѣть на красное пламя, дымъ и ижи, падавшіе въ ровъ. Потомъ, позже вечеромъ, я припоминаю иллюминаціи, фейерверки, ракеты, крики мальчишекъ: «Да здравствуетъ императоръ!» и черезъ нѣсколько дней извѣстія о новомъ наборѣ.

Съ возвращеніемъ Людовика ХУІІІ я припоминаю крестные ходы, крестьянъ, прѣѣзжавшихъ съ возами мха, тернія и маленькихъ ёлочекъ; дамъ, выходившихъ изъ дому съ вазами цвѣтовъ; нѣкоторыхъ горожанъ, одолевшихъ свои подсвѣчники и распятія, и наконецъ процессіи; священника съ своими викаріями, пѣвчихъ, Якова Клутье, Пюррье и Трибу, пѣвшихъ хоромъ; церковнаго сторожа, Кекли, въ красной одеждѣ, съ хорургиемъ чуть не до неба; звонъ всѣхъ колоколовъ; господина Журдана, новаго мэра съ толстымъ краснымъ лицомъ, въ красномъ мундирѣ и съ крестомъ св. Людовика; новаго коменданта, г. Роберта де-ла-Фезандери, съ его треугольной шляпой подъ мышкой и въ большомъ напудренномъ парикѣ, и съ шитьемъ, блестящимъ на солнцѣ; а сзади муниципальный совѣтъ и безчисленное множество свѣчей, которыя постоянно зажигали, когда ихъ задувать вѣтеръ; швейцара Жан-Пьера, Сиру съ хорошо выбритой синей бородой, въ великолѣпной трехугольной шляпѣ, надѣтой поперекъ, въ широкой бѣлой шолковой перевязи, усыпанной лиліями, черезъ плечо, съ алебардой, горѣвшей на солнцѣ, какъ серебряное блюдо; дѣвушекъ, женщинъ, тысячу поселянъ въ праздничныхъ нарядахъ, всѣхъ молвившихся вмѣстѣ; старухъ впереди каждой деревни, постоянно повторявшихъ: молитесь о насъ! молитесь о насъ! улицы, усыпанныя листьями и дома, украшенные гирляндами и бѣлыми флагами; евреевъ и лютеранъ, выглядывавшихъ изъ-за ставень верхнихъ окошекъ на всю эту картину, освѣщенную солнцемъ!—Да, все это продолжалась съ 1814 до 1830 года, кромѣ Ста Дней,—не говоря уже о миссіяхъ, объѣздахъ епископовъ, и другихъ необыкновенныхъ церемоніяхъ. Я предпочитаю сказать вамъ объ этомъ теперь вообще, чѣмъ рассказывать отдѣльно каждую процессію;—это было бы слишкомъ долго.

И такъ, это началось 19 мая 1814 года. Въ тотъ же самый день, когда Гармантье объявлять о великомъ покаяніи, къ намъ прѣѣхало изъ Нанси пять проповѣдниковъ, все молодые люди, которые проповѣдывали всю недѣлю съ утра до ночи. Это дѣлалось въ видѣ подготовленія къ покаянію; въ городѣ только и говорили что о нихъ, и народъ обращался къ религіи; всѣ женщины и дѣвушки ходили на исповѣдь.

Слухи носились, что народное имущество будетъ возвращено и что въ процессіяхъ негодяи будутъ отдѣлены отъ честныхъ людей, потому что негодяи не осмѣлятся показаться на нихъ. Можно представить себѣ мое горе, когда я долженъ былъ остаться съ негодяями. Благодаря Бога, мнѣ нечего было упрекать себя въ смерти Людовика ХУІ и въ присвоеніи себѣ народнаго имущества; мнѣ

хотѣлось только получить позволеніе жениться на Катеринѣ—и больше ничего. Я думалъ одинаково съ тетушкой Гредель, что господинъ Гульденъ напрасно упрямится; но сказать ему объ этомъ я никогда не посмѣлъ бы. Я чувствовалъ себя очень несчастнымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ, приносившіе намъ чинить часы, люди почтенные, мэры, лѣсные сторожа, всѣ сочувствовали проповѣдямъ и говорили, что до сихъ поръ ничего подобнаго не слыхивали. Господинъ Гульденъ слушалъ ихъ, продолжая работать и ничего не отвѣчая; а когда окончивалъ починку, онъ оборачивался, говоря: «Вотъ, господинъ Христофоръ или господинъ Пиволоай... это стоитъ столько-то.» Казалось, эти вещи нисколько не занимали его, и только когда кто нибудь начиналъ говорить о народномъ имуществѣ, о двадцати-пяти лѣтнемъ возмущеніи, объ искупленіи старыхъ преступленій,—онъ снималъ свои очки, поднималъ голову, чтобы послушать, и съ удивленіемъ говорилъ:

— Ба-ба!.. Какъ... какъ... такъ это и вправду такъ хорошо, господинъ Клавдій? Что вы говорите!.. вы удивляете меня... такъ эти молодые проповѣдники говорятъ такъ хорошо?.. Не будь у меня спѣшной работы, я пошелъ бы ихъ послушать... Мнѣ тоже надо просвѣтиться.

Мнѣ все казалось, что онъ перемѣнитъ свое мнѣніе о процессіи Людовика XVI, и наканунѣ того дня, вечеромъ, окончивая ужинъ, я очень обрадовался, когда онъ вдругъ добродушно сказалъ мнѣ:

— Что, Жозефъ, тебя не интересуеть послушать проповѣдниковъ? Объ нихъ говорятъ такъ много хорошаго, что мнѣ хотѣлось бы узнать, что это такое.

— Ахъ! господинъ Гульденъ, сказалъ я ему:—мнѣ очень хотѣлось бы; но нельзя мѣшкать,—церковь всегда полна уже со вторымъ благовѣстомъ.

— Ну, такъ пойдемъ, сказалъ онъ, вставая и снимая со стѣны свою шляпу.—Да, мнѣ любопытно посмотрѣть, что это такое... Эти молодые люди удивляютъ меня. Идемъ:

Мы вышли. Луна свѣтила такъ ярко, что видно было все, какъ днемъ. Отъ угла Фуке мы увидѣли уже церковную паперть, покрытую народомъ. Двѣ или три старухи, Анна Пети, бабушка Бале, Жанетъ Бальцеръ, въ большихъ, на-глухо застегнутыхъ платкахъ, въ чепцахъ съ широкой оборкой, нависшей на глаза, торопливо обогнали насъ.

— А! замѣтилъ господинъ Гульденъ,—вотъ и старыя знакомыя... хе-хе-хе! все такія же!

Онъ смѣялся и говорилъ, что со времени старика Колена никогда по вечерамъ не собиралось столько народу въ церковь. Я не могъ догадаться, что онъ говорилъ о старомъ пѣловальникѣ *Трехъ Розъ*, противъ пѣхотныхъ казармъ, и сказалъ ему:

— Это былъ священникъ, господинъ Гульдентъ?

— Нѣтъ-нѣтъ, улыбался, отвѣчалъ онъ: — я говорю о старомъ Коленѣ. Въ 1792 году, когда въ церкви у насъ былъ клубъ, всякій могъ проповѣдывать, но Коленъ говорилъ лучше всѣхъ. У него былъ отличный голосъ, онъ говорилъ сильно и искренно; послушать его приходили изъ Саверна, изъ Сарбурга и даже изъ мѣстъ болѣе далекихъ; хоры, галлерей и скамейки бывали наполнены дамами и дѣвцами или, какъ ихъ называли тогда, — гражданками; на чепцахъ у нихъ были маленькія кокарды, и онѣ пѣли марсельезу, чтобы воодушевить молодежь. Ты ничего подобнаго не видывалъ. Вотъ Анна Пети, бабушка Бальцеръ и всѣ эти, что бѣгутъ теперь, были тогда передовыми; но у нихъ тогда были пѣлы и волосы, и зубы; онѣ любили свободу, равенство и братство. — Хе-хе-хе! бѣдная Бевель, бѣдная Анна..... теперь онѣ идутъ каяться; а между тѣмъ, онѣ были хорошими патриотками, и, я думаю, Господь проститъ имъ...

Онъ смѣялся, припоминая всѣ эти старыя происшествія. Но наперти онъ точно опечалился и сказалъ:

— Да-да... все измѣняется... все измѣняется! Я помню, какъ въ тотъ день, когда Коленъ говорилъ, что отечество въ опасности, въ 93 году, триста молодыхъ людей изъ нашей мѣстности уѣхали въ армію Гоша; онъ отправился съ ними и сдѣлался ихъ начальникомъ; онъ былъ страшный человекъ среди своихъ гренадеровъ. Онъ отказался подписать свое имя подъ выборомъ Бонапарта въ императоры. Теперь онъ за прилавкомъ разливаетъ водку.

Послѣ этого онъ взглянулъ на меня, какъ-будто удивленный своими собственными мыслями:

— Войдемъ, Жозефъ, сказалъ онъ.

Мы вошли подъ толстыя колонны органа и стали, притиснутые другъ къ другу. Онъ болѣе ничего не говорилъ. Въ глубинѣ хоровъ надъ головами горѣло нѣсколько свѣчей. Тишина нарушалась только отворявшимися и затворявшимися скамейками. Такъ прошло минутъ десять; за нами входилъ все народъ. Наконецъ послышалось постукиванье объ полъ алебарды Сиру, и господинъ Гульдентъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ онъ!

Насъ только немного освѣщало окно надъ кропильницей. Въ ту же минуту налѣво на кафедру поднялась тѣнь, а Кекли фитилемъ своимъ зажегъ вокругъ двѣ или три свѣчи.—Этому проповѣднику могло быть около двадцати-пяти или тридцати лѣтъ; лицо у него было свѣжее и доброе, а за выбритой макушкой на шею падали длинныя бѣлокурыя кудри.

Сначала пропѣли гимнъ; городскія дѣвицы пѣли хоромъ: «Какое счастье быть христіаниномъ!» Послѣ этого проповѣдникъ сказалъ съ кафедры, что онъ пришелъ защищать вѣру, религію, святныя права Людовика XVIII и спросилъ, не дерзнетъ ли ктонибудь утверждать противное. Но кому же была охота быть побитымъ камнями?

Къ одиннадцати часамъ всѣ вышли, и народу объявили, что процессія будетъ завтра, въ воскресенье.

По случаю большой давки, оттолкнувшей насъ въ уголъ, мы съ хозяиномъ остались послѣдними; когда мы вышли, крестьяне Четырехъ Вѣтровъ, Бараковъ, Сенъ-Жанъ де-Шу, Бигельберга были уже далеко за Нѣмецкой заставой. Слышно было, какъ горожане запирали ставни, и нѣсколько старухъ шло по Арсенальной улицѣ, толкая между собою объ этихъ странныхъ происшествіяхъ.

Мы съ старикомъ Гульденомъ шли, не нарушая этой глубокой тишины; онъ не говорилъ ни слова и улыбался, понуривъ голову. Такимъ образомъ пришли мы къ себѣ въ комнату.

Я зажегъ свѣчу и, въ то время, какъ онъ раздѣвался, сказалъ ему:

— Что же, господинъ Гульденъ, хорошо они говорятъ?

— Да!... да, Жозефъ, улыбаясь, отвѣчалъ онъ: — для молодыхъ людей, еще ничего не видавшихъ, это очень недурно.

Потомъ онъ громко расхохотался и сказалъ:

Я очень этому удивился.

Видя, что я жду разъясненія, господинъ Гульденъ тихо надвинулъ на уши свою черную шолововую шапочку и задумчиво сказалъ:

— Все равно.... эти люди слишкомъ торспятся.... слишкомъ торопятся! Никогда я не повѣрю, чтобы Людовикъ XVIII зналъ все это... Нѣтъ! онъ въ жизни слишкомъ много видѣлъ, чтобы не знать хорошо людей.—Ну, прощай, Жозефъ, прощай! Будемъ надѣяться, что скоро придетъ изъ Парижа приказъ отослать этихъ молодыхъ въ ихъ семинарію.... Прощай!

Я ушелъ къ себѣ въ комнату, легъ спать и долго думалъ о Катеринѣ и о процессіи, которую предстояло увидать.

IV.

На слѣдующій день, рано утромъ, начали звонить въ колокола. Я всталъ, отворилъ ставни и увидѣлъ багровое солнце, поднимающееся изъ-за порохового магазина надъ рощею Бонфонтенъ. Было часовъ около пяти; заранѣе чувствовалось, что день будетъ жаркій, и запахъ дубовыхъ, буковыхъ и хмѣлевыхъ листьевъ, разсыпанныхъ на улицахъ, наполнялъ воздухъ. — Крестьяне приходили толпами, разговаривая въ тишинѣ. Можно было узнать всѣ деревни: деревню Вехемъ, Меттингъ, Грацфталъ, Дизенгеймъ, по ихъ большимъ треугольнымъ шляпамъ, опущеннымъ въ видѣ забрала, по ихъ клѣтчатымъ платьямъ; женщинъ можно было узнать по длиннымъ чернымъ платьямъ и большимъ чепцамъ, выстеганнымъ на затылкѣ въ родѣ матрацовъ; деревни Дагебергъ, Гильдгаузъ, Гарбергъ, Лагунъ—по хорошимъ пуховымъ шляпамъ, женщинъ по короткимъ волосамъ и короткимъ юбкамъ; всѣ онѣ были маленькія, черноволосыя, сухія и живыя, какъ огонь. Дѣти шли за ними, держа въ рукахъ башуаки, и садились всѣ рядомъ на бревна и обувались для процессіи. Нѣсколько священниковъ шли по трое или по четверо за своими деревнями, болтая и весело посмѣиваясь между собою.

Я же, облокотившись на окно и смотря на все это, думалъ, что люди эти должны были пуститься въ дорогу до полуночи, чтобы придти въ городъ такъ рано; что они прошли черезъ горы, черезъ лѣса, переходя мостики при лунномъ свѣтѣ. Я думалъ, что религія — дѣло хорошее, и что горожане не понимаютъ этого, но что у тысячи полевыхъ работниковъ, дровосѣвовъ, хлѣбопашцевъ, людей грубыхъ, но, тѣмъ не менѣе, добрыхъ, любящихъ жонъ и дѣтей своихъ, почитающихъ старость своихъ родителей и закрывающихъ имъ глаза съ надеждою на будущую, лучшую жизнь, — что у такихъ людей это единственное утѣшеніе на землѣ.

Смотря на толпу, постоянно шедшую, я думалъ, что у тетюшекъ Гредель и Катерины такіе же взгляды, и былъ счастливъ, что онѣ, молятся за меня.

Солнце подымалось выше, колокола звонили, а я все смотрѣлъ. Слышно было, что и г. Гульдентъ всталъ и одѣвался; черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ ко мнѣ безъ сюртука и, видя, что я задумался, вскричалъ:

— Что можетъ быть лучше, Жозефъ, религія народа!

Я удивился, что онъ высказалъ именно то, о чемъ я думалъ.

— Да, продолжалъ онъ:—любовь къ Богу, любовь къ родинѣ и любовь къ семьѣ, все это одно и то же. Только грустно бываетъ видѣть иногда, что любовь къ родинѣ примѣняется для удовлетворенія честолюбія, а любовь къ Богу — для возбужденія гордости и стремленія къ господству небольшого кружка людей.

Эти слова поразили меня и остались въ памяти, и съ тѣхъ поръ я часто думалъ, что въ этихъ словахъ заключается печальная истина.

Со времени осады, мы работали и по воскресеньямъ, потому что господинъ Гульдентъ, состоявши при пушкахъ на валахъ, запустилъ работу, и теперь намъ приходилось догонять. Въ этотъ день, какъ обыкновенно, я развелъ огонь въ нашей маленькой печкѣ и сталъ готовить завтракъ. Окна были отворены и съ улицы слышался сильный шумъ.

Старикъ Гульдентъ, смотрѣвшій въ одно изъ оконъ, сказалъ:

— Что это? всѣ лавки заперты.... кромѣ харчевень и кабаковъ...

Онъ засмѣялся, а я сказалъ ему:

— Надо ли отворять намъ нашу выставку, господинъ Гульдентъ? Это можетъ сильно повредить намъ.

Онъ обернулся, точно удивленный.

— Послушай, Жозефъ, сказалъ онъ:—я не знаю человѣка лучше тебя, но у тебя нѣтъ характера. Зачѣмъ же намъ не отереть нашей выставки? Если мы закроемъ нашу выставку изъ расчета, чтобы имѣть видъ хорошихъ и вѣрующихъ христіанъ и этимъ приобрѣсти новыхъ покупателей,—это будетъ лукавствомъ. Ты говоришь иногда необдуманно.

Я тотчасъ же понялъ, что неправъ, и отвѣчалъ:

— Оставимте, господинъ Гульдентъ, нашу выставку отворенною:—народъ будетъ видѣть, что мы продаемъ часы, и это не можетъ намъ повредить.

Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ пришли тетушка Гредель и Катерина. Катерина была вся въ черномъ, по случаю службы о Людовикѣ XVI; на ней былъ маленькій тюлевый черный чепчикъ, платье очень хорошо сшитое, и это такъ шло къ ней и она казалась такою бѣленькою, розовою и нѣжною, что я едва вѣрилъ, что она любитъ Жозефа Берта; шея у нея была бѣлая, какъ снѣгъ, и не будь у нея розоваго ротика и маленькаго подбородка, голубыхъ глазъ и бѣлокурыхъ волосъ, я подумалъ бы, что это какая нибудь другая, очень на нее похожая, но гораздо болѣе красивая женщина. Она подсмѣивалась, видя мое удивленіе. Наконецъ я сказалъ ей;

— Катерина, теперь ты слишком хороша, и я уже не смѣю поцѣловать тебя.

— Ну, отвѣчала она, нечего церемониться.

И когда она наклонилась къ моему плечу, я такъ долго цѣловалъ ее, что старикъ Гульденъ и тетушка, смѣясь, смотрѣли другъ на друга; а мнѣ хотѣлось, чтобы ихъ тутъ не было, чтобы сказать Катеринѣ, что съ каждымъ днемъ я люблю ее все болѣе и болѣе и тысячу разъ готовъ отдать за нее жизнь свою; а при нихъ нельзя было сказать этого. Я думалъ объ этомъ и былъ совсѣмъ взволнованъ.

На тетушкѣ тоже было черное платье и подъ мышкой молитвенникъ.

— Приди же и меня поцѣловать, Жозефъ, сказала она:— видишь, и на мнѣ черное платье, какъ на Катеринѣ.

Я поцѣловалъ ее, а старикъ Гульденъ сказалъ:

— Вы придете обѣдать, это рѣшено... а пока перекусите чегонибудь.

— Мы уже завтракали, отвѣчала тетушка.

— Что за важность!.. процессія Богъ знаетъ когда кончится... вы все будете на ногахъ... надо подкрѣпитесь.

Онѣ сѣли: тетушка съ правой стороны, Катерина съ лѣвой, а господинъ Гульденъ напротивъ. Всѣ мы выпили хорошаго вина, и тетушка стала говорить, какъ хороша будетъ процессія... что будетъ, по крайней мѣрѣ, двадцать-пять окрестныхъ священниковъ... что священникъ Губеръ «изъ Четырехъ Вѣтровъ» тоже пришелъ... что алтарь въ кавалерійскомъ кварталѣ былъ выше кровель... что ели и тополи вокругъ увѣшаны крепомъ, а алтарь покрытъ чернымъ сукномъ. — Она говорила о всемъ, а я въ это время смотрѣлъ на Катерину, и мы оба думали: «О, Господи! когда это намъ дадутъ позволеніе жениться!... Когда этотъ негодный министръ найдетъ время написать: женитесь и оставьте меня въ покоѣ!»

Наконецъ, къ девяти часамъ начался второй благовѣстъ, и намъ пришлось разстаться; тетушка сказала:

— Уже второй разъ звонять... Мы придемъ къ обѣду какъ можно поскорѣе.

— Да... да... матушка, отвѣчалъ г. Гульденъ:— мы ждемъ васъ.

Онѣ встали. Я провожалъ Катерину до низу лѣстницы, чтобы еще разъ поцѣловать ее. Тетушка кричала:

— Надо торопиться! надо торопиться!

Онѣ вышли, а я пошелъ сѣсть за работу, — но съ девяти до одиннадцати не сдѣлалъ ровно ничего. Толпа была такъ велика, что

на улицѣ раздавался какой-то гулъ, шумъ трещащихъ ногъ ногами листьевъ; когда процессія вышла изъ церкви, она представляла такое грандіозное зрѣлище, что и самъ Гульдентъ бросилъ работу и сталъ слушать пѣніе и молитвы.

Я воображалъ себѣ въ толпѣ этой Катерину красивѣе всѣхъ другихъ женщинъ, и подлѣ нея тетюшку Гредель, внятнѣмъ голосомъ повторявшую: молитесь о насъ! молитесь о насъ!.. Я воображалъ ихъ утомленными, и всѣ эти голоса и напѣвы настроивали меня къ мечтамъ. Хотя въ рукахъ я и держалъ часы и пробовалъ работать, но мысли мои были далеко... Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ сильнѣе увеличивалась моя тоска, когда вдругъ г. Гульдентъ сказалъ мнѣ: —

— Что, Жозефъ, сегодня неидеть дѣло на ладъ?

Я покраснѣлъ, а онъ продолжалъ:

— Да, въ то время, когда я мечталъ о Луизѣ Бенедумъ, я какъ ни старался смотрѣть на пружины и колеса, а видѣлъ все голубые глаза.

Онъ вздохнулъ; я тоже принялся вздыхать, думая: «Да! вы правы, г. Гульдентъ, вы правы!»

— Ну, довольно, Жозефъ, сказалъ онъ, минуту спустя и взявъ часы у меня изъ рукъ: — иди, дитя мое, и отыщи Катерину... Любви нельзя преодолѣть... она сильнѣе насъ!

Услыхавъ эти слова, мнѣ хотѣлось закричать: «О, добрѣйшій человекъ! о, справедливѣйшій человекъ!.. вы никогда не узнаете, какъ я горячо васъ люблю!» Но онъ всталъ и началъ вытирать руки о полотенце, висѣвшее за дверью, а я сказалъ ему:

— Такъ какъ вы непремѣнно этого хотите, г. Гульдентъ...

— Да-да... непремѣнно.

Я не слушалъ далѣе, сердце мое прыгало отъ радости; я схватилъ фуражку и слетѣлъ съ лѣстницы, восклицая:

— Черезъ часъ я буду, г. Гульдентъ!

Я ужъ былъ на улицѣ. Сколько народу... сколько народу!.. все кишило: треугольныя и пуховыя шляпы и фуражки, и надъ всей этой толпой несли медленный звонъ колоколовъ.

Я стоялъ около минуты на ступеняхъ нашей лѣстницы и смотрѣлъ, не зная, куда идти; видя, наконецъ, что въ такой толпѣ нельзя и шагу сдѣлать, я повернулъ въ переулокъ Ланшъ, чтобы добраться до валу и ждать процессію въ кустарникѣ у Нѣмецкой заставы, такъ какъ тогда она поднималась по улицѣ Колежъ. — Тогда было часовъ около одиннадцати. Въ тотъ день мнѣ пришлось видѣть вещи, надъ которыми я потомъ много задумывался: это были

предзнаменованія великихъ несчастій, и никто не замѣчалъ ихъ, ни у кого не было догадки понять, что онѣ значать. И только послѣ, когда несчастія разразились надъ всѣми, когда пришлось опять взять котомку и ружье и давать рубить себя на части, только тогда всѣ свазали: «Ахъ, будь мы поумнѣй... будь побольше справедливости... будь мы осторожны!.. Намъ было вѣдь такъ хорошо!.. Мы были бы еще дома; а теперь, вмѣсто этого, опять начнется свалка. Что же надо было дѣлать? Ничего, оставаться спокойнымъ... кажется, не очень трудно. Какое горе.»!

Я пошелъ по улицѣ Ланнгъ, гдѣ разстрѣливали дезертировъ во времена имперіи. Шумъ удалялся вмѣстѣ съ пѣніемъ, съ молитвами. Всѣ двери и окна были закрыты, — всѣ ушли за процессіей. Посреди этой тишины я по временамъ останавливался въ тѣни въ какомъ нибудь старомъ кварталѣ, чтобы отдохнуть; легкой, прохладный вѣтеръ дулъ черезъ валы; я издали слушалъ шумъ и, вытирая потъ съ лица, думалъ:

— Гдѣ отыскать теперь Катерину?

Я пустился опять въ путь, взбираясь на лѣстницу вылазки, какъ вдругъ услышалъ голосъ, говорившій:

— Маргаро, отмѣчайте же ставки!

И только тутъ я увидѣлъ въ отворенныя окна перваго этажа старика Колена и людей безъ скрутокъ, игравшихъ въ билліардъ. Все это были лица старыхъ солдатъ, съ обстриженными волосами и подстриженными щетинистыми усами. Они ходили взадъ и впередъ, крича вокругъ билліарда, не заботясь ни о Людовикѣ XVI, ни о мэрѣ, ни о комендантѣ, ни о гражданахъ. Одинъ изъ нихъ, маленькій, коренастый, съ бакенбардами въ видѣ пистолетнаго дула, по гусарской модѣ, съ развязаннымъ галстукомъ, высунулся даже въ окно вмѣстѣ съ билліарднымъ кѣмъ и, посмотрѣвъ на площадь, вскричалъ:

— Мы будемъ играть до пятидесяти очковъ.

Мнѣ пришло въ голову, что это, должны быть, офицеры на половинномъ жалованьи, тратившіе свои послѣдніе гроши и которымъ скоро нечѣмъ будетъ жить. Я пошелъ дальше и шелъ подъ сводомъ пороховаго бастіона, за училищемъ, думая объ этихъ предметахъ; но, войдя на откосъ вала Нѣмецкой заставы, все вылетѣло у меня изъ головы; процессія поворачивала за уголъ Боггольца, пѣніе раздавалось, какъ трубы, передъ устроеннымъ алтаремъ; молодые священники изъ Нанси бѣгали въ толпѣ, поднося въверхъ кресты, чтобы возстановить порядковъ; швейцаръ Сиру торжественно стоялъ подъ хоругвиемъ: — впереди пѣли всѣ священники и всѣ

пѣвчіе, молитвы ихъ неслись въ небесаиъ; сзади отвѣчала толпа, что производило глухой и страшный шопоть.

Я стоялъ за сараежъ, приподнявшисъ на цыпочки, и думалъ только о Катеринѣ, желая отыскать ее въ этой толпѣ; но сколько знаменъ, треугольныхъ шляпъ и чепцовъ толпилось по Ульрихской улицѣ! Трудно было повѣрить, что столько народа существовало въ нашей странѣ; должно быть, по деревнямъ остались только маленькія дѣти и дряхлыя старухи для надзора за нами.

Такъ прошло минутъ двадцать, и я не надѣялся болѣе отыскать Катерину, какъ вдругъ увидѣлъ ее и тетуску Гредель. Тетуска молилась такимъ звучныхъ голосомъ, что онъ покрывалъ другіе, Катерина же шла молча и потупя взоръ. Еслибъ я могъ крикнуть ей, она, можетъ быть, услыкала бы меня; но довольно было и того, что я не отправился на процессію, не дѣлая скандала. Я могу сказать—и нѣкто изъ старожиловъ Пфальцбурга не станетъ утверждать противное,—что Катерина была не изъ числа некрасивыхъ дѣвушекъ страны и что Жозефа Берта нельзя было сожальтъ.

Наконецъ и она прошла; процессія остановилась на военной площади передъ построеннымъ алтаремъ, вправо отъ церкви; священникъ служилъ, тишина царствовала во всемъ городѣ. Въ маленькихъ улицахъ, направо и налѣво, все смолкло, какъ-будто можно было видѣть священника въ алтарѣ; большинство народа стояло на колѣняхъ, но нѣкоторые сидѣли на лѣсенкахъ у домовъ; потому что жара была нестерпимая, и многіе вышли изъ дому до свѣту. Эта картина растрогала меня и я сталъ молиться за родину, за миръ,—за все, что чувствовалъ въ себѣ; и помню, что въ эту самую минуту внизу вала подъ Нѣмецкой заставой слышались голоса, весело говорившіе:

— Позвольте... позвольте... пропустите, друзья мои!

Процессія загрозила дорогу, путешественники были остановлены и голоса ихъ нарушили нѣсколько благоговѣіе толпы. У заставы нѣсколько человекъ посторонились; швейцарь и сторожъ смотрѣли издали, и я изъ любопытства поближе подошелъ къ краю сарая. Я увидѣлъ пять или шесть старыхъ солдатъ, поблѣвшихъ отъ пыли, сгорбленныхъ и измученныхъ, пробиравшися вдоль вала къ Арсенальной улицѣ, гдѣ они надѣялись найти возможность пройти. Я такъ живо помню ихъ въ ихъ продранныхъ башмакахъ, въ бѣлыхъ штиблетахъ, въ заплатанныхъ мундирахъ и въ тяжелыхъ киверахъ, приплюснутыхъ отъ дождя, солнца и всѣхъ походныхъ неудобствъ; они шли въ одиночку одинъ за дру-

гимъ по дерну ската, чтобы не беспокоить людей, сидѣвшихъ внизу; впереди шелъ старикъ съ тремя нашивками; онъ походилъ на моего бѣднаго сержанта Пинто, убитаго въ сраженіи при Лейпцигѣ, и это сходство трогало меня; у него были такіе же длинные сѣдые усы, такіа же ввалившіяся щоки, тотъ же довольный видъ; не смотря на страданія и несчастія, онъ улыбался, держа маленькій узелокъ на концѣ палки, и тихо говорилъ: «извините сударыня, или извините, сударь.» Другіе шли за нимъ слѣдомъ.

Это были первые плѣнные, возвращенные намъ конвенціей 23 апрѣля, и съ тѣхъ поръ до іюля мѣсяца мимо насъ проходили плѣнные каждый день. Эти же, вѣрно, шли вдвое скорѣе, торопясь увидать Францію.

Придя къ концу улицы, они увидали, что толпа наполняетъ всю ее до самаго арсенала; чтобы не беспокоить болѣе народъ, они вошли подъ ворота, черезъ которыя дѣлаютъ вылазки, сѣли на сырыя ступени, положили узелки подлѣ на землю, и стали ждать окончанія процессіи; они шли издалека и почти не знали, что дѣлается у насъ.

Къ несчастью, барабаны изъ Буа де-Шена, долговязый Гарни, Зафери Роллеръ, Николай Кошаръ, шерсточесъ, разнощикъ Пинакль, сдѣланный мѣромъ за то, что онъ показалъ союзникамъ фальбергскую и грауфталъскую дорогу во время осады, — всѣ эти негодяи и, кромѣ ихъ, еще другіе, желавшіе лилія, — какъ-будто лилія могла сдѣлать ихъ хорошими людьми, — къ несчастью, вся эта проклятая порода, жившая хворостомъ, краденымъ ею изъ лѣсу, издали увидала трехцвѣтную кокарду на киверахъ, и каждый изъ нихъ думалъ: «Вотъ случай выказать, что мы — настоящая опора роялизма.»

Они пошли, расталкивая толпу. Пинакль въ толстомъ черномъ галстукѣ, съ крепомъ, на аршинъ развѣвавшимся на его шляпѣ, съ воротничками рубашки, поднимавшимися выше ушей, и съ важнымъ видомъ бандита, старавшагося казаться честнымъ человекомъ, — Пинакль шелъ впереди. Старый солдатъ съ нашивками, издали замѣтивъ людей, грозившихъ ему, всталъ, чтобы посмотрѣть, что это такое.

— Тише, не торопитесь такъ, говорилъ онъ: — у насъ нѣтъ привычки убѣгать.... Позвольте, что вамъ угодно?

Но Пинакль, боясь потерять такой превосходный случай выказать свое усердіе къ Людовику XVIII, вмѣсто того, чтобы отвѣчать, сбилъ пощечинной съ него киверь, крича:

— Долой кокарду!

Конечно, оскорбленный ветеранъ хотѣлъ защищаться, но баракенскіе жители, мужчины и женщины, подошли гурьбой, бросились на солдатъ, сбили ихъ съ ногъ, оборвали кокарды, эполеты и безъ стыда и жалости топтали ихъ ногами. Бѣдный старикъ нѣсколько разъ приподнимался и раздражающимъ душу голосомъ кричалъ:

— Ахъ, вы подлецы!.. а еще французы!.. Ахъ, вы канальи!..

И всякій разъ его обсыпали ударами. Наконецъ ихъ оставили въ этомъ углу, всѣхъ въ крови, въ разорванномъ платьѣ; и господинъ комендантъ де-ла-Фезандери, придя туда, велѣлъ посадить ихъ подъ арестъ.

Если бы я могъ сойти, я побѣжалъ бы къ нимъ на помощь, не думая ни о Катеринѣ, ни о тетушкѣ Гредель, ни о господинѣ Гульденѣ, и баракены вѣрно избилы бы меня такъ же, какъ и ихъ. Вспоминая теперь объ этомъ, я прихожу въ ужасъ; къ счастью, стѣна надъ этой вылазной дверью была болѣе двадцати футовъ вышины, и посмотрѣвъ, какъ ихъ повели всѣхъ окровавленныхъ, и подумавъ: что это за мерзость! я бросился бѣжать къ арсеналу и прибѣжалъ домой такимъ блѣднымъ, что старикъ Гульденъ вскричалъ:

— Не задавили ли тебя, Жозефъ?

— Нѣтъ, господинъ Гульденъ, нѣтъ, отвѣчалъ я ему, — но я видѣлъ ужасное происшествіе.

И я заплакалъ, рассказывая ему, что видѣлъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину и останавливаясь отъ времени до времени слушать меня; глаза его сверкали, а губы были сжаты.

— Жозефъ, сказалъ онъ мнѣ:—люди эти сдѣлали что нибудь?

— Нѣтъ, господинъ Гульденъ.

— Не можетъ быть.... Эти люди вѣрно сами навлекли это на себя... Не дикіе же вѣдь мы, чортъ возьми! Даже и у баракеновъ должна же быть другая причина, кромѣ кокарды.

Онъ не могъ повѣрить мнѣ, и, только выслушавъ два раза все до мельчайшихъ подробностей, сказалъ наконецъ:

— Я вѣрю тебѣ.... Да, вѣрю, потому что это ты видѣлъ своими собственными глазами. И это несчастье гораздо ужаснѣе, чѣмъ ты думаешь, Жозефъ. Если такъ будутъ идти дѣла, если всѣхъ этихъ негодяевъ не осадятъ, если Пинавли будутъ господствовать,—честные люди откроютъ глаза.

Онъ больше ничего не говорилъ, потому что процессія кончилась и пришли тетушка Гредель и Катерина.

Мы пообѣдали вмѣстѣ; тетушка была очень довольна и Катери-

на тоже; не смотря на удовольствіе видѣть ихъ, на душѣ у меня было тяжело. Гульдентъ былъ задумчивъ.

Наконецъ, вечеромъ я проводилъ Катерину и тетушку до *Рулетики*, и тамъ, поцѣловавшись, мы разстались.—Было около восьми часовъ, и я тотчасъ же пришелъ домой. Гульдентъ ушелъ читать газету въ пивную «Дикаго человѣка», что обыкновенно онъ дѣлалъ по воскресеньямъ. Я легъ спать. Къ десяти часамъ онъ возвратился и, увидавъ въ моей комнатѣ свѣтъ, отворилъ дверь и сказалъ: — Кажется, процессіи дѣлаются всюду, Жозефъ: — въ газетахъ только и рѣчи, что о нихъ.

Онъ сказалъ мнѣ, кромѣ того, что возвращаются восемьдесятъ тысячъ плѣнныхъ и что это—счастье для страны.

V.

На слѣдующій день надо было идти заводить часы въ городѣ; г. Гульдентъ, чувствовавшій уже себя ослабѣвшимъ отъ старости, поручилъ мнѣ эту обязанность, и я вышелъ изъ дому довольно рано. Вѣтеръ сдулъ ночью листья вдоль стѣнъ; всѣ шли къ алтарю брать свои вещи,—кто подсвѣчники, кто вазы съ цвѣтами... Это зрѣлище опечалило меня, и я думалъ: «Теперь они отправили свое погребальное служеніе и должны быть довольны! Только бы пришло позволеніе,—все пойдетъ хорошо; но если эти люди думаютъ веселить насъ своими гимнами, то они очень ошибаются. Во времена императора отправлялись, правда, въ Россію или въ Испанію, но, по крайней мѣрѣ, министры не томили молодыхъ людей. Любопытно знать, къ чему же служить миръ, какъ не къ тому, чтобы жениться?»

Всѣ эти мысли бѣсили меня; я злился на Людовика XVIII, на принца д'Артуа, на эмигрантовъ, на всѣхъ и восплицалъ: «Дворяне насмѣхаются надъ народомъ!»

Возвратясь домой, я засталъ Гулдена, накрывавшаго на столъ; во время завтрака я сказалъ ему все, что думалъ; онъ выслушалъ, улыбался, и сказалъ:

— Смотри, Жозефъ, берегись! не выходи изъ себя; ты точно будто хочешь сдѣлаться яacobинцемъ!

Онъ всталъ, отворилъ шкафъ, а я смотрѣлъ на него, думая, что онъ пошелъ за бутылкой; но, вмѣсто бутылки, онъ подаль мнѣ большое квадратное письмо съ большой красной печатью.

— Вотъ, Жозефъ, сказалъ онъ мнѣ:—что та бригадиръ Вернеръ просилъ меня передать тебѣ.

Сердце у меня забилось и я смотрѣлъ, какъ потерянный, на письмо.

— Ну, распечатай же! сказалъ мнѣ старикъ Гульдень.

Я распечаталъ и хотѣлъ прочитатъ, но не могъ собраться съ духомъ и вдругъ закричалъ:

— Г. Гульдень, вѣдь это позволеніе!

— Право? сказалъ онъ.

— Да, это позволеніе! вскричалъ я, всплеснувъ руками.

— А, негодный министръ, такъ онъ позволилъ, сказалъ г. Гульдень.

Я отвѣчалъ ему:

— Позвольте, я не занимаюсь политикой, и такъ какъ позволеніе прислано, то ни до чего остального мнѣ дѣла нѣтъ.

Онъ громко хохоталъ, восклицая:

— Хорошо, Жозефъ! хорошо, Жозефъ!

Я видѣлъ, что онъ немного смѣется надо мною, но мнѣ было все равно.

— Теперь надо какъ можно скорѣе дать знать объ этомъ те- тушкѣ Гредель и Катеринѣ, воскликнуть я: — надо поскорѣе по- слать маленькаго Шардрона.

— Да пойдн самъ, это лучше, сказалъ мнѣ этотъ отличный че- ловѣкъ.

— А работа, господинъ Гульдень?

— Ну что! въ такомъ случаѣ работу забываютъ. Иди, дитя мое, торопись. Какъ хочешь ты работать теперь?... да у тебя въ гла- захъ мутится!

Это правда, я ничего не могъ бы сдѣлать. Я всталъ съ такой радостью, что заплакалъ и бросился цѣловать г. Гульдена; потомъ не переодѣвшись, бросился бѣжать. И что дѣлаетъ радость съ че- ловѣкомъ! Я уже давно прошелъ Нѣмецкую заставу, мостъ, фор- постъ, харчевню Рулетви и почтовый дворъ, ничего не видя, и только увидавъ, шаговъ за двѣсти или за триста отъ деревни, на- шу трубу и наши окошки, я вспомнилъ, точно во снѣ, о позво- леніи и началъ опять читать его, повторяя: «правда, да, правда!... Какое счастье!... Что-то онѣ скажутъ?»

Вотъ такъ я и пришелъ къ нимъ, отворилъ дверь и закричалъ:

— Позволеніе!

Тетушка Гредель въ деревянныхъ башмакахъ мела кухню, а Ка- терина спускалась съ старой деревянной лѣстницы направо, съ голыми руками и въ голубой косынкѣ, завязанной накрестъ на груди. Она ходила на чердакъ за растопками; и объ онѣ, услыжавъ, какъ я закричалъ: «Позволеніе!» остановились, точно окаменѣли.

Но когда я еще разъ повторилъ: «Позволеніе!» тетушка Гредель вдругъ подняла вверхъ обѣ руки и закричала:

— Да здравствуетъ король!

Катерина, блѣдная, какъ полотно, держалась за перила. Я въ одинъ мигъ очутился около нея и такъ принялся ее цѣловать, что она опустилась ко мнѣ на плечо и заплакала, и я снесъ ее внизъ, въ то время, какъ тетушка, прыгая, вертѣлась около насъ и кричала:

— Да здравствуетъ король! да здравствуетъ министр!

Во всемъ этомъ было что-то необыкновенное. Сосѣдъ нашъ, старый кузнецъ Руппертъ, въ своемъ кожаномъ передникѣ и разстегнутой рубашкѣ, пришелъ даже, говоря:

— Что это?... что такое случилось, сосѣдка?

Въ рукахъ у него были большіе щипцы, и онъ смотрѣлъ во всѣ глаза. Тутъ мы нѣсколько успокоились и я отвѣчалъ:

— Мы получили позволеніе жениться.

— А, такъ вотъ что! сказалъ онъ: — ну, теперь я понимаю.... понимаю.

Онъ оставилъ дверь настежь, и къ намъ пришло пять или шесть сосѣдей и сосѣдокъ: Анна Шмуцъ, прядильщица, Христофоръ Вагнеръ, лѣсной сторожъ, Зафери Гроссъ и многіе другіе; комната биткомъ набилась. Я сталъ читать вслухъ позволеніе. Всѣ слушали; по окончаніи чтенія, Катерина опять заплакала, а тетушка сказала:

— Видишь, Жозефъ, этотъ министръ лучшій въ мірѣ человекъ.... Будь онъ тутъ, я поцѣловала бы его и пригласила бы на свадьбу; ему было бы дано почетное мѣсто съ г. Гульденомъ.

Послѣ этого сосѣди разошлись разносить новость, а я принялся изъясняться въ любви Катеринѣ, какъ-будто прежнія изъясненія теперь уже ничего не значили, и ее тоже заставилъ тысячу разъ повторить, что она любила только одного меня, такъ что мы были растроганы и счастливы, потомъ опять растроганы и опять счастливы, и такъ все это продолжалось до вечера. Тетушка, готовившая кушанья, кричала, разговаривая сама съ собою: «Вотъ это такъ добрый король!» или говорила: «Ахъ, если бы былъ живъ мой бѣдный Францъ, какъ былъ бы онъ счастливъ сегодня! Но всего имѣть нельзя.

Она говорила также, что процессія принесла намъ пользу. Мы съ Катериной ничего не отвѣчали,—мы слишкомъ были рады. Мы обѣдали, закусывали, ужинали, ничего не видя и ничего не слыша, и только къ девяти часамъ вечера я замѣтилъ, что уже ночь и что надо отправляться. Тогда тетушка, Катерина и я вышли вмѣстѣ. Была свѣтлая лунная ночь. Онъ проводилъ меня до хар-

чевна Рулетки, и дорогою мы условились назначить свадьбу черезъ двѣ недѣли. Передъ фермою, подъ старыми тополями, тетушка поцѣловала меня, а я поцѣловалъ Катерину и слѣдилъ, пока онѣ не поднялись въ гору и не вошли въ деревню. Онѣ обертывались, поднимая руки, и я тоже поднималъ руку. Наконецъ, когда онѣ скрылись изъ виду, я пошелъ дальше въ городъ, куда и пришелъ къ девяти часамъ. Я перешелъ площадь и вошелъ домой.

Гульденъ былъ уже въ постели, но еще не спалъ; онъ слышалъ, какъ я отворилъ потихоньку дверь. Когда я зажегъ лампу и хотѣлъ войти къ себѣ въ комнату, онъ позвалъ меня:

— Жозефъ!

Я тотчасъ же подошелъ, и онъ съ нѣжностью посмотрѣлъ на меня и протянулъ ко мнѣ руки. Мы обнялись и потомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Хорошо, дитя мое, ты счастливъ и стоишь этого. Теперь отправляйся спать, завтра мы потолкуемъ.

Я пошелъ спать, но долго не могъ заснуть и всякую минут просыпался, думая: «Правда ли это? такъ позволеніе пришло?» И въ душѣ восклицалъ: «Да, это правда!» Но къ утру я наконецъ заснулъ и проснулся уже поздно; я вскочилъ съ постели, чтобы одѣться, и въ то же время г. Гульденъ весело закричалъ мнѣ изъ сосѣдней комнаты:

— Жозефъ, иди же садиться за столъ!

— Ахъ, извините, господинъ Гульденъ, сказалъ я ему:—я такъ былъ радъ, что почти не могъ спать.

— Да... да... я слышалъ, какъ ты ворочался,—смѣясь, отвѣчалъ онъ.

Я вошелъ въ нашу мастерскую, гдѣ уже столъ былъ накрытъ.

VI.

Послѣ счастья жениться на Катеринѣ, я всего болѣе любилъ мечтать, какъ сдѣлаюсь самостоятельнымъ человѣкомъ, потому что большая разница между тѣмъ, чтобы драться за нрусскаго короля или работать для себя. Г. Гульденъ сказалъ мнѣ, что дастъ мнѣ часть въ своей торговлѣ, и я заранѣе воображалъ Жозефа Берта, ведущаго подъ руку свою жену по воскресеньямъ въ церковь, а потомъ на гулянье въ Рошъ Платъ или въ Бонфонтенъ. Мысль объ этомъ счастьи доставляла мнѣ удовольствіе. А пока я каждый день

ходила къ Катеринѣ; она встрѣчала меня въ оградѣ въ то время, какъ тетюшка Гредель приготовляла пирожки и пирожное къ свадьбѣ; мы по цѣлымъ часамъ смотрѣли другъ на друга; Катерина была свѣжа и бесела и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе хорошила.

По вечерамъ, когда я возвращался, сіяя счастьемъ, Гульденыъ говорилъ мнѣ:

— Это, кажется, лучше Лейпцига, Жозефъ?

Иногда я изъявлялъ желаніе принятія за работу, но онъ не позволялъ мнѣ, говоря:

— Счастливые дни такъ рѣдки въ жизни! Иди лучше къ Катеринѣ! Потомъ, когда я вздумаю тоже жениться, ты будешь работать за насъ обоихъ.

Онъ смѣялся. Да такіе люди должны бы жить по сту лѣтъ. Какое доброе сердце, какой простой и справедливый человѣкъ! Для насъ онъ былъ настоящимъ отцомъ; и часто еще и нынче, когда я вспомню о немъ въ его черной шолковой шапочкѣ, надвинутой на уши, съ бородой небритой цѣлую недѣлю, вспомню о его маленькихъ глазахъ, добродушно прищуренныхъ, и улыбку на сжатыхъ губахъ,—часто послѣ столькихъ лѣтъ мнѣ чудится, будто я еще слышу его голосъ, и слезы выступаютъ изъ моихъ глазъ.

Но теперь мнѣ надо рассказать вамъ происшествіе, случившееся за два дня до нашей свадьбы и воспоминаніе о которомъ никогда не выйдетъ у меня изъ памяти. Это было 6 іюня, а свадьба была назначена 8; всю ночь я только и бредилъ объ этомъ. Утромъ всталъ я около шести или семи часовъ; старикъ Гульденыъ уже сидѣлъ за работою у раскрытыхъ оконъ. Я вымылся, думая летѣть въ «Четыре Вѣтра»; какъ вдругъ у французской заставы раздастся труба и барабанный бой, какъ-будто бы входитъ полкъ: трубачи продували трубы, барабанщики ударили по барабану нѣсколько пробныхъ ударовъ. Услыхавъ это, я почувствовалъ, что волосы становятся у меня дыбомъ, и я вскричалъ:

— Г. Гульденыъ, да вѣдь это 6-й пѣхотный полкъ!

— Ну да, отвѣчалъ онъ; уже съ недѣлю весь городъ говоритъ объ этомъ, но ты ничего не слушаешь; это тебѣ свадебный подарокъ, Жозефъ,—я хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

Я ничего уже не слушалъ и бросился, какъ вихрь, изъ комнаты на улицу. Нашъ старый тамбуръ-мажоръ Паду уже приподнималъ свою палочку надъ темнымъ сводомъ воротъ; барабанщики, покачиваясь, шли за нимъ, а подалеже тихо двигались командиръ Жемо верхомъ, съ большими красными перьями нашихъ гренадеровъ, и штыки: это шелъ 3-й батальонъ. Заиграли маршъ, и во мнѣ застыла

кровь. Я сразу разглядѣлъ наши длинныя сѣрыя шинели, полученныя нами 22 октября 1813 на Эрфуртскихъ скатахъ; онѣ совсѣмъ повеленѣли отъ дождя, снѣгу и вѣтру, и были еще хуже, чѣмъ при Лейпцигѣ. Въ старыхъ киверахъ видѣлись дѣрвы отъ пуль; только знамя было новое, въ отличномъ клеенчатомъ чехлѣ и съ лиліей на краю...

Человѣкъ, никогда небывавшій въ походѣ, никогда не пойметъ, что значить снова увидѣть свой полкъ, услышать тотъ же барабанный бой, который слышалъ, стоя лицомъ въ лицу съ непріателемъ, и говорить при этомъ: «Вотъ товарищи твои, возвращающіеся побитыми, униженными, раздавленными! Вотъ они склоняютъ голову, украшенную другой кокардой!» Нѣтъ, я ничего подобнаго не чувствовалъ. Гораздо позже, многіе изъ 6-го пѣхотнаго полка, — мои старые офицеры, мои прежніе сержанты, — пришли поселиться въ Пфальцбургъ, гдѣ всегда хорошо принимали старыхъ солдатъ: туда пришли Лафлешъ, Карабень, Лавернь, Мушо, Паду, Шази и многіе другіе. Люди, командовавшіе мною на войнѣ, потомъ пилили у меня дрова, занимались ко мнѣ въ поденщики, крыли у меня крышу, столярничали и плотничали у меня... Прежде они отдавали мнѣ приказанія, а потомъ должны были мнѣ повиноваться, потому что у меня было хорошее дѣло, — я велъ торговлю; а они, — они были простые работники; но все равно, говоря съ ними, я всегда сохранялъ почтеніе къ своимъ прежнимъ начальникамъ и всегда думалъ: «Эти люди, сгибающіе теперь спину подъ тяжкимъ трудомъ, чтобы пропитать свою семью, тамъ, въ Вейссенфельсѣ, въ Лютценѣ, представляли въ авангардѣ честь и храбрость Франціи». Эта перемѣна совершилась послѣ Ватерлоо!... И нашъ прежній знаменщикъ Фезаръ пятнадцать лѣтъ потомъ мелъ мостъ Нѣмецкой заставы. Это не очень привлекательно... Нѣтъ!... отечеству слѣдовало бы быть благодарнѣе!

И такъ, это шель 3-й батальонъ, который возвращался въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что у порядочныхъ людей сердце обливалось кровью, глядя на нихъ. Зебеде рассказывалъ мнѣ, что они вышли изъ Версаля 31-го марта, послѣ капитуляціи въ Парижѣ, и что ихъ заставили переходить изъ Версаля въ Шартръ, въ Шатоденъ, въ Блуа, въ Орлеанъ и такъ далѣе, какъ настоящихъ цыганъ, въ продолженіи шести недѣль безъ жалованья и безъ окопировки. Наконецъ, въ Руанѣ они получили приказъ пройти всю Францію, чтобы возвратиться въ Пфальцбургъ, и всюду процессіи и панихиды возбуждали противъ нихъ народъ. Все надо было переносить. Приходилось даже располагаться бивуаками подъ открытымъ небомъ,

въ то время, какъ русскіе, австрійцы, пруссаки спокойно жили въ нашихъ деревняхъ.

Разсказывая мнѣ эти несчастія потомъ, Зебеде плакалъ отъ ярости. — Развѣ Франція перестала быть Франціей? говорилъ онъ. Развѣ мы не защищали ея чести?

Но мнѣ пріятно вспомнить, какъ 6-й пѣхотный полкъ былъ принятъ въ Пфальцбургѣ. Жители уже знали, что первый батальонъ вернется изъ Испаніи и что остатки полка 6-го и 24-го легкой пѣхоты образуютъ 6-й Беррійскій полкъ; такъ что весь городъ радовался, думая, что у насъ будетъ гарнизонъ въ двѣ тысячи человекъ, вмѣсто нѣсколькихъ морскихъ канонеровъ, похожихъ на ветерановъ. Радость была большая и всѣ кричали: «Да здравствуетъ 6-й пѣхотный!» Дѣти выбѣжали къ нему на встрѣчу почти до горы Сентъ-Жанъ, и батальонъ нигдѣ съ 1813 не былъ принятъ такъ хорошо. Нѣсколько стариковъ плакали въ строю, восклицая: «Да здравствуетъ Франція!» Не смотря на это, офицеры шли, понуривъ головы; они дѣлали только знакъ рукою, какъ бы благодаря людей за хорошій пріемъ.

Стоя на порогѣ нашего дома, я смотрѣлъ, какъ проходили эти триста или четыреста человекъ, такіе оборванные, что я узнавалъ только одинъ номеръ. Но вдругъ я увидѣлъ Зебеде, шедшаго фланговымъ солдатомъ; онъ былъ такъ худъ, что длинный, горбатый носъ его точно выступалъ у него изъ лица, какъ клювъ, а старая шинель висѣла складками вдоль спины; но у него были нашивки сержанта, широкія, костлявыя плечи, въ родѣ вѣшалки, придавали ему величественный видъ. Увидавъ его, я крикнулъ такъ, что меня слышно было, не смотря на трескъ барабана:

— Зебеде!

Онъ обернулся, и я бросился ему на шею въ то время, какъ онъ ставилъ ружье въ углу у Фуке. Я плакалъ, какъ ребенокъ, а онъ говорилъ:

— Это ты, Жозефъ? Ну, по крайней мѣрѣ, насъ осталось двое.

— Это я, отвѣчала я:—я женюсь на Катеринѣ, ты будешь моимъ шаферомъ.

Послѣ этого мы пошли. Далѣе, на углу улицы Гуть—ждалъ старикъ Фюрстъ, смотря глазами, полными слезъ. Бѣдный старикъ думалъ: «Теперь могъ бы воротиться и мой сынъ!» Увидавъ насъ съ Зебеде, онъ послѣшно ушелъ въ темныя сѣни своего дома. На площади старикъ Клипфель и пять или шесть другихъ стариковъ смотрѣли на выстроившійся батальонъ. Они хотя и получили извѣщеніе о смерти сыновей, но все-таки надѣялись, что, можетъ быть,

это была ошибка, потому что сыновья ихъ писать не любили. Они посмотрѣли и ушли, когда забили дробь.

Во время переключки пришелъ и старикъ морилыщикъ. На немъ была прежняя его рыжая баркатная куртка и сѣрый бумажный колпакъ. Онъ посмотрѣлъ за строемъ, гдѣ я стоялъ и разговаривать съ Зебеде, и Зебеде, обернувшись, увидѣлъ его и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Они съ минуту глядѣли другъ на друга. Я взялъ ружье, и старикъ обнялъ своего сына. Они молча долго стояли, обнявшись. Послѣ этого батальонъ пошелъ въ казармы справа рядами; Зебеде спросилъ у капитана Видали позволеніи идти съ отцомъ и отдалъ ружье первому попавшемуся солдату. Мы пошли вмѣстѣ въ улицу Капуциновъ. Отецъ говорилъ:

— Знаешь, бабушка уже такъ стара, что не встаетъ больше съ постели, а то бы и ова пришла къ тебѣ на встрѣчу.

Я проводилъ ихъ до дверей и сказалъ:

— Приходите къ намъ обѣдать, батюшка Зебеде, да и ты тоже.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ отецъ: — хорошо, Жозефъ, мы придемъ.

Они вошли къ себѣ, а я пошелъ предупредить г. Гульдена о моемъ приглашеніи, — что его очень обрадовало, потому что къ обѣду онъ ждалъ и безъ того Катерину и тетюшку Гредель. Я же былъ невыразимо счастливъ, думая, что у насъ будутъ: лучший другъ мой, моя невѣста и всѣ тѣ, кого я люблю.

Въ этотъ день большая комната перваго этажа представляла къ одиннадцати часамъ очень веселый видъ: полъ былъ чисто вымытъ, круглый столъ посрединѣ, накрытый отличной бѣлой скатертью съ красными полосками, и вокругъ него шесть массивныхъ серебряныхъ приборовъ, салфетки, сложенные въ видѣ лодокъ въ блестящихъ тарелкахъ, солонка, замечательныя бутылки, толстые граненыя стаканы, и на всемъ этомъ играло солнце, свозившее черезъ ящики съ лиліями, размѣщенные по окнамъ.

Г. Гульденъ хотѣлъ, чтобы все было устроено на широкую ногу и великолѣпно, какъ для принцевъ и посланниковъ; онъ вынулъ изъ сундука свое серебро, — что было совсѣмъ необыкновенно, — и за исключеніемъ супа, — который я готовилъ самъ, и въ который положилъ три фунта хорошей говядины, качая капуста, моркови и всего, что нужно, — за исключеніемъ супа, который, приготовленный дома, всегда найдетъ вкуснѣе, — все остальное должно было быть изъ города Метца, куда г. Гульденъ ходилъ самъ заказывать обѣдъ.

Къ двѣнадцати часамъ мы смотрѣли другъ на друга, улыбаясь

и потирая руки:—онъ въ своемъ превосходномъ фракѣ орѣховаго цвѣта, выбритый, въ большомъ нѣсколько порыхившемъ парикѣ, вмѣсто черной шелковой шапочки, въ каштановыхъ панталонахъ, аккуратно застегнутыхъ на толстыхъ шерстяныхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ большими пряжками; я же въ своемъ голубомъ модномъ фракѣ, въ хорошо сложенной на груди рубашкѣ и съ довольствомъ въ сердцѣ.

Недоставало только гостей: Катерины, тетушки Гредель, могильщика и Зебеде. Мы ходили взадъ и впередъ, улыбаясь и думая: «Все хорошо, все на мѣстѣ, теперь остается подать только миску.» И я отъ времени до времени заглядывалъ на улицу, чтобы посмотрѣть, нейдутъ ли гости.

Наконецъ, тетушка Гредель и Катерина поворотили изъ-за угла Фуке,—онъ шлѣ отъ обѣдни съ молитвенниками въ рукахъ;—а за ними подальше шлѣ старый могильщикъ въ платьѣ съ широкими рукавами, старой треугольной шляпѣ, надѣтой поперекъ, и Зебеде, надѣвннй чистую рубашку и выбривннй бороду. Они шлѣ со стороны вала, держась подѣ руку, съ серьезнымъ видомъ, какѣ люди, чувствующіе себя вполне счастливыми.

— Вотъ они, г. Гульденъ, сказала я.

Мы только-что успѣли налить супъ на подсушенный хлѣбъ и поставить миску на столъ, какѣ немедленно явились Катерина и тетушка Гредель. Можете себѣ представить ихъ удивленіе при видѣ такого великолѣпнаго стола. Мы только поздоровались, какѣ тетушка вскричала:

— Развѣ свадьба сегодня, г. Гульденъ?

— Да, мадамъ Гредель, улыбаясь, отвѣчалъ хозяинъ,— въ торжественные дни онъ говорилъ мадамъ Гредель, вмѣсто кумушка или просто матушка Гредель,—да, сегодня свадьба хорошихъ друзей. Знаете, Зебеде возвратился и съ старымъ могильщикомъ обѣдаютъ сегодня у насъ.

— А! сказала тетушка,—это пріятно.

Катерина же вся вспыхнула и потихоньку сказала мнѣ:

— Теперь все хорошо... Этого только и недоставало для полного счастья.

Она смотрѣла на меня, держа меня за руку. Мы услышали, что кто-то отворилъ дверь, и услышали, какѣ изъ сѣней намъ крикнулъ старикъ Лаврентій изъ *города Метца*, державннй двѣ большія корзины съ ручками, въ которыхъ были аккуратно уложены блюда одно на другое.

— Господинъ Гульденъ, я принесъ обѣдъ.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ г. Гульдентъ: — уставьте на столъ все сами.

Лаврентій поставилъ тогда редиску, фригасе изъ курицы, жирнаго жаренаго гуся направо, а на лѣво говядину, которую мы сами обсыпали петрушкой; отвѣ поставилъ еще вкусный соусъ изъ жапусты съ маленькими сосисками подлѣ миски, такъ что въ нашей комнатѣ еще никогда не подавалось такого хорошаго обѣда.

Вслѣдъ за этимъ, вошли въ сѣни старикъ могильщикъ и Зебеде; мы съ хозяиномъ бросились имъ на встрѣчу, и г. Гульдентъ, цѣлуя Зебеде, сказалъ ему:

— Какъ я радъ тебя видѣть! Да, я знаю, какимъ хорошимъ товарищемъ ты былъ Жозефу во время самыхъ ужасныхъ бѣдствій.

Потомъ онъ пожалъ руку старому могильщику, сказавъ ему:

— Вы, батюшка Зебеде, можете гордиться такимъ сыномъ.

Катерина подошла къ намъ и сказала:

— Поцѣловавъ васъ, я доставлю наибольшее удовольствіе Жозефу. Вы хотѣли нести его въ Ганау, но у васъ не достало силы... Я считаю васъ своимъ братомъ.

Зебеде совсѣмъ блѣдный, поцѣловалъ Катерину, ничего не отвѣчая, и мы молча вошли въ комнату, Катерина, Зебеде и я впереди, а сзади г. Гульдентъ и старый могильщикъ. Тетушка Гредель еще розстанавливала кушанья, и вскричала:

— Милости просимъ! милости просимъ! Люди, встрѣтившіеся въ несчастьи, встрѣтились и въ счастьи. Господь милостивъ ко всѣмъ.

Она поцѣловала Зебеде, который, улыбаясь, сказалъ ей:

— Вы все такъ же свѣжи и здоровы, мадамъ Гредель: — пріятно васъ видѣть!

— Ну, батюшка Зебеде, садитесь тутъ, во главѣ, весело кричалъ г. Гульдентъ; а ты, Зебеде, тутъ, чтобы мнѣ быть между вами обоими; тамъ Жозефъ противъ Катерины, а съ другого конца мадамъ Гредель, чтобы наблюдать за всѣмъ.

Всѣ были довольны своими мѣстами; Зебеде, улыбаясь, смотрѣлъ на меня, какъ-будто желая сказать: «Кабы намъ четверть такого обѣда въ Ганау,—мы не упали бы на дорогѣ!» Удовольствіе и здоровый аппетитъ виднѣлись на всѣхъ лицахъ. Старикъ Гульдентъ серьезно погрузилъ въ супъ большую серебряную разливательную ложку; сначала онъ налилъ старику могильщику, неговорившему ни слова и точно тронутому всѣмъ этимъ вниманіемъ; потомъ сыду, потомъ Катеринѣ, тетусѣ Гредель, мнѣ и себѣ. И обѣдъ начался съ какимъ-то чувствомъ благоговѣнія.

Зебеде подмигивалъ глазами и по временамъ смотрѣлъ на меня

съ выраженіемъ довольства. Раскупорили первую бутылку и налили стаканы. Сначала выпили простого, но хорошаго вина; но такъ какъ за этимъ предстояло пить лучшее вино, то и ждали его, чтобы выпить за здоровье другъ друга. Съѣли и по куску говядины, причемъ старшій могильщикъ говорилъ:

— Вотъ это такъ вкусно... славная говядина!

Фрикасе изъ курицы онъ нашелъ тоже очень вкуснымъ, и я тутъ увидѣлъ, какъ умна Катерина, потому что она сказала:

— Знаете, господинъ Зебеде, мы тоже хотѣли пригласить и вашу бабушку Маргариту, которую я иногда навѣщаю, но она стара, чтобы ходить по гостямъ; такъ какъ придти она не можетъ, то пусть она, если вы только позволите, хоть съѣсть съ нами кусочекъ чего нибудь и выпьетъ стаканъ вина за здоровье своего внука. Что вы на это скажете, господинъ Зебеде?

— Я только-что думалъ объ этомъ, отвѣчалъ старшій могильщикъ.

Старикъ Гульдены, со слезами на глазахъ, посмотрѣлъ на Катерину, когда она встала, чтобы выбрать кусочекъ получше; онъ поцѣловалъ ее, и я слышалъ, какъ онъ назвалъ ее своей дочерью.

Она вышла съ тарелкою и съ бутылкою въ рукахъ. Когда за ней затворилась дверь, Зебеде сказалъ мнѣ:

— Жозефъ, женщина, которая будетъ твоей женой, достойна всякаго уваженія; это не только честная дѣвушка, заслуживающая любви, — она заслуживаетъ и уваженія, потому что у нея есть умъ, исходящій изъ сердца. Она видѣла, что мы съ отцомъ думали при видѣ этого роскошнаго обѣда; она видѣла, что онъ въ тысячу разъ доставилъ бы намъ больше удовольствія, если бы его раздѣлили съ нами и бабушка, и вотъ за это я всегда буду любить ее, какъ сестру.

Онъ, вслѣдъ за этимъ, отвернулся и тихо сказалъ мнѣ:

— Въ счастіи, Жозефъ, сильнѣе чувствуется горе быть бѣднякомъ; бѣдняку недовольно отдать кровь свою за родину, но когда онъ возвращается домой, то находитъ себя еще нищимъ.

Я понялъ, что ему взгрустнулось, и налилъ ему вина; мы выпили и мрачныя мысли его разсѣялись. Катерина тоже возвратилась, говоря, что бабушка довольна, благодарить г. Гульдена, и что для нея сегодня счастливый день!... Это всѣхъ развеселило. Мы еще сидѣли за обѣдомъ, когда заблагоувѣстили въ вечернѣ, и тетунья Гредель ушла въ церковь; но Катерина осталась, и мы, нѣсколько воодушевленные хорошимъ виномъ, разговорились о послѣднемъ походѣ.

Тогда-то мы и узнали это страшное отступленіе отъ Рейна до

самаго Парижа, битвы нашего батальона въ Бибельскірхенѣ и въ Сорбрюкенѣ,—гдѣ лейтенантъ Бабенъ вылавъ перешелъ Сару во время страшныхъ морозовъ, чтобы уничтожить нѣсколько барокъ, бывшихъ еще въ рукахъ непріятеля;—отступление въ Нарбонфонтенъ, въ Курсель, въ Метцъ, въ Энцельвинъ, въ Шанплонъ, въ Верденъ; битву при Бріенѣ. Быть ужъ недостатковъ въ людяхъ, но 4 февраля батальонъ дополнили остатками 5-го легкаго полка, и съ этого времени каждый день бывали въ дѣлѣ: 5-го, 6-го, 7-го въ Мери на Сенѣ, 8-го въ Сезаннѣ, гдѣ солдаты умирали въ грязи, не имѣя силы выбраться изъ нея; 9-го и 10-го въ Мюрѣ, гдѣ Зебеде вечеромъ зарылся на фермѣ въ навозную кучу, чтобы согрѣться; 11-го была страшная битва при Марше, гдѣ командиръ Филиппъ былъ раненъ штыкомъ; 12 и 13-го переходъ въ Монмираль; 14-го битва при Башанѣ; 15-го и 16-го новый переходъ назадъ въ Монмираль, куда возвратились пруссаки; битвы при Ферте, Гаше, Жуаррѣ, Гюэ и Тренѣ, Неметтѣ и т. д. Когда побывали пруссаковъ, являлись русскіе, послѣ русскихъ австрійцы, баварцы, вюртембергцы, гессенцы, саксонцы, баденцы.

Я часто слышалъ рассказы объ этой компаніи, но никогда не слыхивалъ такъ, какъ говорилъ Зебеде. Во время разсказа худая фигура его дрожала, длинный носъ свѣшивался на четыре волоса его желтыхъ усовъ и глаза его мутились; онъ протягивалъ руку въ широмъ старомъ рукавѣ, и разсказы его точно оживлялись передъ глазами:—намъ живо представлялись большія долины Шампаніи, гдѣ дымились направо и налево деревни; женщины, дѣти, старики уходили топями, полунагіе, увозы—кто старый тюфякъ, кто немного старой мебели, сложенной на тележкахъ, въ то время какъ валилъ снѣгъ, вдали гремѣли пушки и казаки летали вихремъ съ привѣшенною на сѣдлѣхъ кухонной рухлядью или даже старыми стѣнными часами и кричали: ура!

Представлялись и эти страшныя битвы, одного противъ десяти, и крестьяне, въ отчаяннѣ бравшіеся за вилы и шедшіе съ ними, и, по вечерамъ, императоръ, сидѣвшій на открытомъ воздухѣ верхомъ на стулѣ, оперившись подбородкомъ на скрещенныя руки, закрывавшія набаддашиникъ, противъ небольшого огонька, окруженный своими генералами. Такъ онъ и спалъ, такъ и думалъ! А сколько мыслей, должно быть, прошло у него въ головѣ послѣ Маренго, Аустерлица и Ваграма!

Дратся, терпѣть отъ голода, холода, нищеты, маршевъ и вонтрашшевъ,—все это мучило, говорилъ Зебеде; но слышать, шептать и стонъ французскихъ женщинъ посреди этихъ развалинъ, знать, что

не можешь спасти ихъ, что чѣмъ больше убиваешь враговъ, тѣмъ больше ихъ приходится; что надо отступать, постоянно отступать, не смотря на побѣды, не смотря на храбрость, не смотря на все..... вотъ что разрываетъ сердце, господинъ Гульденъ!

Слушая его, мы смотрѣли другъ на друга; никому не хотѣлось больше пить, и старикъ Гульденъ, задумчиво склонивъ свою голову, тихо говорилъ:

— Да.... да.... вотъ чего стоитъ слава! Мало того, что пришлось потерять всѣ права, приобретенныя съ такимъ трудомъ, но еще приходится быть ограбленными, избитыми, сожженными, изрубленными шайками казаковъ и, кромѣ того, приходится испытывать неслыханную вещь: чучка иноземцевъ предписываетъ намъ законы!

— Продолжай.... мы слушаемъ тебя.... рассказывай все!

Катерина, видя нашу печаль, наполнила стаканы:

— За здоровье господина Гульдена! за здоровье старика Зебеде! говорила она:— всѣ эти несчастья миновались.... и не возвратятся болѣе.

И мы выпивали, а Зебеде рассказывали, какъ пришлось еще разъ дополнить батальонъ, по дорогѣ въ Суасонъ, солдатами изъ 16-го легкаго пѣхотнаго полка; какъ они пришли въ Мо, гдѣ въ госпиталѣ свирѣпствовала зараза, не смотря на зиму, потому что не было возможности ходить за такимъ множествомъ раненыхъ.

Это было ужасно! еще ужаснѣе былъ его рассказъ о прибытіи ихъ въ Парижъ, черезъ Шарантонскую заставу. Императрица, король Иосифъ, римскій король, министры, новые принцы, новые герцоги, вся эта знать въ коляскахъ бѣжала изъ Парижа къ Блуа, бросая въ руки непріятеля несчастную столицу; въ то время, какъ бѣдныя работницы въ блузахъ, ничѣмъ не пользовавшіеся отъ имперіи, и отдавшіе ей своихъ дѣтей, тысячами толпились около мѣрствъ, прося оружія для защиты чести Франціи, и ихъ штыками оттаивала старая гвардія!... Тутъ старикъ Гульденъ вдругъ вскричалъ:

— Довольно! довольно, Зебеде... Оставимъ это.... поговоримъ о чемънибудь другомъ!

Она вдругъ поблѣднѣла. Въ это время тетюшка пришла изъ церкви и, видя насъ всѣхъ печальными, а г. Гульдена разстроеннымъ, спросила:

— Что такое тутъ случилось?

— Мы говорили объ императорѣ и объ императорскихъ министрахъ, отвѣчалъ старикъ Гульденъ, какъ-то дико смѣясь.

— Теперь я не удивляюсь, что вижу ошечалило васъ. Всякой разъ, какъ я думаю о нихъ, и въ это время взгляну на себя въ

зеркало, я вижу, что становлюсь совѣмъ зеленою. Ахъ, негодня! Къ счастью ихъ нѣтъ больше.

Зебеде былъ не въ духѣ, и господинъ Гульдентъ, увидавъ это вскричалъ: ..

— Все равно, Франція все-таки великое и славное государство. Если новое дворянство не лучше стараго—народъ все-таки твердъ. Что ни дѣлай, буржуазія, работники и крестьяне держатся вмѣстѣ; у нихъ одинаковые интересы, они не выпустятъ того, что у нихъ въ рукахъ, и не позволяютъ наступить себѣ на ногу.— А теперь, друзья мои, пойдемте-ка прогуляться. Уже поздно, мадамъ Гредель и Катеринѣ не близко до «Четырехъ Вѣтровъ», Жозефъ проводитъ ихъ.

— Нѣтъ, сказала Катерина, сегодня Жозефъ долженъ остаться съ своимъ другомъ; мы вернемся однѣ.

— Пусть будетъ такъ, Катерина права, сказалъ господинъ Гульдентъ:—въ таковой день друзья должны быть вмѣстѣ.

Мы вышли подъ руку, когда началось смеркаться. На площади мы снова раздѣловались; тетушка и Катерина пошли въ деревню, а мы, погулявъ немного подъ липамъ, вошли въ пивную «Диваго челоуѣка». Намъ подали хорошаго, пѣнащагося пива. Господинъ Гульдентъ рассказывалъ объ осадѣ города и Пернетскаго завода, вылазкахъ въ Бигельбергъ, въ Бараки и бомбардированіе. Тутъ только я въ первый разъ услышалъ, что онъ командовалъ орудіемъ, и что ему первому пришло въ голову сломать чугуныя печи для картечи.

Эти исторіи продолжались до девяти часовъ. Наконецъ, Зебеде пошелъ въ казармы, старшій могильщикъ въ улицу Капуциновъ, а мы къ себѣ въ постели, гдѣ проспали до восьми часовъ слѣдующаго дня.

VII.

Черезъ два дня у тетушки Гредель въ «Четырехъ Вѣтрахъ» была наша свадьба съ Катериной. Господинъ Гульдентъ былъ моимъ посаженнымъ отцомъ, шаферомъ былъ Зебеде, а нѣсколько старыхъ товарищей, оставшихся въ батальонѣ, были гостями.

На слѣдующій день мы съ Катериной уже жили у господина Гульдена, въ двухъ маленькихъ комнаткахъ надъ мастерской.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Господинъ Гульдентъ, тетушка Гредель и товарищи мои уже лежатъ въ сырой могилѣ, Катерина вся посѣдѣла; и все-таки часто, глядя на нее, въ памяти моей воскресаютъ эти далекія времена; мнѣ кажется, что я вижу ее лѣтъ

двадцати, бѣлокурую, розовую, вижу, какъ она устанавливаетъ горшки съ цвѣтами наверху на окошкахъ, слышу, какъ она поетъ про себя, вижу напротивъ солнце, и мнѣ кажется, что мы еще оба спускаемся съ маленькой, нѣсколько крутой лѣстницы и, входя въ мастерскую, вмѣстѣ говоримъ: «Здравствуйте, господиъ Гульдены». А онъ оборачивается, улыбаясь, и отвѣчаетъ намъ: «Здравствуйте, дѣти, здравствуйте». Онъ цѣлуетъ Катерину, которая принимаетъ мести, вытирать мебель, готовить супъ, пока мы смотримъ, что намъ надо сдѣлать въ этотъ день. — Да! хорошее время!.. Хорошая жизнь! Какая радость... какое довольство молодостью и такою простой, доброй и трудолюбивой женой! Какъ все радуется у васъ въ душѣ!.. Какъ видишь передъ собою будущее, далекое, далекое будущее!... Не думаешь, что когда нибудь состаришься... что не будешь любить... что потеряешь тѣхъ, кого любишь... Думаешь, что всегда будешь силенъ... Всегда по воскресеньямъ будешь ходить гулять подъ руку въ Бонфонтенъ! Вѣчно будешь садиться въ лѣсу на мохъ, слушая какъ жужжать пчелы и жуки вокругъ большихъ освѣщенныхъ деревьевъ... Вѣчно будемъ улыбаться другъ другу!.. Какая жизнь, господи, каваля жизнь?

А потомъ вечеромъ тихонько доберешься до своего гнѣзда и молча всегда будешь глядѣть на золотыя полосы, разстилающіяся по небу отъ Вехемъ до Мительбронскаго лѣса, и пожимать руку, когда маленькій колоколь Пфальцбурга начинаетъ звонить къ вечерней молитвѣ, а всѣ колокола окрестныхъ деревень отвѣчаютъ, гудя по темнымъ уже полямъ... Да, молодость... жизнь!.. все еще живо передо мною, точно сегодня, а не пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, случилось. Уже другія ласточки и другія малиновки свиваютъ себѣ гнѣзда весною, другіе цвѣты покрываютъ большія яблони... Надо же было намъ такъ перемѣниться! Надо же было сдѣлаться такими стариками, какими другіе были въ наше время!—Ужь одно это заставляетъ меня вѣрить, что мы опять будемъ молоды и будемъ еще любить другъ друга; что увидимся съ старикомъ Гульденомъ, съ тетункой Гредель и со всѣми другими честными людьми. Иначе, слишкомъ ужасно было бы старѣться: Господь, вѣрно, не далъ бы намъ такого горя безнадежно. Катерина думаетъ такъ же, какъ и я.

Мы были совершенно счастливы, все видѣли въ розовомъ свѣтѣ и ничто не могло помутить нашего счастья.

Это было въ то время, когда черезъ нашъ городъ проходили союзныя войска; сотни тысячъ нѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, пѣшей и конной, съ дубовыми листьями на киверахъ, на каскахъ, на концахъ ружей и пикъ, возвращались домой. Они кричали отъ ра-

дости, такъ что крики ихъ слышались за милою, какъ слышатся крики зябликовъ, дроздовъ, дятловъ и другихъ птицъ во время поспѣванія жолудей. Въ другое время это огорчило бы меня, какъ знаешь нашего паденія; но тогда я утѣшалъ себя, думая: «Пусть уходятъ, да никогда не приходятъ назадъ!» Когда Зебеде рассказывалъ мнѣ, что русскіе, австрійскіе, баварскіе офицеры каждый день, проѣзжая черезъ городъ, заѣзжали въ гости къ коменданту, господину де-ла-Фезандери, старому эмигранту, осыпавшему ихъ почестями; что такой-то офицеръ батальона вызвалъ на дуэль когонибудь изъ этихъ иностранцевъ; что такой-то офицеръ, служившій на половинномъ жалованьи, убилъ на дуэли двухъ или трехъ въ *Рулстт*, или у *Зеленаго Дерева*, или у *Цаптинной Корзинки*, — такъ какъ ссорились всюду, потому что наши не могли видѣть неприятелей, всюду тотчасъ же сбрасывали куртки на траву, и госпитальныя носилки безпрестанно носились взадъ и впередъ, — когда Зебеде рассказывалъ мнѣ это, или о томъ, что столбикъ-то офицеровъ лишили половины жалованья, чтобы замѣнить ихъ офицерами изъ Кобленца, что поны теперь значать все, а на эпюлеты не обращается вниманія, — вмѣсто того, чтобы огорчаться, я говорилъ себѣ: «Ну, что за важность! все это устроится... Только бы сохранить спокойствіе, только бы можно было работать и жить въ мирѣ, — это самое главное!»

Мнѣ и въ голову не приходило, что для сохраненія мира недостаточно было удовлетворить только себя, а чтобы и другіе были довольны. Я походилъ на тетюшку Гредель, находившую со дня нашей свадьбы все превосходнымъ. Она часто приходила навѣщать насъ, съ корзинкой, наполненной свѣжими яйцами, фруктами, овощами и лепешками для нашего хозяйства, и восклицала:

— И! господинъ Гульдентъ, о здоровьѣ дѣтей нечего и спрашивать, — стоитъ только посмотрѣть на ихъ лица.

Она говорила тоже мнѣ:

— Ну, Жозефъ, не большая ли разница быть женатымъ, или тащиться съ ранцемъ и ружьемъ къ Лютцену?

— Да... да... матушка Гредель, вѣрю вамъ! отвѣчалъ я ей, отъ души смѣясь.

Тогда она садилась, складывала руки на колѣни и говорила:

— И все это происходитъ отъ мира... Миръ распространяетъ счастье на весь свѣтъ! Какъ подумаешь, что какаянибудь кучка голышей, негодяевъ смѣетъ еще кричать противъ короля!..

Сначала господинъ Гульдентъ, сидѣвшій за работой, ничего не отвѣчалъ; но если она не умолкала, онъ говорилъ:

— Успокойтесь, мадамъ Гредель, чертъ возьми! Вы знаете, что

теперь мнѣнія свободны: у насъ двѣ палаты и конституція, и у всякаго можетъ быть свое мнѣніе.

— А вѣдь это правда, говорила тетушка, искоса лукаво поглядывая на меня:—во времена того надо было молчать,—все же это доказываетъ разницу!

Господинъ Гульденъ не продолжалъ разговора, потому что онъ считалъ тетушку женщиной хорошей, но неимѣющей никакихъ убѣжденій. Когда она не слишкомъ кричала, онъ даже улыбался, и, такимъ образомъ, все кончалось безъ непріятности, какъ вдругъ случилась новость.

Сначала пришло изъ Нанси привязаніе заставлятъ купцовъ запираť, во время воскресной службы, выставки ихъ лавокъ; евреи и лютеране должны были запираť такъ же, какъ и другіе. Съ этого времени неслышно было крику ни въ харчевняхъ, ни въ кабакахъ; городъ казался точно мертвымъ во время обѣдни и вечерни; народъ ходилъ молча и всѣ глядѣли другъ на друга, точно боясь чего-то.

Въ воскресенье, когда въ первый разъ закрыли нашу выставку, мы обѣдали въ полумракѣ; старикъ Гульденъ казался опечаленнымъ и сказалъ:

— Я надѣялся, дѣти мои, что все кончено, что люди будутъ уважать здравый смыслъ и что спокойствіе водворится на много лѣтъ, но къ несчастью я вижу, что эти бурбоны въ родѣ какихъ-то Дагоберовъ.. Все это становится серьезнымъ!

Въ это воскресенье онъ ничего больше не говорилъ, и послѣ обѣда пошелъ читать газеты. Всѣ, умѣвшіе читать, ходили, пока крестьяне бывали за обѣдней, читать газеты, заперевъ свои лавки. Съ этихъ-то поръ торгующіе мѣщане и хозяева мастерскихъ усвоили привычку читать газеты, и потомъ они захотѣли завести даже казино.

Я помню, что всѣ говорили о Бенжаменѣ Констанѣ и всѣ надѣялись на него. Господинъ Гульденъ очень любилъ его, и такъ какъ онъ привыкъ выходить каждый вечеръ читать газеты у старика Колена, то и мы тоже знали, что творится на свѣтѣ. Онъ говорилъ намъ: «Герцогъ ангулемскій въ Бордо, графъ д'Артуа въ Майнцѣ, они общаются то-то, они говорили вотъ что.» Катерина интересовалась болѣе меня; она любила слушать новости о странѣ, и когда господинъ Гульденъ говорилъ что нибудь, я по глазамъ ея видѣлъ, что она держится его же мнѣнія. — Разъ вечеромъ онъ сказалъ намъ:

Герцогъ Беррійскій ѣдетъ къ намъ.

Мы очень увидались.

— Что онъ будетъ тутъ дѣлать, г. Гульденъ? спросила его Катерина.

— Онъ ѣдетъ дѣлать смотръ полку, улыбаясь, сказала онъ. — Мнѣ хочется увидать его, — въ газетахъ говорятъ, что онъ похожъ на Бонапарта, но только гораздо умнѣе его. Неудивительно, для законнаго принца было бы дурно, если бы онъ не былъ умнѣе крестьянскаго сына! Ты, Жозефъ, видѣлъ Наполеона и можешь судить объ этомъ.

Можете себѣ представить, какъ извѣстiе это взволновало нашъ городъ. Съ этого дня начали строить триумфальныя арки, шить бѣлыя знамена, всѣ окрестныя деревни должны были пріѣхать на телѣжкахъ, убранныхъ гирляндами. — Одну триумфальную арку устроили въ Пфальцбургѣ, а другую на Савернской горѣ. Это происходило въ концѣ сентября. Мы всякій вечеръ послѣ ужина ходили съ Катериной смотрѣть — много ли выстроено арки; она устраивалась на дорогѣ между гостиницей *Города Метца* и кондитерской Дюрра. Строилъ ее старыи плотникъ Ульрихъ съ своими сыновьями; она была въ родѣ большихъ воротъ, которыя покрыли гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ, а съ фасада развивались великолѣпныя бѣлыя знамена.

Во время постройки арки, Зебеде приходилъ къ намъ раза два три; принцъ долженъ былъ проѣхать черезъ Метцъ; въ полку получались письма, въ которыхъ его описывали такимъ строгимъ, какъ-будто онъ выигралъ пятьдесятъ сраженій. Зебеде всего болѣе злился на то, что принцъ называлъ нашихъ старыхъ офицеровъ случайными офицерами, выскочками.

Наконецъ, онъ пріѣхалъ 1-го октября въ шесть часовъ вечера; пушечныя выстрѣлы начались, когда онъ былъ еще на Гербергофской горѣ. Онъ остановился въ *Городѣ Метцѣ*, не проѣхавъ черезъ арку. Площадь была полна офицеровъ въ полной формѣ; изъ всѣхъ оконъ кричали: *Да здравствуетъ король! да здравствуетъ Герцогъ Беррійскій!* какъ кричали во время Наполеона: *Да здравствуетъ императоръ!*

Г. Гульденъ, Катерина и я не могли пробраться — такъ была полна площадь, — и видѣли только, какъ проѣзжали коляски и гусары. Около нашей квартиры шкетъ замыкалъ дорогу.

Въ этотъ же вечеръ герцогъ принималъ офицеровъ и удостоилъ принять обѣдъ отъ офицеровъ 6-го пѣхотнаго полка, но пригласилъ только полковника Цапфеля. Послѣ обѣда, продолжавшагося до десяти часовъ, знатъ города дала ему балъ въ коллегіи. Всѣ офицеры, всѣ сторонники бурбоновъ, въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ

чулкахъ, были тамъ съ герцогами; дочери знатныхъ фамилій, въ бѣлыхъ платьяхъ, тоже были тамъ. Я какъ теперь слышу, какъ среди ночи проѣхали лошади съ эскадрами и какъ раздавались тысячи криковъ: *Да здравствуетъ король!... да здравствуетъ герцогъ Беррійскій!*

Всѣ она были иллюминированы; передъ окнами коменданта былъ сдѣланъ щитъ небснаго цвѣта: на немъ горѣли вѣнокъ и три лиліи. Въ большой залѣ коллегіи гремѣла полковая музыка. Мадмуазель Бремеръ, у которой былъ очень хорошій голосъ, должна была пѣть герцогу арію: «Да здравствуетъ Генрихъ IV!» Но на слѣдующій день всему городу было извѣстно, что она такъ была поражена видомъ герцога, что не могла произнести ни слова, и всѣ говорили:

— Бѣдная мадмуазель Фелисите! бѣдная мадмуазель Фелисите!

Бѣлъ продолжался всю ночь. Г. Гульденъ и мы съ Катериной давно уже спали, когда, часамъ къ тремъ утра, насъ разбудили ѣхавшіе гусары и кривы: *Да здравствуетъ герцогъ Беррійскій!* Какое, однако, нужно здоровье принцамъ, чтобы ѣздить на всѣ эти обѣды и балы, устроаемые имъ, на пути. Должно быть, имъ это очень надоѣдаетъ, въ особенности когда ихъ называютъ: — ихъ высочествомъ, ихъ свѣтлостью, ихъ милостью, ихъ справедливостью, — однимъ словомъ, всѣмъ, что можно выдумать страннаго и новаго, чтобы увѣрить, что ихъ обожаютъ и считаютъ богами.

Я рассказалъ истинную правду, ничего не прибавивъ.

На слѣдующій день все это началось еще съ большимъ жаромъ. День былъ отличный; но такъ какъ герцогъ дурно спалъ, такъ какъ ему надоѣло смотрѣть на этихъ мѣщанъ, тщетно старавшихся подражать двору; такъ какъ онъ находилъ, можетъ быть, что ему мало оказываютъ почестей и недовольно кричатъ: *Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ герцогъ Беррійскій!* — потому что всѣ солдаты стояли молча, — то онъ былъ очень не въ духѣ.

Въ этотъ день я видѣлъ его отлично на смотру, бывшемъ на площади. Господинъ Гульденъ и мы съ Катериной были въ первомъ этажѣ у продавца желѣза Витмана; да и во время освященія знамени и молебна въ церкви мы тоже видѣли его, потому что сидѣли на четвертой стамейкѣ противъ хоръ. Хотя говорили, что онъ похожъ на Наполеона, но это была неправда; это былъ добродушный, толстый и коренастый мужчина, блѣдный отъ усталости и нинуть не живой. Виродженіе всей службы онъ, то и дѣло, что зѣвалъ, и качался съ боку на бокъ, какъ маятникъ. Я

говорою вамъ то, что видѣлъ самъ, и это показываетъ, какъ слѣпы люди: имъ вездѣ хочется найти скотство.

Я помню, что во время смотровъ императоръ являлся верхомъ и съ одного взгляда замѣчалъ—все ли въ порядкѣ; а герцогъ подходилъ къ шеренгамъ пѣшкомъ и даже раза два-три сдѣлалъ выговоры старымъ солдатамъ, осмотрѣвъ ихъ съ головы до ногъ. Это было очень нехорошо. Онъ, такимъ образомъ, посмотрѣлъ на Зебеде, и Зебеде никогда не простилъ ему.

Такъ дѣлался смотръ. Но замѣчательнѣе всего была раздача крестовъ и лилій. Когда я скажу вамъ, что всѣ мѣры, всѣ помощники ихъ, всѣ совѣтники Верхнихъ Баракковъ и Баракковъ Буа де-Шена, и Гольдерлоха, и Гиршланда получили лиліи, потому что явились во главѣ своихъ доревенъ, съ бѣлыми знаменами, и что Пинакль, за то, что пріѣхалъ прежде другихъ съ музыкой чеха Вальдтейфеля, игравшей: *Да здравствуетъ Генрихъ IV*, и съ пятью или шестью бѣлыми знаменами, которыя были больше, чѣмъ у другихъ,—получилъ крестъ — когда я скажу вамъ это, вы поймете, что думали благоразумные люди: это былъ просто скандалъ.

Послѣ полудня, около четырехъ часовъ, герцогъ уѣхалъ въ Страсбургъ, въ сопровожденіи всѣхъ мѣстныхъ роялистовъ, верхами,—кто на хорошихъ лошадяхъ, а кто, подобно Пинаклю, на старыхъ влячахъ. Обѣдъ ему приготовили на Савернской горѣ.

Всѣ пфальцбургцы помнятъ случившееся тогда происшествіе. Когда герцогъ сидѣлъ уже въ колясѣ и тихонько ѣхалъ, офицеръ-эмигрантъ съ непокрытой головой, въ мундирѣ, побѣжалъ за нимъ, крича такимъ жалобнымъ голосомъ, что его слышно было на площади:

— Хлѣба!.. герцогъ... хлѣба для дѣтей моихъ!

Это заставило покраснѣть людей, со стыда обратившихся въ бѣгство.

Мы молча воротились домой; г. Гульдены о чемъ-то думалъ, когда пришла тетушка Гредель.

— Ну, матушка, вы должны быть довольны.

— Почему?

— Пинаклю дали орденъ.

Она вся позеленѣла и сѣла, сказавъ черезъ минуту:

— Видана ли такая гадость! Если бы герцогъ зналъ, что такое Пинакль, господинъ Гульдены,—онъ скорѣе повѣсилъ бы его, вмѣсто того, чтобы дать крестъ.

— Въ томъ-то и бѣда, отвѣчалъ г. Гульдены, — что эти люди

дѣлають много подобныхъ вещей, сами того не зная; а когда узнають—будеть, можетъ быть, уже слишкомъ поздно.

VIII.

Такимъ образомъ, герцогъ Беррійскій посѣтилъ восточный департаментъ; слухъ о его каждомъ ничтожнѣйшемъ словѣ далеко разносился; одни восхваляли его безконечныя милости, другіе молчали.

Съ этихъ поръ не разъ приходило мнѣ въ голову, что всѣ эти эмигранты, всѣ эти отставленные на половинное жалованье офицеры, всѣ эти проповѣдники съ своими процессіями и покаяніями кончатъ тѣмъ, что все перевернуть; и черезъ нѣсколько времени, въ началѣ зимы, мы узнали, что это дѣлалось не только у насъ, но по всюду; вездѣ шли дѣла плохо, и ропотъ народа становился сильнѣе.

Разъ утромъ мы съ хозяиномъ работали; между одиннадцатью и двѣнадцатью часами, каждый изъ насъ, думая о чемъ нибудь, дѣлалъ свое дѣло,—Катерина накрывала на столъ, а я вышелъ въ сѣни вымыть руки, что дѣлалъ всегда передъ обѣдомъ. Внизу лѣстницы какая-то старуха вытирала о половникъ ноги; она обтряхивала свои юбки, покрытыя грязью, и въ рукахъ держала палку съ четками, висѣвшими ниже локтя. Посмотрѣвъ сверху съ лѣстницы, я тотчасъ же узналъ по маленькимъ, прищуреннымъ глазкамъ и по рту, окруженному безконечными морщинами, что поднимается Анна Марія, богомолка изъ Сень-Витта.

Эта старуха часто приносила намъ чинить часы для благочестивыхъ людей, довѣрившихъ ей; г. Гульденъ любилъ, когда она приходила.

— А! восклицалъ онъ, вотъ и Анна Марія; табачку не угодно ли? А какъ здоровье такого-то священника? а какъ поживаетъ такой-то викарій? Все такъ же свѣжъ? А г. Яковъ отъ туда-то? А старикъ понамаръ Никлаусъ? онъ еще до сихъ поръ звонить въ Доннѣ, Гиршландѣ, въ Сень-Жанѣ? Ужъ онъ сильно старѣется!

— Ахъ! г. Гульденъ, благодарю васъ за г. Якова; знаете, вѣдь на прошлой недѣлѣ онъ лишился мадмуазель Христины.

— Какъ!.. какъ!.. мадмуазель Христины!..

— Боже мой, да.

— Какое несчастье!... Впрочемъ надо помнить, что всѣ мы смертны.

— Да, г. Гульдены; что же касается благодати принять святое утѣшеніе церкви...

— Конечно... конечно... это всего важнѣе!

Они разговаривали такимъ образомъ и старіеъ Гульдены внутренно хохотали. Онъ зналъ все, что дѣлалось по церквамъ миль за шесть вокругъ города. Отъ времени до времени, онъ лукаво поглядывалъ на меня. Съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ у него, это случалось разъ сто, но понятно, что въ то время г. Гульдены еще болѣе интересовало все, что дѣлается въ странѣ.

— А! это вы, Анна Марія, сказалъ онъ, вставая:— давненько не видали мы васъ.

— Три мѣсяца, г. Гульдены, цѣлыхъ три мѣсяца; я ходила на богомолье въ Сенъ-Виттъ, въ Сентъ-Одиль, въ Маріенталь, въ Глазахъ; я надавала обѣщаній всѣмъ святымъ Эльзаса, Лотарринги и Вогезовъ. Ну, теперь почти всѣ исполнила,—остается только сходить въ Сенъ-Квиринъ.

— А, тѣмъ лучше! значитъ, дѣла ваши идутъ хорошо; это мнѣ пріятно.—Садитесь, Анна Марія, отдохните.

Я по глазамъ его видѣлъ, какъ ему хочется развязать старухѣ языкъ. Но, кажется, у Анны Маріи были дѣла въ другихъ мѣстахъ.

— Ахъ, г. Гульдены, сказала она:— сегодня мнѣ невозможно, другіе ужъ ушли впередъ: старуха Эвигъ, Каспаръ Розенбранцъ и Яковъ Гейлихъ. Надо еще сходить сегодня вечеромъ въ Сенъ-Квиринъ; я зашла къ вамъ только для того, чтобы сказать вамъ, что дозенгеймскіе часы остановились, и васъ ждутъ ихъ поправить.

— Ну-ну, останьтесь же немного.

— Нѣтъ, не могу; очень жаль, г. Гульдены, но надо кончить свое дѣло.

Она ужъ взяла свой узелокъ, и г. Гульдены казался недовольнымъ, когда Катерина поставила на столъ большое блюдо съ капустой и сказала:

— Что! вы хотите уходить, Анна Марія? Да что вы, полноте!.. Вотъ ваша тарелка.

При этихъ словахъ, она обернулась и увидела большую дымящуюся миску и блюдо съ капустой, распространявшее отличный запахъ.

— Я тороплюсь, сказала она.

— Полноте, у васъ ноги здоровыя, отвѣчала Катерина, подмигивая г. Гульдены.

— Да, благодаря Бога, ноги у меня еще здоровыя.

— Ну, такъ садитесь, подкрѣпитесь немного, — тяжело ходить такъ много.

— Да, мадамъ Берта, трудно; не даромъ достаются тридцать су, которыя за это даютъ.

И поставилъ стулья.

— Садитесь, Анна Марія, и давайте вашу палку.

— Видно, послушать васъ, сказала она: — но долго остаться нельзя; я только перехвачу и потомъ отправлюсь.

— Да-да, хорошо; — васъ не будутъ задерживать, сказалъ г. Гульденыъ.

Всѣ усѣлись по мѣстамъ; г. Гульденыъ сталъ разливать, Катерина; улыбаясь, смотрѣла на меня, а я думалъ:

— А вѣдь женщины-то похитрѣ насъ!

Я былъ очень доволенъ. — Чего больше желать человѣку, когда у него жена — умная женщина? Это настоящій кладъ, и я часто видѣлъ, что мужчины бываютъ счастливы подъ руководствомъ такихъ женщинъ.

Легко понять, что, усѣвшись за столъ подлѣ теплой печки, — вѣсто того, чтобы быть на улицѣ, шлепать по грязи и ежиться отъ ноябрьскаго вѣтра, — легко понять, что Анна Марія и не думала больше о пути. Женщина она была хорошая, и, не смотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, поддерживала двухъ дѣтей своего сына, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Таскаться въ такіе годы по вѣтру, по дождю и по снѣгу, спать въ амбарахъ и сѣнникахъ на соложѣ, ѣсть большую часть времени только одинъ картофель, и то не до сыта, — все это не можетъ заставить не обращать вниманія на хорошую тарелку горячаго супа, кусокъ копченаго свиного жиру съ вкусной капустой и на нѣсколько ставановъ вина, согрѣвающего душу! Нѣтъ, надо смотрѣть на вещи прямо; жизнь этихъ бѣдниковъ очень печальна, всякому и для себя-то довольно было бы потаскаться такъ.

Однимъ словомъ, Анна Марія хорошо понимала разницу сидѣть за столомъ или плестись по дорогѣ; она сѣла съ аппетитомъ и съ истиннымъ удовольствіемъ рассказывала намъ о всемъ, что узнала въ послѣднее свое путешествіе.

— Да, теперь все идетъ хорошо, говорила она: — всѣ эти процессіи и покаянія, что вы видѣли, — ничтожны; надо, чтобы съ каждымъ днемъ онѣ становились лучше. Знаете, что къ намъ прійдутъ миссіонеры, какъ во времена дивихъ, чтобы обращать насъ, и прійдутъ они отъ г. де-Форбинъ-Жансона и отъ г. де-Розана, потому что вѣкъ нашъ уже слишкомъ испорченъ. Вездѣ опять бу-

дуть строить монастыри и по дорогамъ поставятъ заставы, какъ было передъ двадцати-пяти-лѣтнимъ мятежомъ! И когда богомольцы будутъ приходить къ монастырскимъ воротамъ, имъ надо будетъ только позвонить—и имъ отворять; и послушникъ принесетъ чашку скоромнаго супа,—въ обыкновенные дни съ кусками говядины, а по пятницамъ, субботахъ и во время поста, чашку постнаго супа съ рыбой.—Такимъ образомъ, благочестіе будетъ усиливаться и всѣ захотятъ сдѣлаться богомольцами. Но монахини Бишофогейма говорили, что старыя родовыя богомольцы, какъ мы, только одни будутъ имѣть право ходить на богомолье, потому что всякій долженъ держаться своего ремесла: крестьяне должны быть привязаны къ землѣ, а господа получать обратно свои замки и будутъ управлять. Я это слышала сама, своими собственными ушами отъ монахинь, которымъ возвратятъ ихъ приданое, потому что онѣ вернулись изъ изгнанія и имъ нужно приданое для постройки капеллы; это совершенно правильно. Ахъ, Господи! кабы это поскорѣе сдѣлалось, чтобы мнѣ еще воспользоваться на старости лѣтъ. Ужъ довольно я поголодала, да и внучки мои тоже. Я буду водить ихъ съ собой, выучу ихъ молитвамъ и буду счастлива, что оставлю имъ хорошее ремесло.

Слушая рассказы эти, лишеныя всякаго здраваго смысла, мы были всѣ тронуты, потому что старуха плакала отъ счастья, предвидя, что внучки ея будутъ нищенствовать передъ монастырями и послушникъ будетъ приносить имъ супъ.

— И знаете еще что, говорила она: — вѣдь г. де-Розанъ и его благословіе отецъ Таринъ хотятъ, чтобы опять отстроили замки и чтобы дворянамъ возвратили лѣса, поля и луга, и прежде всего, чтобы отдали озера, потому что пруды и озера принадлежать духовенству, которому некогда пахать, сѣять и жать: надо чтобы все доставалось легче.

— Скажите, пожалуйста, Анна Марія:—вѣрно ли то, что вы рассказываете? спрашивалъ старикъ Гульденъ.—Я едва вѣрю, что намъ достанется такое счастье.

— Совершенно вѣрно, г. Гульденъ, говорила она:—графъ д'Артуа хочетъ попасть въ царствіе небесное; а чтобы добиться царствія небеснаго, надо привести все въ порядокъ. Въ Маріентатѣ, еще на прошлой недѣлѣ, господинъ викарій Антоній говорилъ все это. Эти вещи предписываются свинье. Надо только побольше терпѣнія, надо, чтобы сердца людей привыкли къ проповѣдямъ и къ покаянію. А тѣхъ, кто не захочетъ привыкать, какъ, напримѣръ, еврей и лютеране,—ихъ заставлять. А якобинцевъ...

Заговоривъ о якобинцахъ, Анна Марія вдругъ взглянула на г. Гульдена и покрасѣла до ушей; но оправилась, увидавъ, что онъ улыбался.

— Между якобинцами, сказала она тогда, есть люди все-таки очень добрые; но что же дѣлать, бѣднымъ жить надо... Якобинцы, взяли имущество бѣдныхъ,—это не совсѣмъ-то хорошо.

— Но гдѣ же и когда же они взяли имущество бѣдныхъ, Анна Марія?

— Слушайте, господинъ Гульденъ:—имущество бѣдныхъ было у монаховъ и у капуциновъ, а якобинцы раздѣлили все между собою.

— А, понимаю-понимаю, сказалъ старикъ Гульденъ:—у монаховъ и капуциновъ было ваше имущество, Анна Марія? Мнѣ бы этого никакъ не угадать.

Г. Гульденъ все продолжалъ улыбаться, а Анна Марія сказала:

— Я увѣрена была, что мы наконецъ стоворимся.

— Да-да, мы понимаемъ другъ друга, добродушно замѣтилъ онъ.

Я слушалъ, ничего не говоря, нетерпѣливо желая узнать, что можетъ случиться съ нами. Легко было понять, что Анна Марія разсказывала намъ то, что слышала во время своего послѣдняго путешествія.

Она, кромѣ того, говорила, что возвратятся и чудеса, что святой Квиринъ, святая Одиля не хотѣли творить чудесъ при узурпаторѣ, но что теперь уже чудеса возобновились и что святой Иоаннъ чорный въ Корцеротѣ точитъ слезы, видя возвращеніе изъ изгнанія стараго настоятеля.

— Да-да, понятно, говорилъ г. Гульденъ:— и неудивительно послѣ покойній и процессій, что святые творять чудеса; это совершенно естественно, Анна Марія,—совершенно естественно.

— Конечно, господинъ Гульденъ, а при видѣ чудесъ, возвратятся и вѣра.

Ясно,—ясно.

Обѣдъ тутъ кончился; Анна Марія, видя, что ничего не даютъ больше, вспомнила, что замѣшкалась, и вскричала:

— Господи! бѣтъ часть, другіе должны быть теперь ужъ около Эршевиллера. Теперь пора мнѣ съ вами проститься.

Она встала и съ озабоченнымъ видомъ взялась за палку.

— Ну, счастливаго пути, Анна Марія, сказалъ ей г. Гульденъ:— и не заставляйте такъ долго ждать себя.

— Ахъ, господинъ Гульденъ, будь моя воля, такъ я обѣдала бы у васъ каждый день.

Она засмѣялась и прибавила, взявъ свой узелокъ:

— Ну, до свиданья; и за вашу ласку я помолюсь праведному, святому Квирину—даровать вамъ толстаго мальчугана, свѣжаго и розоваго, какъ наливное яблочко. Больше нечего дѣлать такой бѣднѣ, какъ я.

Услыжавъ такія добрыя слова, я подумалъ: а добрая душа у этой старухи, Анны Маріи. Я болѣе всего въ мірѣ желаю того, что она сейчасъ сказала. Дай Богъ, чтобы молитва ея была услышана!»

Это доброе желаніе растрогало меня. Она спускалась съ лѣстницы, и когда дверь за ней затворилась, Катерина раскохоталась, говоря:

— Ну, на этотъ разъ она выложила всѣ свои новости.

— Да, дѣти мои, отвѣчалъ г. Гульдены, казавшійся огорченными:— вотъ это можно назвать невѣжествомъ людскимъ. Можно подумать, что эта бѣднѣжка все это выдумываетъ; къ несчастью, она набираетъ справа и слѣва,—это слово въ слово то, что думаютъ эмигранты, что каждый день повторяютъ ихъ газеты, что проповѣдники открыто говорятъ въ церквяхъ. Людовикъ XVIII мѣшаетъ имъ, у него еще хватаетъ здраваго смысла для нихъ, ихъ настоящій король—его свѣтлость графъ д'Артуа, который спасается; а для спасенія души его свѣтлости, надо возстановить все, какъ оно было до двадцати-пяти-лѣтняго возмущенія; надо, чтобы народное имущество было вращено его старымъ владѣльцамъ; надо, чтобы дворянство приобрѣло свои права и привилегіи, какъ въ 1788, и чтобы занимало всѣ должности въ арміи; надо, чтобы католическая, аристотическая и римская религія была единственною въ государствѣ; надо, чтобы еретики были изгнаны изъ всѣхъ мѣстъ и чтобы священники только одни образовывали дѣтей народа; надо, чтобы эта великая и страшная нація, распространявшая въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ свои идеи о свободѣ, равенствѣ, братствѣ по всему свѣту, распространявшая здравымъ смысломъ и побѣдами,—нація, которую никогда не побѣдили бы, если бы императоръ не заключилъ въ Тилзитѣ союза съ королями,—она, приобрѣтшая въ нѣсколько лѣтъ столько великихъ полководцевъ, ораторовъ, ученыхъ и всевозможныхъ реніевъ, сколько эти благородные народы не приобрѣли ихъ въ двѣ тысячи лѣтъ, надо, чтобы она уступила все, принялась бы опять рыть землю, въ то время, какъ другіе, въ тысячу разъ меньшіе количествомъ, дѣльными поволѣніями будутъ наслаждаться и любезничать на ея счетъ! Безъ сомнѣнія, что она отдастъ поля, луга, пруды, какъ говоритъ Анна Марія, и что снова выстроитъ замки, монастыри; безъ этого не обойдется; чтобы доставить удовольствіе господину графу д'Артуа и помочь ему спасти душу, она это обязана сдѣлать... Таковой великій принципъ!

Послѣ этого г. Гульденъ сложилъ руки и, поднявъ глаза къверху, продолжалъ:

— Господи... Господи!... ты, творящій чудеса, неужели не прольешь ни единого луча здраваго смысла въ головы его свѣтлости и друзей его!—А тотъ-то тамъ, на своемъ островѣ, съ своими зорвыми глазами, точно ястребъ, притворившійся спящимъ, глядитъ на гусей, ныряющихъ въ болотѣ... Господи! вспомни, что онъ ударитъ разъ пять, шесть крыльями и будетъ ужъ на гусакъ,—гуси-то улетать, а у насъ на шеѣ останется еще разъ вся Европа!

Онъ говорилъ все это торжественно, и я смотрѣлъ на Катерину, не зная, смѣяться или плакать. Вдругъ онъ сѣлъ, сказавъ:

— Все это совсѣмъ невесело, Жозефъ, но намъ тутъ дѣлать нечего. Пора садиться за работу. Посмотри, что сдѣлалось съ часами господина Якова.

Катерина стала убирать со стола, и всѣ принялись за свое дѣло.

IX.

Пришла зима, дождливая, снѣжная и съ вѣтромъ. Въ то время не было еще сточныхъ трубъ, дождь лилъ съ черепицъ и вѣтеръ уносилъ его на середину улицы. Капанье это слышалось цѣлый день, въ то время, какъ у насъ трещала печка, какъ Катерина вертѣлась около насъ, подкладывала огонь, приподнимала крышки у горшковъ и иногда садилась за свою прялку и тихонько пѣла. Мы съ старикомъ Гульденомъ такъ привыкли къ такой жизни, что работа дѣлалась какъ-то незамѣтною. Намъ не о чемъ было заботиться: столъ накрывался и обѣдъ подавался ровно въ ту минуту, когда часы били двѣнадцать. Это была жизнь семейная.

Вечеромъ г. Гульденъ, закутавшись въ свою старую шинель и нахлобучивъ свою большую лисью шапку, уходилъ послѣ ужина въ кафе Гофмана—читать газету. Не смотря на такое кутанье, вечеромъ, послѣ десяти часовъ, мы, лежа въ постели, часто слышали, какъ онъ возвращался, кашляя.—Вѣроятно, онъ промочилъ ноги, Катерина говорила мнѣ:

— Вонъ какъ онъ теперь кашляетъ; онъ считаетъ себя все еще двадцати-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ.

А по утрамъ она, не стѣсняясь, выговаривала ему:

— Господинъ Гульденъ, говорила она, вы совсѣмъ не благодарны: у васъ такой кашель, а вы выходите по вечерамъ.

— Что же дѣлать, дитя мое, теперь я такъ привыкъ читать га-

зету, что не могу жить безъ этого; хочется знать, что говоритъ Бенжамень Констанъ и другіе; это сдѣлалось потребностью жизни, и часто я думаю: «Имъ бы слѣдовало еще говорить о томъ-то... Если бы Мельхиоръ Гульдены былъ тамъ, онъ потребовалъ бы разбора такого-то предмета, и это не осталось бы безъ нѣкотораго эффекта.»

Затѣмъ онъ смѣялся, покачивая головою, и говорилъ:

— Всякій думаетъ, что у него больше ума и здраваго смысла, чѣмъ у другихъ, но Бенжамень Констанъ все-таки радуется меня.

Мы не знали, что отвѣчать, потому что любовь его къ газетамъ была слишкомъ сильна. Разъ Катерина сказала ему:

— Господинъ Гульденъ, если вамъ теперь хочется знать новости,—изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы лишали себя здоровья. Вамъ надо сдѣлать, какъ сдѣлалъ старый столяръ Карабень: онъ на прошлой недѣлѣ сговорился съ Гофманомъ, и тотъ присылаетъ ему газету послѣ семи часовъ, когда другіе уже прочитали ее,—за три франка въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, не беспокоя себя, Карабень знаетъ все, что дѣлается на свѣтѣ, да и жена его, старуха Бевель тоже; они, сидя у печки, разсуждаютъ и спорятъ о томъ, что прочитали; это и вамъ слѣдовало бы сдѣлать.

— Да, Катерина, знаешь, это отличная мысль! сказала г. Гульденъ. Да... но вѣдь три франка!...

— Три франка ничего не значать, сказалъ я тогда: — главное, надо не захворать; вы кашляете каждый вечеръ, какъ несчастный какойнибудь, а такъ жить нельзя.

Слова эти не только не разсердили его, но доставили ему удовольствіе, потому что онъ видѣлъ, что мы говоримъ съ нимъ, любя его и что ему слѣдовало вѣрить намъ:

— Ну, сказалъ онъ, надо постараться устроить это такъ, какъ вы желаете, тѣмъ болѣе, что куча офицеровъ на половинномъ окладѣ наполняютъ кафе съ утра до ночи, и они передаютъ газету другъ другу, такъ что иногда приходится ждать часа два, чтобы захватить какуюнибудь.—Да, Катерина права.

И онъ пошелъ поговорить съ Гофманомъ въ тотъ же день, такъ что Мишель, одинъ изъ мальчиковъ кафе, приносилъ намъ газету каждый вечеръ послѣ семи часовъ,—въ то время, какъ мы вставали изъ-за ужина. Всякій разъ, какъ онъ поднимался на лѣстницу, мы отъ души радовались и говорили:

— Вотъ и газета!

Мы вставали, Катерина поспѣшно убирала со стола и приводила все въ порядокъ; я подкладывалъ въ печь дровъ, г. Гульденъ вынималъ изъ футляра свои очки, и въ то время, какъ Катерина

пряла, а я, какъ старыи солдатъ, курилъ трубку, глядя, какъ играетъ пламя въ печѣ, онъ читалъ намъ новости изъ Парижа.— Нельзя себѣ представить, какъ мы были счастливы и довольны, слыша, что говорилъ Бенжамень Констанъ и двое или трое другихъ, что они поддерживали то, что мы думали. Иногда г. Гульденъ останавливался, чтобы протерѣть очки, и Катерина тотчасъ же восклицала:

— Какъ эти люди говорятъ хорошо! Вотъ такихъ людей можно назвать людьми съ здравымъ смысломъ... Да, все, что они поддерживаютъ,—правильно и совершенно справедливо.

Мы всё съ этимъ соглашались; только старикъ Гульденъ думалъ, что слѣдовало бы поговорить еще и о томъ и объ этомъ, а что все остальное было хорошо. Онъ продолжалъ чтеніе обыкновенно до десяти часовъ и потомъ всё расходился спать, обдумывая слышанное.

На дворѣ свистѣлъ вѣтеръ, какъ свиститъ обыкновенно въ Пфальцбургѣ; флюгера съ свистомъ вертѣлись на крышахъ, дождь хлесталъ въ стѣны, а мы, сидя въ теплѣ, слушали и благословляли Бога, пока сонъ не заставлялъ насъ забыть о всемъ. — Какъ хорошо спится и какъ счастливъ человѣкъ, когда въ душѣ у него миръ, когда онъ силенъ, здоровъ, любимъ и уважаемъ тѣми, кого онъ самъ любит! Чего больше желать на свѣтѣ?—Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы; мы, въ нѣкоторомъ родѣ, становились политиками, и когда министрамъ надо было говорить, мы заранѣе думали:

— Они хотятъ обмануть насъ... надо бы ихъ всёхъ выгнать.

Въ особенности Катерина не терпѣла этихъ людей, и когда те-тушка по прежнему приходила поболтать съ нами о нашемъ добромъ королѣ Людовикѣ XVIII, мы изъ уваженія слушали ее, сожалѣя, что она судить вкривъ и вкосъ.

Надо сознаться также, что эти эмигранты, эти министры, эти принцы относились къ намъ самымъ дерзкимъ образомъ. Если бы графъ д'Артуа и сыновья его пошли во главѣ ванзейцевъ и бретанцевъ на Парижъ, одержали бы побѣду, — они имѣли бы право говорить намъ: «мы ваши побѣдители и даемъ законы.» Но вѣдь они были изгнаны, потомъ приведеніи къ намъ пруссаками и русскими, и послѣ всего этого, они еще унижаютъ насъ... да развѣ это не позорно! Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ сильнѣе укрѣпляюсь въ этой мысли, что это позорно.

Зебеде тоже, случалось, заходилъ навѣщать насъ, и онъ зналъ все, что мы читали въ газетѣ. Онъ сообщилъ намъ первый, что молодые эмигранты изгнали Вандама отъ короля. Они выпрово-

дили этого стараго солдата, возвратившагося изъ русскаго плѣна и уважаемаго всей арміей, не смотря на его неудачу при Кульмѣ; они выпроводили его, сказавъ ему, что тутъ не его мѣсто. Вандамъ былъ полковникомъ полка въ Пфальцбургѣ, весь городъ зналъ его, и трудно себѣ представить негодованіе всѣхъ порядочныхъ людей при этой вѣсти.

Зебеде же, кромѣ того, разсказалъ намъ, что съ генералами, отставленными на половинное содержанье, правительство заводитъ процессы и перехватываетъ на почтѣ ихъ письма, чтобы уличить въ измѣнѣ.—Спустя нѣкоторое время, онъ тоже сказалъ намъ, что изъ школы Сенъ-Дени высылаютъ всѣхъ дочерей старыхъ офицеровъ, давъ имъ по двѣсти франковъ пенсіи; потомъ еще черезъ нѣсколько времени разсказалъ, что только эмигрантамъ дано право помѣщать своихъ сыновей въ школы Сенъ-Сира и Флешъ для полученія офицерскаго званія, а что народъ на вѣки вѣковъ остается солдатомъ съ пятью сантимами содержанія въ сутки!

Въ газетахъ говорилось то же самое, но Зебеде зналъ другія подробности; самые послѣдніе солдаты знали все. Не умѣю описать вамъ лица Зебеде, сидящаго за печкой, съ своей черной трубочкой въ зубахъ, когда онъ разсказывалъ намъ всѣ эти несчастія; длинный носъ его блѣднѣлъ, на углахъ его маленькихъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ дрожали всѣ мускулы, и отъ времени до времени, онъ какъ будто бы смѣяся, шепталъ:

— Дѣла подвигаются!.. подвигаются!..

— А что думаютъ солдаты о всемъ этомъ? спрашивалъ старикъ Гульденъ.

— Хе! они думаютъ, что все идетъ хорошо. Когда человѣкъ впродолженіи двадцати лѣтъ отдавалъ кровь свою за Францію, когда онъ сдѣлалъ десять, пятнадцать, двадцать компаній, получилъ три нашивки и множество ранъ, и вдругъ узнаетъ, что выгоняютъ его старыхъ командировъ, высылаютъ ихъ дочерей, и что сыновья другихъ вѣчно будутъ его офицерами,—это очень радуетъ его, господинъ Гульденъ, говорилъ онъ, а щоки его дрожали до ушей.

— Конечно-конечно, это печально, говорилъ г. Гульденъ, но вѣдь дисциплина всегда бываетъ, маршалы слушаютъ министровъ, офицеры маршаловъ, а солдаты офицеровъ.

— Ваша правда, отвѣчала Зебеде. — Но вотъ бьютъ сборъ.

Онъ пожималъ намъ руки и торопливо убѣгалъ въ казармы.

Вся зима прошла такимъ образомъ, негодованіе возрастало со дня на день. Городъ былъ полонъ отставленными на половинномъ окладѣ офицерами, несмѣнными больше оставаться въ Парижѣ

лейтенантами, капитанами, батальонными командирами, полковниками всѣхъ полковъ кавалеріи и пѣхоты; всѣ эти люди питались коркою хлѣба и рюмкою вина и, кромѣ того, принуждены были еще одѣваться въ мундиры. Представьте себѣ этихъ людей, съ впалыми щеками, съ гладко выстриженными волосами, съ помутвившимися глазами, длинными усами и въ старыхъ форменныхъ пальто, съ которыхъ пришлось перемѣнить пуговицы. Представьте себѣ ихъ по трое, по шести, по десяти, гуляющими по площади съ висѣвшей у пуговиць тростью, съ шпагой, въ большой треугольной шляпѣ, надѣтой поперегъ, всегда чисто вычищенныхъ, но тѣхъ оборванныхъ, такихъ жалкихъ, что вамъ тотчасъ же приходило въ голову, что они вѣчно жили впроголодь. А между тѣмъ, надо было сознаваться: «что вотъ побѣдители Геммара, Флёруса, Цюриха, Гогенлиндена, Маренго, Аустерлица, Фридланда, Ваграма... Что если мы можемъ гордиться именемъ французовъ, то ужь никакъ не эмигрантамъ считать себя виновниками этого, а этимъ несчастнымъ. А теперь ихъ бросили на погибель, и отказываютъ даже въ хлѣбѣ, чтобы замѣстить ихъ эмигрантами. Это просто гадко!» Немного надо было здраваго смысла, сердца и справедливости, чтобы увидѣть, что это противоестественно.

Я не могъ смотрѣть на этихъ несчастныхъ,—они переворачивали у меня все въ дуплѣ. Если человѣкъ служилъ, хотя бы всего шесть мѣсяцевъ,—уваженіе къ старымъ начальникамъ, которые первые шли въ огонь, останется навсегда. Я стыдился за свою родину, видя подобныя вещи.

Никогда я не забуду, какъ въ концѣ января 1815 года двое изъ этихъ отставленныхъ офицеровъ—одинъ высокій, худой, уже нѣсколько сѣдой, извѣстный подъ именемъ полковника Фальконета, служившій, кажется, въ пѣхотѣ; другой—маленькій, коренастый, по имени командиръ Маргаро, сохранившій еще гусарскіе бакенбарды,—пришли предложить намъ купить отличные часы. Было часовъ десять утра; я какъ теперь вижу, какъ они величественно вошли,—полковникъ съ поднятымъ вверхъ воротникомъ, а другой прижавъ голову къ плечамъ. Часы ихъ были золотые, съ двумя крышками, съ боемъ, съ секундной стрѣлкой и съ еженедѣльнымъ заводомъ; я никогда не видывалъ такого совершенства. Въ то время, какъ г. Гульдевъ разсматривалъ часы, я, повернувшись на стулѣ, смотрѣлъ на офицеровъ, которые, казалось, страшно нуждались. Въ особенности гусарь, съ своимъ смуглымъ, костлявымъ лицомъ, съ своими рыжими усами, маленькими карими глазами, широкими плечами и длинными руками, висѣвшими у него до колѣнъ, внушалъ мнѣ

большое почтеніе. Я думалъ: «когда этотъ держалъ въ рукахъ гусарскую саблю, она, вѣрно, далеко хватала; маленькіе глазки его, вѣрно, горѣли изъ подъ густыхъ бровей; онъ, вѣроятно, съ быстротой молніи и наносилъ, и отражалъ удары.» Я вообразилъ его себѣ во время залпа, спританнаго за голову лошади, съ саблей наголо и уваженіе мое увеличилось.

Я вдругъ вспомнилъ, что командиръ Маргаро и полковникъ Фальконетъ убили русскихъ и австрійскихъ офицеровъ на дуэли за *зеленымъ деревомъ*, и что четыре или пять мѣсяцевъ тому назадъ, при проходѣ союзныхъ войскъ, весь городъ говорилъ объ этомъ. Послѣ этого и высокій полковникъ съ стоячимъ воротникомъ, изъ подъ котораго не было видно бѣлья, показался мнѣ тоже очень почтеннымъ.

Я ждалъ, что скажетъ старикъ Гульдены о ихъ часахъ. Но онъ не поднималъ глазъ и смотрѣлъ на часы съ глубокимъ восхищеніемъ, а продавцы ждали, хотя съ спокойнымъ видомъ, но какъ люди, которымъ неприятно выказывать свою бѣдность.

Наконецъ г. Гульдены сказалъ:

— Это, господа, вещь превосходная, эти часы можно назвать княжескими.

— Конечно, отвѣчалъ гусарь; да я и получилъ ихъ отъ князя, послѣ Раббейской битвы.

Онъ взглянулъ на товарища, который не говорилъ ничего.

Г. Гульдены посмотрѣлъ на нихъ и увидѣлъ, въ какой они крайности; онъ, снявъ свою шапочку, тихо всталъ и сказалъ:

— Господа, не оскорбитесь тѣмъ, что я скажу вамъ; я, подобно вамъ, — старый солдатъ; я служилъ Франціи во время республики и думаю, что сердце разрывается отъ необходимости продавать такую вещь, которая напоминаетъ намъ о хорошемъ воступивъ въ нашей жизни и напоминаетъ дорогого намъ начальника.

Я никогда не слыхивалъ г. Гульдены, говорящаго съ такой задушевностью; при этомъ онъ печально склонилъ голову, потупилъ глаза, какъ-будто не желая видѣть горя тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ; Командиръ весь вслыхнулъ, глаза его точно помутились, большіе пальцы его передвигались; полковникъ стоялъ блѣдный, какъ мертвецъ: мнѣ хотѣлось убѣжать.

Г. Гульдены продолжалъ:

— Эти часы стоятъ болѣе тысячи франковъ; у меня нѣтъ такихъ денегъ, да и кромѣ того, я думаю, вамъ жалъ было бы разстаться съ такимъ воспоминаніемъ. Такъ вотъ что я предлагаю вамъ: если вамъ угодно, часы останутся у меня на моей выстав-

кѣ,—они будутъ все-таки ваши, а я дамъ вамъ двѣсти франковъ, которые вы возвратите мнѣ, когда придете за вашими часами.

Услыхавъ это, гусарь протянулъ свои большія, шершавыя руки, какъ-будто желая обнять г. Гульдена.

— Вы хорошій патриотъ! вскричалъ онъ:—Коленъ сказалъ мнѣ это... Да, милостивый государь, я никогда не забуду одолженія, которое вы мнѣ дѣлаете... Эти часы я получилъ отъ принца Евгенія за блестящее дѣло...Я дорожу ими, какъ своей собственной кровью... Но бѣдность...

— Командиръ! прервалъ его другой, поблѣднѣвъ еще болѣе.

Но гусарь не слушалъ его и вскричалъ, отстранивъ его рукой:

— Нѣтъ, полковникъ, оставьте меня... мы между своими... старшій солдатъ пойметъ насъ... Насъ оскорбляютъ... съ нами обращаются подобно казнамъ... Они слишкомъ подлы, чтобы разстрѣлать насъ!

Крики его раздавались по всему дому. Мы съ Катериной убѣжали въ кухню, чтобы не видѣть этого раздрающаго зрѣлища. Г. Гульденъ успокоилъ его; мы же слушали.

— Да, я все это знаю, господа, говорилъ онъ:—я понимаю ваше положеніе...

— Полноте... Маргаро... успокойтесь! говорилъ полковникъ.

Эти крики продолжались съ четверть часа. Наконецъ, мы услышали, какъ г. Гульденъ отсчиталъ деньги, и гусарь сказалъ ему:

— Благодарю васъ, милостивый государь, благодарю! Если когда нибудь придется, вспомните о командирѣ Маргаро.

Въ то же время отворилась дверь и они сошли съ лѣстницы, что насъ съ Катериной нѣсколько облегчило, потому что сердце у насъ было не на мѣстѣ. Мы вошли въ комнату. Почти въ то же время вошелъ и г. Гульденъ, провожавшій съ непокрытой головой этихъ офицеровъ. Онъ былъ разстроены.

— Эти несчастные правы, сказалъ онъ, надѣвая шапочку:—правительство ведетъ себя съ ними отвратительно; но за такія вещи, рано или поздно, придется отвѣтить.

Весь этотъ день мы были печальны. Г. Гульденъ все-таки объяснилъ мнѣ достоинства часовъ и сказалъ, что всегда бы хорошо имѣть такіе образцы передъ глазами; потому мы повѣсили ихъ въ нашу выставку.

Съ этого времени меня не покидала мысль, что все кончится дурно и что если даже эмигранты останутся, то и тогда уже будетъ поздно. Мнѣ все слышался голосъ командира, кричавшаго въ нашей комнатѣ, что съ арміей обращаются по-казацки! Воспо-

минаніе о процессіяхъ, мѣсячнѣяхъ, проповѣданъ на счетъ двадцати-пятилѣтняго мятежа, возвращеніе народнаго имущества, постройка монастырей и все остальное... все это казалось мнѣ такою страшною путаницей, изъ которой не выйдеть ничего хорошаго.!!

X.

Таковы были дѣла, какъ вдругъ въ началѣ марта распространился слухъ, что императоръ высадился въ Каннѣ. Откуда явился этотъ слухъ?—никто никогда не могъ сказать. Пфальцбургъ находится за двѣсти миль отъ моря: много долинъ и горъ отдѣляютъ его отъ юга. Я самъ помню странную вещь. 6-го марта, вставъ утромъ, я отворилъ окошко нашей маленькой комнаты, выходявшее на крышу, взглянулъ на противъ, на старыя черныя трубы булочника Смица, за которыми еще лежало немного снѣгу; холодъ былъ порядочный, но солнце уже грѣло, и я подумалъ: «Вотъ славное время для похода!» Я помнилъ, какъ мы бывали довольны въ Германіи, потушивъ на разсвѣтѣ огни, выйти въ такое время съ ружьемъ на плечѣ и слышать, какъ батальонъ скрипитъ сапогами по замерзшей землѣ. И не знаю отчего, вдругъ мнѣ пришла мысль объ императорѣ; онъ представился мнѣ въ сѣромъ сюртукѣ, сгорбившись, съ нахлобученной на голову шляпой, будто идетъ, и старая гвардія за нимъ. Катерина мела нашу маленькую комнату; а я точно видѣлъ сонъ въ это ясное и сухое время.

Въ это время по лѣстницѣ раздалися чьи-то шаги, и Катерина, остановившись, сказала:

— Это г. Гульдентъ.

Я тотчасъ же узналъ шаги г. Гульдена, что очень удивило меня, потому что онъ не приходилъ въ это время никогда. Онъ отворилъ дверь и тихо сказалъ намъ:

— Дѣти мои, 1-го марта императоръ высадился въ Каннѣ, подлѣ Тулона; онъ идетъ на Парижъ.

Онъ больше ничего не сказалъ и сѣлъ, чтобы вздохнуть. Мы въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга; только черезъ минуту Катерина спросила:

— Это напечатано въ газетахъ, господинъ Гульдентъ?

— Нѣтъ, сказалъ онъ тамъ еще ничего не знаютъ или скрываютъ отъ насъ. Но, ради Бога, никому объ этомъ ни слова; а то насъ возмутятъ! Сегодня утромъ Зебеде, отправляясь въ карауль,

зашелъ въ пять часовъ предупредить меня; онъ стучался внизу, вы вѣрно слышали его?

— Нѣтъ, господинъ Гульденъ, мы спали.

— Ну, такъ я отворилъ окно посмотрѣть, что это такое, и сошелъ отворить дверь. Зебеде разсказалъ мнѣ это, какъ вещь вполне достовѣрную; полкъ остается въ казармахъ до новаго приказа. Кажется, солдаты боятся,—ну, а иначе, какъ же остановить Бонапарта? Не послать же противъ него крестьянъ, у которыхъ хотятъ отнять ихъ имущество, ни мѣщанъ, которыхъ считаютъ якобинцами. Вотъ теперь прекрасный случай для эмигрантовъ вывезать себя. Но надо молчать.... и молчать!...

Онъ поднялъ руку, говоря это, и мы сошли въ мастерскую. Катерина разложила хорошій огонь и мы, какъ обыкновенно, всѣ принялись за работу.

Въ этотъ день все было спокойно, и на слѣдующій день тоже. Хотя нѣсколько сосѣдей, — старикъ Ребокъ и Афранъ, — заходили къ намъ какъ будто бы для того, чтобы вычистить часы.

— Нѣтъ ли чего новенькаго, сосѣдь? говорили они.

— Все идетъ спокойно, говорилъ г. Гульденъ. А вы не знаете ли чего?

— Нѣтъ.

А между тѣмъ, по глазамъ у нихъ было видно, что они знали эту новость. Зебеде оставался въ казармахъ. Офицеры, отставленные на половинномъ окладѣ, по цѣлымъ днямъ толпились въ кафе но никто не проговаривалъ ни слова: это было слишкомъ важно.

Только на третій день эти офицеры, горѣвшіе въ глубинѣ души, начали терять терпѣнье; они ходили взадъ и впередъ, и по лицу ихъ было видно ихъ страшное безпокойство. Будь въ рукахъ у нихъ лошади или даже оружіе, я увѣренъ, они предприняли бы что нибудь. Но вѣдь и жандармы, подъ предводительствомъ стараго Шанселя, тутъ же ходили, и каждый часъ жандармъ скакалъ съ эстафетой въ Сарбургъ.

Волненіе увеличивалось, работа не шла никому на умъ. Вскорѣ узналось черезъ проѣзжихъ купцовъ, остановившихся въ городѣ *Базель*, что на Верхнемъ Рейнѣ и на Юрѣ неспокойно; что около Безансона тянутся кавалерійскія и пѣхотныя войска; что на встрѣчу узурпатору направлено множество силъ и т. д. Одинъ изъ этихъ проѣзжихъ, говорившій громко, получилъ приказаніе немедленно выѣхать изъ города; бригадиръ осмотрѣлъ его бумаги, которыя, къ счастью, были въ порядкѣ.

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ и другія революціи, но такого безпо-

войства, какъ было въ особенности 8-го марта, между четырьмя и пятью часами вечера, когда пришелъ приказъ немедля выступить 1-му и 2-му батальону вооруженнымъ, какъ на войну, и идти къ Лонъ де-Сонье, — такого я никогда не видалъ. Только тогда поняли всю опасность, и вслѣдъ за темъ подумалъ: «Не герцога Ангулемскаго или Беррійскаго нужно, чтобы остановить Бонапарта, а всю Европу».

Наконецъ, отставленные офицеры вздохнули свободнѣе, лица ихъ точно озарились солнцемъ.

Въ пять часовъ на площади послышался первый барабанъ, когда Зебеде быстро вошелъ къ намъ:

— Ну что? крикнулъ ему старикъ Гульденъ.

— Что! сказалъ онъ: — первые два батальона уходятъ.

Онъ былъ блѣденъ.

— Ихъ посылаютъ остановить его, сказалъ г. Гульденъ.

— Да, они остановятъ его! отвѣчалъ онъ, подмигнувъ глазомъ. Барабанный бой продолжался.

Онъ побѣжалъ внизъ, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступенекъ. Я бѣжалъ за нимъ. Внизу, на послѣдней ступенькѣ, онъ схватилъ меня за руку и сказалъ на ухо, поднимая свой киверъ:

— Взгляни вглубь, Жозефъ, — узнаешь?

На днѣ я увидѣлъ старую трехцвѣтную кокарду.

— Это наша, сказалъ онъ. У всѣхъ солдатъ есть по такой.

Я едва успѣлъ разглядѣть, какъ ужъ онъ пожалъ мнѣ руку и торопливо шелъ за уголь Фуке. Я пошелъ наверхъ, думая: «Начинается суматоха: опять поднимется Европа, опять наборъ, Жозефъ, отмена всѣхъ позволеній и т. д., и т. д., какъ пишется въ газетахъ. Въмѣсто спокойствія, надо будетъ хлопотать; вмѣсто звона колоколовъ будетъ громъ пушекъ; вмѣсто разговора о монастыряхъ будетъ разговоръ объ арсеналѣ; вмѣсто запаха ладана и гирляндъ будешь слышать запахъ пороха. Господи, когда же будетъ этому конецъ! Какъ могло все хорошо идти безъ этихъ миссіонеровъ и эмигрантовъ! Какое несчастье!... какое несчастье!.. И платимся все мы... мы, работающіе и ничего непросищіе... Всѣ эти несправедливости вѣчно дѣлаются ради нашего счастья, а между тѣмъ, надъ нами смѣются и обращаются съ нами, какъ съ какими нибудь деревянными».

Многие другія справедливыя мысли проходило у меня въ головѣ; но на что онѣ мнѣ были? Я не былъ ни графомъ д'Артуани герцогомъ Беррійскимъ; надо быть принцемъ, чтобы мысли служили на что нибудь и чтобы каждое произнесенное слово считалось чудомъ,

Съ этой минуты и до вечера г. Гульденъ не сидѣлъ на мѣстѣ;

онъ былъ такъ же востерѣливъ, какъ и я въ то время, когда ждалъ позволенія жениться; онъ ежеминутно смотрѣлъ въ окно и говорилъ:

— Сегодня придутъ новости... приказанія: отданы... теперь нечего срывать отъ насъ.

И почти каждую минуту онъ вскрикивалъ:

— Тс!... вотъ почта.

Мы вслушивались: это проѣзжала телѣга Ланна съ его старыми клячами, или катила по мосту бричка Батиста.

Наступилъ и вечеръ; Катерина накрыла на столъ, когда въ двадцатый разъ г. Гульденъ сказалъ:

— Слушайте!

На этотъ разъ между крѣпостными валами слышался глухой гулъ. Старикъ, не дождавшись, бросился въ альковъ и надѣлъ свою толстую курточку, крикнувъ:

— Жозефъ, идемъ!

Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, а я, видя его поспѣшность, тоже захотѣлъ узнать новости, и потому бѣжалъ за нимъ. Только выбѣжали мы на улицу, а почтовая карета выѣзжала изъ подъ темнаго свода, съ двумя красными фонарями и съ громомъ провѣтила мимо насъ, мы побѣжали, и на улицѣ бѣжали не мы одни, — со всѣхъ сторонъ стекался народъ, крича:

— Почта!... почта!...

Почтовая контора была въ улицѣ Фуень, подлѣ Нѣмецкой заставы; карета ѣхала прямо до угла коллегіи и потомъ повернула направо. Чѣмъ дальше мы бѣжали, тѣмъ тѣснѣе становилось на улицѣ, — народъ выходилъ изъ-за всѣхъ дверей; старый мэръ, г. Пармантье, секретарь его Эмбахъ, учитель Колиза и много другихъ важныхъ лицъ бѣжали тоже, говоря между собою:

— Вотъ рѣшительная минута!

Прибѣжавъ на уголъ площади, мы увидали, что передъ почтовой конторой толпилось уже множество народу, и бездну лицъ, наклонившихся черезъ чугунную рѣшетку, слушали, маяясь другъ черезъ друга, сирашивая почтальона, который не отвѣчалъ:

Почтмейстеръ, г. Чернетъ, отворилъ окно, освѣщенное изъ комнаты; тюкъ съ письмами и газетами полетѣлъ сверху защика въ комнату; окно затворилось, и хлопанье бича заставило толпу разступиться.

— Газеты! газеты! только и слышалось со всѣхъ сторонъ.

Карета поѣхала и скрылась за Нѣмецкой заставой.

— Пойдемъ къ Гофману въ кафе, сказалъ мнѣ г. Гульденъ.

идемъ поскорѣе, туда принесутъ и газеты; если мы будемъ еще ждать, то потомъ же проберемся.

Проходя черезъ площадь, мы услышали, что за нами бѣгутъ. Командиръ Маргаро говорилъ внятными и громкими голосомъ:

— Идемте... газеты у меня!

Всѣ отставленные офицеры шли за нимъ; мѣсяцъ освѣщаетъ ихъ, идущихъ крупными шагами. Мы поспѣшно вошли въ кафе, и только успѣли сѣсть у большой изразцовой печи, какъ народъ повалилъ въ обѣ двери.

Надо было видѣть въ ту минуту лица этихъ отставленныхъ на половинномъ окладѣ офицеровъ! Ихъ большія треугольныя шляпы, движущіяся подъ кепкетами, ихъ исхудалыя лица, ихъ обвисшіе усы, помутившіеся глаза, смотрѣвшіе въ полумракѣ, придавали имъ видъ какихъ то дикарей; многіе искоса поглядывали отъ нетерпѣнія и безпокойства, и, мнѣ кажется, ничего не видѣли, потому что мысли ихъ были далеко, съ Бонапартомъ:—все это наводило страхъ.

Толпа все прибывала, такъ что отъ духоты пришлось открыть окна. Съ улицы кавалерійскихъ базаръ и площади фонтана несли глухой говоръ.

— Мы хорошо сдѣлали что пришли, во время, сказалъ мнѣ г. Гульденъ, вставая на стулъ и кладя руку на верхушку печи, какъ сдѣлали уже многіе.

Я послѣдовалъ его примѣру, и вокругъ себя увидѣлъ только слушающія внимательно головы, большія офицерскія шляпы посреди комнаты и толпу, стоявшую на площади и освѣщенную луною. Толпа прибывала.... Кто-то крикнулъ:

— Тихе!

Это былъ голосъ командира Маргаро, взобравшагося на столъ. За нимъ, подъ двойной дверью, выглядывали жандармы Кельць и Вернеръ. Въ отворенныя окна смотрѣлъ народъ. Въ ту же минуту и на площади раздалось: «Тихе! тихе!» и водворилась такая глухая тишина, какъ-будто не было тутъ ни души.

Командиръ началъ читать газету. Этотъ рѣзкій голосъ, отбивающій каждое слово съ какой-то внутренней лихорадкой, выходившій на удары маятника нашихъ часовъ ночью; его слышно было посреди площади. И чтеніе это длилось долго, потому что командиръ читалъ все, ничего не пропуская. Я помню, что въ началѣ говорилось, что такой-то Бонапартъ, врагъ общественнаго блага, державшій въ продолженіи пятнадцати лѣтъ Францію въ рабствѣ деспотизма, убѣжалъ съ острова, гдѣ находился, и имѣлъ дерзость снова явиться въ страну, облитую кровью по его винѣ; но что

войска, вѣрныя королю и народу, выступили остановить его; и что, видя это всеобщее отвращеніе, Бонапартъ скрылся въ горы съ горстью негодяевъ, послѣдовавшихъ за нимъ; что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и что будетъ непремѣнно захваченъ.

Я помню также, что въ этой газетѣ говорилось, будто маршалы поспѣшили повергнуть свои славныя шпаги на службу короля, отца народа, и что знаменитый маршалъ Ней, принцъ Московскій, подѣловалъ ему руку, обѣщая привести Бонапарта, живого или мертвого, въ Парижъ.

Послѣ этого шли какія-то латинскія слова, которыхъ я не понималъ, написанныя, вѣроятно, для священниковъ.

Сзади себя я слышалъ, какъ кто-то хохоталъ и подсмѣивался надъ газетой. Обернувшись, я увидѣлъ профессора Бюрге, съ двумя или тремя господами, арестованными послѣ ста дней и поселенными на жительство въ Буржъ, потому что они были слишкомъ умны, какъ говорилъ старикъ Гульденъ; что ясно показываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ лучше молчать, если не хочешь драться за ту или другую сторону, потому что отъ словъ намъ ни тепло, ни холодно, и ими только навлекаются неприятности.

Но самое сильное шло къ концу, когда командиръ началъ читать приказы. Первый назначалъ движеніе войскъ, а второй приказывалъ всѣмъ французамъ идти на Бонапарта, схватить его и выдать живого или мертвого... потому что онъ самъ лишилъ себя повровительства законовъ. Въ эту минуту командиръ, до сихъ поръ только смѣявшійся, произносилъ имя Бонапарта, и костлявое лицо котораго, освѣщенное кенкетами, только вздрагивало, въ то время, какъ окружавшіе слушали его, — въ эту минуту физиономія его измѣнилась, и я ничего ужаснѣе не видывалъ; она вся сморщилась, его маленькіе глаза загорѣлись, какъ у кошки; усы и бакенбарды поднялись дыбомъ. Онъ началъ рвать газету на тысячу кусковъ, потомъ поблѣднѣлъ, выпрямился и, протянувъ свои длинныя руки, крикнулъ: *Да здравствуетъ императоръ!* такимъ страшнымъ голосомъ, что у насъ морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Едва произнесъ онъ эти слова, какъ всѣ отставленные офицеры подняли свои шляпы, вѣтвями руками, а кто на тростяхъ, въ одинъ голосъ повторяя: *Да здравствуетъ императоръ!* Можно было подумать что, отъ крика обвалится потолокъ. Мнѣ точно вылили холодной воды на спину. «Теперь, подумалъ я, все кончено... Поди, говори о любви къ миру, подобнымъ людямъ!» На улицѣ между кучкою горожанъ повторялись солдатами, стоявшими на караулѣ у ратуши, крики: *Да здравствуетъ императоръ!* Я въ смущеніи сморгнулъ, что станутъ дѣ-

Лать жандармы; но они молча удалились; потому что сами были старыми солдатами.

Но этимъ еще не все кончилось; когда командиръ хотѣлъ сойти со стюла, какой-то офицеръ, крикнувъ, что его надо торжественно понести, и, вслѣдъ за этимъ, другіе взяли его за ноги и понесли вонругъ; залы, расталкивая толпу и крича, какъ безумные: *Да здравствуетъ императоръ!*—А онъ, положивъ свои длинныя, шершавыя руки къ нимъ на плечи и выпрямивъ голову надъ ихъ шляпами, тронутый тѣмъ, что товарищи его несутъ, и слыша, что они кричатъ то, что онъ любилъ больше всего на свѣтѣ, —громко плакалъ!... Никто не повѣрилъ бы, что такое лицо могло плакать; это одно приводило въ смущеніе и производило дрожь.—Онъ ничего не говорилъ; глаза его были закрыты и слезы текли изъ нихъ вдоль носа и вдоль усовъ.

Сами можете понять, какъ я смотрѣлъ, но старикъ Гульдентъ дернулъ меня за руку; онъ сошелъ со стюла и говорилъ:

— Жозефъ, идемъ; идемъ... пора!

За нами комната уже была пуста. Всѣ успѣшили выйдти черезъ сѣни пивной Клейна, изъ страха попасть въ дурное дѣло; мы вышли тоже оттуда.

— Это можетъ принять дурной оборотъ, сказалъ мнѣ старикъ Гульдентъ, переходя площадь.—Завтра жандармы начнутъ забирать.... А командиръ Маргаро и другіе непохожи на людей, которые легко дадутся намъ въ руки... Солдаты 3-го батальона встанутъ на ихъ сторону, если уже не стали теперь... Городъ у нихъ въ рукахъ!

Онъ разсуждалъ такъ самъ съ собою, а я думалъ то же, что и онъ. У насъ въ мастерской Катерина съ безпокойствомъ ждала насъ. Мы разсказали ей о случившемся. Кушанье было подано, но ѣсть никому не хотѣлось. Выпивъ стаканъ вина, г. Гульдентъ сталъ снимать банмаки и говорилъ намъ:

— Дѣти мои, судя по тому, что мы сегодня видѣли, императоръ навѣрно будетъ въ Парижѣ; солдаты желаютъ этого, крестьяне, у которыхъ грозятъ отнять имущество, —тоже хотятъ этого; купцамъ лучшаго и желать нельзя, въ особенности, если онъ одумался тамъ, на своемъ островѣ, и откажется отъ своихъ воинственныхъ намѣреній и приметъ условія, что исполнѣ хорошо при конституціи, гарантирующей каждому свободу.—Пожелаемъ этого и для него и для себя—и прощайте!

отд. I.

XI.

На слѣдующій день была пятница,—рыночный день; весь городъ только и говорилъ, что о великой новости. Бездна крестьянъ изъ Эльзаса и Лотаринги, въ блузахъ, въ курткахъ, треугольныхъ шляпахъ, въ бумажныхъ колпакахъ, тянулись на телѣжкахъ подъ предлогомъ продажи ржи, ячменя или овса, но въ сущности, чтобы узнать, что дѣлается. На улицѣ только и раздавалось: «Ну ты, Фуксы!—Ну, пошелъ, Шиммель!» и стукъ колесъ, и хлопанье бича. Женщины тоже не отставали; онѣ шли изъ Гупы, Дагсберга, Эршвиллера, Лудельбурга, Бараковъ, въ коротенькихъ юбкахъ, съ корзинами на головахъ, крупнымъ и торопливымъ шагомъ. Весь этотъ народъ проходилъ мимо нашихъ оконъ, и г. Гульденъ говорилъ:

— Какъ все волнуется!.. какъ все скачетъ!.. Пожалуй, подумаешь, что духъ Того ужъ въ странѣ! Теперь нейдутъ ужъ больше тихимъ шагомъ, со свѣчами въ рукахъ.

Онъ казался довольнымъ, что доказывало, какъ надоѣли ему всѣ эти церемоніи. Наконецъ, къ восьми часамъ надо все-таки было сѣсть за работу, а Катерина, какъ обыкновенно, пошла купить масла, яицъ и овощей на недѣлю. Въ десять часовъ она возвратилась.

— Господи! сказала она,—все уже по старому.

Она рассказала намъ, что отставленные офицеры прогуливаются съ своими длинными шпагами въ тростяхъ,—командиръ Маргаро посрединѣ,—и что на площади, на рынкѣ, между лавою, около прилавковъ,—вездѣ крестьяне, горожане, и всѣ пожимаютъ другъ другу руки, предлагаютъ понюхать табаку и говорить:

— А-а! опять начнется торговля.

Она рассказала намъ тоже, что въ ночь на мѣрство, на три церковныя двери и даже на столбъ на рынкѣ были прибиты прокламаціи Бонапарта; но что жандармы рано утромъ сорвали ихъ. Однимъ словомъ, все было въ движеніи. Старикъ Гульденъ всталъ изъ-за верстака, чтобы слушать ее, а я, обернувшись на стулѣ, думалъ:

— Да, хорошо... очень хорошо... но теперь скоро кончится мой отпускъ. Такъ какъ все въ движеніи, то и тебѣ, Жозефъ, придется скоро двинуться. Въмѣсто того, чтобы сидѣть тутъ спокойно съ твоей женой, тебѣ придется скоро надѣть ранецъ, мѣшокъ и взять ружье и два свертка съ зарядами.

Посмотрѣвъ на Катерину, не думавшую о дурной сторонѣ этого

дѣла, мнѣ пришли въ голову Вейссенфельцъ, Лютценъ, Лейпцигъ, и стало грустно.

Въ то время, какъ мы всё стояли, задумавшись, отворилась дверь и вошла тетушка Гредель. Сначала можно было подумать, что она спокойна.

— Здравствуйте, господинъ Гульдентъ! здравствуйте, дѣти, сказала она, поставивъ за печку свою корзинку.

— Хорошо поживаете, матушка? спросилъ ее г. Гульдентъ.

— Хе! хорошо... хорошо!.. проговорила она.

Я ужъ видѣлъ, что она стиснула зубы и что на щекахъ у нея показались красныя пятна. Она вдругъ засунула подъ чепецъ волосы, висѣвшіе вдоль ушей, и посмотрѣла на всѣхъ насъ по очереди своими серенькими глазами, чтобы увидѣть, что мы думаемъ; потомъ она заговорила рѣзкимъ голосомъ:

— Кажется, негодяй-то бѣжалъ съ острова.

— О какомъ негодяѣ говорите вы, матушка? спокойнымъ голосомъ спросилъ ее г. Гульдентъ.

— Хе! вы знаете очень хорошо, о комъ я говорю, сказала она:—я говорю о вашемъ Бонапартѣ.

Старикъ Гульдентъ, видя ея злобу, сѣлъ опять за верстакъ, чтобы избѣгнуть ссоры; онъ сдѣлалъ видъ, будто смотритъ въ часы; я также послѣдовалъ его примѣру.

— Да, еще громче прежняго сказала она:—вотъ онъ начинаетъ куралесить; когда думали, что всему конецъ... вотъ онъ является еще хуже прежняго... Что за напасть!

Я слышалъ, что голосъ ея дрожить. Г. Гульдентъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Кто же виноватъ, матушка Гредель? необертываясь, сказалъ онъ,—неужели вы думаете, что эти процессіи, покаянія и проповѣди противъ народныхъ имуществъ и двадцати-пятилѣтняго мятежа, эти постоянныя угрозы возстановить старый порядокъ и т. д. и т. д., неужели вы думаете, что это могло такъ продолжаться? Я васъ спрашиваю: съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, было ли чтонибудь болѣе сильное, чтобы поднять народъ противъ тѣхъ, кто хотѣлъ унижить его? Право, можно сказать, что самъ Бонапартъ напощивалъ на ухо бурбонамъ всѣ эти глупости, опротивѣвшія народу! Скажите: не должно ли было ожидать всего, что происходить?

Онъ все смотрѣлъ въ лупу на часы, чтобы быть спокойнѣе; я же легко наблюдалъ за тетушкой Гредель во время этихъ разговоровъ. Она раза два-три перемѣнялась въ лицѣ, а Катерина, стоя

въ углу у печки, дѣлала ей знаки—не поднимать у насъ шуму; но эта упрямая женщина и вниманія не обращала на знаки.

— Такъ и вы тоже довольны? сказала она. У васъ тоже на недѣлѣ семь пятницъ... Вы плюете на республику, когда вамъ понадобится!

Старикъ Гульденъ, услыхавъ это, очень тихо каплянулъ, какъ будто что-то засѣло ему въ горлѣ, и съ минуту обдумывалъ что-то; тетущка, стоя за нами, смотрѣла на него. Наконецъ, г. Гульденъ нѣсколько оправился и тихо отвѣчалъ:

— Вы неправы, мадамъ Гредель, дѣлая мнѣ подобный выговоръ; если бы я хотѣлъ перемѣниться, я перемѣнился бы ранѣе. Въмѣсто того, чтобы быть часовщикомъ въ Пфальцбургѣ, я былъ бы полковникомъ или генераломъ, какъ многіе другіе; но я всегда есть и всегда останусь тѣмъ, чѣмъ былъ.

Потомъ онъ быстро повернулся и, оглядѣвъ тетку съ головы до ногъ, сказалъ, возвысивъ голосъ:

— И вотъ поэтому-то я предпочитаю Наполеона Бонапарта—графу д'Артуа, эмигрантамъ и миссіонерамъ, сказалъ онъ:—по крайней мѣрѣ, онъ принужденъ охранять народныя имущества, гарантировать всякому его владѣнія, положеніе и все, что онъ приобрѣлъ по новому закону. Иначе, ему нельзя удержаться на престолѣ! народу не будетъ причины желать его. Другіе же, напротивъ того, пренебрегли всѣмъ... Они хотятъ разстроить все, что мы сдѣлали... Вотъ за что я предпочитаю этого,—понимаете?

— Да! вскричала тетущка Гредель:—это что-то новое!

Она презрительно смѣялась; и я отдалъ бы все на свѣтѣ за то, чтобы въ настоящую минуту она сидѣла въ «Четырехъ Вѣтрахъ».

— Прежде вы говорили не то, вскричала она:—когда онъ вызывалъ эмигрантовъ; возвращалъ замки и лѣса знатнымъ фамиліямъ, дѣлалъ дюжинами принцевъ, герцоговъ и бароновъ,—сколько разъ говорили вы, что это возмутительно, что вы предпочли бы Бурбоновъ... что, по крайней мѣрѣ, имъ ничто другое и неизвѣстно; что они, какъ дрозды, вѣчно свищутъ одну и ту же пѣсню, не зная другой и думая, что лучше ея и въ мѣрѣ нѣтъ?.. Не говорили вы этого, когда распускали съ старикомъ Коленомъ, сзади дома въ нашемъ саду, боясь быть схваченнымъ, если бы васъ подслушали? Развѣ вы не то же говорили съ нимъ и при мнѣ?

Старикъ Гульденъ страшно поблѣднѣлъ; онъ потупилъ глаза и вертѣлъ между пальцами табакерку, какъ будто въ забытїи; на лицѣ его проглядывало что-то въ родѣ смущенія.

— Да, я говорилъ это, сказалъ онъ, и думаю теперь то же са-

мое. У васъ хорошая память, матушка Гредель. Это правда, въ теченіи десяти лѣтъ мы съ Коленою принуждены были прятаться, чтобы говорить вещи справедливыя, которыя когда нибудь исполнятся, и къ этому принуждалъ насъ деспотизмъ этого человѣка, родившагося между нами и возвышеннаго цѣною нашей собственной крови. Но теперь обстоятельства перемѣнились; этотъ человекъ, которому нельзя отказать въ геніѣ, видѣлъ, какъ льстецы бросили его и измѣнили ему; онъ видѣлъ, что эти великіе союзы, которыми онъ имѣлъ слабость гордиться, погубили его. Ну, теперь онъ идетъ избавить насъ отъ другихъ, и я доволенъ.

— Такъ у васъ у самихъ недостаетъ храбрости? Такъ вамъ необходимъ онъ? кричала тетушка Гредель. Если процессіи вамъ мѣшали и если вы были тѣмъ, что вы говорите, — народомъ! — зачѣмъ же вамъ нуженъ онъ?

Тутъ старикъ Гульденъ сталъ улыбаться и сказалъ:

— Если бы у всѣхъ доставало прямоты дѣйствовать по совѣсти, если бы многіе не отпавлялись на эти процессіи, — кто по тщеславію, кто изъ корысти, получить мѣста или позволенія, тогда вы были бы правы, мадамъ Гредель, и не понадобилось бы Бонапарта; тогда увидѣли бы, что у трехъ четвертей народа есть здравый смыслъ, и, можетъ быть, самъ графъ д'Артуа закричалъ бы: «Стой!» Но такъ какъ лицемѣріе и корысть все закрываютъ и затемняютъ, и превращаютъ день въ ночь, то, къ несчастью, необходимы подобныя удары грома, чтобъ разъяснить нѣсколько дѣло. Вы и подобныя вамъ виноваты, что такіе люди, какъ я, которые никогда не перемѣняли идей, принуждены радоваться, что лихорадка замѣняетъ судороги.

« П Р О П А Щ Е Й . »

Исхода нѣтъ, душѣ незрѣлой
Съ людьми не выдержать борьбы;
Рабой случайностей судьбы,
Пойдешь дорогой устарѣлой.

Людей проклятья и гоненья
Тебѣ подняться не дадутъ,
И по немногу доведутъ
Къ послѣдней степени паденья...

Когда жъ тебя задавить доля,
Они же станутъ сострадать!
И тѣмъ, твоей не чуя боли,
Еще больнѣе оскорблять.

Тхоржевскій.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ РОМАНА:

«СТАРОЕ СТАРИТСЯ МОЛОДОЕ РОСТЕТЬ».

I.

ДѢТИ И МАТЬ.

Братья Вася и Ваня были подъ сильнымъ надзоромъ Іоники и Чудихи, и даже звали ихъ «баушками», потому что такъ звали ихъ всѣ. Вліяніе на дѣтей зависитъ отъ характера окружающихъ, и потому, чтобы сказать утвердительно, какъ велико было вліяніе Іоники и Чудихи, необходимо очеренуть здѣсь прошлую жизнь старухъ.

Іоника въ молодости была дѣвушка-щеголиха; говорятъ, она ходила подъ высокую гребенку, любила шумныя юбки и со вздохомъ вспоминала свои востянныя фижмы, сильно жалѣя о томъ, что никто не носитъ ихъ «нониче». — «А славный былъ нарядъ!» заключаетъ старушка поэтически-грустно. «Бывало, какъ царевна плывешь въ нихъ по Невскому пришепту.» Словомъ, Іоника была горничная и фаворитка графини Дюваль, знала даже нѣсколько словъ по французски, — «а тогда я, говорить, понимала все.» — Дѣтъ десять назадъ, она еще помнила и рассказывала дворнѣ: какъ они жили съ барыней въ Петербургѣ, какъ повойница любила гулять по «миральтейству», какъ, наконецъ, совсѣмъ прогуляла имѣнье мужа на Конно-гвардейскомъ бульварѣ и переѣхали они въ село Индѣйино къ старому Длинногубу на покой. — «Тамъ-то я натерпѣлась у нихъ муки.

У, звѣзда была повойница!» говоритъ Иониха о своей барынь. — Бывало, въ сумерки поставить меня подъ деревцо, а сама такъ и сыплеть по французски съ какимъ нибудь кавалеромъ, и все пуще изъ военныхъ. Такъ, мать моя, и шмыгаютъ мимо меня,—гуляютъ, значить. Сердце любитъся, на нихъ гляючи, вчужѣ-то весело! Ну, а замужъ покойницу никто не взялъ, потому—вдова, изъ пѣсни слова не выкинешь. Да и то сказать правду-матку: гуляла ужь больно шибко. — «Я, говоритъ, *маньеръ*, замужъ не хочу: что себя бабальтъ, мужа такъ можно найдтить.» — Такъ, мать моя, все и пробавлялась понемножку, царство ей небесное, не тѣмъ будь помянута.» Словомъ, Иониха была такаа дѣтраница прошлаго и даже нравовъ Петербурга, что этотъ мемуаръ былъ бы сокровищемъ для романовъ Пер-Дюма, основанныхъ на аристократическихъ сплетняхъ. Съ лѣтами она, конечно, поизносила и перестала щеголять. Имѣнье графини продали съ аукціону, а Иониху, какъ метаморфозу, превратили въ крестьянку и, черезъ десятые руки, передали наконецъ въ новую дворню помѣщика Курофдова. Здѣсь сладкіе кусочки барскаго стола переманили дѣвку изъ дѣвичьей въ кухню, и старая Курофдиха благословила ее замужъ за повара Анхимича. Дѣтей у Ионихи не было, и любящая бабенка привязалась, отъ бездѣлья, къ Васѣ. Я говорю, «отъ бездѣлья» потому, что Иониха въ самомъ дѣлѣ ничего не дѣлала. Сколько не задавали ей дѣлъ и порученій по дому, изъ этого проку не вышло, такъ и осталась она только женой повара,—больше ничего! Иониха какъ-будто нарочно была создана ничего не дѣлать и только говорить. Но за то, къ чести ея должно здѣсь сказать: говорила она мастерски. Самъ Василій Ивановичъ Курофдовъ призывалъ ее что нибудь разсказать и даже частенько изволили потчивать своимъ крѣпкимъ шаратовскимъ табакомъ. Дворня звала ее «гусенык-самогудочки», а кривой Ларивоничъ, кухочеръ барыни, слушая въ сотый разъ разсказъ о покойницѣ графинѣ, думалъ про себя: «эхъ ты, отставной новы барабанщица!» Подъ старость Иониха погрузилась въ область поэзіи и мечты, и хотя не сочиняла юбилейныхъ стиховъ мадѣ могилой знатныхъ покойниковъ, но за то знала такъ много сказокъ и былинъ, что маденькій Вася, слушая ее лежа на печкѣ, не выползалъ оттуда по цѣлымъ недѣлямъ.—Любимая бесѣда

старушки была съ «петербургскимъ человѣкомъ»: съ нимъ вспоминала она свой золотой Питеръ и, можетъ быть, нескучное для нея свое прошлое. Бывало, за полночь гудить бала-лайка у воротъ, а они все еще ведутъ тихій разговоръ о господахъ-покойникахъ, да о томъ, какъ многіе изъ нихъ гремѣли въ старые годы и какъ все время въ Сибири славился домъ графа Трахтарыхъ, который, говорили тогда, имѣлъ даже въ Петербургѣ свой дворецъ! Петербургскій человѣкъ говорилъ объ Іонихѣ всегда съ почтеніемъ, называя ее «шведскою женщиной», увѣряя всю дворню вслухъ, что бесѣда съ Іонихой—«душѣ услада», потому—она все знаетъ и говоритъ «чичайно привлекательно.» А Іониха о петербургскомъ человѣкѣ отзывалась такъ: «Этотъ ли не человѣкъ! Какихъ намъ надо еще человѣковъ? Столичный человѣкъ, образованный. Живи-ка этакій человѣкъ на волѣ...» и пр. Но задушевнѣе всего для старушки были, конечно, бесѣды съ друзьями Семенихой и Чудихой. Тутъ высказывалось все, что только могли припомнить старухи,—особенно о тѣхъ господахъ, которыхъ давно ужъ источили черви въ могилахъ. И, должно быть, эти бесѣды были интересны, потому что при этомъ выпрямлялись даже согнутыя спины старухъ, лица принимали веселое выраженіе и производились такіе рѣшительные жесты руками, какъ-будто вся тройка хотѣла сказать: «А! теперь-то вы попались намъ, сударики:—вотъ мы промоемъ ваши барскія восточки!»

Изъ этихъ задушевныхъ разсказовъ бабушки-старини для насъ особенно интересенъ одинъ. Іониха разсказывала его Чудихѣ; Вася съ мамой были слушателями въ углу. Вотъ его содержаніе:

— То былъ дѣдушка еще настоящаго-то предводителя,—тоже Длинногубымъ звался; бригадиръ былъ покойникъ, важный такой, какъ теперь на него гляжу. Такъ онъ вотъ въ ту пору, ѣздилъ на Кавказъ въ чиркесахъ, и привезъ оттуда съ собою какую-то полонянку. Лечится, сказываютъ, ѣздилъ туда отъ какой-то дурной болѣзни,—нерусская, вишь, у него завелась. Ну, тамъ ужъ какъ онъ—Господь его знаетъ, только и достань себѣ грузинку!—Такъ вотъ, мать моя, натерѣлась я тогда страховъ-то, живучи у него на деревнѣ! Онъ же въ ту пору былъ такой молодой, горячій; а она-то, мать моя, та-

кая крутая да неподатливая; говорить же по нашему не умѣла; ну, и ко *ндравамъ* нашимъ тоже непривычна. А тутъ еще, какъ моя-то барынька прилетѣла изъ Питера неожиданно-негаданно ну, тутъ ужъ и пошло у нихъ! Такъ пошло, матушка Сидоровна, пинжаломъ чуть не пырнула самого-то! А намъ съ барыней такъ ужъ и отвели особый флигель въ саду и ставеньки запирали за-свѣтло на замокъ: потому графиня боялась—зарѣжетъ! (Иониха остановилась, чтобъ перевести духъ).

Кажись, съ мѣсяцъ тогда ходили всей барщиной караулить барскій домъ по ночамъ: потому боялись—сожжетъ! Что съ нее возьмешь? подумай. Онъ же, покойникъ, не тѣмъ будь помянуть, военная былъ восточка,—кричить: «палками, говорить, я тебя, каналью, сгрозь строй!» Ужаси просто были!

— Ну, а потомъ что? Попривыкла, что ли?

— Какая, мать, привычка!—такъ-таки и не переломилъ! заключила рассказчица со вздохомъ. Съ годъ, кажись, мѣста будетъ бился онъ съ ней. На послѣдяхъ-то тутъ—мы ужъ выѣхали было съ графиней,—сказывали, и посѣкъ-таки ее разокъ-другой, больно-таки постегалъ, говорятъ, палочьемъ, а все ничего! Такъ и вынужденъ былъ отдать ее замужъ за мужика въ сосѣднюю тутъ деревушку, Замерзаевка-малая звалась. И мужиченко-то таковой немудрящій, Семеновъ, кажись, звали.

— А какъ ее звали, бабушка? спросилъ Вася, любопытный до подобныхъ исторій.

Мать сидитъ блѣдная, какъ смерть.

— Да никакъ не звали, батюшка Васинька, по нашему-то. Нехристь она, значить, была, некрещеная, вишь. Звали ее тутъ на послѣдяхъ-то «бабушка Охинейха», да это какое ужъ званье,—насмѣшка, значить, одна. А самъ-то, говорятъ, наканунѣ смерти бранилъ еще камельдинера: «Что ты, говорить, дуракъ, какъ ее зовешь? Какая она, чортъ, Охинейха?—самъ охинею городишь. Зови, говорить, ее лучше *мамзелька Подпалкина*. Это, говорить, хоть похоже на дѣло!

— А кто она была? спросилъ еще любопытнѣе Вася, за-слышавъ свою фамилію Подпалкинъ.

— А была она, сынокъ, твоя родная бабушка! выговорила

удушливо Семениха; и слезы градомъ хлынули у нея на голову сынка.

— Ахти, я дура! Ей-богу не знала... побожилась разсказчица.

— Мати, пресвятая Богородица! крикнула Чудиха.

Чудиха всегда такъ чудилась на все.

Сидоровна смолоду звалась дѣвкой Маринкой, была кликушей, въ народѣ слыла за какое-то насланіе божеское и въ сосѣднихъ селахъ, лаяла по собачьи и пѣла пѣтухомъ. Дѣвку, какъ слѣдовало быть, отвезли верстъ за двѣсти къ какому-то краснорожему цѣловальнику — отчитывать; тамъ прожила она почти полгода съ матерью, и цѣловальникъ отчиталъ ихъ совсѣмъ! — такъ завѣряла мать. Баринъ Артамонъ Артамонычъ Пентюхъ прозвалъ свою крѣпостную Маринку «дѣвкой-чудихой», отдалъ замужъ за токаря, но изъ этого ничего не вышло. Сколько мужъ ни журилъ жену свою, Маринку, такъ ни разу и не почитала она ему ниодной рубахи. — «Этакая проклятая баба, ей бы только точить балясы!» заключилъ наконецъ токарь и плюнулъ. — Понятно послѣ этого, что Сидориха терпѣть не могла ни садовъ, ни лѣсовъ, ни *швейцкой* бесѣды подъ балалайку у воротъ, а тѣмъ паче смѣха людского или бѣсовскихъ игрищъ. — «Все это суета-суетствій, матушка Ионовна, — больше ничего. Главное въ человѣкѣ — душа. Вотъ на что надо больше упереть!» — По временамъ къ бабенкѣ возвращалась ея старая блажь; равъ даже въ Индѣйкинѣ она мякнула какой-то дикой кошкой, но изъ этого уже не вышло ничего эффектнаго, потому что Марина была немолода. Батюшка сказалъ ей прямо на духу: «полно тебѣ, баба, дурить, — грѣхъ! Господу Богу отвѣтишь за это самое. Что за собачье ремесло — лаять? Не годится, свѣтъ!» А молодой Длинногубовъ (только что пріѣхавшій тогда изъ Петербурга съ помѣшанной женой) сказалъ Чудихѣ на отрѣзъ: «Слушай, бабенка: если ты еще придешь въ мою церковь и будешь пугать мою жену, такъ я тебя вылечу сразу, арапникомъ. У меня въ церкви стоятъ смирно, не мяувать, а то я тебя самъ оцарапаю! — Слышишь?» — «Слушаю, ваше пр-во», отвѣтила Чудиха, и съ тѣхъ поръ не мяукала.

Сидориха впрочемъ въ церкви была весьма полезна: то она свѣчичку поправить, которая обтаесть, то два огарышка

слѣпить и сдѣлаетъ одинъ, то, пожалуй, и съ кружкой прой-
дется «сиротамъ на пропитанье», если не тѣсно. Въ сосѣдствѣ
она являлась у всѣхъ покойниковъ, обмывала, одѣвала и
укладывала ихъ на покой, связывая ноги, чтобы не разлѣз-
жались въ стороны, и складывая имъ руки крестомъ. Но что
намъ говорить про покойниковъ, — Сидоровна такъ же была по-
лезна и живымъ, какъ мертвецамъ. Семенихъ она дала благой
совѣтъ: — трижды поминать своего покойника на сонъ грядущій;
а молодыхъ всѣхъ увѣрила, что холостежью, не грѣша, прожить
нельзя. — «Супротивъ этого стоитъ, теперича, одно только сред-
ствіе: какъ можно скорѣй жениться, — поучаетъ бабушка вну-
ковъ и заключаетъ такъ: а замужь, по моему, выйдти еще
важнѣе, нежели жениться.» — Въ послѣднемъ случаѣ, она сама
готова была посватать дѣвницѣ жениха, лишь бы не вышло изъ
этого каваго мірскаго грѣха. — Даже самыя дѣти чувствовали,
что Сидориха нужна. Васю, на примѣръ, она учила христосоваться
трижды и поцѣлуй начинать именно съ правой щеки, потому
что такъ *смысляетъ* быть; Ваньку-скота увѣрила, что яичко
для христосованья лучше брать отъ курочки бѣлой, нежели
отъ черной, и что куринымъ яичкомъ христосоваться не грѣхъ,
а сахарнымъ и золотымъ — грѣхъ; потому, говорить, что о са-
харныхъ и золотыхъ яичкахъ въ книгахъ ничего не говорит-
ся, а о куриномъ сказано вездѣ! И наконецъ, чтобы сдѣлаться
всѣмъ необходимой (даже тѣмъ, которые еще на свѣтъ непро-
изошли), Сидоровна, по смерти мужа, начала ходить на по-
вой. Словомъ, безъ всякихъ наукъ, экзаменовъ и привилегій,
она сдѣлала сама себя бабушкой-повитушкой.

Больше всего любила Сидоровна рассказы о своихъ путе-
шествіяхъ во святыхъ мѣстамъ; здѣсь она старалась даже
подражать свазочному слогу Юнихи и выдумывала такія вол-
шебныя чудеса, которыхъ съ ней никогда и не бывало.

— А идешь это путемъ-дорогою, стороною далекою, — начи-
наетъ старушка плавно, — а сторона чужестранная, путь-до-
рожка чужедальняя; нѣтъ ни домунки, ни роденюшки, нико-
вохонько не встрѣтишь свою. Сядешь этакъ гдѣ-нибудь ве-
червомъ подъ лѣскомъ и ничехохонько тебѣ нестрашно!
(А сама трусиха страшная). По этому самому — знаешь: Богъ
видитъ, кто кого обидитъ...

Иной разъ Сидоровна начнетъ немного иначе, но къ концу опять сведеть на то же.

— А неласкова, матушка, чужедадьня сторонущка, не гладва, мой свѣтъ, охъ-далекая дороженька. Нѣту тебѣ иной разъ и ворочки хлѣбушки съ водицей, ну а все ничего—потому—вѣруешь: «голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ». Такъ самъ багюшка, истинный Христось, и подасть тебѣ невидимо хлѣбъ-соль, сама не знаешь отколь!

Такъ-то и доживали свой вѣкъ наши столѣтнія старушонки, Иониха и Чудиха. Характеры ихъ, какъ сейчасъ видѣлъ читатель, почти противоположны, а слѣдовательно, и вліяніе ихъ на дѣтей было далеко не одинаково. Вася, подчинившись обязательной свавочницѣ Ионихѣ, чувствовалъ себя какъ-то легко; а Ванька-свотъ, попавъ подъ гнетъ Чудихи, чувствовалъ себя тяжело. Что изъ этого должно выйдти въ послѣдствіи, какіе выработаются характеры,—это мы увидимъ. А теперь закончимъ пока пословицей: «*Старое старится, молодое растетъ*» и пожелаемъ бабушкамъ стариться, а внукамъ расти.

Съ однимъ изъ этихъ внуковъ, Васей, читатель давно уже знакомъ; остается, значить, познакомить его еще съ Ванькой-свотомъ.

— Это мой, хвалится бабушка Чудиха:—этого я на печкѣ допекла.

— Какъ-такъ?

— Да такъ: matka-то, вишь, поторопилаеъ тогда маненько, онъ и родился у пей скоренько. Ну, я взяла, налила въ корытцо водицы, да и запустила его туда, какъ соменка,—такъ онъ и плавалъ у меня на печкѣ. Ничего, вишь, не захлебнулся: вонъ какой вышелъ!

— А!.. заключаетъ слушательница.

— Жаль только вотъ: Господь ножекъ-то намъ не дасть, а то ужъ мы давно бы сбродили съ нимъ на богомолье.—Куда тамъ, родимикъ, хорошо! подбавляетъ благочестивая. Селеніе такое большущее, церковь, теперича у нихъ на горѣ, какъ на ладонкѣ, такъ и стоитъ...

И Сидориха пустится въ повѣствованія о святыхъ мѣстахъ. Внучокъ, слушая рассказы бабушки, росъ не по днямъ,

а по часамъ. Скоро Богъ далъ ему и ноги вѣрпкія, и силу русскую, и память добрую, и, въ добавокъ, здравый смыслъ. Съ виду онъ былъ приземистъ и неказистъ, но за то такъ силенъ и коренастъ, что въ играхъ, когда Вася говорилъ робко: «я тебя подниму», Ванька отвѣчалъ смѣло: «а я те переломлю! И дѣйствительно, такъ тискалъ жидконогаго братца, что тотъ пищалъ: «ой!» Словомъ, это былъ человѣкъ простой, съ душой на распашку; любилъ больше дворъ да заборъ, коровъ да скотовъ; ложился съ курами, вставалъ съ пѣтукомъ, бродилъ въ потемкахъ; но привидѣній и чертей боялся, какъ огня. Даже на общую нашу мать-природу смотрѣлъ онъ какъ-то по своему: Вася, напримѣръ, любовался ею изъ саду Почечкина, какъ цвѣткомъ, а Ванька смотрѣлъ на нее просто съ задняго двора и любовался, какъ навесомъ. А о жизни братьевъ и говорить нечего: Вася любилъ больше барскій дворъ, свѣтлую горницу и волшебныя сказки Іоники о чертяхъ и «мертвецахъ», а Ванька забивался на скотный и слушалъ, какъ Сидориха поучаетъ Іониху:

— Сказка—пустякъ, свѣтъ Іоновна! Онъ, теперича, сирота, ему не сказка нужна, а молитовка, другъ. Сказка что—грѣхъ одинъ! Уму-разуму надо робенка учить — вотъ чему!

Такъ Ванька и росъ помаленьку да учился уму-разуму, смотря да слушая, что было по нутру. Смотрѣлъ онъ, разиня ротъ, на аистовъ и журавлей, строящихъ свои треугольники въ небесахъ; глядѣлъ на ястребовъ и коршуновъ, влюющихся свою смирную братью—циплятъ и голубятъ; дивился на попугая, болтающаго, какъ тамбовскій поэтъ, на обезьяну, кривляющуюся, какъ бугульминская барышня, и на лакея въ красной ливреѣ, за которомъ гналось училище, разсматривая его красный нарядъ: примѣтилъ даже слона, приведеннаго царю въ подарокъ, за которымъ гналось ужь не училище одно, а цѣлый городъ ротозѣевъ и даже полиція сама. Живалъ онъ по временамъ и въ деревнѣ и вдоволь насмотрѣлся, какъ золотится пчелка подъ закатъ и нѣжится на всходахъ наша сильная рожь.—То-то благодать!

— А она-то, родная, рожь-красавица золотая, двѣ недѣлюшки зеленится, двѣ недѣлюшки колосится, двѣ недѣлюшки зацвѣтаетъ, двѣ недѣлюшки наливаютъ... Вотъ какъ она, ма-тушка, нѣжится на полюшкѣ! воркуетъ Чудиха.

А внучокъ смотритъ Юрьевъ день: выросъ ли подъ дубовый листъ въ полушку, будутъ ли они бласть хлѣбъ въ кладушку?

— Клади, говорятъ, навозъ, такъ будетъ овесъ, поучаетъ бабушка и тутъ же распространится о людскомъ наземѣ: какъ о волотѣ: — «Гдѣ, говоритъ, этого колышка, тамъ хлѣба цѣлая коврижка».

А внучокъ пророчитъ по Емельянову дню: будетъ ли лѣтомъ урожай-градъ.

И много-таки узналъ онъ отъ бабушки такихъ примѣтъ, которыхъ намъ ужъ никогда не знать. — Весело чирикаютъ воробы, весело дура-ворона смотритъ на солнце, разиня ротъ, и еще веселѣй бычокъ Ярунъ, завидя коровку, взрѣжетъ землю рожкомъ, а Ванька, смотря на такое бѣснованіе, пророчитъ свое: какую-то бурю-напастъ.

— Тагъ-тагъ, родимикъ, подхватываетъ Чудика: — воробышекъ — божья птичка; онъ вездѣ летаетъ и все знаетъ. Быть, вишь, бѣдѣ: и тучки вонъ опять потянуло на насъ съ тобой изъ гнилого угла!..

Тагъ по краснымъ зарямъ, сѣдымъ облакамъ да потнымъ камешкамъ и выучился внучокъ угадывать нашу вѣчную осень и грязь. А ужъ о томъ, какъ твердо зналъ малый Ванька свою зиму лютую, — и говорить нечего! Изъ дня въ день распахнетъ онъ: когда придутъ заморозки козьмо-демянскіе, стукнетъ сердитый капитанъ-морозъ тимофеевскій, съ котораго переломъ зимы и грянутъ наконецъ трескучіе афанасьевскіе, отъ которыхъ не выстаиваетъ ни дерево, ни камень, а выстоитъ только онъ одинъ, Ванька-скотъ.

Но пуще всего этого зналъ онъ нравы и обычаи своего скотнаго двора. Выпьеть ли глупая овца щелокъ у тетки Лепестиньи — Васька пророчитъ: «ну, это не къ добру». Свернется ли трубкой хвостъ у какой нибудь телки Середавки — Васька задолго предскажетъ впередъ: «что Середавуха безпримѣнно принесетъ бычка.» — Отъ дядюшки Вавилы выучился онъ сразу угадывать пруть отъ полѣна и плеть отъ кнута, а отъ тетюшки Лепестиньи — ворочать лохани да студить молочко.

— Охъ, Ванька, надо бы молочишко простудить, а ледку-то нѣтъ, сынокъ!

— А вотъ я, постой, сейчасъ.. отвѣняетъ крестный/сыновъ, живо тащить лягушку и бухъ ее въ горшокъ..

— Это, свѣтъ, ничего, коли не претить душа, поучаетъ Сидоровна.

Сидоровна, какъ мы знаемъ уже, очень любила домашнюю бесѣду «по аскаченски», и потому такъ пилила внука своего поученіями, что они приѣдались ему, какъ горькая рѣдьна.

На дворѣ, кажется, весна; улыбается солнце, хохочетъ вольная пташка, кругомъ все весело, какъ на пасху, а Чудиха охаетъ свое:

— А мы съ тобой, золотикъ мой, на могилку сбродимъ! — И ведетъ Ваньку на могилки, уму-разуму учить.

— А ежели, теперича, разсуждаетъ она дорогой, повоиннѣ учнетъ безпокоить живого человѣка, то супротивъ этого нѣту лучшаго средства, какъ, раскопавши могилку, поворотить мертвеца вверхъ дномъ, и заупитици ему, теперича, между крыльцевъ основной колъ. Ни въ жисть не встанеть, ни во вѣки вѣковъ! — Вотъ она, бабушка-Ванюшка, дакова осинка-то горькая. Какой-такой на свѣтѣ была грѣшникъ привеликій Юда-придатель, и тотъ съ нея не сорвался, такъ на ней и остался; и теперича виситъ! Аридовы вѣки будетъ висѣть, голубчикъ! Вотъ отчего, говорить, и трясется она, проклятая, — Господи, прости мое согрѣшеніе!

Такъ Ванька и вѣритъ бабушкѣ Чудихѣ, что въ день Ивана-постнаго кругое ѣсть грѣшно, потому что все круглое похоже на главу Іоанна Предтечи.

— Великій грѣхъ, родимикъ мой, съѣсть лукотку или рѣпку въ твои именины. Это мнѣ расходывывалъ дорогою одинъ умилющій старецъ.

Какъ не туно слушалъ внучокъ наставленія бабушки, однако узналъ онъ и Ильинъ день, въ который олень кушаетъ рога въ рѣкахъ, — отъ чего холодѣетъ вода, и Семенинъ день, мамкины именины, съ которыхъ начинается бабье лѣто, засадки, супрядки, вечерки и посидѣнки. Да и Богъ знаетъ, чего только не слыхалъ Ванька-скогъ отъ своей наставницы Чудихи! Память была у него здоровенная, работала она ео больше, нежели умомъ, — значить, читатель самъ можетъ заключить, въ бабушкѣ страшную гиль были превращены всѣ его понятія.

— А вотъ, батюшка Ванюшка, начинается опять странница: въ турчинѣ, теперича, вѣра турецкая, а въ нѣмечинѣ будетъ нѣмецкая,—это я ужъ доподлинно знаю сама. Въ турчинѣ, соволикъ, я тоже бывала и моими собственными глазами видѣла: что турецкая вѣра, теперича, все единственно; что татарская; ну, а нѣмецкая будетъ почище того. Объ нѣмцахъ, кормилецъ мой, говорилъ мнѣ дорогою умнѣющей старецъ Досифей: «Хоба, говоритъ, они и обливанцы, ну, а все же, говоритъ, тавіе же крещеные, какъ и мы. У насъ только Богу молятся почище ихняго: у насъ, значить, стоя, а у нихъ сидя будетъ. Вотъ въ чемъ, значить, сходствія нѣтъ. А то рассказывалъ:—даже, говоритъ, во Христа вѣбруютъ! Ну, вотъ Ниволю у нихъ не чтутъ,—нечего грѣха таить, и Пятницу не признаютъ! А то во всемъ тавіе же, какъ и мы, хрестіане!

Сидоровна вздохнетъ,—надо же на чемъ нибудь остановиться.

— Ну, вотъ еще это, родимый:—органчики, слышь, у нихъ по церквамъ играютъ; Постъ вотъ тоже у нихъ не такой, какъ нашъ: у нихъ, слышь, постъ-отъ не простой, молочный какой-то, а у насъ почище, значить, ихняго будетъ. У насъ вотъ, теперича, постъ прямо, значить, съ масланицы начинается, а у нихъ не съ масланицы, а со вторника. А то и пасха такая же бываетъ у нихъ, все какъ есть:—не христосуются только, да яицъ не варятъ. Вотъ это ужъ жалости достойно!..

Сидоровна опять вздохнетъ.

— Ну, а въ турчинѣ, отецъ мой, я сама была, теперича, и знаю доподлинно:—тѣ ужъ что! все единственно, что собаки черные,—ажно рассказывать страшно про нихъ! Придешь это къ нимъ на корабль-отъ, такъ испужаешься даже: нечистый, думаешь, сидитъ, а это онъ, мать моя, самый и есть—турка! А тоже бормочетъ: «ала-ала!»—Богу, вишь, молится по своему, — сказывали, кто знаетъ по ихнему. Ну, а Богу онъ молится сидя, тавъ же какъ нѣмецъ, но только похуже будетъ того, потому самому: этотъ ножви подвѣртываетъ подъ себя, а тотъ не подвѣртываетъ,—прямо, значить, сидитъ, по нашему.

— Ну, а вотъ какъ сошла я совсѣмъ къ Ерусалиму, ну,

такъ ужъ хорошо, такъ хорошо, что и не слаженъ! Все это горы такія; самъ-отъ онъ стоитъ на ямочкѣ, строеніе все такое бѣлое да знатное издали; ну, а посрединкѣ-то его пупъ земной! И какъ это онъ, мой батюшка, великъ-то, и! страсть Господня! Съ Листратовой мы хотѣли было вокругъ него обойти, ну, да сила не взяла, не прошли, потому самому, что боялись, теперича, заплутаешься совсѣмъ. Спросить же некого—кого спросишь?—Тамъ вѣдь, батюшка Ванюшка, и говорятъ, теперича, не по нашему, по ихному все, по басурмански. А это, какъ придеши къ гробу Господню, такъ-такъ ужъ тебя и осіяетъ совсѣмъ,—потому все лампадушки горятъ, свѣтло таково. Ну, и монахи тутъ же похаживаютъ, въ черномъ всѣ одѣты и сами все такіе съ виду черные: не изъ нашихъ, знать. Я спросила этакъ-то одного о чемъ-то, а онъ и отошелъ отъ меня степенно таково, ни словечушка мнѣ ни сказалъ:—не понять, вишь, что я говорю.....

Иной разъ Сидориха перейдетъ на субботы и толково растолкуетъ безтолковому, что Лазарева суббота бываетъ передъ воскресеньемъ вербнымъ, а Лазарево воскресенье не въ воскресенье, а въ субботу. По пальцамъ перечтетъ субботы родительскія и со вздохомъ прибавитъ, которая важнѣе всего. Растолкуетъ даже и то, какъ важно поминать родителейъ на сонъ грядущій и какъ «отъ этого самаго тятенька-покойникъ не приснится и такъ и не придетъ».

— Да вотъ придетъ митровская, родной мой, такъ, пожалуй, пойдемъ мы съ тобой, коли хочешь;—тамъ и помянешъ родителя-то: это больно хорошо! Вонъ и Васеньку возьмемъ съ собой...

— Куда это, бабушка? спрашиваетъ весело Вася.

— А на могилки, другъ, тятеньку твою помянуть. Ты отпросишься, что ли, у учителя? Потому родителя... что же? онъ отпуститъ, чай?

Вася зналъ уже, какъ отпрашиваются у смотрителя и у учителя поминать родителя, и потому отвѣтилъ живо:

— Ладно, бабушка, отпропущу.

Послѣ всего этого понятно, что благодушныхъ и простыхъ поученій бабушки Чудихи Ванька-скотъ вовсе не понималъ. Рѣзвый и живой, какъ подъ солнцемъ вода, игривый и шалов-

ливый, какъ само дѣтство, онъ пока понималъ одно: что ему хочется играть!

А если разобрать строго, такъ и Вася туло слушалъ наставленія бабушки Чудихи. Какъ непохожа развалина на новый домъ, какъ непохожъ трупъ старика на свѣжаго юношу, такъ непохожъ былъ Вася живой на полумертвые остовы старухъ Юнихи и Чудихи! Въ немъ росли свѣжія и молодые силы, въ немъ строился крѣпкій и новый человекъ; онъ уже временемъ загорался весь и чего-то просилъ... Но чего?—Конечно жизни, а не могилкоу бабушки Чудихи!

Съ Васей впрочемъ мы скоро встрѣтимся опять и потому не будемъ разбирать его ребячью жизнь. Развѣ взглянемъ на тѣ великія явленія жизни, которыя не проходятъ безъ слѣда и на которыя съ особеннымъ благоговѣніемъ и страхомъ указывала бабушка Чудиха.

Видитъ онъ важный моментъ, рожденіе человекъ, — онъ смотритъ на него по своему, по ребячьи. Какъ ни умилительно толкуетъ ему Сидориха-повитуха, что «младенчику радуются ангелы на небесахъ»,—Васька думаетъ свое: ну, чему тутъ они радуются, когда онъ такой красивый да маленькій? Кабы онъ съ меня родился да умѣлъ поиграть—ну, такъ было бы весело.

Встрѣчаетъ ли онъ другой грозный актъ жизни — смерть человекъ (положимъ, хоть похороны старой барыни),—и на это смотритъ по своему. Для него все одинаково—похороны или именины господскіе, лишь бы не идти въ училище, напашиться, закутить и посмотреть гостей. А печальныхъ или веселыхъ—это все равно, были бы гости да на что посмотреть. Похороны даже казались ему посылтѣе именинъ: Сидориха мастерица варить нутью и до-сыта навармливаетъ его, приговаривая: «помяни-ко, помяни, батюшка посылтѣе!» Юниха съ мамкой пекутъ блины и сытаго упраниваютъ: «пона-тужься-ко, батюшка, помяни еще!»—Конечно, послѣ того Васька думаетъ надъ блинами: «а не худо бы и почаще умирать господамъ.

Случится ли свадьба на барскомъ дворѣ,—Васька въ этомъ видитъ одно: тутъ жарятъ да пекутъ, а тамъ пѣсенки орутъ. Дружка наливаетъ красенькимъ дѣвковъ, дѣвки ведутъ невѣ-

слу; въ баню и тапуть съ Васьки штаны, засовывая туда комья снѣгу; гости орутъ; колотятъ чугуны, корчаги; сважа Юниха пляшетъ, подпѣвая: «наша молодая была нехудая!» А дѣвушки потчуютъ дружбу-весельчака поросенкомъ съ овсомъ да пирогомъ съ рѣдькой.

Заводить ли Сидорика поучительныя рѣчи о томъ, что и «святки; свѣтъ,—святые вечера: Господь уставить ихъ молиться, а не бѣситься»,—Вася согласенъ съ Сидоровной, что оно, пожалуй, не мѣшало бы и помолиться, да какъ тутъ помолишься? Филосовка отдергиваетъ въ присядку, Моська съ присвистомъ на каранкахъ,—конечно, послѣ того и Васька приклеиваетъ себѣ рога.—«Грѣхъ, грѣхъ!...» поучаетъ Сидорика, а мать махнетъ только рукой: «А ну его въ Богу! пусть играетъ, пока бѣсится кровь. Постарше будетъ—скрючить, небось, не будетъ бѣсноваться.

Идетъ, наконецъ, онъ на могилки въ митровскую субботу. Просвирия Фежда тоже много распространилась о значеніи митровской. Вася ждетъ чего-то необыкновеннаго. А пришли на могилки,—нѣтъ ничего необыкновеннаго! Вороха блиновъ; меду въ чашечкахъ, веселый булочникъ, у котораго все раскупили, стая побирושекъ на паперти боретъ купца, а тотъ зажалъ въ горсти три копейки; нищій съ вупоросными глазами проговариваетъ, вмѣсто молитвы: «эхъ, хотъ бы умеръ богатенькій!» дьячекъ несетъ мимо съ полштофомъ; сторожъ съ жаровней зѣваетъ на весь народъ: «ожгу!»—«Такъ вотъ какъ поминаютъ родителейъ, думаетъ скучно Вася?—Нивогда сюда не пойду!»

А въ этотъ годъ на небѣ было какое-то явленіе—комета или солнечное затменіе; вотъ тогда и послушали бы вы, что говорили наши бабушки объ этой божьей планидѣ:

— Аминь, значить, приходитъ намъ! Чего тутъ еще разговаривать? начинается испуганная Чудиха.

— Экое чудушво, Господи! гляди-во! Семьдесятъ лѣтъ живучи на вольномъ свѣту, не видывала я таковой оказіи!

— А все, магушка Юновна, погрѣхамъ нашимъ, человѣческимъ. По автору самому, что теперича антихристы вездѣ нарождаются со песьими головами и единою ногой. Премунѣ-

ющій старецъ Досифей разсказывалъ мнѣ это дорогой, на кораблѣ невѣрныхъ. Чего ужъ тутъ ждать намъ, старикамъ!

— Васинька! проповѣдуетъ Иониха:—глядить-ко, вѣдь казнитья, теперича, должонъ человѣкъ. Вонъ она, планида божья —солнышко, да и то ужъ: что оно теперь? и т. д.

А мать Васи сидитъ тутъ же рядкомъ со старухами и все думаетъ о чемъ-то. Дивится Вася, что стало съ мамой, и отчего она стала такая сердитая?...

Дѣло впрочемъ было просто: сердитой маму сдѣлала жизнь. — «Жизнь пережить, не поле перейти, сынокъ!» говоритъ иной разъ мама Васѣ, и при этомъ глубоко вздохнетъ. Конечно, есть и такіе характеры, которые съ пеленокъ кусаются по собачьи, но на тѣхъ, по крайней мѣрѣ, можно надѣть хоть на Жордикъ. А человѣка, постоянно гнетомого жизнью, намордникомъ не усмиришь. Такова-то въ насъ жизненная сила свободы! Посмотримъ теперь, въ какое существо превратилась отъ врѣстной жизни Марфа-раба.

Мы уже отчасти знакомы съ матерью Марфы. Ее привезъ баринъ въ любовницы и за *супротивленіе*, какъ повѣствуетъ Иониха, *вынужденъ* былъ отдать за Семку-Голыша, вдовца, да еще немудрящаго мужичонку. — «Такъ, слышь, и зачухла тамъ, въ Замерзаевѣхъ», заключаетъ повѣствовательница. Значить, нечего и говорить, что вынесла плѣнница, не зная ни нравовъ, ни обычаевъ, ни языка и вѣчно томясь и тоскуя о своихъ горахъ, правахъ и свободѣ, которая, говорятъ, мила и червяку, не только царю-человѣку. Добрый Семень-голышъ, поплакавъ лѣтъ дѣсять надъ своей *тисаной* красавицей, рѣшилъ, что ему лучше умереть. Онъ оставилъ помѣшанной женѣ, вмѣсто наслѣдства, тройку ребятишекъ: Марфушку, Маришву и Людмишву (а вдобавокъ еще, приемыша Лепестинью), которыхъ нехристь-мать и хотѣла, послѣ мужа, утопить въ колодецѣ. Разсудительный баринъ-бригадиръ нашель, что дѣвчонокъ лучше продать, нежели имъ даромъ въ колодецѣ пропадать; а Охинеиху тотчасъ посадилъ на цѣпь, чтобы при-смирѣла. Сказано—сдѣлано; у нашихъ старыхъ баръ дѣло шло живо. Марфушку продали съ приемышемъ Куроѣдову, Маришву взялъ даромъ старый графъ Трахтаряхъ, а Людмишку вымѣняли на кобеля тесть настоящаго предводителя, дѣдушка Дар-

моѣдовъ. Впрочемъ, исторія Людмилы отчасти читателю известна:—она была мать Птиже.

Точно тяжелый сонъ, помнить Марфа Семеновна, какъ цѣловала ее въ дѣтствѣ грустная мать, сверкая большими черными глазами; какъ пѣвала она непонятныя пѣсни родины своей и какія горячія слезы капали на голову дочьви, слушающей, что kloкочеть въ материнской груди. Но все это, точно давно закопанное въ землю, истлѣло въ ея сердцѣ, какъ въ старой могилѣ; и не любила Семениха раскапывать этотъ старый хламъ:—ни разу не рассказала сыну, кто была ея мать. Однажды только, когда Вася, собравшись съ Юнихой по грибы и простившись съ мамой, спросилъ вскользь: «А ты, мама, какъ прощалась съ мамой своей?» — мать опровинула на него всю бездну слезъ, скопленныхъ въ сорокъ лѣтъ, и проговорила чуть слышно: «Охъ, прощалась и я!... Не спрашивай только, сынокъ, объ этомъ.» И Вася такъ испугался глубокаго горя мамы, что дѣйствительно ни разу больше не спросилъ. Замѣтилъ и веселый Вася, что мама его плакала отъ этого вопроса цѣлый день. И ему мерещился въ темномъ углу тотъ жестокій староста Климъ, который, сорокъ лѣтъ назадъ, вазеннымъ слогомъ объявлялъ Марфѣ Семеновнѣ: Ну, Марфушка, собирайся да прощайся съ мамвой: я-те увезу. Отъ бригадира севодни наказанье пришло изъ конторы—отправить васъ въ Сибирь. Продали, слышь, тебя съ Лепестиньей Куроѣдову.» А изъ другого угла такъ и несетя хохотъ сумасшедшей. — «Ну, что грохочешь, али въ чуланъ хочешь? Мотрай, запру опять! грозить Охинеихъ жестокій Климъ. А Семеновна плачетъ-плачетъ, и, точно греза забытаго сна, опять вспоминается ей Климъ: везеть ее черезъ голая русскія поля и говорить еще въ утѣшенье: «Полно, дикая, что реवेशь? Поди, чай, тамъ лучше будетъ, — баре все. А здѣсь что! и мать-то у тебя безъ ума.»

Лучше ли было въ новомъ домѣ дивой Марфушѣ, мы сейчасъ увидимъ. Старая Куроѣдиха первая встрѣтила новопуленную Марфушу и замѣтила гостямъ: «какая что-то странная эта дѣвочка.»

А въ самомъ дѣлѣ, странное существо была Марфуша. Не зная настоящаго отца и оторванная отъ матери, она въ но-

вомъ домѣ очутилась круглой сиротой. Никто ее не приласкалъ и не привѣтилъ, но, въ то же время, послѣдняя горничная считала обязанностью ее повожотить или, какъ говорятъ у насъ, уму-разуму поучить! Такъ и росла она на побѣгушвакъ, побранвакъ и тычкакъ. Звали ее «халдой», дѣвкой озорницей, но въ сущности это былъ только живой и веселый характеръ. Марфа была похожа на мать грузинку и хороша собой. Старая барыня сдѣлала было ее фавориткой за красоту, но и съ этимъ не сладила бѣдная Марфуша! Подличать и ябѣдничать она не умѣла или не хотѣла—богъ ее знаетъ; барыни вѣчно грубила, а молодому барину, прибывшему изъ папсіона, чуть было не дала плюху, въ темномъ корридорѣ.— «Отдайте меня лучше въ вѣрстьяне, замужъ, а такъ я жить не хочу!» говорила она, обливаясь слезами. Старая барыня удивилась, что дрянъ Марфушка, безъ роду-племени, не хочетъ барской милости, однако похвалила и изволила даже сказать: «Ну, умница Марфушка, что хочешь жить по закону.» Тутъ встати подвернулся дворецкій Павелъ—просить его женить, и господа женили его на Марфушкѣ. Любила ли молодая мужа—это загадка; но когда Павелъ оказался хозяиномъ и скопидомомъ,—она уважала его по своему. Никто не помнилъ, чтобы Марфа сдѣлала что нибудь противное мужу или не исполнила его приказаній: мужъ по ея понятіямъ, былъ полный хозяинъ, владыка и властелинъ.—«Ему я отдана Богомъ», говорила Марфа другу Іонихѣ и при этомъ горько оплакивала свою падшую мать. Такъ сорокъ лѣтъ и прожила она при господахъ или, какъ выражалась: «служила во дворѣ.»—Но тутъ я долженъ прибавить, что и въ сорокъ лѣтъ, это странное существо Марфа не привыкла къ барскому двору!

Здѣсь впрочемъ не такъ важна исторія Марфы, какъ ея характеръ и личность.

Суровая и дикая школа, въ которой воспитывалась дѣвочка, принесла одну только видимую пользу: Марфа крѣпко и сильно развилась, какъ работница. Все она видала, слышала, проговала, дѣлывала и, при ея зоркости, смѣтливости, горячей крови и упрямой натурѣ, ничто не валилось у нея изъ рукъ! Тутъ чай и кофе разливаютъ, тамъ ключи выдаютъ; тутъ барыню чешеть, одѣваетъ, тамъ коровъ доить идетъ, и, между этимъ,

успѣваетъ пошить, поштопать, новязать, и дѣтовъ вымыть, причесать, и мужу спечь пирогъ любимый. И нельзя сказать, чтобъ она была тревожна или суетлива: отъ жизни на побѣгушкахъ, рано умаялись ея руки и ноги, — въ зрѣлыхъ лѣтахъ она дѣлала все степенно и не торопясь, но при этомъ дѣятельность ея была изумительно полна. Не даромъ до пятидесяти лѣтъ звали ея «Марфушей», такъ до пятидесяти и осталась она жива, сильна и работаща, какъ молодая и здоровая Марфуша! Отъ маяченья жизни, она, когда-то высокая и стройная, теперь согнулась въ дугу, спала здоровьемъ, стала худа и щедушна; по характеръ ея остался такъ же вѣрный и бодръ!

За то какъ и не долюбивала она дворовыхъ тунеядцевъ и шутовъ, которые хвастались усердіемъ, заслугами или значеніемъ при дворѣ. Особенно доставалось отъ нея по женской линіи. Родную сестру прозвала она «сохой-андревной»; и дѣйствительно, кто не взглянетъ на неуклюжую коровницу Лепестинью, всякій скажетъ, что эта баба-деревенщина — настоящая «соха-андревна». Заклеймитъ ли Марфа какую-нибудь Фоминишну, Снафидой, — всякій видитъ, что она дѣйствительно Снафида. Возвеличиваетъ-ли тупоумную Мавариху «дурындой», — сколько не сердится Василій Иванычъ, а часто и самъ видитъ, что Мавариха его въ самомъ дѣлѣ «дурында». Такъ, кухарку Матрену прозвала она Фетиньей Роговной, и Матрена по смерти поминалась всѣми, какъ настоящая Фетинья Роговна!

Иначе впрочемъ и быть не могло. Слушая лѣтъ пятьдесятъ такое разнообразіе говору, какъ барскій домъ, естественно, что Марфа наслушалась всего. Въ рѣчи ея услышишь и приторность приживалки, и степенность богомола Лупыча, и энергическую побранку, и всевозможныя прибаутки, пословицы и поговорки, которыми она такъ и гвоздитъ свою безпощадную, сильную рѣчь. Читатель, я думаю, помнить, какъ звала она господъ чертами, гостей «дьяволами», а маленькихъ барчатъ «собачатами» и «дьяволятами». Нельзя сказать, чтобъ она была зла, — нѣтъ! А въ ней была просто какая-то внутренняя сила, подталкивающая ее выразиться такъ крупно. И надобно замѣтить, что особенно крупно она выражалась только о господахъ! Подъ старость она хотѣла было остепе-

ниться; но это благое намерение кончилось только тѣмъ, что послѣ каждаго грѣховнаго слова она крестилась, плевалась и проговаривалась забавно: «скверная привычка, прости Господи! опять, не воздержалась!»

Суровая и дивная школа исказила ее крѣиво. Начнемъ съ того, что сирота съ младенчества озлоблялась противъ того ярма, которымъ ее постоянно гнели. Ненавидя все окружающее; она съ дѣтства перенесла свою горячую любовь только на животныхъ и скотовъ! Одно слабое, гнетомое и попираемое казалось ей сродни! Съ улыбкой встрѣчаетъ она корову Субботку, съ заботой относитъ меренку овсеца и съ материнской ласвой подманиваетъ въ себѣ курешекъ и цыпленекъ, или кошекъ и собакъ. За то, при первомъ звукѣ ея голоса, все животное поселеніе барскаго двора такъ и шарахается въ ту сторону, откуда слышится ея маяющій голосъ. Все бѣжитъ, летитъ, кричитъ и такъ весело лепечетъ, какъ-будто съ нею говорить. Оборвыши цыплятки, индюшатики, — все лѣзетъ ей подъ ноги, какъ насѣдѣй подѣ крыло. Пихнетъ ли она какого шибудь накала барбоску—барбоска только облизнется да хвостомъ вильнетъ: не сердится и онъ, сердитый, на свою хозяйку! И много-таки онѣ приласкала и прикормила въ себѣ животныхъ и скотовъ!

Понятно послѣ того, какъ эта бѣдная женщина-сирота удивлялась, когда Богъ не далъ ей дѣтей. И ворожила она, и плакала, и дѣлала Богъ знаетъ что съ собой, а дѣти все мрутъ и мрутъ! Наконецъ, какимъ-то чудомъ останавливается у нея первое прошеное и моленое дитя—Вася! Нужно ли дѣлать вопросъ: какъ, послѣ всѣхъ этихъ томленій, страданій, гнета и рабской жизни, полюбила она, горячая, свое первое дитя? Нужно ли дѣлать вопросъ: что такая мать передастъ сыну-любимцу съ своимъ груднымъ молокомъ?

II.

Слуги и господа.

— Не обуваютъ, не одѣваютъ, проклятые, а готовы жилы вытянуть изъ человѣка!.. Бока-то всё проѣло отъ вѣтерос-

ныхъ ихъ щей. Вишь, дьяволы, придумали манеру—не кормить людей. Вотъ плюну на все да и лягу на печь!—ворчитъ Марфа на господъ.

— Полно, другъ, начинаетъ вороватая Иониха,—у тебя дѣтки на рукахъ—подумай: ну, неровенъ часъ—сошлетъ въ деревню; что тогда? Вѣдь Васѣ-то надо учиться!

— Э, матушка Ионовна, не до поросятъ, воли свинью палать! Куда крива не вынесетъ, а я уже имъ не покорюсь,—ни!... Надоѣли они мнѣ, псы смердящіе, какъ горькая рѣдка!

— Да Васинька-то, матка?...

— Васька—отрѣзанный ломоть: его вонъ и Наумъ возметъ въ лавчонку. Ну, а меньшакъ со мной; этому ладно и въ деревнѣ. «Куда, говорятъ, иголочка, туда и ниточка.»

— Эхъ, свѣтъ, подхватываетъ миролюбивая Чудиха:—плетью обуха не перешибешь. Всякъ Еремей про себя разумѣй. Куда намъ съ ними тягаться? Не мимо пословица: «на томъ свѣту сочтемся съ господами.»

— Ну, я и на этомъ разсчитаюсь съ ними.

Словомъ, это былъ характеръ-щетина, который и согнешь да не сломишь! Чѣмъ миролюбивѣе и тише были совѣты, тѣмъ сердитѣе и неумнѣе становилась Марфа.

— Молчать, тебѣ говорятъ! кричитъ Василій Ивановичъ, лежа.

— Самъ молчи!... отвѣчаетъ Марфа чуть не вслухъ.

А на другой день пошла къ барынѣ и такъ сердито брякнула ключами объ столъ, какъ-будто хотѣла сказать: «чортъ съ вами, съ ключами! Плюю я и на влюшничество ваше!»

— Съ ума, что ли, сошла? спрашиваетъ удивленная Марья Александровна. У меня и отъ своихъ дѣлъ голова кругомъ, а ты идешь ко мнѣ съ пустяками! Ступай, объясняйся съ бариномъ.

— Ключи вамъ, сударыня, сданы, и теперь, хоть рѣжьте меня, назадъ не возьму!

Марфа хлопнула дверью и ушла. Барыня отжаловалась барину, что Марфа грубитъ.

— Она совсѣмъ сбѣсилась безъ мужа! Не понимаю, что съ ней?

Баринъ развелъ руками и позвалъ Марфу въ кабинетъ.

— Ты что это тамъ,—эй?

- Что я, сударь?
- Баринъ грубишь, наконецъ?
- Не думала я, сударь, грубить,—просто ключи сдала.
- А почему?
- Потому что не въ силахъ.
- Эй, смотри въ оба, баба! Худо будетъ...
- Хуже этого не будетъ, сударь.
- Пошла вонъ, грубиянка!
- Иду-съ.

Василій Ивановичъ думаль, что Марфа образумится;— ключи пова сдала Маварихѣ-дуриндѣ. Но прошла недѣля, двѣ, три наконецъ, Марфа и не думаетъ образумиться. Ее зовутъ къ господамъ—нейдетъ.—«Не могу, говорить, мочи нѣтъ!» Велѣлъ было баринъ пригрозить, такъ Марфа отвѣчаетъ свое: «вретъ, говорить, въ солдаты не отдасть,—я вѣдь баба: съ меня взятки гладки!»—Наконецъ Василій Ивановичъ поймалъ ее гдѣ-то на задворкахъ съ вурями:

- Ты что это озорничашь,—эй? начинается баринъ тихо.
- А что я, сударь, озорничая? начинается Марфа громко.
- Какъ что? еще спрашивашь, животное! А отчего не служишь намъ, господамъ?
- Я вамъ докладывала отчего,—не могу.
- Ты хоть бы вспомнила наконецъ, безчувственная, что я сдѣлалъ для тебя недавно...
- Да что вы, сударь, сдѣлали? крикнула Марфа сердито.
- Я, свотина, выпустилъ тебѣ сына на волю! крикнулъ баринъ на всѣ задворки.
- Такъ за это покойникъ служилъ вамъ тридцать лѣтъ! Что вы, сударь!
- Ахъ ты, деревяшка! всплеснулъ наконецъ баринъ руками.—Каково? Ну, я сдѣлаюсь съ тобой послѣ того! Я тебѣ удружу; я те запячу!..
- Э, грозень сонъ, да милостивъ Богъ, батюшка Василій Ивановичъ!
- Марфа махнула на барина рукой.
- Къ Длинногубову тебя, разбойницу, за грубость продамъ! Онъ умѣетъ учить вашего брата.
- Меня поздно учить, старуху, — учите молодыхъ!

— Постой-постой ужю!..

— Нечего, сударь, стоять: я вамъ не слуга больше. Солдатъ служить царю только 25 лѣтъ, а я, баба, да отслужила вамъ сорокъ! Будетъ съ васъ и этого! Больше не хочу!

Марфа дѣйствительно отвернулась отъ барина и ушла. Баринъ сердито пошелъ за ней.

— Грозить еще вздумалъ! кричить Марфа въ чуланѣ на Иониху.—Что мнѣ его Длинногубовъ? плевать я на него хочу! Или думаетъ меня съ ума свести, такъ же какъ вонъ тогда племянника Емельву? — Нѣтъ, шалишь, не на ту напасть! (Марфа выпрямилась во весь ростъ)—На варачкахъ допелу до царя, а правду-матку влѣплю! Вымотали они изъ меня въ сорокъ-то лѣтъ довольно! шкуру развѣ послѣднюю снимутъ.

— Семеновна! баринъ идетъ, — предостерегаетъ добродушная Плакида.

— А пусть его идетъ—иди! Я и въ глаза влѣплю!

Баринъ дѣйствительно показался въ дверяхъ.

— Что ты, разбойница, кричишь?

— Я, сударь, не вричу:—правду говорю.

— Послѣдній разъ спрашиваю тебя: будешь ли ты служить?

— Не могу, сударь, служить.

— Я приказываю! крикнулъ баринъ по барски.

— Приказывайте, сколько угодно,—не могу!

— Тфу! упрямая баба.

Василій Иванычъ плюнулъ на бабу и пошелъ жадоваться Марьѣ Алѣксандровнѣ, что Марфа окончательно спятила съ ума:—кричитъ даже на него!

— Это за всѣ наши отеческія заботы, заключила язвительно, барыня. — Безчувственные хамы! Продать эту грубиянку! Видѣть ее не могу больше...

Василій Иванычъ строго исполнялъ велѣнья своей барыни, — значить, нечего добавлять: Марфу тотчасъ продали Длинногубову.

— Вотъ-те, бабушка, Юрьевъ день! шепнула со вздохомъ Иониха.—Продали мою голубку! Какъ-то она тамъ въ новымъ порядкамъ будетъ привыкать?

А новая жизнь Марфы Семеновны началась такъ.

Длинногубовъ назначилъ пріемный день для отставного Ан-

дрюшки-станового и тутъ же встать велѣтъ явиться Марфѣ съ дѣтьми.

— За что тебя продали?

Марфа со слезами начала рассказывать, какъ не обучали и не одѣвали ее старые господа.

— Ты грубишь! прервалъ внезапно новый баринъ. У меня этого не смѣть!

— Въ чемъ, ваше превосходительство?..

— Не смѣть, не смѣть! Что еще за объясненіе? — Который тутъ вольный?

Марфа представила за плеча Васю.

— Старшій? гм!.. Гдѣ-жъ онъ будетъ жить?

— Да есть у него, сударь, дядя Наумъ, по мужѣ, ну мнѣ приходится, — къ нему развѣ въ лавчонку, если не будетъ вашей милости...

— А теперь онъ что за птица? Учится гдѣ ремеслу?

— Какже-съ, батюшка, въ казенной училищѣ годка два произошелъ: въ послѣднемъ теперича гласѣ.

— Это въ уѣздномъ?

— А не знаю, отецъ, — спросите его.

— Это возлѣ полиціи?

— Да-съ! отвѣтилъ Вася робко, потому что тотчасъ узналъ того самаго почетнаго смотрителя, котораго такъ побаивались учителя.

— Ну, такъ вотъ что пока, старуха: жить онъ будетъ съ тобой. — Не кланяйся — ненужно! Учи его лучше, чтобъ онъ зналъ свое начальство. Этакъ онъ и меня не будетъ знать, а я его почетный смотритель.

— Учу, сударь, чему могу, да сама-то человекъ темный...

— Да-да, учи, — это твой. Въ этого я не вступаюсь. Ну, а вотъ этого ты, поволь мнѣ прибрать къ рукамъ.

Новый баринъ раздвинулъ лапу, какъ волчью пасть, и прихватилъ Ваньку-скота.

— Поди-ка ты сюда, маленький. Что топыришься, какъ волчонокъ? Гляди на меня прямо! Зачѣмъ смотришь въ землю?

Но бѣдный Ваня никакъ не могъ вынести взгляда новаго барина: — взглянуть и опять потупить глаза.

— Этого какъ зовутъ?

— Ивановъ, батюшка.

— Дѣта?

— Восьмой годокъ пошелъ съ Ивана постнаго.

— Голось есть?

— Не знаю, сударь, что изволите спрашивать?

— Голось, голось... прибавилъ молчаливый гость.

— Какъ, сударь, не быть голосу у ребенка: на всю улицу звонить.

— Пѣвчимъ быть хочешь?

— Говори же, дикій, — «какъ вашей милости будетъ угодно.»—Мы теперича въ вашей власти состоимъ, батюшка.

— Ну, такъ ступай пока,—тамъ посмотримъ.

И жизнь Марфы Семеновны пошла своимъ чередомъ.

— Что это за домъ?—чортъ никакъ въ немъ, не люди живутъ! жаловалась она съ непривычки Ионихѣ.—И поговорить то, мать моя, не съ кѣмъ. День-деньской у нихъ все гай да май, пѣсня да ржанье; шушукуютъ да хихикаютъ по закоулкамъ. Баринъ съ барыней, знать, не тово—не больно живутъ ладно; а она, говорятъ, и не въ здоровомъ умѣ. Дворни же никого нѣтъ—все нанятые. Своихъ одна только Мариша, да и та какъ поразскажетъ про ихное житье, такъ уши вянутъ! Пуще только тоску наведетъ. Дѣла же никакого нѣтъ теперича,—просто смерть!

Въ самомъ дѣлѣ, Петръ Борисычъ хотѣлъ было придумать какое-то дѣло старухѣ, да не придумалъ ничего; такъ Марфа и осталась съ однимъ чулкомъ да зѣвкомъ.

Благо еще, что были утѣшители: старуха находила отраду сбродить на старый дворъ,—побесѣдовать съ Ионихой и Чудихой. Тамъ она дѣйствительно разгоняла скуку, забывала опалу и возвращалась въ свою прошлую жизнь. Раза два докладываютъ старушонки свой нелуженый самоварнишво, а все еще не договорятся до конца.

— И Шеверюшка-то, знать, узнала тебя, мать. Вишь, какъ хвостичемъ-то вертитъ, начинается Иониха.

— Не што—мила, знать, и собака съ родимой сторонюшки, подхватываетъ скиталица Чудиха.

Марфа глубоко вздыхаетъ.

— А что куретешки мои? спросить заботливая хозяйка.

— Да что, мать, ничего: сидят вонъ въ влѣвѣ—гогочуть. Нашла, что-ли мѣстишко-то имъ?

— Э, какое, матушка Юиовна, тамъ мѣстишко! самой-то съ ребятишками угла нѣтъ покойнаго; аба негдѣ перекрестить!

— А кажись, такой большой домъ.

— Да чортъ ли въ немъ! Набить, матушка, биткомъ: головорѣзовъ пѣвчихъ у него человекъ тридцать; ну, музыкантовъ тоже, да кобылицъ-актрисъ-то столько же. Какое тутъ житье! Куда ни обернись—все страмота одна: образа негдѣ повѣсить!

— Ахъ ты, горе-гореваньнице!

— И надобно же быть такой бѣдѣ—продали!

Старушки еще погорюютъ.

— А не пора ли въ дому?.. спросить Марфа со вздохомъ.

— А сиди, матка. Дѣло-то за тобой, чай, не больно?.. Кропаешь что нибудь тоже?

— Да чулчишки ребятишкамъ. Что мнѣ больше-то кропать?

— Ну, а что твои ребяти?

— Да что имъ дѣлается, матка! Ребята, такъ ребята и есть: они и въ усъ не дуютъ. Ихъ, вишь, нигдѣ скука не пробереть.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣти, какъ дѣти, скорѣе матери привыкли къ новому дому. Вася весело прибѣжалъ отъ музыкантовъ и объявилъ матери, что тамъ хорошо играютъ, и тотчасъ опять ушелъ, къ музыкантамъ. Ванька на первый же день осмотрѣлъ конюшни, лошадей, залѣзъ на сѣноваль, познакомился съ Митрофаномъ и черезъ мѣсяцъ сталъ наяривать на гармоникѣ «Ваньку съ Танькой». Придутъ ли они на старый дворъ къ тетущкѣ Лепестинѣ—и тутъ на нихъ не нападетъ грусть. Обѣздаютъ старыхъ пріятельницъ собакъ, облазятъ, по старой привычкѣ, гвоздярные заборы и володезь съ пѣтушкомъ; Вася до-сыта нахлебается кофейной гущи у бабки Юнихи, а Ванька надуется молочка у крестной мамки, и пойдутъ домой со смѣхомъ да игрой.

— А что мой Васинька? спросить всякій разъ заботливая Юниха.

— Обь этомъ что и говорить, жарушка! (Маруша мах-нетъ отъ удовольствія рукой).—Этому больно гоже житье. Повадился онъ у меня теперича бѣгать въ горницу,—къ сынку-то барскому:— тотъ, значить, тоже Васишка. Вотъ они и подружились; и заведутъ что нибудь этакъ промежъ собой. Мой-то, знаешь, постарше, въ споръ пойдетъ: «не такъ, говорить, это», да по наукѣ-то что нибудь и скажетъ.— «Вотъ вы, говорить, оба Васьки-воты—вотъ и играйте вмѣстѣ:»—это, значить, отецъ-отъ. А мнѣ это на дняхъ и говорить: напрасно, говорить, старуха, ты хочешь его къ Наму, что за лавчонка: онъ, говорить, у тебя мальчишка бѣдовый. Мы, говорить, его лучше въ *генвазію*,—вотъ что благородные-то съ красными воротничками ходятъ.—Туда нарвать его упечь. Онъ, матушка, тамъ попечителемъ какимъ-то, Богъ его знаетъ,—ну, значить, вишь, и сможетъ опрѣдѣлить *моею-то* туда.—А тутъ, говорить, доучиться въ ниверситетѣ можно,—еще ужъ, значить, выше тамъ пойдетъ. А тамъ ужъ, говорить,—въ ниверситетѣ это, значить:—чиновникомъ можетъ быть и шпагу будетъ носить! Вотъ какъ, говорить, старуха!—да и улыбнулся, значить, мнѣ.

— Неужто и шпагу?

— Право, мать моя, такъ и ляпнуть: «шпагу», говорить..— дай Богъ ему здоровье. А можетъ, говорить, изъ него выйдетъ человекъ и таковой, какъ баринъ твой!—значить, вишь, про вашего-то чудушву. Вотъ онъ вѣдъ недалеко заѣхалъ въ чины-то.

— Ну, а Ванюшка мой, внучокъ-отъ допеченый?

— Ну, и этому ничего! Въ училище побѣгиваетъ съ братомъ: туда же опрѣдѣлила, къ Ивану Иванычу.—«Мнѣ, говорить, безграмотныхъ не надо—самъ-отъ, значить, сказалъ: «отведи, говорить, въ училище, а я скажу тамъ Иванову, чтобъ поучилъ его хорошеничко для меня.— Ну, въ пѣвческую тоже опрѣдѣлилъ его,—прибавила мать со вздохомъ. Это такъ отдиравъ, голубчикъ мой, на гуляньи, что гость какой-то цѣлковый ему далъ.

— Слава тебѣ, Господи!

— Только Богъ его знаетъ, дѣвышка, прибавила мать со вздохомъ: озоровать, знать, больно ужъ... Это каку-то

ногу изгадилъ, что ли, тамъ у пѣвчихъ, — залилъ, вишь, чернилами, да еще что-то тамъ напакостилъ, — ну, ужъ и посѣкли разка два, порядкомъ-таки постегали на конюшнѣ!

— Мати, пресвятая Богородица! Этакого-то маленькаго?

— Да что-жъ ты дивуешься, матка? Нельзя вѣдь съ ними иначе. Ладу вѣтъ, — уму-разуму учать добрые люди.

— Да какой ужъ это разумъ на конюшнѣ, Господи Иисусе Христе!

— Эхъ, матушка Сидоровна, и жалко, да что будешь дѣлать? Строгонько таки ведетъ: самъ до всякой малости доходить!

Словомъ, въ совѣтѣ старухъ такъ и было рѣшено, что за битаго у насъ даютъ двухъ небитыхъ, — это чуть ли не закономъ положено. Даже бабушка Чудиха созналась наконецъ, что умнѣющій старецъ Досифей говорилъ ей дорѣгой про дѣтей: — вишь, гдѣ-то въ книгахъ сказано о неповорливомъ сынѣ: «сребріе ему сокруши».

А придетъ Иониха или Чудиха, такъ Марфа еще веселѣе расскажетъ имъ: какъ Ваня съ гулянья привезъ ей еще цѣлновый, а Вася покончилъ училище все, получилъ какой-то *тестатъ* съ красной печаткой и теперь все торчитъ въ горницѣ, — учится у мадамы по французскому. — «Вишь, въ генвазію больно ему захотѣлось!..» заключаетъ старуха со вздохомъ.

— А самъ-отъ, слышь, этто на дняхъ, мать моя, говорилъ по начальству — съ дилехтуромъ, что ли, какимъ, — свазывалъ мнѣ камельдинеръ — отъ его. — «Вѣрно, говорить, я не дождусь отъ васъ мальчика такого, какого хотѣлъ». — Вишь, ему хотѣлось какого-то *особливаго* мальчика, въ какую то книжку золотую записаннаго, — ну, такого вишь тамъ и не нашлось, у дилехтура. Это такъ мнѣ рассказывалъ камельдинеръ. — «Такъ вотъ, говорить, вамъ за это я определяю Васку, Марфина сына! Пусть, говорить, онъ пойметъ, что я Длинногубовъ!» — Такъ, мать моя, и мнѣ сказалъ: Я, говорить, старуха, хочу быть благодѣтелемъ твоему вольному сыну. Молись, говорить, Богу! — Безъ приказанія, говорю, батюшка, буду молиться, только скажи за что? — Ну, ужъ этто, говорить, ты не поймешь. Я ужъ, говорить, самъ знаю

за что.»—Ну, такъ вотъ, мать, знать, въ концѣ-то лѣта и поидеть опять въ науку, съ благородными...

Такъ хорошо шли дѣла Марфы Семеновны. Дворня узнала о судьбѣ дворечихи.—«Ну, слава богу, попала щучка въ рыбный прудокъ!» говорили одни; другіе завидовали, а третьи начали прямо бунить и грубить. Вздумай теперь Василій Иванычъ пострадать когонибудь Длинногубовымъ—и страхъ ихъ нейметъ: такъ и говорятъ прямо въ глаза: «А продайте, говорятъ, сударь, ничего! тамъ тоже не черти живутъ, а люди. Вонъ дворечиха Марфа не нахвалится новымъ-то баринкомъ.»—Такъ что Василій Иванычъ пересталъ наконецъ и страдать Длинногубовымъ.

А тутъ вдругъ прибѣгаетъ однажды испуганная Чудиха и шепчетъ Ионихѣ:

— Охъ, постой, мать, образумиться не могу, —бѣжала безъ оглядки! Дьяволь-отъ Марфу-то избилъ, больно избилъ, ажъ окровянилъ всю.

— Ахти! за что?

— Да ужъ и не спрашивай, мамынька! Такой-то разбойникъ, престо тѣу! (Благочестивая старушка плюнула на хваленаго барина). Дьяволь, а не человекъ! прости Господи мое согрѣшеніе. Пріѣхалъ это онъ съ гулянки, matka, въ нетрезвомъ видѣ, ребятемокъ ей перепоилъ! А она, ты знаешь,—щетинка: прямо тоже этакъ, какъ нашему, и влѣди въ глаза: «Зачѣмъ, говоритъ, сударь, ребятъ поить?» Ну, а тутъ и подвернись лѣпшій: у него такой есть цѣвчій, высокій-превысокій, съ косую сажень.—«Нутко, говоритъ, Варфоломей, благослови ее!»—Тотъ, матынька, и благословилъ ее въ это мѣсто. Такъ два зубка и высадилъ!

— Господи!

— Да-а!..

Исторія впрочемъ была самая обыкновенная по дому Длинногубова: Баринъ отправился на рыбную ловлю; подвудилъ; гости вдвое, а музыканты и пѣвчіе втрое; и остались трезвыми только Вася да Ванька-снотъ.

— А ты что не пьешь? началъ баринъ со старшаго.

— Мамыньки боятся, сударь. Я ужъ потчивалъ! рывкнулъ басъ Варфоломей.

— Э, вздоръ мамышка! Наказать его!

Но Васю ненужно было еще и накачивать. Дали ему стаканчикъ какой-то дряни мускатели—и ребенокъ свернулся, какъ куренокъ. А подъ утро привезли его къ матери и едали, какъ соннаго соменка.

Строгая Марфа Семеновна тутъ же обнюхала, чѣмъ пахнетъ сынъ; на другой день она задала ему теребачку и отправилась съ жалобой къ барину.

Баринъ серьезно выслушалъ жалобу и еще серьезнѣе спросилъ:

— Кто напоилъ?

— Басъ, батюшка,—Варсоломей Иванычъ.

— А сколько онъ ему далъ?

— Стаканище цѣлый, отецъ!

— Этакой подлецъ! А я вѣдь велѣлъ ему два. Позвать его сюда.

Старуха оторопѣла.

— Да, старуха! Ты на него не сердись: я ему приказалъ.

— Да какъ же, сударь, — этакого-то ребенка?

— Ну, что за важность? Пьяницей онъ отъ этого не будетъ, — узнаеть только вкусъ.

— Какой, батюшка, съ этихъ лѣтъ вкусъ къ вину?

— Э, пустяки! Ну, просто было досадно: всѣ мы пьяны, а онъ не пьянъ. Вотъ я и распорядился. Ты, пожалуйста, на меня не сердись.

— На васъ, сударь, нашего благодѣтеля, и сердиться мнѣ грѣшно, выговорила мать со слезами.

— Ну, и ступай съ богомъ!

Точно отуманенная вышла мать изъ кабинета барина-благодѣтеля.

— Что это такое? Куда я попала? думала она тяжело. А исторія только еще начиналась.

Черезъ недѣлю Марфа сидитъ у воротъ и ждетъ господъ съ гулянья. Ее навѣстила бабушка Чудиха. Пѣвчихъ привезли впередъ на длиннѣйшихъ роспускахъ. Двое держатъ Ваньку-света. У матери оторвалось сердце, — она бросилась къ сыну.

— Мама, я пьянъ! выговорила несвязно маленький Ванька

и упалъ на каменную мостовую барскаго двора. Изъ кармана просыпалась мѣдь.

Мама заплакала. Чудиха подобрала гроши.

— И этакого маленькаго, Господи!

Старушки повели Ваньку въ избу.

— Эхъ, несчастный! что съ тобой дѣлають? выговорила горько мать.

А Ванька кувряется передъ ней на полу и даже буянить, какъ настоящая пьянюга. Сидоровна подала ему водицы, а мать не выдержала, — разразилась громкой бранью на барина.

Нетрезвый баринъ, какъ деликатный человекъ, шелъ было въ избу, — извиниться передъ старухой.

— Баринъ, мамынька, идетъ! извѣстилъ Вася, который на этотъ разъ былъ только на веселѣ.

— А пусть его идетъ и полюбуется! выговорила горько мать.

Баринъ дѣйствительно вошелъ.

— Ну, старуха, еще я провинился: голосистаго твоего соловья опять подпоилъ. Еще лучше, бестія, поеть!

— Не дѣло, сударь, это.

— Какъ не дѣло?..

— Такъ не дѣло, сударь, поить ребенка.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, сударь!

— Каково? Ай да Марфа-посадница.

— Да, сударь! Какая я ни на ссть посадница, а все ему мать!

— А нельзя ли помолчать?

— Не замолчу, сударь: я мать!

— Ну, такъ я велю вѣдь и унять! — Эй, Варфоломей! дай-ко вонъ ей родительское благословеніе.

Басъ былъ дѣйствительно мужчина высокаго роста и силенъ, какъ Илья-муромецъ; а тутъ еще онъ припомнилъ жалобу Марфы и подъ пьяную руку такую закатилъ ей оплеуху, что старушонка свалилась, какъ сношъ.

— Мамынька! взвизгнувъ испуганный Вася и бросился къ матери. Ванька, отрезвленный съ испугу, оцетинился, какъ котенокъ, и уползъ подъ кровать.

— Съ нами крестная сила! говорить Чудиха, крестясь.

— Скотина! проговорилъ пьяный баринъ, но такъ равнодушно и однозвучно, что рѣшительно нельзя было понять, къ кому относилась эта брань: къ Марфѣ, Варфоломею или еще къ кому.

— Охъ, поднимите, не могу!

Старушка плюнула кровью на рукавъ своего любимца и придѣлала красный обшлагъ будущему гимназисту.

Исторія эта разнеслась по дому Куроѣдова. Барыня предложила Василию Ивановичу откупить бѣдную Марфу назадъ. Фоминишна замѣтила язвительно, сжимая тонкія губы: «Наскочила, вѣрно, наша свѣтъ Марфа Семеновна! За дѣло ей: язычокъ больно востеръ». Плакида ахнула и тотчасъ побѣжала къ сосѣдкамъ. А прочая дворня непритворно пожалѣла свою старую Семениху.

— Этакъ, бѣдная, чего дождалась на старости! Жила бы здѣсь покоемъ! проговорилъ наконецъ вѣчно-молчавшій Анхимычъ, доваривая барскіе щи.

— Наскочи-ко на меня этакъ!—да я бы пополамъ перешибъ его, шельму! со скрежетомъ зубовъ начинаетъ петербургскій человѣкъ. Что это такое?—кровянить человѣка. Ахъ вы, разбойники!

— Какое, батюшка, кровянить: и зубки положила на полку, такъ два и выставилъ ей, родимый! подхватила Чудиха. Менья-то до смерти напужалъ, старуху.

— Ну, плоха кума! Да я бы, на ея мѣстѣ, сію минуту въ губернатору и съ зубами. Что это такое! Пусть ему, подлецу, ничего не сдѣлаютъ, ну, а все же я острамлю его на всю губернію!

— Ахъ ты, родимикъ нашъ, заступничекъ, золотая головушка питерская! Возьми ты хоть это въ толкъ: куда ей идти? Старуха вѣдь она; слова-то вымолвить не сможетъ. Да храни Богъ! еще, неровень часъ, какъ спросить: «скажъ ты осмѣлилась, старуха, на генерала?...

— Э, мать!... такъ я-жъ пойду настрою ее сію минуту. А нѣтъ, такъ самъ явлюсь къ губернатору или настрою такое прошеніе, что у меня и начальство все переплачется отъ жалости!

И Огаркинъ зашелъ еще въ Дерябу—привативъ смѣлости и отправился строить куму. Кума, конечно, отвагалась идти къ губернатору и только удушливо добавила: «жаль мнѣ другъ, вотъ кого: испортишь ученье его!» А кумъ не вытерпѣлъ, — пошелъ и въ утро проснулся въ полиціи.

Г. Потанинъ.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НА ПОГОСТЪ,

X.

Квартира Трепетовыхъ снова сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ обитателей погоста, и съ утра до вечера опять идутъ въ ней рьяныя толки и хлопоты. Сама Катерина Ивановна точно никогда не больна не была и мечется цѣлые дни изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлая. Дѣло въ томъ, что теперь, по уставу, слѣдовало женить Николая Васильича на комъ бы то ни было, и женить какъ можно скорѣе. Надо было въ теченіи нѣсколькихъ дней отыскать ему «подругу сердца», и притомъ такую, чтобы и лицомъ подходящая была, и достатки кое-какіе имѣла, а главное, чтобы не тощая да не хвораая, потому что «ежели молодой, грѣхомъ, овдовѣтъ, такъ ему другой жены не дадутъ: надо, чтобы на всю жизнь ему хватила».

И вотъ впопыхахъ они перебираютъ теперь по восточкамъ всѣхъ окрестныхъ двницъ; каждый ломаетъ свою голову, чтобы припомнить всевозможные слухи и сплетни о жизни сосѣднихъ приходоѣвъ: у кого какіе доходы, и кто сколько приданого дать можетъ, и каковы обидные родители, — словомъ, все, что до сихъ поръ пропущено мимо ушей

и обсуждалось только отъ нечего дѣлать, — теперь въ ходъ пошло и подверглось строгому разбору.

А женихъ, между тѣмъ, сидѣлъ въ углу, повѣся голову, и съ полнѣйшей апатіей глядѣлъ на всю эту кутерьму, точно дѣло вовсе его не касалось. Онъ ужъ успѣлъ одуматься и хотѣлось бы ему воротить назадъ вырванное у него согласіе, — да какъ теперь воротить его? Точно волна какая охватила его эта услужливая толпа сердобольныхъ опекуновъ и дружно тащила въ свой омутъ темный и неприглядный. Онъ впрочемъ и не сопротивлялся больше, и когда мать и гости начали обращаться къ нему за совѣтомъ и мнѣніемъ, онъ отвѣтилъ имъ рѣзко, что ему теперь все равно, на комъ ни жениться и гдѣ ни жить, и что онъ вполне полагается на ихъ выборъ и опытность. Такая апатія жениха къ выбору «подруги сердца», признаться, и не удивила никого особенно, потому что всѣ считали невѣсту чѣмъ-то второстепеннымъ и придаточнымъ: «было бы мѣсто, а невѣста найдется» — толковали они. И невѣста, какъ увидимъ, дѣйствительно нашлась.

Порѣшили на первый разъ ѣхать смотрѣть невѣсту къ лежинскому дьякону, на томъ основаніи, что у него дочь образованная, съ виду очень на барыню походить и притомъ за ней рублей триста чистыми дадутъ. — «Правда, мать у ней очень эхидная, — заиѣтила при этомъ Степанида Петровна: — да вѣдь не съ матерью ему вѣнчаться-то». — Съ этимъ всѣ согласились.

— Такъ вотъ, Никола, сказала Катерина Ивановна, подсаживаясь къ сыну, — невѣста будетъ тебѣ по сердцу: и красивая, и ученая, да и деньги есть. Мы въ воскресенье виѣстѣ и отправимся къ нимъ. Тамъ всаати правдинъ храмовой будетъ, — повеселишься. Согласенъ, что ли?

— Я сказалъ тебѣ, матушка, что не спрашивай меня и вези, куда хочешь, хоть въ лѣсъ, хоть въ болото.

— Да ты не сердись, Никола, надо вѣдь, чтобъ и тебѣ невѣста понравилась.

— Мнѣ все равно.

— Ну, и ладно.

И всѣмъ погоетомъ рѣшено было тоже, что женихъ виѣстѣ съ родителями долженъ отправиться въ Лежину, — будто ради правдинъ только...

А между тѣмъ, въ Лежинѣ тоже была не малая тревога, оза...

бояно въ семействѣ дьякона.—Неизвѣстно, какими путями перелетаютъ новости съ погоста на погостъ, и не виновать ли тутъ Силычъ почтенный, успѣвшій мимоходомъ побывать у знакомаго лежинскаго дьякона, но только тамъ еще наканунѣ праздника знали, что Трепетовы прїѣдутъ къ нимъ «смотреть певѣсту». По этому случаю дьяконица вечеркомъ позвала къ себѣ свою старшую дочку, Катю, и строго внушила ей, чтобы она всѣми средствами ухаживала за такимъ женихомъ и старалась поправиться его родителямъ, потому что не вѣкъ же ей въ «дѣвкахъ сидѣть». На это дочка рѣзко отвѣтила ей: «ужь, пожалуйста, не учите; сама знаю, что дѣлать; я не какая нибудь».

Дѣйствительно, Катя была «не какая нибудь»; она между всѣмъ окрестнымъ духовенствомъ слыла за «барыню», и нѣкоторыя поповны смотрѣли на нее съ непритворною завистью и даже брали съ нея примѣръ. Дѣло въ томъ, что она чуть не съ малолѣтства ходила въ гости къ помѣщику Курдюкову и считала себя подругой его единственной дочери. Съ нею вмѣстѣ она играла сначала въ куклы, а потомъ ѣздила гулять, читала романы, помогала одѣваться, — словомъ, играла роль ея компаньонки, «чтобъ барышнѣ не было скучно». Удостоившись чести быть подругой *барышни*, Катя, какъ дѣвушка переимчивая, захотѣла сама быть барышней. И вотъ навзвасталась она отъ помѣщиковъ внѣшняго лоску, заучила нѣсколько красивыхъ словъ, усвоила нехитрые приемы кокетства и скоро въ самомъ дѣлѣ стала походить на барышню. Съ теченьемъ времени, она уже до того привыкла къ барскому образу жизни, что дома ей становилось скучно; она капризничала, работать ничего не хотѣла, да и не могла, любила читать Пюльде-Кюга и мечтала о какихъ-то фантастическихъ офицерахъ. Курдюковы, конечно, не считали ее ровнею, третировали ее свысока, особенно при гостяхъ, и вышла наша Катя, такимъ образомъ, ни пава, ни ворона: отъ своихъ отстала, къ чужимъ не пристала. Потомъ ея подруга-барышня вышла замужъ и уѣхала куда-то. Катѣ тоже замужъ захотѣлось, а такъ какъ офицеровъ въ наличности не было, то и принялась она кокетничать съ семинаристами. Нѣтъ ничего скучнѣе этихъ изуродованныхъ барствомъ сельскихъ дѣвушекъ, и на нихъ всего рельефнѣе и рѣзче отражается та прикрытая внѣшнимъ лоскомъ пустота, которая царитъ въ семейной жизни нашихъ помѣщиковъ. Бурсаки-женихи смотрятъ на этихъ барышень съ нѣкоторымъ страхомъ, и рѣдкій осмѣлится жениться на такой, чтобы не заплакаться послѣ.

Ее-то избрала невѣстой своему сыну сообразительная Катерина Ивановна, на томъ основаніи, что «ежели онъ любить свѣтскія, такъ чего-жь ему лучше?»

Катѣ тоже очень захотѣлось выйти замужъ за Третьякова, пре котораго она слыхала, что онъ мужчина красивый и, главное, «свѣцкій», и, ложась спать наканунѣ праздника, она долго соображала, какое лучше ей платье завтра надѣть и въ какомъ мѣстѣ бантъ пришить, и о чемъ завести разговоры, чтобъ пустить ему пылъ въ глаза. Хитрая была дѣвица.

Насталъ наконецъ и праздникъ.

— Батюшки, народу-то васъ сегодня, — сказала Катерина Иванова, вваливаясь въ комнату и здороваясь съ дьяконницей. — Вотъ и мы кстати.

— Милости просимъ, матушка; еще бы вы и въ праздникъ не пріѣхали, и то въ кои вѣки... отвѣтила дьяконница, чинно раскланиваясь и усаживая гостей.

Народу дѣйствительно было много. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ жизнью сельскаго духовенства, тотъ знаетъ, какое важное значеніе имѣютъ здѣсь храмовые праздники. Эти праздники на перечетѣ у всѣхъ соосѣднихъ приходоѡвъ; ихъ ждутъ съ нетерпѣньемъ, какъ пріятнаго развлечения, ими время опредѣляютъ. Не говоря уже о сытныхъ обѣдахъ и закускахъ, которые по праздникамъ съ утра до ночи не убираются со стола, въ эти дни духовенство поживаетъ свои захохоты для общаго пріятельскаго свиданья; тутъ идетъ взаимный обменъ новостей, передаются разные вѣсти и слухи, идетъ дружный обменъ интересовъ, и многіе здѣсь запасаются разговорами чуть не на цѣлый годъ. Вотъ и теперь къ лежннскому дьякону съѣхались съ окрестныхъ приходоѡвъ все почти приты; тутъ были и священники, и дьяконы, и дьячки съ своими семействами, были семинаристы и даже одинъ академикъ*), на которыхъ, какъ извѣстно, сельское духовенство смотритъ съ благоговѣніемъ, какъ на «палаты ума и учености». Этотъ академикъ былъ впрочемъ не особенно хитрый; онъ молча сидѣлъ въ углу, бросая кругомъ гордые, самоувѣренные взгляды, и только изрѣдка отпускалъ фразы, въ которыхъ рѣзко звучали слова: я да мы. Дѣвицы, сложа руки, чинно сидѣли вдоль стѣнки, перешоптывались между собою и хихикали. Какой-то

*) Студентъ духовной академіи.

священникъ громко разсказывалъ, какъ у нихъ архирей проѣздомъ былъ и что онъ говорить изволилъ, и общество слушало его очень серьезно, вполне сознавая всю важность подобнаго факта; потомъ поднялся оживленный споръ о томъ, имѣть ли отецъ Петръ набадренникъ, или не имѣть? Хозяйка, залитая потомъ, бѣгала въ суматохѣ по комнатѣ и приглашала гостей то закусить, то выпить. Николай Васильичъ усѣлся около двери и изподлобья разглядывалъ собравшееся общество. И онъ, бывало, когда-то любилъ эти праздники и веселился на нихъ отъ души, а теперь у него только жолчь разливается, смотрѣть ни на что не хочется... Къ нему осторожно подошла Катерина Ивановна.

— Что ты сидишь такъ, Николая, шепнула она ему на ухо:— поди познакомься съ невѣстой-то; вопъ она напротивъ сидить.

— Пусть она сама придетъ, коли ей хочется, а я не пойду,—нехотя отвѣтилъ тотъ.

— Для меня хоть ты сдѣлай это, Николая...

— Ахъ, матушка, ей-богу мнѣ и безъ нея очень весело.

Мать пожала плечами и отошла. Вслѣдъ за нею, съ подобострастной улыбкой приблизился къ нему самъ хозяинъ.

— Весьма измѣнились вы, Николай Васильевичъ, заговорилъ онъ, усаживаясь возлѣ:—я васъ еще махонькимъ помню, а теперь вотъ вы иереємъ у насъ удостоитесь...

— Я былъ здѣсь даже три года назадъ, тоже на праздникѣ.

— Какже, и я часто воспоминаю, какъ вы у насъ хлѣбъ-соль изволили нушать... Осмѣливаюсь спросить: у васъ нынѣшній отецъ ректоръ, я слышалъ, мужъ весьма просвѣщенный и любомудрый...

— Да, любомудрый.

— Гмъ! А я всегда съ не малюю завистью гляжу на молодыхъ студентовъ,—произнесъ дьяконъ послѣ небольшого замѣшательства и проворно сдвѣвъ разговоръ на свои личныя семинарскія воспоминанія, которые въ подобныхъ случаяхъ всегда выручаютъ, потому что не требуютъ глубокихъ соображеній. Николай Васильичъ, отъ нечего дѣлать, сталъ поддерживать разговоръ, а самъ, между тѣмъ, пристально разглядывалъ свою будущую невѣсту. Она сиѣла напротивъ него въ нарядномъ платѣ, какъ видно, съ барскихъ плечъ, перекидывалась словами съ подругами и кокетливо щурила глазки. Тренетова очень занимало, какъ она постепенно приходила въ замѣшательство отъ его пристальнаго взгляда, какъ старалась казаться снохойной и

даже небрежной, а между тѣмъ, во всѣхъ ея движеніяхъ, въ разговорѣ на распѣвъ, въ разсѣянности было замѣтно, что она чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и что вполне имъ довольна. Она какъ-то неестественно поводила глазами, кусала губы и однажды, послушавъ острогу сосѣда-семинариста, захохотала такъ принужденно, что всѣ обратили на нее вниманіе. Катя окончательно смѣшалась и, шепнувъ что-то подругамъ, вышла съ ними на крыльцо. Проходя мимо Трепетова, она будто нечаянно заѣбла его платьемъ и на распѣвъ прошептала: «пардонъ». Николай Васильичъ слышалъ, какъ въ сѣняхъ ее остановила мать и заставляла вернуться въ комнату на что Катя съ достоинствомъ просила ее не мѣшаться не въ свое дѣло.

— Не желаете ли рюмочку чего употребить? спросилъ хозяинъ, замѣтивъ, что отъ его бесѣды мало проку.

— Отчего-жь не выпить, отвѣтилъ Трепетовъ.

Дьяконъ исчезъ и черезъ минуту явился съ подносомъ, на которомъ стояла рюмка вина. За нимъ дьяконица внесла двѣ тарелки съ колбасой и солеными грибами. Очевидно, за Трепетовымъ ухаживали, какъ за будущимъ священникомъ и женихомъ дочери. Особенно мѣстный дьячекъ все время глазъ съ него не спускалъ и соображалъ что-то. Когда Трепетовъ выишлъ, его лицо просіяло; онъ широко улыбнулся и самъ попросилъ себѣ рюмочку.

Скоро по селу въ полсотни бабьихъ голосовъ завизжала хорвала пѣсня, и разряженная толпа крестьянокъ гуськомъ тронулась вдоль по улицѣ, идущей мимо церкви. Въ ту же минуту въ комнату вошелъ старый пономарь, съ сѣдой косичкой, и принесъ съ собою гитару. Это былъ безсмѣнный музыкантъ на всѣхъ церковныхъ вечеринкахъ, и давно уже сосѣдняя молодежь пляшетъ подъ звуки его *чижика*. За нимъ толпою ввалились барышни и окружили пономаря, какъ своего благодѣтеля. Старикъ ухмылялся и подмигивалъ.

— Сыграть, что ли, кадсельку-то? спросилъ онъ вкрадчиво.

— Сыграй, дѣдушка, заговорили въ одинъ голосъ дѣвицы.

— Ну, такъ пляшите съ богомъ, рюмка за вами...

И онъ вывелъ на гитарѣ пресловутаго «чижика».

Общество закопошилось; солидное духовенство сочло нужнымъ удалиться въ другую комнату, гдѣ у нихъ дружно пошла *кружовая*; начинали устроиваться пары. Невѣста долго отказывала приглашавшимъ ее на танецъ кавалерамъ и бросала выразительные взгляды на

Николая Васильича, но видя, что онъ не трогается съ мѣста, скрѣпя сердце, отдала руку академисту. И пошелъ плясать всеобщій подъ игривое тринганье «чижика». Пономарь бился изъ силъ, чтобы раззадорить пляшущихъ: онъ и ногою въ тактъ пристукивалъ, и старался голосомъ представить, какъ чижикъ поетъ, а пляшущіе, въ свою очередь, выходили изъ себя, чтобы показать свою грацію: половицы затрещали, стекла зазвенѣли, стулья запрыгали.... Николай Васильичъ отъ скуки вышелъ на крыльцо. Свѣжимъ и вольнымъ воздухомъ пахнуло на него съ улицы, но и тамъ народъ бѣсновался и визжалъ во всѣ рты. Съ визгомъ летали надъ селомъ вопли бабьи, съ поля откуда-то грянула хоровая «во-лузяхъ», сзади изъ комнаты слышалось «волною морскою», и все это сливалось съ звуками «чижика» и топаньемъ пляшущихъ.— Вотъ такъ праздникъ! подумалъ Трепетовъ и улыбнулся, жолчно улыбнулся. Скучно было ему; видъ общаго веселья только раздражалъ его болѣе, и онъ раскаивался, что поѣхалъ на праздникъ. Прислонясь къ дверному косяку, сталъ онъ тоскливо разсматривать село, въ которомъ, быть можетъ, придется ему поселиться на вѣки вѣчныя и, не мудрено, что село ему не понравилось, сосѣди показались глупыми, а о невѣстѣ и думать не хотѣлось. А между тѣмъ, матушки втихомолку не спускали глазъ съ жениха и неутомимо слѣдили за каждымъ шагомъ его. Не успѣлъ Николай Васильичъ и десяти минутъ постоять на свободѣ, какъ около него появилась дьяконница-хозяйка.

— Что-жъ вы, молодой человекъ, не протанцуете кадсель съ дѣвцами? спросила она.

— Да я не умѣю.

— Не врите, пожалуйста, понапрасну:— кому-жъ и умѣть послѣ этого, какъ не свѣцимъ кавалерамъ? Мы вѣдь все понимаемъ, подмигнула она. Да что-жъ вы стоите тутъ: пожалуйте въ залу.

— Миѣ и здѣсь хорошо.

— Какъ можно, что вы! въ залѣ теперъ всѣ гости, тамъ и дѣвицы всѣ. Пожалуйте.

И не отстала дьяконница до тѣхъ поръ, пока Трепетовъ не вошелъ въ залу. Дѣлать нечего, надо было повиноваться; онъ занялъ прежнее мѣсто, около двери, и сидѣлъ, какъ автоматъ, сбывшись и съ упорнымъ медчаньемъ. Танецъ кончился, и Катя, будто нечаянно, спустилась на стулъ возлѣ него.

— Ахъ, извините, я, кажется, помѣшала вамъ, — произнесла она, кокетливо обмахиваясь платкомъ.

— Нѣтъ, ничего-съ, — отвѣтилъ Трепетовъ, нѣсколько отодвигаясь.

— Какъ жарко сегодня... Я чувствую ужасную ажитацию.

— Какъ-съ?

— Устала очень... Я ужасно люблю танцевать: это моя страсть...

А вы такой гордый и не хотите съ нами.

— Я не люблю танцевъ.

— Я сама не люблю, особенно если очень тѣсно и кавалеровъ хорошихъ нѣтъ. А у насъ какіе кавалеры? Все мове.

Трепетовъ посмотрѣлъ на нее съсниско и промолчалъ.

— Скажите чтонибудь, — проговорила Катя жеманно.

— Что же вамъ сказать?

— Чтонибудь... Вы знаете какіе-нибудь стихи?

— Нѣтъ, не знаю. А вы любите стихи?

— Ужасно люблю.

— Какіе же?

— Всякіе... особенно я люблю печальные и гдѣ говорится про поэзію, про любовь... Я и романы читаю...

— Значитъ, вы любите заниматься чтеніемъ?

— Ещѣ бы! Такъ скучно вѣдь.

Трепетовъ невольно вспомнилъ при этомъ то «скучно», въ которомъ призналась ему Таия, и невольно провелъ параллель между этими двумя дѣвушками.

— Неужели и вы скучаете когда-нибудь? спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ Катю.

— Ужасно скучаю. Да и какое-жъ тутъ можетъ быть веселье? Никого никогда не бываетъ у насъ, родственники все такіе невѣжи и необразованные, семинаристы прѣзжаютъ только лѣтомъ, а зимой нѣтъ ни кавалеровъ, ни общества. Вотъ только и отдыхаю у Курдюковыхъ.

Въ этомъ родѣ разговоръ завязался на долго. Катя то старалась щегольнуть своею свѣтскостью, то свести разговоръ на интимный тонъ; она жаловалась на свое одиночество, критиковала знакомыхъ жениховъ-семинаристовъ и довольно ясно намекнула Трепетову, что ей нуженъ именно такой женихъ, какъ онъ, Трепетовъ. И не знала эта барышня, что своими разговорами она окончательво рождаетъ себя въ глазахъ нашего героя, что въ этихъ разговорахъ онъ читаетъ

все ей неизвѣдное прошлое и будущее, и все еще хочется ей объяснить въ свою пользу его ироническую улыбку и грустную задумчивость. А обѣ матушки съ умиленьемъ наблюдали изъ-за угла за бесѣдою молодыхъ людей и торопились вывести благоприятныя заключенія; дѣвицы тоже переглядывались и перешоптывались; на оціonomіяхъ матушекъ другихъ приходовъ было ясно выражено, что «мы все это понимаемъ».

Неожиданный случай выручилъ Трепетова изъ непріятнаго положенія. Въ сосѣдней комнатѣ кто-то съ грохотомъ опрокинулъ бутылъ съ водкой, и общество съ хохотомъ бросилось туда узнавать обстоятельства дѣла. Николай Васильчъ воспользовался этой суматохой и ускользнулъ въ садъ, гдѣ болѣе солидные гости занимались игрою въ три-листка и свои козыри.

Этотъ случай оживилъ монотонность праздника, и веселье стало выражаться въ болѣе свободныхъ формахъ. Новая бутылъ съ водкой явилась уже въ главной залѣ, языки у гостей развязались, пошли разныя шуточки, то здѣсь, то тамъ, начались обниманья, цѣлованья и другіе подобныя обряды. У всѣхъ и походка точно измѣнилась: никто не пройдетъ с проста, а всякій старается пристукнуть ногой, дѣвнуть плечомъ и чувствуетъ во всемъ тѣлѣ сладкое подергиванье. Старый пономарь скоро былъ уже не въ силахъ навгрывать чижика; вмѣсто гитары, образовался цѣлый хоръ любителей, который съ азартомъ принялся отхватывать: «ахъ вы сѣни, моя сѣни», и подъ этотъ праздничный гимнъ кадрилъ пошла такъ рьяно, что самъ суровый Захарычъ не могъ больше сдерживать своей удали и сился вставить среди танцующихъ какое-то особенное *па*. Съ присвистомъ, съ прищолгиваньемъ и какимъ-то завываньемъ отламывали пляшущіе разныя колѣнца; кто-то грохнулся съ взрывомъ общаго хохота, и потомъ пошелъ уже такой грохотъ и гвалтъ, такое судорожное коверканье человѣческихъ членовъ, что люди слабонервные, заткнувъ уши, поспѣшили удалиться изъ залы. Если бы та умная голова, которая ухитрилась изобрѣсть кадрилъ, могла заглянуть на лежнскіе танцы, — что бы подумала эта умная голова?...

Барышня-невѣста болше не танцевала и сидѣла поодаль отъ подругъ и пирующихъ. Рядомъ съ нею помѣстился академикъ и громко доказывалъ ей, что что-то «таится во мракѣ молчанія и невѣденія, ибо Амвросій Медиоланскій и даже самъ великій Кантъ

говорить, что» и т. д. Катя слушала его очень разсѣянно, о чемъ-то тревожно думала, и только когда замѣчала на себѣ взглядъ Николая Васильича, старалась хохотать и вазаться веселой, что очень изумляло академиста и ставило его въ тупикъ.

Въ сумерки Трепетовъ окончательно соскучился и упросилъ мать ѣхать домой. Хозяева переполошились, засуетились, стали упрашивать закусить на дорогу, но Николай Васильичъ извинился недоробьемъ и первый сѣлъ въ телѣгу. Невѣста впопыхахъ выбѣжала на крыльцо и, мѣшаясь, проговорила, что надѣется еще разъ видѣть его у себя. Трепетовъ отвѣтилъ, что сочтеть первымъ долгомъ, и Катя просіяла. — Долго еще о чемъ-то шептались матушки на прощаньи, и Трепетовъ могъ услышать только послѣднія слова дьяконницы: «больше четырехсотъ дать не можемъ».

— А это для васъ, Николай Васильичъ, — сказала хозяйка, подавая жениху какой-то пакетъ. — Спрячьте въ карманъ.

— Что это такое?

— А уже дома прочтете и подумаете.

Телѣга тронулась по селу, мимо хоровадовъ и полушьяныхъ крестьянъ. Стоякъ стоялъ надъ селомъ и въ полной силѣ звучалъ еще праздникъ. На крыльцѣ дьяконскаго дома все еще стояли гости, и между ними Трепетовъ отличилъ оигуру Кати: она махала платкомъ. Потомъ телѣга обогнула село и черезъ огороды выѣхала на знакомую дорожку къ холму емельяновскому.

Трепетовъ вспомнилъ о пакетѣ и вскрылъ его. Тамъ на листѣ бумаги онъ прочелъ слѣдующее: «Роспись приданова невѣсты Екатерины Петровой. 1—Божіе милосердіе большое въ серебряномъ окладѣ съ позолотой; 2—Божіе милосердіе помень въ серебряномъ окладѣ безъ позолоты;—3—Салопъ лисій крытый градедамомъ, съ воротникомъ кунимъ» и т. д. Всего было до сорока параграфовъ, въ составъ которыхъ вошли и юбки, и чулки, и посуда, и всѣ принадлежности невѣсты съ самымъ подробнымъ описаніемъ. Катерина Ивановна не сводила глазъ съ сына. Тотъ улыбнулся и спряталъ бумагу.

— Вы уже порѣшили съ ними? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, какъ можно, ты самъ долженъ порѣшить!

— Такъ вотъ что, матушка: мнѣ эта невѣста не нравится. Если ужъ непремѣнно мнѣ надо жениться, такъ позвольте мнѣ лучше Таню взять.

— Что ты, Богъ съ тобой! вскрикнула Катерина Ивановна, испугавшись,—это нашу-то Таньку глупую?

— Она лучше, чѣмъ эта.

— Да вѣдь за ней ничего нѣту! И чего тебѣ срамиться-то—эдакую голь брать? Развѣ нѣтъ невѣсть получше? Эта не поправилась, такъ другую найдемъ, а то Таньку... Да и что здѣсь-то скажутъ, вѣдь срамъ!

— Матушка! дайте мнѣ хоть въ этомъ-то волю! И то ужь...

— Ну, ладно-ладно, тамъ ужо потолкуемъ, перебила его встревоженная Катерина Ивановна.

Они замолчали и всю дорогу не говорили больше ни слова. Послѣ ужина Катерина Ивановна глубоко задумалась надъ вопросомъ: какъ бы вымаклячить у скупого отца Никиты что нибудь въ приданое Танѣ? Хотѣла было она посоветоваться объ этомъ съ Василиемъ Петровичемъ, но старикъ подкутилъ съ радости, что дѣло съ сыномъ пошло на ладъ.

А у лежинскаго дьякона праздникъ продолжался до поздней ночи, такъ что больше половины гостей были не въ состояніи разѣхаться по домамъ и развалились въ повалку на большомъ дьяконскомъ сѣновалѣ. Мать-дьяконица тайкомъ сообщила Катѣ, что «есть надежда», и Катя, лежа въ постели и сладко потягиваясь, долго шепталась съ своей подругой. Разговоръ шелъ, конечно, по секрету.

— Папа, душка, посоветуй, какъ мнѣ быть? спрашивала Катя подругу.

— А что такое?

— Мнѣ недавно Петръ Иванычъ потихоньку признался въ любви, а Николай Васильичъ тоже, кажется, влюбленъ въ меня; по крайней мѣрѣ, онъ сегодня такъ смотрѣлъ, такъ смотрѣлъ на меня, что я не знала, куда и дѣваться.

— Счастливая!..

— Я теперь ужъ и не знаю, за котораго мнѣ выйдти замужъ. Какъ ты думаешь? А?

— А который тебѣ больше нравится?

— Да мнѣ оба нравятся; ужъ просто... Я думаю, что Николай Васильичъ будетъ священникомъ красивѣе, чѣмъ Петръ Иванычъ;

рыса ему больше пойдеть. Ты замѣтила: у Петра Иваныча волосы очень рѣдки? Что за красота—длинные, прямые, какъ мочала, и рѣдкіе... Фи!..

— А у Николая Васильича борода не растетъ, а священникъ безъ бороды...

— Пустяки-съ; ему всего только 21 годъ.

— А онъ съ училища брѣтся.

— Это откуда ты знаешь.

— Слышала.

— Неправда; это ты нарочно, чтобъ отбить... А онъ сегодня даже ни разу и не поглядѣлъ на тебя...

И споры шопотомъ тянутся до свѣту: обѣ взволнованы и обѣ успѣли гдѣ-то разузнать множество разныхъ подробностей о двухъ женихахъ... Въ перемѣжкахъ слышатся вздохи и слова: «ужь не знаю, какъ и быть»...

XI.

Между обитателями холма емельяновскаго Таня занимала чуть ли не послѣднее мѣсто. Всѣ смотрѣли на нее, какъ на постороннюю, ничего непачущую личность, живущую на погостѣ только изъ милости; каждый считалъ своимъ долгомъ третировать ее, какъ «нищій и убогій, сосудъ скудѣльный», предаваться по поводу ея сердобольнымъ размышленіямъ и смотрѣть на нее свысока. Никому, конечно, и въ голову не приходило никогда, что Таня можетъ быть невѣстой Трепетова, и потому можно представить себѣ то общее изумленіе, когда погостъ услышалъ объ этой новости.

Таня тоже не мечтала о такомъ счастьи. Привыкнувъ къ своей пассивной роли, всѣми отверженная, она и сама смотрѣла на жильцовъ погоста, какъ на людей постороннихъ, и мало интересовалась ихъ толгами и сплетнями. Слышала она мелькомъ, что Николай Васильичъ поѣхалъ смотрѣть невѣсту въ Лежню, и считала дѣло его попопченнымъ. Правда, въ этотъ день она тайномъ положила три земныхъ поклона передъ образомъ и усердно молилась, чтобы Богъ послалъ ему счастье и успокоилъ его,—но эта молитва была ея тайной, такъ же какъ были вѣчной тайной для погоста многія ея думы.

На другой день послѣ лежинекаго праздника, вечеромъ, Дарья Никитична кликнула ее. Таня бросила работу и выглянула изъ сарая съ грязной тряпкой въ рукахъ.

— Чего вамъ? спросила она, утираясь передникомъ.

— Поди, дура, одѣнься поскорѣй: Николай Васильичъ свататься пришелъ! крикнула та черезъ дворъ.

Таня остановилась и недоувѣрчиво поглядѣла на тетку.

— Что-жь ты стала-то? Ишь, не вѣрится даже счастью такому. Замолила, знать, Бога, что польстился на тебя, дуру.

— Николай Васильичъ?.. выговорила Таня, задыхаясь и прислонившись невольно къ двери.

— Да иди же, говорятъ тебѣ! Ждутъ вѣдь.

Дарья Никитична торопливо ушла. Таня простояла нѣсколько секундъ точно въ обморокѣ, потомъ очнулась и въ испугѣ бросилась бѣжать въ свою комнату. Долго въ нерѣшимости стояла она потомъ у двери «въ залу» и прислушивалась къ знакомымъ голосамъ; сильно стучало въ ней сердце... Наконецъ она преодолѣла себя и отворила дверь. Ей представилась слѣдующая странная картина. Всѣ Трепетовы сидѣли чинно на диванѣ, а Дарья Никитична раскладывала предъ ними разныя принадлежности туалета Тани, ея платья, кофты и т. п. и все это расхваливала она передъ Николаемъ Васильичемъ, точно онъ былъ на рынкѣ, а не на смотринахъ. Трепетовъ терялся и старался отклонить эти объясненія, отецъ Никита равнодушно сидѣлъ въ углу и только изрѣдка дѣлалъ разныя замѣчанія, а въ дверяхъ, между тѣмъ, виднѣлось нѣсколько постороннихъ головъ, съ любопытствомъ слѣдившихъ за сценой. Таня обомлѣла.

— Только деньгами, ужъ вы не обидьтесь, ничего дать не можемъ, — толковала Дарья Никитична; — сами вѣдь вы знаете, достатки-то наши...

— Знаемъ мы, матушка, и сотенку-другую не грѣхъ было бы прикинуть, — торговалась Катерина Ивановна.

— Какія у насъ сотенки, что вы? Что и имѣемъ, такъ надо про своихъ побережь: вѣдь у насъ двѣ свои дочери растутъ, а Таньва-то намъ почти что и не родня. Платьяца два сдѣлаемъ, образъ дадимъ, и будетъ матушка. Да у ней и такъ скрабу всякаго довольно, и бѣлье все новехонько. Вотъ я сейчасъ принесу...

— Тетенька, ради Бога, не надо!— вскрикнула въ испугѣ Таня, стараясь удержать ее.

— Что ты, глупая, да вѣдь надо же жениху знать, что у тебя есть!

— Въ самомъ дѣлѣ, Дарья Никитична,—вмѣшался Трепетовъ,— объ этомъ вы послѣ потолкуете съ моей матушкой. Я въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслю.

Онъ всталъ и подошелъ къ Танѣ. Дѣвушка обмерла совсѣмъ и боялась даже взглянуть на жениха.

— Будемте жить вмѣстѣ, Татьяна Николаевна; будьте моей невѣстой,—произнесъ онъ полушопотомъ, протягивая Танѣ руку. Та отъ волненья ничего не могла отвѣтить; губы ея задрожали... Свѣтло и ясно взглянула она на Трепетова, потомъ схватила его руку, крѣпко сжала ее и, не владея больше собою, выбѣжала изъ комнаты. Все это произошло такъ быстро, что присутствующіе, занятые торгомъ, не могли замѣтить, что именно произошло между женихомъ и невѣстой. Николай Васильчъ подошелъ къ матери и сталъ бессознательно слушать ея споръ о чемъ-то съ Дарьей Никитичной. Долго еще новые друзья толковали о приданомъ, долго Катерина Ивановна выпрашивала денегъ, но отецъ Никита былъ упоренъ и только въ видѣ особенной милости рѣшился дать чистыми 25 рублей, на первое обзаведенье.

— Только чтобъ это было вѣрно, Николай Васильчъ, заключилъ онъ,—а то пожалуй вы, какъ въ Лежинѣ...

— Нѣтъ, ужъ это рѣшенное дѣло,—успокоилъ его женихъ.

— Пожалуйста. А чтобъ дѣло еще прочнѣе было, такъ мы васъ завтра же и обручимъ. Не такъ ли?

— Безпремѣнно завтра, вмѣшалась Дарья Никитична,—вы такъ ужъ и приготовьтесь.

Затѣмъ ударили по рукамъ; отецъ Никита позвалъ Таню, снялъ со стѣны образъ и тутъ же, безъ дальнихъ околичностей, и благословилъ жениха съ невѣстой. Потомъ словно изъ земли выросъ передъ ними дьячокъ Филимонычъ съ поздравленьемъ; по погосту заговорили, что недурно было отпраздновать помолвку, а Силычъ, въ тотъ же вечеръ, сломя голову, поскакалъ въ Лежину: ему хотѣлось первому сообщить Катѣ печальную новость...

— Чего ты плачешь-то, Танька?—спрашивала передъ ужиномъ

Дарья Никитична, заглядывая въ спальную, гдѣ, прижавшись въ уголь, сидѣла дѣвушка. — Нерада, что ли?

— Сама не знаю, что со мной дѣлается, отвѣтила та съ улыбкой: — никакъ не могу слезъ унять... Ахъ, тетенька, мнѣ не вѣрится даже... и сама не помня себя, дѣвушка бросилась на грудь тетки. Она въ эту минуту забыла все прежнія оскорбленія: ей всехъ любить хотѣлось, со всеми дѣлиться своимъ счастьемъ. Эта искренность тронула чорствую Дарью Никитичну, и въ первый разъ она поняла, что «Танька тоже чувствовать можетъ».

— Ишь ты, расплакалась какъ; слезы-то у васъ дешовы больно, — заговорила она, смягчая голосъ. — Ну, полно же, полно!..

— Счастливая каная я, право!.. Вѣдь и не думала никогда...

— То-то же; теперь гляди въ оба, а то этотъ женихъ какъ разъ увильнетъ. Приданого у тебя нѣту, красота твоя не Богъ вѣсть какая; изъ милости, чай, беретъ, потому — сироту жалко. А мать у него очень до денегъ-то эхидная... Смотри, Танька, ты его не выпусти, а то кто-жъ тебя больше возьметъ? Такъ и поколѣешь въ дѣвкахъ. А мнѣ вотъ горе безъ тебя: работницу нанимать надо. Кабы здѣсь жила, все ничего: помогала бы, а то вѣдь Лежино-то не близко...

Дарья Никитична увлеклась своими личными расчетами и многоходомъ высказала Танѣ много горькихъ попрековъ своими благодареніями и постоянными заботами о ея счастьи. Искренность и ей развязала языкъ, но только не на радость Танѣ, такъ что, если бы дѣвушка не была въ такомъ счастливомъ настроеніи духа, она еще больше возненавидѣла бы свою благодарительницу.

Въ эту ночь Таня долго не могла заснуть. Когда отъ Никиты съ женою успокоились на своемъ супружескомъ ложѣ, она осторожно встала съ постели, вышла въ залу, отворила окно и начала безсознательно смотрѣть на знакомые виды. Ей подумать хотѣлось на просторѣ и вполнѣ насладиться тѣмъ сладкимъ спокойствіемъ, каюго давно она не испытывала. Мѣсяцъ былъ видѣнъ на небѣ; дугъ прохладный и мягкій вѣтеръ на раскраснѣвшееся лицо дѣвушки; спалъ погостъ, спало кладбище, и нависшія надъ могилами березы чуть только порой вздрагивали и шелестили листьями. Цѣлуютъ ей знакомый и самъ по себѣ очень скучный, а между тѣмъ, онъ доставлялъ ей теперь высокое наслажденіе, и не хотѣлось ей отходить отъ окна. Грудь дышетъ легко и свободно, и смѣяться, и плакать

хочется, и летѣть куда нибудь далеко, въ иной мѣръ, къ инымъ людямъ,—лишь бы не возвращаться опять къ этимъ жалкимъ, обыкновеннымъ заботамъ. Не идиллія тутъ праздная, а простое, сладкое ощущение свободы и новой жизни, сладкое сознание, что цѣпи евангелия съ рукъ и ногъ, что окончилось подневольное одиночество и нашолся другъ, съ которымъ рука объ руку смѣло можно идти по новой дорогѣ.

Слишкомъ важный фактъ переживала теперь Таня. Въ ея жизни совершался переломъ къ лучшему и за намъ заманчиво раскрывалось передъ нею новое, свѣтлое будущее. Таня принадлежала къ числу тѣхъ способныхъ натуръ, у которыхъ слишкомъ рано пробуждаются потребности знанія и лучшей жизни. При хорошихъ условіяхъ, Таня могла бы развиться прекрасно и имѣть благотворное вліяніе на окружающую ее среду; но злую шутку сыграла надъ нею судьба. Отецъ ея, городской священникъ, былъ человѣкъ съ неровомъ; самъ онъ любилъ покутить и повеселиться, а дѣтей, напротивъ, старался воспитать по правиламъ строгой нравственности, то есть, внушалъ имъ почтеніе къ старшимъ и начальству, заставлялъ учить наизусть евангеліе, ходить каждую службу въ церковь, подавать нищимъ и т. п. На несчастье Тани, всѣ ея братья и сестры померли очень рано, такъ что отецъ надъ нею только могъ изощрять свои педагогическія способности, тѣмъ болѣе, что очень любилъ ее. «Самъ я человѣкъ, можетъ быть, и кровожадный,—говорилъ онъ,—но дочь свою такъ воспитаю, что на нее пальцами указывать будутъ». И вотъ онъ по начаткамъ и катехизису создалъ себѣ идеалъ человѣка смиреннаго, высоко-нравственнаго, набожнаго и милосерднаго, и къ этому идеалу старался пригнать свою дочь. За нею учредилъ строгій надзоръ, окружилъ ее назидательными книгами и запирали даже въ особую комнату, когда къ нимъ сходились гости для пивушекъ и картежной игры. Мать Тани была особа безцвѣтная, вѣчно хворая и нервная, которая съ первыхъ же дней замужства вся отдалась своему мужу и была полнымъ его отголоскомъ. Такии образомъ, для Тани съ малолѣтства были отрѣзаны всѣ пути къ правильному развитію. Чутко приглядывалась она къ тѣмъ немногимъ фактамъ, которые удавалось видѣть ей вѣдъ родительской семьи или которые подчасъ дома прорывались передъ нею изъ подъ парадной прикрасы; и много вопиывалось въ ея головѣ: вопросовъ на которые не хотѣли, да и не могли отвѣчать ея родители.

Общественную жизнь наблюдала Таня только въ церкви и изъ окна своей комнаты, а полуцыпаные чиновники, пѣвчіе и прочіе любители даровой выпивки, которыхъ она видѣла въ комнатѣ отца сивозъ замочную скважину, дали ей плохое понятіе о человѣчествѣ вообще. «Неужели всѣ такіе? думала она, — неужели для взрослыхъ людей нѣтъ другихъ удовольствій, кромѣ вина и картъ?» и ей досадно становилось на этихъ гостей. Какъ-то случайно попалъ ей въ руки свѣтскій романъ; она съ жаромъ прочла его и съ тѣхъ поръ пристрастилась къ чтенію свѣтскихъ книгъ. Отецъ замѣтилъ это и удвоилъ надзоръ; у нея стали дѣлать обыски, отбирали всѣ книги, кромѣ религіозныхъ, и это заставило Таню кривить душою, прятать изрѣдка достававшіяся ей книги на сѣнникѣ или за дровами и наслаждаться ими урывками и по секрету. Когда умерла ея мать, отецъ закутилъ еще болѣе, но онъ страстно привязался къ дочери, какъ единственному существу, которое уцѣлѣло отъ его семьи. Онъ не позволялъ себѣ оскорбить ея ни однимъ словомъ и даже подчасъ какъ-будто стыдился передъ нею за свою жизнь. — «Гадкій у тебя отецъ, Таня, — говорилъ онъ ей въ минуты раскаянья, — не смотри ты на него, будь только сама добрая да честная — и Богъ тебя не оставитъ, счастлива будешь!..

Но не сбылось предсказаніе отца. Онъ скоро уходилъ себя окончательно, и Таня осталась круглой сиротою. Ей тогда было всего 15 лѣтъ, значить, мѣсто за нею закрѣпить было нельзя, да и кто бы сталъ хлопотать за сироту: она точно правъ гражданскихъ сразу лишена была, точно кто превратилъ ее вдругъ въ ничтожество. Знакомые чиновники, однако, выхлопотали ей отъ церкви пенсіонъ въ 20 р. въ годъ, и тогда только единственный ея родственникъ дальній, от. Никита, рѣшился перетащить ее на погостъ емельяновскій и пристроить у себя въ качествѣ нахлѣбницы. Съ этихъ поръ для Тани настала другая пора жизни, и, на горе свое, узнала она другихъ людей, другую опеку.

Дарья Никитична сразу порѣшила, что теперь съ нею нечего церемониться и спѣшь городскую слѣдуетъ посбить, чтобъ не чванилась; и вотъ круто и рѣзко стала она осаживать бѣдняжку и вдавливать ее въ ту тяжелую колею, на которую осудили ее обстоятельства. Одѣли Таню въ рублище, завалили ее черными работами, стали кричать на нее, какъ на работницу. Таня, неслыхавшая никогда оскорбленій, въ ужасѣ искала защиты у сосѣдей, противи-

лась, плакала, но благодѣтели сознавали вполнѣ свое великое право, и сосѣди не могли мѣшаться въ ея дѣло. Всѣ, напротивъ, вмѣстѣ съ отцомъ Никитой соглашались, что «сиротѣ слѣдуетъ смириться и почитать своихъ благодѣтелей; что безъ нихъ она съ голоду умерла бы» и т. п. Одинъ только Василій Петровичъ высказывалъ иногда, что «по человѣчеству» ему жалко Таню, но что могъ сдѣлать такой агнецъ, какъ от. Василій?

Много тяжелыхъ, адски-мучительныхъ дней пережила Таня въ это время, и ей ли, слабой, было бороться съ цѣлымъ погостомъ! До сихъ поръ несчастная дѣвушка съ ужасомъ вспоминаетъ ту роковую минуту, когда она за какой-то промахъ получила отъ Дарьи Никитичны первую пощечину, и до сихъ поръ она понять не можетъ, какъ не умерла въ тотъ день отъ стыда и безсильной злобы!.. Потомъ это стало повторяться чаще и чаще; стали бить ее и от. Никита, стали бить ее даже дѣти ихъ, — и пришлось nokориться, пришлось цѣловать руки благодѣтельскія, говорить, что она обязана имъ, и жить среди вѣчныхъ попрековъ и тяжелыхъ, нигдѣмъ недѣлимыхъ работъ. Боясь напрасныхъ оскорбленій и побоевъ, она выбивалась изъ силъ, чтобы угодить благодѣтелямъ, и старательно справляла свою обязательную работу, какъ каторжникъ, работающій изъ подъ палки, съ тѣмъ только различіемъ, что у Тани не было надежды на освобожденіе и она не знала, за что осуждена на такую каторгу. Съ теченіемъ времени, она переломила себя, скрыла отъ постороннихъ наблюденій свои боли, ушла въ глубь себя, но не легче ей стало отъ этого. Вѣчно задумчивая, сосредоточенная, упавшая духомъ, она безнадежно глядѣла въ свое будущее и не видѣла и впереди никакого облегченія. Не разъ передъ иконою, висѣвшею надъ ея постелью, она молилась о смерти, просила превратить ее въ дерево или статую, чтобы не чувствовать болѣе никакой обиды... Эта икона была ея лучшимъ и единственнымъ другомъ, потому что только передъ нею она могла свободно выплакаться и укладкой, да озираясь, пожаловаться на тѣ обиды, которыя вынесла она въ теченіи дня.

Николай Васильичъ произвелъ на Таню сильное впечатлѣніе. Украдкой заглядываясь на него или слушая его разговоры, она скоро замѣтила, что онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ приходилось ей видѣть въ жизни, и Таня съ первыхъ же дней почувствовала къ нему глубокое уваженіе. Онъ первый внушилъ ей

полное довѣріе къ себѣ, первый посмотрѣлъ на нее съ сочувствіемъ и, казалось, понялъ ея тревогу и боли; и очень хотѣлось девушкѣ поговорить съ нимъ, поучиться у него, довѣриться ему вполне, тѣмъ болѣе, что онъ такъ же ненавидѣлъ погостъ, какъ и она. И не рѣшалась робкая Таня глубже вдуматься въ тѣ болѣе простыя причины, которыя ее заставляли, въ присутствіи Трепетова, чувствовать особенное волненіе и слишкомъ принимать къ сердцу всѣ его удачи и неудачи. Правда, порой она сама замѣчала, что при встрѣчѣ съ нимъ краска бросается ей въ лицо, но вѣдь она была молода, ей такъ жить хотѣлось... Конечно, она и думать боялась о томъ, что Трепетовъ можетъ жениться на ней.—«Гдѣ намъ до такихъ, рассуждала она:—намъ дьячокъ-пьяница или бурсакъ исключенный, такъ и то счастье, а онъ такой умный, ученый!...» И вдругъ теперь...

Да, важное значеніе имѣлъ этотъ день въ жизни Тани, и она долго потомъ будетъ вспоминать его. Такъ пусть же она наслаждается теперь своимъ счастьемъ; пусть дольше тянутся для нея минуты этого свѣтлаго спокояствія. Много Таней томится по нашимъ захолустьямъ, но не каждой изъ нихъ выпадаетъ на долю и такой день. Другія и этого не имѣютъ...

XII.

Уже во время обрученія Таня замѣтила, что Трепетовъ хоть и старается казаться веселымъ, но въ немъ подчасъ рѣзко замѣтна худо-скрытая тревога и унылость. Таня не знала, радоваться ли ей своему обрученію, и каждый взглядъ на жениха отравлялъ ея веселость, заставлялъ невольно вздыхать и задумываться. Эту невеселость жениха замѣтила и просвирия, неспуская глазъ съ молодыхъ во все время обряда, и тутъ же она вывела заключеніе, что это «не къ добру». Остальнымъ гостямъ, конечно, не было дѣла до думъ жениха; они помнили только, что сегодня обрученіе и, слѣдовательно, кутить надо,—ну, и кутили до положенія ризъ.

Въ самомъ дѣлѣ, веселиться Трепетову было не изъ чего. Онъ переживалъ теперь критическое положеніе челоуѣка, который, сдѣлавъ важный промахъ, очертя голову, идетъ дальше и дальше ко всѣмъ послѣдствіямъ этого промаха. На всѣ событія послѣднихъ дней онъ смотрѣлъ точно съвозъ туманъ какой-то и механически исполнялъ

все, что прикажутъ ему. Порой онъ приходилъ въ себя и съ ужасомъ видѣлъ, что занелъ слишкомъ далеко, что такими вещами шутить нельзя, и тогда въ отчаяннѣе онъ принимался кривить душою, старался искусственно настроить себя на новый ладъ и отыскать заманчивыя стороны на новой дорогѣ, — и не могъ, конечно. Какъ упреки совѣсти, все чаще и чаще возставали передъ нимъ прежніе планы и думы, ныла грудь отъ тоски, но онъ настойчиво гналъ отъ себя эти думы, старался съ корнемъ вырвать ихъ изъ головы своей, сознавая, что теперь онѣ неужны ему. Чтобы примириться съ новой дорогой, ему слѣдовало забыть все то, чѣмъ жилъ и къ чему стремился онъ до сихъ поръ. Это былъ единственный исходъ для него; и вотъ Трепетовъ пересталъ анализировать встрѣчныя явленія, снлился поглубѣе и шелъ впередъ, махнувъ на все рукою и точно съ завязанными глазами.

Есть такіе шаткіе и, по правдѣ сказать, незавидныя натуры, которыя подобнымъ путемъ очень легко сламываютъ себя и приравливаются къ образу жизни и мнѣніямъ того кружка, куда втискивается ихъ судьба; но, для Трепетова подобный дуализмъ былъ невыносимо тяжелъ, и чѣмъ больше онъ давилъ въ себѣ свои хорошіе порывы, тѣмъ только больше мучилъ себя. Конечно, путемъ долгаго и настойчиваго самообладанія, удаливъ отъ себя искусственно все средства къ развитію, онъ могъ бы отупѣть и жить, скрѣпя сердце, такъ же, какъ и его сосѣди, но онъ никогда не примирился бы съ ними и навѣчно отравилъ свою жизнь. Впослѣдствіи Трепетовъ безпощадно бранилъ себя за эту попытку къ умственному самоубійству и невольно краснѣлъ при воспоминаніи объ этомъ двоедушномъ періодѣ своей дѣятельности. Да и слѣдовало.

Какъ бы то ни было, но Трепетову въ настоящее время было очень не легко, и мать, главная виновница его мученій, скоро замѣтила, что сынъ ея опять ходитъ точно въ воду опущенный. Это заставило ее на время забыть свои свадебныя хлопоты и понемногу разузнавать, что дѣлается съ Николаемъ и не задумалъ ли онъ опять чего нехорошаго. Она по прежнему начала вкрадчиво заговаривать съ нимъ, подсаживаться къ нему и вздыхать. Но Никола былъ съ нею пѣтъ, какъ рыба; онъ зналъ, что мать не поможетъ ему.

— О чемъ ты, Никола, думаешь все? спрашиваетъ она его подчасъ. Свадьба на дворѣ, а онъ пось повѣсилъ. Невѣста, что ли, не

правится? такъ новую найдемъ: этого-то товару у насъ, слава Богу, довольно.

— Нѣтъ, мнѣ Таня правится, матушка.

— Такъ чего-жъ тебѣ еще надо?

— Ничего мнѣ не надо.

— Такъ будь, пожалуйста, повеселѣе, а то все молчишь да думаешь. И меня-то нынче ты точно за чужую считаешь; хотъ бы поговорилъ о чемъ когда.

— Не о чемъ говорить, матушка; мы ужъ все съ тобой перего-ворили. Вотъ ужъ я къ Вихляеву схожу, книгъ у него наберу и посмотрю, какииъ молодцомъ буду.

— Опять книги! Не читай ты ихъ много пожалуйста; ужасно я боюсь этихъ книгъ.

Николай Васильичъ промолчить, а мать смотреть на него при-стально и тоскуеть. Хотѣлось бы ей видѣть своего сына веселымъ, да она не знаетъ, что тутъ подѣлать, за что взятыся.

— Ты помолился бы хорошенько, Николая, все легче было бы,—заговорить она опять вкрадчиво:—ты нынче ужъ и не молишься совсѣмъ, а это нехорошо вѣдь, другъ мой...

— Я ужъ помолюсь.

— Вѣрно опять у тебя свѣтскія затѣи въ головѣ. Подумай, глупый, о чемъ тебѣ печалиться: мѣсто у тебя теперь отличное; вѣч-ный кусокъ хлѣба будетъ, земля своя, домъ свой... а почетъ-то ка-кой: всѣ вланыться начнутъ, руки цѣловать будутъ... вѣдь этого и ге-нераль не всякій добьется. А то куда бы ты пошелъ въ чужую сто-рону, да безъ копѣйки денегъ?

— Я очень доволенъ, матушка, отвѣтитъ сынъ, и, чтобы закон-чить бесѣду, пойдетъ въ сарай рубить дрова или начать на огородѣ гряды копать, и работаетъ до изнеможенья. Этимъ онъ старается от-влечь себя отъ упрековъ совѣсти и думъ тяжелыхъ.

Только съ одной Таней любилъ говорить Трепетовъ, и то потому, что видѣлъ въ ней полное довѣрiе и сочувствiе къ своимъ думамъ и дорожилъ ея привязанностью. Впрочемъ онъ больше сожалѣлъ, чѣмъ любилъ «добренькую Таню», и былъ радъ отъ души, что ему при-дется освободить ее отъ благодѣтелей. Онъ замѣтилъ, что и теперь уже ее одѣваютъ лучше прежняго и женше заставляютъ работать, и что весь погостъ смотритъ на Таню съ уваженiемъ,—и это радовало жениха. «Я дамъ ей возможность развиться» думалъ онъ гордо: «у

ней есть прекрасные задатки, будемъ мы вѣстѣ учиться и проживемъ не безъ пользы.» Съ этой цѣлью сходилъ онъ къ Вихляеву, выбравъ у него нѣсколько книгъ и по вечерамъ читалъ Танѣ вслухъ романы Ж. Занда или В. Скотта. Часто сходились они вдвоемъ подъ тѣнью широкаго клена у рѣчки Глыбовки; этотъ клень особенно любила Таня, потому что здѣсь она имѣла возможность говорить съ женихомъ безъ присмотра и опеки благодѣтельской. Николай Васильичъ читалъ съ большимъ увлеченьемъ, и глубокія, свѣтлыя мысли Ж. Занда заставляли его не разъ прерывать чтеніе и задумываться. Не фантазіей увлекался онъ, а главной мыслью романа, и изъ положеній дѣйствующихъ лицъ старался сдѣлать для себя практическій выводъ. А Таня въ это время не спускала глазъ съ жениха; и Богъ знаетъ, — многое ли слышала она и способна ли была мыслить въ эти минуты. Въ другое время, это чтеніе заинтересовало бы ее и дало бы значительный толчокъ ея мысли, а теперь ее, въ большинствѣ случаевъ, всю наполняло одно сладкое сознаніе, что она *невеста* и рядомъ съ нею сидитъ ея *женихъ*, и это сознаніе отвлекало ее отъ книги.

— Какіе глаза у васъ славные, прервала Таня однажды чтеніе, взглядываясь въ глаза жениха, когда въ нихъ еще искрились признаки головной работы и увлеченія.

Трепетовъ оставилъ книгу и съ недоумѣньемъ посмотрѣлъ на Таню.

— Вы вѣрно, устали слушать? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, читайте, пожалуйста, — отвѣтила дѣвушка, смѣшавшись и чувствуя, что краска бросилась ей въ лицо.

— Довольно на этотъ разъ, сказалъ Трепетовъ; — отдохнемъ и потодкушемъ о чемъ нибудь.

Онъ закрылъ книгу и склонился на траву. Вечерѣло. Вдали по дорогѣ тянулось съ поля стадо коровъ, за стадомъ шелъ пастухъ съ длинной хворостиной:

— Забѣчаете ли вы, Татьяна Николаевна, — произнесъ Трепетовъ съ желчной улыбкой, — что у этого пастуха выраженье лица точно такое же, какъ и у коровъ? не даромъ они одинаковую жизнь ведутъ.

Таня засмѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ, они похожи. Я даже убѣжденъ, что у этого пастуха не только мысли коровьи, но что нѣкоторыя коровы положительно умнѣе его, по крайней мѣрѣ морды у нихъ омысленнѣе

и выразительнѣе. И это очень понятно. Кроовы живутъ вполне по своимъ потребностямъ, а пастухъ—человѣкомъ называется и, между тѣмъ, долженъ жить по коровы. Тутъ нетрудно поглупѣть.

— А все-таки онъ ихъ начальникъ, замѣтила Таня.

— Такъ что же? Онъ только оттого и начальникъ, что въ рукахъ у него палка, а коровы, какъ извѣстно, народъ очень несообразительный. Онѣ никакъ понять не могутъ, что вся сила на ихъ сторонѣ; вотъ пастухъ и пользуется ихъ глупостью, и бьетъ, кого вздумаетъ. Неправда ли, это очень поучительно?

Таня не отвѣтила и только улыбнулась.

— А вонъ, поглядите, мужикъ покойника везетъ въ намъ: кляча у него еле ноги волочетъ, да и самъ онъ не лучше ея. Какъ вы думаете, кто изъ нихъ больше наслаждается жизнью?

— Не знаю, отвѣтила Таня съ улыбкой.

— Теперь онъ хлещетъ свою клячу, а вечеромъ, можетъ быть, его хлестать будутъ. И труды, и потребности, и наслажденія у нихъ общіе, и въ глазахъ барина этотъ мужикъ таже кляча. Онъ и покойника-то своего везетъ съ полной апатіей, точно сѣно какое. — А нашъ отецъ Никита теперь радъ-радехонекъ, что мужикъ ему покойника везетъ. Этотъ покойникъ ему хлѣба дать на цѣлыя сутки, изъ этихъ покойниковъ онъ вамъ платье сошьетъ....

— Да вѣдь и вы такой же будете?

— И я такой же буду, рѣзко отвѣтилъ Трепетовъ съ худо скрытой досадой.

Таня призадумалась и вздохнула.

— Отчего это, Николай Васильичъ, на свѣтѣ больше злого бываетъ, чѣмъ добраго?—спросила она, помолчавъ. Я часто думаю, что есть гдѣ нибудь такія книги, гдѣ все это описано?

— Можетъ быть, и есть гдѣ нибудь, да не у насъ только,—отвѣтилъ Трепетовъ съ отгѣнкомъ жолчи.—Признаться, съ сомнѣньемъ смотрю я на всѣ наши книги. Я написалъ однажды статейку, о которой до сихъ поръ стыдно вспомнить,—такъ длоха она была, а ее напечатали; потомъ я написалъ другую, хорошую статью, въ которой было много правдиваго,—и мнѣ сказали, что ее печатать нельзя. Теперь мнѣ все кажется, что въ нашихъ книгахъ могутъ печататься только безцвѣтныя и, въ сущности, пустыя статьи, и что много, можетъ быть, есть хорошихъ книгъ и статей, которыхъ мы не знаемъ и не узнаемъ никогда. Гдѣ-жъ послѣ этого узнать правду,

въ какихъ книгахъ и какими путями?.. Эхъ, Татьяна Николаевна, много есть у меня вопросовъ, которые неотступно пилятъ голову и требуютъ яснаго отвѣта! и когда все это разрѣшится, да и разрѣшится ли? Учиться мнѣ надо, вотъ что:

— Вы, кажется, и то ужъ все знаете.

— Ничего я не знаю и убѣждаюсь въ этомъ съ каждымъ днемъ. Такое скверное и глупое состояніе: то зависть беретъ, на другихъ людей глядя, то ненавидѣть ихъ хочется.. Когда же конецъ этому будетъ?... Впрочемъ... что-жъ объ этомъ толковать, только мучить себя понапрасну.—Ну, вы отдохнули, Татьяна Николаевна? Давайте читать, что ли?

— Читайте.

И Трепетовъ опять началъ читать книгу, стараясь разсѣяться и успокоиться. Таня тоже слушала разсѣянно, и въ эти минуты даромъ улетали въ воздухъ мысли Ж. Занда, не затронувъ читателей.

И часто Трепетову въ разговорахъ съ Таней приходилось затрогивать свои вопросы и задумываться надъ собою, и потомъ долгихъ усилій стоило ему чтобы возстановить опять, то искусственное спокойствіе, въ которомъ онъ насильно старался поддерживать себя. Скоро, однако, эти бесѣды и чтеніе наединѣ съ Таней прекратились. Дарья Никитична рѣшила, что «ззорно жениху съ невѣстой оставаться до свадьбы безъ всякаго присмотра; люди они молодые, грѣхъ какой, пожалуй, случится можетъ, а это ляжетъ на моей совѣсти,» — и она учредила надъ Таней строгій надзоръ. Къ этому пооприала ее и Катерина Ивановна, замѣчавшая, что сынъ ея послѣ разговоровъ съ Таней становится особенно печаленъ. — «Какъ рясу надѣвать, такъ пусть дѣлаетъ, что хочетъ, а теперь боюсь, чтобъ не надумалъ онъ чего съ этими книгами проилатьями.» Николай Васильичъ еще болѣе возненавидѣлъ погостъ.

Между тѣмъ, время шло. Василій Петровичъ, собравъ остатки долгокопленнаго капитала, отправился въ городъ хлопотать по конскторіямъ, на что онъ самъ вызвался, какъ человѣкъ опытный: На погостѣ, въ ожиданіи свадьбы, мало по малу воцарялась та блаженная тишина, о которой давно уже мечтали всѣ обитатели холма емельяновскаго. Жизнь вошла въ обычную будничную колею. Наступали осенніе дни; полевые работы кончались; хлѣбъ сжать, овини посѣяны, больше нечего ни сѣять, ни жать; и вотъ

жильцы погоста, какъ трудолюбивыя пчелы, заперлись въ свои кельи, чтобы предаться исключительно радостямъ семейнаго и домашняго счастья. Если бы всѣ они теперь, подобно нѣкоторымъ насѣкомымъ, могли заснуть на всю зиму, то, право, результатъ былъ бы такой же, какъ и въ ежедневномъ бодрствованьи ихъ. Но все-таки они бодрствовали, дѣлали видъ, что чѣмъ-то заняты, что-то работаютъ, и только одинъ откровенный пономарь Силычъ спалъ, «отъ нечего дѣлать», большую часть дня и ночи, и просыпался только затѣмъ, чтобы подрѣпить себя пищею или справить каную мелкую потребу. Этотъ длинный періодъ домашняго счастья—самое скучное время на погостѣ; свободнаго времени у всѣхъ до того много, что не знаютъ, какъ провести его и чѣмъ наполнить эту жизненную пустоту. Надо же чтонибудь дѣлать, чтобы окончательно не походить на спящихъ насѣкомыхъ, и вотъ они придумываютъ себѣ разныя занятія. Отъ Никита, на примѣръ, по цѣлымъ днямъ ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину, и все смотритъ: къ чему бы придраться, за что бы распечь кого, и все это онъ дѣлаетъ вовсе не потому, что злой характеръ имѣетъ, а потому, что онъ отъ скуки развлечения ищетъ. Всему погосту извѣстно, что зимой и осенью у от. Никиты вѣчныя ссоры съ женою; причемъ каждый изъ сорящихся горячится и выходитъ изъ себя, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ нѣчто серьезное дѣлаетъ, а не развлекается только. Сколько посуды одной перебьетъ от. Никита за зиму, сколько платьевъ жениныхъ перерветъ, лишь бы вывести изъ терпѣнья Дарью Никитичну; а та, въ свою очередь, чтобы досадить мужу, пачкаетъ его книги и бѣлье,—и оба довольны. Потомъ, во время перемирія, все это исправляется, починается или покупается вновь,—и опять время занято. Дьячокъ Фидимонычъ постоянно дѣлаетъ видъ, что работаетъ для хозяйства: то онъ колышекъ какой обтачиваетъ цѣлые дни, чтобы заткнуть бочку, ежели когда нибудь въ ней дыра покажется, то пойдетъ въ лѣсъ, вырубитъ тамъ столѣтнюю березу и дѣлаетъ изъ нея лопату, «неравно, ежели старая изломается». Могъ бы онъ и на продажу что нибудь сдѣлать, но это на погостѣ не принято. Захарычъ, какъ истинный стоикъ, способенъ просидѣть на лавкѣ цѣлую зиму, не говоря ни слова, и не только не чувствуетъ скуки, но даже очень доволенъ, что «теперь отдохнуть можно». Иногда, отъ скуки, они всѣ съобща придумываютъ себѣ разныя развлечения, устраиваютъ поминки, заводятъ ссоры съ мужиками или другъ про друга соид-

няють разныя сметни и колкости, и это опять вовсе не потому, что хотять ссориться, а потому, что надо же потолковать о чемънибудь. И какъ рады всё бывають, когда какойнибудь особенный случай дастъ имъ возможность раскрыть рты и развлечься толками! Такихъ случаевъ въ присутствіи Трепетова было два. Однажды въ простое воскресенье вздумалъ пріѣхать на погостъ помѣщикъ Вихляевъ, былъ у обѣдни и похвалилъ даже пѣніе дьячка Филимоныча. Случай, какъ видите, очень неважный, но погостъ онъ занялъ чуть не на цѣлую недѣлю; всё дивились его посѣщенью, придумывали причины, боялись, нѣтъ ли тутъ какаго замысла и проч. Особенно пришелъ въ азартъ, хваленый помѣщикомъ, Филимонычъ: онъ цѣлые дни во все гърло оралъ «лучинушку» и увѣрялъ сосѣдей, что ему, «по настоящему», надо бы на театрѣ пѣть, и что, въ дьячкахъ будучи, загубилъ онъ свой настоящій талантъ.—Другой случай былъ болѣе сложный. У отца Никиты околѣла дворовая собака, сидѣвшая на цѣпи чуть не двадцать лѣтъ. Дѣлать нечего; схоронили старую собаку и на мѣсто ея достали изъ деревни новую. Только новая собака оказалась весьма незлобиваго свойства, лаять ни на кого не хотѣла и, не смотря на всеобщія желанія раздражить ее, только виляла хвостомъ и, повидимому, даже наслаждалась общимъ вниманьемъ. И вотъ задумались умныя головы, чѣмъ разозлить собаку и какъ заставить ее лаять; дѣлали чучелы изъ роговъ, отнимали у собаки кости, а Захарычъ съ непонятнымъ терпѣньемъ трое сутокъ ходилъ вокругъ забора поповскаго и въ щели лапалъ по собачьи на новую гостью. Такъ и пришлось помучиться съ ея незлобьемъ.

И Трепетовъ, вмѣстѣ съ прочими обитателями погоста, искалъ развлечения и тоже радовался всякому скандалу, который могъ бы взволновать это гнилое болото. Изъ міра живого не залетало сюда ни единого слуха, ни одной строки печатной, точно и не было ничего на свѣтѣ, кромѣ холма емельяновскаго и селъ, его окружающихъ. Знали впрочемъ попы отъ мужиковъ, что гдѣ-то подъ Севастополемъ война съ французами и турками идетъ, и знали только потому, что мужиковъ въ ратники набирали и всё сосѣднія деревни волкомъ выли. Объ этой войнѣ судили здѣсь такъ же спокойно и апатично, какъ-будто дѣло шло о войнѣ мышей съ лягушками, потому что это дѣло вовсе ихъ не касалось; правда, отъ Никита, по русской привычкѣ, высказалъ однажды, что «гдѣ имъ противъ насъ,

и не такихъ побѣдани», но высказалъ такъ бессознательно, точно урокъ отвѣтилъ изъ катехизиса. Пробовалъ было однажды Николай Васильичъ заговорить съ нимъ о какомъ-то ученомъ вопросѣ, съ цѣлью расшевелить и завлечь его, но отца Никиту одолѣла такая зѣвота, что Николай Васильичъ счелъ своимъ долгомъ замолчать. Видно, вспомнилъ при этомъ от. Никита какой нибудь семинарскій учебникъ, который навсегда оттолкнулъ его отъ науки и заставляетъ зѣвать отъ каждой ученой фразы.

Переживая день за днемъ среди такихъ существъ и ихъ интересовъ, при полномъ отсутствіи умственной дѣятельности и всего освѣжающаго, Трепетовъ чувствовалъ уже, что и онъ замѣтно тупѣетъ и что погостъ успѣлъ уже наложить на него клеймо свое. Дѣлать ему ничего не хочется, въ головѣ мгла и чуть конышатся въ немъ порою остатки прежнихъ задавленныхъ порывовъ, которые онъ настойчиво сдерживаетъ. Чувство самосохраненія, однако, еще сильно въ немъ; ему подчасъ страшно дѣлается, и онъ тогда, какъ замерзающій, начинаетъ бороться противъ одолевашаго его сна, потому что если заснешь—не проснешься болѣе. Тѣмъ-то и ядовита эта механическая жизнь, что она окружена полнымъ довольствомъ, что здѣсь ни о чемъ и думать не приходится, потому что все уже достигнуто и придумано отцами, и нѣтъ ничего такого, что могло бы вызвать протестъ и заставило пожелать лучшаго. Въ бурсѣ труднѣе было погибнуть Трепетову, чѣмъ здѣсь, потому что открытое безобразіе бурсацкой жизни съ перваго взгляду внушило ему отвращеніе, а дикія строгости начальства заставили сразу возненавидѣть его. Тамъ было на виду то зло, противъ котораго слѣдовало бороться, а здѣсь же, напротивъ, все приглашено, все заманчиво, на всемъ отпечатокъ ласковой домовитости, всѣ сыты, довольны и благодушествуютъ, какъ умѣютъ. А между тѣмъ, такая жизнь разрушительно дѣйствуетъ на мозгъ, потому что не даетъ ему никакого дѣла и усыпляетъ его скорыми и легкими отвѣтами, заимствованными по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ; потребности желудка становятся первыми, и человекъ, втянувшійся въ эту колею, скоро становится на одной доскѣ съ насѣкомыми: являются у него тараканы принциповъ, муравьиные интересы, паразитныя цѣли,— и изъ такого существа ужъ больше никогда и ничего не выйдетъ.—«Что же заставляетъ меня жить здѣсь и губить себя?» думалъ Трепетовъ однажды: «что это за сила такая удерживаетъ меня здѣсь?» Онъ

началь. вдумываться и скоро нашелъ, что это—сила любви и ласки материнской. Эта страшная сила заставила его прѣхать на погостъ, отняла у него книги, принудила идти не по той дорогѣ, по какой хотѣлось ему, сдѣлала въ немъ поворотъ, котораго онъ и не ожидалъ никогда, заставила мучиться и кривить душою и деспотически ведетъ его дальше, къ полному перерожденью... Деспотизмъ ласки родительской страшнѣе, нежели деспотизмъ палки, потому что ласка заставляетъ подчиняться не изъ страха, а изъ любви; что она обесоруживаетъ человѣка, затрогивая самыя дорогія стороны его натуры. Трудно бороться противъ этой вкрадчивой, неотразимой силы, и счастливъ тотъ, кто подъ влияніемъ этой силы не теряетъ своей самостоятельности и способности честнаго анализа, безъ чего человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ и становится вещью... Еще болѣе счастливъ тотъ, кого эта сила не сдерживаетъ, но поощряетъ и направляетъ въ хорошую сторону! Трепетовъ не былъ такъ счастливъ.

«Значитъ, мать для меня—тоже начальство!» съ изумленіемъ думалъ онъ, анализируя себя.—«Начальство мнѣ приказывало и било меня, а мать проситъ и ласкаетъ, но результаты дѣла одни и тѣ же... Даже болѣе: мать для своего личнаго счастья требуетъ отъ меня цѣлой жизни! Она любитъ меня и ей дѣйствительно, можетъ быть, пріятно видѣть меня; а меня вознаградитъ ли ея присутствіе за ту жертву, которую я хочу принести ей?.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!» рѣшилъ Трепетовъ и съ этихъ поръ иногда онъ снова сталъ подумывать, нельзя ли ему тягу дать съ погоста.

Черезъ двѣ недѣли Василій Петровичъ воротился изъ города и объявилъ, что дѣло идетъ на лады и что черезъ недѣльку знакомый чиновникъ привезетъ Николаю Васильичу билетъ на женитьбу и тогда сейчасъ же и свадьбу отпраздновать можно. Женихъ не порадовался этому извѣстію, что очень удивило отца Василя, который надеялся пріятно изумить его.

XIII.

На погостъ, послѣ долгихъ странствованій, воротился наконецъ и Маевскій. Свиданье двухъ товарищей было очень щекотливо для Трепетова, но Маевскій на этотъ разъ не билъ прямо въ рану;

онъ только улыбался очень ядовитого и въ шутку называлъ Трепетова «ваше благословенье».

— А я все это время по невѣстамъ шлялся и обошелъ всѣхъ красавицъ верстъ на полсотни кругомъ, — говорилъ ему Маевскій, рассказывая свои похождения. — Теперь я вижу, что женикомъ-то быть — не житье, а масляница.

— Что такъ?

— Да ужъ больно хорошо принимаютъ и угощаютъ; не знаютъ, куда усадить, что подать на столъ, просто ѣшь до отвала, — ну, я и не церемонился. Что на нихъ глядѣть-то! Былъ я и у твоей — въ Лежинѣ; ну, братъ, какъ тебя тамъ ругаютъ, какія сплетни пуцаютъ — страсть.

— Что-жъ ты нашелъ ли себѣ мѣсто?

— А еще бы! Вотъ въ Зарайскій погостъ дьякономъ хочу поступить, тамъ и невѣста закрѣпленная есть; корга ужасная, да ничего, женюсь. Она ужъ, говорятъ, двадцать лѣтъ въ невѣстахъ сидѣла, все меня поджидала, — и вотъ встрѣтились таки наконецъ. Рыломъ-то ужъ больно неприличная, да мнѣ это наплевать: вѣдь не цѣловаться же съ нею.

— И для этой-то невѣсты ты полжизни учился и 29 наукъ вызубрилъ? Гдѣ же мечты твои прежнія?

— А гдѣ твои мечты прежнія? спрошу я тебя. Мы, кажись, теперь другъ друга больше понимаемъ, чѣмъ прежде, такъ нечего намъ съ тобой и толковать объ этомъ. Хорошо, что у тебя мѣсто чистое и невѣста съ воли, а мнѣ съ голоду закрѣпленную брать приходится.

— Какъ же ты будешь жить съ нею?

— А какъ? Согну ее, шельму, въ три короба, чтобъ работницей у меня была, а заупрямится, такъ у меня кулаки-те здоровые...

Трепетова покорило, но онъ промолчалъ.

— А кстати, чуть было не забылъ: — я тебѣ письмо привезъ; мужикъ по дорогѣ встрѣтился, такъ отдать просилъ.

— Какой мужикъ?

— Богъ его знаетъ какой: узналъ, что я сюда ѣду, такъ и просилъ передать: мнѣ, говоритъ, не по пути къ вамъ. На вотъ наслаждайся, а я обѣдать пойду.

Маевскій отдалъ Трепетову взятое и испачканное письмо и удался. Трепетовъ съ недоумѣньемъ прочелъ адресъ и, убѣдившись,

что письмо действительно къ нему, вскрылъ пакетъ и прочелъ слѣдующее:

«Пользуюсь случаемъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ, Николай Васильевичъ. Среди новой жизни и разныхъ домашнихъ радостей, вы, вѣроятно, успѣли забыть вашего друга, съ которымъ одно время жили душа въ душу. Чтѣ бы хоть строчкой одной потѣшить когда меня, съ вѣрнымъ человѣкомъ! Я слышалъ здѣсь отъ кого-то, что вы будто бы поступаете священникомъ въ село Лежино, и, признаюсь, все еще не рѣшаюсь повѣрить этому. Если это правда, то, значитъ, вы очень перемѣнились за послѣднее время, потому что я очень хорошо помню вашъ прежній взглядъ на жизнь. Мнѣ въ высшей степени интересно знать ваши настоящіе планы, потому что я твердо рассчитывалъ на васъ, былъ увѣренъ, что не вы остановитесь на университетскомъ воспитаніи, пойдете дальше и внесете въ жизнь тѣ великія сѣмена, за которыя когда-то мы жизнью своей рисковали. А кажется, время хорошее скоро наступитъ, и я восторженно радуюсь и мечтаю. Не удивляйтесь этому: я все тотъ же, живу тѣми же надеждами и по прежнему усиливаюсь вѣрить, что мнѣ своими глазами придется увидѣть то, о чемъ я смѣлъ только думать или украдкой шептаться съ своими друзьями.—Если будете въ городѣ, заходите ко мнѣ: слишкомъ много накопилось новостей, о которыхъ поговорить съ вами хотѣлось бы.

«По прежнему преданный вамъ, В. Березинъ».

Трепетова въ жаръ бросило отъ этого письма: точно какой-то свѣтлый лучъ ворвался въ него «изъ міра живого» и поднялъ въ немъ прежнія полузадавленные желанія. Онъ еще разъ прочиталъ письмо и ему такъ живо представилась фигура прежняго друга и его разговоры, что онъ на минуту забылъ даже о погостѣ. Между тѣмъ, Катерина Ивановна успѣла уже узнать, что Николай Васильичъ письмо получилъ, и по первому взгляду на сына догадалась, что письмо очень важное.

— Что пишутъ? спросила она, испугавшись.

— Ничего... товарищъ одинъ померъ, хорошій человѣкъ.

— Ахъ, ты Господи, вскрикнула было Катерина Ивановна, всплеснувъ руками, но потомъ остановилась и недовѣрчиво посмотрѣла на сына.

— Да полно, померъ ли?

— Право померъ, матушка, отвѣтилъ Трепетовъ и, чтобы избѣгнуть отъ дальнѣйшихъ распросовъ, поспѣшилъ уйти въ поле.

Катерина Ивановна проводила его глазами и съ сомнѣньемъ покачала головой. «Не къ добру все это», — подумала она: — «опять онъ что-то нехорошее, кажется, затѣваетъ, а то зачѣмъ бы ему скрываться отъ матери?»

А Трепетовъ самъ не свой шелъ по полю. Имъ овладѣло какое-то лихорадочное состояніе, и только теперь онъ до осязательности ясно могъ понять, какъ страшно измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ Березинымъ, и что сдѣлалъ изъ него погостъ за это время.

— Но что же дѣлать мнѣ, что дѣлать? взывалъ онъ въ отчаяньи, — я зашелъ уже слишкомъ далеко и воротиться, кажется, уже нѣтъ возможности. Приди письмо раньше, я былъ бы спасецъ, а теперь... Или послать все къ чорту и бѣжать, куда глаза глядятъ, лишь бы подальше отъ этой страшной опеки?.. Но я самъ связавъ себя по рукамъ и погамъ, я запуталъ въ свое дѣло бѣдную Таню, и совѣсть замучитъ меня, если я покину ее... Что же дѣлать, на что рѣшиться?..

Нѣсколько часовъ провелъ онъ въ этомъ лихорадочномъ раздумьи, потомъ торопливо воротился на погостъ, отыскалъ свою невѣсту и, улучивъ минуту, когда она была одна, далъ ей прочесть письмо Березина. Таня прочла его внимательно, хотя руки ея замѣтно дрожали во время чтенія; потомъ она вопросительно взглянула на жениха.

— Что вы отвѣчать ему станете? спросила она, понизивъ голосъ.

— Я самъ не знаю, что отвѣтить; посоветуйте мнѣ чтонибудь... право, у меня голова кругомъ идетъ.

Таня нѣсколько минутъ подумала, потомъ надтреснувшимъ голосомъ и съ усиленіемъ прошептала:

— Оставьте все это, Николай Васильичъ. Богъ съ ними, пусть живутъ сами, какъ хотятъ! Развѣ худо священникомъ быть, что они такъ странно пишутъ?..

— Что же будетъ дальше? Вѣдь не вынесу, наконецъ: я съ ума сойду, потому что нѣтъ силъ передѣлать себя... Совѣсть вѣчно будетъ мучить меня.

— Не будетъ мучить, повѣрьте мнѣ, продолжала Таня сквозь

слезы:—мы будемъ любить другъ друга крѣпко, свое хозяйство у насъ будетъ, книгъ купимъ...

— А Богъ знаетъ, принесу ли еще я вамъ счастье...

Таня поблѣднѣла и слезы задрожали у ней на рѣсницахъ.

— Теперь ужъ нельзя бросить, прошептала она:—что скажутъ... Я думаю, ужъ и архирей подписалъ...

И дѣвушка не могла крѣпиться больше и зарыдала; она бо-
ялась, что и это еще, пожалуй, не препятствія. Николай Васильичъ
не могъ равнодушно видѣть эти слезы.

— Что же вы плачете, Таня? спросилъ онъ ласково: — вѣдь я
еще не покидаю васъ, я обрученъ съ вами.

— И не бросите меня?

— Въ томъ-то и дѣло, что мнѣ страшно подумать объ этомъ.
Таня, Таня, вы право лучшая привязанность моя здѣсь; въ-за васъ,
только я, кажется, не рѣшусь покинуть погостъ. Я самъ выбралъ
васъ своей невѣстой, обнадѣжилъ васъ и долженъ сдержатъ свое
слово. Будь, что будетъ!

— Спасибо вамъ, прошептала дѣвушка и невольно, сама не вла-
дѣя собою, склонилась на грудь жениха.—Право, мы счастливы бу-
демъ, шептала она, я по ночамъ буду молиться и Богъ намъ помо-
жетъ... Мы вмѣстѣ молиться будемъ; не правда ли?

— Будемъ, отвѣтилъ Николай Васильичъ, стараясь утѣшить доро-
гую для него дѣвушку. И опять онъ обманывалъ себя и не хо-
тѣлъ понять, что любовь къ знанію и свободѣ для него теперь
выше всякой другой любви. Опять онъ необдуманно затягивалъ но-
вый узелъ, который придется ему распутывать, и тѣмъ дальше от-
странялъ свою свободу. Слишкомъ еще нѣжно увлекался юноша
впечатлѣніями минуты; да и трудно не увлекаться и выработать
въ себѣ самостоятельную стойкость въ двадцать лѣтъ отъ роду. Въ
ту же ночь опять онъ боролся съ собою и гналъ безотвязныя думы
объ иной, лучшей жизни. Опять нѣсколько дней онъ не зналъ, куда
дѣваться отъ тоски.

Неожиданный случай рѣшилъ его дѣло.

На погостъ для обычной ревизіи прѣхалъ мѣстный благочинный.
Это былъ уже не тотъ почтенный пастырь, въ котораго Трепетовъ
пустилъ когда-то комомъ земли. Нынешній благочинный былъ ста-
рикъ сварливый и сердитый; онъ возвелъ свое начальническое право
въ перлъ созданія, любилъ повелѣвать и требовалъ отъ подчинен-

ныхъ безпрекословнаго повиновенія. Высыпали жильцы погоста на площадку встрѣчать свое начальство; священники довытащили свои новыя ряски, расчесали косы и съ подобострастными физиономіями повели начальство въ церковь. Николай Васильичъ въ это время сидѣлъ въ комнатѣ съ матерью и, съ помощью лексикона, слово за словомъ переводилъ Руссо. Вдругъ въ комнату впопыхахъ вбѣжалъ растерявшійся Василій Петровичъ и закричалъ, чтобы «мать» чаю скорѣй приготовила, потому что благочинный захотѣлъ чаю и общался придти къ нимъ пить. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ вошелъ самъ начальникъ, въ шоловой ряскѣ, съ крестомъ на шеѣ. За нимъ робко вползъ отъ Василій и дрожащъ, какъ осино-вый листъ: по привычкѣ, не могъ онъ не дрожать при видѣ начальства.

— Ну-ка, покажи сына-то, покажи,—скороговоркой прошамшилъ благочинный.

— А вотъ оцъ, ваше высокоблагословеніе. — Николай, тебя отецъ благочинный видѣть желаетъ.

Николай Васильичъ привсталъ и расклапался. Благочинный цахмурился.

— Видь это тотъ самый, что въ университетъ-то хотѣлъ идти? спросилъ онъ у отца Василія.

— Тотъ самый, ваше выс—ніе; надо признаться, что былъ грѣхъ, но теперь Богъ помиловалъ.

— Узнаю его. Ну, смотри, молодець, у меня всѣ эти свѣтскости надо бросить, потому—я не люблю, кто свѣтское съ священствомъ сопрягаетъ, и если ты возжелалъ въ духовное званіе, то и живи въ страхѣ божьемъ и смиреніи. Слышишь? Какъ его звать-то?

— Николай Васильевъ...

— Такъ вотъ, Николай Васильичъ, ты и заруби это себѣ на носу и помни, что за тобой у меня будетъ строгій надзоръ.

Трепетова передернуло отъ этого тона. Ему почему-то вдругъ представилось, что онъ въ училищѣ и имѣетъ дѣло съ своимъ врагомъ, смотрителемъ.

— Я самъ знаю, какъ надо жить, — произнесъ онъ довольно рѣзко.

— А ты самъ не умничай, а живи такъ, какъ прикажутъ тебѣ. Я, братъ, всю твою исторію слышалъ и давно хотѣлъ вразумить

тебя. Ты, еще въ городѣ живши, съ волтерьянцами знался, оттого и вышелъ такой...

— Какой?

— Невѣжа вышелъ, дуракъ вышелъ, вотъ какой,—закричалъ благочинный, выходя изъ себя отъ дерзости Трепетова.—Если бы ты не знался съ фармазонами, ты бы прежде всего подъ благословеніе ко мнѣ подошелъ, а ты и не подумалъ даже.

Трепетовъ улыбнулся и не отвѣтилъ. Василій Петровичъ поблѣднѣлъ и переминался съ ноги на ногу, бросая умоляющіе взгляды на сына; Катерину Ивановну въ потъ бросило.

— Что ты читаешь? спросилъ благочинный.

— Книгу.

— Вижу, что книгу, да какую? покажи-на мнѣ!

Трепетовъ подалъ. Благочинный осмотрѣлъ ее внимательно.

— Да это не русская; по каковски здѣсь писано? а?

— Это французское евангеліе.

— А отчего ты по славянски евангеліе не читаешь? а? Развѣ ты не знаешь, что тутъ латышская ересь есть? Это ты прихоть свой развращать станешь? а?..

Николай Васильичъ не вытерпѣлъ наконецъ и, не отвѣтивъ ни слова, вышелъ изъ комнаты. Отецъ и мать бросились было за нимъ въ погоню, но онъ сказалъ имъ на прямикъ, что ни за что не пойдетъ къ благочинному, и заперся въ своей комнатѣ. Долго потомъ слушалъ онъ, какъ отъ Василія старался умиловать расхоловавшегося старика, какъ просилъ прощенья за сына и увѣрялъ, что сынъ у него теперь еще очень глупъ, но потомъ непременно поумнѣетъ. Благочинный сердился, ругалъ Василія Петровича, зачѣмъ онъ избаловалъ сына, и потомъ уѣхалъ съ погоста, не допивъ даже второго стакана чаю. Слухъ о новомъ скандалѣ напугалъ весь погостъ, потому что никто и подумать не смѣлъ, что съ начальникомъ можно говорить такъ дерзко; ждали разныхъ несчастій и жалѣли бѣднаго Василія Петровича. Опять вышло у Николая Васильича тяжелое объясненіе съ родителями; опять въ ужасѣ они упрашивали сына смириться, не погубить ихъ на старости лѣтъ, потому что этотъ начальникъ всякую пакость сдѣлать имъ можетъ, и проч.

Этотъ случай окончательно потрясъ Трепетова и убѣдилъ его, что оставаться ему на погостѣ больше нельзя. Терпѣніе его наконецъ лопнуло, прежнія силы проснулись въ немъ. Еще въ бурсѣ онъ

воспиталъ въ себѣ глубокую ненависть къ начальству и ненавидѣлъ его, конечно, не по принципу, а по личному опыту и наблюденію. И вотъ онъ увидѣлъ теперь, что, кромѣ родительской опеки, надъ нимъ будетъ тяготѣть еще опека такого начальства, какъ благочинный, въ которомъ онъ теперь нашлъ себѣ вѣчнаго врага. — Приходилось ему или смириться, или бѣжать, — другого выхода не было. «Нѣтъ, врешь, порѣшилъ онъ, я не смирюсь; довольно вамъ тѣшиться надо мною!.. Я жить, наконецъ, хочу, чортъ возьми! и безъ опеки вашей найду себѣ дорогу»... Трепетовъ злился; онъ забылъ теперь и Таню; и отцовскія хлопоты въ конексторіи, и хотѣлъ даже корѣнить съ погостомъ въ эту же ночь, но остановился только потому, что денегъ у него ни копѣйки не было, а дорогой Христа ради ему кормиться не хотѣлось. Призадумался Николай Васильичъ, гдѣ бы ему денегъ достать на хлѣбъ, и притомъ такъ, чтобы родня объ этомъ не знала, и на первый разъ собрался пойти къ Вихляеву, кстати и книги ему отнестъ. — «Попытаюсь, думалъ онъ, а не достану, такъ вѣдь это помѣха не особенная. И безъ денегъ до города добѣгу...»

Вихляевъ принялъ его, какъ стараго знакомаго.

— Вотъ что, Петръ Петровичъ:—дайте мнѣ возможность заработать у васъ денжонокъ.

— У меня, моншеръ, денегъ никогда нѣту, — сказалъ помѣщикъ; — да зачѣмъ вамъ деньги понадобились? У вашихъ поповъ, чай, и безъ того сундуки трещать?

— Мнѣ немного надо. Поручите мнѣ, напримѣръ, вашу библиотеку въ порядокъ привести. Я вамъ каталогъ отличный составлю.

— А зачѣмъ, спрашивается, мнѣ этотъ каталогъ?

— Да какже? Вы тогда и сами будете знать, какія у васъ книги есть, да и передъ пріятелями при случаѣ можно будете похвастаться такой библиотеккой. Притомъ не пропадетъ ничего никогда.

Вихляевъ подумалъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, мысль ваша недурная, — сказалъ онъ, потирая руки; — только вы, чай, дорого возьмете?

— Да рубля два бы...

— Ха-ха-ха! я думалъ Богъ знаетъ что, — захохоталъ помѣщикъ. — Ну, идеть; я, пожалуй, гривенникъ на водку прибавлю.

И вотъ Трепетовъ засѣлъ въ библиотекѣ Вихляевской и въ два

дня составилъ ему каталогъ чуть не на тысячу книгъ. Два рубля отутились у него въ карманѣ. Потомъ Трепетовъ сходилъ въ село Звучное и продалъ тамъ знакомому мужику свои личные сапоги за 1 рубль и взялъ у него лапти въ придачу. Итого образовалось у нашего героя капиталу три цѣлковыхъ. «А съ такимъ капиталомъ и до Питера дойти можно», думалъ онъ, пересчитывая свою казну.

Теперь все было готово къ побѣгу, и Трепетовъ въ послѣдній разъ засматривался на знакомыя лица и картины, на весь безмятежно-покойный и лѣнивый ходъ жизни на погостѣ. Надо признаться, что онъ провёлъ этотъ послѣдній день съ отъѣвкомъ невольной грусти, что въ немъ не безъ боли отрывалась прежняя привязанности, когда-то дорогія ему, и жалко было ему покинуть тѣ мѣста и лица, съ которыми протекло его дѣтство. Говорятъ, и сильныя не безъ грусти осматриваютъ въ послѣдній разъ мѣста своего долгаго заточенья, и бурсакъ не безъ грусти покидаетъ ненавистную бурсу. Такова втягивающая сила привычки къ насѣженному мѣсту, и впечатлѣніямъ извѣстнаго рода. Трепетовъ тоже платилъ эту дань привычкѣ; ему тяжело было смотрѣть на безпечныя хлопоты матери и спокойствіе отца, неододрѣвавшихъ, что имъ готовится такой страшный ударъ; Николай Васильчъ невольно жалѣлъ ихъ, хотя и сознавалъ, что у него уже нѣтъ прежней любви къ нимъ и что эта любовь постепенно замирала въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ они перестали понимать другъ друга. Одна только жгучая боль томилъ его особенно: ему страшно было за Таню и за ее будущее. Зналъ Николай Васильчъ, что единственно отъ него зависить теперь все счастье дѣвушки, въ немъ сосредоточены всѣ ея надежды и что онъ самъ вызвалъ въ ней эти надежды. Совѣсть и — раякаянне за прошлое душили его: ему хотѣлось бы облегчить для нея тяжесть разлуки и дать ей хорошіе совѣты, но что онъ могъ хорошаго посоветовать ей на прощанье?! Ей бы тоже следовало бѣжать отсюда, но гдѣ ей, такой слабой, забытой и неподготовленной къ самостоятельной жизни, рѣшиться на такой подвигъ? Да и нѣтъ еще въ нашемъ обществѣ пріютовъ для такихъ бѣглецовъ; ее даже безощадно осудитъ наше общество; ей нѣтъ, значить, спасенья, ея должна она погибнуть, какъ гибнуть и чахнуть въ вѣчной истомѣ тысячи подобныхъ существъ. Трепетовъ пробьетъ себѣ дорогу: ему всѣ пути открыты, была бы только сила воли да свобода отъ предраз-

судковъ, — но окованная вѣчной опекой Тани все еще ждутъ отъ общества защиты и помощи, ждутъ разсвѣта, и скоро ли онѣ дождутся его? — неизвѣстно.

Трепетовъ пошелъ въ послѣдній разъ повидаться съ Таней и проститься съ нею, какъ прощаются съ безнадежно-больными, которые еще не знаютъ, что ихъ минуты сосчитаны. Онъ отыскалъ ее въ сараѣ отъ Никиты за крошкой бѣлья. Съ улыбкой встрѣтила она жениха.

— Это я приданое себѣ дѣлаю, сказала она, указывая на свою работу.

Трепетовъ не отвѣчалъ. Таня замѣтила, что сегодня онъ опять невеселъ, и тихонько вздохнула.

— Отвѣтили вы на то письмо? спросила она.

— Нѣтъ еще, да я и не думаю отвѣчать.

— И прекрасно... Ахъ, право, спорѣй бы ваши бумаги пришли... Меня все страхъ какой-то беретъ... Зачѣмъ вы съ благочиннымъ поссорились?..

— Не обвиняйте меня, Таня... Все, что я дѣлаю, — я не могу не дѣлать, не умѣю я сдерживаться: такая ужъ у меня натура. Не обращайтесь на это вниманія; кто знаетъ, можетъ быть, много еще горя принесу я вамъ, но не вините меня, пожалуйста... Я жалѣю, что именно *мы*; съ моимъ характеромъ, пришлось стать на вашей дорогѣ...

— Зачѣмъ вы все это говорите? спросила дѣвушка, постепенно блѣднѣя.

— Оттого, что мнѣ скучно сегодня. Хотѣлось бы поговорить съ вами откровенно, да и страшно...

— Нѣтъ, ужъ не говорите лучше... и безъ того и столько передумала за эти дни. Мнѣ самой страшно дѣлается; утѣшите меня лучше, скажите чтонибудь веселое. А то, право, вы и на жениха совсѣмъ непохожи.

— Эхъ, Таня, мало еще вы понимаете меня!

Они замолчали. У Трепетова не хватило силъ рассказать Танѣ о своихъ памѣреніяхъ, да и боялся онъ отчасти, чтобъ объ этихъ памѣреніяхъ не узнали на погостѣ и не помѣшали ему. Таню позвала зачѣмъ-то Дарья Никитична, и дѣвушка, уходя, долго смотрѣла на жениха, улыбалась ему и качала головой, точно просила его не падать духомъ. — «Прощайте!» крикнулъ онъ вслѣдъ ей, но

дѣвушка ничего не отвѣтила ему на это прощанье, — не слыхала, должно быть.

Дома накрывали на столъ ужинать. Василій Петровичъ и Катерина Ивановна все еще толковали о благочинномъ и боялись, какъ бы онъ не испортилъ дѣла.

— Я вотъ что придумалъ, Николай, — сказалъ Василій Петровичъ, обращаясь къ сыну. — Тебѣ бы слѣдовало съ невѣстой-то къ Курдюкову съѣздить. Онъ, можетъ статья, васъ захочетъ образомъ благословить, да и познакомиться вообще не мѣшаетъ, — все же баринъ вѣдь и отъ него зависитъ многое.

— Его даже и отцомъ посажоннымъ можно будетъ просить для Тани, — вставила мать.

— Что-жъ, я не прочь, какъ хотите, произнесъ Николай Васильичъ.

— Ну, такъ завтра возьми невѣсту и съ Богомъ. И я съ вами, пожалуй, поѣду, — тоже потолкую потомъ.

— И кланяться опять будете?

— А что-жъ дѣлать, сыногъ? Смирненнымъ Богъ благодать даетъ, говорить писаніе. Поклоны-то они любить. — Послѣ ужина Николай Васильичъ поднялся на свою вышгу. Тамъ онъ полежалъ часа два на своей постели, потомъ собралъ кое-какія бумаги и вещи и связалъ все это въ узелокъ. Сильно билось въ немъ сердце отъ невольной тревоги. Онъ подошелъ къ окну и раскрылъ его. Ночь темная, пасмурная, дуетъ осенній порывистый вѣтеръ, небо тучами заволгло. На погостѣ тишина: спать живые и мертвые, гдѣ-то ставня хлопаетъ и смутно, будто водопадъ далекій, шумятъ березы на кладбищѣ. Трепетовъ началъ обдумывать свое будущее: оно пока еще темно и не совсѣмъ утѣшительно. «Много надо будетъ бороться, чтобы проложить себѣ новую дорогу, — разсуждалъ юноша, — и къ чему приду я, гдѣ успокоюсь? ничего неизвѣстно. Благо вырвусь изъ подъ этой несносной опеки, а на свободѣ и работается легко, и силъ у меня хватить на работу...»

— Однако, время терять нечего, дорога-то вѣдь не малая, произнесъ онъ и торопливо взявъ свой узелокъ, надѣлъ лапти и спустился внизъ. Тихо обогнулъ онъ кладбище, прошелъ мимо знакомаго клена и вышелъ на большую дорогу по направленью къ городу. Дойдя до лѣса, онъ еще разъ посмотрѣлъ на знакомыя мѣста — и услышалъ даже пѣнье пѣтуховъ знакомыхъ... «Что-то завтра тамъ будетъ?» подумалъ онъ, вздохнувъ; потомъ привязалъ къ спинѣ покрѣпче

свою тощую котомку и зашагалъ быстро... Скоро дорога повернула въ лѣсъ, и деревья навсегда закрыли для него холмъ емельяновскій...

Разсказывать ли, что вышло на другой день на погостѣ?

Въ комнатѣ Николая Васильича, на столѣ, нашли письмо, па-бросанное карандашомъ, очевидно, на скорую руку. На письмѣ лежало обручальное кольцо Тани, а въ письмѣ значилось слѣдующее:

«Не судите меня за мое бѣгство, я не могъ поступить иначе. Всего два мѣсяца прожилъ я съ вами—и сколько горя принесъ я вамъ, сколько самъ вытерпѣлъ горя. Въ эти два мѣсяца я передумалъ слишкомъ много, взвѣсилъ все, что я теряю и что ожидаетъ меня впереди, и рѣшилъ, что намъ лучше всего разстаться. Наши интересы разошлись; мы никогда не поняли бы другъ друга и вся наша дальнѣйшая жизнь была бы рядомъ постоянныхъ недоразумѣній. Я бы измучилъ себя и зачахъ съ тоски, еслибъ послушался васъ, и, вѣроятно, вы сами не желаете, чтобы я погибъ черезъ васъ. Простите же меня, это будетъ послѣдняя и самая важная моя просьба къ вамъ; я умеръ теперь для васъ, а мертвымъ все прощаютъ. Бѣгу учиться; меня мучитъ мое невѣжество; не знаю, что дѣлать съ головой своей... Не ищите меня, потому что я самъ еще не знаю, куда пойду, — въ Москву или въ Петербургъ, въ Кіевъ, въ Казань, словомъ, куда нибудь, гдѣ есть университетъ. Можетъ быть, еще и встрѣтимся когда нибудь, но нескоро... Прощайте

Вашъ непокорный сынъ, Н. Трепетовъ».

«Передайте милой и доброй Танѣ, что я желаю ей всевозможнаго счастья и что передъ нею чувствую себя виноватымъ болѣе, чѣмъ передъ всѣми другими. Не на радость она встрѣтилась со мною, къ счастью, можетъ быть, разстается. Богъ знаетъ, сдумѣлъ ли бы я составить ея счастье, когда и себѣ не могу составить его! Пусть она скорѣе забудетъ меня!»

— Лошадь скорѣй давайте! Этого быть не можетъ, закричалъ оторопѣвшій отецъ. Это все ты!.. съ горькимъ упрекомъ обратился онъ къ обезумѣвшей женѣ и, не помня себя, бросился въ телѣгу. Никогда еще сивка не получала столько побоевъ, какъ въ этотъ день; но слѣды бѣглеца были скрыты такъ искусно, что не было никакой возможности отыскать ихъ. Погостъ взволновался, заговорилъ, пустился на розыски, и неожиданность этого факта до того

изумила всѣхъ, что никому не пришло въ голову даже обругать хорошенько Николая Васильича.

Особенно озадачилъ этотъ фактъ отца Никиту. Онъ совсѣмъ ошалѣлъ, и когда извѣстiе о бѣгствѣ жениха подтвердилось, — онъ, какъ безумный, ни съ того, ни съ сего, принялся ругать и жену, и Таню, бушевалъ долго, пока не умаялся, и только тогда изъ глазъ его просочились слезы, недобрый слезы.

— На колѣни! закричалъ онъ неистово своему семейству. — Сейчасъ на колѣни! молитесь Богу!... Только Богъ одинъ можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ...

— Молитесь же! крикнулъ онъ опять не своимъ голосомъ. — Господи, за что же срамъ-то этакой?... Опозорилъ онъ мое семейство, посмѣялся надо мной...

Таня истерично упала на колѣни передъ образомъ: губы ея дрожали, не произносилась молитва и горько зарыдала бѣдняжка, какъ никогда она не рыдала. И долго въ оступѣвшей отъ горя семьѣ слышались только судорожныя, душу рвущія рыданья дѣвушки... Отецъ Никита даже не могъ вынести этой сцены и вышелъ изъ комнаты. Ему стыдно было расплакаться среди семейства.

— Ну, вставай, дурица, — закричала, по уходѣ мужа, Дарья Никитична, толкая ногой Таню. — Не умѣла, дура, удержать жениха, такъ и пеняй на себя; теперь ты и спиешь у меня въ дѣвкахъ... Вставай же, говорятъ тебѣ! Платье-то долой, полно барыней быть, за работу пора... Слышишь?

Таня не могла ей отвѣтить.

А между тѣмъ, Трепетовъ былъ уже далеко. Но не легко и ему было. Огромной цѣной покупалъ онъ себѣ свое будущее...

Побѣгъ Трепетова имѣлъ важное значенiе только для одной Тани; она теперь должна неминуемо погибнуть за тяжелой работой и суровымъ присмотромъ Дарьи Никитичны, — тогда какъ съ Трепетовымъ она могла бы вдохнуть свободно. Но не жертвовать же было Трепетову всей своей жизнью для счастья простой, хотя и милой дѣвушки, — тѣмъ болѣе, что это счастье не могло быть обоюднымъ! Катерина Ивановна, конечно, долго станетъ убиваться, можетъ быть, похвораетъ, а потомъ, навѣрное, она будетъ раскаиваться, что *сама* не отпустила его въ университетъ и «не благословила его». Плавное теченiе ея жизни нисколько не измѣнится, видимыхъ потерь никакихъ она отъ этого не понесетъ и слезы ея постепенно осушатся,

какъ осушаются всякія слезы. И пойдетъ опять на погостъ, тѣмъ же порядкомъ, знакомая намъ жизнь; даже легче будетъ имъ жить безъ Трепетова, потому что онъ постоянно нарушалъ ихъ покой вождѣлѣнный. Пройдутъ потомъ десятки и даже, можетъ быть, сотни лѣтъ, переживутъ на погостѣ многія поколѣнія новыхъ лицъ, но внѣшность, порядокъ и самый смыслъ жизни здѣсь останется тотъ же, какъ останется онъ и на другихъ угромныхъ уголкахъ нашей родины и разныхъ захолустьяхъ, оторванныхъ воспитаньемъ и семейнымъ гнетомъ отъ жизни общественной. На холмахъ емельяновскихъ жизнь сложилась въ законченныя формы, которыя уже трудно измѣнить; надъ сооруженіемъ этихъ формъ преемственно трудились тысячи разныхъ опека, и потому здѣсь царить еще тьма непроглядная и спитъ человѣчество въ ожиданіи разсвѣта.

Скучно съ ними и съ ихъ мелкою жизнью. Все пробудившееся торопится уйти изъ этой тьмы и ищетъ свѣта. Уйдемъ же и мы отсюда, вмѣстѣ съ Трепетовымъ. Пусть ихъ живутъ съ міромъ; не тревожьте ихъ!...

И. Благовѣщенскій.

ОКОНЧАНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИЗЪ РОДНОГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

Жизнь идетъ монотонная, вялая,
Чередуются скучные дни,
Прозябаеть среда одичалая,
Надъ болотомъ міазмы одни.

А въ болотѣ застой и гніеніе,
Жизни крѣпкой не встрѣтишь слѣда,
Здѣсь отъ вѣка парить отупѣніе,
Воздухъ свѣжій не вѣетъ сюда.

Не помогутъ вѣдь слезы напрасныя
И порывы уйдутъ безъ слѣда,
И застынутъ надежды прекрасныя
Подъ оковами снѣга и льда.

Наша сила—наука и знаніе,
Наша почва—простѣе умы,
Наша цѣль—человѣка возстаніе
Изъ невѣжества, праха и тьмы.

Н. Вернеъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПУШКИНЪ И БѢЛИНСКІЙ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

I.

«Онѣгинъ, говоритъ Бѣлинскій, есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такою полнотою, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе, — значитъ оцѣнить самого поэта, во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности.» (Соч. Бѣл. Томъ VIII. Стр. 509). Дѣйствительно, «Онѣгинъ» серьезнѣе всѣхъ остальныхъ произведеній Пушкина; въ этомъ романѣ поэтъ становится лицомъ къ лицу съ современною дѣйствительностью, старается вдуматься въ нее какъ можно глубже и, по крайней мѣрѣ, не истощаетъ своей фантазіи въ эффектныхъ, но совершенно бесплодныхъ изображеніяхъ молодыхъ черкешенокъ, влюбленныхъ хановъ, высоко-нравственныхъ цыганъ и неправдоподобно-гнусныхъ измѣнниковъ, которые «не вѣдаютъ святыни и не помнятъ благостыни». Если творческая дѣятельность Пуш-

ина дастъ какіе нибудь отвѣты на тѣ вопросы, которые ставитъ дѣйствительная жизнь, то, безъ сомнѣнія, этихъ отвѣтовъ мы должны искать въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ.» Къ разбору «Онѣгина» Бѣлинскій приступалъ съ благоговѣніемъ и, какъ онъ самъ сознается, *не безъ нѣкоторой робости.* Объ «Онѣгинѣ» Бѣлинскій написалъ двѣ большія статьи; онъ говоритъ, что «эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе», и что «въ ней Пушкинъ является представителемъ пробудившагося общественнаго самосознанія». Посмотримъ, на сколько самый романъ оправдываетъ и объясняетъ собою все эти восторги нашего гениальнаго критика. Прежде всего надо рѣшить вопросъ: что за человекъ самъ Евгеній Онѣгинъ?—Бѣлинскій опредѣляетъ Онѣгина такъ: «Онѣгинъ—добрый малый, но при этомъ недюжинный человекъ. Онъ не годится въ гени, не лѣзетъ въ великіе люди, но бездѣтельность и пошлость жизни душатъ его; онъ даже не знаетъ, чего ему надо, чего ему хочется; но онъ знаетъ и очень хорошо знаетъ, что ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность». (Стр. 546, 547). Самъ Пушкинъ относится къ своему герою съ уваженіемъ и съ любовью.—Дѣлая выписки изъ Пушкина, я, для сбереженія мѣста, буду писать стихи въ строку, какъ презрѣнную прозу. «Мнѣ, говорятъ Пушкинъ объ Онѣгинѣ, нравились его черты, мечтамъ мольная преданность, неподражательная странность и рѣзкій, охлажденный умъ. Я былъ озлобленъ, онъ—угрюмъ; страстей ягру мы знали оба; томилъ жизнь обоихъ насъ; въ обоихъ сердца жаръ погасъ, обоихъ ожидала злоба слѣпой фортуны и людей, на самоѣ утрѣ нашихъ дней. Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей; кто чувствовалъ, того тревожить приражъ невооружимыхъ дней: тому ужъ нѣтъ очарованій, того змя воспоминаній, того раскваше грызеть. Все это часто придаетъ большую прелесть разговору. Сперва Онѣгина языкъ меня смущалъ; но я привыкъ къ его язвительному слору и къ шуткѣ, съ жалчью понодамъ, и къ злости мрачныхъ эпиграммъ. Какъ часто лѣтнею порою, когда прозрачно и свѣтло ночное небо надъ Невою и водъ раселое стекло не отражаетъ ликъ Діаны, воспомня претнихъ лѣтъ романы, воспомня прежнюю любовь, чувствительны, безпечны вновь, дыханьемъ ночи благосклонной бевмолвно упивались мы! Какъ въ лѣсъ зеленый въ тюрьмы перенесенъ: колодникъ сонный, такъ

уносились мы мечтой къ началу жизни молодой.» (Глава I. Строфы XLV, XLVI, XLVII). Въ этомъ отрывкѣ Пушкинъ постоянно улетѣляетъ такія эластическія слова, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла и въ которыя, вслѣдствіе этого, каждый читатель можетъ втиснуть какой угодно смыслъ. — Человѣкъ обладаетъ рѣзкимъ, охлажденнымъ умомъ, знаетъ игру страстей; онъ жилъ, мыслилъ и чувствовалъ; въ немъ погасъ жаръ сердца; его томитъ жизнь; его ожидаетъ злоба людей и слѣпой фортуны; — всѣ эти слова могутъ быть приложены къ какому нибудь очень крупному человѣку, къ замѣчательному мыслителю, даже къ историческому дѣятелю, который старался вразумить людей и котораго не поняли, осмѣяли или проклинали тупоумные современники. Обманутый хорошими эластическими словами, — тѣми словами, въ которыя онъ самъ, мыслитель и дѣятель, привыкъ вкладывать живую душу, — Бѣлинскій посмотрѣлъ на Онѣгина благосклонно и смѣло выдвинулъ его изъ безчисленной толпы дюжинныхъ личностей. Но мнѣ кажется, что Бѣлинскій ошибся. Онъ повѣрилъ *словамъ* и забылъ то обстоятельство, что люди очень часто произносятъ хорошія слова, не отдавая себѣ яснаго отчета въ ихъ значеніи, или, по крайней мѣрѣ, придавая этимъ словамъ узкій, односторонній и нищенскій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ задать себѣ вопросы: *чѣмъ* же охлажденъ умъ Онѣгина? *Какую* игру страстей онъ испыталъ? *На что* тратилъ и истратилъ онъ жаръ своего сердца? *Что* подразумеваетъ онъ подъ словомъ *жизнь*, когда онъ говоритъ себѣ и другимъ, что жизнь томитъ его? *Что* значить, на языкѣ Пушкина и Онѣгина, *жить, мыслить и чувствовать*? — Отвѣта на всѣ эти вопросы мы должны искать въ описаніи тѣхъ запятій, которыми предавался Онѣгинъ съ самой ранней молодости и которыя, наконецъ, вогнали его въ хандру. — Въ первой главѣ, начиная съ XV-ой до XXXVII строфы, Пушкинъ описываетъ цѣлый день Онѣгина, съ той минуты, когда онъ просыпается утромъ, до той минуты, когда онъ ложится спать, тоже утромъ. Лежа еще въ постели, Онѣгинъ получаетъ три приглашенія на вечеръ; онъ одѣвается и въ утреннемъ уборѣ ѣдетъ на бульваръ, и гуляетъ тамъ до тѣхъ поръ, «пока недремлющій брегетъ не прозвонитъ ему обѣды». Онъ ѣдетъ обѣдать въ ресторанъ Талона, и тамъ какъ дѣло происходитъ зимою, то, при семъ удобномъ случаѣ, его бобрѣвый воротничекъ серебрится морозной пылью; и это достопамятное обстоя-

тельство даетъ Бѣлинскому поводъ замѣтить, что Пушкинъ обладаетъ удивительною способностью «дѣлать поэтическими самыя прозаическіе предметы». (Т. VIII. Стр. 387). Если бы Бѣлинскій дожилъ до нашихъ временъ, то онъ принужденъ былъ бы сознаться, что нѣкоторые художники далеко превосходили великаго Пушкина даже въ этой удивительной и специально-художественной способности. Наши великіе живописцы, господъ Зарянко и Тютрюмовъ, воспѣваютъ бобровые воротники красками, и воспѣваютъ ихъ такъ неподражаемо-хорошо, что каждый отдѣльный волосокъ превращается въ поэтическую картину и въ перлъ созданія. Увидѣвъ великія произведенія этихъ великихъ живописцевъ, Бѣлинскій былъ бы поставленъ въ трагическую альтернативу: ему пришлось бы или поклониться передъ творческимъ величіемъ господъ Зарянки и Тютрюмова, или отречься отъ тѣхъ эстетическихъ понятій, которыя видятъ заслугу поэта въ его удивительной способности воспѣвать бобровые воротники.—Воспѣвъ бобровый воротникъ, Пушкинъ воспѣваетъ все кушанья того обѣда, которымъ занимается Онѣгинъ у Тамона. Обѣдъ недуренъ: тутъ появляются окровавленный ростбифъ, трюфли, которые Пушкинъ называетъ почему-то роскошью юныхъ лѣтъ, нетлѣнный пирогъ Страсбурга, живой лимбургскій сыръ, золотой ананасъ и котлеты, очень горячія, очень жирныя и возбуждающія жажду, которая утоляется шампанскимъ. Въ какомъ порядкѣ эти поэтическіе предметы слѣдуютъ одинъ за другимъ,—этого Пушкинъ намъ, съ сожалѣніемъ, не объясняетъ, и прямая обязанность нашихъ антикваріевъ и библиофиловъ состоитъ въ томъ, чтобы исполнить этотъ важный прѣблль посредствомъ тщательныхъ исследованийъ.

Когда обѣдъ еще не доконченъ, когда горячій жиръ котлетъ еще недостаточно залитъ волнами шампанскаго (какого именно шампанскаго?—это тоже весьма интересный вопросъ для усердныхъ комментаторовъ), звонъ брегета доноситъ обѣдающимъ, что начался новый балетъ.

Какъ злой законодатель театра, какъ непостоянный обожатель очаровательныхъ актрисъ (объ актрисахъ, разумѣется, печего напоминать комментаторамъ; они, разумѣется, всѣхъ ихъ знаютъ по имени, по отчеству, по фамиліи и по самымъ подробнымъ формулярнымъ спискамъ) и какъ почетный гражданинъ нулись, Онѣгинъ летитъ въ балетъ. (Здѣсь я съ ужасомъ вспоминаю, что мы рѣши-

тельно не знаемъ, какой масти была лошадь Онѣгина, и что эту великую тайну, по всей вѣроятности, не раскроютъ намъ никакія изслѣдованія комментаторовъ). Войдя въ театральную залу, Онѣгинъ начинаетъ обнаруживать охлажденность своего ума; окинувъ взоромъ всѣ ярусы, онъ, по словамъ Пушкина, все видѣлъ и остался ужасно недоволенъ лицами и уборомъ; потомъ, раскланявшись съ мужчинами, взглянувъ на сцену въ большомъ разбѣяньи, потомъ даже отворотился и зѣвнулъ, и молвитъ: «всѣхъ пора на смѣху, балеты долго я терпѣлъ, но и Дидло мнѣ надоѣлъ». Приведемъ это суровое анти-балетное восклицаніе разочарованнаго Онѣгина, Пушкинъ самъ почувствовалъ, что онъ ставитъ своего героя въ довольно смѣшное положеніе, потому что люди, дѣйствительно обладающіе рѣзкимъ и охлажденнымъ умомъ, не станутъ тратить своей прони на отрицаніе балетмейстера Дидло и дамскихъ уборовъ. Почувствовавъ смѣшное положеніе Онѣгина, Пушкинъ придалъ къ XXI строфѣ слѣдующее юмористическое примѣчаніе: «Черта охлажденнаго чувства, достойная Чайльдъ-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ». Этимъ примѣчаніемъ Пушкинъ, очевидно, хотѣлъ показать, что онъ самъ подтруниваетъ надъ бутадою Онѣгина и не принимаетъ этой бутады за симптомъ серьезной разочарованности. Но примѣчаніе это производитъ очень слабое впечатлѣніе на внимательнаго и недобрычаваго читателя; такой читатель видитъ, что, кромѣ забавныхъ бутадъ, рѣзкій и охлажденный умъ Онѣгина не порождаетъ ровню ничего. Въ XXI строфѣ I-ой главы Онѣгинъ отрицалъ балеты Дидло, а въ IV и въ V-й строфахъ III главы Онѣгинъ отрицаетъ брусничную воду, красоту Ольги Лариной, глупую луну и глупый небосклонъ. И этими немногими, весьма невинными выходками исчерпывается до самаго дна та злость ирачныхъ эпиграммъ, которою угрожалъ намъ Пушкинъ въ XLVI строфѣ I главы. Злѣе и ирачнѣе этихъ эпиграммъ мы отъ Онѣгина ничего и не услышимъ до самаго конца романа. Если всѣ эпиграммы Онѣгина были такъ же ирачны и такъ же злы, то не мудрено, что Пушкинъ привѣтъ къ нимъ очень сѣро.—Продолжая проявлять свою разочарованность, Онѣгинъ уѣзжаетъ изъ театра въ то время, когда амурь, черти и зѣвы еще скачутъ и шумятъ на сценѣ. Не интересуясь ихъ спектаклемъ и

шумѣніемъ, онъ ѣдетъ домой, переодѣвается для бала и отправляется танцовать до утра. Въ то время, когда Онѣгина переодѣвается, Пушкинъ превращаетъ въ поэтическіе предметы тѣ гребенки, пилочки, ножницы и щетки, которыя уграбають казнить «философа въ осьмнадцать лѣтъ». Философомъ же юный Онѣгинъ оказался, вѣроятно, именно потому, что у него очень много гребенокъ, пилочекъ, ножницъ и щетокъ; но и самъ Пушкинъ по части философіи не желаетъ отставать отъ Онѣгина и, вслѣдствіе этого, высказываетъ весьма категорически ту философскую истину, любезную Павлу Кирсанову, что можно быть дѣльнымъ человѣкомъ и думать о красотѣ ногтей. Эту великую истину Пушкинъ поддерживаетъ другою истинною, еще болѣе великою. «Къ чему, спрашиваетъ онъ, бесплодно спорить съ вѣкомъ?» Тамъ какъ XIX вѣкъ, очевидно, направляетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы превратить ногти въ поэтическіе предметы, то, разумѣется, относиться равнодушно къ красотѣ ногтей, значитъ быть ретроградомъ и обскурантомъ... «Обычай, продолжаетъ философъ Пушкинъ, — деспотъ межъ людей». Ну, разумѣется, и притомъ обычай всегда останется деспотомъ *между* такихъ философовъ, какъ Онѣгинъ и Пушкинъ. Къ сожалѣнію, число такихъ драгоценныхъ мыслителей понемногу начинаетъ убывать. — Пушкинъ наскавалъ бы намъ еще много философскихъ истинъ, но Онѣгинъ уже одѣлся, уподобился вѣтренной Венерѣ, надѣвшей мужской нарядъ, и въ ямской каретѣ поскакалъ *стремглавъ* (вѣроятно, вслѣдствіе охлажденности ума) на балъ. Пушкинъ, разумѣется, спѣшитъ за нимъ, и потокъ философскихъ истинъ на нѣсколько времени изсякаетъ. — На балѣ мы совершенно теряемъ изъ виду Онѣгина и рѣшительно не знаемъ, въ чемъ выразилось его несомнѣнное превосходство надъ презрѣнною толпою. Вводя своего героя въ бальную залу, Пушкинъ весь предается воспоминаніямъ о ножкахъ и рассказываетъ съ неподражаемымъ увлеченіемъ, какъ онъ однажды завидовалъ волнамъ, «бѣгущимъ бурной чередою съ любовью лечь къ ея ногамъ». Недовѣрчивый читатель, быть можетъ, усомнится въ томъ, чтобы волны дѣйствительно ложились къ ея ногамъ *съ любовью*, но я отвѣчу такому неотесанному читателю, что проваическія волны превращены здѣсь въ поэтическіе предметы, и что, поэтому, со стороны поэта даже очень похвально приписать имъ, для пущей поэтичности, любовь къ женщинамъ вообще или къ ея ногамъ въ особенности. Что же касается до завидованія неду-

шевденному предмету, прикасающемуся или приближающемуся къ красивой женщинѣ такъ или иначе, то я надѣюсь, что противъ этого даже самый неотесанный читатель не осмѣлится представить никакого скептическаго возраженія, потому что этотъ мотивъ выисненъ и разработанъ до послѣдней тонкости глубокомысленнымъ и изящнымъ романсомъ: «ахъ, зачѣмъ я не бревно»,—романсомъ, достаточно извѣстнымъ не только грамотной, но даже и безграмотной Россіи.—Объяснивъ читателямъ, что милыя ноги привлекали его сильнѣе и даже несравненно сильнѣе, чѣмъ уста, ланиты и перси, Пушкинъ вспоминаетъ о своемъ Онѣгинѣ, везетъ его съ бала домой и укладываетъ въ постель въ то время, когда рабочій Петербургъ уже начинаетъ просыпаться. Когда Онѣгинъ встаетъ отъ сна, тогда начинается опять та же исторія: гулянье, обѣдъ, театръ, переодѣванье, балъ и сонъ.

II.

И такъ, Онѣгинъ ѣстъ, пьетъ, критикуетъ балеты, танцуетъ цѣлыя ночи на пролетъ,—словомъ, ведетъ очень веселую жизнь. Преобладающимъ интересомъ въ этой веселой жизни является «наука страсти нѣжной», которою Онѣгинъ занимается съ величайшимъ усердіемъ и съ блестящимъ успѣхомъ. «Но былъ ли счастливъ мой Евгений?» спрашиваетъ Пушкинъ. Оказывается, что Евгений не былъ счастливъ, и, изъ этого послѣдняго обстоятельства, Пушкинъ выводитъ заключеніе, что Евгений стоялъ выше пошлой, презрѣнной и самодовольной толпы. Съ этимъ заключеніемъ соглашается, какъ мы видѣли выше, Бѣлинскій; но я, къ крайнему моему сожалѣнію, принужденъ здѣсь противорѣчить, какъ нашему величайшему поэту, такъ и нашему величайшему критику. Скука Онѣгина не имѣетъ ничего общаго съ недовольствомъ жизнью; въ этой скукѣ нельзя подмѣтить даже инстинктивнаго протеста противъ тѣхъ неудобныхъ формъ и отношеній, съ которыми мирится и уживается, по привычкѣ и по силѣ инерціи, пассивное большинство. Эта скука есть нечто иное, какъ простое физиологическое послѣдствіе очень безпорядочной жизни. Эта скука есть видоизмѣненіе того чувства, которое цѣмцы называютъ *Katzenjammer* и которое обыкновенно посѣщаетъ каждаго бутилу на другой день послѣ хорошей попойки. Человѣкъ

такъ устроенъ отъ природы, что онъ не можетъ постоянно обжираться, упиваться и изучать «науку страсти нѣжной». Самый крѣпкій организмъ надламывается или, по крайней мѣрѣ, истаскивается и утомляется, когда онъ черезчуръ роскошно пользуется разнообразными дарами природы. Всякое наслажденіе притупляетъ, въ большей или въ меньшей степени, на болѣе или менѣе долгое время, ту способность нашего организма, которая воспринимаетъ это наслажденіе. Если отдѣльные приемы наслажденія быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, и если эти приемы очень сильны, то наша способность наслаждаться совершенно притупляется, и мы говоримъ, что намъ надоѣло и опротивѣло то или другое пріятное занятіе. Это притупленіе одной изъ нашихъ способностей совершается помимо всякихъ умышленныхъ соображеній и совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было критическихъ взглядовъ на то занятіе, которое мы прежде любили и въ которому мы потомъ охладѣли.—Представьте себѣ, что вы очень любите какое нибудь питательное и здоровое кушанье, напримѣръ, пуддингъ; въ одинъ прекрасный день, это любимое ваше кушанье изготовлено особенно хорошо; вы объѣдаетесь имъ и сильно разстраиваете себѣ желудокъ; послѣ этого легко можетъ случиться, что вы получите къ пуддингу непобѣдимое отвращеніе, которое, разумѣется, будетъ совершенно независимо отъ вашихъ теоретическихъ понятій о пуддингѣ. Вы знаете очень хорошо весь составъ пуддинга; вы знаете, что въ него не кладутъ никакихъ ядовитыхъ веществъ; вы видите, что другіе люди при васъ ѣдятъ его съ удовольствіемъ, и, при всемъ томъ, вамъ, прежнему любителю пуддинга, это кушанье не идетъ въ горло. Отношенія Онѣгина къ различнымъ удовольствіямъ свѣтской жизни, похожи, какъ двѣ капли воды, на ваши отношенія къ пуддингу. Онѣгинъ всѣмъ объѣлся и его отъ всего тошнитъ. Если не всѣхъ свѣтскихъ людей тошнитъ такъ, какъ Онѣгина, то это происходитъ единственно оттого, что не всѣмъ удается объѣсться. Какъ специалистъ въ «науку нѣжной страсти», Онѣгинъ, разумѣется, стоитъ выше многихъ своихъ сверстниковъ. Онъ красивъ собою, ловокъ, *il a la langue bien pendue*, какъ говорятъ французы, и въ этихъ особенностяхъ его личности заключается вся тайна его разочарованности и его мнимаго превосходства надъ презрѣнною толпою. Другіе свѣтскіе люди, ведущіе, вмѣстѣ съ Онѣгинымъ, пустую и веселую жизнь, совсѣмъ не одерживаютъ побѣдъ надъ свѣтскими

женщинами, или одерживаютъ этихъ побѣдъ очень немного, такъ что не успѣваютъ притупить своего чувства съ этой стороны. «Наука нѣжной страсти» продолжаетъ быть для нихъ привлекательною, потому что они встрѣчаютъ въ ней серьезныя трудности, которыя они желаютъ и надѣются преодолѣть. Для Онегина эти трудности не существуютъ; онъ наслаждается тѣмъ, къ чему другіе только стремятся, и, вслѣдствіе неумѣреннаго наслажденія, онъ притупляетъ въ себѣ вкусъ и влеченіе ко всему, что составляетъ содержаніе свѣтской жизни. До сихъ поръ превосходство Онегина заключается только въ томъ, что онъ лучше многихъ другихъ умѣлъ «тревожить сердца кокетокъ записныхъ.» Легко можетъ быть, что Пушкинъ любитъ и уважаетъ своего героя именно за эту особенность его личности. Но кто имѣетъ понятіе о Бѣлинскомъ, тотъ, конечно, знаетъ, что Бѣлинскій не могъ бы относиться къ Онегину съ сочувствіемъ, если бы видѣлъ въ немъ только искуснаго соблазнителя записныхъ кокетокъ. — И такъ, посмотримъ, что будетъ дальше; посмотримъ, за какое средство ухватится обѣщавшійся Онегинъ, чтобы побѣдить свой *Katzenjammer* и чтобы снова помириться съ жизнью. Когда человѣку надоѣло наслажденіе и когда этотъ человекъ, въ то же время, чувствуетъ себя молодымъ и сильнымъ, тогда онъ непремѣнно начинаетъ искать себѣ труда. Для него наступаетъ пора тяжелаго раздумья; онъ всматривается въ самого себя, всматривается въ общество; онъ взвѣшиваетъ качество и количество своихъ собственныхъ силъ; онъ оцѣниваетъ свойства тѣхъ препятствій, съ которыми ему придется бороться, и тѣхъ общественныхъ потребностей, которыя стоятъ на очереди и ожидаютъ себѣ удовлетворенія. Наконецъ, изъ его раздумья выходитъ какое нибудь рѣшеніе, и онъ начинаетъ дѣйствовать; жизнь ломаетъ по своему его теоретическія выкладки; жизнь старается обезличить его самого и переработать по общей, казенной мѣрѣ весь строй его убѣжденій; онъ упорно берется за свою умственную и нравственную самостоятельность, и въ этой неизбежной борьбѣ обнаруживаются размѣры его личныхъ силъ. Когда человекъ прошелъ черезъ эту школу размысленія и житейской борьбы, тогда мы имѣемъ возможность поставить вопросъ: возвышается ли этотъ человекъ надъ безличною и пассивною массою, или не возвышается? Но пока человекъ не побывалъ въ этой передѣлкѣ, до тѣхъ поръ онъ, въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи, составляетъ для насъ такую же неизвѣстную ведичану,

какую мы видимъ, напримѣръ, въ грудномъ ребенкѣ. Если же человекъ, утомленный наслажденьемъ, не умѣетъ даже попасть въ школу раздумья и житейской борьбы, то мы тутъ уже прямо можемъ сказать, что этотъ эмбрионъ никогда не сдѣлается мыслящимъ существомъ и; слѣдовательно, никогда не будетъ имѣть законнаго основанія смотрѣть съ презрѣньемъ на пассивную массу.—Къ числу этихъ вѣчныхъ и безнадежныхъ эмбрионовъ принадлежитъ и Опѣгинъ. «Отступникъ бурныхъ наслажденій, говоритъ Пушкинъ, Опѣгинъ дома заперся, зѣвая за перо взялся,—хотѣлъ писать; но трудъ упорный ему былъ тошнотъ; ничего не вышло изъ пера его». (Глава I. Строчка XLIII) Шляться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по ресторанамъ и по балетамъ, потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, усѣсться за письменный столъ и взять перо въ руки съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться писателемъ,—это фантазія, по меньшей мѣрѣ, очень странная. Браться за перо *зѣвая* и въ то же время ожидать, что перо напишетъ что нибудь мало-мальски сносное — это также нѣсколько не остроумно. Наконецъ, отвращеніе Опѣгина къ *упорному* труду, отвращеніе, которое такъ откровенно признаетъ самъ Пушкинъ, составляетъ симптомъ очень печальный, по которому мы уже заранѣе имѣемъ право предугадывать, что Опѣгинъ навсегда останется эмбриономъ. Но не будемъ торопиться въ произнесеніи окончательнаго приговора. Когда человекъ входитъ въ новую фазу жизни, тогда онъ поневолѣ идетъ ощупью, берется за непривычное дѣло очень неискусно, переходитъ отъ одной ошибки къ другой, испытываетъ множество неудачъ, и только посредствомъ этихъ ошибокъ и неудачъ, выучивается понемногу работать надъ тѣми вопросами, которые настоятельно требуютъ отъ него разрѣшенія.—Опѣгинъ увидалъ, что онъ не можетъ быть писателемъ и что сдѣлаться писателемъ гораздо труднѣе, чѣмъ пообѣдать у Талона. Эта крошечная частичка житейской опытности, вынесенная имъ изъ перваго столкновенія съ вопросомъ о трудѣ, повидимому, не пропала для него даромъ. По крайней мѣрѣ, вторая попытка его оказывается гораздо благоразумнѣе первой. «И снова, говоритъ Пушкинъ, преданный бездѣлю, томимъ душевной пустотой, усѣлся онъ съ похвальной цѣлью себя усвоить умъ чужой». (Строчка XLIV). Значитъ, началъ читать. Это придумано недурно. Но именно эта удачная, хотя и очень простая выдумка тотчасъ раскрываетъ передъ нами ту истину, что Опѣгинъ — человекъ безважно-пустой и совершен-

но ничтожный. «Отрядомъ книгъ уставилъ полку, продолжаетъ нашъ поэтъ, читалъ, читалъ, а все безъ толку: тамъ сжука, тамъ обманъ и бредъ; въ томъ совѣсти,—въ томъ смысла нѣтъ; на всѣхъ различныхъ вериги; и устарѣла старина, и старымъ бредить новизна; какъ женщинъ, онъ оставилъ книги, и полку, съ пыльной ихъ семьей, задернулъ траурной тѣстой.» (Строфа XLIV.) Если бы Опѣгинъ расправился такъ бойко съ однѣми русскими книгами, то въ словахъ поэта можно было бы видѣть злую, но справедливую сатиру на нашу тогдашнюю, вялую и ничтожную литературу. Но, къ сожалѣнію, мы знаемъ доподлинно, изъ другихъ мѣстъ романа, что Опѣгинъ умѣлъ читать всякія книжки, и французскія, и нѣмецкія (Гердера), и англійскія (Гиббона и Байрона), и даже итальянскія (Манзони). Въ его распоряженіи находилась вся европейская литература XVIII вѣка, а онъ сумѣлъ только задернуть полку съ книгами траурной тѣстой. Пушкинъ, повидимому, желалъ показать, что проницательный умъ и неуегротимый духъ Опѣгина ничѣмъ не могутъ удовлетвориться и ищутъ такого совершенства, котораго даже и на свѣтѣ не бываетъ. Но показалъ онъ совсѣмъ не то. Онъ показалъ одно изъ двухъ: или то, что Опѣгинъ не умѣлъ себѣ выбрать хорошихъ книгъ, или то, что Опѣгинъ не умѣлъ оцѣнить и полюбить тѣхъ мыслителей, съ которыми онъ познакомился. По всей вѣроятности, Опѣгина постигли обѣ эти неудачи; т. е. и выборъ книгъ былъ неудовлетворителенъ, и пониманіе было изъ рукъ вонъ плохо. Опѣгинъ, вѣроятно, накупилъ себѣ всякой всячины, началъ глотать одну книгу за другою безъ цѣли, безъ системы, безъ руководящей идеи, почти ничего не понялъ, почти ничего не запомнилъ и бросилъ, наконецъ, это безтолковое чтеніе, убѣдивши себя въ томъ, что онъ произвелъ всю человѣческую науку, что всѣ мыслители—дурачье и что всѣхъ ихъ надо повѣсить на одну осину. Это отрицаніе, конечно, очень отважно и очень безпощадно, но оно, кромѣ того, чрезвычайно смѣшно и для отрицаемыхъ предметовъ совершенно безвредно. Когда человѣкъ отрицаетъ рѣшительно все, то это значитъ, что онъ не отрицаетъ ровно ничего и что онъ даже ничего не знаетъ и не понимаетъ. Если этимъ легкимъ дѣломъ сплошного отрицанія занимается не ребенокъ, а взрослый человѣкъ, то можно даже смѣло утверждать, что этотъ бойкій господинъ одаренъ такимъ неподвижнымъ и лѣнивымъ умомъ, который никогда не усвоитъ себѣ и не пойметъ ни одной дѣльной мысли. Опѣгинъ

расправляется съ книгами такъ, какъ онъ расправился выше съ балетами Дидло и какъ онъ въ III главѣ будетъ расправляться съ глупою душою и съ глупымъ небосклономъ. Онъ произноситъ рѣзкую фразу, которую довѣрчивые люди принимаютъ за смѣлую мысль. Враждебное столкновеніе его съ книгами составляетъ въ его жизни послѣднюю попытку отыскать себѣ трудъ. После этой попытки, Онѣгинъ и Пушкинъ окончательно убѣждаются въ томъ, что для высшихъ натуръ не существуетъ въ жизни увлекательнаго труда, и что чѣмъ человѣкъ умнѣе, тѣмъ больше онъ долженъ скучать. Сваливать, такимъ образомъ, всякую вину на роковые законы природы, конечно, очень удобно и даже лестно для тѣхъ людей, которые не привыкли и не умѣютъ размышлять, и которые, посредствомъ этого сваливанія, могутъ, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, перечислить себя изъ тунеядцевъ въ высшія природы. У Пушкина особенно развита эта замашка выдумывать законы природы и ставить эти выдуманные законы, какъ границу, за которую не можетъ проникнуть никакое изслѣдованіе. Спрашивается, напримѣръ: отчего люди скучаютъ? — На это можно отвѣчать: оттого, что они ничего не дѣлаютъ. — А отчего они ничего не дѣлаютъ? — Оттого, что за нихъ работаютъ другіе люди. — А это отчего происходитъ? — На этотъ вопросъ также можно отыскать отвѣтъ, но только, разумѣется, тутъ придется вѣхаться и въ исторію, и въ политическую экономію, и въ физиологію, и въ опытную психологію. Но у Пушкина дѣло не доходитъ даже до второго вопроса. У него сію минуту готовъ законъ природы. Пушкинскій Фаустъ говоритъ, напримѣръ, Мефистофелю: «миѣ скучно, бѣсъ», а Мефистофель немедленно объясняетъ ему, что «таковъ вамъ положенъ предѣлъ» и что «вся тварь разумная скучаетъ.» И Фаустъ довѣрчиво и даже съ нѣкоторымъ ужасомъ выслушиваетъ вздорную болтовню Мефистофеля, а потомъ, для развлечения, приказываетъ Мефистофелю утопить испанскій трехмачтовый корабль, готовый пристать къ берегамъ Голландіи. Эта такъ называемая «Сцена изъ Фауста» составляетъ превосходный комментарий къ «Евгенію Онѣгину». Въ этой «сценѣ» демонизмъ, какъ понимаетъ его Пушкинъ, доведенъ уже до послѣднихъ границъ нелѣпаго и смѣшнаго. Тутъ уже для читателя становится ясно, что пушкинскій Фаустъ—со всѣмъ не Фаустъ и совсѣмъ не вышшая натура, а просто развеселый купеческій сынокъ, которому свойственно не топить трехмачтовые испанскіе корабли, а разрушать

Большія зеркала въ русскихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Надъ Мефистофелемъ этотъ рѣзвый юноша не имѣетъ ни малѣйшей власти, но должность Мефистофеля исправляетъ при этомъ российский Фаустъ толстый бумажникъ, наполненный кредитными билетами. Именно этотъ карманный Мефистофель и даетъ ему возможность бить зеркала для того, чтобы разнообразить жизнь и прогнать на нѣсколько минутъ роковую скуку. Отнимите у русскаго Фауста бумажникъ—и онъ тотчасъ сдѣлается тише воды, ниже травы, скромнѣе красной дѣвушки. вмѣстѣ съ вспышками демонической природы пропадетъ и роковая скука. Фаустъ пойдетъ въ чорнорабочіе и за-террется въ той сѣрой толпѣ, которую онъ отчаянно давилъ своими рысачами во времена своего господства надъ карманнымъ Мефистофелемъ. По натурѣ своей, Онѣгинъ чрезвычайно похожъ на Фауста, который въ романѣ топить испанскіе корабли, а въ жизни крушить русскія зеркала. И демонизмъ Онѣгина также цѣликомъ сидитъ въ его бумажникѣ. Какъ только бумажникъ опустѣетъ, такъ Онѣгинъ тотчасъ пойдетъ въ чиновники и превратится въ Фамусова. И тогда самый опытный наблюдатель ни за что не отличитъ его отъ той толпы, которую онъ презиралъ на томъ основаніи, что онъ будто бы «жилъ и мыслилъ».—И такъ, Онѣгинъ скучаетъ не оттого, что онъ не находитъ себѣ разумной дѣятельности, и не оттого, что онъ—высшая натура, и не оттого, что «вся тварь разумная скучаетъ», а просто оттого, что у него лежатъ въ карманѣ шальные деньги, которыя даютъ ему возможность много ѣсть, много пить, много заниматься «наукою нѣжной страсти» и корчить всякія гримасы, какія онъ только пожелаетъ соорудить. Умъ его ничѣмъ не охлажденъ,—онъ только совершенно нетронутъ и неразвѣтъ. *Игру страстей* онъ испыталъ на столько, на сколько эта игра входитъ въ «науку страсти нѣжной». О существованіи другихъ, болѣе сильныхъ страстей,—страстей, направленныхъ къ идеѣ, онъ даже не имѣетъ никакого понятія, подобно тому, какъ не имѣетъ о нихъ понятія пушкинскій Фаустъ. *Жаръ* своего сердца Онѣгинъ истратилъ на будуарныя сцены и на маскарадныя похождения. Если Онѣгинъ думаетъ, что *жизнь томитъ* его, то онъ думаетъ чистый вздоръ; кого жизнь дѣйствительно томитъ, тотъ не поскачетъ на почтовыхъ за наслѣдствомъ въ деревню умирающаго дяди. *Жить*, на языкѣ Онѣгина, значить гулять по бульвару, обѣдать у Талона, ѣздить въ театры и на балы. *Мыслить*, значить критиковать ба-

лети Дядю и ругать дуну душой за то, что она очень кругла. *Чувствовать*, значит завидовать волнамъ, которые ложатся къ ногамъ хорошенькой барыни. *Кто жилъ и мыслилъ*, подобно Онѣгину, *тотъ*, разумѣется, *не можетъ не презирать людей*, живущихъ менѣе роскошно и мыслящихъ не столь оригинально. *Кто чувствовалъ*, подобно Онѣгину, *того*, разумѣется *тревожитъ призракъ невозвратимыхъ дней*, т. е. тѣхъ дней, когда случалось видѣть вблизи ножи, ланиты, перси и разныя другія интересныя подробности женскаго тѣла. — Такимъ образомъ, я отвѣтилъ на всѣ вопросы, поставленные мною въ первой главѣ, и у насъ оказался тотъ неожиданный результатъ, что Онѣгинъ совсѣмъ не «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья», а просто коварный измѣнщикъ и жестокий тиранъ дамскихъ сердецъ. Мы увидимъ ниже, что этотъ результатъ оправдывается всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ романа.

III.

Пушкинъ подружился съ Онѣгинымъ и призналъ за нимъ право презирать людей въ то время, когда Онѣгинъ, постигнувъ суетность науки, задерживалъ траурной тафтой полку съ книгами. Вслѣдъ затѣмъ, умеръ отецъ Онѣгина, и Евгенийъ предоставилъ наслѣдство кредиторамъ, «большой потери въ томъ не видя, иль предузнавъ издалека кончину дяди-старика.» Дѣйствительно, дядя вскорѣ занемогаетъ, и, «прочтя печальное посланье, Евгенийъ тотчасъ на свиданье стремглавъ по почтѣ поскакалъ и ужъ заранѣе зѣвалъ, приготавлиаясь, денегъ ради, на вздохи, скуку и обманъ». О предстоящихъ занятіяхъ съ больнымъ дядей Онѣгинъ размышлялъ такъ: «но, Боже мой, какая скука съ больнымъ сидѣть и день, и ночь, не отходя ни шагу прочь. Какое низкое коварство полуживого забавлять, ему подушки поправлять, печально подносить лекарство, вздыхать и думать про себя: когда же чортъ возьметъ тебя!» Все это очень естественно и изложено очень хорошими стихами, но все это, очевидно, совершенно уравниваетъ Онѣгина съ самыми презрѣнными людьми презрѣнной толпы. Изъ-за чего суетятся, гибнутъ въ дугу, актерствуютъ и подличаютъ самые презрѣнные люди? Изъ-за чего Молчалинъ ходитъ на заднихъ

лапкахъ передъ Фамусовымъ и передъ всѣми его важными гостями?—Изъ-за презрѣннаго металла, которымъ поддерживается брѣнное существованіе. А ради чего Онѣгинъ скачетъ *стремглавъ по почтѣ* и готовится къ хожденію на заднихъ лапкахъ передъ умирающимъ родственникомъ?—*Дженъ ради*, отвѣчаетъ Пушкинъ съ свойственною ему откровенностью. Онѣгинъ унижается передъ дядей, Молчалинъ унижается передъ начальникомъ; побудительная причина у обоихъ одна и та же. Съ какой же стати Пушкинъ даетъ Онѣгину право презирать толпу, въ которой молчалинство составляетъ самую темную и грязную сторону? Если Онѣгину необходимо упражняться въ презрѣніи, то ему слѣдовало бы начать съ самого себя и даже кончить самимъ собою, то есть, сосредоточить навсегда все свое презрѣніе на собственной личности и оставить толпу въ покоѣ, потому что даже такой мелкій членъ толпы, какъ Молчалинъ, все-таки стоитъ выше блестящаго дэнди Онѣгина. Молчалинъ подличаетъ потому, что въ русской жизни господствуетъ, какъ остроумно замѣтилъ Помяловскій, своеобразный экономическій законъ, вслѣдствіе котораго, членъ толпы, дающій работу, считаетъ себя благодѣтелемъ членовъ толпы, получающихъ и выполняющихъ работу. Очень немногія отрасли труда освободились отъ господства этого своеобразнаго закона, и разумѣется, то поприще, на которомъ подвизается Молчалинъ, относится къ числу неосвободившихся отраслей. Подличая передъ Фамусовымъ, Молчалинъ добивается только того, чтобы у него не отняли работы и чтобы ему платили за эту работу хорошія деньги. Разумна ли и полезна ли сама работа—за это Молчалинъ не отвѣчаетъ, потому что не онъ ее выдумалъ. Дѣло Молчалина—трудиться, и онъ дѣйствительно трудится, и его начальникъ, Фамусовъ, сознается, что Молчалинъ—дѣловой членъ толпы. Когда же Онѣгинъ подличаетъ передъ дядей, тогда онъ ждетъ отъ дяди не работы и не задѣльной платы, а даровой подачки, что, конечно, «несравненно унижительнѣе для членовъ толпы, чемъ для членовъ высшаго общества». Онѣгину посылъ упорный трудъ, и, вслѣдствіе этого, каждый членъ толпы, способный трудиться, имѣетъ полное и разумное право смотрѣть на Онѣгина съ презрѣніемъ, какъ на вѣчнаго недоросля въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Получивъ наслѣдство, Онѣгинъ улучшаетъ положеніе мужиковъ. «Яремъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ: мужикъ судьбу благословилъ». Это, конечно, недурно со стороны Онѣгина. Но это доказываетъ

только, во-первыхъ, что Онѣгинъ не Плюшкинъ и не Гарпагонъ, и не скупой рыцарь; а во-вторыхъ, что полученное наследство было достаточно велико. Легкій оброкъ, не смотря на всю свою легкость, все-таки давалъ Онѣгину полную возможность имѣть въ деревнѣ «обѣдъ довольно прихотливый», пить съ Денскимъ бордо и шампанское, а потомъ, послѣ смерти Ленскаго, разъѣзжать въ теченіи двухъ лѣтъ по Россіи. Если бы наследство было менѣе значительно, то, по всей вѣроятности, мужику не пришлось бы благословлять судьбу, потому что Онѣгинъ врядъ ли отказался бы отъ бордо, отъ странствованій по Россіи и отъ разныхъ другихъ удобствъ жизни, которыя должны оплачиваться «легкимъ оброкомъ» или «старинною барщиною». Значить, отношенія Онѣгина къ мужикамъ украшаютъ нашего героя только отрицательнымъ достоинствомъ, то есть, спасаютъ его отъ упрека въ корытолюбіи. — Два дня ему казались новы уединенныя поля, прохлада сумрачной дубровы, журчанье тихаго ручья; на третій, роца, холмъ и поле его не занимали болѣ, потомъ ужъ наводили сонъ». (Гл. I. Стр. LIV). И, разумѣется, хандра стала бѣгать за нимъ, «какъ тѣнь идь вѣрная жена». Многимъ — въ томъ числѣ и Пушкину, — эта способность скучать всегда и вездѣ кажется привилегією сильныхъ умовъ, несопосныхъ удовлетворяться тѣмъ, что составляетъ счастье обыкновенныхъ людей. Пушкинъ здѣсь, какъ и вездѣ, подмѣтилъ и обрисовалъ самый фактъ совершенно вѣрно; но чуть только дѣло доходить до объясненія представленнаго факта, Пушкинъ тотчасъ впадаетъ въ самыя грубыя ощибки. Дѣйствительно, человекъ, подобный Онѣгину, непорченный до мозга костей систематическою праздною мысли, долженъ скучать постоянно; дѣйствительно, такой человекъ долженъ впасть въ жадность на всякую новизну и долженъ охладѣвать къ ней, какъ только успеетъ въ нее взглянуться; все это совершенно вѣрно, но все это доказываетъ не то, что онъ слишкомъ много жилъ, мыслилъ и чувствовалъ, а, наоборотъ, то, что онъ вовсе не мыслилъ, вовсе не умѣетъ мыслить и что всѣ его чувства были всегда такъ же малы и ничтожны, какъ чувства остроумнаго джентльмена, завидующаго счастливому бревну, на которое оперлась чья-то хорошенькая ножа. Въ области мысли Онѣгинъ остался ребенкомъ, не смотря на то, что онъ соблазнилъ многихъ женщинъ и прочиталъ много книжекъ. Онѣгинъ, какъ десятилѣтній ребенокъ, умѣетъ только воспринимать

впечатлѣнія и совсѣмъ не умѣетъ ихъ переработывать. Оттого онъ и нуждается въ постоянномъ притокѣ свѣжихъ впечатлѣній; пока передъ его глазами мелькаютъ новыя картинны, невиданныя переливы красокъ, непривычныя комбинаціи линий и тѣней, до тѣхъ поръ онъ спокоенъ, не хмурится и не нищитъ. Ужь его, по обыкновенію, находится въ бездѣйствіи; нашъ герой широко раскрываетъ глаза и черезъ эти раскрытыя форточки совершенно пассивно втягиваетъ въ себя впечатлѣнія окружающаго міра; когда декорации быстро переменяются, тогда форточки работаютъ исправно и пассивное втягиваніе впечатлѣній мѣшаетъ нашему герою оставаться наединѣ съ самимъ собою; когда же неподвиженіе декораций прекращается и когда, вслѣдствіе этого, безцѣльное глазное становится невозможнымъ, тогда хроническое бездѣйствіе ума выдвигается на первый планъ, Онѣгинъ остается наединѣ съ своею умственной нищетою и, разумѣется, онущеніе этой безнадежной нищеты погружаетъ его въ то психическое состояніе, которое называется скукою, тоскою или хандрю. Все это нисколько не величественно и ни мало не трогательно. — Постояннымъ собесѣдникомъ и пріятелемъ Онѣгина, скучающаго въ деревнѣ, становится его молодой сосѣдъ, «по имени Владиміръ Ленскій, съ душою прямо геттингенской, красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, поклонникъ Канта и поэтъ. Онъ изъ Германіи туманной привезъ учености плоды: вольно-любивыя мечты, духъ пылкій и довольно странный, всегда восторженную рѣчь и кудри черныя до плечъ». (Гл. II. Стр. VI). Плоды учености этого господина были, по всей вѣроятности, никуда негодны, потому что этому господину было «безъ малаго осьмнадцать лѣтъ; а между тѣмъ, онъ считалъ уже свое образованіе оконченнымъ и помышлялъ только о томъ, чтобы поскорѣе желаться на Ольгѣ Лариной, наплодить побольше дѣтей и написать побольше стихотвореній о романтическихъ розахъ и о туманной дали. Въ чемъ заключались геттингенскія свойства его души и въ чемъ проявлялось его уваженіе къ Канту, — это остается для насъ вѣчною тайною. О его вольнолюбивыхъ мечтахъ мы также ровно ничего не узнаемъ, потому что во время своихъ свиданій съ Онѣгинымъ геттингенская душа только и дѣлаетъ, что тянетъ шампанское да вретъ эротическія глупости. Неотъемлемою собственностью Ленскаго остаются, такимъ образомъ, длинные черныя волосы, всегдашняя восторженность рѣчи и пылкость духа съ достаточною прихвѣсью странности. Все это

вѣсть даже было дѣлать его общество совершенно невыносимымъ для всякаго мало-мальски серьезнаго и мыслящаго человека; но Онегину эта недоучившаяся цѣля, разумѣется, очень понравилась, по той простой причинѣ, что Онегину прежде всего было необходимо хоть чѣмъ нибудь занять ту или другую пару «орточекъ», то есть, дать какую нибудь работу или глазамъ, или ушамъ. А такъ какъ Ленскій болталъ восторженно и неудержимо, то, стало быть, участь онѣгинскихъ ушей была вполне обеспечена.—Пушкинъ увѣряетъ насъ, что бесѣды этихъ двухъ мыслителей были чрезвычайно разнообразны. «Межъ ними, говоритъ онъ, все рождало споры и къ размышленію влекло: племеньъ минувшихъ договоры; плоды наукъ, добро и зло, и предрасудки вѣковыя, и гроба тайны роковыя, судьба и жизнь, въ свою чреду, все подвергалось ихъ суду». (Гл. II. Стр. XVI). Въ этихъ бесѣдахъ могли бы обнаружиться и особенности геттингенской души, и охлажденность онѣгинскаго ума; въ этихъ бесѣдахъ могли бы обрисоваться со всѣхъ сторонъ политическія, нравственныя и всякія другія убѣжденія Онегина и Ленскаго; но, къ сожалѣнію, въ романѣ не представлено ни одной такой бесѣды, и, вслѣдствіе этого, мы имѣемъ полное право крѣпко сомнѣваться въ томъ, имѣлись ли у этихъ двухъ праздношатающихся джентльменовъ какія нибудь убѣжденія.—Читатели мои, по всей вѣроятности, знаютъ и помнятъ очень хорошо, что Пушкинъ въ «Евгеніѣ Онегинѣ» рассуждаетъ чрезвычайно пространно о всевозможныхъ предметахъ, очень мало относящихся къ дѣлу: тутъ и дамскія ножки, и сравненіе *ам* съ *бордо*, и негодованіе противъ альбомовъ петербургскихъ дамъ, и соображенія о томъ, что наше сѣверное лѣто—карикатура южныхъ зимъ, воспоминанія о садахъ лицей, и многое множество другихъ вставокъ и украшеній. А между тѣмъ, когда нужно рѣшить дѣйствительно важный вопросъ, когда надо показать, что у главныхъ дѣйствующихъ лицъ были опредѣленные понятія о жизни и о междулическихъ отношеніяхъ, тогда нашъ великій поэтъ отдѣливается короткимъ и совершенно неопредѣленнымъ намекомъ на какія-то разнообразныя бесѣды, которыя будто бы рождали споры и влекли къ размышленію. Одинъ такой споръ, очевидно, охарактеризовалъ бы Онегина несравненно полнѣе, чѣмъ десятки очень милыхъ, но совершенно непущныхъ подробностей о томъ, какъ онъ игралъ на бильярдѣ тушымъ кіемъ, какъ онъ садился въ ванну со льдомъ,

въ которомъ часу онъ обѣдалъ и такъ далѣе. Ни одного такого спора мы не видимъ въ романѣ. И это еще не все. Пушкинъ упоминаетъ о разнообразныхъ бесѣдахъ въ XVI строфѣ II главы, а въ XV-й строфѣ онъ сообщаетъ намъ такія подробности, которыя, быть можетъ, дѣлаютъ величайшую честь иѣжности онѣгинскаго сердца, но которыя, въ то же время, совершенно уничтожаютъ возможность серьезныхъ споровъ, влекущихъ къ размышленію. «Поста пылкій разговоръ, говоритъ Пушкинъ, и умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой, и вѣчно вдохновенный взоръ—Онѣгину все было ново; онъ охладительное слово въ устахъ старался удержать и думалъ: гаупо-миѣ мѣшать его минутному блаженству, и безъ меня пора придетъ; пускай покамѣстъ онъ живетъ да вѣрить міра совершенству». Какой же дѣльный споръ, какой же серьезный обмѣнъ мыслей возможенъ тогда, когда одинъ изъ собесѣдниковъ постоянно старается воздерживаться отъ охладительныхъ словъ и когда другой собесѣдникъ постоянно пылаетъ, то есть, постоянно нуждается въ охлажденіи? Если мы пересмотримъ тѣ предметы разговора, которые перечислены Пушкинымъ въ XVI строфѣ, то мы немедленно убѣдимся въ томъ, что споры объ этихъ предметахъ были совершенно невозможны безъ охладительныхъ словъ со стороны Онѣгина. Если эти споры дѣйствительно влекли къ размышленіямъ, то они должны были состоять почти исключительно въ томъ, что Ленскій фантазировалъ и предавался сладостному эпитимизму, а Онѣгинъ произносилъ разныя печальныя истины и охладительныя слова. Въ самомъ дѣлѣ, что ихъ занимало? Во-первыхъ, *племенъ минувшихъ договоры*. Хотя это выраженіе очень неудачно и неясно, однако, можно понять, что тутъ дѣло идетъ объ историческихъ вопросахъ. Ясное дѣло, что Ленскій, какъ идеалистъ и какъ поэтъ, долженъ былъ строить въ области исторіи разныя красивыя и трогательныя теодицеи, а Онѣгинъ, какъ скептикъ, долженъ былъ разрѣшать эти построенія охладительными аргументами. Если даже мы примемъ слово *договоры* въ его точномъ и буквальномъ значеніи, то и тогда споръ врядъ ли обойдется безъ охладительныхъ словъ. Объ Антакипдовомъ мирѣ или о договорѣ Олега съ греками можно, конечно, рассуждать совершенно безопасно и безпристрастно; но, по всей вѣроятности, друзья наши не забирались въ такую глубокую древность; если же они бесѣдовали о какомъ нибудь договорѣ поновѣе, наприимѣръ, о священномъ союзѣ или о вѣнскомъ конгрессѣ, или о карлсбадскихъ

конференціяхъ, то Ленскій съ большимъ удобствомъ могъ предаваться неосновательнымъ восторгамъ, противъ которыхъ необходимо было дѣйствовать охладительными словами. Во-вторыхъ — *плоды науки*. Тутъ все зависитъ оттого, какіе плоды. О математическихъ сочиненіяхъ Эйлера или Лагранжа можно разсуждать безъ охладительныхъ словъ. Но если только друзья наши брали что нибудь поживѣе, напримѣръ, систему міра Лапласа или теорію перерожденій Ламарка, то охладительныя слова становились неизбѣжными, потому что такіе ученые, какъ Лапласъ и Ламаркъ, разрушаютъ очень многія заблужденія, весьма драгоценныя для юныхъ идеалистовъ и романтиковъ. А такъ какъ друзья наши врядъ ли бесѣдовали объ аналитической геометріи, и такъ какъ, по всей вѣроятности, они выбирали тѣ *плоды науки*, которые, такъ или иначе, затрогиваютъ общіе вопросы міросозерцанія, то, стало бытъ, и о *плодахъ науки* нельзя было спорить безъ охладительныхъ словъ. Въ-третьихъ — *добро и зло*, то есть, основанія нравственности. Тутъ столкновеніе противоположныхъ убѣжденій совершенно неизбѣжно, и необходимость охладительныхъ словъ до такой степени очевидна, что нечего объ этомъ и распространяться. Въ-четвертыхъ — *предразсудки етковые*. Если происходилъ споръ о вѣковыхъ предразсудкахъ, то этотъ споръ могъ принимать одну изъ двухъ главныхъ формъ: или Онѣгинъ считалъ какое нибудь мнѣніе за предразсудокъ, а Ленскій доказывалъ его разумность; или же наоборотъ, Ленскій нападалъ на предразсудокъ, а Онѣгинъ его отстаивалъ. Въ первомъ случаѣ, Ленскій, какъ юноша и поэтъ, бралъ подъ свое покровительство разныя красивыя иллюзіи, которыя Онѣгинъ, какъ человѣкъ, познакомившійся съ жизнью, отрицалъ и осмѣивалъ. Во-второмъ случаѣ, Ленскій, какъ юный и горячій представитель чистой теоріи, несклоняющейся ни на какіе компромиссы, осуждалъ, съ высоты своей идеи, разныя мелкія слабости общества, которыя Онѣгинъ, какъ опытный человѣкъ, считалъ извинительными или даже неизбѣжными. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, Онѣгину пришлось бы совершенно отказать отъ спора, если бы онъ захотѣлъ воздерживаться отъ охладительныхъ словъ. Въ-пятыхъ — *зроба тайны роковыя*. Часъ отъ часу не легче. Если возможенъ какой нибудь споръ о *роковыхъ тайнахъ зроба*, то этотъ споръ можетъ происходить только на счетъ безсмертія души. Между Онѣгиннымъ и Ленскимъ споръ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ завязаться такъ, что Онѣгинъ отрицалъ, а Лен-

свѣй утверждалъ. Начиная такой споръ, Онѣгинъ, очевидно, затрогивалъ такой предметъ, который составлялъ для юнаго идеалиста величайшую и неприкосновеннѣйшую драгоценность. Какъ бы мягко и осторожно Онѣгинъ не выражался, во всякомъ случаѣ, уже тотъ фактъ, что онъ ставилъ знакъ вопросительный тамъ, гдѣ Ленскій ставилъ точку или знакъ восклицательный, — одинъ этотъ фактъ, говорю я, долженъ былъ произвести на несчастнаго поэта гораздо болѣе потрясающее впечатлѣнiе, чѣмъ всевозможныя охладительныя слова. Въ-шестыхъ—*судьба и жизнь*. Ну, это выраженiе такъ неясно и такъ растяжимо, что о немъ нечего и говорить.—Подробный анализъ тѣхъ высокихъ предметовъ, о которыхъ разговаривали Онѣгинъ и Ленскій, приводитъ меня къ тому заключенiю, что они ни о какихъ высокихъ предметахъ не разговаривали и что Пушкинъ не имѣетъ никакого понятiя о томъ, что значатъ серьезный споръ, влекущiй къ размышленiю, и какое значенiе имѣетъ для человѣка сознание и глубоко-прочувствованное убѣжденiе. Пушкину хотѣлось, чтобы Онѣгинъ, въ своихъ отношенiяхъ къ Ленскому, обнаруживалъ граціозную мягкость своего характера, и Пушкинъ, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ граціозною мягкостью и совершенно незнакомый съ убѣжденiями, не сообразилъ того, что, навязывая своему герою это изящное свойство, онъ осуждалъ его на такую жалкую безцвѣтность, при которой возможны только пренiя о погодѣ, о достоинствахъ шампанскаго, да, пожалуй, еще о договорахъ Олега съ греками. Если бы Онѣгинъ дѣйствительно имѣлъ какиа нибудь убѣжденiя, то, подружившись съ Ленскимъ, онъ, именно изъ привязанности къ нему, старался бы откровенно подѣлиться съ нимъ своими взглядами на жизнь и разрушить дружескими разговорами тѣ юношескiя заблужденiя, которыя, рано или поздно, грубо и безжалостно разрушить презрѣнная житейская проза. Но Онѣгинъ, по своей неразвитости и по совершенному отсутствию убѣжденiй, соблюдаетъ въ отношенiи къ Ленскому ту знаменитую политику скрыванiя и педагогическаго обмана, которую постоянно прилагаютъ къ своимъ питомцамъ всѣ родители и воспитатели, отличающiеся теплотою чувствъ и ограниченностью ума.— Я уже показалъ выше, что при этой политикѣ совершенно невозможны серьезные разговоры о предметахъ, вызывающихъ на размышленiе. И такъ какъ Пушкинъ намъ дѣйствительно не сообщаетъ ни одного подобнаго разговора, то мы имѣемъ полное право утверждать, что Онѣгинъ и Ленскій были совершенно неспособны къ серьезнымъ

разсужденіямъ, и что Пушкинъ, желая поставить ихъ на пьедесталъ, упомянулъ мимоходомъ о разныхъ высокихъ предметахъ, до которыхъ ни ему самому, ни его героямъ никогда не было никакого дѣла. Договоры племенъ, вѣковые предрассудки, роковыя тайны, все это — одни слова, къ которымъ критикъ долженъ относиться съ крайней недовѣрчивостью.

IV.

Любопытно замѣтить, что граціозная мягкость измѣняетъ Онѣгину именно тогда, когда она была необходима и когда охладительное слово было не только очень невѣжливо, но еще, кромѣ того, совершенно бесполезно. Вотъ какимъ образомъ Онѣгинъ разсуждаетъ объ Ольгѣ, въ которую, какъ ему извѣстно, давно уже влюбленъ Ленскій. «Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ, точь въ точь въ Вадиковой Мадонѣ: кругла, красна лицомъ она, какъ эта глупая луна на этомъ глупомъ небосклопѣ». (Гл. III. Стр. V.) Эта тирада, очевидно, была сказана только для того, чтобы полюбоваться насмѣливою холодностью своего взгляда на природу и на жизнь. Ленскому эта грубая и безтолговая выходка противъ Ольги показалась очень непріятною, и кромѣ этой, совершенно безплодной непріятности, ровно ничего не вышло и не могло выйти изъ охладительнаго слова, произнесеннаго Онѣгинымъ ни къ селу, ни къ городу, для услажденія собственнаго слуха. Впрочемъ надо и то сказать, что Ленскій самъ напрашивается на подобныя дерзости; онъ лѣзетъ къ Онѣгину съ такими конфиденціальными разговорами объ Ольгѣ, которые совершенно несомѣстны съ серьезнымъ уваженіемъ любящаго мужчины къ любимой женщинѣ. Онъ, за бокаломъ шампанскаго, анализируетъ Ольгу съ пластической точки зрѣнія, и этому занятію онъ предается уже послѣ того, какъ Онѣгинъ сравнилъ эту Ольгу съ глупою луною. Вотъ его подлинныя слова: «Ахъ, милый, какъ похорошѣли у Ольги плечи, что за грудь! Что за душа!» (Гл. IV. Стр. XLVIII). Когда Базаровъ сказалъ своему другу нѣсколько словъ о плечахъ женщины, которую онъ видѣлъ въ первый разъ, тогда наша критика и наша публика порѣшили, что Базаровъ ужасный циникъ. Но если бы критика и публика потрудились перечитать «Евгенія Онѣгина», то онъ увидѣли бы, что идеалистъ и романтикъ Ленскій да-

лено переосмысливать материалиста и эмпирика Базарова. Базаровъ говорилъ о незнакомой жонцинь, Ленскій, напротивъ того, — о той дѣвушкѣ, въ которую онъ былъ влюбленъ съ дѣтства; Базаровъ говорилъ только о плечахъ, Ленскій — о плечахъ и о груди. Стало быть, упрямъ въ цинизмъ относится по всѣмъ правамъ къ пламеннымъ идеалистамъ 20-хъ годовъ, а не къ холоднымъ реалистамъ нашего времени. Впрочемъ, это совершенно естественно, потому что, какъ намъ извѣстно даже изъ прописей, праздность есть мать всѣхъ пороковъ, а въ дѣлѣ праздности Базарову, конечно, мудрено тягаться съ Онѣгинымъ и съ Ленскимъ. Праздность Онѣгина такъ колоссальна, что онъ даже «дома цѣлый день одинъ, въ расцѣты погруженный, тупымъ «юмъ» вооруженный, на биллиардѣ въ два шара играетъ съ самаго утра». (Гл. IV. Стр. XLIV.) При такомъ бездѣйствіи мысли, вранье на равные тѣмъ составляетъ, конечно, одно изъ лучшихъ украшеній жизни. — Чтобы дорисовать личность Ленскаго, надо разобратъ его дуэль съ Онѣгинымъ. Тутъ читатель рѣшительно не знаетъ, кому отдать пальму первенства по части тупоумія, — Онѣгину или Ленскому. Единственное возможное объясненіе этого нелѣпѣйшаго случая состоитъ въ томъ, что оба они, Ленскій и Онѣгинъ, совершенно ошалѣли отъ бездѣля и отъ мертвящей скуки. Онѣгину захотѣлось взбѣсить Ленскаго и, такимъ образомъ, отомстить ему за то, что у Лариныхъ, на именины Татьяны, собралось много гостей, между тѣмъ, какъ Ленскій говорилъ Онѣгину, что не будетъ никого изъ постороннихъ. Чтобы исполнить свое намѣреніе, Онѣгинъ танцуетъ съ Ольгой, сначала вальсъ, потомъ мазурку, потомъ котильонъ. Во время танцевъ, онъ, «наклонясь, ей шепчетъ нѣжно какой-то поцѣлый мадригалъ, и руку жметъ — и запылавъ въ ея лицѣ самолюбивомъ румянецъ ярче». (Гл. V. Стр. XLIV.) Но спрашивается, что же онъ могъ видѣть? Что Онѣгинъ наклонился къ Ольгѣ и шепталъ ей что-то, въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего преступнаго. Кавалеры обыкновенно говорятъ съ дамами во время танцевъ, и никто не обязываетъ ихъ говорить такъ громко, чтобы каждое слово было слышно во всѣхъ концахъ залы. Пошлаго мадригала Ленскій не могъ ни видѣть, ни слышать, потому что онъ былъ произнесенъ шопотомъ. Замѣтить пожатіе руки было также невозможно, потому что это движеніе мускуловъ совершенно неуловимо для глазъ. Что Ольга улыбалась и краснѣла — это Ленскій, конечно, могъ видѣть; но, во-первыхъ, во время танцевъ никто не смурится; а во-вторыхъ, Ольга могла сра-

краситься именно отъ движенія; наконецъ, если бы даже Ленскій могъ быть твердо убѣжденъ въ томъ, что Онѣгинъ говоритъ Ольгѣ комплименты на счетъ ея наружности, и что Ольга улыбается и краснѣетъ отъ удовольствія, то и тогда онъ не имѣлъ бы никакого основанія сердиться ни на Онѣгина, ни на Ольгу. Въ двадцатыхъ годахъ комплименты были еще въ полномъ ходу, и дамы были еще такъ наивны, что находили ихъ жесткими и пріятными. Стало быть, ни Онѣгинъ, ни Ольга не позволили себѣ рѣшительно ничего такого, что выходило бы изъ уровня принятыхъ обычаевъ. Но Ленскій мѣзетъ на стѣны. «Не въ силахъ Ленскій сместить удара; проказы женскія вланы, выходить, требуетъ коня и скачетъ. Пистолетовъ пара, двѣ пули—больше ничего—вдругъ разрѣшать судьбу его». (Гл. V. Стр. XLV). А весь ударъ состоялъ въ томъ, что Ольга не пошла танцевать съ нимъ котильонъ. А не пошла она по той законной причинѣ, что ее уже заранѣе пригласилъ Онѣгинъ. Легко можетъ быть, что въ двадцатыхъ годахъ дѣйствительно существовали такіе чудаки, которые принимали подобныя событія за жестокіе удары. Но, въ такомъ случаѣ, надо будетъ сознаться, что у романтиковъ двадцатыхъ годовъ была въ головѣ своя оригинальная логика, о которой мы, въ настоящее время, не можемъ составить себѣ почти никакого понятія. Кромѣ того, не мѣшаетъ замѣтить, что жонамъ этихъ чувствительныхъ и пламенныхъ романтиковъ было, по всей вѣроятности, очень скверно жить на свѣтѣ.—Трагедія по поводу котильона происходитъ за недѣлю съ небольшимъ до срока, назначеннаго для свадьбы Ленскаго, который зналъ и любилъ свою невѣсту съ самаго дѣтства. Если Ленскій осмѣливается оскорблять безмысленными подозрѣніями ту дѣвушку, которую онъ знаетъ съ малыхъ лѣтъ, и если эти подозрѣнія могутъ возникнуть отъ каждаго взгляда, брошеннаго Ольгою на посторонняго мужчину, то, спрашивается, когда же и при какихъ условіяхъ установятся между мужемъ и женою разумныя отношенія, основанныя на взаимномъ довѣрїи? И если о разумномъ взглядѣ на женщину не имѣетъ никакого понятія геттингенская душа, читающая Шиллера и покланяющаяся Канту, то, спрашивается, какая же разница существуетъ между геттингенскою душою и душою вятскою или симбирскою? И что за охота была Пушкину посылать Ленскаго въ туманную Германію за плодами учености и за какими-то вольно-любивыми мечтами, когда этому Ленскому суждено было только сказать и сдѣлать въ романѣ нѣсколько плоскостей, кото-

рытъ онъ могъ бы съ величайшимъ удобствомъ научиться не только въ своей деревнѣ, но даже и въ какой нибудь бугаявской оудѣ? Что же касается до длинныхъ волосъ, которые Ленскій, по свидѣтельству Пушкина, также привезъ съ собою изъ туманной Германіи, то мнѣ кажется, что они, при тщательномъ уходѣ, могли бы вырасти и въ Россіи. Приѣхавъ домой послѣ измѣны коварной Ольги, Ленскій посылаетъ Онѣгину «пріятный, благородный, короткій вызовъ или *Кармель*». Къ сожалѣнію, Пушкинъ не представляетъ намъ того письма, которое написалъ по этому поводу «секундантъ Банта и поэтъ». У Пушкина сказано только, что «учтиво съ ясностью холодной звалъ друга Ленскій на дуэль». Но такъ какъ вызовъ надо же чѣмъ нибудь мотивировать, то было бы очень любопытно просмотрѣть, какимъ образомъ Ленскій вывернулся изъ этой задачи, то есть, каинимъ образомъ онъ ухитрился писать къ Онѣгину о небываломъ оскорбленіи. Впрочемъ, рыбака рыбака видятъ изъ далека. Ленскій, вѣроятно, предчувствовалъ, что всякая пошлость непременно найдетъ себѣ сочувственный отзывъ въ душѣ его бывшаго друга, и что, слѣдовательно, въ сношеніяхъ съ этимъ бывшимъ другомъ можно нарушать совершенно безобавненно всѣ правила обыкновенной человѣческой логики. Ленскій, повидимому, понималъ, что Онѣгинъ, какъ свѣтлый человѣкъ, есть прежде всего машина, которая, при известномъ прикосновеніи, непременно должна произвести известное движеніе, хотя бы это движеніе, при данныхъ условіяхъ, было совершенно безмысленно и даже крайне неумѣстно. Разумеетсяъ, Онѣгинъ вполне оправдываетъ надежды своего достойнаго друга. Получивши «пріятный, благородный, короткій вызовъ», онъ, какъ образцовый денди, не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій и отвѣчаетъ пріятно, благородно, коротко, «что онъ *всегда готовъ*». Секундантъ Ленскаго тотчасъ уѣзжаетъ, а Онѣгинъ, «наединѣ съ своей душой», начинаетъ соображать, что эта душа надѣлала премного глупостей. Онѣгинъ неководецъ самъ собой. «И по дѣломъ, говоритъ Пушкинъ, въ разборѣ строгомъ, на тайный судъ себя призвавъ, онъ обвинялъ себя во многихъ во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ, что надъ любовью робкой, дѣж-ной таялъ подшутить вѣчоръ небрежно. А во-вторыхъ, цускай поэтъ дурачится: въ осьмнадцатъ лѣтъ оно простиительно. Евгенийъ, всѣмъ сердцемъ юному любя, былъ должець оказатъ себя не мячикомъ предразсужденій, не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ, но мужемъ съ

честью и съ умомъ. Онъ могъ бы чувство обнаружить, а не щептаться, какъ звѣрь; онъ долженъ былъ обезоружить младое сердце. «Но теперь ужь поздно; время улетѣло... Въ тому-жъ, онъ мыслить, въ это дѣло виѣшала старинъ дуэлисть; онъ злой, онъ сплетникъ, онъ рѣчьистъ... Конечно, быть должно презрѣнье цѣной его забавныхъ словъ; но шопоть, хохотня гулцовъ. И вотъ общественное мнѣнье! Пружина чести, пащъ кумиръ! И вотъ на чемъ вертится миръ!» (Гл. VI. Стр. X, XI).

Евгеній, какъ видите, любить юношу всѣмъ сердцемъ; кроме того, строгій разборъ, произведенный на тайномъ судѣ совѣти, говорятъ ему, что мужъ съ честью и съ умомъ не сталъ бы щептаться, какъ звѣрь, и не позволялъ бы себѣ стрѣлить въ осынадцатилѣтняго разыгравшагоса мальчика. На одну чашку вѣсовъ Онѣгинъ владеть жизньъ юноши, котораго онъ любить всѣмъ сердцемъ, и, кроме того, здравыя требованія ума и чести, — тѣ требованія, которыя сформулированы строгимъ разборомъ тайнаго суда. На другую чашку Онѣгинъ владеть шопоть и хохотня гулцовъ, которыхъ натравить старинъ дуэлисть и злой сплетникъ, достойный, по мнѣнью самого же Онѣгина, самаго полнаго презрѣнья. Вторая чашка тотчасъ перетягиваетъ, и догадливый читатель немедленно можетъ составить себѣ очень наглядное понятіе о томъ, какъ сильно умѣеть Онѣгинъ любить и какъ высоко цѣнить онъ свое собственное уваженіе. — Я долженъ убить моего друга, рассуждаетъ Онѣгинъ, я долженъ оказаться передъ тайнымъ судомъ моея совѣти мужемъ безъ чести и безъ ума, я долженъ это сдѣлать непременно, потому что, въ противномъ случаѣ, дураки, которыхъ я презираю, будутъ щептать и смѣяться. — Изъ этого процесса мысли мы видимъ ясно, что слова «другъ», «совѣсть», «честь», «умъ», «дураки», «презирать» — не имѣютъ для Онѣгина никакого осязательнаго смысла. Какъ негръ, задавленный непосильнымъ трудомъ, тяжелыми мнѣніями и ежедневными побоями, теряетъ способность любить, ненавидѣть, презирать и рассуждать и превращается въ тупое вѣчное животное, способное только къ пассивному повиновенію и къ машинной работѣ изъ подъ палки, такъ и Онѣгинъ, задавленный умственной пустою и гнетомъ свѣтскихъ предрассудковъ, навсегда потерялъ силу и умѣнье чувствовать, мыслить и дѣйствовать; но испрашивая на то соизволенія у той толпы, которую онъ всеначало презираетъ. Личныя понятія, личныя чувства, личныя же-

ланія Онегина такъ слабы и вялы, что они не могутъ имѣть никакого оцутительнаго вліянія на его поступки. Поступить онъ, во всякомъ случаѣ, такъ, какъ того потребуетъ отъ него свѣтская толпа; онъ даже не подождетъ, чтобы эта толпа выразила ясно свое требованье; онъ его угадаетъ заранѣе; онъ, съ утонченною угодливостью раба, воспитаннаго въ рабствѣ съ колыбели, предупредитъ всѣ желанія этой толпы, которая, какъ избалованный властелинъ, разумѣется, даже и вниманія не обратитъ на то, какими усиліями и жертвами ея вѣрный рабъ, Онегинъ, купилъ себѣ право оставаться въ ея глазахъ джегльменомъ самой безукориченной безвѣтности. И толпа поступаетъ совершенно справедливо, когда не обращаетъ вниманія на усилія и жертвы вѣрнаго раба; вѣрный рабъ вѣренъ только потому, что не смѣетъ сдѣлаться невѣрнымъ; онъ боится своего господина и, въ то же время, виѣстѣ съ другими, столь же трусливыми и вѣрными рабами, ежеминутно ругаетъ его за глаза, подобно тому, какъ это дѣлаютъ всѣ лакеи, проникнутые духомъ лакейства до мозга костей. Этой лакейской замашкой ругать за глаза строгаго господина объясняется то презрѣніе къ толпѣ, которымъ драпируется Онегинъ. Это красивое презрѣніе—чувство совершенно платоническое; оно цѣликомъ улетучивается въ словахъ; какъ только приходится дѣйствовать, такъ это презрѣніе смѣняется тотчасъ самымъ плоскимъ и раболѣпнымъ благоговѣніемъ. Спрашивается теперь: какимъ образомъ долженъ былъ отнестись поэтъ къ этой чертѣ въ характерѣ Онегина? Мнѣ кажется, онъ долженъ былъ понять весь глубокой комизмъ этой черты, онъ долженъ былъ всеми силами своего таланта подмѣтить и разработать въ этой чертѣ всѣ ея смѣшныя стороны, онъ долженъ былъ осмѣять, опозорить и втоптать въ грязь безъ малѣйшаго состраданія ту низкую трусость, которая заставляеть неглупаго человѣка играть роль вреднаго идіота для того, чтобы не подвергнуться робкимъ и косвеннымъ насмѣшкамъ настоящихъ идіотовъ, достойныхъ полнаго презрѣнія. Поступая такимъ образомъ, поэтъ оказалъ бы дѣйствительную и серьезную услугу общественному самоознанію; онъ бы заставилъ толпу смѣяться надъ тѣми формами теплоумія и безличности, на которыя она, по своей недогадливости и инерціи мысли, привыкла смотрѣть не только равнодушно, но даже благосклонно. Такъ ли поступилъ Пушкинъ? Нѣтъ, онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Въ своемъ взглядѣ на положеніе Онегина, онъ

самъ оказался человѣкомъ свѣтской толпы и употребилъ всё силы своего таланта на то, чтобы изъ мелкаго, трусливаго, безхарактернаго и правднщатающагося франтика сдѣлать трагическую личность, интеллигентную въ борьбѣ съ непреодолимыми требованіями вѣка и народа. Вмѣсто того, чтобы сказать читателю: какъ пусто, смѣшонъ и ничтоженъ мой Онѣгинъ, убивающій своего друга въ угоду дуракамъ и негодяямъ, Пушкинъ говоритъ: «и вотъ на чемъ вертится міръ», точно будто бы отказаться отъ бессмысленнаго вызова, значить нарушить мировой законъ. Возвышая, такимъ образомъ, въ глазахъ читающей массы, тѣ типы и тѣ черты характера, которые сами по себѣ низки, пошлы и ничтожны, Пушкинъ, всѣми силами своего таланта, усыпляетъ то общественное самосознаніе, которое истинный поэтъ долженъ пробуждать и воспитывать своими произведеніями. Сваливая на общія причины, на неумолимую судьбу и на мировые законы вину позорныхъ ошибокъ, отъ которыхъ каждый умный и энергичеесій человѣкъ можетъ уберечься силами своей собственной личности, Пушкинъ оправдываетъ и поддерживаетъ своимъ авторитетомъ робость, безпечность и неповоротливость индивидуальной мысли. Онъ подавляетъ личную энергію, обезоруживаетъ личный протестъ и укрѣпляетъ тѣ общественные предрасудки, которые каждый мыслящій человѣкъ обязанъ разрушить всѣми силами своего ума и всѣмъ запасомъ своихъ знаній. «И вотъ на чемъ вертится міръ!» Какъ вамъ нравится это наивное признаніе Пушкина, что для него весь міръ сосредоточивается въ тѣхъ малочисленныхъ кружкахъ фешенебельнаго общества, въ которыхъ люди, обожающіе «пружину чести», изъ благоговѣнія къ этой пружинѣ, стрѣляются съ своими друзьями, противъ собственнаго желанія и противъ собственнаго убѣжденія? Сдѣлавши замѣчательное открытіе, что міръ вертится на пружинѣ чести, Пушкинъ далеко превосходитъ Людовика Филиппа, придумавшаго остроумное выраженіе «le pays légal» для обозначенія тѣхъ французовъ, которые пользовались правомъ голоса на выборахъ депутатовъ. У Людовика Филиппа огромное большинство французовъ остается за предѣлами законной Франціи, а у Пушкина огромное большинство людей остается за предѣлами существующаго міра,—что, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе остроумно.

У.

Онѣгинъ остается ничтожнѣйшимъ пошлякомъ до самаго конца концы своей исторіи съ Ленскимъ, а Пушкинъ до самаго конца продолжаетъ воспѣвать его поступки, какъ грандіозныя и трагическія событія. Благодаря превосходному разсказу нашего поэта, читатель видитъ постоянно не внутреннюю дрянность и мелкость побужденій, а внѣшнюю красету и величавость хладнокровнаго мужества и безужеривеннаго джентльменства. «Хладнокровно, еще не цѣдя, два врага, походкой твердой, тихо, ровно четыре перешли шага, четыре смертныя ступени. Свой пистолеть тогда Евгенийъ, не преставая наступать, сталъ первый тихо подымать. Вотъ пять шаговъ еще ступили, и Ленскій, жмуря лѣвый глазъ, сталъ также цѣлить, но какъ разъ Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили часы урочныя: постъ реняеть молча пистолеть, на грудь кладеть тихонько руку и падеть.» (Гл. VI. Стр. XXX, XXXI). Господи, какъ красиво! Люди переходять, *твердою походкою, тихо, ровно четыре шага, четыре смертныя ступени*. Два человѣка безъ всякой надобности идутъ на смерть и смотрять ей въ глаза, не обнаруживая ни малѣйшаго волнанія. Такъ это красиво и такъ это старательно воснѣто, что читатель, замирая отъ ужаса и преклоняясь передъ доблестями храбрыхъ героевъ, даже не осмѣлится и не сумѣетъ подумать о томъ, до какой степени глупо все это пренесшествіе и до какой степени прозежи величественные герои, соблюдающіе твердость и тишину походки, на жалкихъ дрессированныхъ гладіаторовъ, трагившихъ всю свою энергію на то, чтобы въ предсмертныхъ мучахъ доставить удовольствіе зрителямъ красивою повитурою тѣла. А между тѣмъ, эти зрители были злѣйшими врагами гладіаторовъ, и если бы гладіаторы направили свою энергію не на красивыя позы, а на тушумныхъ любителей этихъ позъ, то легко могло бы случиться, что они навсегда избавили бы себя отъ печальной необходимости тѣшить праздныхъ дураковъ красивыми позами. Надо полагать, что гладіаторы были очень глупы и что глупость ихъ, въ социальную, не умерла вмѣстѣ съ ними. Но кромѣ общей гладіаторской глупости, поведеніе Онѣгина въ сценѣ дуэли замочаетъ въ себѣ еще свою собственную, совершенно специальную глупость или дрянность, которая до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, была упущена изъ

виду самыми внимательными критиками. То обстоятельство, что онъ принялъ вызовъ Ленскаго и явился на поединокъ, еще можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено, хотя, конечно, не оправдано, — влияніемъ свѣтскихъ предрассудковъ, сдѣлавшихся для Онѣгина вторичною природою. Но то обстоятельство, что онъ, «всѣмъ сердцемъ юношу любя; и сознавая себя кругомъ виноватымъ, *цѣплялъ въ Ленскаго и убилъ его*, можетъ быть объяснено только или крайнимъ малодушіемъ, или непостижимымъ тупоуміемъ. Свѣтскій предрассудокъ обязывалъ Онѣгина идти на встрѣчу опасности, но свѣтскій предрассудокъ нисколько не запрещалъ ему выдержать выстрѣлъ Ленскаго и потомъ разрядить пистолетъ на воздухъ. При такомъ образѣ дѣйствій, и волки были бы сыты, и овцы были бы цѣлы. Репутация храбрыхъ гладіаторовъ была бы спасена; Ленскій, вполне удовлетворенный и обезоруженный, пригласилъ бы Онѣгина быть шаферомъ на его свадьбѣ, а Онѣгинъ, сказавшій Ольгѣ пошлый мадригалъ и *оказавшій себя мячикомъ предрассудочней*, за всѣ эти продержности былъ бы наказанъ тѣмъ неприятымъ ощущеніемъ, которое доставляетъ каждому порядочному челоуѣку созерцаніе пистолетнаго дула; направленного прямо на его собственную особу. Конечно, Ленскій могъ убить или тяжело ранить Онѣгина, которому, въ такомъ случаѣ, не пришлось бы быть шаферомъ на предстоящей свадьбѣ, но эта перспектива нисколько не должна была комозить Онѣгина, если только онъ дѣйствительно былъ утомленъ жизнью и совершенно искренно тяготился ея пустотою. Онѣгинъ не долженъ былъ колебаться ни одной минуты, когда ему надо было рѣшать на практикѣ вопросъ: кому жить, ему или Ленскому? Онъ ни на одну минуту не долженъ былъ ставить свою собственную, опротивѣвшую ему жизнь на одну доску съ свѣжею жизнью влюбленнаго юноши. Однако, онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Онъ первый сталъ воднимать свой пистолетъ и выстрѣлилъ именно въ то самое время, когда Ленскій началъ прицѣливаться. Почему же онъ это сдѣлалъ? Или потому, что не сообразилъ заранѣе, *какъ ему слѣдовало распорядиться*, или же потому, что чувство самосохраненія одержало верхъ надъ всѣми предварительными соображеніями. Первое предположеніе очень неправдоподобно; сообразить было не мудрено; если Онѣгинъ не умѣетъ подумать даже тогда, когда отъ его размышленій зависитъ жизнь юноши, котораго онъ любитъ всѣмъ сердцемъ, то, вѣдаятъ, онъ совсѣмъ неспособенъ привести мозгами. Съ

этимъ трудно согласиться, хотя, разумѣется, умственные способности Онѣгина очень неблагоприятны и совершенно испорчены бездѣятельностію. — Остаются второе предположеніе, которое, по моему мнѣнію, совершенно основательно. Онѣгинъ, не смотря на свое хроническое званіе и не смотря на свою замашку ругать жизнь всякими скверными словами, очень любить эту самую жизнь и никакъ не согласится промѣнять ее не только на «покой небытія», но даже и на какую-нибудь другую жизнь, болѣе разумную и болѣе дѣятельную. Умирать ему совсѣмъ не хочется, потому что какъ ни ругай нашу юдоль бѣдствій, а все-таки въ этой юдоли есть для богатаго собственника и устрицы, и гомары, и бордо, и влико, и прекрасный полъ. Устроить себѣ какую-нибудь новую жизнь ему также совсѣмъ не хочется, потому что ни для какой другой жизни онъ не годится. Онъ съ своею вѣчною скукою можетъ прожить очень сносно, приятно и комфортабельно лѣтъ до восьмидесяти, и когда Ленскій сталъ цѣлиться, тогда Онѣгинъ смекнулъ въ одну секунду, что милую скуку позволительно ругать и проклинать, но что съ нею вовсе не слѣдуетъ разставаться преждевременно. Пушкинъ такъ красиво описываетъ мелкія чувства, дрянныя мысли и пошлые поступки, что ему удалось подкупить въ пользу ничтожнаго Онѣгина не только простодушную массу читателей, но даже такого замѣчательнаго человѣка и такого тонкаго критика, какъ Бѣлинскій. «Мы, говоритъ Бѣлинскій, нисколько не оправдываемъ Онѣгина, который, какъ говоритъ поэтъ, былъ долженъ оказать себя не мячикомъ предразсужденій, не пыльнымъ мальчикомъ, бойцомъ, но мужемъ съ честью и умомъ; но тиранія и деспотизмъ свѣтскихъ и житейскихъ предразсудковъ таковы, что требуютъ для борьбы съ собою героевъ. Недробности дуали Онѣгина съ Ленскимъ — верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи.» (Т. VIII. Стр. 563.) И это все! Хорошъ приговоръ. Онъ не оправдываетъ Онѣгина, а между тѣмъ, тутъ же утверждаетъ, что только герой на мѣстѣ Онѣгина поступилъ бы иначе. Значитъ, вполне оправдываетъ, потому что мы не имѣемъ никакого права требовать отъ обыкновенныхъ людей такихъ подвиговъ нравственнаго мужества, которые превышаютъ средній уровень обыкновенныхъ человѣческихъ силъ. Но развѣ-жъ это правда? Развѣ въ самомъ дѣлѣ надо быть героемъ, чтобы умирать за своего друга и чтобы не убивать собственноручно, пзъ низшей трусости, тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ всѣмъ серд-

цемъ? Выказывая ту самую мысль, что эти отрицательные подвиги доступны только героямъ, Бѣлинскій унижаетъ человеческую природу и, безъ всякой надобности, является защитникомъ нравственной гнилости и триничности. А ввести его въ этотъ тяжелый грѣхъ его крайняя впечатлительность, подкупленная тѣмъ обстоятельствомъ, что «подробности дуэли Оубѣгина съ Ленскимъ—верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи.» Если бы Бѣлинскій потрудился задать себѣ вопросъ, на что потрачено это художественное совершенство и къ чему оно клонится, то онъ немедленно убѣдился бы въ томъ, что за такіе художественные фокусы надо не превозносить, а строго порицать поэта. Фанатическія драмы Кальдерона могли быть превосходны въ художественномъ отношеніи, но влияние ихъ на испанское общество было, во всякомъ случаѣ, отвратительно.—Къ Ленскому Бѣлинскій относится очень справедливо и безъ малѣйшей нѣжности, вѣроятно, потому, что ему самому приходилось встрѣчать романтиковъ въ дѣйствительной жизни. «Люди, подобные Ленскому, говоритъ Бѣлинскій, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ (?), нехороши тѣмъ, что они или перерождаются въ совершенныхъ филистеровъ, или, если сохраняютъ навсегда свой первоначальный типъ, дѣлаются тѣми устарѣлыми мистиками и мечтателями, которые такъ же непріятны, какъ и старыя идеальныя дѣвы, и которые больше враги всякаго прогресса, нежели люди просто, безъ претензій, пошлые. Вѣчно познаешь въ самихъ себѣ и становя себя центромъ міра, они снохойно смотрятъ на все, что дѣлается въ мірѣ, и твердятъ о томъ, что счастье внутри насъ, что должно стремиться душою въ надзвѣздную сторону мечтаній и не думать о суетахъ этой земли, гдѣ есть и голодъ, и нужда, и... Ленские не перевелись и теперь; они только переродились. Въ нихъ уже не осталось ничего, что такъ обаятельно прекрасно (?) было въ Ленскомъ; въ нихъ нѣтъ дѣйственной чистоты его сердца (?), въ нихъ только претензіи на великость и страсть марать бумагу. Всѣ они поэты, и стихотворный балластъ въ журналахъ доставляется одними ими. Словомъ, это теперь самыя песносныя, самыя пустыя и пошлыя люди.» (Т. VIII. Стр. 564, 565). Съ этими словами Бѣлинскаго я совершенно согласенъ; не вижу я только никакихъ неоспоримыхъ достоинствъ въ Ленскомъ, не нахожу въ немъ ничего обаятельно-прекраснаго, и не умѣю восхищаться дѣйственной чистотою его сердца, потому

что рѣшительно не понимаю, кому нужна эта дѣвственная чистота, какую она можетъ принести пользу и какими прочными качествами ума и характера она застрахована отъ грядущихъ и развращающихъ прикосновеній дѣйствительной жизни. Если изъ приведенной мною цитаты выбросить вонъ *неоспоримыя достоинства, обяательно-прекрасное и дѣвственную чистоту*, то въ остаткѣ получится энергическій и строгій приговоръ послѣдовательнаго реалиста не только надъ одними романтиками, но и надъ всѣми художниками, оставляющими безъ вниманія горе и нужду современной дѣйствительности. Если, по мнѣнію Бѣлинскаго, несносны, пусты и пошлы тѣ люди, которые стремятся душою въ надзвѣздную сторону мечтаній, то, очевидно, не за что миловать и тѣхъ людей, которые стремятся душою въ мертвую тишину историческаго прошедшаго. И тѣ, и другіе одинаково отвертываются отъ суеты этой земли, «*гдѣ есть и голодъ, и нужда, и...*», а именно въ этомъ презрѣніи къ суетѣ земли и заключается ихъ настоящая вина. Разъ какъ они уже отвернулись отъ суеты земли, тогда уже рѣшительно все равно, въ какую бы сторону они ни смотрѣли. Тогда они уже отрѣзанный домоть, и о нихъ можно совершенно справедливо сказать, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, что «*это теперь самыя несносныя, самыя пустыя и пошлыя люди.*» Не мѣшаетъ также замѣтить, что эти слова Бѣлинскаго чрезвычайно сильно задѣваютъ самого Пушкина, который, въ теченіе всей своей поэтической дѣятельности, постоянно и систематически игнорировалъ и голодъ, и нужду, и всѣ остальные болячки дѣйствительной жизни. Когда же онъ случайно наткнулся на какую нибудь прощечную болячку, тогда онъ обыкновенно бралъ ее подъ свое покровительство, т. е. старался доказать ея роковую необходимость. — Это, пожалуй, будетъ даже похуже, чѣмъ стремиться душою въ надзвѣздную сторону мечтаній. — Послѣ смерти Ленскаго, Онѣгинъ отправляется странствовать по Россіи, вездѣ хмурится и нищитъ, вездѣ смотритъ съ бессмысленнымъ преврѣніемъ на занятія суетной толпы, и, наконецъ, доходитъ до такой нелѣпости, что начинаетъ завидовать больнымъ, которыхъ онъ видитъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. «*Питая горькія размышленья, среди печальной ихъ семьи, Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья глядитъ на дымныя струи и мыслить, грустью отуманенъ: зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ? Зачѣмъ не хилый я старикъ, какъ этотъ бѣдный откупщикъ? За-*

чѣмъ, какъ тульскій засѣдатель, я не лежу въ параличѣ? Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ хоть ревматизма? Ахъ, Создатель! Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка; чего мнѣ ждать! Тоска, тоска!» Размышленія Бѣлинскаго по поводу этихъ бессмысленныхъ жалобъ чрезвычайно любопытны; они даютъ намъ самое наглядное понятіе о глубокой искренности нашего великаго критика, о его необыкновенной правдивости и о его изумительной способности принимать за чистую монету каждое человѣческое слово, даже такое, въ которомъ очень нетрудно распознать самую грубую ложь и самое нахальное шарлатанство. «Какая жизнь! восклицаетъ Бѣлинскій. Вотъ оно, то страданіе, о которомъ такъ много пишутъ и въ стихахъ, и въ прозѣ, на которое столь многіе жалуются, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ знаютъ его; вотъ оно, страданіе истинное, безъ когурна, безъ хо-дуль, безъ драпировки, безъ оразъ, страданіе, которое часто не отнимаетъ ни сна, ни аппетита, ни здоровья, но которое тѣмъ ужаснѣе!.. Спать ночью, зѣвать днемъ, видѣть, что всѣ изъ-за-чего-то хлопочутъ, чѣмъ-то заняты, одинъ — деньгами, другой — женитьбою, третій — болѣзнью, четвертый — нуждою и кровавымъ потомъ работы, — видѣть вокругъ себя и веселье, и печаль, и смѣхъ и слезы, видѣть все это и чувствовать себя чуждымъ всему этому, подобно Вѣчному Жиду, который, среди волнующейся вокругъ него жизни, сознаетъ себя чуждымъ жизни и мечтаетъ о смерти, какъ о величайшемъ для него блаженствѣ; это страданіе не всѣмъ понятное, но строго не меньше страшное. Молодость, здоровье, богатство, соединенныя съ умомъ, сердцемъ: чего бы, кажется, больше для жизни и счастья? Такъ думаетъ тупая чернь и называетъ подобное страданіе модною причудою.» (Т. VIII. Стр. 554). Я безъ малѣйшаго колебанія записываю въ ряды *тупой черни* и вмѣстѣ съ этою *тупою чернью* радикально отрицаю и беспощадно осмѣиваю то ужасное страданіе, надъ которымъ такъ добродушно сокрушается Бѣлинскій. На Вѣчнаго Жиду российский помѣщикъ Опѣгинъ непохожъ нисколько и сравнивать ихъ между собою нѣтъ ни малѣйшей надобности. Вѣчный Жидъ, говорятъ, былъ такъ устроенъ, что никакъ не могъ умереть; вследствие этой странной особенности своего организма, онъ дѣйствительно имѣлъ полное основаніе *мечтать о смерти, какъ о величайшемъ блаженствѣ*. Но Опѣгинъ этого основанія вовсе не имѣетъ, и фантастическая фигура Вѣчнаго Жиды, воплотившаго въ себѣ такое страданіе, которое далеко превышаетъ размѣры человѣческихъ силъ и человѣческа-

го терзѣнія, причлѣтена: кутъ ни къ солу, ни къ вероду. Бланкой самъ подозреваетъ, что онѣгнское страданіе *не автоматъ, ни сна, ни апатія, ни здравья*, но, по своей великодушнѣй дѣятельности, нашь критикъ полагаетъ, что оно *толь ужаснѣе*. — Дѣйствительно ужасно! Такимъ страданіемъ страдаютъ въ водахъ неутѣшныя вдовы, которыя во время пиасы плачутъ о мужѣ и сквозь слезы кокетничать съ юнцами, омицоромъ, а передъ садымъ педвемъ занавѣса: ватируютъ глаза платочкомъ и объявляютъ рас- троганнымъ зрителямъ въ заключительномъ куплетѣ, что спасительное время и кодая любовь поцѣляютъ самыя глубокія раны рас- троганцы въ долахъ сердце. У вдовъ милыхъ вдовъ страданіе тоже сидитъ въ самой глубинѣ души, такъ глубоко, что не можетъ имѣть никакого вліянія на равныя отправленія физиче- ского организма. Сердце вдовы разбито, но тѣло ея жирѣетъ и процвѣтаетъ во все свое удовольствіе. Просторъ человѣческихъ страданію, не водевильное и не онѣгнское, не забирается въ стану неодосягаемую глубину, и, вслѣдствіе этого, развѣдаетъ и непре- гаетъ насквозь тотъ организмъ, въ которомъ оно гибнетъ. Я дол- женъ признаться, что, какъ грубый реалистъ, я только это послед- нее, грубое и неглубокое страданіе считаю истиннымъ. Когда же несчастный страдалецъ спитъ по восьми часовъ въ сутки, ѣсть, какъ здоровый бурлакъ, и толстѣетъ отъ глубокой печали, тогда я осмѣливаюсь утверждать, что это въ дѣвѣтумъ мученикъ — большой шутникъ, выходящая самыя уморительныя колѣпца. Посудите сами: не шутникъ ли этотъ Онѣгнъ? Вздумалъ насъ увѣрять, что онъ завидуетъ большымъ и раненымъ! Но онъ насъ не обманетъ. Мы знаемъ очень хорошо, что зависть возможна только тогда, ког- да она направлена на такой предметъ, котораго завидующій чело- вѣкъ не можетъ себѣ присвоить собственными силами. Большой не можетъ завидовать здоровому, потому что большой не въ состояніи сдѣлаться здоровымъ по собственному желанію. Нищій можетъ за- видовать миллионеру по той же самой причинѣ. Но въ обратномъ направленіи зависть не имѣетъ никакого смысла, потому что здоровый челоѣкъ не можетъ, когда ему заблагорассудится, разстроить свое здоровье; а миллионеръ, во всякую данную минуту, можетъ превра- титься въ нищаго. [Зачѣмъ, говоритъ Аляганъ, я дулей къ груди не Франца? — Ну, не шутящимъ Фришберковъ? Это можно говорить въ Кавказѣ и говорить въ это время, когда Кавказъ еще до брызъ

покорень и смиренъ. Да кто-жь ему мѣшаетъ поступить имперомъ въ дѣйствующую армию и получить въ грудь только одну пулю, а пожалуй даже, хоть цѣлую дюжину? Но ему вовсе не хочется нѣтъ въ груди пулю; ему желательно только рассуждать объ удовольствіи быть раненымъ, о блаженствѣ тульскаго засѣдателя, лежащаго въ параличѣ, и о великомъ несчастіи того медовѣла, который молодъ и чувствуетъ въ себѣ присутствіе крѣпкой жизни. О всѣхъ этихъ предметахъ онъ рассуждаетъ совершенно безпредѣльно; довѣрчивые люди принимаютъ его слова за истину: мону; на него смотрятъ, какъ на загадочную личность; его отрицаютъ отъ толпы не какъ шута героковаго, а какъ высшую шуту; значать, онъ катается, какъ сыръ въ маслѣ, и сокрушеніе Бѣлинскаго надъ его несуществующими страданіями не имѣетъ рѣшительно никакого основанія. Бѣлинскій, очевидно, принялъ Онѣгина за другаго, хоть бы, напримѣръ, за Бельтова, за того чиновника, который не дослужилъ до пряжки четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Но вѣдь Бельтовъ не истратилъ своей молодости на обольщеніе записныхъ кокетокъ; Бельтовъ не былъ способенъ убить друга изъ низкой трусости; Бельтовъ никогда не мечталъ о пріятности имѣть въ груди пулю и никогда не завидовалъ ни тульскому засѣдателю, ни бѣдному откупщику. Словомъ, Бельтовъ такъ же далекъ отъ Онѣгина, какъ творецъ Бельтова далекъ отъ Пушкина. Я рѣшительно не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ Бѣлинскій смѣшалъ эти два совершенно различные типа? Онѣгину — ничто иное, какъ Митрофанушка Простаковъ, одѣтый и причесанный по столичной модѣ двадцатыхъ годовъ; у нихъ даже и внѣшніе приемы почти одни и тѣ же: Митрофанушка говорить: не хочу учиться, хочу жениться; а Онѣгину изучаетъ «науку страсти нѣжной» и задергиваетъ траурной тафтой всѣхъ мыслителей XVIII вѣка. Бельтовъ, напротивъ того, вмѣстѣ съ Чацкимъ и Рудинимъ изображаютъ собою мучительное пробужденіе русскаго самосознанія. Это люди мысли и горячей любви. Они тоже скучаютъ, но не отъ умственной праздности, а оттого, что вопросы, давно рѣшенные въ ихъ умѣ, еще не могутъ быть даже поставлены въ дѣйствительной жизни. Время Бельтовыхъ, Чацкихъ и Рудиныхъ прошло навсегда съ той минуты, какъ сдѣлалось возможнымъ появленіе Базаровыхъ, Лопуховыхъ и Рахметовыхъ; но мы, новѣйшіе реалисты, чувствуемъ свое кровное родство съ этимъ отжившимъ типомъ; мы узнаемъ въ немъ

нашихъ Преддвѣстниковъ, мы уважаемъ и любимъ въ немъ нашихъ учителей, мы понимаемъ, что безъ *мы* не могло бы быть и *мы*. Но съ онѣгинскимъ типомъ мы не связаны рѣшительно ничѣмъ; мы ничѣмъ ему не обязаны; это типъ бесплодный, неспособный ни къ развитію, ни къ перерожденію; онѣгинская скука не можетъ произвести изъ себя ничего, кромѣ нечеловѣчностей и гадостей. Онѣгинъ случается, какъ толстая кучиха, которая выпала три самовара и жалѣетъ о томъ, что не можетъ выпить ихъ тридцать три. Еслибъ человеческое брюхо не имѣло предѣла, то онѣгинская скука не могла бы существовать. Бѣлинскій любитъ Онѣгина по недоразумѣнію, но со стороны Пушкина тутъ нѣтъ никакихъ недоразумѣній.

VI.

Теперь я начинаю разбирать характеръ Татьяны и ея отношенія къ Онѣгину. Вводя насъ въ семейство Даринныхъ, Пушкинъ тотчасъ старается предрасположить насъ въ пользу Татьяны; эта, дѣвчата, старшая, Татьяна, пускай будетъ интересная личность, высшая натура и героиня; а та, младшая, Ольга, пускай будетъ неинтересная личность, простая натура и праничная огурка. Довѣрчивые читатели, конечно, тотчасъ предрасполагаются и начинаютъ смотрѣть на каждый поступокъ и на каждое слово Татьяны совсѣмъ иначе, чѣмъ какъ они стали бы смотрѣть на такіе же поступки и на такіе же слова, сдѣланные и произнесенные Ольгой. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ. Господинъ Пушкинъ изволятъ быть знаменитымъ сочинителемъ. Стало быть, если господинъ Пушкинъ изволятъ любить и жаловать Татьяну, то и мы, желкіе читающіе люди, обязаны питать къ той же Татьянѣ и къ темъ и почтительныя чувства. Однако же, я шпоркою отрѣшиться отъ этихъ предвзятыхъ чувствъ любви и уваженія. Я верну на Татьяну, какъ на совершенно безвѣдную и въ дѣвушку, которой умъ и характеръ должны раскрываться предо мною не въ рекомендательныхъ словахъ автора а въ ея собственныхъ поступкахъ и разговорахъ. —Первый поступокъ Татьяны — ея письмо къ Онѣгину. Поступокъ очень крупный и до такой степени нравственный, что въ немъ сразу раскрывается весь характеръ дѣвушки. Надежда на справедливость Пушкина:

характеръ издержанъ превосходно до конца романа; но здѣсь, какъ и вездѣ, Пушкинъ понимаетъ совершенно превратно: тѣ явленія, которыя онъ рисуетъ совершенно вѣрно. Представьте себѣ живописца, который, желая нарисовать нѣтъущаго конюшу, видитъ быка себѣ въ натурѣхъ чахоточнаго больного, на томъ основаніи, что у этого больного вырастъ на щекахъ очень яркій румянецъ. Точно такъ поступаетъ и Пушкинъ. Въ своей Татьянѣ онъ рисуетъ съ восторгомъ и съ сочувствіемъ такое явленіе русской жизни, которое можно и должно рисовать только съ глубокимъ состраданіемъ или съ рѣкою ироніею. Что я не вложу на Пушкина, приписывая ему восторгъ и сочувствіе, это я могу доказать многочисленными цитатами. На первый случай достаточно будетъ привести XXXI строфу III-ей главы. «Письмо Татьяны предо мною: его я свято берегу, читаю съ тайною тоскою и начитаться не могу. Кто ей внушалъ и эту нѣжность, и словъ любовную небрежность? Кто ей внушалъ умильный вздоръ, безумный сердца разговоръ и увлекательный, и вредный? Я не могу понять. Но вѣтъ неполный, слабый переводъ; съ живою картинѣю списокъ блѣдный и блъ размысленный: Фрейштыт перстами робкихъ унешитъ». Чтобы читатели поняли послѣднюю фразу, я долженъ имъ напомнить, что, какъ говоритъ Пушкинъ въ XXVI строфѣ, письмо Татьяны было написано по французски. Посмотримъ, гдѣ же, что это за письма и при какихъ условіяхъ Татьяна почувствовала необходимость писать къ Онегину. — Онегинъ, до все продолженіе романа, былъ у Лариныхъ три раза. Въ первый разъ тогда, когда Ленскій его представилъ и когда ихъ обонь угощали вареньемъ и брусничною водою. Во второй разъ тогда, когда онъ получилъ письмо Татьяны. И въ третій разъ на именинахъ Татьяны. Передавая Онегину приглашеніе Лариныхъ на именины, Ленскій говоритъ ему: «а ты, мой другъ, суди ты самъ: *два раза зазвучалъ, а слыть ужь въ нѣмъ и носу не показанъ*». Значитъ, до именинъ было действительно *только два* званія, и мы не имѣемъ никакой возможности предполагать, чтобы въ вторые званія Онегина были пройдены молчаніемъ въ романѣ. Значитъ, Татьяна вѣрблалась въ Онегина сразу и рѣшившись къ нему написать письмо, провинциалка самою опаснѣшею глупостью, глупѣшею сое всего только одне разъ. Но что же тогда произошло во время этого перваго свиданія? Въ какихъ обстоятельяхъ, въ какой разговорѣ обнаружались общія, особеннаго онегинскаго гуда и француз-

тера? — Если бы «Евгеній Онѣгинъ» былъ сочиненъ мною, то, можетъ быть, я былъ бы въ состояніи отвѣчать на эти вопросы, которые неизбѣжно должны возникнуть въ умѣ каждаго внимательнаго читателя, неспособнаго удовлетвориться одною звучностью и плавностью стиха. Но такъ какъ я неповиненъ въ сочиненіи «Евгенія Онѣгина», то, въ отвѣтъ на эти неизбѣжные вопросы, я могу только выписать разсказъ объ этомъ первомъ визитѣ, погубившемъ прелестную Татьяну во цвѣтъ юныхъ лѣтъ. «Поскакали другі, явились; имъ расточены порой тяжелыя услуги гостепріимной старины. Обрядъ извѣстный угощенья: несутъ на блюдечкахъ варенья, на столикъ ставятъ вощаной кувшинъ съ брусничною водою» (Гл. III. Стр. III). Затѣмъ слѣдуетъ пять строкъ точекъ, а потомъ «они дорогой самой краткой домой летятъ во весь опоръ». Летя домой, они разговариваютъ между собою, и изъ ихъ разговора мы узнаемъ, что Онѣгинъ выпилъ нѣкоторое количество брусничной воды и боится отъ нея дурныхъ послѣдствій. Пожаловавшись на брусничную воду, Онѣгинъ спрашиваетъ: «скажи, которая Татьяна?» — Ленскій отвѣчаетъ: «да та, которая грустна и молчалива, какъ Свѣтлана, вошла и сѣла у окна». Знакомство было, очевидно, самое поверхностное, когда Онѣгинъ даже не знаетъ, «которая Татьяна». Легко можетъ быть, что Онѣгинъ не сказалъ съ Татьяною ни одного слова; это обстоятельство тѣмъ болѣе правдоподобно; что Ленскій называетъ Татьяну молчаливой; по всей вѣроятности, разговоромъ владѣла постоянно старуха Ларина; Онѣгинъ, на возвратномъ пути, говоритъ о ней: «а кстати: Ларина проста, но очень милая старушка». Значить, онъ только объ одной старухѣ и успѣлъ составить себѣ довольно опредѣленное понятіе. А въ разговорѣ съ *простою* старухой онъ, очевидно, не могъ высказать ничего такого замѣчательнаго, что оправдывало бы или объясняло бы возникновеніе вневарнаго и страстнаго чувства въ душѣ умной и разсудительной дѣвушки. Какъ бы то ни было, результатомъ перваго, совершенно поверхностнаго знакомства Татьяны съ Онѣгинымъ оказалось то знаменитое письмо, которое Пушкинъ *свято бережетъ* и *читаетъ съ тайною тоскою*. Татьяна начинаетъ свое письмо довольно умѣренно; она выражаетъ желаніе видѣть Онѣгина хоть разъ въ недѣлю, чтобъ только слышать его рѣчи, чтобъ молвить ему слово и чтобъ потомъ день и ночь думать о немъ до новой встрѣчи. Все это было бы, очень хорошо, если бы мы знали, какия это рѣчи такъ

понравились Татьянѣ и, какое слово она желаетъ молвить Онѣгину. Но, въ сожалѣнію, намъ достовѣрно извѣстно, что Онѣгинъ не могъ говорить старухѣ Маринѣ никакихъ замѣчательныхъ рѣчей и что Татьяна не вымолвила ни одного слова. Если же она желаетъ молвить слова, подобныя тѣмъ, которыми она наполняетъ свое письмо, то ей, право, не зачѣмъ приглашать Онѣгина въ недѣлю разъ, потому что въ этихъ словахъ нѣтъ никакого смысла, и отъ нихъ не можетъ быть никакого облегченія ни тому, кто ихъ произноситъ, ни тому, кто ихъ выслушиваетъ. Татьяна, повидимому, предчувствуетъ, что Онѣгинъ не станетъ ѣздить къ нимъ разъ въ недѣлю, чтобы говорить ей рѣчи и выслушивать слова; вслѣдствіе этого, начинаются въ письмѣ нѣжныя упреки; ужь если, дескать, не будете вы, коварный тиранъ, ѣздить къ намъ разъ въ недѣлю, такъ не зачѣмъ было и показываться у насъ; безъ васъ, я бы, можетъ быть, сдѣлалась вѣрною женою и добродѣтельною матерью; а теперь я, по вашей милости, жестокой мужчина, пропадать должна. Все это, разумѣется, изложено самымъ благороднымъ тономъ и втиснуто въ самые безукоризненные четырехстоицные ямбы. — Ни за кого я не хочу замужъ идти, продолжаетъ Татьяна, а за тебя даже очей хочу, потому что «то въ вышнемъ суждено совѣтъ... то воля неба: я твоя», и потому что ты мнѣ послалъ Богомъ и ты мой хранитель по гробъ моей жизни. Тутъ Татьяна какъ будто спохватилась и, вѣроятно, подумала про себя: что-жъ это я, однако, за глупости пишу, и съ какой стати я это такъ раскутилась? Вѣдь я его всего на всего только одинъ разъ видала. Такъ нѣтъ же вотъ, продолжаетъ она: не одинъ разъ; не такая же я, въ самомъ дѣлѣ, шальная дура, чтобы вѣшаться на шею первому встрѣчному; я влюбилась въ него потому, что онъ — мой идеалъ; а я ужь давно мечтаю объ идеалѣ, значитъ, я видѣла его много разъ; волосы, усы, глаза, носъ — все, какъ есть, такъ какъ должно быть у идеала; и кромѣ того, въ вышнемъ совѣтъ такъ суждено; и кромѣ того, во всѣхъ романахъ г-жи Коттенъ и г-жи Жанлисъ такъ дѣлается; значитъ, не о чемъ и толковать: влюблена я въ него до безумія, буду ему вѣрна въ сей жизни и въ будущей, буду о немъ мечтать денно и ночью и напишу къ нему такое пламенное письмо, отъ котораго затрепетаетъ самое безчувственное сердце. Затѣмъ Татьяна бросаетъ въ сторону послѣдніе остатки своего здраваго смысла и начинаетъ заводить на несчастнаго Онѣгина самыя невраждолюбивыя

напраслины. «Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся». — Да я-то чѣмъ же виновать? подумасть Олѣгичъ. Мало ли что ей могло присниться? Не отвѣчать же мнѣ за всякую глупость, какую она во снѣ видѣла. — «Въ душѣ твоей голосъ раздавался давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!» Вотъ тебѣ разъ! Даже не сомъ. Теперь она еще нагородитъ, что я къ ней на яву приходилъ. И она дѣйствительно горюдитъ это: «ты говорилъ со мной въ тиши, когда я бѣднымъ помогала или молитвой утѣждала тоску вѣнующей души». Это, съ вашей стороны, очень похвально, Татьяна Дмитриевна, что вы помогаете бѣднымъ и усердно молитесь Богу, но только зачѣмъ же вы сочиняете небывлицы? Отъ роду я никогда съ вами не говорилъ ни въ тиши, ни въ шумѣ, и вы сами это очень хорошо знаете. — Объ каждой дальнѣйшей строчкѣ письма. Татьяна завирается хуже и хуже, по русской пословицѣ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: «и въ это самое мгновеніе не ты ли, милое видѣнье, въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ, принимавъ тихо къ изголовью?» — Да перестаньте же наконецъ, Татьяна Дмитриевна. Видъ вы ужъ до галлюцинацій договорились. Во-первыхъ, я совсѣмъ не видѣнье, а вашъ сосѣдъ, русскій дворянинъ и помѣщикъ, Олѣгичъ, пріѣхавшій въ деревню получить наслѣдство отъ дяди. Это дѣло совершенно практическое, и никакія милыя видѣнія педобными дѣлами не занимаются. Во-вторыхъ, за какимъ я дьяволомъ буду мелькать по ночамъ въ прозрачной темнотѣ и тихо принимать къ вашему изголовью! Мельканіе — дѣло очень скучное и бесполезное; а тихое привѣжаніе привело бы въ неописанный ужасъ вашу добрую маману, которую я отъ души уважаю за ея простоту. И наконецъ, могу вамъ объявить разъ навсегда, что я по ночамъ не мелькаю, а сплю, тѣмъ болѣе, что и все мое интересное страданіе, по справедливому замѣчанію г. Бѣлинскаго, состоитъ въ томъ, что я ночью сплю, а днемъ зѣваю. Значитъ, мелькать мнѣ некогда, и я могу вамъ сказать по совѣсти, что если бы вы подражали моему благоразумному примѣру, то есть, крѣпко спали бы по ночамъ, вмѣсто того, чтобы мечтать о писанныхъ красавицахъ и читать раздражающіе романчики, то вы никогда не стали бы увѣрять меня въ томъ, что вы видали меня во снѣ, что мой голосъ раздавался въ вашей душѣ и что я принимаю къ вашему изголовью. Вы бы тогда понимали очень хорошо, что все это — пустая, смѣшная и безтолковая болтовня. — Было бы очень недурно и очень полезно для Татьяны, если бы Олѣгичъ отвѣчалъ ей словесно или письменно въ

темъ рѣзко-насмѣшливымъ и жолдно-трезвымъ тономъ, въ канонъ и написалъ отъ его лица нѣсколько фразъ. Такой отвѣтъ, конечно, заставилъ бы Татьяну пролить несмѣтное количество слезъ; но если только мы допустимъ предположеніе, что Татьяна была неглупа отъ природы, что ея врожденный умъ не былъ еще окончательно истребленъ безтолковыми романами и что ея первая система не была вполне расстроена почными мечтаніями и сладкими сновидѣніями, — то мы придемъ къ тому убѣжденію, что горькія слезы, пролитыя ею, надъ прозаическимъ отвѣтомъ жестокаго идеала, должны были бы произвести во всей умственной жизни необходимый и чрезвычайно благодѣтельный переворотъ. Глубокая рана, нанесенная ея самолюбію, мгновенно истребила бы ея фантастическую любовь къ очаровательному сосѣду. Что-жь, подумала бы она, должно быть, это въ самомъ дѣлѣ не онъ мелькалъ въ провратной темнотѣ. А если не онъ, такъ кто же? Да, должно быть, никто не мелькалъ. И зачѣмъ это я ему такъ много глупостей написала? И зачѣмъ это я сама такъ много о разныхъ глупостяхъ думаю? И зачѣмъ это я по ночамъ мечтаю? И зачѣмъ это я такія книги читаю, въ которыхъ пишутъ только о мечтаніяхъ, мельканіяхъ и приниканіяхъ? — Татьяна увидала бы ясно, что ея любовь къ Онегину, лопнувшая, какъ мыльный пузырь, была только поддѣлкою любви, смѣшною и жалкою пародіею на любовь, безплодною и мучительною игрою празднаго воображенія; она поняла бы въ то же время, что эта ошибка, стоившая ей многихъ слезъ и заставляющая ее краснѣть отъ стыда и досады, была естественнымъ и необходимымъ выводомъ изъ всего строя ея понятій, которыя она черпала съ страстною жадностью изъ своего безпорядочнаго чтенія; она сообразила бы, что ей надо застраховать себя на будущее время отъ повторенія подобныхъ ошибокъ, и что для такого застрахованія ей необходимо изломать и перестроить заново весь міръ ея идей. Необходимо или отыскать себѣ другое, здоровое чтеніе, или, по крайней мѣрѣ, прислониться въ дѣйствительной жизни къ какому нибудь хорошему и разумному дѣлу, которое могло бы постоянно поддерживать въ ней умственную трезвость и отвлекать ее отъ туманной области наркотическихъ мечтаній. Такое хорошее и разумное дѣло отыскать нетрудно; намекъ на него существуетъ даже въ пелѣномъ письмѣ Татьяны; она говоритъ, что помогаетъ бѣднымъ; — ну, и помогай; но только займись этимъ дѣломъ серьезно и смотри на него, какъ на постоянный и любимый трудъ,

а не какъ на дешовое средство стереть съ своей совѣсти все-какіе микроскопическіе грѣшки. Имѣй въ виду, при этомъ помоганіи, дѣйствительныя потребности нуждающихся людей, а не то, чтобы подать бѣдному конфетку и потомъ погладить себя за это по головкѣ. Словомъ, не смотря на пустоту и безцѣлность той жизни, на которую была осуждена Татьяна съ самаго дѣтства, наша героиня все таки имѣла возможность дѣйствовать въ этой жизни съ пользою для себя и для другихъ; и она непременно принялась бы за какую нибудь скромную, но полезную дѣятельность, если бы нашлся умный человекъ, который бы энергическимъ словомъ и рѣзкою насмѣшкою выбросилъ ее вонъ изъ ядовитой атмосферы фантастическихъ видѣній и глупыхъ романовъ. Но, разумѣется, Онегинъ, стоящій на одномъ уровнѣ умственнаго развитія съ самимъ Пушкинымъ и съ Татьяною, не могъ своимъ вліяніемъ охладить беспорядочныя порывы ея разгоряченнаго воображенія. Онегину очень понравилось съумасбродное письмо фантазирующей барышни. «Получивъ посланіе Татьяни, говорить Пушкинъ, Онегинъ живо тронуть былъ: языкъ дѣвическихъ мечтаній въ немъ думы роить возмутилъ; и вспомнилъ онъ Татьяну милою и блѣдныи цвѣтъ, и видъ унылый; и въ сладостный, безгрѣшный сонъ душою погрузился онъ». (Гл. IV. Стр. XI). Онегину представлялась возможность расположить свои отношенія къ Татьянѣ по одному изъ четырехъ слѣдующихъ плановъ: во-первыхъ; онъ могъ на ней жениться; во-вторыхъ; онъ, въ своемъ объясненіи съ нею, могъ осмѣять ея письмо; въ-третьихъ, онъ, въ этомъ же объясненіи, могъ деликатно отклонить ея любовь, напомиравши ей, при семъ удобномъ случаѣ, множество любезностей на счетъ ея прекрасныхъ качествъ; въ-четвертыхъ, онъ могъ поиграть съ нею, какъ кошка играетъ съ мышкою, то есть, могъ измучить, обезчестить и потомъ бросить ее. Жениться Онегинъ не хотѣлъ, и онъ самъ очень наивно объясняетъ Татьянѣ причину своего нежеланія. «Я, сколько не любилъ бы васъ, привыкнувъ, разлюблю тотчасъ». Облазнять ее онъ тоже не желаетъ, отчасти потому, что онъ не подлець, а отчасти и потому, что это дѣло ведетъ за собою слезы, сцены и множество неприятныхъ хлопотъ, особенно тогда дѣйствующимъ лицомъ является такая энергическая и восторженная дѣвушка, какъ Татьяна. Въ онегинскія времена уровень нравственныхъ требованій стоялъ такъ низко, что Татьяна, вышедши замужъ, въ концѣ романа считаетъ своею обязанностью благодарить Онегина за то,

13

что онъ поступилъ съ нею благородно. А все это благородство, котораго Татьяна никакъ не можетъ забыть, состояло въ томъ, что Онегинъ не оказалъ въ отношеніи къ ней воровъ. — И такъ, два плана, первый и четвертый, отвергнуты. Второй планъ для Онегина неосуществимъ; осыпая письмо Татьяны онъ не въ состояніи, потому что онъ самъ, подобно Пушкину, находилъ это письмо не осыпаннымъ, а трогательнымъ. Насмѣшка показалась бы ему профанациею и жестокостію, потому что ни Онегинъ, ни Пушкинъ не имѣютъ понятія о той высшей и вполне сознательной гуманности, которая очень часто заставляетъ мыслящаго человека произнести горькое и оскорбительное слово. Такое слово обожгло бы Татьяну, но оно было бы для нея несравненно полезнѣе, чѣмъ всѣ сладости, разсыпанныя въ рѣчи Онегина. Но время Онегина не было временемъ той *göttliche Grobheit*, которую совершенно справедливо превозноситъ Берне. Онегинъ рѣшился поднести Татьянѣ золоченую пилюлю, которая не могла подѣйствовать на нее благотворно именно потому, что она была поволочена. Рѣчь Онегина, занимающая въ романѣ пять строчекъ, вся цѣлкомъ, какъ-будто нарочно, направлена къ тому, чтобы еще больше закружить и отуманить бѣдную голову Татьяны: «Я, говоритъ Онегинъ, впрочемъ души доверчивой признанья, любви невинной изліянья; мнѣ ваша искренность мила (тебѣ довольно суданскій!); она въ волненьи привела давно умолявшія чувства». Съ самаго начала Онегинъ дѣлаетъ грубую и несправдную ошибку; онъ принимаетъ любовь Татьяны за дѣйствительно-существующій фактъ; а ему, напротивъ того, надо было сказать и доказать ей, что она его совсѣмъ не любитъ и не можетъ любить, потому что съ перваго взгляда люди влюбляются только въ глупыхъ романахъ. «Когда-бъ семейственной картиной, продолжаетъ Онегинъ, идяся я хоть мигъ единой, то вѣрно-бъ, вромѣ васъ одной, невѣсты не искалъ иной». Это все за бестолковое письмо; разувѣется, послѣ этихъ словъ, сама Татьяна будетъ смотрѣть на свое посланіе, какъ на образцовое произведеніе, отразившее въ себѣ самое негоднѣйшее чувство, самый замѣлательный умъ. Эти лестныя и, въ сожалѣнію, искреннія слова Онегина должны подѣйствовать на бѣдную Татьяну такъ, какъ подѣйствовала на несчастнаго Донъ-Кихота его побѣда надъ кирюльникомъ и завоеваніе мѣднаго таза, который немедленно былъ переименованъ въ щель Мамбрина. Добывши себѣ трофей, Донъ-Кихотъ; очевидно, долженъ былъ утвердиться въ томъ печаль-

номъ заблужденіи, что онъ дѣйствительно странствующій рыцарь и что онъ дѣйствительно можетъ и долженъ совершать великіе подвиги. Выслушавъ комплименты Онѣгина, Татьяна точно также должна была утвердиться въ томъ столь же печальномъ заблужденіи, что она очень влюблена, очень страдаетъ и очень похожа на несчастную героиню какого нибудь раздирательнаго романа. Каждое дальнѣйшее слово Онѣгина подноситъ несчастному Донъ-Кихоту новые шлемы Мамбрина. Онѣгинъ объявляетъ своей собесѣдницѣ «безъ блестящихъ мадригалныхъ», что онъ нашелъ въ ней свой «прежній идеалъ», но что, къ крайнему своему сожалѣнію, онъ, по драблости своего сердца, никакъ не можетъ воспользоваться этой пріятной находкой. «Напрасны ваши совершенства, продолжаетъ неутомимый льстецъ, ихъ вовсе недостойнъ я»... «И того-ль искали, говорить онъ далѣе, вы чистой, пламенной душой, когда съ такою простотой, съ такимъ умомъ ко мнѣ писалъ?» — «Я васъ люблю любовью брата, и, можетъ быть, еще нѣжнѣй». Длинный хвалебный гимнъ Онѣгина заканчивается плоскимъ и безцвѣтнымъ правоученіемъ, которое находится въ непримиримомъ разладѣ со всѣми предыдущими комплиментами и которое, вслѣдствіе этого, разумѣется, будетъ пропущено Татьяною мимо ушей: «учитесь властвовать собою, не всякій васъ, какъ я, пойметъ; къ бѣдѣ неопытность ведетъ». — Къ какой же бѣдѣ? должна подумать Татьяна. Благодаря моей неопытности, я написала къ нему письмо, въ которомъ онъ нашелъ очень много ума и очень много простоты; благодаря моей неопытности, я раскрыла передъ нимъ мои совершенства, я обнаружила передъ нимъ чистую пламенность моей души, я позвала въ прежніе идеалы и возбудила въ немъ любовь брата и, можетъ быть, другую любовь, еще болѣе нѣжную. А не напиши я этого письма, такъ ничего бы этого не случилось. А если онъ говоритъ, что не всякій меня пойметъ, то вѣдь мнѣ до всякаго нѣтъ никакого дѣла. Сердце мое наполнено навсегда моею несчастною любовью, и я до дверей холодной могилы буду влечить въ моемъ истерзанномъ сердцѣ эту несчастную любовь по тернистому пути моей мучительной жизни. — Что Татьяна разсуждаетъ именно такимъ образомъ и что ея мысли облекаются въ ея голубѣ именно въ такія напыщенныя формы, — это мы видимъ, между прочимъ, изъ тѣхъ размышленій, которыми она занимается ночью послѣ дня своихъ именинъ, когда она сидитъ «одна, печально подъ окномъ озарена лучомъ Діаны». — «Погибну, Таня говоритъ: но гибель, отъ

него любезна. Я не ропщу: зачѣмъ роптать? Не можетъ онъ мнѣ счастья дать». Голова несчастной дѣвушки до такой степени засорена всякою дрянью и до такой степени разгорячена глупыми комплиментами Онѣгина, что, невѣрные слова: «гибель отъ него любезна» произносятся съ глубокимъ убѣжденіемъ и очень добросовѣстно проводятся въ жизнь. Забыть Онѣгина, прогнать мысль о немъ какиминибудь дѣльными занятіями, подумать о какомънибудь новомъ чувствѣ и вообще превратиться какиминибудь средствами изъ несчастной страдальцы въ обыкновенную, здоровую и веселую дѣвушку, — все это возвышенная Татьяна считаетъ для себя величайшимъ безчестіемъ; это, по ея мнѣнію, значило бы свалиться съ неба на землю, смѣшаться съ пошлою толпою, погрузиться въ грязный омутъ житейской прозы. Она говоритъ, что «гибель отъ него любезна», и поэтому находитъ, что гораздо величественнѣе страдать и чахнуть въ мірѣ воображаемой любви, чѣмъ жить и веселиться въ сферѣ презрѣнной дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, ей удастся довести себя слезами, бессонными ночами и печальными размышленіями подъ лучомъ Діаны до совершеннаго изнеможенія. «Увы, Татьяна увядаетъ, блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ! Ничто ее не занимаетъ, ея души не шевелитъ». И все это, въ значительной степени, было результатомъ ея разговора съ Онѣгинымъ. «Что было слѣдствіемъ свиданья?» спрашиваетъ Пушкинъ. «Увы, отвѣчаетъ онъ, нетрудно угадать! Любви безумныя страданья не перестали волновать молодой души, печали жадной; нѣтъ, пуще страстью безотрадной Татьяна бѣдная горитъ». Читатель видитъ теперь, что утонченная любезность Онѣгина принесла самые богатые плоды.

УП.

Послѣ отъѣзда Онѣгина изъ деревни, Татьяна, стараясь поддержать въ себѣ неугасимый огонь своей вѣчной любви, посѣщаетъ неоднократно кабинетъ уѣхавшаго идеала и читаетъ съ большимъ вниманіемъ его книги. Съ особеннымъ любопытствомъ всматривается и вдумывается она въ тѣ страницы, на которыхъ рукою Онѣгина сдѣлана какаянибудь отиѣтка. Такимъ образомъ, она прочитала сочиненія Байрона и нѣсколько романовъ, «въ которыхъ отразился вѣкъ и современный человѣкъ изображенъ довольно вѣрно». — «И съ

открылся міръ иной», объявляетъ намъ Пушкинъ. Слова: «*міръ иной*» должны, по видимому, обозначать собою новый взглядъ на человеческую жизнь вообще и на личность Онегина въ особенности. Мы начинаемъ понемногу, говорить Пушкинъ, моя Татьяна понимать теперь ясное, слава Богу, того, по комъ она вздыхала осуждена судьбою властной: чудакъ печальный и опасный, созданье ада или небесъ, сей ангелъ, сей надменный бѣсъ, что-жь онъ? уже ли подражанье, ничтожный призракъ, или еще москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ, чужихъ причудъ истолкованье, словъ модныхъ полный лексиконъ? Уже-ли пародія ли онъ? Уже-ли загадку разрѣшила? Уже ли *слово* найдено?» (Гл. VII. Стр. XXIV, XXV). Невозможно понять, зачѣмъ Пушкинъ навязалъ Татьянѣ всѣ эти критическія размышленія и зачѣмъ онъ хочетъ насъ увѣрить, что ей открылся міръ иной. Этотъ «*міръ иной*» и эти размышленія о москвичѣ въ гарольдовомъ плащѣ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго вліянія ни на фантастическую любовь Татьяны, ни на ея поступки. До открытія новаго міра она воображала себя, что влюблена по гробъ жизни; послѣ своего открытія, она остается при томъ же самомъ убѣжденіи. До открытія новаго міра она безпрекословно повиновалась мамашѣ; и послѣ открытія она продолжаетъ повиноваться также безпрекословно. Это съ ея стороны очень похвально, но для того, чтобы повиноваться мамашѣ въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни, не было ни малѣйшей надобности открывать новый міръ, потому что и старыи нашъ міръ основанъ цѣликомъ на смиреніи и послушаніи. — Пока Татьяна въ кабинетѣ Онегина открываетъ новые міры, одинъ изъ жителей стараго міра совѣтуетъ ея мамашѣ повезти дочь «въ Москву, на ярмарку невѣсть». Марина соглашается съ этой мыслью, и когда Татьяна узнаетъ объ этомъ рѣшеніи, тогда она, съ своей стороны, не представляетъ никакихъ возраженій. Надо полагать, что «ярмарка невѣсть» занимаетъ очень почетное мѣсто въ томъ новомъ мірѣ, который открыла Татьяна. Но если новый міръ допускаетъ ярмарку невѣсть, то любопытно было бы узнать, чѣмъ онъ отличается отъ стараго міра и какая надобность была его открывать? Въ Москвѣ Татьяна ведетъ себя именно такъ, какъ обязана вести себя благовоспитанная барышня, привезенная заботливою родительницею на ярмарку невѣсть. Разумѣется, «ей душно здѣсь... она мечтой стремится къ жизни полевой, въ деревнѣ къ бѣднымъ новосельцамъ, въ уединенный уголокъ, гдѣ льется свѣтлый ручеекъ, къ своимъ дѣв-

тамъ, къ своимъ романамъ и въ сумракъ липовыхъ аллей, — туда, гдѣ она являлся ей». (Гл. VП. Стр. LIII). Но вѣдь это все пустыя слова, и навсѣнь бытъ бы тотъ читатель, который бы принялъ ихъ за чистую монету. Куда бы она ни стремилась мечтой — это рѣшительно все равно. Тѣло ея, затянутое въ корсетъ, во всякомъ случаѣ, находится тамъ, гдѣ ему велятъ находиться, и дѣлаетъ именно тѣ движенія, которыя ему прикажутъ дѣлать. Въ то время, когда она стремится въ сумракъ липовыхъ аллей, двѣ тетушки предписываютъ ей смотрѣть направо, на толстаго генерала, и она смотритъ. Потомъ ей приказываютъ выйти замужъ за этого толстаго генерала, и она выходитъ за него замужъ. Если всѣ эти дѣйствія находятся въ строгомъ согласіи съ законами ея новаго міра, то я осмѣливаюсь думать, что она съ большимъ удобствомъ могла бы избавить себя отъ труда производить свои открытія, потому что всѣ эти открытія были давно уже сдѣланы самими отдаленными ея предками. Я полагаю, что въ умственной жизни Татьяны онѣгинскія книжки не произвели никакого переворота. Татьяна до конца романа остается тѣмъ самымъ рыцаремъ печальнаго образа, какимъ мы видѣли ее въ ея письмѣ къ Онѣгину. Ея богѣзненно-развитое воображеніе постоянно создаетъ ей поддѣльныя чувства, поддѣльныя потребности, поддѣльныя обязанности, цѣлую искусственную программу жизни, и она выполняетъ эту искусственную программу съ тѣмъ поразительнымъ упорствомъ, которымъ обыкновенно отличаются люди, одержимые какою нибудь мономанією. Она вообразила себѣ, что влюблена въ Онѣгина, и дѣйствительно влюбила себя въ него, начала выдать страстью и дѣлать глупости, подобныя кувырчаньямъ влюбленнаго Донъ-Кихота въ горахъ Сьерры-Морены. Потомъ она вообразила себѣ, что ея жизнь разбита, и, вслѣдствіе этого, начала худѣть и блѣднѣть. Потомъ, видя, что ей не удастся умереть, она себѣ вообразила, что теперь она ко всему равнодушна; тогда она отдала себя въ полное распоряженіе своимъ родственникамъ, которые повезли ее на ярмарку невѣсть и тамъ сбавили ее, какъ хорошій доваръ, толстому генералу. Очувтившись въ рукахъ своего новаго хозяина, она вообразила себѣ, что она превращена въ украшеніе генеральскаго дома; тогда всѣ силы ея ума и ея воли направлены къ той цѣли, чтобы на это украшеніе не попалъ ни одной пылинки. Она поставила себя подъ стеклянный колпакъ и обязала себя простоять подъ этимъ колпакомъ въ тече-

ніе всей своей жизни. И сама она смотритъ на себя со стороны и любитъ своею неприкосновенностью и твердостью своего характера. Мнѣ, думаетъ она, очень скучно подъ колпакомъ, а я все-таки изъ подъ него не выйду ни для кого на свѣтъ, потому что я—украшеніе генеральскаго дома; а генералъ приобрѣлъ меня не за тѣмъ, чтобы я жила въ свое удовольствіе.—Онѣгинъ встрѣчается съ нею въ Петербургѣ въ то время, когда она, драпируясь въ свою неприкосновенность, уже украшаетъ своею добродѣтельною особою жилище толстаго генерала. Видя, что украшеніе генеральскаго дома блеститъ самыми яркими красками, Онѣгинъ проникается предосудительнымъ желаніемъ вытащить это украшеніе изъ подъ стекляннаго колпака. Но украшеніа не трогается съ мѣста и, оставаясь подъ колпакомъ, читаетъ оттуда предприимчивому дѣнди такую проповѣдь, которая доставляетъ ему очень мало удовольствій. Этой проповѣдью, какъ извѣстно, заканчивается весь романъ. Знаменитый монологъ Татьяны заключаетъ въ себѣ слѣдующій смыслъ: зачѣмъ вы не влюбились въ меня прежде? Теперь вы ухаживаете за мною потому, что я превратилась въ блестящее украшеніе богатаго дома. Я васъ все-таки люблю, но прошу васъ убираться къ чорту; свѣтъ мнѣ противенъ, но я камѣрена безусловно исполнять всѣ его требованія.—Этотъ монологъ доказываетъ ясно, что Татьяна и Онѣгинъ—друга друга стоятъ; оба они до такой степени исцверкали себя, что совершенно потеряли способность думать, чувствовать и дѣйствовать по человѣчески. Монологъ Татьяны отличается самою полною откровенностью, и именно по этой причинѣ, онъ весь составленъ изъ непримиримыхъ противорѣчій. Подозрѣвая Онѣгина въ мелкомъ тщеславіи, она, очевидно, отказываетъ ему въ своемъ уваженіи; и въ то же время, не уважая его, она его любитъ; и въ то же время, любя его, она его отталкиваетъ; отталкивая его изъ уваженія къ требованіямъ свѣта, она презираетъ «всю эту ветошь маскарада»; презирая всю эту ветошь, она занимается ею съ утра до вечера. Всѣ эти противорѣчія доказываютъ совершенно очевидно, что она ничего не любитъ, ничего не уважаетъ, ничего не презираетъ, ни о чемъ не думаетъ, а просто живетъ со дня на день, подчиняясь заведенному порядку и разгоняя свою непроходимую скуку разными крошечными подобіями чувствъ и мыслей, такими подобіями, которыя могутъ выдать изъ прекрас-

ныхъ очей нѣсколько слезинокъ, но которыя никогда не создадутъ ни одного рѣшительнаго поступка. Само по себѣ, чувство Татьяны мелко и дрябло; но по отношенію къ своему предмету, это чувство токъ въ токъ такое, какимъ оно должно быть; Онѣгинъ—вполнѣ достойный рыцарь такой дамы, которая сидитъ подѣ стекляннымъ колпакомъ и обливается горячими слезами; другого, болѣе энергическаго чувства Онѣгинъ даже не выдержалъ бы; такое чувство испугало и обратило бы въ бѣгство нашего героя; безумная и несчастная была бы та женщина, которая изъ любви къ Онѣгину рѣшилась бы нарушить величественное благочиніе генеральскаго дома. Самъ Онѣгинъ, вѣроятно, отшатнулся бы отъ нея, какъ отъ неистовствующей фури, и уже во всякомъ случаѣ, Онѣгинъ поступилъ бы съ нею по той программѣ, которую онъ наивно раскрылъ передъ Татьяною въ липовой аллеѣ, то есть, *привыкнувъ, разлюбилъ бы тотчасъ*. Стоитъ же, въ самомъ дѣлѣ, затѣвать въ генеральскомъ домѣ скандалъ для того, чтобы доставить Онѣгину нѣсколько пріятныхъ минутъ и попользоваться его благосклонностью до тѣхъ поръ, пока онъ не привыкнетъ! Татьяна задаетъ Онѣгину вопросъ: отчего вы меня не полюбили прежде, когда я была лучше и моложе, и когда я любила васъ? Этотъ вопросъ поставленъ очень удачно, и если бы Онѣгинъ хотѣлъ и умѣлъ отвѣчать на него совершенно искренно, то ему пришлось бы сказать: оттого, что люди, подобные мнѣ, способны только шутать и забавляться съ женщинами. Когда вы были дѣвушкой, тогда мнѣ предстояла необходимость принять на себя, въ отношеніи къ вамъ, серьезныя обязанности; мнѣ надо было тогда брать на себя заботу о вашемъ счастьи, то есть, объ удовлетвореніи всѣхъ вашихъ матеріальныхъ и умственныхъ потребностей; разъ привыкли на себя эту работу, я бы уже не имѣлъ возможности сложить ее на кого нибудь другого; а такая перспектива приводила меня въ ужасъ, потому что я неспособенъ ни къ какому серьезному дѣлу, неспособенъ даже заботиться о матеріальномъ и умственномъ благосостояніи той женщины, которая доставляетъ мнѣ пріятныя минуты. Теперь дѣло совсѣмъ другое. Теперь я могу завести въ васъ веселую интрижку, съ таинственными свиданьями, съ пламенными объятіями и безъ всякихъ будничныхъ, то есть, серьезныхъ и спокойно-дружескихъ отношеній. Эта интрижка будетъ

продолжаться мѣсяцевъ пять-шесть, и потомъ я засвидѣтельствую вамъ мое почтеніе, не обращая никакого вниманія на то, любите ли вы меня или нѣтъ. — Когда Онѣгинъ писалъ къ Татьянѣ страстные письма и когда онъ, у нея въ домѣ, бросился къ ея ногамъ, тогда онъ, разумѣется, добивался только интрижки. Пушкину представлялся очень удобный случай измѣрить глубину и силу онѣгинской любви, но Пушкинъ, конечно, не воспользовался этимъ случаемъ, потому что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія выставить на показъ самыя мелкія и дрянныя стороны онѣгинскаго характера. Это полное разоблаченіе ничтожной личности было бы неизбѣжно, если бы на мѣстѣ Татьяны стояла энергическая женщина, любящая Онѣгина дѣйствительною, а не придуманною любовью. Если бы эта женщина бросилась на шѣю къ Онѣгину и сказала ему: я твоя на всю жизнь, но, во что бы то ни стало, увези меня прочь отъ мужа, потому что я не хочу и не могу играть съ нимъ подлую комедію, — тогда восторги Онѣгина въ одну минуту охладѣли бы очень сильно. Можетъ быть, онъ посоветился бы обнаружить сразу всю свою трусость, всю свою несостоятельность передъ серьезною заботою; можетъ быть, онъ не осмѣлился бы отшатнуться тотчасъ отъ женщины, передъ которою онъ, за минуту передъ тѣмъ, самъ стоялъ на колѣняхъ; можетъ быть, даже, чувствуя невозможность отступленія, онъ рѣшился бы, скрѣпя сердце, увести эту женщину куда нибудь за-границу; но между невольнымъ похитителемъ и несчастною жертвою завязались бы немедленно такія скрипучія и мучительныя отношенія, которыхъ бы не выдержала ни одна порядочная женщина. Дѣло кончилось бы тѣмъ, что она убѣжала бы отъ него, выучившись презирать его до глубины души; и, разумѣется, бѣдной, опозоренной женщиной пришлось бы или умереть въ самой ужасной нищетѣ, или втннуться поневолѣ въ самый жалкій развратъ. Если бы Пушкинъ захотѣлъ и сумѣлъ написать такую главу, то она, мнѣ кажется, обрисовала бы онѣгинскій типъ ярче, полнѣе и справедливѣе, чѣмъ обрисовываетъ его теперь весь романъ. Но для того, чтобы подвергнуть онѣгинскій типъ такому жестокому и вполне заслуженному униженію, самому Пушкину, очевидно, было необходимо стоять выше этого типа и относиться къ нему совершенно отрицательно.

XIII.

Бѣлинскій посвятилъ характеристикѣ Татьяны цѣлую отдѣльную статью. Въ этой статьѣ онъ, по своему обыкновенію, высказалъ много превосходныхъ мыслей, которыя даже теперь, по прошествіи двадцати лѣтъ, могутъ еще изумлять и приводить въ ужасъ неправимыхъ филистеровъ. Но, отдавая полную справедливость превосходнымъ частностямъ этой статьи, я долженъ замѣтить, что, по своей основной идеѣ, по своему взгляду на характеръ Татьяны, она оказывается совершенно несостоятельною. Бѣлинскій ставитъ Татьяну на пьедесталъ и приписываетъ ей такія высокія достоинства, на которыя она не имѣетъ никакого права и которыми самъ Пушкинъ, при своемъ поверхностномъ и ребяческомъ взглядѣ па жизнь вообще и на женщину въ особенности, не хотѣлъ и не могъ надѣлать любимое созданіе своей фантазіи. Главная причина неосновательнаго пристрастія Бѣлинскаго къ Татьянѣ заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что Бѣлинскому приходится защищать какъ самого Пушкина, такъ и Татьяну противъ тупыхъ и пошлыхъ нападений тогдашняго филистерства. Въ увлеченіи полемики трудно сохранять постоянно трезвость критическаго взгляда. Опровергая глупыя замѣчанія филистеровъ, Бѣлинскій вдается часто въ противоположную крайность. Филистеры говорятъ, напримѣръ: такой-то поступокъ отвратителенъ. Бѣлинскій, въ пику имъ, утверждаетъ, что онъ великолѣпенъ. А при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что филистеры, конечно, городятъ ужасный вздоръ, но что и Бѣлинскій совершенно неправъ, потому что въ разбираемомъ поступкѣ нѣтъ ничего ни отвратительнаго, ни великолѣпнаго. — Это вліяніе филистерскихъ толковъ на процессъ мысли, совершавшійся въ головѣ великаго бойца Бѣлинскаго, выразилось очень ясно во многихъ мѣстахъ его критическихъ статей о Пушкинѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ рассуждаетъ Бѣлинскій о письмѣ Татьяны къ Онѣгину: «Татьяна вдругъ рѣшается писать къ Онѣгину: порывъ наивный и благородный, но его источникъ заключается не въ сознаниі, а въ бессознательности: бѣдная дѣвушка не знала, что дѣлала. Послѣ, когда она стала знатною барынею, для нея совершенно исчезла возможность такихъ наивно-великодушныхъ движеній сердца».

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько эстетическихъ замѣчаній о той формѣ, въ какой выразилось чувство Татьяны. Потомъ начинаются сраженія съ филистерствомъ. «Замѣчательно, продолжаетъ Бѣлинскій, съ какимъ усиленіемъ старается поэтъ оправдать Татьяну за ея рѣшимость написать и послать это письмо; видно, что поэтъ слишкомъ хорошо зналъ общество, для котораго писалъ».

Выдержавъ нѣсколько строфъ изъ «Онѣгина», Бѣлинскій продолжаетъ: «Нельзя не жалѣть о поэтѣ, который видитъ себя принужденнымъ такимъ образомъ оправдывать свою героиню передъ обществомъ—и въ чемъ же?—въ томъ, что составляетъ сущность женщины, ея лучшее право на существованіе,—что у нея есть сердце, а не пустая яма, прикрытая корсетомъ! Но еще болѣе нельзя не жалѣть объ обществѣ, передъ которымъ поэтъ видѣлъ себя принужденнымъ оправдывать героиню своего романа въ томъ, что она—женщина, а не деревяшка, выточенная по подобію женщины.» (Т. VIII. Стр. 591, 593, 595.) Благодаря ослинымъ воплямъ филистеровъ, весь вопросъ о Татьянѣ сдвинуть въ сторону и поставленъ совершенно неправильно. Бѣлинскій доказываетъ, что, любя Онѣгина, Татьяна имѣла полное право написать къ нему письмо. Это не подлежитъ сомнѣнію и противъ этого могутъ спорить только филистеры. Но сущность вопроса состоитъ совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ: можетъ ли и должна ли умная дѣвушка влюбляться въ мужчину съ перваго взгляда? Бѣлинскій смотритъ на Татьяну очень благосклонно за то, что у нея оказалось въ груди сердце, а не пустая яма, прикрытая корсетомъ. Это съ ея стороны очень похвально, но, увлекшись этимъ достоинствомъ ея личности, Бѣлинскій совершенно забываетъ справиться о томъ, имѣлось ли въ ея красивой головѣ достаточное количество мозга, и если имѣлось, то въ какомъ положеніи находился этотъ мозгъ. Если бы Бѣлинскій задалъ себѣ эти вопросы, то онъ немедленно сообразилъ бы, что количество мозга было весьма незначительно, что это малое количество находилось въ самомъ плачевномъ состояніи и что только это плачевное состояніе мозга, а никакъ не присутствіе сердца, объясняетъ собою внезапный взрывъ нѣжности, проявившейся въ сочиненіи съумасброднаго письма. Бѣлинскій благодаритъ Татьяну за то, что она—женщина, а не деревяшка; тутъ нашъ критикъ, очевидно, хватилъ черезъ край и, замахнувшись на филистеровъ,

самъ потерялъ равновѣсіе. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, надо непременно быть деревяшкой для того, чтобы, послѣ перваго свиданья съ красивымъ дэнди, не упасть къ его ногамъ? И развѣ быть женщиной значить писать къ незнакомымъ людямъ раздирательныя письма?—Бѣлинскій съ замѣчательной силой анализа очерчиваетъ тотъ типъ, къ которому принадлежитъ Татьяна; онъ называетъ этотъ типъ—типомъ *идеальныхъ дѣвъ*; онъ подмѣчаетъ всё его смѣшныя стороны и относится къ нему совершенно отрицательно. Читая это описаніе идеальныхъ дѣвъ, вы ожидаете, что онъ немедленно подведетъ Татьяну подъ эту категорію и осмѣетъ самымъ безпощаднымъ образомъ всё ея глупыя вздыханія объ Онѣгинѣ. Не тутъ-то было! Бѣлинскій напрягаетъ всё силы своего великаго таланта, чтобы провести рѣзкую раздѣлительную черту между полчищемъ идеальныхъ дѣвъ и личностью пушкинской героини; но эта задача оказывается неразрѣшимою, и всё аргументы Бѣлинскаго остаются очень неубѣдительными, по той простой причинѣ, что они не находятъ себѣ никакой опоры въ фактахъ самаго романа. «Татьяна, говоритъ Бѣлинскій,—существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная. Любовь для нея могла быть или величайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, безъ всякой примирительной середины. При счастья взаимности, любовь такой женщины—ровное, свѣтлое пламя; въ противномъ случаѣ,—упорное пламя, которому сила воли, можетъ быть, не позволить прорваться наружу, но которое тѣмъ разрушительнѣе и жгучѣе, чѣмъ больше оно сдавлено внутри. Счастливая жена, Татьяна, спокойно, но, тѣмъ не менѣе, страстно и глубоко любила бы своего мужа, вполне пожертвовала бы собою дѣтямъ, вся отдалась бы своимъ материнскимъ обязанностямъ, но не по разсудку, а опять по страсти, и въ этой жертвѣ, въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей, съ этимъ спокойствіемъ, съ этимъ внѣшнимъ безстрастіемъ, съ этою наружною холодностью, которыя составляютъ достоинство и величіе глубокихъ и сильныхъ натуръ. Такова Татьяна». (Т. VIII. Стр. 582). Да, такова Татьяна, сочиненная Бѣлинскимъ, но совсѣмъ не такова Татьяна Пушкина. Вся глубина пушкинской Татьяны состоитъ въ томъ, что она сидитъ по ночамъ подъ лучомъ Діаны. Вся ея исключительность—въ томъ, что она бродитъ по полямъ «съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ.» Вся ея

страстность выкипаетъ безъ остатка въ одномъ восторженномъ письмѣ. Написавши это письмо, она находитъ, что она заплатила достаточную дань молодости и что ей затѣмъ остается только прелратиться въ неприступную свѣтскую даму. Во всемъ романѣ мы видимъ только два поступка Татьяны: во-первыхъ, ея письмо, во-вторыхъ, ея заключительный монологъ; только по этимъ двумъ моментамъ въ ея жизни мы должны составлять себѣ понятіе о ея характерѣ; въ антрактѣ между этими двумя рѣшительными моментами она только мечтаетъ, худѣетъ, груститъ, тоскуетъ и вообще ведетъ себя, съ одной стороны, какъ идеальная дѣва, а съ другой стороны, какъ пассивный товаръ, который можно везти на ярмарку и продавать лицомъ. Что же касается до двухъ выдающихся точекъ въ ея жизни, то, основываясь на нихъ, можно только примѣнить къ Татьянѣ извѣстныя слова Пушкина: «блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ; блаженъ, кто во время созрѣлъ». Въ молодости своей, Татьяна отличилась эксцентрическими выходками, а созрѣвши, она превратилась въ воплощенную солидность. Черезъ такіа превращенія проходятъ самые отчаянные филистеры, которые, во время своего студенчества, бываютъ обыкновенно самыми разбитными буршами. Возможность этого превращенія превосходно понимаетъ и самъ Бѣлинскій. «Многія изъ нихъ, говоритъ онъ объ идеальныхъ дѣвахъ, не прочь бы и отъ замужества, и, при первой возможности, вдругъ измѣняютъ свои убѣжденія и изъ идеальныхъ дѣвъ дѣлаются самыми простыми бабами.» (Т. VIII. Стр. 575.) Татьяна сдѣлалась не самою простою бабою, а самою блестящею дамою. Разница, кажется, не очень значительна, и превращеніе разбитного бурша въ солиднаго филистера такъ же несомнѣнно во второмъ случаѣ, какъ и въ первомъ. Что случилось бы съ Татьяною, если бы она вышла замужъ по страстной любви,—объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ, но мы можемъ замѣтить, что у самого Бѣлинскаго на этотъ счетъ встрѣчается очень любопытное противорѣчіе. Разсматривая характеръ Татьяны отдѣльно и передѣлывая его по своему произволу, Бѣлинскій утверждаетъ, что она можетъ быть превосходною супругою и образцовою матерью. Но анализируя тотъ же характеръ въ связи съ характеромъ Онегина, Бѣлинскій приходитъ къ тому заключенію, что Онегинъ не долженъ былъ жениться на Татьянѣ, потому что Татьяна была бы съ нимъ несчастнѣйшею женщиною и сдѣлалась

бы для него невыносимою обузою. «Что бы пашелъ онъ потомъ въ Татьянѣ? спрашиваетъ Бѣлинскій. Или прихотливое дитя, которое плакало бы оттого, что онъ не можетъ, подобно ей, дѣтски смотреть на жизнь и дѣтски играть въ любовь, — а это, согласитесь, очень скучно; или существо, которое, увлекшись его превосходствомъ, до того подчинилось бы ему, не понимая его, что не имѣло бы ни своего чувства, ни своего смысла, ни своей воли, ни своего характера. Послѣднее спокойнѣе, но за то еще скучнѣе.» (Стр. 553). Вотъ видите, какъ неудобно умному человѣку (Бѣлинскій считаетъ Онѣгина за умнаго человѣка) жениться на Татьянѣ. Куда ни кинь — все клинъ. А между тѣмъ, она полагаетъ, что влюблена въ него, и притомъ влюблена на всю жизнь, и ни о какой другой любви не хочетъ слышать. Если, вышедши замужъ за этого любимаго человѣка, она неизбежно должна сдѣлаться для него невыносимою обузою, то, спрашивается, какия же условія необходимы для того, чтобы она могла развернуть свою способность быть превосходною женою и образцовою матерью? По какому рецепту долженъ быть составленъ тотъ человѣкъ, въ котораго она могла бы влюбиться и котораго, кромѣ того, она могла бы осчастливить своею любовью? Кажется мнѣ, что Татьяна никого не можетъ осчастливить, и что если бы она вышла замужъ не за томстаго генерала, а за простого смертнаго, желавшаго найдти въ ней не украшеніе дома, а добраго и умнаго друга, то ея семейная жизнь расположилась бы по слѣдующей программѣ, очень остроумно составленной Бѣлинскимъ для нѣкоторыхъ идеальныхъ дѣвъ: «Ужаснѣе всѣхъ другихъ, говоритъ Бѣлинскій, тѣ изъ идеальныхъ дѣвъ, которыя не только не чуждаются брака, но въ бракѣ съ предметомъ любви своей видятъ высшее земное блаженство: при ограниченности ума, при отсутствіи всякаго нравственнаго развитія и при испорченности фантазій, онѣ создаютъ свой идеалъ брачнаго счастья, — и когда увидятъ невозможность осуществленія ихъ нелѣпаго идеала, то вымещаютъ на мужьяхъ горечь своего разочарованія.» (Стр. 575). Именно такъ; и поэтому идеальной дѣвѣ Татьянѣ Дмитріевнѣ Лариной всего лучше и безопаснѣе было отправиться на ярмарку невѣсть, чтобы потомъ превратиться въ самую простую бабу или въ самую блестящую свѣтскую даму. Думать, что Пушкинъ способенъ создать типъ образцовой жены и превосходной матери, значить положительно взводить напраслину на нашего рѣзваго

любимца музъ и грацій. Въ такой серьезной идеѣ Пушкинъ рѣшительно неповиленъ. На женщину онъ смотритъ исключительно съ точки зрѣнія ея миловидности. «Женщины, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, не имѣютъ характера; онѣ имѣютъ страсти въ молодости; оттого нетрудно и выводить ихъ». (Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 135). Въ бракѣ онъ видитъ только «рядъ утомительныхъ картинъ, романъ во вкусѣ Лафонтена». Къ слову «женать» у него есть непремѣнно двѣ постоянныя рифмы: «халать» и «рогать». За женитьбой, по его мнѣнію, неизбѣжно слѣдуетъ опошленіе; а тѣ люди, которые способны опошлиться, оказываются самыми скверными мужьями и живутъ съ своими жонами, какъ кошка съ собакой. Дѣйствительно, надо быть высоко развитымъ человекомъ, надо быть фанатикомъ великой идеи и плодотворнаго труда, чтобы понять и выразить всю безконечную поэзію постоянной любви. У насъ всѣ романы обыкновенно оканчиваются тамъ, гдѣ начинается семейная жизнь молодыхъ супруговъ. Доведя своего героя до свадьбы, романистъ прощается съ нимъ навсегда. Когда выводится въ романѣ брачная чета, то она выводится или затѣмъ, чтобы изобразить бури семейной жизни, или затѣмъ, чтобы нарисовать сонное царство, въ родѣ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ».

IX.

Въ началѣ этой статьи я привелъ нѣсколько восторженныхъ отзывовъ Бѣлинскаго объ огромномъ историческомъ и общественномъ значеніи «Евгенія Онѣгина». Теперь, разобравъ главные характеры романа, я могу рѣшить, по моему крайнему разумѣнію, вопросъ о томъ: оправдываются ли эти восторженные отзывы Бѣлинскаго дѣйствительными достоинствами «самаго задушевнаго произведенія» Пушкина? Бѣлинскій говоритъ, что «Онѣгина можно назвать энциклопедіей русской жизни». Эта поэма была, по его мнѣнію, «актомъ сознанія для русскаго общества, почти первымъ, по за то какимъ великимъ шагомъ впередъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ». (Т. VIII. Стр. 605). Если сознаніе общества должно состоять въ томъ, что бы общество отдавало себѣ полный и строгій отчетъ въ своихъ собственныхъ потребностяхъ, страданіяхъ, пред-

разсудахъ и порокахъ, то «Евгеній Онѣгинъ», ни въ какомъ случаѣ и ни съ какой точки зрѣнія, не можетъ быть названъ *актомъ сознанія*. Если движеніе общества впередъ должно состоять въ томъ, чтобы общество выясняло себѣ свои потребности, изучало и устраняло причины своихъ страданій, отрѣшалось отъ своихъ предразсудковъ и клеймило презрѣніемъ свои пороки, то «Евгеній Онѣгинъ» не можетъ быть названъ ни первымъ, ни великимъ, ни вообще какимъ бы то ни было *шагомъ впередъ* въ умственной жизни нашего общества. Что же касается до *боатырскаго размаха* и до *невозможности стоять на одномъ мѣстѣ* послѣ «Евгенія Онѣгина», то, разумѣется, читателю, при встрѣчѣ съ такими смѣлыми и чисто-фантастическими гиперболами, остается только улыбнуться, пожать плечами и припомнить то недалекое прошедшее, которое ежеминутно, какъ упорная и плохо вылеченная болѣзнь, даетъ себя чувствовать въ настоящемъ.—Отношенія Пушкина къ изображаемымъ явленіямъ жизни до такой степени пристрастны, его понятія о потребностяхъ и о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка и гражданина до такой степени смутны и неправильны, что «*любимое дитя*» пушкинской музы должно было дѣйствовать на читателей, какъ усыпительное питье, по милости котораго человѣкъ забываетъ о томъ, что ему необходимо помнить постоянно, и примиряется съ тѣмъ, противъ чего онъ долженъ бороться неутомимо. Весь «Евгеній Онѣгинъ»—ничто иное, какъ яркая и блестящая апофеоза самаго безотраднѣго и самаго бессмысленнаго *statu quo*. Всѣ картины этого романа нарисованы такими свѣтлыми красками, вся грязь дѣйствительной жизни такъ старательно отодвинута въ сторону, крупныя нечестности нашихъ общественныхъ нравовъ описаны въ такомъ величественномъ видѣ, крошечныя погрѣшности осмѣяны съ такимъ невозмутимымъ добродушіемъ, самому поэту живется такъ весело и дышется такъ легко,—что впечатлительный читатель непременно долженъ вообразить себя счастливымъ обитателемъ какой-то Аркадіи, въ которой съ завтрашняго же дня непременно долженъ водвориться золотой вѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія человѣческія страданія Пушкинъ съумѣлъ подмѣтить и счелъ необходимымъ воспѣть? Во-первыхъ,—скуку или хандру; а во-вторыхъ,—несчастную любовь, а въ третьихъ... въ третьихъ... больше ничего, больше никакихъ страданій не оказалось въ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Сначала Онѣгинъ

скачаетъ оттого, что онъ слишкомъ счастливъ, слишкомъ безгранично наслаждается всеми благами жизни; потомъ Татьяна страдаетъ оттого, что Онегинъ не хочетъ на ней жениться; потомъ Онегинъ страдаетъ оттого, что Татьяна не желаетъ сдѣлаться его любовницей. Значить, въ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ были два капиталные порока, два такіе порока, на которые величайшій поэтъ Россіи непременно долженъ былъ обратить свое просвѣщенное вниманіе. Во-первыхъ, въ тогдашней Россіи было слишкомъ много благъ жизни, такъ что русскіе юноши могли объѣдаться ими, разстроивать себѣ желудки и, вслѣдствіе этого, впадать въ хандру. Во-вторыхъ, русскіе мужчины и русскія женщины были такъ устроены отъ природы, это они не всегда одновременно влюблялись другъ въ друга; случалось, напримѣръ, такъ, что женщина уже пламенѣетъ, а мужчина еще едва начинаетъ разогрѣваться; потомъ мужчина пылаетъ, а женщина уже сгорѣла до гла и гаснетъ. Такое неудобное устройство причиняло много огорченій какъ просвѣщеннымъ россиянамъ, такъ и очаровательнымъ россиянкамъ. Романъ Пушкина бросалъ яркій свѣтъ на обѣ главныя язвы русской жизни; такъ какъ этотъ романъ былъ *богатырскимъ размахомъ*, то стоять на одномъ мѣстѣ послѣ его появленія было уже невозможно, и русское общество, вникнувъ въ страданія Онегина и Татьяны, немедленно сдѣлало необходимыя распоряженія, во-первыхъ, на счетъ того, чтобы количество жизненныхъ благъ было приведено въ строгую соразмѣрность съ объемомъ юношескихъ желудковъ, а во-вторыхъ, на счетъ того, чтобы просвѣщенные россияне и очаровательныя россиянки воспламенялись взаимною любовью одновременно. Когда это равновѣсіе вошло въ надлежащую силу, тогда уничтожились хандра и несчастная любовь; въ Россіи водворился золотой вѣкъ; юноши стали кушать блага жизни съ благоразумною умѣренностью, а дѣвы, благодаря этимъ умѣреннымъ юношамъ, стали, въ надлежащее время, превращаться въ счастливыхъ жонъ и превосходныхъ матерей. Но золотой вѣкъ исчезъ, какъ легкое сновидѣніе; и смотрятъ юные потомки аркадскихъ жителей на богатырскій размахъ «Евгенія Онегина», какъ на совершенно несообразную грезу, которую, послѣ пробужденія, трудно не только понять, но даже и припомнить. И смекаютъ эти развращенные потомки, что если «Евгеній Онегинъ» есть энциклопедія русской жизни, то, зна-

читать, энциклопедія и русская жизнь нисколько другъ на друга непохожи, потому что энциклопедія—сама по себѣ, а русская жизнь—тоже сама по себѣ.—По нѣкоторымъ темнымъ преданіямъ и по нѣкоторымъ глубокимъ историческимъ изслѣдованіямъ, позволительно, напримѣръ, думать, что въ Россіи двадцатыхъ годовъ существовало то явленіе общественной жизни, которое извѣстно теперь подъ именемъ крѣпостного права. Интересно было бы знать, какъ отразилось это явленіе русской жизни въ энциклопедіи? Справляемся и узнаемъ, что Онѣгинъ, пріѣхавъ въ деревню, замѣнилъ яремъ старинной барщины легкимъ оброкомъ, и что мужикъ благословилъ судьбу; что старуха Ларина «служанокъ била, осердясь», «брила лбы» и «стала звать Акулькой прежнюю Селину»; что служанки, собирая ягоды, пѣли по барскому приказанію пѣсни для того, «чтобъ барской ягоды тайкомъ уста лукавыя не ѣли»; что «крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь»; что дворовый мальчикъ бѣгаетъ по двору, «въ салазки жучку посадивъ, себя въ коня преобразивъ»; что на святкахъ «служанки со всего двора про барышень своихъ гадали и имъ сулили каждый годъ мужевъ военныхъ и походъ». Вотъ и все, что мы можемъ почерпнуть изъ энциклопедіи касательно крѣпостного права. Надо сказать правду, на этихъ свѣденіяхъ лежитъ самый свѣтло-розовый колоритъ; помѣщикъ облегчаетъ положеніе мужика; мужикъ благословляетъ судьбу; мужикъ торжествуетъ при появленіи зимы; значить, любить зиму; значить, ему тепло зимой и хлѣба у него вдоволь; а такъ какъ русская зима продолжается, по крайней мѣрѣ, полгода, то, значить, мужикъ проводить въ торжествѣ и благодушествѣ, по крайней мѣрѣ, половицу всей своей жизни. Сынъ двороваго челоуѣка тоже ликуетъ и забавляется; значить, его никто не бьетъ, его хорошо кормятъ, тепло одѣваютъ и не превращаютъ съ малыхъ лѣтъ въ казачка, обязаннаго торчать на коникѣ въ лакейской и ежеминутно бѣгать то за носовымъ платкомъ, то за стаканомъ воды, то за трубкой, то за табакеркой. Свѣтло-розовый колоритъ немного помрачается тѣмъ неожиданнымъ извѣстіемъ, что Ларина была служанокъ; но, во-первыхъ, она ихъ била только осердясь; а сердилась она, вѣроятно, очень рѣдко и только за дѣло, потому что если бы она была способна сердиться часто и неосновательно, то, разумѣется, проницательный Онѣгинъ, пріятель и любимецъ автора энци-

клопедіи, не сказалъ бы о Лариной, что она «очень милая старушка». Во-вторыхъ, служанокъ нельзя было и не бить, потому что онѣ, какъ мы узнаемъ изъ той же энциклопедіи, были очень большія мерзавки; онѣ были способны похищать барскія ягоды, и барыня, для огражденія священной собственности и для предохраненія мерзкихъ служанокъ отъ гнуснаго преступленія, была принуждена утруждать свою барскую голову и придумывать то замысловатое средство, которое называется въ энциклопедіи *затѣю сельской остроты* и которое приучало служанокъ предпочитать высокія эстетическія наслажденія, какъ то, пѣніе, — низкимъ матеріальнымъ предметамъ, именно ягодамъ. Въ-третьихъ, служанокъ били не больно, потому что ни самые побои, ни воспоминанія объ оныхъ не мѣшали имъ проводить святки въ пѣснопѣніяхъ, въ которыхъ онѣ имѣли случай усовершенствоваться во время лѣта, при своихъ нерѣдкихъ столкновеніяхъ съ низкими матеріальными предметами, то есть, съ ягодами. И такъ, основываясь на свидѣтельствѣ энциклопедіи, мы имѣемъ полное право умозаключить, что крѣпостное право доставляло весьма много пользы и удовольствія какъ помѣщикамъ, такъ и мужикамъ. Помѣщики имѣли возможность обнаруживать свое великодушіе, мужики имѣли возможность учиться у нихъ безкорыстію, служанки развивали въ себѣ эстетическое чувство и способность нравственнаго самообладанія; словомъ, всѣ благоденствовали и взаимно совершенствовались другъ друга.

X.

Если вы пожелаете узнать, чѣмъ занималась образованнѣйшая часть русскаго общества въ двадцатыхъ годахъ, то энциклопедія русской жизни отвѣтитъ вамъ, что эта образованнѣйшая часть ѣла, пила, плясала, посѣщала театры, влюблялась и страдала то отъ скуки, то отъ любви. И только? Спросите вы. — И только! отвѣтитъ энциклопедія. — Это очень весело, подумаете вы, но не совсѣмъ правдоподобно. Неужели въ тогдашней Россіи не было ничего другого? Неужели молодые люди не мечтали о карьерахъ и не старались проложить себѣ, такъ или иначе, дорогу къ богатству и къ почестямъ? Неужели каждый отдѣльный человѣкъ былъ доволенъ

своимъ положеніемъ и не шевелилъ ни однимъ пальцемъ для того, чтобы улучшить это положеніе? Неужели Онѣгину приходилось презирать людей только за то, что они очень громко стучали каблуками во время мазурки? И неужели не было въ тогдашнемъ обществѣ такихъ людей, которые не задерживали мыслителей XVIII вѣка траурной тафтой и которые могли смотрѣть на Онѣгина съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ самъ Онѣгинъ смотрѣлъ на Буянова, Пустякова и разныхъ другихъ представителей провинціальной фауны? — На послѣдній вопросъ энциклопедія отвѣчаетъ совершенно отрицательно. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что Онѣгинъ на всѣхъ смотритъ сверху внизъ, и что на него самого не смотритъ такимъ образомъ никто. Всѣ остальные вопросы оставлены совершенно безъ отвѣта. За то энциклопедія сообщаетъ намъ очень подробныя свѣденія о столичныхъ ресторанахъ, о танцовщицѣ Истоминой, которая летаетъ по сценѣ, «какъ пухъ отъ устъ Эола», о томъ, что варенье подается на блюдечкахъ, а брусничная вода въ кувшинѣ; о томъ, что дамы говорили по русски съ грамматическими ошибками; о томъ, какіе стишки пишутся въ альбомахъ уѣздныхъ барышень; о томъ, что шампанское замѣняется иногда въ деревняхъ цымлянскимъ; о томъ, что котильонъ танцуетъ послѣ мазурки, и такъ далѣе. Словомъ, вы найдете описаніе многихъ мелкихъ обычаевъ, но изъ этихъ крошечныхъ кусочковъ, годныхъ только для записного антикварія, вы не извлечете почти ничего для физиологіи или для патологіи тогдашняго общества; вы рѣшительно не узнаете, какими идеями или иллюзіями жило это общество; вы рѣшительно не узнаете, что давало ему смыслъ и направление или что поддерживало въ немъ бессмыслицу и апатію. Исторической картины вы не увидите; вы увидите только коллекцію старинныхъ костюмовъ и причесокъ, старинныхъ прейсъ-курантовъ и афашъ, старинной мебели и старинныхъ ужимокъ. Все это описано чрезвычайно живо и весело, но вѣдь этого мало; чтобы нарисовать историческую картину, надо быть не только внимательнымъ наблюдателемъ, но еще, кромѣ того, замѣчательнымъ мыслителемъ; надо изъ окружающей васъ пестроты лицъ, мыслей, словъ, радостей, огорченій, глупостей и подлостей выбрать именно то, что сосредоточиваетъ съ себѣ весь смыслъ данной эпохи, что накладываетъ свою печать на всю массу второстепенныхъ явленій, что втискиваетъ

въ свои рамки и видоизмѣняетъ своимъ вліяніемъ всѣ остальные отрасли частной и общественной жизни: Такую громадную задачу дѣйствительно выполнилъ для Россіи двадцатыхъ годовъ Грибоѣдовъ; что же касается до Пушкина, то онъ даже не подошелъ близко къ этой задачѣ, даже не составилъ себѣ о ней приблизительно-вѣрнаго понятія. Начать съ того, что выборъ героя въ высшей степени неудаченъ. Въ такомъ романѣ, который долженъ изобразить въ данный моментъ жизнь цѣлаго общества, героемъ долженъ быть непременно или таковой человекъ, который сосредоточиваетъ въ своей личности смыслъ и типическія особенности *statu quo*, или такой, который носитъ въ себѣ самое сильное стремленіе къ будущему и самое ясное пониманіе настоящихъ общественныхъ потребностей. Другими словами: героемъ долженъ быть непременно или рыцарь прошедшаго, или рыцарь будущаго, но, во всякомъ случаѣ, человекъ дѣятельный, имѣющій въ жизни какую нибудь цѣль, толкающійся между людьми, суетящійся вмѣстѣ съ толпою, развертывающій и напрягающій, такъ или иначе, въ честномъ или въ безчестномъ дѣлѣ, всѣ силы своего ума и своей энергіи. Только жизнь такой активной личности можетъ показать намъ въ наглядномъ примѣрѣ достоинства и недостатки общественнаго механизма и общественной нравственности. За какими благами гонится большинство, какія средства ведутъ къ желанному успѣху, какъ относится къ различнымъ средствамъ общественное мнѣніе, изъ какихъ составныхъ элементовъ слагается это общественное мнѣніе, гдѣ кончается рутина и гдѣ начинается протестъ, каковы сравнительныя силы рутинеровъ и протестантовъ, какъ велико между ними взаимное ожесточеніе — всѣ эти и многіе другіе вопросы, которые необходимо должны быть поставлены и рѣшены въ энциклопедіи общественной жизни, могутъ быть затронуты только тогда, когда средоточіемъ всей картины будетъ сдѣланъ боецъ и работникъ, а не сонная фигура праздношатающагося шалопая. Чичикова, Молчалина, Калиновича можно сдѣлать героями историческаго романа, но Онегина и Обломова — ни подъ какимъ видомъ. Чичиковъ, Молчаливъ, Калиновичъ, какъ люди, чего-то добывающіеся, связаны съ обществомъ самыми крѣпкими узами, потому что они только въ обществѣ и посредствомъ общества могутъ осуществлять свои желанія: Заставляя ихъ идти по тому или по другому пути, заставляя ихъ въ одномъ

мѣстѣ солгать, въ другомъ слутовать, въ третьемъ произнести чувствительную рѣчь, въ четвертомъ отвѣсить низкій поклонъ, — общество обтесываетъ ихъ по своему образу и подобию, измѣняетъ ихъ характеры, опредѣляетъ ихъ понятія и понемногу приготовляетъ изъ нихъ типическихъ представителей даннаго времени, даннаго народа и данной среды. Напротивъ того, Онѣгинъ и Обломовъ, люди обеспеченные въ своемъ матеріальномъ существованіи и недаренные отъ природы ни великими умами, ни сильными страстями, могутъ почти совершенно отдѣлиться отъ общества, подчиниться исключительно требованіямъ своего темперамента и, такимъ образомъ, не отразить въ своемъ характерѣ ни дурныхъ, ни хорошихъ сторонъ даннаго общественнаго устройства. Эти люди, какъ отдѣльныя личности, не представляютъ рѣшительно никакого интереса для мыслителя, изучающаго физиологію общества. Они приобрѣтаютъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда они, по многочисленности, превращаются въ замѣтный статистическій фактъ. Если въ образованнѣйшей части какаго-нибудь общества встрѣчаются на каждомъ шагу сотни или тысячи Онѣгиныхъ и Обломовыхъ, то есть, людей, игнорирующихъ существованіе общества и неимѣющихъ никакого понятія ни о какихъ общественныхъ интересахъ, то, разумѣется, такой фактъ можетъ навести мыслящаго наблюдателя на очень поучительныя размышленія. Этотъ наблюдатель будетъ имѣть полное право подуматъ, что движеніе общественной жизни чрезвычайно вяло и слабо, потому что это движеніе не затягиваетъ въ себя и не увлекаетъ за собою тѣхъ людей, которые живутъ въ данномъ обществѣ. Но даже и въ этомъ случаѣ, мыслящему писателю не зачѣмъ приниматься за специальное изученіе расплодившихся Онѣгиныхъ и Обломовыхъ. Какъ бы они ни были многочисленны, они все-таки составляютъ пассивный продуктъ, а не дѣятельную причину общественнаго застоя. Не оттого въ погребѣ сыро, что въ немъ живутъ мокрицы, а оттого въ него набрались мокрицы, что въ немъ было сыро. А отчего сыро было — это уже другой вопросъ, при изслѣдованіи котораго мокрицы должны быть совершенно отодвинуты въ сторону. Не оттого общественная жизнь движется медленно, что въ обществѣ много Обломовыхъ и Онѣгиныхъ, а напротивъ того, Обломовы и Онѣгины расплодился въ обществѣ по той причинѣ, что общественная жизнь движется медленно. А почему она движется медленно —

это уже другой вопросъ, при изслѣдованіи котораго надо имѣть въ виду не Обломовыхъ и Онѣгинныхъ, а Чичиковыхъ, Молчалиныхъ, Калиновичей съ одной стороны, и Чацкихъ, Рудиныхъ, Базаровыхъ съ другой стороны. Такимъ образомъ, и въ произведеніи мыслящаго писателя, задумавшаго нарисовать картину даннаго общества, — фигуры, подобныя Онѣгину, могутъ быть допущены только какъ вводныя лица, стоящія на второмъ планѣ, какъ стоятъ, напримѣръ, Загорѣцкій и Репетиловъ въ комедіи Грибоѣдова. Первые мѣста, по всей справедливости, принадлежатъ Фамусову и Скалозубу, которые даютъ читателю ключъ къ пониманію цѣлаго историческаго періода, и которые, своими типическими и рѣзко обозначенными физиономіями, объясняютъ намъ и невпопункто Молчалина, и глупую сентиментальность Софьи, и бесплодное краснорѣчіе Чацкаго. Грибоѣдовъ, въ своемъ анализѣ русской жизни, дошелъ до той крайней границы, дальше которой поэтъ не можетъ идти, не переставая быть поэтомъ и не превращаясь въ ученаго изслѣдователя. Пушкинъ же, напротивъ того, даже и не приступалъ ни къ какому анализу; онъ съ полной искренностью и съ очень похвальной скромностью говоритъ въ VII главѣ «Онѣгина»: «пою пріятеля владова и множество его причудъ.» Дѣйствительно, въ этомъ и заключается вся его задача. Почему онъ обратилъ свое вниманіе именно на этого «пріятеля владова», а не на когонибудь другого, — объ этомъ вы его не спрашивайте. На то онъ и поэтъ, чтобы дѣлать въ области своего творчества все, что ему вздумается, не отдавая въ томъ отчета никому на свѣтѣ, ни даже самому себѣ. Чѣмъ объясняются причуды этого пріятеля — этимъ онъ также нисколько не интересуется. Если бы критики и публики поняли романъ Пушкина такъ, какъ онъ самъ его понималъ; если бы они смотрѣли на него, какъ на невинную и бездѣльную штучку, подобную «Графу Нулину» или «Домику въ Коломнѣ», если бы они не ставили Пушкина на мѣдесталъ, на который онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права, и не навязывали ему насильно великихъ задачъ, которыхъ онъ вовсе не умѣетъ и не желаетъ ни рѣшать, ни даже задавать себѣ, — тогда я и не подумалъ бы возмущать чувствительныя сердца русскихъ эстетиковъ моими непочтительными статьями о произведеніяхъ нашего такъ называемаго великаго поэта. Но, къ сожалѣнію, публика времени Пушкина была такъ неразвита, что принимала хорошіе стихи и яркія описанія за великія событія въ своей умственной жизни. Эта пу-

блика съ одинаковымъ усердіемъ переписывада и «Горе отъ ума», — одно изъ величайшихъ произведеній нашей литературы, и «Бахчисарайскій фонтанъ», въ которомъ нѣтъ ровно ничего, кромѣ пріятныхъ звуковъ и яркихъ красокъ. Спустя двадцать лѣтъ, за вопросъ о Пушкинѣ взялся превосходный критикъ, честный гражданинъ и замѣчательный мыслитель, Виссаріонъ Бѣлинскій. Кажется, такой человекъ могъ рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно и отвести Пушкину то скромное мѣсто, которое должно принадлежать ему въ исторіи нашей умственной жизни. Вышло, однако, наоборотъ. Бѣлинскій написалъ о Пушкинѣ одиннадцать превосходныхъ статей и рассыпалъ въ этихъ статьяхъ множество самыхъ свѣдѣлыхъ мыслей о правахъ и обязанностяхъ человека, объ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами, о любви, о ревности, о частной и объ общественной жизни, но вопросъ о Пушкинѣ въ концѣ концовъ оказался совершенно затѣненнымъ. Читателямъ, а быть можетъ, и самому Бѣлинскому, показалось, что именно Пушкинъ породилъ своими произведеніями всѣ эти замѣчательныя мысли, которыя, однако, цѣликомъ принадлежали критику и которыя, по всей вѣроятности, вовсе не понравились бы разбираемому поэту. Бѣлинскій преувеличилъ значеніе всѣхъ главныхъ произведеній Пушкина, и каждому изъ этихъ произведеній приписалъ такой серьезный и глубокий смыслъ, котораго самъ авторъ никакъ не могъ и не хотѣлъ въ нихъ вложить. Статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ сами по себѣ, какъ самостоятельныя литературныя произведенія, были чрезвычайно полезны для умственнаго развитія нашего общества; но какъ восхваленіи стараго кумира, какъ зазыванія въ старый храмъ, въ которомъ было много пища для воображенія и въ которомъ не было никакой пищи для ума, эти самыя статьи могли принести и дѣйствительно принесли свою долю вреда. Бѣлинскій любилъ того Пушкина, котораго онъ самъ себѣ создавъ; но многіе изъ горячихъ послѣдователей Бѣлинскаго стали любить настоящаго Пушкина, въ его натуральномъ и необлагорожанномъ видѣ. Они стали превозносить въ немъ именно тѣ слабыя стороны, которыя Бѣлинскій затуманивалъ или перетолковывалъ по своему. Вслѣдствіе этого, имя Пушкина сдѣлалось знаменемъ неправильныхъ романтиковъ и литературныхъ филистеровъ. Вся критика Аполлона Григорьева и его послѣдователей была основана на превознесеніи той всеобъемлющей любви, которою будто бы проникнуты всѣ произведенія Пуш-

нина. Превознося кроткаго и любвеобильнаго Пушкина, романтики и филистеры почти совершенно игнорируютъ Грибоѣдова и относятся почти враждебно къ Гоголю. Въ нѣкоторыхъ журналахъ не разъ высказывалось забавное мнѣніе, что Гоголь не зналъ великорусской жизни. Если прибавить къ этому, что нѣкоторые малороссійскіе писатели упрекаютъ Гоголя въ незнаніи малорусскаго быта, то окажется, что Гоголь совѣмъ ничего не зналъ, и что онъ произвелъ полный переворотъ въ русской литературѣ именно своимъ незнаніемъ. Восхищаясь своимъ возлюбленнымъ Пушкинымъ, какъ величайшимъ представителемъ филистерскаго взгляда на жизнь, наши романтики въ то же время прикрываются великимъ именемъ Бѣлинскаго, какъ надежнымъ громоотводомъ, спасающимъ ихъ отъ всякаго подозрѣнія въ филистерскихъ влусахъ и тенденціяхъ. Мы за одно съ Бѣлинскимъ, говорятъ романтики, а вы, нигилисты или реалисты,—вы просто самолюбивые мальчишки, старающіеся обратить на себя вниманіе публики вашими дерзкими отношеніями къ незабвеннымъ авторитетамъ. Благоговѣніе романтиковъ передъ Пушкинымъ доводитъ ихъ иногда до самыхъ смѣшныхъ и нелѣпныхъ крайностей. Аполлонъ Григорьевъ написалъ однажды, въ одномъ изъ своихъ писемъ, изданныхъ г. Страховымъ, что тремя послѣдними великими поэтами онъ считаетъ Байрона, Мицкевича и Пушкина. Довольно забавно уже то обстоятельство, что рядомъ съ Байрономъ поставлены Мицкевичъ и Пушкинъ. Это совершенно все равно, что поставить Кайданова и Смарагдава рядомъ съ Шлоссеромъ. Но еще гораздо забавнѣе то обстоятельство, что Мицкевичъ и Пушкинъ *попались* въ число великихъ поэтовъ, а Гейне *не попалъ*. Оно и понятно. Не заслуживаетъ онъ этой чести, потому что былъ свистуномъ и отрицателемъ. Понятно также, почему панегиристы Пушкина молчатъ о Грибоѣдовѣ и не долюбливаютъ Гоголя. И Грибоѣдовъ, и Гоголь стоятъ гораздо ближе къ окружающей насъ дѣйствительности, чѣмъ къ мирнымъ и тихимъ спальнямъ романтиковъ и филистеровъ. Такъ какъ борьба литературныхъ партій сдѣлалась теперь упорною и непримиримою, такъ какъ духомъ партіи обуславливаются теперь взгляды пишущихъ людей на прежнихъ писателей даже въ тѣхъ органахъ нашей печати, которые сами вопіютъ противъ духа партіи, то и реалисты, сражаясь за свои идеи, поставлены въ необходимость посмотреть повнимательнѣе, съ своей точки зрѣнія, на тѣ старые литературные кумиры и на тѣ почтен-

ныя имена, за которыя прятуются наши очень свирѣпые, но очень трусливые гонители. Мы надѣемся доказать нашему обществу, что старые литературные кумиры разваливаются отъ своей ветхости при первомъ прикосновеніи серьезной критики. Что же касается дочтеннаго имени Бѣлинскаго, то оно повернется противъ нашихъ литературныхъ враговъ. Расходясь съ Бѣлинскимъ въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ фактовъ, замѣчая въ немъ излишнюю довѣрчивость и слишкомъ сильную впечатлительность, мы, въ то же время, тораздобнее нашихъ противниковъ подходимъ къ его основнымъ убѣжденіямъ. Это обстоятельство выяснится вполне въ слѣдующей статьѣ моей о Пушкинѣ и Бѣлинскомъ, которыя я надѣюсь представить читателямъ въ непродолжительномъ времени..

Д. Писаревъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. Ж. Прудонъ. Литературныя Майораты. Спб. Изданіе Жиркевича и Зубарева. 1865.—Чтенія о полезныхъ и вредныхъ животныхъ. Карла Фонта. Спб. Изданіе Л. П. Шемунвой. 1865.—Классическіе иностранныя писатели въ русскомъ переводѣ. Книжка I. Содержаніе: Исповѣдь Руссо (Ч. I, вѣ. 1—3). Стернъ. Сантиментальное путешествіе. Лонгелло. Пьски о невольничествѣ. Спб. Изданіе Бакста. 1865.—Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Изданіе второе А. Н. Пыпина. Спб. 1865.

Въ числѣ лицъ, занимающихся теперь издательствомъ—а ихъ великое множество—встрѣчаются нерѣдко очень странные господа, но все же немного такихъ странныхъ, какъ гг. Жиркевичъ и Зубаревъ, издающіе Тюрю: «О законѣ произведенія половъ», «Уставъ о векселяхъ», «Сводъ Законовъ гражданскихъ» и Прудона. Уже одно это простое сопоставленіе изданій этихъ господъ способно привести въ изумленіе каждаго грамотнаго человѣка. Но еще любопытнѣе разсужденія этихъ господъ, которыя они предпосылаютъ своимъ изданіямъ. Выпуская въ свѣтъ «Литературныя Майораты» Прудона, они считаютъ долгомъ изъяснить въ предисловіи цѣль своего изданія. Пусть читатель не подумаетъ, что цѣль эта сколько нибудь матеріальна, что законы произведенія половъ и законы гражданскіе, разборы вексельныхъ и литературныхъ вопросовъ издаются гг. Жиркевичемъ и Зубаревымъ въ видахъ барыша. О, нѣтъ! Если брошюра Прудона удостоилась выбора этихъ господъ наравнѣ

съ вѣксельнымъ уставомъ, то это потому, что «вопросъ объ авторскомъ правѣ принадлежитъ у насъ, въ Россіи, къ числу непочатыхъ угловъ». Притомъ, издатели замѣчаютъ, что если бы вопросъ этотъ былъ знакомъ нашей публикѣ, то выборъ ихъ никогда не остановился бы на Прудонѣ, и они прибѣгли къ помощи этого знаменитаго имени только потому, что имъ надо, видите ли, возбудить вниманіе общества и «привлечь его (т. е. вниманіе) на извѣстный пунктъ.» «Извѣстный же пунктъ» и есть вопросъ объ авторскихъ правахъ, который издатели считаютъ нужнымъ поднять, и съ этой цѣлью пускаютъ въ ходъ Прудона, какъ трещотку.

Наивнѣе этого признанія трудно себѣ что нибудь представить, и оно ясно доказываетъ, какъ хорошо понимаютъ у насъ Прудона даже тѣ, кто берется переводить и издавать его сочиненія.

«Литературные Майораты» были написаны Прудономъ въ 1862 г. противъ намѣренія литераторовъ, поддерживаемаго правительствомъ, обратить право автора на свои сочиненія въ вѣчное и наследственное. Такое покушеніе было сдѣлано литераторами и юристами еще въ царствованіе Люи-Филиппа, и, въ свое время, противъ него возставалъ Люи-Бланъ. Само собою разумѣется, что если бы интересъ брошюры Прудона ограничивался только этимъ, то она не имѣла бы никакого значенія для нашей публики, потому что у насъ вопросъ объ авторскихъ правахъ еще очень долго можетъ оставаться «непочатымъ угломъ», по той простой причинѣ, что этихъ правъ почти некому предъявлять. Но брошюра Прудона имѣетъ другой, несравненно болѣе высокій интересъ. Это не только диссертація о размѣрахъ авторскихъ правъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и великолѣпный сатирическій очеркъ современнаго французскаго общества и особенно его литературы. Поэтому брошюрка эта будетъ читаться съ большимъ интересомъ даже тогда, когда причины препирательства объ авторскихъ правахъ давнымъ-давно прекратятся и прудоновскій тезисъ будетъ считаться самой старой и избитой истиной, ясной, какъ день. Тогда, конечно, всѣ доказательства Прудона будутъ казаться излишними и слишкомъ несомнѣнными; но тотъ фактъ, что ему приходилось возставать и бороться противъ покушенія обратить въ собственность автора его произведенія, будетъ очень интересенъ для оцѣнки современной французской литературы и правовъ французскаго общества. Этой маленькой брошюркою Прудонъ лучше охарактеризовалъ литературные и общественные нравы своей эпохи, чѣмъ могъ бы сдѣлать это какой нибудь Сентъ-Бѣфъ десятью томами.

Если бы было справедливо мнѣніе, что литература можетъ руководить обществомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что есть страны, гдѣ общества, благодаря литературѣ, давно бы уже находились въ такой ужасной трясинѣ, передъ которой ничто вся нынѣшняя ихъ грязь. Къ счастью, литература есть только фокусъ, гдѣ отражаются какъ самыя высочія, такъ и самыя безобразныя стороны общественной жизни.

Все это, разумѣется, гораздо рѣзче, чѣмъ гдѣ нибудь, замѣтно во французской литературѣ. Хотя тамъ не всѣ хорошія силы общества сосредоточились въ литературѣ, за то ни въ чемъ нѣтъ такого полного растлѣнія нравственнаго и такой непроходимой грязи, какъ именно въ ней. Прудонъ говоритъ съ своими современниками, не стѣсняясь. «Мы похожи на спутниковъ Улисса, говоритъ онъ, обращенныхъ феєю въ свиней и сохранившихъ человѣческія качества только на столько, чтобы обращать человѣка въ посмѣшище. Наша совѣсть похожа на тотъ грибокъ, который, выскочивъ осенью, распространяетъ зловоніе, почему престонародные остряки даютъ ему такое названіе, которое неудобно повторить въ печати. Мы осмѣиваемъ все, что прежде уважали; мы торгуемъ правомъ, долгомъ, свободою, общественнымъ порядкомъ, истиною, фантазіей; пускаемъ все въ оборотъ, какъ «заемныя письма или акціи желѣзныхъ дорогъ.» Все это, конечно, очень грустныя и непріятныя истины, но слова эти все еще слишкомъ мягки относительно литературныхъ дѣателей Франціи.

Въ прошломъ столѣтіи никто бы не повѣрилъ, что такому человѣку, какъ Прудонъ, придется биться съ своими соотечественниками,—изъ-за чего же? Изъ-за того, чтобы доказать имъ, что не всѣмъ на свѣтѣ можно торговать, что оцѣнивать и продавать свои убѣжденія—гнуснѣйшее преступленіе; что писатель, обладающій талантомъ или ученостью, не имѣетъ ничего общаго съ капиталистомъ; что, наконецъ, только цѣлымъ рядомъ униженій, наденій и подлостей можно было дойти до того, чтобы смотрѣть на литературу, какъ на источникъ доходовъ. Литературныя торговки всего этого не понимаютъ и пренаивно спрашиваютъ, что неужели же осудить писателя на нищету и голодъ? Рѣчь идетъ о томъ, что литература продажна, а на это задаютъ вопросы, въ родѣ тѣхъ, которые обсуждались у насъ въ 30-хъ годахъ, о томъ: прилично ли высокому сану писателя, глашатаю истины, получать плату за трудъ? Такія рыцарскія понятія о дѣятельности писателя далеко не соответствовали общему уровню общественной нравст-

венности и объясняются тѣмъ, что литература не получила въ то время еще полного права гражданства, не была еще признана необходимымъ органомъ общества, а считалась такою же забавою, какъ и балетное искусство. Но и теперь еще есть нѣкоторые пуристы, которые, по какой-то странной щепетильности, желали бы, чтобы писатель не получалъ никакого вознагражденія за свой литературный трудъ и для своего существованія занимался бы, сверхъ того, какимъ нибудь ремесломъ. Къ числу такихъ пуристовъ принадлежитъ и Люи-Бланъ, но въ этомъ нельзя не видѣть преувеличенія. Если Руссо жилъ перепискою нотъ, то я не знаю, какое преимущество имѣеть онъ передъ Прудономъ, получавшимъ средства къ жизни отъ продажи своихъ сочиненій. Не говоря уже о томъ, что писатель (я, конечно, предполагаю хорошаго), трудящійся на пользу общества, подобно всякому другому работнику, имѣеть право на обезпеченіе своего существованія,—не говоря уже объ этомъ, ясно также и то, что если бы бѣдный авторъ пожелалъ обнародовать свое сочиненіе, то, за недостаткомъ средствъ издать его самому, онъ былъ бы вынужденъ подарить его какому нибудь издателю. Это было бы, быть можетъ, очень великодушно и рыцарственно, но смѣшно и нелѣпо.

Если литература во Франціи пала очень низко и можетъ быть вся, безъ исключенія, названа продажною, то не потому, конечно, что писатели получаютъ вознагражденіе за свой трудъ, и не потому также, что вся она продана политическимъ партіямъ. Партіи, разумѣется, не могутъ купить всю литературу; да если бы и могли, то не захотѣли бы. Большая часть ея такъ пошла, что рѣшительно никому ненужна. Прудонъ совершенно справедливо говоритъ, что продажна не та только литература, которая прямо на жалованьи у различныхъ партій, но и такъ называемая независимая.

Вотъ въ томъ-то и дѣло. Литература становится продажною, слѣдовательно унижается и падаетъ, когда писатель смотритъ на свою дѣятельность какъ на источникъ дохода, который онъ старается, по возможности, эксплуатировать и оберегать; когда для писателя становится безразлично то, что онъ говоритъ и о чемъ онъ говоритъ, тогда весь вопросъ для него въ томъ, чтобы говорить то, что выгоднѣе, и такъ, какъ выгоднѣе. Здѣсь разница будетъ уже не велика: будетъ ли онъ говорить совершеннаго гнусности, чтобы получить выгоду, или только не будетъ говорить той правды, которую понимаетъ и видитъ, изъ опасенія убытковъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, значить, для него теряетъ важ-

ность его собственная дѣятельность; онъ не помышляетъ о томъ, чтобы говорить истину, а лишь о тѣхъ докладахъ или убыткахъ, которые приносятъ ему его сочиненія. Не мудро, что когда на литературу смотрятъ, какъ на землю, домъ, аренду, ферму или лавку, то кончаютъ тѣмъ, что начинаютъ разсуждать объ обращеніи авторскихъ правъ въ вѣчную и наследственную собственность. Не мудро, наконецъ, что предлагаютъ ввести и налогъ на литературную собственность.

Какое вліяніе имѣетъ это положеніе на внутреннее достоинство литературы — можно себѣ представить. Можно себѣ представить, какъ далеко ушло бы человѣчество, если бы Коперникъ и Галилей смотрѣли на науку, какъ на источникъ дохода; если бы Спиноза, Руссо и, наконецъ, самъ Прудонъ помышляли только о полученіи наибольшаго оброка съ своего генія. «Писатель, говоритъ Прудонъ, долженъ понять, что служить истинѣ, ради ея самой, печатать только истину, — значить возстановлять противъ себя весь свѣтъ; что личный интересъ заставляетъ писателя стать на сторону той или другой изъ властей, служить извѣстному кружку, партіи; что прежде всего нужно научиться не затрогивать предразсудковъ, личныхъ интересовъ и самолюбія людей. Вслѣдствіе ложнаго взгляда на свое назначеніе, писатель будетъ слѣдить за всѣми колебаніями общественнаго мнѣнія, сообразоваться со всѣми видоизмѣненіями моды; онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы удовлетворить вкусу, настроенію общества въ данную минуту; будетъ урить фирмамъ и извлекать свою выгоду изъ всякой подлости».

И чтобы напомнить знакомыя намъ черты, прибавимъ, что такимъ поведеніемъ можно даже хвалиться громогласно, — словомъ, окончательно можно утвердиться въ этой позиціи. И если общество закрываетъ глаза на такія явленія или даже поощряетъ ихъ, то все это становится нормальнымъ и естественнымъ. Сказала же недавно одна газета въ передовой статьѣ, тономъ, недопускающимъ возраженія, что на вниманіе общества могутъ расчитывать только такія изданія, у которыхъ много подписчиковъ или читателей; а что прочія, какъ «неимѣющія, въ обществѣ корней» и лишеныя всякаго вліянія на общество, могутъ вовсе не приниматься въ расчетъ. Стало быть, ясно, и говорить тутъ больше, нечего: если общество сбилось съ пути и залѣзло въ болото, если оно заблуждается, ошибается или находится въ самодовольномъ невѣжествѣ, — не думайте указывать ему его ошибки или просвѣщать его — Боже васъ ушаси! Такихъ рѣзкихъ голдсовъ, во-

первыхъ, не любить, особенно имѣя цѣлую толпу льстецовъ и хвалителей, и потому у васъ будетъ мало читателей. Какое дѣло, что вы, быть можетъ, не понравились обществу тѣмъ, что открыли какой нибудь міровой законъ, идущій въ разрѣвъ съ его предразсудками? Достаточно того, что оно не слушаетъ васъ; слѣдовательно, вы не имѣете въ немъ корней и потому бесполезны: убирайтесь же вонъ.

«Такимъ-то образомъ, продолжаетъ Прудонъ, литература наша упала очень низко. Забывши, что главнымъ, руководящимъ принципомъ ея должно быть самопожертвованіе, и погнавшись за барышами, она, менѣе чѣмъ въ полвѣка, изъ литературы искусственной обратилась сначала въ литературу скандаловъ, а потомъ въ лизоблудствующую. Много ли у насъ людей, думающихъ, что назначеніе литературы заключается въ защитѣ права, нравственности, что внѣ подобнаго назначенія немислима дѣятельность генія? Была ли литература когда нибудь такъ пуста, какъ въ настоящее время, не смотря на обиліе поучительныхъ событій?—Въ то время, когда ей слѣдовало бы идти за вѣкомъ и развиваться, она пятится назадъ. Преклоняясь передъ золотымъ тельцомъ, литераторъ заботится только о томъ, чтобы извлечь наиболѣе процентовъ изъ своего литературнаго капитала, и для этой цѣли добровольно обезображиваетъ себя. Онъ забываетъ, что подобныя средства ведутъ къ опошленію души и убиваютъ геній; что литераторъ становится въ такомъ случаѣ простымъ наемникомъ и что въ подобномъ случаѣ все равно, кто бы не платилъ ему—издатель или политическая партія.»

Вся французская литература послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ свободныхъ голосовъ, даетъ полное подтвержденіе и оправданіе этимъ словамъ, и трудно рѣзче, но вѣрнѣе охарактеризовать ее, чѣмъ слѣдующими словами Прудона:

«Въ наше время рѣдко пишутъ по вдохновенію; писатель, у котораго встрѣчаются оригинальныя мысли, облскаемыя въ оригинальныя же формы, можетъ считаться фениксомъ; за то мы отлично умѣемъ прикрывать пустоту содержанія формами, заимствованными у великихъ художниковъ, скопированными съ знаменитыхъ оригиналовъ. Все у насъ продажно, изъ всего мы умѣемъ сдѣлать ремесло. Мы стоимъ ниже бродягъ,—мы впади въ проституцію, и трудно рѣшить, можно ли поставить толпу нашихъ голодныхъ литераторовъ выше тѣхъ несчастныхъ танцовщицъ, которымъ директоры театровъ платятъ по 2 франка за вечеръ, или даже и ничего не

платать, такъ какъ онѣ довольны и тѣмъ, что имѣютъ случай показать публикѣ свои прелести: эти несчастныя женщины торгуютъ своимъ тѣломъ, но, по крайней мѣрѣ, не искусствомъ. Онѣ, по крайней мѣрѣ, могутъ сзавать съ Лубреціей: *Corpus tantum violatum, animus insons.*»

Что же, касается до главнаго предмета брошюры Прудона, то нечего и говорить, что онъ разобранъ авторомъ съ его обычной многосторонностью, глубиною и ясностью. Однако, я не буду говорить о немъ, потому что это слишкомъ специальный вопросъ, и притомъ, что бы ни говорили гг. Жиркевичъ и Зубаревъ,—слишкомъ чуждый насъ. Если бы даровать нашимъ писателямъ право собственности на ихъ произведенія, то не оказалось бы и десяти собственниковъ; да притомъ, и изъ нихъ-то куда какъ незавидно быть собственникомъ произведеній Бугарина, Сумарокова, Озерова и тому подобныхъ. Притомъ, я и безъ того слишкомъ долго, по размѣрамъ моего *Листка*, остановился на той части «Литературныхъ Майоратовъ», которая имѣетъ интересъ для нашихъ читателей.

«Уже десять лѣтъ тому назадъ, говоритъ К. Фогтъ въ предисловіи къ русскому изданію Л. П. Шелгуновой своей книжки: «О полезныхъ и вредныхъ животныхъ»,—управленіе женеваго кантона ввело у себя публичныя лекціи, которыя читаются зимою и доступны на которыя открытъ рѣшительно всѣмъ возрастамъ, состояніямъ и поламъ. Ни одна отрасль наукъ не оставляется безъ вниманія, и каждому читающему, какъ по историческимъ, такъ и по социальнымъ и точнымъ наукамъ, дается до десяти лекцій, въ которыхъ онъ развиваетъ или отдѣльный вопросъ, или цѣлую отрасль своей науки. Такимъ образомъ, былъ обойденъ обычный камень преткновенія, заключающійся въ академическомъ разглагольствованіи, и получена возможность представить обширному кругу слушателей въ нѣсколько лекцій всѣ важнѣйшіе вопросы и настоящій методъ разрѣшенія. Эти вечернія бесѣды сильно укоренились въ привычкахъ женевакихъ жителей, и ихъ можно въ самомъ дѣлѣ поставить въ образецъ для устройства подобныхъ же чтеній въ другихъ городахъ».

На этихъ-то бесѣдахъ были читаны лекціи Карла Фогта: «О вредныхъ и полезныхъ животныхъ», появившіяся теперь въ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ къ нему автора. Все, что говорится въ приведенныхъ строкахъ о цѣли, пользѣ и выгодахъ такихъ лекцій, вполне достигнуто и выполнено Фогтомъ въ его бесѣдахъ. Что

предметъ ихъ довольно важенъ, это ясно, потому что невѣжество въ самыхъ обыденныхъ отношеніяхъ человѣка къ природѣ дѣлаетъ ему много вреда. Когда человѣкъ по незнанію и грубымъ предразсудкамъ уничтожаетъ животныхъ, истребляющихъ враговъ его, то этимъ онъ все равно, что разводитъ послѣднихъ. Между тѣмъ, такіе предразсудки далеко не рѣдкость; всѣмъ извѣстно, какъ дѣятельно преслѣдуются въ деревняхъ совы, кроты, жабы, летучія мыши и другія полезныя человѣку животныя. Слѣдовательно, было бы очень важно въ практическомъ отношеніи устранить столь вредныя предразсудки и научить людей отличать между животными друзьями отъ враговъ. Популярный характеръ предмета и увлекательное, простое изложеніе дѣлаютъ поэтому женевскія лекціи Фогта интересными для всѣхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, профессоръ Фогтъ не только ученый, но и очень талантливый писатель.

Причина, по которой человѣкъ получилъ нелѣпыя предубѣжденія, неискореняемыя вѣками, противъ и за многихъ животныхъ, часто весьма оригинальна. Безобразная наружность, подозрительный ночной образъ жизни, непріятный голосъ, нѣкоторыя странныя привычки, поселившія недовѣрчивость къ животному, внушаютъ о немъ человѣку самое невыгодное мнѣніе, порождаютъ тѣмъ нелѣпыхъ выдумокъ и побуждаютъ людей преслѣдовать животныхъ, возбудившихъ въ нихъ такую антипатію къ себѣ. Невинное или даже полезное существо начинаютъ считать вреднымъ, опаснымъ, жестокимъ; дѣятельнаго союзника и друга человѣка принимаютъ за страшнаго врага, кровопійцу; ему приписываютъ разныя зловредныя вліянія или ужасныя преступленія. Съ другой стороны, нерѣдко красивая наружность, блестящій, беззаботный видъ или какія нибудь другія внѣшнія достоинства вводятъ людей въ горькій обманъ и даютъ между ними право гражданства самымъ вреднымъ непріятелямъ ихъ. Иногда же животное начинаетъ пользоваться блистательною репутаціей безъ всякой видимой причины, хотя не имѣетъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ достоинствъ и, по видимому, совершенно неспособно возбудить симпатію. Таковы, на примѣръ, аистъ, мнимыя семейныя добродѣтели котораго изображаются на бубновыхъ тузахъ. Вообще же люди оказываютъ не болѣе справедливости животнымъ, чѣмъ и самимъ себѣ. Если ни на чемъ неоснованныя повѣрія доставили прекрасную репутацію многимъ вреднымъ животнымъ, то же самое происходитъ и въ человѣческихъ обществахъ. Подобно тому, какъ сельскіе хозяева покровительствуютъ вреднымъ сорокамъ и апстамъ и преслѣдуютъ полезныхъ кротовъ и ежей, такъ точно, въ су-

жденіакъ другъ о другѣ, люди превозносятъ такихъ же вредныхъ тварей и преслѣдуютъ злословіемъ дѣятелей полезныхъ. Безчисленные курсы всемірной и разныхъ частныхъ исторій вполне достаточно доказываютъ это. Мы видимъ изъ нихъ, что всегда прославляются биржевые спекуляторы, поэты, — словомъ, лица, играющія въ человѣческомъ обществѣ роль тли, майскихъ жуковъ, востовъ и сорокъ. Изъ среды зоологовъ и даже просто образованныхъ сельскихъ хозяевъ раздаются теперь голоса противъ многихъ мнимыхъ друзей человѣка. Но между историками и публицистами такіе протесты слышатся теперь гораздо рѣже, чѣмъ прежде, и теперь тля и слоники болѣе въ чести, чѣмъ когда-либо. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи, правильный взглядъ на дѣятельность той или другой породы несравненно важнѣе, чѣмъ въ сельско-хозяйственномъ быту. А пока вся эта нечисть въ человѣческихъ обществахъ, видя поощреніе себѣ, становится необыкновенно нахальна; въ очю видимъ, какъ она собирается публично ѣсть семитысячные обѣды, да еще псоветь цѣлый городъ смотрѣть на нее, какъ она будетъ уписывать, и за ѣдой говорить сама себѣ разные комплименты. Слѣдуетъ поэтому желать въ обществѣ здравыхъ экономическихъ и политическихъ понятій, чтобы оно могло, наконецъ, отличать полезныхъ членовъ своихъ отъ вредныхъ.

Тѣ же лекціи Фогта изданы и Вольфомъ подъ нѣскольکو другимъ заглавіемъ. Но это изданіе почему-то не совсѣмъ полное и въ немъ много пропусковъ, какъ въ текстѣ, такъ и въ рисункахъ.

Г. Баксту пришла въ голову счастливая мысль знакомить нашу публику съ классическими произведеніями иностранныхъ литературъ. Конечно, при нынѣшней потребности въ переводахъ иностранныхъ сочиненій, такое предпріятіе должно было необходимо возникнуть; изъ новѣйшихъ сочиненій, являющихся въ русскихъ переводахъ, многія могли бы оставаться въ оригиналѣ; но если мы знакомимся съ такой жадностью съ иностранными писателями, то, конечно, должны распространить наше любопытство на тѣ великія произведенія нынѣшняго и прошлыхъ вѣковъ, вліяніе которыхъ отразилось и отражается на всѣхъ европейскихъ литературахъ, а слѣдовательно, и на нынѣшнихъ писателяхъ. Сочиненія Руссо, Вольтера, Дидро, Лапласа, Свифта, Лессинга, Берне и другихъ великихъ писателей Европы непремѣнно должны сдѣлаться доступны всей русской публикѣ, и, вѣроятно, всякому случалось удивляться,

что у нас издавали такія, напр., убожества, какъ книгу Ю. Шмидта о французской литературѣ, вмѣсто того, чтобы знакомить публику съ тѣми немногими произведеніями, въ которыхъ выразился весь геній новѣйшей цивилизаціи. Расположеніе плохихъ книгъ ни къ чему путному не ведетъ; я ужь не говорю о томъ, какъ скучно читать такія вещи, какъ, напр., компиляцію Шмидта; но главное дѣло въ томъ, что скуку эту приходится терпѣть совершенно бесполезно, такъ какъ усердное чтеніе плохихъ книгъ скорѣе притупляетъ, чѣмъ развиваетъ умъ. Цѣлая библіотека такихъ сочиненій, какъ Шмидтъ, Маколэ, Куно Фишеръ, Молинали, даже Гервинусъ, не принесетъ читателю такой пользы, какъ, напр., самый небольшой трактатъ Бентама.—Всѣ книги, которыя я только-что назвалъ, говорятъ, хорошо расходятся; я слышалъ, что Маколэ многіе начитаются не могутъ и не хвалятся. Это очень убѣдительно доказываетъ, что чтеніе такихъ книгъ ровно ничѣмъ не отличается отъ чтенія Вальтеръ-Скотта или отъ раскладыванія грань-пашьянса. Между тѣмъ, сочиненія такихъ писателей, какъ Бентамъ или Руссо, имѣютъ уже то достоинство, что большинство ихъ совсѣмъ читать не станетъ; тѣ же люди, которые прочтутъ ихъ, вынесутъ изъ нихъ громадный запасъ мыслей, и чтеніе такой книги есть эпоха въ жизни; оно производитъ въ члѣвкѣ глубокой и коренной переворотъ, истребляетъ въ немъ множество ложныхъ понятій и даетъ ему, въ замѣнъ того, столько же правильныхъ возрѣній. Такія сочиненія равно плодотворно дѣйствуютъ на мыслящаго читателя, какъ своей правдой, такъ и ошибками. Какъ же намъ не имѣть ихъ на русскомъ языкѣ, когда мы имѣемъ Шмидта, Поль-де-Кововъ и цѣлое семейство Дюма; когда не проходитъ почти дня, чтобы не явился какой нибудь Вундтъ или другая ерунда въ томъ же родѣ?

Но было бы совершенно невозможно издавать классическихъ писателей въ русскомъ переводѣ такъ, какъ издаются они на отечественныхъ языкахъ. Невозможно же, въ самомъ дѣлѣ, издавать всѣ 70 томовъ полнаго собранія сочиненій Вольтера! Нельзя же издавать Руссо цѣликомъ, не исключая даже музыкальныхъ трактатовъ его! Такія изданія и на оригинальныхъ-то языкахъ неудобны, потому что стоятъ очень дорого и совершенно бесполезны для большинства. Поэтому, масса публики, неимѣющая возможности имѣть громадныхъ библіотекъ, и во Франціи очень охотно раскупаетъ такія изданія классическихъ писателей, какъ, напр., Шарпантье, гдѣ помѣщаются только важнѣйшія произведенія, а весь баластъ, инте-

ресный преимущественно для библиофиловъ и историковъ литературы, выкидывается. Г. Бакстъ, понявъ это, хотѣлъ издавать только важнѣйшія проваведенія классическихъ писателей; но, къ сожалѣнію, онъ выполнилъ эту мысль очень неудачно.

Прежде всего изданію повредило то, что издатель сдѣлалъ его періодическимъ, превратилъ въ какой-то журналъ, въ родѣ «Заграничнаго Вѣстника», но безъ фельетона. Въ объявленіи объ этомъ журналѣ издатель поступилъ съ крайней беззащитчивостію; взявъ Булье или другой словарь, онъ просто выписалъ всѣ сколько нибудь извѣстныя въ литературѣ имена, отъ древне-греческихъ трагиковъ до нынѣ живущихъ писателей, и объявилъ, что издастъ всѣ произведенія ихъ, пользующіяся извѣстностью. Это ужъ слишкомъ безцеремонно, потому что такое предпріятіе совершенно невозможно, и теперь остается только, чтобы кто нибудь объявилъ, что издастъ все, что ни есть печатнаго. Оба обѣщанія въ сущности одинаково заслуживаютъ довѣрія.—Затѣмъ Бакстъ, открывъ подписку, обязался непременно издать въ годъ 12 книжекъ, помѣщая въ каждой отдѣльное произведеніе. Однако, поставивъ свое изданіе въ журнальныя условія, онъ былъ принужденъ въ первой же книжкѣ измѣнить это обѣщаніе, «вслѣдствіе заявленія многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, выразившихъ желаніе, чтобы книжки составлялись разнообразнѣе»,—какъ онъ изъясняетъ. Такимъ образомъ, въ первой книжкѣ находимъ кусокъ «Исповѣди» Руссо, «Сентиментальное путешествіе» Стерна и нѣсколько стихотвореній Лонгфелло. Но такъ какъ «Заграничный Вѣстникъ» за ту же цѣну даетъ книжки полнѣе и разнообразнѣе, сопровождаемыя притомъ интереснымъ фельетономъ, то я не понимаю, какія преимущества имѣетъ передъ нимъ изданіе Бакста, въ своемъ настоящемъ видѣ. Вѣдь и въ «Заграничномъ Вѣстникѣ» могутъ помѣщаться и даже обѣщано помѣщать нѣкоторыя произведенія классическихъ писателей. Словомъ, онъ имѣетъ всѣ преимущества, какъ журналъ, передъ «Классическими иностранными писателями». И хороши должны быть подписчики, на увѣщанія которыхъ сдался г. Бакстъ. *Вообразите себѣ, что вы получаете книжку съ какимъ нибудь серьезнымъ сочиненіемъ, напр., *Contrat social* или «Софизмы» Бентама, или что нибудь въ этомъ родѣ, и на половинѣ трактата, когда вы вполнѣ заинтересованы, увлечены, когда всѣ мысли ваши поглощены великимъ вопросомъ, разбираемымъ авторомъ,—г. издатель вдругъ говоритъ вамъ: *до слѣдующаго номера* и предлагаетъ, вмѣсто рѣшенія вопроса, какія нибудь стихотворенія! Нечего сказать, приятно!

Поэтому, такъ какъ изданіе такихъ писателей, которыхъ предпринялъ издавать г. Бакстъ, очень желательно, то я совѣтую ему отказаться совершенно отъ журнальной формы и издавать ихъ, какъ слѣдуетъ, каждаго особой книжкой, выбирая, конечно, только важнѣйшія сочиненія. Иначе трудно предсказать г. Баксту успѣхъ.

Мнѣ особенно пріятно поговорить съ читателемъ объ одной небольшой книжкѣ, гдѣ, десять лѣтъ тому назадъ, были изложены главныя основанія того взгляда на искусство и отношеніе его къ дѣйствительности, которому мы слѣдуемъ. Книжка эта, озаглавленная: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», вышла недавно вторымъ изданіемъ, чему можно искренно порадоваться.

Старые эстетики разсуждаютъ о происхожденіи искусства такимъ образомъ: человѣкъ чувствуетъ непреодолимое стремленіе къ прекрасному, но не находитъ его въ дѣйствительности; поэтому онъ самъ создаетъ предметы и явленія истинно-прекрасныя, вполнѣ удовлетворяющіе его стремленію. Произведенія искусства несравненно прекраснѣе предметовъ, представляемыхъ дѣйствительностью; поэтому они одни могутъ удовлетворить эстетической потребности человѣка,—потребности вполнѣ нормальной и законной. Слѣдовательно, искусство имѣетъ полное и неоспоримое право на существованіе, какъ средство удовлетворить одной изъ первыхъ потребностей человѣка. Противъ всего этого вооружается авторъ «Эстетическихъ отношеній». Опровергая эстетическое опредѣленіе прекраснаго, онъ доказываетъ, что подъ прекраснымъ должно разумѣть «то, въ чемъ человѣкъ видитъ жизнь, — прекрасное есть жизнь». Человѣческое стремленіе къ нему должно выражаться не иначе, какъ радостною любовью ко всему живому,—а такое чувство, конечно, можетъ удовлетворяться только живою дѣйствительностью. Остановимся пока на этомъ и посмотримъ, что изъ этого слѣдуетъ.

И эстетики, и авторъ равно признаютъ въ человѣкѣ стремленіе къ прекрасному, т. е. къ наслажденію, потому что человѣкъ стремится къ прекрасному потому, что оно доставляетъ ему наслажденіе, для того, чтобы наслаждаться имъ.

Но эстетики отрицаютъ, чтобы сама жизнь, сама дѣйствительность могла удовлетворить этому стремленію, и для удовлетворенія его создаютъ искусство. Между тѣмъ, реалистъ утверждаетъ, что въ дѣйствительности нѣтъ истинно-прекраснаго, что она вполнѣ удовлетворяетъ человѣческое стремленіе къ прекрасному. Это утвер-

жденіе равносильно уже отрицанію искусства, потому что имъ вполне доказывается его бесполезность. Пояснимъ примѣромъ. Человѣку нравятся извѣстныя условія мѣстности, извѣстное сочетаніе въ данной мѣстности горь, холмовъ, воды, растительности. Никто не сомнѣвается, что красивая мѣстность, съ яснымъ небомъ, чистой водою и воздухомъ, веселой, здоровой растительностью, яркими цвѣтами, мѣстность, исполненная жизни, нравится человѣку, доставляетъ ему наслажденіе. Въ этомъ согласны всѣ, и всѣ равно признаютъ, что наслажденіе этимъ вполне естественно и нормально. Но эстетика утверждаютъ, что дѣйствительность не представляетъ или представляетъ очень рѣдко всѣ условія, необходимыя для полнаго наслажденія; они говорятъ, что такія условія возможны только благодаря искусству; что полное наслажденіе прекраснымъ пейзажемъ можно получить только тогда, когда онъ изображенъ на полотнѣ рукою художника. Между тѣмъ, реалистъ говоритъ, что дѣйствительность вполне способна удовлетворить человѣка съ нормальными, неизвращенными вкусами и желаніями; что въ ней онъ на каждомъ шагѣ можетъ встрѣтить прекрасное и наслаждаться имъ, и въ ея ни въ чемъ не найдетъ такого полнаго удовлетворенія своему стремленію къ наслажденію. Кажется, послѣ этого не можетъ быть уже и рѣчи объ искусствѣ, потому что если оно не можетъ дать того, что даетъ природа, дѣйствительность, то къ чему же оно? Отъ добра—добра не ищутъ, а тѣмъ болѣе отъ полнаго наслажденія—слабой тѣни его! Все это какъ-то странно даже договаривать, потому что это ясно, какъ день, коль скоро допустить, что «дѣйствительность выше искусства». Поэтому не мудрено, что эстетика до сихъ поръ не хотятъ идти на компромиссъ съ такимъ мнѣніемъ, разрушающимъ въ прахъ всю теорію искусства. Трудно придумать, какой тутъ можетъ быть компромиссъ; притомъ онъ совершенно ненуженъ, потому что я не знаю, какія еще старыя дѣвы могутъ теперь раздѣлять отжившія эстетическія заблужденія? Авторъ «Эстетическихъ отношеній», писавшій свою диссертацию въ эпоху, когда эти заблужденія считались неприкосновеннѣйшими истинами, посвятилъ большую часть своей книги единственно доказательству этого столь несомнѣннаго теперь для насъ положенія: *дѣйствительность выше искусства*. Если же кто и теперь еще продолжаетъ твердить старое, то съ нимъ уже разговаривать не стоитъ: дать ему нарисованный обѣдъ, вмѣсто грубаго матеріальнаго, поженить его на какой нибудь эрмитажной богинѣ—и пусть его пшеть эстетическія критики.—Любопытно знать, долго ли выдержитъ?

Впрочемъ такой опытъ совершенно бесполезенъ: и безъ него можно навѣрное сказать, что ни одинъ эстетикъ еще не удовлетворялся искусствомъ, хотя бы онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ произведеніями его. Ни одинъ еще эстетикъ не довольствовался созерцаніемъ яблока нарисованнаго, но постоянно всѣ они обнаруживали склонность полакомиться настоящимъ; ни одинъ не довольствовался статуями Венеры, но обыкновенно всѣ влюблялись въ женщинъ съ плотью и кровью, со всѣми атрибутами неизящной дѣйствительности; а если бы кто нибудь похвалился, что былъ въ этомъ отношеніи постоянно вѣренъ принципамъ эстетики, то его слѣдовало бы взять и лечить. Впрочемъ, между эстетиками и паціентами существуетъ та же разница, какъ между теоретиками и практиками: одни проповѣдуютъ тотъ принципъ, въ силу котораго другіе дѣйствуютъ.

Теперь для насъ совершенно очевидна нелѣпность эстетическихъ теорій, о которыхъ еще лѣтъ черезъ десять будутъ говорить, какъ говорятъ теперь о мнѣніи, будто міръ стоитъ на четырехъ китахъ, или будто холера ходитъ на курьихъ ножкахъ. Мы такъ ясно видимъ всю несостоятельность этихъ дряблыхъ эстетиковъ, что съ изумленіемъ должны спросить себя: на чемъ же основывался ихъ успѣхъ, откуда, изъ какихъ причинъ взялись всѣ эти бредни и чѣмъ онѣ такъ долго держались?

Авторъ «Эстетическихъ отношеній» представляетъ три причины этому, которыя вполне удовлетворительно объясняютъ дѣло. Первая причина высокаго мнѣнія объ искусствѣ заключается, какъ онъ говоритъ, въ наклонности человѣка чрезвычайно высоко цѣнить трудность дѣла и рѣдкость вещи; вторая—въ томъ, что человѣкъ гордится произведеніями искусства, считая ихъ близкими себѣ, видя въ нихъ доказательство своего ума. Третья, наконецъ, причина состоитъ въ томъ, что искусство нравится нашему испорченному вкусу, «льститъ нашему искусственному вкусу», какъ выражается авторъ. Впрочемъ все, что онъ говоритъ объ этой третьей причинѣ благоговѣнія передъ искусствомъ, такъ замѣчательно, что я считаю не лишнимъ привести это мѣсто цѣликомъ: «Причины пристрастія къ искусству, нами приведенныя (т. е. двѣ первыя), говоритъ онъ, заслуживаютъ уваженія, потому что онѣ естественны: какъ человѣку не уважать человѣческаго труда, какъ человѣку не любить человѣка, не дорожить произведеніями, свидѣтельствующими объ умѣ и силѣ человѣка? Но едва ли заслуживаетъ такого уваженія третья причина предпочтительной любви нашей къ искусству. Искусство

льстить нашему искусственному вкусу. Мы очень хорошо понимаемъ, какъ искусственны были нравы, привычки, весь образъ мыслей времени Людовика XIV; мы приблизились къ природѣ, гораздо лучше понимаемъ и цѣнимъ ее, нежели понимало и цѣнило общество XVII вѣка; тѣмъ не менѣе, мы еще очень далеки отъ природы; наши привычки, нравы, весь образъ жизни и, вслѣдствіе того, весь образъ мыслей еще очень искусственны. Трудно видѣть недостатки своего вѣка, особенно когда эти недостатки стали слабѣе, чѣмъ были въ прежнее время; вмѣсто того, чтобы замѣчать, какъ много еще въ насъ изысканной искусственности, мы замѣчаемъ только то, что XIX вѣкъ стоитъ въ этомъ отношеніи выше XVII, лучше его понимая природу, и забываемъ, что ослабѣвшая болѣзнь не есть еще полное здоровье. Наша искусственность видна во всемъ, начиная съ одежды, надъ которою такъ много всѣ смѣются и которую всѣ продолжаютъ носить, до нашего кушанья, приправляемаго всевозможными примѣсами, совершенно измѣняющими вкусъ блюдъ; отъ изысканности нашего разговорнаго языка до изысканности нашего литературнаго языка, который продолжаетъ украшаться антитезами, островами, распространеніями изъ loci topici, глубокомысленными разсужденіями на избитыя тѣмы и глубокомысленными замѣчаніями о чечовѣческомъ сердцѣ на манеръ Корнеля и Расина въ беллетристикѣ и на манеръ Іоанна Мюллера въ историческихъ сочиненіяхъ. Произведенія искусства льстятъ всѣмъ мелочнымъ нашимъ требованіямъ, происходящимъ отъ любви къ искусственности...

«Природа и жизнь выше искусства, но искусство старается угодить нашимъ наклонностямъ, а дѣйствительность не можетъ быть подчинена стремленію нашему видѣть все въ томъ же цвѣтѣ и въ томъ порядкѣ, какой нравится намъ или соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ, часто одностороннимъ. (Слѣдуютъ примѣры).—Но, въ такомъ случаѣ, вы сами соглашаетесь, что произведенія искусства лучше, полнѣе, нежели объективная дѣйствительность, удовлетворяютъ природѣ чловѣка; слѣдовательно, для чловѣка они лучше произведеній дѣйствительности.—Заключеніе, не совсѣмъ точно выраженное: дѣло въ томъ, что искусственно развитый чловѣкъ имѣетъ много искусственныхъ, исказившихся до лживости, до фантастичности требованій, которымъ нельзя вполне удовлетворить, потому что они, въ сущности, не требованія природы, а мечты испорченнаго воображенія, которымъ почти невозможно и угождать, не подвергаясь насмѣшкѣ, презрѣнію отъ того самаго чело-

вѣка, которому старается угодить, потому что онъ самъ инстинктивно чувствуетъ, что его требованье не стоитъ удовлетворенія.»

Я не даромъ привелъ такую большую выписку: ею доказывается, какъ нельзя лучше, то мнѣнiе автора «Эстетическихъ отношенiй», которое напрасно нѣкоторые стараются затушевать,—мнѣнiе, что искусство не имѣетъ настоящихъ основанiй въ природѣ человѣка, что оно не болѣе, какъ болѣзненное явленiе въ искаженномъ, ненормально-развившемся организмѣ; что, по мѣрѣ совершенствованiя людей, оно должно падать и что оно заслуживаетъ полного и безпощаднаго отрицанiя. И я, право, не понимаю, какъ можно пытаться стусивать мнѣнiе, столь ясно выраженное? Человѣкъ началъ съ того, что объявилъ искусство несравненно ниже дѣйствительности, чѣмъ уже совершенно лишилъ его виднаго значенiя; затѣмъ оно признано порожденiемъ исказившейся до лживости, дошедшей до фантастическихъ потребностей природы современнаго европейскаго общества; признано, что даже невозможно угождать эстетическимъ потребностямъ общества; что такое угожденiе навлекаетъ только насмѣшку или даже презрѣнiе. Кромѣ ненормальностей искаженности въ развитiи современнаго цивилизованнаго человѣка, за основанiе поклоненiя искусству приняты странное тщеславiе и нелѣпый предразсудокъ цѣнить рѣдкiя и съ трудомъ доставшияся вещи выше обыкновенныхъ и достающихся даромъ. Здѣсь, я полагаю, авторъ былъ вынужденъ только побочными обстоятельствами,—а именно тѣмъ, что статья его—диссертация,—отнестись довольно мягко къ этимъ двумъ другимъ причинамъ. Въ сущности же онѣ не заслуживаютъ этого. Тщеславiе произведенiями человѣчества, доходящее до превознесенiя ихъ надъ произведенiями природы, такъ же смѣшно и глупо, какъ тщеславiе отечественнымъ писателемъ, которому воздается ничѣмъ незаслуженное преимущество передъ писателемъ иностраннымъ, по мѣткому сравненiю самого автора. Когда патриотизмъ доходитъ до этого, то подвергается обыкновенно насмѣшкѣ. Та же участь должна постигнуть и нелѣпое тщеславiе человѣка передъ природой. Наконецъ, склонность человѣка выше цѣнить рѣдкiя вещи, чѣмъ обыденныя, ужъ никакъ не заслуживаетъ уваженiя; изъ этой склонности единственно происходитъ самая безумная роскошь, лукулловскiя блюда, питье Клеопатры, платья изъ паутины, брилланты въ голубиное яйцо; изъ склонности отдавать преимущество доставшемуся усиленнымъ трудомъ передъ полученнымъ безъ труда вытекали всегда подобныя же вещи: гигантскiя постройки, китайскiя рѣзныя бусы, брюссельскiя

кружева, надъ которыми слѣпнуть, мозаичные столы и т. п. Изъ такихъ наклонностей всегда выходили только подобные результаты; порядочныхъ же не выходило никогда.—И такъ, несомнѣнно, слѣдовательно: искусство, неимѣющее значенія,—потому что есть только плохая тѣнь дѣйствительности,—вытекаетъ изъ самыхъ безобразныхъ и извращенныхъ наклонностей человѣка, уничтоженіе которыхъ было бы очень желательно.

Все это напечатано русскими буквами въ книжкѣ объ «Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности», предметъ которой весь именно и посвященъ доказательству этихъ истинъ. Я полагаю бы, что можно сдѣлать одно изъ двухъ: или принять это мнѣніе со всѣми его выводами, которые сами подсказываются, или окончательно отвергнуть и стоять на своемъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Однако, есть люди, которымъ провидѣніе поручило неблагоприятный трудъ — постоянно во всемъ отыскивать золотую середину, сѣрый цвѣтъ, загадочное вещество, которое должно занимать середину между мясомъ и рыбой; это люди, обязанные, своимъ положеніемъ, держаться принциповъ, къ которымъ у нихъ не лежитъ душа, и потому никогда неспособные сдѣлать ни шагу впередъ отъ черты, полагаемой приличіемъ. Въ политикѣ такихъ людей зовутъ либералами, въ обыденной жизни—филистерами; я не знаю, какъ назвать ихъ въ литературѣ. И на этотъ разъ, поставленные между *да* или *нѣтъ*, они сумѣли изобрѣсти, вмѣсто отвѣта, какой-то странный звукъ, похожій и на *да*, и на *нѣтъ*, а главное, ни на что непохожій. Они, въ одно и то же время, и принимаютъ всѣ мнѣнія автора «Эстетическихъ отношеній», и протестуютъ противъ тѣхъ, которые приходятъ къ прежнимъ выводамъ изъ этихъ мнѣній. Середка на половинѣ кажется, что люди, идущіе къ крайнимъ выводамъ, поступаютъ неразумительно и нелѣпо, возставая противъ искусства вообще и противъ эстетическаго наслажденія. Середка на половинѣ порицаетъ ихъ за мнѣніе, что человѣкъ не долженъ предаваться эстетическимъ удовольствіямъ, которыя только расслабляютъ и развращаютъ его и заставляютъ даромъ тратить время, вмѣсто того, чтобы пользоваться имъ съ пользою. Середка на половинѣ того мнѣнія, что такіе взгляды приличны развѣ аскету и, во всякомъ случаѣ, должны считаться нелѣпыми, потому что надо брать человѣка, какъ онъ есть въ дѣйствительности, а стремленіе къ наслажденію искусствомъ есть нормальная потребность человѣческой природы. Наконецъ, середка на половинѣ рѣшается прямо утверждать, что авторъ «Эст.

отношеній» не отрицалъ самостоятельности искусства. На сколько послѣднее справедливо,—видно изъ вышесказаннаго.—Мы уже знаемъ, какъ смотритъ разбираемый авторъ на достоинство искусства и на основанія поклоненія ему. Остается еще взглянуть, какой смыслъ приписываетъ онъ искусству, какъ опредѣляетъ онъ его роль въ жизни человѣка, какую цѣль онъ ему ставитъ. Вотъ слова его, быть можетъ, самыя рѣшительныя во всей его книгѣ:

«Вотъ единственная цѣль и значеніе очень многихъ (большей части) произведеній искусства: дать возможность, хотя въ нѣкоторой степени, познакомиться съ прекраснымъ въ дѣйствительности тѣмъ людямъ, которые не имѣли возможности наслаждаться имъ на самомъ дѣлѣ; служить напоминаніемъ, возбуждать и оживлять воспоминаніе о прекрасномъ въ дѣйствительности у тѣхъ людей, которые знаютъ его изъ опыта и любятъ вспоминать о немъ.» (Стр. 125).

Нельзя сказать, чтобы этими словами искусству указывалась слишкомъ великая цѣль или приписывалось громадное значеніе. Если мы возьмемъ живые примѣры, то размѣры того и другого покажутся намъ еще уже. Самъ авторъ указываетъ намъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. «Море, говоритъ онъ, прекрасно, но не всѣ могутъ любоваться имъ; поэтому для нихъ рисуются картины, изображающія море». Я совершенно согласенъ съ авторомъ, что цѣль и значеніе *большей части* произведеній искусства не обширнѣе; съ этимъ, къ удивленію моему, соглашаются и эстетическіе либералы. Помилуйте, господа, что вы дѣлаете! Опомнитесь! Куда вы идете съ этими уступками; развѣ вы не видите, что вы идете къ отрицанію всѣхъ основъ искусства, эстетики и т. д? Вообразите себѣ, какая, въ самомъ дѣлѣ, великая цѣль искусства, чтобы какой нибудь тамбовецъ, которому съ жиру пришла охота любоваться моремъ (потому что только съ жиру можетъ явиться такая фантазія), могъ немедленно удовлетворить ее,—если только, конечно, онъ въ состояніи заплатить какому нибудь Айвазовскому 10,000 р., не безпокая свой жиръ путешествіемъ въ Петербургъ или въ Одессу! Какъ великъ подвигъ этого Айвазовскаго, избавившаго тамбовца за 10,000 р. отъ необходимости или тащиться въ такую даль, или отказаться отъ наслажденія моремъ. Увѣнчайте Айвазовскаго! Онъ *великій* художникъ, знаменитый согражданинъ, честь отечества! И вотъ права его на благодарность родины—господинъ, наслаждающійся изъ Тамбова видомъ моря! И какъ прекрасно и полезно, если публика можетъ, такимъ образомъ, совершенно безвозмездно и безъ различія ранговъ и со-

стояній созерцать и море, и альпійскіе виды, и разныхъ кардиналовъ, и голыхъ женщинъ. Какъ не сказать, вмѣстѣ съ эстетиками-либералами, въ виду этого великаго значенія и этой грандіозной цѣли искусства, что оно полезно, хотя бы не давало ничего человѣку, кромѣ эстетическаго наслажденія, хотя бы было просто искусствомъ для искусства. Либераламъ дѣйствительно необходимо доказать, что искусство полезно, потому что авторъ «Эстет. отнош.» сказалъ (стр. 129): «*Безполезное не имѣетъ права на уваженіе*». Поэтому и намъ, отвергающимъ, вмѣстѣ съ авторомъ, пользу искусства, необходимо окончательно доказать его бесполезность, такъ какъ доселѣ мы доказали его словами: бесполезность только *большаго* части художественныхъ произведеній.

Большинство ихъ имѣютъ цѣлю, какъ было сказано, замѣнить или наомнить человѣку недоступную ему дѣйствительность; великость этой цѣли оцѣнить было нетрудно. Но, по мнѣнію автора, искусство въ меньшинствѣ случаевъ,—стало быть, въ видѣ исключенія,—имѣетъ цѣлю *объяснить* человѣку дѣйствительность. Таковы, напр., картины въ самыхъ дѣльныхъ и серьезныхъ сочиненіяхъ, поясняющія текстъ; таковы многія поэтическія произведенія, въ которыхъ дѣйствительность воспроизведена въ такихъ рѣзкихъ чертахъ, гдѣ смыслъ ея, такъ сказать, до того сконцентрированъ, что человѣкъ, который не понялъ бы жизненнаго явленія, явившагося ему при запутанныхъ и сложныхъ условіяхъ настоящей жизни, въ теченіе долгаго времени, среди тысячи неотносящихся къ дѣлу житейскихъ дрязгъ, пойметъ его, увидѣвъ его обособленнымъ, поясненнымъ, протекающимъ въ короткій срокъ времени, когда ни одна подробность не успѣетъ ускользнуть изъ памяти. Даже музыка представляетъ примѣры этого; музыка имѣетъ свойство дѣйствовать извѣстнымъ образомъ на множество людей совершенно одинаково: веселый мотивъ дѣйствуетъ одинаково, но по своему на всѣхъ слушателей; грустный иначе, но также одинаково. Этимъ свойствомъ музыки можно пользоваться иногда, когда требуется настроить извѣстнымъ образомъ большую массу народа, т. е. заставить ее смотрѣть на жизнь въ данный моментъ именно такъ, а не иначе. Такъ и пользуются музыкой въ походахъ, въ сраженіяхъ, во время молитвъ. Къ этой цѣли неспособны только скульптура и архитектура, или, по крайней мѣрѣ, потребовалась бы натяжка, чтобы приписать имъ подобное дѣйствіе. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, гдѣ искусство оказывается полезнымъ, оно или перестаетъ быть искусствомъ, или польза

его только мнимая. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, разсматривать рисунки, — какъ бы великолѣпно ни были они сдѣланы, — сопровождающіе какой нибудь пространный курсъ зоологіи или ботаники, какъ предметы искусства, въ настоящемъ значеніи этого слова? Разумѣется, нельзя, потому что въ искусствѣ ищутъ наслажденія, а отъ такихъ рисунковъ ждутъ пользы, по нимъ изучаютъ науку. Защитники искусства всѣ говорятъ, что искусство воспроизводитъ прекрасное, существующее въ природѣ для наслажденія человѣка; это говорятъ даже либеральные эстетики; слѣдовательно, утилитарная цѣль, какъ совершенно вѣрно утверждаютъ старыя эстетики, уничтожаетъ искусство. Разъ, что искусству задана утилитарная цѣль, — оно перестаетъ быть искусствомъ. Да оно и понятно. Когда художникъ рисуетъ цвѣтокъ съ эстетической цѣлью, онъ не заботится о томъ, чтобы показать зрителю всѣ подробности его анатомическаго строенія, а желаетъ воспроизвести общее впечатлѣніе, производимое живымъ предметомъ. Это подтверждаютъ всѣ разсужденія о разницѣ между *воспроизведеніемъ* дѣйствительности и *подражаніемъ* ей. «Теорія подражанія, говорятъ эстетики, выходила изъ того ложнаго положенія, что искусство въ состояніи сравняться съ природою, и потому требовала, чтобы произведенія искусства были математически равны и тождественны съ натуральными предметами». Противъ этой теоріи эстетики возстаютъ. Они хотятъ, чтобы искусство, оставивъ невыполнимое намѣреніе подражать природѣ, ограничивалось только воспроизведеніемъ ея; чтобы оно не имѣло претензій — показывать зрителю живые предметы, какъ они есть, а только намекало бы на ихъ видъ, только возбуждало бы дѣятельность воображенія и помогало бы ему представить себѣ какъ можно яснѣе живую дѣйствительность. Эстетики правы, потому что если и воспроизводящее искусство не имѣетъ особенно великихъ цѣлей, какъ мы видѣли, то искусство подражающее есть фокусъ-покусъ. Ухитрится человѣкъ такъ подобрать краски, что даже на самомъ близкомъ разстояніи нарисованный предметъ до извѣстной степени похожъ на живой! Таковы — портреты знаменитыхъ художниковъ, изображающіе разныхъ неизвѣстныхъ стариковъ и старухъ, потому что только старческое тѣло, говоритъ авторъ «Эст. отнош.» можетъ быть изображено такъ удачно. Зрители смотрятъ и удивляются, и картина опѣшивается въ баснословную сумму. Но скажите, пожалуйста, чему удивляются и чѣмъ восхищаются зрители? Если бы кто нибудь изъ нихъ задалъ себѣ въ минуту восторга такой вопросъ, то долженъ былъ бы сознаться, что восхищается онъ просто жи-

трой штукой—такъ ловко намазать на полотно краски, что выйдетъ очень похоже на тѣло. Больше-то вѣдь восхищаться рѣшительно нечѣмъ; потому что стариковскія и старушечьи физиономіи не диковина. Поэтому, такое искусное подражаніе справедливо не цѣнится эстетиками, болѣе умудрившимися. Между тѣмъ, отъ рисунковъ, предназначенныхъ для практической пользы, никакъ нельзя требовать, чтобы они только помогали воображенію; отъ нихъ требуется такая точность и подробность, какой никто не ждетъ отъ художественнаго произведенія. Словомъ, требуется, чтобы такіе рисунки какъ можно больше приближались по точности и вѣрности къ фотографіи; между тѣмъ, какъ эстетики рѣшительно утверждаютъ, что фотографія не даетъ и не можетъ дать художественнаго произведенія. *Этотъ крикъ* (т. е. фотографія) *очень удобенъ для показанія на немъ разницы* между настоящимъ искусствомъ, переставшимъ быть искусствомъ и обращеннымъ на утилитарныя цѣли. Надо, конечно, брать въ расчетъ самую усовершенствованную фотографію, гдѣ всѣ предметы, которые желаютъ представить, выходятъ одинаково отчетливо. Эстетики за это-то именно и лишаютъ фотографію права давать художественныя произведенія. Она съ одинаковою точностью и отчетливостью, говорятъ они, передаетъ и черты лица, и часовую цѣпочку или пуговицу на жилеткѣ; воспроизводящій же художникъ воспроизводитъ съ наибольшею отчетливостью самыя важныя и существенныя черты, другія изображаетъ не такъ отчетливо, а третьи, наконецъ, совершенно оставляетъ; въ самыхъ существенныхъ чертахъ онъ передаетъ не все до мельчайшихъ подробностей, а только тѣ стороны, которыя, по понятію его, особенно характеризуютъ предметъ. И такъ, вотъ какая разница между произведеніями фотографіи и искусства; спросимъ же теперь себя: какія пригоднѣе для практическихъ, научныхъ цѣлей,—тѣ ли, которыя передаютъ предметъ во всѣхъ подробностяхъ его, или тѣ, которыя помогаютъ воображенію? Когда для пособія при изученіи какой нибудь *точной* науки нужно изобразить предметъ, который хотимъ изучать, то что важнѣе для насъ, фотографическая ли точность въ подробностяхъ, или художественное воспроизведеніе общаго вида? Я не думаю, чтобы кто нибудь затруднился отвѣтить на это.

Нѣтъ спора, что такія изображенія, имѣющія утилитарную цѣль и потому нехудожественныя, могутъ иногда быть очень изящны и мы можемъ ими любоваться. Но въ этихъ случаяхъ мы восхищаемся ими, конечно, не эстетически, а любимся тонкой работой и

искусной, красивой отдѣлкой подробностей, наконецъ, наглядностью, съ которой передашь намъ изображенный предметъ. Такимъ же образомъ мы можемъ любоваться красивымъ шрифтомъ, изящнымъ переплетомъ книги; такъ, специалисты восхищаются такими предметами, которые вовсе не нравятся постороннимъ людямъ: анатомъ можетъ точно также восхищаться анатомическимъ препаратомъ, который въ другихъ возбудитъ отвращеніе; хирургъ можетъ любоваться искусно-сдѣланной операцией, какойнибудь ловко выполненной ринопластикой, которая ужъ навѣрно не понравится ни одному профану въ хирургіи.

Кажется, нѣтъ надобности доказывать болѣе, что эстетическое искусство въ живописи несомнѣнно съ утилитарной цѣлью. Я не буду такъ долго останавливаться на другихъ отрасляхъ искусства. Я припомню только приведенные мною выше примѣры и покажу на нихъ, что тотъ же выводъ приѣмляется и тамъ. Что касается до музыки, то, конечно, только самый поверхностный взглядъ можетъ находить, что когда войско или толпа одушевляются звуками марша или пѣсни, то это есть для нихъ эстетическое наслажденіе искусствомъ. Говорять, прежде турки передъ сраженіемъ употребляли опиѣ; въ этомъ случаѣ музыка то же, что опиѣ, и они равно заслуживаютъ названія искусства.—Что же касается до поэзій, то чрезвычайно ложно думать, будто поэтическія произведенія приносятъ пользу, объясняя явленія человеческого сердца. Всѣ на свѣтѣ Расины и Гете никакой пользы не принесли никому; ими можно восхищаться, сколько угодно, находить ихъ глубокими знатоками и первоисточниками изображеній человеческого сердца, но нелѣпо было бы утверждать, что они принесли этимъ пользу и что безъ нихъ не знали бы, что существуютъ на свѣтѣ гордость, жестокость, самоотверженность, невинность, честолюбіе и другія страсти и свойства человека, и какія онѣ производятъ послѣдствія. Но, кромѣ того, существуютъ еще такія поэтическія произведенія, которыя занимаютъ разными современными общественными вопросами и дѣйствительно научаютъ людей правильно смотрѣть на нихъ; эти произведенія, безъ сомнѣнія, приносятъ пользу, и это единственный случай, когда произведенія искусства не только терпимы, но и заслуживаютъ уваженія. Однако, нетрудно видѣть, что здѣсь, собственно, уваженія заслуживаетъ не искусство, а вѣрная и честная мысль, выраженная при помощи его. Она заслуживала бы уваженія, хотя бы была выражена самымъ безыскусственнымъ, прозаическимъ образомъ. Однако, несомнѣнно, что при искусственности нашего об-

ства, при извращенности его понятій, при его неразвитости, мысли эти могут скорѣе распространиться въ немъ и принести ему пользу; если облечь ихъ въ искусственныя формы. Говорятъ справедливо, что простой, сухой разсказъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ въ Петербургѣ возвратной горячкою, неспособенъ произвести никакого впечатлѣнія на громадное большинство; между тѣмъ, какъ та же мысль, будучи облечена въ художественную драматическую форму, потрясла бы общество. Противъ этого нечего, кажется, сказать, потому что, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно, что писателямъ и ораторамъ приходится, по неразвитости общества, прибѣгать къ разнымъ украшеніямъ своей рѣчи, золотить пилюли, сдабривать свои мысли «антитезами», остротами, распространеніями изъ *loci topici*, глумоусленными разсужденіями на избитыя темы и глубокомысленными замѣчаніями о «человѣческомъ сердцѣ», и, наконецъ, разными художественными формами, громкими рифмами, звучными стихами, драматическими и театральными эффектами. Такъ какъ прежде всего надо обращать вниманіе на пользу, то невозможно не дорожить этими средствами, и самъ авторъ «Эстетическихъ отношеній» подалъ намъ примѣръ этого.

Но за исключеніемъ этого единственнаго случая, гдѣ искусство полезно и необходимо, во всѣхъ остальныхъ оно бесполезно. Если мы сочтемъ, какъ мало такихъ полезныхъ художественныхъ произведеній и этому ничтожному числу противопоставимъ массу гигантскихъ и страшно дорогихъ произведеній зодчества, скульптуры, живописи, громадное множество произведеній музыки и поэзіи, всѣ эти храмы, дворцы, статуи, эрмитажи, галлерей, консерваторіи, капеллы, театры, оперы, музеи и проч.,—то съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что искусство бесполезно.

Но нетрудно доказать, что оно и вредно. Микроскопическая польза, приносимая немногими произведеніями поэзіи, совершенно покрывается огромнымъ вредомъ, наносимымъ всѣми прочими художествами. Въ этомъ убѣдиться нетрудно, и доказательствъ столько, что всѣхъ не переберешь. Это доказываютъ бюджеты всѣхъ государствъ, безобразное зрѣлище, представляемое всюду несмѣтными толпами праздныхъ артистовъ и художниковъ, паразитно живущихъ въ обществѣ, развращая его примѣромъ лизоблудства и обязаныхъ своимъ существованіемъ единственно возможности небольшого числа людей удовлетворять своимъ желаніямъ видѣть въ Тамбовѣ море. Нерѣдко толкуютъ о пользѣ, которую могъ бы приносить театръ для народнаго развитія,—толкуютъ такъ, какъ

будто польза эта действительно уже приносится; но мало ли что могло бы быть и чего нѣтъ; а пока всякій знаетъ, что театръ не можетъ приносить пользы, въ теперешнемъ своемъ видѣ, а приносить, напротивъ того, прямой вредъ, дѣйствуя усыпляющимъ образомъ на общественное сознание, создавая обществу ложные интересы, отвлекая его отъ жизненныхъ вопросовъ. Наконецъ, искусства дѣйствуютъ развращающимъ образомъ и на отдѣльныхъ членовъ общества; развѣ не вредъ, что ежегодно сотни людей, изъ которыхъ многие могли бы сдѣлаться путными и дѣльными, избираютъ себѣ родъ жизни и средства въ существованію, ставящіе ихъ въ прямую зависимость отъ разныхъ общественныхъ привилегій? Развѣ не вредъ, что люди доходятъ до такой невообразимой исковерканности, что способны лить слезы въ театрѣ и равнодушно проходить мимо дѣйствительныхъ бѣдствій—или даже сами пакостить ближнимъ?

Когда подумаешь о всемъ этомъ, то, право, становится и жалко, и смѣшно слушать эстетиковъ, разсуждающихъ о томъ, что искусство полезно еще (?) тѣмъ, что «содѣйствуетъ развитію чело­вѣка, смягчаетъ его, дѣлаетъ его впечатлительнѣе, гуманнѣе, сдерживаетъ его дикіе инстинкты, неестественные порывы, разгоняетъ мрачныя своекорыстныя мысли, ослабляетъ преступныя намѣренія (вонъ оно куда пошло! Для чего эстетика не порекомендуютъ искусства въ исправительныя тюрьмы?) и возстановляютъ въ чело­вѣкѣ тихую гармонию (Боже! wie gemüthlich!), устраняя диссонансы, производимые всѣмъ, что есть дурного въ людяхъ и ихъ отношеніяхъ.» Разберемъ, что это значитъ. Касательно вообще развитія чело­вѣка мы уже говорили и видѣли, какъ рѣдки случаи, гдѣ искусство является полезнымъ помощникомъ мысли въ дѣлѣ развитія людей. Далѣе утверждается, что искусство *смягчаетъ чело­вѣка, дѣлаетъ его гуманнѣе, сдерживаетъ его дикіе инстинкты и неестественные порывы, разгоняетъ своекорыстныя мысли.* Теперь спросимъ, когда особенно процвѣтало искусство?—Отвѣта дожидаться недолго: мы знаемъ, когда жили Рафаэль, Микель Анджело, Шекспиръ, Данте, наконецъ, Виргилій, Гораций,—словомъ, всѣ тѣ люди, которыхъ имена не сходятъ съ языка поклонниковъ искусства, которыхъ они считаютъ великими образцами, низѣмъ непревзойденными гениями. Все это жило и творилось во времена варварства, грубости, жестокостей, кровопролитій, «дикихъ инстинктовъ и неестественныхъ порывовъ», во времена Римской имперіи и римскаго папства, въ самые ужасные вѣка чело­вѣчества. Мы знаемъ, что, по мѣрѣ смягченія нравовъ, искусства падаютъ, что произведенія тѣхъ варварскихъ временъ не находятъ

совершенковъ въ нынѣшній вѣкъ, что соборы, не успѣвшіе окончиться въ то золотое для искусства время, такъ и стоятъ недостроенными. А что сказать объ искусствѣ, разгоняющемъ своекорыстныя мысли? Не буду, конечно, спорить, что искусство восстанавливаетъ въ человѣкѣ тихую гармонію, устраняя «диссонансы, производимые всѣмъ, что есть дурного въ людяхъ и ихъ отношеніяхъ.» Это совершенно справедливо, но въ этомъ-то и бѣда, это-то и есть зло. Если человѣческія отпошканія таковы, что производятъ диссонансы, то заглушать эти диссонансы вредно. Вѣдь отношенія оттого не исправятся, что многіе не будутъ чувствовать ихъ безобразія, а напротивъ того, станутъ еще хуже, какъ всякая запущенная болѣзнь, которую не лечатъ, какъ слѣдуютъ, а только замазываютъ...

Взглядъ на искусство, выраженный здѣсь мною и вытекающій прямо изъ положеній автора «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности», называется эстетиками *аскетическимъ*. Либеральные эстетивы полагаютъ, что держаться такого взгляда могутъ только тѣ, «кто придумываетъ кодексы человѣческихъ обязанностей не на основаніи реальныхъ свойствъ и потребностей человѣческой природы, а на основаніи произвольныхъ, фантастическихъ возрѣній, выработанныхъ мечтательнымъ идеализмомъ».

Если послушать либеральныхъ эстетиковъ, то подумаешь, что мы какіе-то пуритане или гернгуты, что мы возстаемъ противъ всякаго наслажденія вообще и хотимъ, чтобы всё зажали по монашески. Я вполне убѣжденъ, что эстетивы говорятъ это добросовѣстно, и думаю, что и другимъ можетъ, пожалуй, показаться такая нелѣпость. Поэтому я не могу окончить этого разбора, не объяснивъ дѣло съ этой стороны.

Долго объяснять его нечего; это можно сдѣлать въ двухъ словахъ, сказавъ, что мы отрицаемъ только *эстетическія* наслажденія, возстаемъ только противъ искусства, а вовсе не противъ всего, что можетъ быть приятно человѣку; только противъ *искусственныхыхъ* потребностей, а вовсе не противъ реальныхъ; только противъ мишуры и журушекъ, которыми забавляютъ людей, а вовсе не противъ естественныхъ и законныхъ человѣческихъ радостей. Я сейчасъ постараюсь показать разницу между искусственнымъ и естественнымъ наслажденіемъ. Для этого обратимся снова къ разбираемому сочиненію. Вотъ что говоритъ авторъ его:

«Какова первая потребность, подъ влияніемъ которой человѣкъ начинать пѣть? Участвуетъ ли въ ней на сколько нибудь стремленіе къ прекрасному? Намъ кажется, что это потребность совер-

шенно отличная от заботы о прекрасномъ. Человѣкъ спокойный можетъ быть замкнутъ въ себѣ, можетъ молчать. Человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ чувства радости или печали, дѣлается общителенъ; этого мало: онъ не можетъ не выразить во внѣшности своего чувства: «чувство просится наружу». Какимъ же образомъ выступаетъ оно во внѣшній міръ?—Различно, смотря по тому, каковъ его характеръ. Внезапныя и потрясающія ощущенія выражаются крикомъ или восклицаніями; чувства непріятныя, переходящія въ физическую боль, выражаются разными гримасами и движеніями; чувство сильнаго недовольства также безпвойными, разрушительными движеніями; наконецъ, чувства радости и грусти,—разскажемъ, когда есть кому разсказывать, и пѣніемъ, когда некому разсказывать или когда человѣкъ не хочетъ разсказывать. Эта мысль найдется въ каждомъ разсужденіи о народныхъ пѣсняхъ. Странно только, почему не обращаютъ вниманія на то, что пѣніе, будучи, по сущности своей, выраженіемъ радости или грусти, вовсе не происходитъ отъ нашего стремленія къ прекрасному? Неужели подъ преобладающимъ вліяніемъ чувства человѣкъ будетъ еще думать о томъ, чтобы достигать прелести, граціи, будетъ заботиться о формѣ? Чувство и форма противоположны между собою»...

«Пѣніе первоначально и существенно, подобно разговору,—произведение практической жизни, а не искусства; но какъ всякое «умѣнье», пѣніе требуетъ привычки, занятія, практики, чтобы достигъ высокой степени совершенства; какъ всѣ органы, органъ пѣнія, голосъ, требуетъ обработки, ученія для того, чтобы сдѣлаться поворнымъ орудіемъ воли,—и естественное пѣніе становится въ этомъ отношеніи *искусствомъ*, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется *искусствомъ* умѣнье писать, читать, пахать землю, всякая практическая дѣятельность, а вовсе не въ томъ смыслѣ, какой придается слову *искусство* эстетикою».

«Но, въ противоположность естественному пѣнію, существуетъ искусственное пѣніе, старающееся подражать естественному. Чувство придаетъ особенный, высвй интересъ всему, что производится подъ его вліяніемъ; оно даже придаетъ всему особенную прелесть, особенную красоту. Одушевленное грустью или радостью лицо въ тысячу разъ прекраснѣе, нежели холодное. Естественное пѣніе, какъ изліяніе чувства, будучи произведеніемъ природы, а не искусства, заботящагося о красотѣ, имѣетъ, однако, высокую красоту; потому является въ человѣкѣ желаніе пѣть нарочно, подражать естественному пѣнію.» (стр. 97—98).

Послѣднюю фразу слѣдовало бы сказать немного иначе: является не желаніе нѣтъ нарочно, подражалъ естественному пѣнію, а желаніе *слушать* нѣніе, подражающее естественному, и здѣсь нѣніе, становясь искусствомъ эстетическимъ, перестаетъ имѣть право на существованіе. Если тебѣ грустно или весело, пой, сколько душѣ угодно. Это естественно и противъ этого могутъ возставать развѣ какіе нибудь изувѣрные ханжи. Естественное пѣніе является вслѣдствіе естественной потребности, и оно даже полезно, какъ удовлетвореніе ея. Равнымъ образомъ, совершенно естественно, если одинакія чувства овладѣли цѣлымъ обществомъ, чтобы оно пѣло вмѣстѣ. До сихъ поръ противъ пѣнія нельзя ничего сказать, и если оно доставляетъ наслажденіе поющимъ или присутствующимъ,—то и прекрасно. Но когда человѣкъ или общество заставляетъ или нанимаетъ людей, согласныхъ за деньги напускать на себя по заказу какія угодно чувства, подражать естественному пѣнію, то пѣніе становится эстетическимъ искусствомъ и представляетъ тогда возмутительный видъ; тогда не знаешь, къ кому чувствовать болѣе сильное отвращеніе,—къ презрѣннымъ ли скоморохамъ, надсаждающимся за плату, или къ людямъ, доводящимъ ихъ до такого униженія и своими неестественными потребностями вызывающимъ въ обществѣ цѣлый классъ такихъ безстыдниковъ.

Эта разница между наслажденіемъ естественнымъ и искусственнымъ есть во всѣхъ наслажденіяхъ. Что можетъ быть естественнѣе любви къ женщинѣ и что законнѣе наслажденія этой любовью? Но какъ низко и презрѣнно становится это чувство и это наслажденіе, какъ скоро они дѣлаются искусственными, какъ скоро настоящаго чувства нѣтъ, а есть, вмѣсто него, притворное, покупное.

Несомнѣнно, что человѣкъ имѣетъ потребность наслаждаться; естественныя науки доказываютъ это, и каждый самъ знаетъ это по себѣ; слѣдовательно, отрицать это могутъ, повторяю, только люди, исковеркавшіе свою натуру или лицемѣрящіе. Но еще прежде этой потребности въ человѣкѣ есть потребность избѣгать страданій. Каждый хочетъ прежде, чтобы ему не было худо, а потомъ уже думаетъ о томъ, чтобы было хорошо. Каждый ищетъ сперва избавиться отъ страданія, а потомъ уже получить наслажденіе. Поэтому совершенно законно, чтобы человѣкъ, избавившись отъ непріятнаго, искалъ пріятнаго и наслаждался. Но наслажденіе это должно вытекать изъ естественной и нормальной потребности. Если мы видимъ, что у людей бываютъ потребности странныя, если они ищутъ наслажденій вредныхъ, отвратительныхъ, каковы

наслажденія эстетическія,—то это не значитъ еще, что такъ и должно быть. Мало ли какихъ гадостей не видимъ мы въ дѣйствительности! Но должны ли мы признавать ихъ законными и естественными и не должны ли мы, напротивъ, протестовать противъ нихъ?

В. Зайцевъ.

Уголовно-статистическіе этюды. Этюдъ первый. Статистическій опытъ изслѣдованія физиологическаго значенія различныхъ возрастовъ челоѵческаго организма по отношенію къ преступленію. Н. Неклюдова. Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра уголовного права Спб. 1865 г.—Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней д-ра Фогеля, переведенное съ послѣдняго изданія 1863 года, подъ редакціею доктора медицины Михаила Зеленскаго, съ измѣненіями, дополненіями и примѣчаніями по новѣйшимъ авторамъ и собственнымъ наблюденіямъ редактора. Часть вторая Спб. 1864 г.

Докторскія и магистерскія диссертаціи имѣютъ у насъ одно не отъемлемое достоинство — невыносимую скуку и пустоту содержанія, такъ что кромѣ ученаго цеха ихъ никто не беретъ въ руки и никто въ нихъ не нуждается. Это совершенно особенный родъ литературы, украшающей собою заднія полки книжныхъ магазиновъ и предназначенной на мышиные объѣдки. Самые библіофилы, которыхъ не пронимаетъ никакая скука въ мірѣ, — и тѣ относятся къ докторскимъ и магистерскимъ диссертаціямъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ; они тщательно записываютъ ихъ въ каталоги, но никогда не читаютъ. Что же касается публики, то она рѣшительно боится этихъ книгъ, и если употребляетъ ихъ, то какъ медицинское средство отъ бессонницы и зѣвоты. Это специальное достоинство особенно принадлежитъ юридическимъ диссертаціямъ. О нихъ можно сказать то же самое, что сказалъ Бентамъ о современныхъ ему

кодексахъ: «они пишутся именно для того, чтобы ихъ никто не читалъ и никто не понималъ, кромѣ судей и адвокатовъ.»

Нельзя сказать, чтобы *Уголовно-статистическіе* этюды г. Неклюдова вполне раздѣляли эту участь; и если бы авторъ ихъ былъ послѣдователенъ въ своей идеѣ, то диссертация его была бы очень хорошей компиляціей. Къ сожалѣнію, г. Неклюдовъ о послѣдовательности очень мало думаетъ и беретъ больше храбростью, чѣмъ ученостію; а это, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ понравиться нашей публикѣ. А храбрость г. Неклюдова дѣйствительно замѣчательна. Онъ полемизируетъ съ Кетле, предлагаетъ свои проекты статистическимъ конгрессамъ, приписываетъ себѣ открытіе нѣкоторыхъ юридическихъ истинъ, будто бы до него неизвѣстныхъ, и вообще ведетъ себя такъ отважно, что, глядя со стороны, невозможно не увѣровать въ великую ученость молодого юриста. «С.-Петербургскія вѣдомости» такъ были озадачены беззащитностію г. Неклюдова, что поспѣшили не только дать ему совершеннолѣтіе, но провозгласить его «мужемъ зрѣлымъ, во всеоружіи таланта,» «новымъ восходящимъ свѣтиломъ.» Узнавъ изъ «С.-Петербургскихъ вѣдомостей», что и мы наконецъ въ нашихъ потмахъ и болотахъ дождались восходящаго свѣтила, я немедленно вооружился 1 р. 25 копѣйками и отиравился покупать новое свѣтило. Книгопродавецъ завернулъ мнѣ его въ сѣрую оберточную бумагу и отпустилъ домой—наслаждаться восходящимъ солнцемъ. Но увы! едва я развернулъ новое свѣтило, какъ въ рукахъ моихъ обаялся тотъ же старый фонарь, налитый постнымъ масломъ, которымъ наши юристы уже давнымъ-давно освѣщаютъ сырые погреба и архивы своей почтенной науки. Вся заслуга г. Неклюдова заключается въ томъ, что онъ подлил въ этотъ фонарь нѣсколько капель болѣе свѣжаго горючаго матеріала, что, конечно, еще очень далеко отъ «восходящаго свѣтила». Изъ послѣдующаго разбора книги г. Неклюдова читатель увидитъ, на сколько мы правы.

Съ развитіемъ точныхъ знаній и новыхъ социальныхъ понятій въ европейскихъ обществахъ, юридическая наука пришла въ сильный конфузъ отъ своихъ старыхъ и нелѣпыхъ софизмовъ и стала изобрѣтать новыя подпоры для поддержанія своего существованія. Оставаться долѣе между небомъ и землею, въ тѣхъ безвоздушныхъ пространствахъ, въ которыя затащилъ ее нѣмецкій оберъ-филистеръ Гегель, или пресмыкаться въ схоластической пыли кстиніановыхъ пандектвъ, было невозможно. Всякое новое открытіе въ области физиологій, статистики, опытной психологій и экономической науки ставило въ тупикъ отживавшую метафизическую тео-

рiю юриспруденціи и сбивало съ ногъ ея послѣдователей. Практическая дѣятельность юристовъ; разумѣется, не обращала ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлалось въ современномъ знаніи и какія открытія раздвигали его кругозоръ. Нѣкоторые положительные законодательства шли на двѣсти и триста лѣтъ позади современнаго умственнаго развитія и нисколько не стыдились своей отсталости. Въ средніе вѣка и въ поминѣ не было такъ называемой юридической науки, и юристы, съ совершенно спокойною совѣстью, жгли, колесовали, увѣчили преступниковъ, всегда основываясь на началахъ абсолютной справедливости. Эта абсолютная справедливость въ ихъ рукахъ была такъ эластична, что, по неизмѣннымъ законамъ ея, можно было во всякое время и при всякомъ удобномъ случаѣ разрѣшить какой угодно юридическій вопросъ и отправить человѣка на тотъ свѣтъ во имя того или другого нарушеннаго права. Правомъ же называлось все, что угодно было называть имъ. каждое государство имѣло свое право и свой судъ. За что одно наказывало смертью, за то другое не только миловало, но и награждало. На пространствѣ нѣсколькихъ миль, размежеванныхъ между сосѣдними феодальными владѣніями, можно было испытать самыя разнохарактерныя образчики правосудія, такъ что у одного барона преступникъ подвергался висѣлицѣ, а у другого только денежной пени. Поэтому каждый выкраивалъ абсолютную справедливость по мѣркѣ своихъ желаній и своей матеріальной силы. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, была послѣдовательность, вытекавшая изъ того правила, что у всякаго барона своя фантазія. И это было совершенно согласно съ общимъ направленіемъ средневѣковой жизни, когда наука не имѣла и не могла имѣть ни малѣйшаго вліянія на практическіе результаты суда и расправы. Но впоследствии, при болѣе сложномъ государственномъ устройствѣ, юридическая практика захотѣла, во чтобы то ни стало, сдѣлаться наукой и, не имѣя для этого никакихъ положительныхъ данныхъ, примкнула къ метафизикѣ. Произволь феодальной расправы облекся во всеоружіе теоріи, и не было той нелѣпости, которая не оправдывалась бы какимъ нибудь научнымъ тезисомъ. Когда Филанджіери и Беккариа подняли голосъ противъ смертной казни, то всѣ ахнули отъ удивленія, а между тѣмъ, вся сила этого протеста заключалась въ томъ, что итальянскіе юристы, отбросивъ старую метафизическую рутину, взглянули на вопросъ съ точки зрѣнія здраваго человѣческаго смысла. Еслибъ глубокое раболѣпіе прежнихъ юристовъ не исказило ихъ смысла, а отвлеченная теорія, занимавшаяся холопскимъ прискиваніемъ разныхъ тезисовъ, не отвлекала ихъ вниманія отъ живыхъ явленій, то нѣтъ ни-

какого сомнѣнія, что протестъ Беккариа былъ бы возможенъ не только въ XVIII, но и въ XVI столѣтїи; онъ былъ бы возможенъ всегда и для всякаго, даже не гениальнаго человѣка, еслибъ только ученые предразсудки не заслоняли собою истинной стороны дѣла... Такимъ образомъ, эта уродливая *mesalliance* юридическихъ наукъ съ метафизикой, въ послѣднихъ результатахъ, оказалась гораздо болѣе вредной, чѣмъ средневѣковая практика, нехотѣвшая признавать никакой теорїи. Средневѣковой юристъ не прибѣгалъ ни къ какимъ тонкостямъ софизма, не подставлялъ на мѣсто жаровни, на которой жгли еретика, философскаго тезиса о вѣнненїи преступленїя отдѣльному лицу, а смотрѣлъ на свое ремесло, какъ на орудїе грубой феодальной силы, и только. Напротивъ, метафизикъ-юристъ изобрѣлъ для той же средневѣковой практики разныя научныя доводы, авторитеты, параграфы и кодексы. Средневѣковой юристъ говорилъ прямо, что на основанїи каноническаго права, или по волѣ такого-то барона, слѣдуетъ законать человѣка живьемъ въ землю, а метафизикъ-юристъ прибавляетъ къ этому, что, кромѣ воли барона, этого требуетъ и теорїя, предписывающая для устрашенїя другихъ закапывать въ землю живьемъ не только преступника, но, въ случаѣ политической необходимости, и невиннаго человѣка. Того будто бы требуетъ великій принципъ устрашенїя. Слѣдовательно, ложное мнѣнїе возводилось въ идеалъ науки и недѣльный обычай оправдывался ея авторитетомъ. И кто знаетъ, что безъ-искусственная жестокость гораздо проще и лучше искусственной? Тотъ пойметъ, что средневѣковая практика была гораздо сноснѣе метафизической юстици. Но намъ могутъ возразить, что по мѣрѣ того, какъ ученая юриспруденція обогащалась философскими взглядами, нравы судей дѣлались чище и варварство наказанїй уступало болѣе гуманнымъ воззрѣнїямъ на преступника и казнь его. Это чистѣйшая ложь. Съ развитїемъ человѣческаго прогресса, дѣйствительно, уголовныя кодексы измѣнялись къ лучшему, но эти измѣненїя прямо зависѣли отъ общественныхъ условїй, отъ тѣхъ вынужденныхъ уступокъ духу времени, противъ котораго было не въ мочь бороться даже такимъ криминалистамъ, какъ австрїйскїе, а вовсе не отъ тѣхъ великихъ открытїй, которыми будто бы юристы подарили человѣчество. Скажите, на милость, какія это великія истины были высказаны и какія реформы были начаты ими? Вопросъ о тюрьмахъ и о смягченїи тюремнаго заключенїя былъ поднятъ филантропами - экономистами. Юристамъ, на этотъ разъ принадлежитъ одна честь запутать этотъ вопросъ въ своихъ метафизическихъ паутинахъ и отодвинуть его разрѣшенїе на нѣсколько

лѣтъ назадъ. Вопросъ о смысле, разсматриваемый какъ социальный вопросъ, также былъ возбужденъ не юристами, а мыслителями, подобными Бенхаму, которые если и принадлежали къ числу юристовъ, то сдѣлали отказаться отъ своей профессіи. И это понятно. Геніальный мыслитель, въ виду котораго живой человѣкъ не теряется ни передъ какимъ метафизическимъ сумбуромъ, рано или поздно, долженъ былъ замѣтить рѣзкое противорѣчіе между требованіями своей мертворожденной науки и требованіями самой жизни. А замѣтивъ это и не желая противорѣчить своимъ убѣжденіямъ, онъ не могъ не отступить отъ своего ученія и не выбрать себѣ другой дороги для общественной дѣятельности. Такъ это дѣйствительно и было. Вотъ почему юридическая наука и не можетъ похвалиться такими геніальными представителями, которые бы шли впереди своего поколѣнія и прокладывали бы путь къ великимъ реформамъ человѣчества. Можно навѣрное сказать, что самый лучший изъ современныхъ юристовъ ползетъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ позади современнаго ему развитія. Кто укажетъ и докажетъ намъ примѣръ противнаго мнѣнія, того мы можемъ поздравить съ открытіемъ новой Америки.

Поэтому послѣдовательные и опытные юристы не уступаютъ ни шагу въ своемъ метафизическомъ ученіи. Они хорошо понимаютъ, что какъ скоро сойдутъ съ своихъ трансцендентальныхъ ходулъ, то наука ихъ болѣе не существуетъ; она, подобно хиромантіи или астрологіи, должна придти къ полнѣйшему самоотреченію. Гдѣ у нея основаніе? Гдѣ ея выводы? Чего она будетъ добиваться, когда развитіе человѣческихъ обществъ ни одной іотой не соприкасается съ ея требованіями и надеждами? Но такое плачевное состояніе нѣкоторымъ кажется поправимымъ, и эти юные, еще неоперившіеся птенцы-юристы хотятъ поставить свою науку на реальную почву. Попробуйте, птенцы, это сдѣлать и довести свою идею до крайнихъ логическихъ результатовъ, и вы увидите, что всѣ ваши благія намѣренія — совершенная дичь, и въ концѣ концовъ вы придете къ тому убѣжденію, что вы строите зданіе на сыпучемъ пескѣ. Знаете ли вы, что строго проведенный реализмъ убиваетъ вашу науку безвозвратно? Нѣтъ сомнѣнія, что эта опасность еще далека отъ васъ, — не потому, чтобъ вы были слишкомъ благоразумны въ выборѣ своего направленія, а потому, что реальныя знанія еще только даютъ цвѣты, а плоды ихъ впереди. Поэтому изъ чувства самосохраненія вамъ слѣдуетъ бояться реализма, какъ своего злѣйшаго врага. Это вы отчасти и сознаете. Собственно говоря, у васъ только на языкѣ *реализмъ*, а на дѣлѣ та же покойная метафизика, которой занимались ваши отцы, фило-

софи-бюрократы. Оттого вы и противорѣчите себѣ на каждомъ шагѣ, путаетесь во всевозможныхъ несообразностяхъ и, какъ говорилъ Бентамъ, носите подъ вашей львиной шкуркой лисій хвостъ. Попробуйте вы немножко экспериментальной психологій, и заведете рѣчь объ отрицаніи преступной воли, а обратитесь къ теоріи положительнаго права, и опять заговорите о той же преступной волѣ; социальная статистика подсказетъ вамъ, что отвѣтственность за преступленіе отдѣльнаго лица лежитъ на обществѣ, а практика потянетъ васъ въ противоположную сторону, и вы снова всю отвѣтственность валите на отдѣльное лицо; такъ что шагъ вы сдѣлаете впередъ, да два назадъ, и изъ этого положенія вамъ не выйдти, пока вы будете держаться своей науки, какъ чего-то реальнаго. Впрочемъ, совѣтуемъ вамъ не ужасаться реальныхъ знаній; если они разрушатъ ваши нелѣпныя доктрины, то въ вамънѣ ихъ дадутъ намъ, какъ людямъ, много плодотворныхъ и гуманныхъ идей.

Авторъ «Уголовно-статистическихъ этюдовъ» самый бойкій и самый неосторожный изъ птенцовъ-юристовъ. Онъ не только не скрываетъ противорѣчій своей двуличной теоріи, но выставляетъ ихъ на показъ съ поразительною смѣлостью. Разсматривая преступленіе, какъ неизбежное слѣдствіе внѣшнихъ условій, какъ продуктъ самой организаціи общественной жизни, онъ тѣмъ самымъ, повидимому, снимаетъ отвѣтственность съ отдѣльнаго лица. Въ самомъ дѣлѣ, какому наказанію можетъ подлежать то лицо, которое служитъ невольною жертвою самого общественнаго порядка? Если во время голода или другого подобнаго несчастія неотразимая сила внѣшнихъ вліяній должна произвести столько-то преступленій, то чѣмъ же виноваты А и В, которые сдѣлались орудіями этихъ преступленій? Иначе вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: могли ли А и В своими индивидуальными силами измѣнить тотъ общественный порядокъ, которымъ вызваны ихъ преступныя дѣянія? Разумѣется, нѣтъ—съ этимъ согласится каждый криминалистъ, это подтверждаетъ и уголовная статистика. Она съ математической точностью доказываетъ, что при извѣстномъ социальномъ устройствѣ неизбѣжна извѣстная сумма безнравственныхъ поступковъ. Такъ, на примѣръ, англійскій пауперизмъ, какъ явленіе общественное, порождаетъ воровство и грабежь, какъ необходимые слѣдствія крайней бѣдности и нищеты. Спрашивается: виноваты ли каждый отдѣльный воръ въ томъ, что пауперизмъ существуетъ и ведетъ къ преступленію? Такъ, повидимому, разсуждаетъ и г. Неклюдовъ. Онъ даже упрекаетъ Кетле за его выраженіе, что «всякій человекъ имѣетъ извѣстную склонность

къ *преступленію*. «Я считаю, говорить г. Неклюдовъ, подобную мысль оскорбленіемъ человѣческаго достоинства и ложною въ самомъ ея основаніи.» (стр. 38). Ну, и прекрасно! Такъ и будемъ думать, что для человѣческаго достоинства будетъ гораздо лучше, если мы докажемъ, что такой наклонности вовсе не существуетъ, что человѣкъ самъ по себѣ существо доброе, одаренное постояннымъ стремленіемъ къ благу; что въ природѣ его нѣтъ никакихъ мошенническихъ и воровскихъ инстинктовъ, и если онъ совершаетъ преступленіе, то не потому, чтобы оно было присуще его организму, а потому, что внѣшнія обстоятельства, рядомъ всевозможныхъ случайностей и гнетущей необходимости, доводятъ его до этого положенія. Съ этой точки зрѣнія, Кетле дѣйствительно неправъ, и критикъ его, г. Неклюдовъ, имѣлъ полное основаніе обличить знаменитаго бельгійскаго статистика. Но послѣ этого обличителю слѣдовало провести свою идею дальше, до послѣднихъ логическихъ выводовъ и поддержать ее полновѣсными фактами. А между тѣмъ, г. Неклюдовъ попадаетъ въ ту же западню, изъ которой старается вытащить Кетле. На стр. 7. г Неклюдовъ, опредѣляя основную точку зрѣнія уголовной статистики, сводитъ ее къ двумъ главнымъ положеніямъ:

«а) Нѣтъ преступленія безъ внутренней причины или злой воли и

б) Злая воля пользуется внѣшними условіями для осуществленія преступныхъ своихъ замысловъ; слѣдов., нѣтъ преступленій безъ внѣшнихъ условій» и т. д.

Если нѣтъ преступленія безъ злой воли, какъ внутренней причины его, если такъ думаетъ г. Неклюдовъ и считаетъ основнымъ положеніемъ уголовной статистики такое мнѣніе, то Кетле, въ свою очередь, имѣетъ право спросить нашего знаменитаго криминалиста: за что же вы, г. Неклюдовъ, напали на меня? Я допускаю въ человѣкѣ только *наклонность* къ преступленію, а вы — *злую наклонность*. Положимъ, что я ошибаюсь, но вы также ошибаетесь и еще гораздо грубѣ меня, и обличаете патетической фразой мою вполнину меньшую ошибку, чѣмъ вы дѣлаете сами. Одно изъ двухъ: или наклонность къ преступленію существуетъ, или нѣтъ. Если, по вашему, ея нѣтъ и вы называете ее оскорбленіемъ человѣческаго достоинства, то и злой воли нѣтъ, потому что наклонность есть только проявленіе злой воли. Но у г. Неклюдова на такого рода возраженія есть извѣстный талисманъ, употребляемый метафизиками противъ всякой бессмыслицы, въ которой нѣтъ здраваго смысла. Талисманъ этотъ называется объективной

и субъективной философией. Если субъективная философия будет доказывать, например, что я есмь я, то объективная может доказать, что я не есмь я, а идея, отрицание всякаго я и тому подобная ерунда. Точно также объективно можно доказать, что преступление совершается не *лицомъ*, а *идеей*; а субъективно — выйдет на оборотъ. Вотъ этимъ-то талисманомъ и защищается г. Невлюдовъ противъ нелѣпости своихъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ съ своей объективной философией. Послушаемъ, какъ онъ рассуждаетъ, въ цѣлу оскорбителю челоуѣческаго достоинства, Кетле: «Но что самое важное, такъ это то, что она (т. е. мысль Кетле о наклонности къ преступленію) не можетъ быть никогда подтверждена объективною философіею преступлений или уголовною статистикою (а злая-то воля!). Она не можетъ быть подтверждена ею уже по той простой причинѣ, что эта мысль заключаетъ о свойствѣ *духа*; между тѣмъ, какъ объективная философія преступлений даетъ данныя не для оцѣнки преступленія, какъ внутренняго акта, но рассматриваетъ его только какъ *внѣшнее дѣйствіе*, въ его связи съ другими видимыми, внѣшними явленіями. Она не можетъ быть подтверждена объективною философіею преступлений еще потому, что эта послѣдняя не можетъ ничего сказать объ *отдѣльномъ челоуѣкѣ*, а не можетъ она сказать этого потому, что рассматриваетъ не отдѣльное преступленіе, не преступленіе, какъ единицу, а какъ *родовое понятіе*, какъ *идею*, слѣдовательно, она и не можетъ заключать къ *конкретной частности*. Положимъ, напримеръ, что статистическія цифры показываютъ, что бѣдный, живущій трудовою копѣйкою люду совершаетъ больше кражъ, чѣмъ капиталисты-банкиры. Наблюдая этотъ фактъ, объективная философія преступлений можетъ сказать, что злая воля лица—нищаго можетъ воспользоваться скорѣе своимъ положеніемъ, чѣмъ капиталистъ для совершенія кражи (на простомъ челоуѣческомъ языкѣ, это значитъ, что бѣднякъ принужденъ будетъ скорѣе украсть, чѣмъ богачъ; — объективныхъ философовъ всегда надо переводить, чтобы понимать ихъ высокую рѣчь); но уголовная статистика сдѣлаетъ грубую ошибку и забудетъ свою задачу, если станетъ утверждать, что каждый работникъ—воръ (вотъ куда хватилъ г. Невлюдовъ) или имѣетъ известную наклонность къ воровству, а что каждый капиталистъ-банкиръ—честный челоуѣкъ. Раздавать патенты на честность—это трудная обязанность, и, во всякомъ случаѣ, не ея (?) дѣло подражать краниоскопистамъ, кефалометрамъ и физиогномикамъ; черепощупство, черепомѣрство и лицеводство (за изобрѣтеніе такихъ благоговучныхъ словъ г.

Неклюдову непремѣнно слѣдуетъ взять демидовскую премию съ Академіи наукъ) не входятъ въ ея сферу.» Далѣе продолжаетъ г. Неклюдовъ: «Въ самомъ дѣлѣ, что такое преступленіе? Мы не должны забывать, что каждое дѣйствіе имѣетъ два элемента: *внутренній* и *внѣшній*. Тотъ и преступленіе. Слѣдовательно, преступленіе есть достиженіе злѣю волею, благодаря невоспрепятствованности ей этого *внѣшнихъ условій*, преступныхъ своихъ замысловъ. Но злая воля есть элементъ субъективный и составляетъ предметъ субъективной философіи преступленій. Объективная же философія преступленій занимается, какъ мы сказали, только дѣйствіемъ съ его внѣшней стороны, только внѣшними условіями. Слѣдоват., съ точки зрѣнія объективной философіи преступленій, совершеніе преступнаго дѣянія обуславливается не одною злою волею (ею обуславливается отвѣтственность лица), ибо она сама по себѣ безплотна, а еще и внѣшними условіями. Но если это такъ, то наказаніе возможно, ибо стоитъ только на ряду съ условіями выгодными для замысловъ злой воли поставить условія парализующія, противодѣйствующія имъ, а однимъ изъ такихъ внѣшнихъ условій и можетъ быть наказаніе.» (Стр. 33—34.)

Поняли вы, читатель, что нибудь изъ того, что я сейчасъ написалъ изъ книги нашего «восходящаго свѣтила»? Я увѣренъ, что вы не поняли ничего, потому что я самъ, разбирающій «Этюды» г. Неклюдова, ничего не могъ понять изъ его объективнаго словоизверженія, и до сихъ поръ не понимаю, чего хочетъ юный криминалистъ. Поэтому я намѣренъ вступить съ нимъ въ разговоръ и попросить его отвѣчать на мой вопросъ обыкновеннымъ человеческимъ языкомъ и общепонятнымъ смысломъ:

— Признаете ли вы, г. Неклюдовъ, злая наклонности въ человѣкѣ и активное стремленіе его къ преступленію?—Признаю, отвѣчаетъ г. Неклюдовъ, и утверждаю это на каждой страницѣ моего предисловія.—Зачѣмъ же вы обличаете Кетле за признаніе того же самаго положенія? — Объективная философія на томъ и стоитъ, чтобы, въ одно и то же время, одну и ту же вещь признавать и отрицать, т. е. говорить такъ, чтобы никто не понималъ настоящаго смысла.—Въ этомъ я совершенно согласенъ съ вами, г. Неклюдовъ; но позвольте знать вашу основную мысль: допускаете ли вы отвѣтственность отдѣльнаго лица за преступленіе? — Допускаю и субъективно, и объективно и считаю наказаніе непремѣннымъ условіемъ преступленія. На этотъ счетъ я выражаюсь очень ясно: «...если статистика дѣйствительно свидѣтельствуетъ о фатализмѣ, если она ведетъ въ отрицанію права наказывать, въ такомъ слу-

чай, не стоит и заниматься уголовнымъ правомъ (и вы поступили бы хорошо, если бы перестали), а слѣдуетъ возсѣсть на вавилонскія горы и сложить руки за упокой наказанія.» — Но вавилонскія горы еще далеко отъ насъ, а похороны наказанія еще дальше, и потому вамъ можно пока и не беспокоиться объ этомъ. А просимъ васъ отвѣтить на слѣдующій вопросъ: не считаете ли вы, на стр. 234, наказаніе совершенно безсильнымъ парализовать источникъ преступленія, — «тормазомъ или карантинномъ, какъ вы говорите, задерживающимъ новый приливъ болѣзни, но неискореняющимъ ее?» — Слѣдовательно наказаніе въ вашихъ рукахъ оказывается чисто-наплативнымъ средствомъ, дѣйствующимъ, какъ привязка или прищипка, тамъ, гдѣ нужно употребить хирургическую мѣру. Гдѣ же послѣ этого справедливость и необходимость наказанія? Далѣе, вы, какъ *soi-disant*-реалистъ, даете огромное значеніе общественнымъ условіямъ, влияющимъ на совершеніе преступленія — и въ этомъ мы съ вами совершенно согласны; — вы доказываете статистическими цифрами, что не только въ извѣстномъ обществѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, но и въ каждомъ возрастѣ преступленія повторяются съ математической правильностью, и въ то же время наказываете не общество и не эти внѣшнія условія, а отдѣльное лицо. Не замѣчаете ли вы вопіющаго противорѣчія вашей двухцвѣтной теоріи? — Но вѣдь я, отвѣчаетъ г. Неклюдовъ, кромѣ внѣшнихъ условій, придумалъ еще злую волю. — Прекрасно! Но вамъ, какъ физиологу-криминалисту, не мѣшало бы объяснить обстоятельствомъ, что вы *реально* понимаете подъ этимъ словомъ и какую роль этотъ отвлеченный терминъ играетъ въ нашемъ организмѣ? Безъ этого объясненія вы рѣшительно непонятны, и тамъ, гдѣ слѣдуетъ говорить ясно и просто, вы путаетесь въ безсвязной фразеологіи. Этого мало, вы постоянно двоятесь въ вашихъ выводахъ, такъ что диссертация ваша, при всѣхъ ея хорошихъ стремленіяхъ, есть ничто иное, какъ плохо сваренная каша изъ персиковъ и гороху. А это бываетъ всегда такъ, когда теорія страдаетъ смѣшеніемъ разныхъ метафизическихъ воззрѣній съ реальными, или, какъ вы называете ее, «объективнымъ реализмомъ.»

Эта несчастная способность видѣть предметы въ двойномъ видѣ часто доводитъ г. Неклюдова до рѣшительной слѣпоты. Такъ, ни ни съ того, ни съ сего, онъ начинаетъ опровергать Кетле за его будто бы ошибочное положеніе, что число преступленій повторяется съ математически-правильнымъ *постоянствомъ*. Вотъ собственныя слова Кетле: «Это постоянство, съ жгучими повтореніями, ежегодно

одни и тѣ же преступленія и вызываютъ тѣ же самыя наказанія въ однѣхъ и тѣхъ же пропорціяхъ, есть одинъ изъ самыхъ любопытныхъ фактовъ, какіе сообщаютъ намъ статистическія данныя уголовныхъ судовъ; это я всегда старался выставить на видъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ и не переставалъ повторять каждый годъ: есть налогъ, который уплачивается съ поразительною правильностью — это налогъ темницъ, каторги и эшафетовъ; *объ уменьшеніи этого-то налога нужно всеми силами заботиться.*» Нѣсколькими строчками ниже Кетле продолжаетъ: «общество заключаетъ въ себѣ зародки всѣхъ имѣющихъ совершиться преступленій, потому что въ немъ заключаются условия, способствующія ихъ развитію. Оно, такъ сказать, подготавливаетъ преступленія, а преступники есть только орудіе. Всякое социальное состояніе предполагаетъ, слѣдовательно, извѣстное число и извѣстный порядокъ преступковъ, которые являются, какъ необходимое слѣдствіе его организаціи. Это наблюденіе на первый взглядъ можетъ показаться безотраднымъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи его, напротивъ, оно очень утѣшительно. Оно указываетъ на возможность улучшенія людей, посредствомъ измѣненія учреждений, привычекъ, состоянія образованности и вообще всего, что имѣетъ вліяніе на ихъ бытіе. Оно въ сущности указываетъ намъ на дѣйствіе закона, уже хорошо извѣстнаго философамъ, занимавшимся изслѣдованіемъ общества въ физическомъ отношеніи, а именно, что *пока существуютъ одни и тѣ же причины, всегда будутъ повторяться одни и тѣ же послѣдствія.*»

Какъ видите ясный, Кетле высказалъ свой основной взглядъ такъ ясно и напечаталъ его французскими буквами такъ четко, что, кажется, нѣтъ никакой возможности не понять его. Но г. Неклюдовъ, читающій въ книгахъ какъ-то по своему, ухитрился не только не понять, но еще обозвать Кетле чуть не обскурантомъ. Г. Неклюдову показалось, что Кетле, допуская *постоянство* преступленій при постоянно-одинаковыхъ условіяхъ общественнаго организма, вооружается противъ человѣческаго прогресса. «Нѣтъ; говорить онъ, мы видимъ постоянно смѣну однихъ условій другими, вѣчную жизнь, вѣчныя движенія, а съ измѣненіемъ причинъ должны, согласно статистикамъ, измѣняться и самыя слѣдствія.» Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть постоянства преступленій, какъ утверждаетъ Кетле. Для окончательнаго пораженія своего противника, г. Неклюдовъ обращается въ таблицамъ официальнаго французскаго статистика Ледоа, вычисляетъ количество преступленій за послѣдніе годы во Франціи и выводитъ заключеніе, что преступленія отъ 1851 — 1856 увеличились, и, слѣдовательно, Кетле неправъ, потому что считаетъ пре-

ступленія постоянными. Но позвольте, г. Неклюдовъ, въ чему весь этотъ трудъ, всё эти таблицы, вся эта суматоха, когда Кетле вовсе и не думалъ утверждать того, что навязываете вы ему по своей непонятливости? Развѣ Кетле гдѣ нибудь говорить, что преступленіе повторяется съ неизмѣненнымъ постоянствомъ даже тогда, когда измѣняются самыя условія общественной жизни? Развѣ онъ меньше вашего вѣрить въ вѣчное движеніе и жизнь? Развѣ не онъ это говоритъ, что надо всѣми силами стремиться къ уменьшенію налога, который мы платимъ темницамъ, каторгѣ и эшафотамъ? Гдѣ же тутъ недоразумѣніе? Напротивъ, въ вышеприведенной выпискѣ Кетле ясенъ, какъ день, и въ голову гениальнаго статистика никакъ не могла зайдти такая нелѣпость, которую, ни къ селу, ни къ городу, берется опровергать наше русское «свѣтило» криминальной науки. Это болѣе чѣмъ забавно, но понять это въ г. Неклюдовѣ нетрудно. Очевидно, онъ взялъ отдѣльную фразу Кетле и, не сумѣвъ связать ее съ предыдущими и послѣдующими его выводами, написалъ нѣсколько страницъ опроверженія, неимѣющаго смысла. Или, можетъ быть, г. Неклюдовъ и понялъ Кетле, но захотѣлъ либеральничать дешовымъ манеромъ и на чужой счетъ. Только ужъ я рѣшительно не могу взять въ толкъ, какихъ еще статистиковъ припутываетъ г. Неклюдовъ къ своему опроверженію. По имени онъ не называетъ ни одного изъ нихъ, а между тѣмъ, говорить, что и другіе статистики также ошибались. Кто они? укажите г. Неклюдовъ. Иначе мы въ правѣ думать, что это плодъ вашей услужливой фантазіи; какъ и вся ваша диссертация, есть результатъ плохо пережованныхъ объективныхъ умствованій.

Теперь посмотримъ, какъ «мужъ вѣрный во всеоружіи таланта» обращается съ самыми выводами въ своей диссертации. Я не буду подробно разбирать таблицы г. Неклюдова, потому что этотъ трудъ былъ бы столько же благодарнымъ, сколько и бесполезнымъ. Притомъ математическія и статистическія вѣянія г. Неклюдова находятся въ такомъ плачевномъ состояніи, что, анализируя его выводы, мнѣ пришлось бы оспаривать у него почти каждое заключеніе: такъ они произвольны и фантастичны. Да и самый предметъ, избранный имъ для диссертации, не имѣетъ того значенія, которое г. Неклюдовъ хочетъ придать ему. Нѣтъ сомнѣнія, что возрастъ вліяетъ на преступленія; одному возрасту могутъ быть свойственны одни дѣянія, а другому — другія; что грудной ребенокъ и 80-ти лѣтній старикъ неспособны совершать тѣхъ дѣйствій, для которыхъ нужна вѣрпкая мускульная сила и большая отвага, — все это очень хорошо извѣстно и безъ криминальныхъ теорій. Разсуждать объ

этомъ на 250 страницахъ — значить заниматься толченіемъ воды, когда есть вопросы болѣе жизненные и болѣе богатые по своимъ результатамъ. Если разсматривать преступленіе съ физиологической точки зрѣнія, какъ это начинаютъ дѣлать мыслящіе реалисты нашего времени, то надо отбросить и постараться забыть всѣ старыя теоріи уголовного права и наблюдать преступника, какъ больного; на мѣстѣ юриста долженъ стать медикъ и, вмѣсто наказанія, должна дѣйствовать хорошая больница. При такомъ воззрѣніи вліяніе возраста на преступленіе становится ничтожнымъ. Если же разсматривать преступленіе, какъ явленіе общественное, какъ плодъ социальнаго устройства, тогда возрастъ еще меньше имѣетъ значенія. Для изслѣдователя въ этомъ направленіи главная задача заключается въ томъ, чтобы раскрыть обстоятельства, ведущія къ тому или другому преступленію. Положимъ, что онъ останавливается на экономическомъ состояніи общества и изучаетъ его по отношенію къ суммѣ и къ характеру совершаемыхъ преступленій; для него весь вопросъ — въ томъ, чтобы показать, при какихъ условіяхъ народнаго благосостоянія количество преступленій увеличивается или уменьшается; какими, напримѣръ, послѣдствіями сопровождается нищета и бѣдность и на какія сословія преимущественно подаетъ неизбѣжная тяжесть злодѣяній. Тутъ изслѣдователь встрѣчается лицомъ къ лицу съ тѣми явленіями, которыя, главнымъ образомъ, управляютъ ходомъ уголовной статистики. Бѣдность и постоянный спутникъ его — невѣжество создаютъ большинство преступниковъ; ими опредѣляется относительная цифра такъ называемыхъ людей добродѣтельныхъ и развратныхъ. Съ другой стороны, такое изслѣдованіе научить насъ видѣть въ наказанномъ преступникѣ потерянную силу для общественной экономіи. Не все равно для общества содержать въ тюрьмахъ 30 или 40 тысячъ гражданъ, которые были бы полезны на свободѣ, какъ дѣятельные члены общества; не все равно имѣть такіе суды, въ которыхъ тянутся процессы по десяти и двадцати лѣтъ и отвлекаютъ подсудимаго отъ его спокойной дѣятельности; не все равно опредѣлять такія наказанія, которыя бесполезно и съ непонятно-звѣрской жестокостью разстроятъ физическія или умственные силы преступника. Не все равно для общества и человѣчества ежегодно осуждать нѣсколько тысячъ человѣкъ на такія работы, которыхъ не вынесло бы здоровье выючнаго скота, или выбрасывать осужденныхъ въ такія колоніи, гдѣ на 100 преступниковъ сорокъ человѣкъ умираетъ каждый годъ. Къ сожалѣнію, этотъ великій экономическій взглядъ почему-то не удостоивался вниманія крими-

налистовъ. Но если эти истины проникнуть въ сознание законодателя и общества, тогда криминалистъ можетъ дѣйствительно похвалиться не безцѣльнымъ стремленіемъ своей науки. Но и тутъ возрастъ составляетъ самую мелкую задачу для изслѣдователя. Если преступленіемъ управляютъ внѣшнія обстоятельства, то лѣта преступника ничего не значать по своему вліянію. При одинаковыхъ условіяхъ, и 20-лѣтній молодой человѣкъ, и 60-лѣтній старикъ могутъ совершить одно и то же преступленіе. Вся разница будетъ въ степени физической возможности, но эта разница слишкомъ ничтожна сравнительно съ другими задачами современнаго криминалиста.

Согласимся, однакожъ, съ г. Неклюдовымъ, что значеніе возраста очень важно для уголовной статистики, и посмотримъ, какъ онъ распоряжается своими выводами. Для образчика съ насъ достаточно только одной V главы его диссертации. Въ этой главѣ г. Неклюдовъ разсуждаетъ о развитіи преступленій по возрастамъ и по силамъ, отъ которыхъ они зависятъ. «Въ возрастѣ отъ 1—16 лѣтъ, говоритъ г. Неклюдовъ, преобладаютъ только два преступленія — *воровство-кража* и *зажигательство*.» Объясненіе этому предлагается слѣдующее: «Ребѣчество отличается наклонностью къ кражѣ и зажигательству по глупости и неразумѣнію: — прежде всего французъ является глупымъ, неразвитымъ и неопытнымъ (отъ 1—21 г.) и стремится къ удовлетворенію потребностей своего настоящаго существованія (т. е. воруетъ).» Такимъ образомъ, французъ занимается воровствомъ по глупости и неразвитости. А когда и почему онъ беретъ *взятки*? По выводамъ г. Неклюдова, это преступленіе падаетъ на возрастъ отъ 50—55 лѣтъ, потому что въ этомъ возрастѣ является наклонность къ накопленію имущества, и французъ запасается опытностью и умомъ. Такимъ образомъ, пожилой французъ воруетъ по опытности и умѣлости, а малолѣтній — по неопытности и глупости; слѣдовательно, одно и то же преступленіе совершается подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ побужденій. Конечно, такіа объясненія ровно ничего не объясняютъ и ни къ какому реальнымъ выводамъ не ведутъ. *Отцеубійство* отнесено г. Неклюдовымъ къ среднему возрасту отъ 30 — 35 лѣтъ, но на стр. 126 съ изумленіемъ находимъ, что отцеубійцами бывають и старики отъ 80 — 100 лѣтъ. Изъ какой статистики почерпнулъ этотъ фактъ г. Неклюдовъ — это было бы интересно узнать. Не отрицаемъ возможности, что въ продолженіи цѣлаго вѣка можетъ случиться такое диковинное преступленіе, чтобы 80-лѣтній старикъ убилъ своего отца, но это будетъ такимъ исключе-

ніемъ, на которомъ построить общій законъ было бы крайне-нелѣзно, а г. Неклюдовъ въ своихъ выводахъ занимается именно міровыми законами. Еще курьезнѣе тотъ выводъ (см. табл. 48, 49, 50 и 25), что индивидуумы отъ 1—16 лѣтъ совершаютъ убійства, но смертельныхъ ранъ не наносятъ, слѣдовательно убиваютъ или на поаваль, или даютъ промахъ. Таблица 57, объ отношеніи возраста къ посягательству на свободу, рекомендуетъ кашето статистику, какъ плохого счетчика. Для возраста отъ 65—70 лѣтъ у него оживаетъ преступниковъ этого рода только 1; а отъ 70—80 лѣтъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прибыло еще 2; а отъ 80—100 л. опять 1. Иногда же г. Неклюдовъ позволяетъ себѣ сочинять свою собственную уголовную статистику. Тамъ, на стр. 244 онъ раздѣлилъ общество по роду занятій на слѣдующія категоріи:

1) Работающіе на себя; 2) работающіе на другихъ и 3) ничего не работающіе. Вычисляя количество преступленій на каждую изъ этихъ категорій, г. Неклюдовъ опредѣлилъ его въ слѣдующемъ процентномъ содержаніи: для первой категоріи 27% на 100, для второй—57% а для третьей 16%. Выходитъ, что бродяги ничѣмъ незаняты, совершаютъ менѣе преступленій, чѣмъ рабочіе, занятые постояннымъ трудомъ. Вообще статистическій методъ г. Неклюдова страдаетъ величайшимъ сумбуромъ. Чтобы добиться извѣстнаго вывода, онъ сравниваетъ цифры преступности англійской, французской, бельгійской, австрійской и т. д. и, не объясняя обстоятельствъ, дѣйствующихъ различно у разныхъ народовъ, выводитъ изъ нихъ общіе результаты, которые сами себя и разрушаютъ. Кроме того, г. Неклюдовъ слишкомъ довѣрчиво относится къ французской официальной статистикѣ, особенно со времени *compt. d'état*. Кому же неизвѣстно, что это одна изъ самыхъ сомнительныхъ статистикъ, въ которой итоги подводятся съ такимъ искусствомъ, которому позавидовалъ бы любой бухгалтеръ нашихъ питейныхъ заведеній?

Останавливаться дольше на диссертациі г. Неклюдова не стоить, но по поводу ея стоить сказать нѣсколько словъ нашимъ молодымъ криминалистамъ. Если они не хотятъ принять послѣдніе выводы современныхъ точныхъ знаній, то пусть лучше откажутся отъ своей науки и не создадутъ изъ нея новой хиромантии. Истина не двоится, и кто уважаетъ ее, тотъ не станетъ плавать между двумя водами, защищая себя тѣмъ пошлымъ аргументомъ, что для настоящаго времени еще рано высказывать истину въ полномъ ея объемѣ. Всякое лицемеріе можетъ быть извинительно, но только не лицемеріе въ идеяхъ. Когда дѣло идетъ о приложеніи идеи къ

самой жизни, тогда еще возможны и даже могут быть полезные уступки; но когда мы ограничиваемся только одним теоретическим взглядом на предмет, тогда лучше вовсе молчать, чѣм говорить вполовину.

Въ июньской кн. «Рус. Слова» за 1864 годъ, мы заявили о выхождѣ въ свѣтъ первой части *Руководства къ изученію дѣтскихъ болѣзней* д-ра Фогеля, переведеннаго и дополненнаго д-ромъ Зеленскимъ. Теперь явилась и вторая, послѣдняя часть этого сочиненія. Нечего и говорить о томъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ руководствъ по этому предмету, что у насъ почти вовсе не существуетъ дѣтской гигиены, что смертность въ дѣтскомъ возрастѣ достигаетъ у насъ поразительной цифры, а именно 50%, и потому всякое хорошее руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней очень полезно для нашей публики. Вѣроятно, въ ту самую минуту, когда мы пишемъ эти строки, есть много матерей, которыя проводятъ безсонныя ночи надъ своими больными дѣтьми и страдаютъ еще болѣе, чѣмъ самыя дѣти. Незнаніе есть первый источникъ человѣческаго страданія; но въ такія минуты, когда мы не можемъ облегчить положеніе своего любимаго существа по своему незнанію, — оно ложится мучительнымъ укоромъ на совѣсти. За неимѣніемъ медива въ какомъ нибудь захопустѣ или за неимѣніемъ средствъ оплатить медицинскую помощь, многія матери могли бы быть лучшими врачами своихъ дѣтей, еслибъ только у нихъ озацались необходимыя для этого знанія; еслибъ недѣльное воспитаніе не отводило глаза русской женщины отъ прямыхъ и существенныхъ интересовъ ея жизни. Пусть каждая мать, имѣющая возможность молучить образованіе, не боится медицинской книги; пусть она помнитъ, что домашняя гигиена есть первое условіе здоровья и правильнаго развитія ея дѣтей; пусть она, наконецъ, убѣдится, что чтеніе каковаго нибудь пошленькаго французскаго романа не прибавитъ къ ея жизни ни одной крупинки истиннаго наслажденія, а изученіе дѣтскихъ болѣзней дастъ ей, можетъ быть, нѣсколько счастливейшихъ минутъ въ ея семейномъ быту. Эти минуты она испытаетъ на своихъ и на чужихъ дѣтяхъ, которымъ сумѣетъ подать своевременную помощь. — Книга Фогеля, разумѣется, не романъ и не повѣсть; это тяжелый специальный трудъ, но въ немъ, благодаря хорошему переводу, объясненіямъ и дополненіямъ г. Зеленскаго, можно найти множество страницъ, доступныхъ пониманію всякаго, и незанимавшагося специально медициной. Въ слѣдующихъ книжкахъ мы представимъ подробный разборъ этого сочиненія.

г. в.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Движеніе сѣверо-американской арміи къ Ричмонду.—Паденіе Ричмонда и капитуляція генерала Ли.—Пожаръ въ столицѣ южанъ.—Вступленіе непріятеля въ Ричмондъ и бѣгство Джефферсона Дэвиса.—Значеніе Линкольна, какъ политическаго дѣятеля и президента американской республики.—Платоническій экстазъ европейской прессы къ Линкольну.—Убійство президента Уильямсомъ Бусомъ.—Подробности этого событія.—Неблаговидная мѣра, предпринятая новымъ президентомъ, Джонсономъ, для поимки убійцы и соучастниковъ ихъ.—Письмо Буса, проливающее свѣтъ на эту фанатическую личность.—Мнѣніе о новомъ президентѣ.—Непотизмъ прусскихъ депутатовъ.—Басня вороны и лисицы, применяемая къ политикѣ Австріи и Пруссіи.—Программа примиренія Венгрии съ Австріей, обнародованная венгерскимъ патриотомъ Деакомъ.—Попытки къ новому соглашенію Пія IX съ Викторомъ Эммануиломъ.—Новые подвиги испанскаго министра Нарваэца.—Вооруженное состояніе Европы и защитники этого состоянія.—Взглядъ Прудона въ его послѣднемъ, еще неизданномъ сочиненіи на политическую способность рабочаго населенія Франціи.

Мы оставили Гранта выступающимъ въ походъ. Въ теченіи цѣлаго года онъ наблюдалъ за своимъ грознымъ противникомъ Ли. Наконецъ, онъ двинулся. Мы ждали удара. Ударъ разразился страшный.

Послѣ военнаго совѣта, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ Линкольнъ, 29 марта, всѣ силы уніонистовъ выступили въ походъ.

Мидъ командовалъ потомакскою арміею, Ордъ — джемскою; шенандойскую вель Шериданъ. Шерманъ успѣшилъ возвратиться къ своимъ войскамъ въ Сѣверную Каролину.

Движеніе сѣверянъ грозило разомъ и Ричмонду и Питерсборо, но прежде всего оно было направлено противъ знаменитой юго-западной желѣзной дороги, по которой оба осажденные города сообщались между собою и съ остальными областями конфедерациа Юга. Въ тотъ же день федеральныя войска приблизились къ этой дорогѣ на разстояніе 1,500 метровъ. На другой день каньона продолжалась, и происходили страшныя схватки въ штыки; но конфедераты мужественно держались въ своихъ линіяхъ. Дождь лилъ ливнемъ; почва размокла. 31 марта Ли, командовавшій лично своею 75-тысячною арміею, перешелъ въ наступательное положеніе и рано утромъ атаковалъ слабый пунктъ позиціи сѣверянъ. Бой былъ жаркій. Первая атака Ли была отбита; но вскорѣ онъ занялъ потерянные пункты, опрокинулъ непріятеля и былъ снова отбитъ превосходными силами Шеридана. Шериданъ продолжалъ тѣснить Ли, и на другой день, 1 апрѣля, послѣ отчаянной борьбы, онъ искуснымъ маневромъ овладѣлъ укрѣпленіями южанъ въ Файвъ-Форкесъ и достигъ желѣзной дороги. Движеніе это рѣшило судьбу сраженія. Съ этихъ поръ оно могло считаться выиграннымъ сѣверянами.

2 апрѣля, на зарѣ, сѣверяне атаковали всю линію южанъ. Войска обѣихъ сторонъ дрались съ ожесточеніемъ, достойнымъ битвы при Джеттиборо; южане геройски защищали каждый клочекъ земли, но земля сама измѣняла имъ. Они были принуждены отступить въ Питерсборо, оставивъ за собою въ одинъ только этотъ день 50 пушекъ и 12,000 плѣнныхъ.

Главкомандующему Ли совѣтовали запереться въ Питерсборо. Это значило бы идти на вѣрный плѣвъ, подобно Пембертону въ Випсбургъ. Ли предпочелъ испытать еще счастья и, очистивъ ночью Питерсборо и Ричмондъ, двинулся съ остатками своей арміи по Данвильской дорогѣ, — единственной, которая не была еще отрѣзана: онъ думалъ идти къ Линчбургу. Но и этотъ планъ былъ отвергнутъ.

Такииъ образомъ, Ли былъ разбитъ, и Грантъ преслѣдовалъ его армію. Цѣлыхъ десять мѣсяцевъ оба они окружали себя грозными укрѣпленіями, тройными и четверными фортификаціонными линіями, копались подъ землей и на землѣ, рыли сотни километровъ рвами, парапетами, траншеями. Грантъ подвигался медленно. Чтобы

овладѣть камнемъ, онъ дѣлалъ тысячу ружейныхъ выстрѣловъ, изъ-за скалы палилъ изъ тысячи пушекъ, изъ-за холма жертвовалъ десятью тысячами человекъ. Федеральная армія двигалась впередъ медленнѣе улитки. Чтобы занять рошницу, ей была нужна ведѣля; на переходѣ оврага — двѣ; двухъ мѣсяцевъ едва хватало на подъемъ на гору. Наконецъ, батареи открылись, и 120,000 человекъ Гранта бросились на 75,000 Ли; пять дней рѣзались эти 200,000 человекъ, чеда, разбитый на всѣхъ пунктахъ, Ли покинулъ, наконецъ, въ бѣгствѣ поле битвы. Пораженіе подъ Ричмондомъ было рѣшительнѣе ватерлоскаго. Четыре арміи бѣжали, преслѣдуемыя четырьмя другими; онѣ бѣжали, каждая въ свою сторону, ища спасенія себѣ одной, безъ цѣли соединиться, безъ общаго плана, безъ надежды, тѣснимыя неудоимимымъ непріателемъ, который наносилъ имъ удары стлыу. Все бѣжало, бросивъ оружіе, слыша за собою звонъ непріятельскихъ сабель и топотъ кавалеріи. Бросали шпаги, ружья, распрагали орудія, чтобы сѣсть на упряжныхъ лошадей; раненые, утомленные, голодные, падали и покрывали своими тѣлами путь. Непріатель забиралъ оружіе, зарядные ящики, пѣвннхъ, и вскадроны его все болѣе и болѣе тѣснили бѣглецовъ.

Ли имѣлъ въ виду пробраться въ Сѣверную Каролину, чтобы соединиться съ Джонстономъ. Но онъ шелъ по сѣверному берегу Аппотомакса, а Грантъ занималъ южный и препятствовалъ Ли перейти рѣку, принуждая его все болѣе и болѣе удаляться отъ Каролины. Послѣ трехдневнаго бѣгства, южанская армія, все время преслѣдуемая кавалеріей Шеридана, была настигнута близъ Берксвилля нѣсколькими корпусами сѣверной арміи. Здѣсь она дала послѣднее сраженіе и потерѣла послѣднее мораченіе. Оно было рѣшительное—13,000 чел. — въ томъ числѣ семь генераловъ,—попались въ плѣнъ. Всѣ пути къ отступленію были отрѣзаны Ли. Солдаты, чувствуя, что все потеряно, повидали ряды и расходились по домамъ.

Тогда Грантъ первый предложилъ почетныя условія капитуляціи и написалъ Ли письмо, предлагая ему сдаться. Простота, прямота и благородное мужество, которыми дышатъ письма полководцевъ, заслуживаютъ удивленія. Будь на мѣстѣ Гранта Наполеонъ Бонапартъ, онъ вставилъ бы всѣ сорокъ вѣковъ поадривлять его съ побѣдой; онъ призвалъ бы Аппотомаксъ или Сиція горы въ свидѣтели своего великодушія; но Грантъ оказался выше всякихъ театралныхъ вы-

ходовъ.—Ли принялъ условія, и 9 апрѣля остатки его арміи положили оружіе.

Несчастные конфедераты провели тридцать шесть послѣднихъ часовъ безъ пищи. Ихъ накормили и отослали по домамъ, взявъ съ нихъ обѣщаніе не поднимать противъ Соединенныхъ Штатовъ оружія и уважать законы.

Извѣстіе объ этой капитуляціи, столь почетной для побѣжденныхъ, столь великодушной со стороны побѣдителей, было получено въ Вашингтонѣ ночью и, обѣжавъ, какъ электрическій токъ, столицу, разбудило всѣ города Сѣвера, привѣтствовавшіе его восторженными вливами, веселымъ звономъ и пушечными выстрѣлами.

Но еще раньше Сѣверъ торжествовалъ взятіе Ричмонда, сдавшагося безъ выстрѣла. Около того времени, какъ Ли выходилъ изъ однихъ воротъ, федералисты входили въ другія. Что же касается Джефферсона Дэвиса, то онъ не дождался окончанія сраженія: забралъ государственныя бумаги и успѣшилъ удалиться, сперва въ Данвилъ, потомъ въ Августу, потомъ дальше, Богъ вѣсть куда.

Полное смятеніе, невыразимый ужасъ овладѣли аристократической частью народонаселенія, членами южанскаго конгресса и чиновникамъ гибнущаго правительства. Каждый помышлялъ только о своемъ спасеніи.

Городъ былъ очищенъ въ ночь съ 2 на 3. Войска, какъ въ Чарльстоунѣ, передъ уходомъ зажгли нѣкоторые кварталы города, чтобы озарить себя въ глазахъ потомства геройскимъ пламенемъ. Огонь начался съ табачныхъ магазиновъ, принадлежавшихъ французскому правительству; это тотъ самый табакъ, который нѣкогда привелъ въ волненіе всѣхъ дипломатовъ обѣихъ полушарій и послужилъ предлогомъ посольству въ Ричмондѣ г. Мерсье. Огонь быстро разлился и произвелъ страшныя опустошенія. Но это еще не все. Когда было рѣшено оставить городъ, муниципальный совѣтъ тайно собрался и, судя о федеральной арміи по своимъ войскамъ и опасаясь излишествъ побѣдоносной солдатчины, рѣшилъ истребить всѣ спиртные напитки, имѣющіеся въ городѣ. Поэтому, около полуночи приступили къ этому дѣлу подъ надзоромъ комитетовъ, составившихся во всѣхъ кварталахъ. Сотни боченковъ были разбиты на улицахъ; содержимое ихъ текло въ канавахъ; запахъ спирта носился въ воздухѣ. Но, предпринимая это, не приняли въ расчетъ южанскихъ войскъ. Отстающіе солдаты овладѣли нѣсколькими

бечами войска. Съ этихъ поръ, рассказываетъ ричмондскій *Whig*, порядокъ исчезъ; наступилъ совершенный хаосъ; городъ обратился въ какой-то вандемоніумъ. Пьяные солдаты господствовали въ Ричмондѣ до прибытія федералистовъ. Они разбивали прикладами стеклянными окна магазиновъ и забирали все, что попадалось подъ руку. Особенно грабежъ свирѣпствовалъ въ магазинахъ ювелировъ, пертныхъ, башмачниковъ, шляпочниковъ, а также булочныхъ и кондитерскихъ. Между тѣмъ, пожаръ яростно пылалъ, пожирая общественныя зданія, казенные склады, частные дома и угрожая уничтожить весь городъ. Ужасные взрывы потрясали въ то же время воздухъ и зданія. На рѣкѣ Джемсъ взлетали на воздухъ суда, въ предмѣстіяхъ—пороховые магазины. Взрывы колебали стѣны домовъ, какъ землетрясеніе, убивали и ранили людей.

Федералисты не присутствовали при этой страшной сценѣ; они знали, что южане удалились изъ города; по нимъ было также извѣстно, что вокругъ укрѣпленій они закопали множество ракетъ, такъ что въ темнотѣ нельзя было подойти къ городу, не рискуя попасть въ засаду. На зарѣ отрядъ, посланный на рекогносцировку къ форту Данильмеру, нашелъ, что мины такъ близко расположены одна отъ другой, что, во избѣжаніе ихъ, необходимо идти по одному человѣку въ рядъ. Въ шесть часовъ войска Вейцеля двинулись, и полкъ чернокожихъ первый вступилъ въ столицу Юга.

Страшная перемена событий! Эти негры, нѣкогда презираемые и бичуемые буйволовой плетью на площадяхъ Ричмонда, теперь входили въ столицу своихъ тирановъ побѣдителями; они шли, предшествуемые музыкой и барабаннымъ боемъ, съ заряженными ружьями; офицеры ихъ, сидѣвшіе на своихъ рослыхъ лошадяхъ, держали шпаги на-голо. Въ головѣ этого отряда развѣвалось звѣздное знамя. Федералисты вступили въ Ричмондъ не только какъ побѣдители, но и какъ спасители.—Пожаръ усиливался. Пламя и дымъ, вырываясь изъ сотни домовъ, погруженныхъ въ огненное море, придавали воздуху багровый цвѣтъ. Улицы были загромождены полуобгорѣлыми и валявшимися въ грязи товарами и мебелью. На разныхъ пунктахъ города и особенно въ торговомъ кварталѣ, зданія представляли кучу развалинъ; черныя стѣны и торчавшія въ воздухѣ трубы производили самое непріятное впечатлѣніе на тѣхъ, кто въ нѣсколько часовъ на мѣстѣ этихъ развалинъ видѣлъ великолѣпные дома.

Если бы вѣтеръ былъ сильнѣе, Ричмондъ сгорѣлъ бы до тла. Вступивъ въ городъ, побѣдители разсѣялись по улицамъ, чтобы бороться съ огнемъ. Пожарныхъ трубъ не было, и пришлось дѣйствовать противъ этого новаго врага, какъ и противъ прежняго, — пушками. Разрушали выстрѣлами дома, чтобы удержать распространеніе пламени. Къ вечеру удалось побѣдить огонь, который началъ утихать по недостатку матеріала.

4 апрѣля президентъ Линкольнъ вѣзъ въ Ричмондъ и остановился въ домѣ Джефферсона Дэвиса. Народонаселеніе приняло его съ энтузіазмомъ. Здѣсь онъ принималъ всѣхъ бойцовъ, находившихся въ Ричмондѣ; потомъ, въ сопровожденіи своего штаба, объѣхалъ городъ и осмотрѣлъ тройную линію укрѣпленій, такъ долго отражавшихъ всѣ усилія сѣверянъ, а также 500 пушекъ, пропнутыхъ Ли. Затѣмъ онъ вернулся въ Нью-Йоркъ среди всеобщаго ликованія...

Но это не былъ восторгъ побѣдителей-ганнибаловъ, за которыми старая Европа упочила имена знаменитыхъ вождей. Не было ни чувства озлобленія, ни дикаго торжества, которыми обыкновенно сопровождаются подобные случаи. Послѣ одной изъ колоссальныхъ побѣдъ, какихъ доселѣ не видѣлъ миръ, послѣ побѣды, такъ дорого купленной, никто не думалъ платить бесполезнымъ мщеніемъ, а каждый требовалъ полнаго примиренія съ Югомъ, безусловной амнистіи, даже въ отношеніи къ Джефферсону Дэвису, главному виновнику столькихъ бѣдствій. И великодушнѣе всѣхъ былъ въ настоящихъ случаѣхъ президентъ американской республики, Авраамъ Линкольнъ. Онъ готовилъ прокламацію мира, братства и всепрощенія; онъ уже обдумывалъ планъ возстановленія свободнаго союза раздробленныхъ частей американскаго общества, какъ непредвидѣнная смерть лишила сѣверные штаты этого *честнаго чловека*.

Въ этомъ все значеніе покойнаго президента. Онъ не былъ ни гениемъ, ни великимъ чловекомъ; нѣтъ, онъ былъ просто добросовѣстнымъ исполнителемъ желаній своего народа, честнымъ гражданиномъ между своими согражданами. Онъ не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать ничего такого, что превосходило бы силы самаго обыкновеннаго американскаго гражданина, съ твердымъ характеромъ и съ здравымъ смысломъ. Онъ никогда не заглядывалъ далѣе своего прямого долга и тѣхъ обстоятельствъ, которыя ру-

ководили и направляли его дѣятельность. Въ національномъ движеніи свободной страны онъ былъ не болѣе, какъ виднотомъ, легко обрацающимся при каждомъ восторженномъ натискѣ, соразмѣряющимъ механическій ходъ цилиндра и удерживающимъ его въ границахъ правдильнаго круговращенія. Если бы Линкольнъ могъ навязывать свои личные планы и волю національному движенію, то онъ былъ бы постоянно то назади, то впереди своего народа, и въ обоихъ случаяхъ былъ бы поимѣхой и напрасной тратой силъ въ развитіи неудержимыхъ событий. Только благодаря этой гармоніи между націей и исполнительнымъ органомъ ея власти, можетъ существовать полное равновѣсіе сѣверо-американскихъ учреждений. Для успѣха предстоящей войны нуженъ былъ именно такой человекъ, какъ Линкольнъ: его умственная посредственность и величайшая честность: какъ нельзя болѣе были кстати. Война была самая громадная и слѣдная по своимъ размѣрамъ и интересамъ,—война, въ которой пять или шесть армій, отъ двухъ до пяти сотъ тысячъ человѣкъ, располагались другъ противъ друга на разстояніи нѣсколькихъ сотъ километровъ,—на сушѣ и на морѣ, война противъ самыхъ сильныхъ европейскихъ кабинетовъ. Тутъ былъ удобней случай интриговать противъ могущественной республики англійскому коварству и французскому тупоумію. Пальмерстонъ и Друэнъ-де-Линкъ тайно подавали руку помощи плантаторамъ изъ понятной ненависти къ Сѣверо-американскимъ Штатамъ. Кромѣ того, это была война гражданская, между братьями одной и той же націи, воспитанными подъ вліяніемъ одинаковыхъ учреждений и дѣйствовавшими съ одинаковой энергіей. Въ первое время перевѣсъ оставался даже на сторонѣ плантаторовъ: тамъ были болѣе развиты военныя способности, дипломатическая довѣсть, привычка къ администраціи, тогда какъ янки были только дѣловыми людьми въ промышленности и торговлѣ. На сторонѣ Юга находились готовые богатые военныя запасы англійскихъ и французскихъ арсеналовъ, а Сѣверъ долженъ былъ создавать все самъ, своими собственными средствами; онъ долженъ былъ обратить свой кушеческій флотъ въ военный и создать новый, которому пришлось мѣряться силами не только противъ флота южанъ, но и противъ европейскихъ корсарскихъ судовъ, высылаемыхъ изъ Бордо и Ливерпуля. Только необыкновенная властичность народной силы и ума могла побѣдить всѣ трудности, съ которыми встрѣтился Сѣверъ при

началъ войны. При такомъ ходѣ дѣлъ гениальной человекъ былъ бы опасенъ для Америки.

Къ счастью, Линкольнъ былъ умъ честный, но посредственный, и на большее онъ не претендовалъ. Рассказываютъ, что одна старая негрятинка бросилась къ его ногамъ и превознесла его самыми торжественными именами, какія только могъ подсказать ей наивный ея энтузизмъ. Президентъ поднялъ ее братски и съ своей саркастической улыбкой сказалъ ей: «Послушайте, добрая старуха: неужели я долженъ быть великимъ человекомъ только потому, что южные плантаторы были такими бездѣльниками?»

Но насъ удивляетъ платоническое увлеченье европейской прессы, которой непременно нужны для великихъ событій гени, которая, во что бы то ни стало, желаетъ произвести и Линкольна въ великіе люди. Въ этомъ случаѣ, европейская пресса недалеко ушла въ своей проникательности и благородствѣ отъ старой негрятинки... Ей кажется и она привыкла такъ думать, что если Линкольнъ стоялъ во главѣ великихъ событій, приготовленныхъ и законченныхъ усиліями цѣлаго народа, то онъ долженъ быть самъ необыкновенный герой и гений. Поэтому и смерть его была встрѣчена общимъ взрывомъ столько же краснорѣчивыхъ, сколько бессмысленныхъ изліяній гражданской скорби. Можно проливать праздыя слезы надъ гробомъ Линкольна, кому это угодно, какъ надъ хорошимя мужемъ маэстрисъ Линкольнъ, какъ надъ частнымъ человекомъ, но, принимая его смерть, какъ политическое событіе, кажется, можно было бы и не впадать въ роль наемныхъ плакальщицъ. Смерть Линкольна не измѣняетъ ни на волосъ ни сѣверо-американской конституціи, ни хода войны, ни тѣхъ результатовъ, которые ожидаются отъ этой войны. Вотъ уже прошелъ мѣсяцъ, какъ Линкольна зарыли въ землю, вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ европейскія газеты воюемъ воютъ надъ его могилой, а въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ все идетъ по прежнему, какъ будто Линкольна никогда и не существовало. Изъ рядовъ націи, какъ изъ рядовъ войска, выбылъ одинъ членъ,—но ряды сомкнулись и, не нарушая своего стройнаго хода, такъ же идутъ впередъ, только нѣкоторые наклонились, чтобы поднять горсть земли и бросить ее на гробъ покойника.

Но обратимся къ самымъ фактамъ этого происшествія.

4 апрѣля, вечеромъ, былъ спектакль въ большомъ театрѣ Вашингтона. Президентъ Линкольнъ, генералъ Грантъ и военный ми-

нистръ Стентонъ предполагали присутствовать на спектаклѣ, но передъ началомъ его Грантъ долженъ былъ отправиться за городъ.

Президентъ сѣлъ въ ложу у авасценны съ миссъ Линкольнъ и одной знакомой дамой. За ними сѣдѣлъ въ той же ложѣ майоръ Ратбонъ. Линкольнъ былъ очень веселъ: его радовали полученные новости. «Быть можетъ, мнѣ не слѣдуетъ такъ радоваться, сказалъ онъ накануне министру Сьюарду, лежавшему въ постели вслѣдствіе опаснаго паденія изъ коляски. — Мнѣ снилось, что корабль Семза гордо плеска по вѣтру. Но вѣтеръ, надувавшій его паруса, былъ слишкомъ силенъ, и матросы не могли справиться съ нимъ: прежде чѣмъ они успѣли спохвататься, корабль ударился о страшную скалу. Замѣчательно, что я уже не въ первый разъ вижу этотъ сонъ, и вслѣдствіе этого передъ какою нибудь бѣдой». Не ручаясь за вѣрность этого анекдота, передаваемого частными письмами; но, какъ бы то ни было, известно, что Линкольнъ съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ представленіе, и его обыкновенно строгое и даже грустное лицо на этотъ разъ улыбалось. Желая его была также занята игрою актеровъ. Спектакль былъ народный, потому что въ этотъ день праздновали годовщину начала междоусобной войны. Въ одиннадцать часовъ въ президентскую ложу вошелъ человекъ, нарушившій это противопогражданское празднество страшнымъ ударомъ, отъ котораго вздрогнули всѣ сердца въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ.

Лажей хотѣлъ остановить незнакомаго посетителя словами: «Это ложа президента». — «Я знаю, отвѣчалъ словесно посетитель; г. Линкольнъ сдѣлалъ мнѣ знакъ войти; я сенаторъ.»

Войдя, онъ осмотрѣлся. Майоръ Ратбонъ, увидѣвъ его, всталъ. — «Знаете ли вы, м. г., кого вы беспокоите?» — Извините, отвѣчалъ вопреки, отступая и дѣлая видъ, что затворяетъ двери. Но черезъ полурастворенную дверь онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и Линкольнъ, молча, понинъ головой на грудь. Быстрый, какъ молнія, убійца винулса въ ложу, ударилъ кинжаломъ въ грудь испуганнаго майора и, привставъ на скамейку между дамами, высочилъ изъ ложи на сцену. Здѣсь онъ взмахнулъ кинжаломъ, воскликнувъ: *sic semper tyrannis* (такова всегда участь тирановъ!) и исчезъ, ранивъ на пути капельмейстера и антрюу. Прежде чѣмъ зрители успѣли опойниться, онъ выбѣжалъ заднюю дверью на крыльцо, гдѣ

его ждалъ быстрой конь. Вскочивъ на него, онъ вскорѣ исчезъ въ кралѣ.

Въ то время, какъ происходила эта ужасная драма въ Вашингтонскомъ театрѣ, другой убійца, Пэнъ, входилъ въ комнату больного Сьюарда. Его не хотѣли пустить, хотя онъ объявилъ, что присланъ докторомъ, но онъ кинжаломъ проложилъ себѣ путь къ министру, поразивъ на пути нѣсколько человекъ, старавшихся задержать его. Сынъ Сьюарда послѣдній пытался загородить ему доступъ въ комнату отца, но убійца, пистолетъ котораго, направленный противъ молодого Сьюарда, дважды осѣкся, нанесъ ему два удара дуломъ по головѣ и въ двухъ мѣстахъ раздробилъ черепъ. Фредерикъ Сьюардъ упалъ замертво.

Съ кинжаломъ въ рукѣ вошелъ убійца въ комнату министра и бросился къ постели его. Больной отчаянно защищаясь и неумолимо сжималъ вокругъ шеи одъяло; но онъ не могъ предохранить отъ ножа своего лица, которое было покрыто ранами. Испуганная сдѣлала и дочь Сьюарда, находившаяся въ его комнатѣ, совершенно растерялись. Во время борьбы въ комнату вбѣжалъ солдатъ и хотѣлъ схватить убійцу, но палецъ, пораженный кинжаломъ въ бокъ. Другой сынъ Сьюарда и слуга его были ранены убійцею при уходѣ. Онъ вскочилъ на лошадь и ускакалъ.

Темная ночь помогла скрыться Бусу изъ Вашингтона.

Вмѣстѣ съ своимъ соучастникомъ, юношей Гарольдомъ, Бусъ достигъ рѣки Потомака, переправился черезъ нее въ челнокѣ и удалился въ Сентъ-марійскія болота, въ Мериландѣ. Здѣсь онъ нашелъ пріютъ у доктора Модда, который перевязалъ рану Буса и скрылъ его отъ сыщиковъ. Ища болѣе безопаснаго мѣста, Бусъ спрятался въ ригу, гдѣ и окружилъ его отрядъ кавалеріи, гнавшейся по его слѣдамъ. Сержантъ Корбетъ, желая взять живымъ Буса, убѣждалъ его сдаться безъ сопротивленія, но убійца Линкольна на отрѣвъ отказался. Корбетъ замелъ ригу, и когда Бусъ готовъ былъ бѣжать по горящимъ развалинамъ, Корбетъ въ полурастворенную дверь выпрыгнулъ въ него и попалъ въ шею; пуля прошла насквозь и смертельно ранила Буса. Черезъ нѣсколько часовъ, среди самой мучительной агоніи, онъ умеръ; послѣдними его словами были: «Снизжите мой матери, чтобы я умеръ за свою родину».

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самой личности Буса.

Подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній и услужливой фантазіи га-

затянутомъ запечатанныя доселѣ свѣденія о Бушѣ отличаются самыми противорѣчивыми и длинными сплетнями; и пока дѣло не раскрестомъ гласно и не выслушаются показанія противной стороны, ничего не думать о томъ, чтобы добиться истины. Мы даже думаемъ, что неуклонная полицейская тактика вашингтонскаго правительства, дѣйствующая подкунами даже на нейтральныя государства и желающая купить голову Джефферсона Дависа деньгами, скорѣе запутаетъ и обобразитъ дѣло, чѣмъ разъяснитъ его, какъ слѣдуетъ. Ясно, что новому президенту хочется дать настоящему случаю самый торжественный характеръ и, вмѣсто всепрощенія, обвиняемаго Линкольному, угостить американцевъ кровавыми зрѣлищемъ гуртовой казни. Иначе нельзя объяснить этого желанія припутать къ дѣлу такое множество лицъ, но одному какому нибудь эгомерному подозрѣнію, ежеминутно повторять слово: «правосудіе» и въ то же время дѣйствовать мушкетерствомъ и подкунами. На такія мѣры Джордж Сандерсъ и Беворлей Тукверъ имѣли полное право отвѣчать президенту слѣдующимъ образомъ:

«Ваша прокламація—живая вопиющая ложь, о чемъ вы сами знаете и знаютъ люди, живящіе окружающіе, и всѣ насимные влыворестующіе христіанскаго міра не заставятъ насъ своими устрашеніями отказать отъ представленія всему цивилизованному міру нашего адского заговора противъ жизни нашего христіанскаго президента! Многихъ изъ вашихъ наиболее отличившихся генераловъ мы признаемъ людьми чести, и думаемъ, что даже въ общеніи съ вами они не могли такъ низко упасть (*brutalized*), что не къ составленію отказать въ правосудіи государственному врагу, обвиняемому въ столь тяжкомъ преступленіи...

«Деньги, такъ щедро предложенныя вами за нарушеніе строгатаго нейтралитета сосѣдняго государства посредствомъ противозаконнаго захвата нашихъ особъ, пусть пойдутъ на издержки нашихъ адвокатовъ, которыхъ мы назначимъ сами и которые ни въ какомъ случаѣ не будутъ предубѣждены въ нашу пользу. Мы требуемъ полной покровительства для нашихъ свидѣтелей и охраннаго конвоя для насъ самихъ, для безопаснаго возвращенія въ Канаду послѣ нашего освобожденія изъ пѣдъ суда по обвиненію, вовведенному противъ насъ въ вашей прокламаціи.»

А прокламація, дѣйствительно, есть самый неловкій, самый наглый вызовъ на національную месть. Нѣсколькими мѣсяцами раньше

такая мѣра была бы понятна; тогда, пожалуй, возмущенная сторона могла употребить даже неблагоприятныя средства для возбужденія народнаго негодованія прѣтнѣ еще стоявшаго на ногахъ врага. А теперь къ чему это? Ричмондъ палъ, негры провозглашены свободными, генералъ Ли сдался на капитуляцію, войска южанъ распущены, все главные операціонныя пункты плантаторовъ въ рукахъ побѣдителя, у ногъ его все цвѣтное населеніе и болѣе половины южанъ, уставшихъ и разоренныхъ отъ войны, — чего же желаетъ больше президентъ? Неужели онъ хочетъ перекидать всехъ рабовладѣльцевъ и обратить побѣду въ отвратительную бойню? Это будетъ въ милліонъ разъ хуже убійства Буса, и надъ могилкой Дипкольна раздадутся тысячи проклятій самыхъ честныхъ и безпристрастныхъ людей, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Такое поведеніе можетъ найти сочувствіе въ глупыхъ и подкупленныхъ газетчикахъ обонхъ полушарій, но оно никогда не встрѣтитъ одобренія ни въ одной честной душѣ, какъ настоящаго, такъ и будущаго поколѣній.

А между тѣмъ, это торжествующее снѣзанство и грубая клевета затмѣиваютъ самую личность Буса. Доселѣ только извѣстно, что имя его — Уильксъ Бусъ, и что онъ былъ знаменитымъ и любимымъ актеромъ въ Америкѣ. Замѣчательно, что отецъ его назывался Юній Брутъ Бусъ; и то же имя носятъ братья его, арестованный и посаженный въ тюрьму за попустоукъ Уилькса Буса. Извѣстно было, что, благодаря своему таланту, Бусъ пользовался любовью публики и получалъ лестныя письма отъ самого президента, съ которыми былъ даже лично знакомъ. Въ матеріальномъ отношеніи онъ былъ не только обезпеченъ, но даже богатъ, получая 20,000 долларовъ въ годъ, потому что, какъ извѣстно, сѣверо-американская публика едва ли не щедрѣе европейской относительно свѣжъ артистовъ — актеровъ и пѣнцовъ.

Быть богатымъ, пользоваться извѣстностью, получать любезныя письма отъ президента, имѣть счастье личнаго знакомства съ высокими особами, получать огромныя доходы изъ источника, неимѣющаго ничего общаго съ тѣми учрежденіями, которыя неспровергаю правительство, слѣдовательно, нисколько не быть связаннымъ матеріальными интересами съ дѣломъ плантаторовъ, — и вдругъ, не смотря на все это, помертвовать своимъ блистательнымъ положеніемъ, пойти на вѣрную гибель! — Поэтому не мудрено, что первыя навѣстія представляли какой-

то невѣроятный сумбуръ, гдѣ ничего нельзя было разобрать. Рядомъ, въ одной и той же телеграммѣ, говорилось, что Бусъ убилъ президента въ отмщеніе за Югъ, и что южане называютъ его пошлѣннымъ аболіціонистомъ. Чепуха эта повторялась всѣми газетами, и вся Европа въ теченіи нѣсколькихъ дней читала, что «отчаянный аболіціонистъ» убилъ врага плантаторовъ. Потомъ пошли разные толки: узнали, что Бусъ съ Югомъ ничего общаго не имѣетъ, что онъ всегда жилъ въ сѣверныхъ штатахъ и никогда ничѣмъ не обнаруживалъ симпатіи къ правительству Дэвиса. Съ другой стороны, обнаружилось, что онъ также не сочувствовалъ и аболіціонистамъ и находилъ, что рабство негровъ — учрежденіе полезное для республики. Слѣдовательно, ни отчаяннымъ сепаратистомъ, ни неистовымъ аболіціонистомъ онъ никогда не былъ. Нѣкоторые господа пустились въ соображенія, не игралъ ли Бусъ въ карты, не пускался ли онъ въ спекуляціи, не былъ ли онъ подкупленъ и т. д. Но остроумныя догадки этихъ сплетниковъ разбивались уже о тотъ несокрушимый фактъ, что Бусъ былъ слишкомъ богатъ, чтобы идти изъ-за денегъ на вѣрную почти смерть... Не думаемъ, чтобы теперь въ рукахъ американскихъ юристовъ разъяснилось дѣло лучше, чѣмъ въ рукахъ газетчиковъ, особенно подъ влияніемъ фискально-патріотическаго направленія, даннаго президентомъ въ высшей степени интересному процессу. Благоразуміе и добросовѣстность требуютъ, чтобы дать время успокоиться раздраженнымъ страстямъ и сложить судъ до болѣе хладнокровной минуты. Но, разумѣется, этого простого гуманнаго чувства не пойметъ ни европейская пресса, ни американскіе юристы.

До сихъ поръ только одинъ документъ лежитъ передъ нами, на основаніи котораго можно судить Уилькса Буса, — это собственное его письмо, написанное до совершенія убійства. Трудно заподозрить, чтобы человѣкъ, писавшій такъ искренно и просто, безъ всякаго желанія драпироваться въ героя, сталъ лгать за нѣсколько дней до самой смерти. Ни одна строчка этого письма не обличаетъ въ его авторѣ самолюбиваго хвастуна или подкупленнаго злодѣя, ни въ одномъ словѣ не видно того мелкаго фанфаронства, которое иногда покупаетъ цѣной величайшаго риска громкую явѣстность своего имени. Напротивъ, письмо Буса обнаруживаетъ необыкновенную прямоту его характера и фанатическую преданность своему искреннему убѣжденію. Вотъ что онъ писалъ одному изъ своихъ друзей:

«Правъ я или виноватъ—пусть судить меня Богъ, а не люди. Нетоу что, будь мое побужденіе благое или дурное, въ одномъ я увѣренъ—въ вѣчнои осужденіи Сѣвера.

«Я люблю миръ болѣе жизни. Союзъ любилъ я безгранично; четыре года ждалъ я, надѣялся, молился о томъ, чтобы разсѣлились мрачныя тучи, чтобъ возвратилось сіянье нашего солнца. Ждать еще долѣе было бы преступленіемъ. Всякая надежда на миръ умерла. Молитвы мои оказались столь же тщетными, какъ и мои надежды. Да будетъ воля божья! Я иду на Югъ присутствовать при горестной развязкѣ и раздѣлить его участь.»

«Я всегда былъ того мнѣнія, что Югъ правъ. Самое назначеніе Авраама Линкольна кандидатомъ четыре года тому назадъ ясно говорило: «война—война противъ Юга и его учреждений». Избраніе его подтвердило это. «Ждите открытаго враждебнаго акта». Да, ждите, юма васъ свяжутъ и ограбятъ. Какое безуміе! Югъ поступилъ благороднѣе. Кто думаетъ о разсужденіяхъ и терпѣннхъ, когда налицо врага смуснаетъ курокъ? Въ иностранной войнѣ и я сказалъ бы: «стой за родину, все равно—права ли она, или неправа»; но въ такой борьбѣ, какъ наша, въ которой братъ силится пронзить сердце брату, ради Бога, выбирайте правое дѣло! Когда такая страна, какъ эта, гонить отъ себя правосудіе, она теряетъ право на сочувствіе каждаго честнаго свободнаго человѣка и не должна уже мѣшать ему дѣйствовать такъ, какъ велитъ ему совѣсть.»

«Сѣверяне! любить свободу и правосудіе, сражаться противъ угнетенія—вотъ чему учили насъ отцы наши. Изученіе первыхъ временъ нашей исторіи напоминаетъ мнѣ объ этомъ постоянно—и не дай Богъ забыть это когда нибудь!»

«Я считалъ и считаю теперь, что аболіціонисты—единственные виновники въ странѣ, и что вся партія ихъ заслуживаетъ ту же участь, какъ бѣдный старикъ Броунъ, не за желаніе ихъ уничтожить невольничество, а за то, какими средствами они всегда добивались этого уничтоженія. Еслибъ Броунъ былъ живъ, я увѣренъ, что онъ самъ противопоставилъ бы невольничество Союзу. Изъ сѣверянъ же большая часть или очень многіе дѣлаютъ это и предають Союзъ проклятю, если Югу вовратится и предоставится хоть одно изъ правъ, увѣрленныхъ за нимъ всѣми узлами, которыя нѣкогда почитались у насъ священными. Югу путь выбора; ему

грозить одно из двух: истребление или рабство (хуже смерти). Мой выбор сдѣланъ.

«Я тоже долго и много изучалъ, на какомъ основаніи отрицается право каждаго штата отдѣляться отъ Союза, когда самое названіе *Соединенные Штаты* и актъ «Заявленіе о независимости» (*Declaration of Independence*) предполагаютъ возможность раздѣленія. Но нѣтъ времени на слова. Пишу, слыша. Знаю, какими безумцами сочтутъ меня за подобный шагъ, когда, съ одной стороны, у меня много друзей и все, что можетъ меня сдѣлать счастливымъ въ краю, гдѣ одна моя профессія доставляла мнѣ годового дохода слишкомъ 20,000 долларовъ и гдѣ мое великое честолюбіе въ этой профессіи имѣетъ такую богатую пищу; Югъ, съ другой стороны, никогда не подарилъ меня ласковымъ словомъ; тамъ нѣтъ у меня друзей, кромѣ тѣхъ, которые подъ землею; тамъ я долженъ сдѣлаться рядовымъ или нищимъ. Прощать на это все, что я покидаю, — не говори уже о моей матери и сестрахъ, которыхъ я такъ горячо люблю (хотя онѣ такъ далеко расходятся со мною въ мнѣніяхъ), — кажется безуміемъ; но Богъ мнѣ судья! Я люблю правосудіе болѣе, чѣмъ страну, отвергнувшую это, болѣе славы и богатства, болѣе (да проститъ мнѣ небо, если я ошибаюсь!) — болѣе счастливой семейной жизни. Я никогда не бываю на полѣ битвы; но еслибъ вы, мои соотечественники, все могли видѣть вблизи плоды этой ужасной войны, какъ я ихъ видѣлъ во всѣхъ штатахъ, исключая Виргинію, — я знаю, что вы раздѣлили бы мои убѣжденія и молили бы Всевышняго внушить сѣверянамъ попятіе о правѣ и правосудіи (если даже не желать имъ частицу милосердія) и изсушить кровавую пучину, съ каждымъ днемъ возрастающую между нами. Увы, бѣдная родина! Неужели суждено свершиться угрожающей ей судьбѣ? Четыре года назадъ, я бы отдалъ тысячу жизней, чтобъ всегда видѣть ее такою, какою всегда звалъ ее, — могущественной и неразъединенной. И теперь еще я жизнь свою счелъ бы ничѣмъ, чтобъ видѣть ее снова тѣмъ, чѣмъ она была. Друзья мои! еслибъ страшная драма послѣднихъ четырехъ лѣтъ никогда не разыгрывалась или если бы все это было только сновидѣніемъ, отъ котораго мы могли бы пробудиться, какими преисполненными радостью сердцами вознеслись бы мы къ Господу нашему и славили бы его, и молили бы его о продолженіи его милостей! Какъ любилъ я наше старое званіе, — никто теперь никогда не узнаетъ! Немного лѣтъ прошло

съ тѣхъ поръ, какъ во всемъ мѣрѣ не найдти было такого чистаго, незапятнаннаго знамени. Но въ послѣднее время я видѣлъ и слышалъ, какихъ кровавыхъ дѣлъ оно сдѣлалось эмблемой, и содрогаясь при мысли о томъ, какъ измѣнилось оно! О, какъ тоскливо желалъ я, чтобы оно вырвалось изъ кроваваго тумана смерти, облегающаго его, затмѣивающаго его красоту, омрачающаго его честь! Но нѣтъ! День за днемъ глубже и глубже влчили его въ грязи жестокости и угнетенія, и теперь, въ глазахъ моихъ, его нѣкогда ясныя красныя полосы подобны кровавымъ шрамамъ на лицѣ неба. На мой юношескій восторгъ въ его славѣ я смотрю теперь, какъ на сонъ. Любовь моя (при настоящемъ положеніи дѣлъ) всецѣло принадлежать Югу; и я не считаю безчестьемъ попытаться, ради него, взять въ плѣнъ человека, которому онъ обязанъ столькими бѣдствіями. Говорить, Югъ, наконецъ, дошелъ до того «послѣдняго рва», надъ которымъ столько насмѣялся Сѣверъ и въ который онъ такъ давно силился свергнуть его, забывая, что южане наши братья и что неполитично доводить врага до отчаянья. Если я проберусь на Югъ невредимымъ и увижу, что это правда, то съ гордостью попрошу позволенія восторжествовать или пасть вмѣстѣ съ нимъ въ этомъ самомъ «послѣднемъ рву».

Дж. Уильямъ Бусъ.

Анализируя хладнокровно это письмо и соображая его съ обстоятельствами жизни Буса, нельзя не согласиться, что его писалъ фанатикъ, но человекъ убѣжденный въ правотѣ своего дѣла. Такъ не говорятъ ни подкупленные убійцы, ни пустые фанфароны. Ясно, что Бусъ видѣлъ въ Линкольнѣ тирана, опаснаго для американской республики. Въ этомъ онъ, конечно, ошибался; сколько мы знаемъ, нѣтъ ни одного факта, который бы доказывалъ, что Линкольнъ намѣренъ былъ протянуть руку къ диктатурѣ или принести Югъ въ жертву своему политическому честолюбію. Линкольнъ, какъ мы уже сказали, былъ благородный и простой человекъ; но Бусъ видѣлъ въ немъ главнаго врага мира и благосостоянія американской республики, и это убѣжденіе возросло въ немъ до фанатической страсти.

Мѣсто покойнаго Линкольна занято вице-президентомъ Андреемъ Джонсономъ. Эта личность совершенно дюжинная и до сихъ поръ рѣшительно ничѣмъ не была замѣчательна, кромѣ развѣ того, что вышелъ изъ самаго низшаго званія и даже грамотѣ научился уже

взрослымъ. За мѣсяцъ до смерти Линкольна, о немъ, однако, говорили всѣ газеты по поводу весьма страннаго приключенія, случившагося съ нимъ въ день принесенія присяги при вступленіи въ званіе вице-президента. Приключеніе это, состоявшее въ томъ, что вице-президентъ далъ публично плохой образчикъ своей воздержности, само по себѣ не представляетъ ничего оригинальнаго. Но важно тутъ то, что по этому удобному поводу большинство европейской журналистики доказало свою безтактность.

Джонсонъ извѣстенъ, какъ противникъ примирительной политики, которой въ послѣднее время держался Линкольнъ. Мы боимся забѣгать впередъ фактовъ, но замѣтимъ, что есть дурные признаки для будущей дѣятельности Джонсона.

Послѣ созерцанія грандіозной драмы, совершившейся въ Соединенныхъ Штатахъ, обращаемъ взоры къ Германіи, къ пруссакамъ, людямъ наиболѣе дѣятельнымъ и наиболѣе страстнымъ къ обѣтованной землѣ кислой капусты и лапши, — къ пруссакамъ, которыхъ соотечественники прозвали якобинцами Германіи.

Сколько намъ помнится, столкновение въ Берлинѣ между правительствомъ и палатою предшествовало столкновению, возникшему по ту сторону Атлантическаго океана между Сѣверомъ и Югомъ. Сѣверъ и Югъ нашли время дать другъ другу нѣсколько битвъ, изъ которыхъ каждая стоитъ лейпцигской: отъ двухъ до трехъ милліоновъ людей заряжали ружья другъ противъ друга, нѣсколько сотъ тысячъ человекъ пали убитыми, изувѣченными и ранеными. Днѣ мертвые похоронены, раненыхъ перевязываютъ коршею и мазью, изъ пережившихъ и здоровыхъ каждый возвращается домой и вѣшаетъ на гвоздь свое ружье у камина.

Ausgestritten, ausgerungen

Ist der lange, schwere Streit,

Огромный экономическій и социальный вопросъ былъ порѣшенъ пушечными выстрѣлами, и отнынѣ свѣтъ будетъ вертѣться на новомъ стержнѣ. Но берлинскіе депутаты-прогрессисты до сихъ поръ не могутъ не только выиграть своей лейпцигской битвы, но даже рѣшить стараго спора о преобразованіи арміи и о подачѣ голосовъ за бюджетъ. Замѣтите, что дѣло идетъ о прогрессистахъ, обываемыхъ радикалами и революціонерами, какъ намъ кажется, совершенно не

истати, и что ихъ противникъ только одинъ Бисмаркъ, самый врсечный изъ голіафовъ современной политики.

Еслибъ дѣло шло только о часто-метафизическомъ спорѣ, объ отвѣченностяхъ, о тождествѣ бытія и не-бытія, объ объективѣ и субъективѣ, объ относительномъ и безусловномъ, то непонятны были бы всѣ эти отсрочки, полумѣры и сомнѣнія. Но дѣло не въ томъ. Съ обѣихъ сторонъ вопросъ задѣтъ за самое живое мѣсто. Противники стоятъ другъ передъ другомъ въ самыхъ величественныхъ позахъ, говорятъ другъ другу въ угрожающемъ тонѣ, изъ года въ годъ они, то и дѣло, ссорятся, но договориться до чего нибудь рѣшительнаго никакъ не могутъ. Эта нѣмецкая флегма наводитъ скуку даже на Германію, которая, собственно, никогда не скучаетъ.

Я только-что прочелъ собраніе журналовъ, чтобъ свести въ одно цѣлое недавнія пренія прусской палаты, и невольно задумался: не перечитываю ли я пренія 1864 или 1863 года. На этотъ разъ я не стану даже приводить здѣсь выписки изъ рѣчей прусскихъ депутатовъ, а отлагаю эти выписки до будущаго года; я вполне убѣжденъ, что гг. Винке, прусскій Мирабо, страшный Лове, Бланкентпургеръ, Ульрихъ, Шульце-Деличъ, Бокумъ-Дольфсъ, очаровательный графъ Эйленбургскій и драгоцѣнный Роонъ—и въ будущемъ году станутъ говорить то же самое, что говорятъ теперь и что говорили назадъ тому два года.

И такъ, 5 мая, пресловутый проектъ правительства о преобразованіи арій былъ отвергнутъ большинствомъ 258 голосовъ противъ 31.

Относительно герцогствъ тамъ путаница.

Жители сѣвернаго Шлезвига дѣлаютъ опасныя демонстраціи въ пользу Даніи. Жители южнаго Шлезвига и Голштиніи дѣлаютъ анти-прусскія демонстраціи.

Аугустенбургскій герцогъ все протестуетъ противъ австрійско-прусскаго занятія, изъ глубины своего замка, сочиняя множество писемъ, памятныхъ записокъ и увѣщаній, съ помощью полдюжины секретарей, и совѣщаясь съ приближенными на счетъ одежды, которую должны будутъ носить его будущія войска. Радужный мундиръ, кажется, оставецъ, потому что о немъ уже не говорятъ.

Саксонія и Баварія по прежнему выбиваются изъ силъ, протестуя противъ Австріи и Пруссіи, которые все захватили въ герцогствахъ и ничего имъ не оставили. Безъ жалости къ своему пре-

млонному возрасту, гигантскій Бейстъ потрясаетъ бѣдный Сеймъ, такъ что жалъ не Сеймъ, а г. Бейста.

Что касается Австріи и Пруссіи, сильныхъ правами, которыя должна была имъ оставить Данія, то онѣ нисколько не занимаютъ криками собственно такъ называемыхъ нѣмцевъ. Напротивъ, онѣ обмѣнялись кисло-сладкими сообщеніями по поводу раздѣла ихъ совмѣстной собственности. Пруссія тянетъ къ себѣ все одѣяло, а Австрія видитъ себя вынужденною посылать увѣщанія своей доброй сестрѣ. Такимъ образомъ, Пруссія поступаетъ въ завоеванныхъ герцогствахъ совершенно какъ у себя дома; она водитъ и отводитъ, приказываетъ и отиѣняетъ. Она признаетъ кстати перенести всѣ свои морскія принадлежности изъ Данцига въ Киль.

Австрія возражаетъ кротко:—«Любезная подруга, этотъ портъ принадлежитъ столько же мнѣ, какъ и тебѣ...»

— «Я очень знаю, прелестная лузина. Кто же тебѣ мѣшаетъ перенести также весь свой флотъ въ Киль?»

— «Ты шутишь? Обнажить берега Италіи и заставить мои корабли дѣлать большой обходъ, пройти вдоль Адриатику, Тунисъ, Алжирію, Италію, Португалію, Францію, Голландію, Ганноверъ, Данію для того, чтобъ наши адмиралы имѣли удовольствіе глядѣть другъ на друга, какъ двѣ фаянсовыя собачки,—конечно, моя милая, ты не подумала объ этомъ.»

— «Ну да, потому-то я и предлагаю тебѣ, что оно нелѣпо. Я польуюсь положеніемъ, воспользуйся и ты имъ, какъ знаешь.»

— «Ладно, есть средство согласиться. Я охотно предоставлю тебѣ герцогства, съ тѣмъ, чтобъ ты обезпечила мнѣ дачу, которую я имѣю въ Венеціи, ты знаешь...»

— Только-то, моя неаглядная? Но это значить, просто ты предлагаешь мнѣ войну съ Франціей! Признайся, что дѣло заслуживаетъ серьезнаго размышленія. Въ ожиданіи того, позволь мнѣ водвориться поуютнѣе въ Киль. Тамъ-то я намѣрена воспользоваться сезономъ купанья, ты понимаешь...

Прибавимъ, для полноты, что мы слышимъ, съ той и другой стороны, множество голосовъ и даже либеральныхъ голосовъ, которыя подстрекаютъ Пруссію дать это обезпеченіе, требуемое Австріей, совершить эту несправедливость къ Италіи и этотъ вызовъ противъ Франціи; и все это для того, чтобъ упрочить цѣлость Герма-

нив, все это во имя великаго единства и великаго отечества германскаго, гдѣ, какъ извѣстно, «обитаеъ сама правда и справедливость.»

Кстати о національностяхъ.—Г. Францискъ Деакъ только-что обнарудовалъ, отъ имени своей партіи, программу примиренія между Венгріей и Австріей. Бывшій членъ «перваго независимаго венгерскаго министерства» въ 1848 году, вождь оппозиціи сейма въ 1861 году утверждаетъ, что Венгрія, въ сущности, никогда не протѣивалась соединенію съ Австріей. Хотя она и требуетъ своего конституціоннаго самоуправленія, но Венгрія готова принести нѣкоторыя жертвы для возстановленія согласія, которое засыпало бы ту пропасть, которая такъ долго раздѣляетъ двѣ націи.

По обѣ стороны Лейты эта программа знаменитаго вождя партіи считается настоящимъ «событіемъ», потому что ею занимается австро-венгерская и итальянская пресса. И есть тѣмъ: слабость Австріи есть именно глухая вражда Венгріи. Еслибъ она примирилась съ Венгріей, то Австрія сдѣлалась бы могущественною въ Европѣ и всемоущею въ Германіи; соглашеніе съ Венгріей дало бы вѣнскому кабинету средство говорить повелительно въ Венеціи, во Франкфуртѣ и даже въ Берлинѣ. Но возможно ли это соглашеніе? Мы не думаемъ. Между обѣими странами слишкомъ много пролито крови. Граница между владѣніями Габсбурговъ и короною Св. Стефана обозначается двумя вѣками постоянной борьбы, въ которой погибли лучшіе люди Венгріи. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ трупы ихъ сгнили, но воспомнаніе о нихъ осталось.

Надо сказать, что эта попытка примиренія, предпринятая Деакомъ, есть второе изданіе попытки, предпринятой въ 1861 году. Послѣ итальянской войны, Венгрія пробудилась. Подобно всѣмъ тѣмъ, которые оживаютъ, она начала надѣяться; Австрія, униженная, сокрушенная при Маджентѣ и Сольферіно, съ трудомъ пыталась разными уступками примирить себя съ овлбленной противъ нея Европой и собрать свои разъединенныя члены. Это былъ, можетъ быть, тотъ моментъ, который великій патріотъ венгерскій выбралъ бы, чтобъ нанести рѣшительный ударъ Австріи. Деакъ не былъ этимъ человекомъ; напротивъ, онъ старался смастерить сближеніе между обоими врагами. Попытка не удалась. Мало по малу Австрія ожила.

Такъ какъ попытка въ 1861 году не удалась, то мы не видимъ причины, почему новая попытка лучше удастся. Австрія, кажется, осуждена оставаться уединенною отъ Венгріи и, слѣдовательно, осуждена, такъ сказать, на смѣшное безсиліе.

Но теперь Венгрія не заблуждается. Она такъ же осуждена на ту же слабость, какъ и ея великая соперница, — на слабость, происходящую отъ тѣхъ же причинъ. Несовмѣстность правовъ, существующая между національностями, подчиненными игу Австріи, существуетъ равнымъ образомъ и въ народахъ, населяющихъ страны, образующія удѣлъ короны Св. Стефана. Между тѣмъ, племя мадьярское изъясляетъ притязаніе на господство надъ племенами: кроатскимъ, сербскимъ, валахскимъ и нѣмецкимъ, какъ племя нѣмецкое изъясляетъ притязаніе на господство надъ племенами: итальянскимъ, славянскимъ и мадьярскимъ. Одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія. Однѣн венгерецъ г. Горнъ, съ большимъ достоинствомъ, признается, «что венгерская революція задохлась бы отъ междоусобной войны, и что она должна была бы погибнуть, еслибы и не подавили ея русскія войска».

И мы не видимъ, чтобы въ Венгріи произошло примиреніе между племенами мадьярскимъ и не-мадьярскимъ; мы не видимъ никакой возможности произвести, какими бы то ни было проэктомъ, примиреніе или раздѣленіе этихъ племенъ. Какъ соединеніе, такъ и раздѣленіе намъ кажется одинаково труднымъ, и мы охотно признаемъ, что, въ виду нѣкоторыхъ недоброжелательствъ, нѣкоторыхъ упрямствъ, особенно въ виду нѣкоторыхъ экономическихъ нуждъ и географическихъ фактовъ, нужно быть очень смѣлымъ для того, чтобы браться за рѣшеніе этого вопроса. И мы убѣждены, что венгерскіе патріоты, какъ Деакъ, не разрѣшатъ этой задачи; Венгрія будетъ достаточно сильна для того, чтобы довести Австрію до безсилія, — но въ то же время она сама ослабѣетъ на столько, на сколько ослабитъ своего врага, потому что венгерскій патріотизмъ страдаетъ тѣми же недостатками, какими и филистерская нѣмецкая политика. Если Австрія, по праву сильнаго, держитъ Венгрію подъ своимъ ярмомъ, то и Венгрія, въ случаѣ побѣды надъ Австріей, не откажется отъ господства надъ сосѣдними племенами. Такъ думали и думаютъ ея патріоты. — Пусть же венгерцы проникнутся этимъ убѣжденіемъ, что нѣтъ великой политики безъ правосудія.

Папа, какъ извѣстно, дѣйствующій подъ вліяніемъ вдохновеній, сдѣлалъ поступокъ, который оченъ изумилъ друзей и враговъ его. *Non possumus* рѣшился вступить въ переговоры съ нечестивымъ и отлученнымъ имъ королемъ итальянскимъ, и на писалъ «Виктору Эммануилу, своему любезному сыну, письмо, по поводу вакантныхъ епархій, которыхъ число возросло, повидимому, тревожнымъ образомъ для интересовъ святаго престола.

Такимъ неожиданнымъ предложеніемъ Викторъ Эммануилъ и его кабинетъ были несказанно обрадованы. Они считали блестящимъ торжествомъ то обстоятельство, что довели папу до переговоровъ; они стараются выдавать извѣстіе за косвенное признаніе Цемъ IX итальянскаго королевства.

Король немедленно послалъ въ Римъ нѣкоего Вегеци, бывшаго министра финансовъ, которому далъ порученіе быть какъ можно любезнѣе и очаровать пріятностью своей бесѣды Мериода, Антонелли и всю священную камарилью. Порученіе г. Вегеци было довольно щекотливое. Папа, въ своемъ собственноручномъ письмѣ, предложилъ восполнить вакантныя епархіи на слѣдующихъ условіяхъ: первое, что лица, предложенныя королемъ на епархію, будутъ лично пріятны папѣ; второе, что епископы, осужденные судами за мятежъ и непокорность, будутъ немедленно выпущены на свободу; послѣднее, что семнадцать епископовъ, признанныхъ достойными, будутъ опредѣлены на свои мѣста, хотя они завѣдомо враждебны королю и королевству итальянскому.

Господину Вегеци поручено согласиться почти на все и приготовить папу и его камарилью къ нелюбовной сдѣлкѣ на счетъ конвенціи 15 сентября. Этого именно желали и въ Ватиканѣ. Пресловутая конвенція, основанная на самомъ безцеремонномъ дипломатическомъ двоедушіи, съ явнымъ желаніемъ забраться тихимъ манеромъ въ самый карманъ къ Цю IX, разумѣется, беспокоитъ папу, и опасеніе страшнаго ерока смягчило его до того, что онъ сдѣлалъ первый шагъ къ тому человѣку, противъ котораго духовная пресса не переставала извергать самыя грубыя оскорбленія. Вегеци долженъ былъ предложить за основаніе окончательнаго согласія слѣдующее:

Папа признаетъ совершившіяся факты. Римъ, впрочемъ, остается по прежнему духовнымъ властелиномъ Италиі, хотя, разумѣется, это дѣло чистой фразеологіи и спорить тутъ не о чемъ.

Но Римъ войдетъ въ составъ итальянскаго королевства въ поли-

тически и административномъ отношеніи и слѣдов. будетъ принадлежать папѣ только номинально. (Кого здѣсь обманываютъ?)

Квиринальскій дворецъ уступается королю, который по временамъ будетъ пріѣзжать туда для параднаго пребыванія. Но будетъ напередъ условлено, что воздухъ Рима окажется вреднымъ для короля, котораго дѣйствительная столица, съ здоровымъ воздухомъ, будетъ Флоренція. И такъ, Италія будетъ имѣть двѣ столицы: одну для виду, — Римъ; другую на самомъ дѣлѣ, — Флоренцію. (Эта статья рассчитана такъ, чтобъ обмануть заразъ и партію Гарибальди, и французское правительство).

Папа не будетъ уже держать арміи. Но ему дадутъ почетную стражу. (А кто будетъ полковникомъ этой гвардіи? — Капраль палестинскій лично!)

Таковы сдѣлки, предлагаемыя правительствомъ короля итальянскаго Ватикану. Какъ видите, съ той и съ другой стороны есть полное желаніе, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты. Еще неизвѣстенъ въ точности приемъ, сдѣланный этимъ предложеніямъ въ Римѣ. Г. и г-жа Персины были посланы изъ Парижа для ихъ подкрѣпленія, и они оставили Римъ недовольные. Г. Вегеци тоже оставилъ Вѣчный городъ, но онъ вскорѣ долженъ воротиться. Министры говорятъ тѣмъ, кто хочетъ ихъ слушать, что г. Вегеци имѣлъ неудачу въ своемъ порученіи, но они говорятъ это, потирая руки.

Что касается самыхъ предложеній, то они могутъ быть очень замысловаты, но никому не придетъ на умъ принимать ихъ за искреннія. Мы же имѣемъ слабость вѣрить, что чѣмъ болѣе положеніе запутано, тѣмъ болѣе нужно честности для разрѣшенія его удовлетворительнымъ образомъ. Мы думаемъ, что не избѣжать историческихъ необходимостей ловко составленными протоколами; мы думаемъ, что не вынутаться изъ принциповъ, играя словами.

Извѣстіе объ этихъ переговорахъ разсердило передовую партію, и для ея-то успокоенія и усмиренія министерство распространило слухъ, что г. Вегеци достигъ полнаго успѣха. Но дублика хорошо замѣтила, что ограниченія, сдѣланныя правительствомъ въ проектѣ закона о монастыряхъ, странно совпадали съ порученіемъ Вегеци, и наконецъ, что отміцненіе этого закона случилось въ ту самую минуту, когда, по общимъ слухамъ, переговоры шли по хорошей дорогѣ; говорили, что Римъ сдѣлалъ начинъ первыхъ шаговъ, чтобъ сохранить за собою распоряженіе огромными церковными имуществами.

ми, покрывающими эту страну, и которыя прозѣтъ закона отдавалъ въ руки государства. Заимѣйте, что въ Италиі, болѣе чѣмъ гдѣ либо, монастыри служатъ главными центрами реакціи, что реформа не будетъ завершена, что самое королевство Виктора Эммануила не будетъ обезпечено въ своемъ существованіи, пока не будутъ уничтожены монастыри.

Впрочемъ, пусть правительство Виктора Эммануила пеняетъ само на себя, если оно ввязывается въ анти-національную политику и борется хитростью и уловками съ своимъ непримиримымъ врагомъ. Всякая уступка со стороны короля въ пользу римской католической церкви есть шагъ назадъ для итальянскаго королевства; и если только для начала переговоровъ понадобится отиѣнить одну изъ самыхъ жизненныхъ реформъ, то чего же ожидать отъ полного примиренія двухъ противоположныхъ началъ, раздѣляющихъ Италію на двѣ враждебныя части! Но примиреніе и невозможно. Кажется, и Викторъ Эммануиль, и Пій IX ничего другого не желаютъ, какъ закончить свои дни въ мирѣ, а что будетъ потомъ — до этого имъ ровно нѣтъ никакого дѣла. Всего больше этого примиренія желаетъ, конечно, императоръ Наполеонъ. Онъ помѣшалъ разрѣшенію итальянскаго вопроса въ 1849 году и вовлекъ страну въ настоящее безвыходное положеніе.

Испанія, кажется, ближе всего къ революціи. Уже нѣсколько лѣтъ правительство и всѣ министерства, одно за другимъ послѣдовавшія, чувствовали подъ собою колебаніе почвы и подземные удары. Каждый ожидаетъ революціи, — отъ королевы Христины, королевы Изабеллы и сестры Патронцію, до крестьянина андалузскаго, который уже возсталъ въ Лохѣ, до фабриканта барселонскаго, знаменитаго своими возваніями, до нищаго на дорогѣ.

Какъ пускаютъ кровь больнымъ для предупрежденія мозговыхъ сгущеній, такъ великій министръ Парваецъ изобрѣлъ бунтъ для отвода революціи. Способъ превосходный, если только позволительны такія противоядія. Между тѣмъ, въ этомъ случаѣ онъ удался посредствомъ.

Какъ болшею частью бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, предлогъ былъ самый ничтожный. Одинъ журналистъ, профессоръ исторіи, дока-

залъ въ журнальной статьѣ, что пожалованіе королевою части своихъ имуществъ было, на сдѣланныхъ ею условіяхъ, разорительной сдѣлкою для казначейства. Поднялся страшный гнѣвъ въ высшихъ сферахъ. Потребовали отставки г. Кастелара у начальника университета, стараго добряка, слуги всѣхъ правленій. Тотъ отвѣчалъ, что, не смотря на всю его добрую волю, отставка невозможна и рѣшительно прѣтивна закону. Нарваецъ погрозилъ отставкою этому умнику. Старый чиновникъ, до тѣхъ поръ очень мало популярный, вдругъ сдѣлался предметомъ восторженныхъ поздравленій со стороны студентовъ и толпы, которая съ шумомъ его вызывала. Правительство обезпокоилось или сочло нужнымъ обезпчиться, и послѣ совѣщаній въ совѣтѣ министровъ, Нарваецъ отрядилъ тысячу человекъ войска, кавалеріи и пѣхоты. Убитыхъ и раненыхъ оказалось около двухсотъ-пятидесяти, и между ними большое число изъ министерской партіи, чиновниковъ, сыновей и племянниковъ чиновниковъ.

Великъ былъ гнѣвъ въ мадридскомъ населеніи и въ странѣ. Противъ министерства Нарваеца поднялось общее негодованіе: либералы, прогрессисты, ваяъ и генералъ Примъ, партія демократическая и, наконецъ, партія социалистовъ — всѣ единодушно назвали поступокъ Нарваеца отвратительнымъ и варварскимъ.

Въ Барселонѣ было большое волненіе. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней улицы были загромождены враждебными группами. Патрули едва могли двигаться. Политическія манифестаціи вторглись даже въ церкви, говорить *Diario*.

Вмѣстѣ съ этимъ, безденежье, голое безденежье свиститъ въ казначейскихъ сундукахъ. Правительство находится въ крайности, чтобъ найти нѣсколько скудныхъ милліоновъ. Никто не хочетъ дать ему, и оно не знаетъ, гдѣ взять ихъ. Подписка на закладные билеты почти вполнѣ не удалась. Королевскій декретъ разрѣшаетъ продажу нѣкотораго количества рентъ, на сумму 600 милліоновъ реаловъ, но никто не покупаетъ

Во всякомъ случаѣ, не Англія нуждается въ деньгахъ.

Гладстонъ продолжаетъ съ блестящимъ успѣхомъ свое доказательство, что для наполненія кассъ правительства нужно уменьшать налоги, и что для обогащенія казначейство нужно также обогащать народъ.

Въ продолженіи послѣднихъ вѣсти дѣтъ, государственный долгъ

былъ уменьшенъ на 441,150,000 франковъ. Поданнымъ приходится платить менѣе на 168 милліоновъ каждый годъ, за то государственнй доходъ взимаетъ 40 милліоновъ болѣе. Расходы на 1865—66 годъ исчислены въ 66 милліоновъ фунтовъ, а доходы въ 70 милліоновъ фунтовъ стерл., что даетъ излишекъ во сто милліоновъ франковъ, которые употреблены на новыя облегченія податей.

Чтобы достигнуть этихъ великолѣпныхъ результатовъ, измѣнена только одна вещь: распределеніе налоговъ. Но это не помѣшало сооруженію страшнаго броненоснаго флота, на который бросаютъ милліоны за милліонами въ море; въ то же время строятъ огромныя укрѣпленія, снаряжаютъ также волонтеровъ. Только мы не понимаемъ одного: чего боится Англія, измѣняя своей любимой политикѣ мира?.. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ могъ бы ее успокоить. Нечего бояться вторженія непріятеля оттого, что нѣтъ подъ ружьемъ постоянной арміи и огромнаго военнаго флота. Напротивъ, тѣмъ больше нѣдется денегъ для израсходованія на вооруженія, когда потребуетъ того необходимость, тѣмъ менѣе издержано ихъ безъ нужды. Континентальная Европа поступаетъ совсѣмъ иначе. Тамъ расходуютъ значительныя суммы на литье пушекъ, которыя будутъ негодны черезъ два или три года; тамъ употребляютъ ружья только для пробы; тамъ строятъ съ большими издержками броненосные флоты. Между тѣмъ, каждый годъ изобрѣтаютъ новую пушку, которая дѣлаетъ безполезными старыя блиндированныя ядра, и каждый годъ изобрѣтаютъ новую броню, которая дѣлаетъ безполезными старыя пушки. Континентальные великіе генералы одержимы пристрастіемъ то къ одной пушкѣ, то къ другой, — то къ Армстронговой, то къ Вайтвортовой, то къ гладкоствольной, то къ нарезной, то опять къ гладкоствольной, къ которой снова обращаются черезъ нѣсколько лѣтъ. Что касается фантазій военныхъ людей относительно ядеръ сферическихъ, коническихъ, сферондально-коническихъ, стальныхъ, чугунныхъ, желѣзныхъ, изъ новаго желѣза, плющенога, изъ бронзы, алюминія, разрываемыхъ, неразрываемыхъ, пачинныхъ химическими составами, жидкимъ чугуномъ и пр., то объ этомъ можно было бы написать цѣлыя томы, не менѣе занимательныя, чѣмъ наши журналы модъ и дамъ. Но бѣда въ томъ, что, издержавъ столько денегъ на пушки мѣдныя или бронзовыя, на ядра и гаубицы, континентальнымъ странамъ нечѣмъ уже платить учителямъ первоначальныхъ школъ, не на что купить букварей.

Континентальныя государства, въ этомъ случаѣ, для своего изви-

ненія, сваливають всегда вину другъ на друга. Когда Брайтъ и Бобденъ требовали у Англіи обезоруженія, лордъ Пальмерстонъ постоянно отвѣчалъ: «Развѣ вы не видите, что Франція все вооружается?» Въ нашихъ послѣднихъ рѣчахъ въ законодательномъ корпусѣ, самая замѣчательная рѣчь была произнесена г. Ланжюне, который требовалъ, чтобъ сократили контингентъ арміи, такъ какъ, по словамъ правительства, царствуетъ *миръ иэцнѣ и глубокое до-вольство внутрѣ.*» Министръ отвѣчалъ; что Англія, Пруссія и Австрія все вооружаются.

Большой доводъ г. Бисмарка въ пользу своего пресловутаго проекта преобразованія арміи опять тотъ же, что Пруссія должна защищать Германію противъ Франціи и что сосѣди вооружаются.

Въ послѣднее время маршалу Нарвацу былъ данъ совѣтъ. «Невозможно, говорили ему, преобразовать серьезно наши финансы съ арміей, которая поглощаетъ около трети государственнаго бюджета.»—«Невозможно обезоружить страну, отвѣчалъ старый грѣшникъ; развѣ вы не видите, что Франція все вооружается?»

Безспорно прибавлять, что Австрія вооружается противъ Италіи, что Италія вооружается противъ Австріи, что весь свѣтъ вооружается противъ Англіи, а Англія, для упражненія своего флота и солдатъ, охотится за японцами.

Кромѣ этой рѣчи г. Ланжюне о сокращеніи ежегоднаго контингента французской арміи, мы имѣли счастье слушать въ законодательномъ корпусѣ рѣчь г. Тьера, которая была великимъ соблазномъ этого мѣсяца, какъ рѣчь Эмиля Оливье была соблазномъ предыдущаго.

Г. Тьеръ витіествовалъ въ пользу папы противъ Италіи. Онъ раздѣлялъ свою рѣчь на двѣ части. Въ первой, онъ нападалъ на единство Италіи; во второй—на конвенцію 15 сентября. Въ продолженіи трехъ часовъ, старый вѣтренникъ нагакалъ съ удивительною легкостью и еще болѣе удивительною самоувѣренностью множество подобранныхъ фактовъ, дипломатическихъ депешъ, которыя тянулись еще въ корреспонденціяхъ нашихъ министровъ при Людовикѣ XVIII и даже при Людовикѣ XV. «Франція была неправа, сказалъ Тьеръ, допустивъ Италію сдѣлаться великой націей, потому что исторія поучаетъ (какая исторія?), что должно окружать себя только слабыми сосѣдями. Истинный союзникъ Франціи, сказалъ онъ, есть домъ австрійскій... (о-о!). Франція играла великую и почетную

роль лишь тогда, когда поддерживала католическую политику. (Уж не возобновить ли драгонады?) Италия была неправа, преслѣдуя въ конституціи единство, противное ея преданіямъ и національному духу. То, что ей пригодно, что ей прилично, есть федерация», и г. Тьеръ сожалѣетъ о видамранксскомъ трактатѣ, въ которомъ былъ положенъ въ основаніи принципъ этой федерации. Но это мнѣніе уже высказано и блистательно доказано Прудонемъ; г. Тьеру нечего прибавлять послѣ Прудона. Но Прудонъ вовсе не думалъ защищать ни католической политики, ни величія Франціи на счетъ слабости другихъ, а г. Тьеръ нагородилъ по поводу итальянскаго вопроса столько дичи, что г. Пельтанъ въ нравѣ былъ присудить за эту рѣчь—повѣсить г. Тьеру пучекъ розогъ сзади, вмѣсто почетнаго легіона спереди.

Мы упоминаемъ просто изъ любопытства о рѣчи *ex* волтеріанца, который теперь не можетъ пить мадеры, не подмѣшавъ въ нее салетской воды. Бывъ реакціонеромъ въ 1848 году, онъ останется реакціонеромъ и въ 1865, хотя бы былъ назначенъ оппозиціей, какъ представитель города Парижа. Протестантъ Гизо и волтеріанецъ г. Тьеръ сдѣлались самыми твердыми подпорами папы въ академіи, въ институтѣ, въ консисторіи, въ законодательномъ корпусѣ. г. Тьеръ есть просто *шовинистъ*, у котораго кожа высыхаетъ и мозгъ отвердѣваетъ. Парижская буржуазія дѣлаетъ ему слишкомъ много чести, негодуя на его политическую вѣтрепость. Отступникъ не долженъ имѣть своихъ собственныхъ убѣжденій; достаточно съ него, если онъ можетъ быть политическимъ курьезомъ для своего времени.

Наконецъ, законодательный корпусъ принялъ проектъ адреса большинствомъ 249 голосовъ противъ 15. Поправки оппозиціи, какъ и поправки третьей партіи (есть и такіе, которые вѣрятъ въ третью партію) прошли гуськомъ передъ боевымъ фронтомъ большинства, будучи не въ силахъ задѣть его.

Между тѣмъ, въ самыхъ рядахъ большинства было нѣкоторое колебаніе; и въ первый разъ первоначальный проектъ былъ исправленъ: сдѣлано четыре добавленія, въ сущности ничего незначущія; о первыхъ двухъ не стоитъ и говорить, а изъ послѣднихъ одно выражаетъ желаніе по поводу назначенія мѣровъ, болѣе сообразное съ желаніями народа; другое совѣтуетъ экономію. Отчего же и не посовѣтовать!

Жакъ Лефрансъ.

ДОМАШНЯЯ ЛЪТОНИСЬ.

Нашъ маленькій уездный городокъ. — Пржежня пржема рекрутскаго набора. — Постепенное развитіе мирныхъ наклонностей въ европейскомъ населеніи. — Невозможность отмены лично-обязательныхъ повинностей. — Новая облегчительная мѣра, принятая у насъ въ послѣднее время при рекрутскихъ наборахъ. — Числовыя данныя о наборахъ 1863 г. — Улучшеніе солдатскаго содержанія. — Теорія и практика. — Опыты замѣны личной повинности денежною.

Вновь открытая гостиница «Россія» выручала у насъ въ январѣ нынѣшняго года неслыханный, баснословный доходъ—30 рубл. въ день. Выручка, конечно, зависѣла больше всего отъ пива, между которыми чай игралъ почти послѣднюю роль; что же касается до кофе, то его не спросилъ ни одинъ человѣкъ. Эта неблагоприятность къ кофе зависѣла совсѣмъ не оттого, чтобы онъ продавался въ лавкѣ Шиловыхъ и другихъ лавокъ торговцевъ, — составлявшихъ только въ цѣнахъ на товаръ единомыслящую, тѣсную корпорацію, — но цѣнахъ для обыкновенныхъ людей недоступнымъ; а просто потому, что здѣшній русскій человѣкъ кофе вообще не уважаетъ и предпочитаетъ ему чай и дешовку. Что же касается до пива, то его въ нашемъ городѣ не пьютъ рѣшительно никто. Но тутъ читатель впадетъ въ ошибку, если станетъ объяснять это какими либѣтъ особенными принципами тотемскихъ обитателей. У насъ пива не пьютъ никто просто потому, что его нѣтъ на продажѣ. У насъ, такииъ образомъ, главное направленіе наклонностей потребителей «Россіи», читатель, можетъ быть, захочетъ узнать, что вообще занимало и почему оно исполняло каждый день такъ много;

водки и чаю? — А занимало ихъ то, что у насъ былъ рекрутскій наборъ. Въ нашемъ маленькомъ уѣздномъ городѣ веселье, конечно, не доходило до такихъ поразительныхъ размѣровъ, какъ оно является въ мѣстностяхъ приволжскихъ; но вѣдь несправедливо и требовать, чтобы люди радовались одинаково повсюду. Разумѣется, и мы съумѣли бы напиться не хуже нижегородскихъ или казанскихъ бурсаковъ и наемщиковъ; но мы этого дѣлать не станемъ, однако, вовсе не потому, чтобы мы знали, какъ безобразно быть пьянымъ, а просто потому, что климатъ у насъ холодный-прехолодный; кромѣ ячменя и ржи, у насъ не растетъ ничего; денегъ у насъ нѣтъ, промысловъ никакихъ, и бьемся мы, какъ рыба объ ледъ, лишь бы просуществовать только какъ нибудь до новаго хлѣба. Ну, какое можетъ быть тутъ поразительное веселье? Но нельзя же сказать, чтобы мы радовались какъ нибудь нехорошо и невесело; веселились и мы; только при нашемъ маленькомъ масштабѣ во всемъ — въ пищѣ, питьѣ, въ удобствахъ жизни и вообще въ матеріальномъ благосостояніи, — и наше веселье имѣло размѣры нѣсколько микроскопическіе. И у насъ молодые парни, — что ни на есть, цвѣтъ и сила мѣстнаго населенія, — парядившись въ красныя рубашки, ходили по-двое и по-трое, подъ руки, съ гармониками и старались пѣть разныя веселыя пѣсни; и у насъ молодые парни, ходившіе съ гармониками, старались напиться и горланить по улицамъ, потому что душа у русскаго человѣка вездѣ одна и та же — и на Волгѣ, и въ Архангельской губерніи. Но на Волгѣ русская душа сильнѣе и болѣе; а потому, ужъ если она напьется, то изъ этого выходитъ дѣйствительно нѣчто уму непостижимое; а если она, напившись, вздумаетъ пѣть веселыя пѣсни, идя съ гармоникой по среднѣй улицѣ, то каждый встрѣчный, въ видахъ благоразумной осторожности, считаетъ необходимымъ скрыться къ первымъ воротамъ. Ничего подобнаго, по своей грандіозности, не происходило въ томъ маленькомъ городѣ, о которомъ я говорю. Хотя всѣ рекруты и наскочки были веселы, но радость ихъ была скромная, отличавшаяся болѣе семейнымъ, чѣмъ публичнымъ характеромъ. Пьянство ихъ было совсѣмъ не такое, какое я вижу теперь въ Великомъ-Устюгѣ. Здѣсь пьяный — такъ есть пьяный: если нужно, онъ свалится въ грязь, онъ промашиваетъ хулу на проходящихъ, и даже на такихъ-то ему одному видимыхъ существъ; но пьянство веселыхъ рекрутовъ было осторожное, сдержанное, и пѣсни ихъ были такія же сдержанныя; даже

гармоники не рѣзали такъ уха, какъ это бываетъ съ гармониками при другихъ случаяхъ.

Въ жизни теперашняго нашего солдата случились дѣйствительно огромныя перемены; ужь онъ не знаетъ прежнихъ тяжелыхъ условій рекрутской школы и всей солдатской жизни. — Рекрута, поступающаго въ солдаты, родные не оплакивали уже за-живо, какъ это было прежде, и онъ самъ непохожъ теперь на человѣка, отправляющагося на штурмъ Измаила; а скорѣе, въ своей измѣненной формѣ, похожъ на деревенскую дѣвушку, выходящую замужъ и оплакивающую свое свободное дѣвическое жительство, потому что не знаетъ нацѣрное, что именно ожидаетъ ее въ супружествѣ. — Если читатель найдетъ мое сравненіе нѣсколько видлическимъ и больше игривымъ, чѣмъ справедливымъ, то я возражать не стану, потому что при системѣ, принятой въ большей части европейскихъ государствъ для комплектованія армій, рекруты только съ нѣкоторой натяжкой могутъ вообразить себя красивыми дѣвушками, выходящими замужъ. Сравненіе это, если не брать въ расчетъ его игривость, будетъ наиболѣе вѣрно тамъ, гдѣ арміи комплектуются исключительно изъ охотниковъ, по вольному найму, какъ, напримѣръ, въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Для европейскихъ континентальныхъ государствъ подобная система еще очень и очень отдаленный идеалъ. Ни въ одномъ изъ нихъ экономическія силы не развиты еще въ такой степени, чтобы можно было перейти быстро къ системѣ вольнаго найма. Но если бы даже у государствъ достало денежныхъ средствъ, то достанетъ ли охотниковъ? Читатель скажетъ, что достанетъ, и сошлется на средніе вѣка и на тридцатилѣтнюю войну, когда не было недостатка въ людяхъ, охотно вступавшихъ въ службу какаго-нибудь Валленштейна и подобныхъ ему вождей; читатель можетъ сошлется, пожалуй, и на теперешнюю сѣверо-американскую войну; но объ эти ссылки будутъ невѣрны. Средніе вѣка были временемъ того дикаго состоянія европейской культуры, когда разбой и военный грабѣжъ составляли источникъ матеріальнаго благосостоянія людей; несчитавшихъ трудъ честнымъ дѣломъ для неблагодарныхъ трудящихся. Въ понятіяхъ же теперешняго европейскаго населенія случилась значительная перемена; теперь трудъ пользуется уваженіемъ и ужь никто не воюетъ съ чисто-экономическими дѣлами. Теперь значительныя экономическія стремленія составляютъ основную сущ-

ность въ жизни народныхъ массъ европейскаго населенія. Каждый народъ ищетъ мирной, спокойной жизни и устранения всего, мѣшающаго матеріальному благосостоянію; развитіе индустріи и машины дали всей европейской жизни по преимуществу экономическій отбѣнокъ. Понятно, что война, какъ противодѣйствіе мирному развитію труда, является началомъ, враждебнымъ общему стремленію, и никакъ не можетъ возбуждать сочувствія настоящихъ экономическихъ производителей. И это несочувствіе къ войнѣ увеличивается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ развитія промышленности и возвышенія благосостоянія рабочихъ классовъ. Такъ что, чѣмъ дольше будетъ развиваться Европа въ экономическомъ отношеніи, тѣмъ неохотнѣе она будетъ смотреть на всѣ помѣхи ея промышленному развитію, и наконецъ войны прекратятся совершенно и замѣнятся конгрессами или третейскими разбирательствами международныхъ неудовольствій. До этихъ конгрессовъ пока еще далеко; но что они будутъ—такъ же несомнѣнно, какъ и то, что послѣ понедѣльника бываетъ вторникъ. Впрочемъ, начало имъ уже положено тѣми конгрессами, которые въ послѣдніе годы уже предлагались Европой.

Выводъ изъ всего этого тотъ, что если бы комплектовать въ настоящее время армію изъ однихъ охотниковъ, то сомнительно, чтобы повсюду нашлось необходимое для того число людей; следовательно, въ настоящее время континентальнымъ государствамъ Европы совершенно невозможно отказаться отъ принятой всездѣ системы обязательной поставли рекрутъ.

При дальнѣйшемъ изложеніи настоящаго вопроса я буду основываться на официальныхъ изданіяхъ—«Русскомъ Инвалидѣ», «Военномъ Сборникѣ», «Военно-медицинскомъ журналѣ» и «Сѣверной вѣстѣ».

II.

О томъ, что граждане каждаго государства обязаны нести всѣ государственныя и общественныя повинности, не можетъ быть и спору. Государству нуженъ судъ, нужна защита отъ вѣнскихъ враговъ, нужно образованіе, нужны администрація, разныя общественныя учрежденія и постройки и т. д. Въ какой бы формѣ государство ни выражалось—въ той ли, какъ нынче, или какою оно было тысячу лѣтъ назадъ, или какою оно будетъ черезъ тысячу лѣтъ

впередъ, — оно будетъ имѣть всегда разнообразныя общественныя нужды, удовлетвореніе которыхъ возможно только коллективнымъ путемъ. Поэтому, сущность вопроса заключается собственно въ томъ, какъ выгоднѣе и удобнѣе, т. е. дешевле и легче для гражданъ, можно удовлетворить ихъ общественнымъ потребностямъ. Дешевизна и удобство удовлетворенія зависятъ исключительно отъ экономическихъ и умственныхъ силъ страны.

Конечно, самымъ лучшимъ общественнымъ порядкомъ былъ бы тотъ, при которомъ люди проводили бы свое время самымъ выгоднымъ экономическимъ образомъ, т. е. чтобы ни одна человѣческая сила не тратилась бы непроизводительно и чтобы всѣ люди были преданы чувствомъ личнаго и общественнаго долга. Но такое состояніе общества чересчуръ идеально, и только одно государство въ мірѣ — Сѣверо-Американскіе Штаты, — приблизилось нѣсколько къ этому идеалу въ теоретической части своей конституціи.

Въ Европѣ еще многое, что должно бы дѣлаться добровольно, изъ сознанія своего долга, дѣлается нерѣдко съ трудомъ, даже изъ принужденія, и недостатокъ средствъ и общественнаго развитія большинства держитъ всю нашу общественную жизнь на низкомъ уровнѣ потребностей массы. Напримѣръ, въ настоящій моментъ пробирается мимо моихъ оконъ очень расфранченная госпожа въ голубомъ платьѣ и въ голубой шляпкѣ, и, нарушивъ равновѣсіе при переходѣ по доскѣ, положенной черезъ грязь, оступилась и начала браниться. Браниться, разумѣется, нехорошо, особенно одѣваясь въ голубое платье и въ голубую шляпку; но развѣ хорошо имѣть непроходимыя пути сообщенія? Мой бородатый хозяинъ, оступающійся въ грязь, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ разъ въ день, не бранится при этомъ ни разу; но за то вѣдь мой хозяинъ мажетъ свои сапоги дегтемъ и прячетъ штаны въ голенища. Изъ этого очевидно то, что мой хозяинъ гораздо больше приспособился къ окружающей его природѣ, чѣмъ дама въ голубой шляпкѣ, и что голубой шляпкѣ нужно или переселиться въ такую мѣстность, въ которой путешествіе пѣшкомъ въ прюнелевыхъ ботинкахъ совершенно безопасно, или же снять свое голубое платье и надѣть сапоги, пропитанные дегтемъ, потому что ни мой хозяинъ, ни десятки такихъ же бородатыхъ его сосѣдей ни за что не примутъ противъ грязи никакихъ средствъ общественнаго характера; а примутъ только мѣры личныя, т. е. облачатся сами въ дегтярные сапоги, предоставивъ затѣмъ всѣмъ

своимъ согражданамъ и согражданкамъ полную свободу справляться съ грязью, какъ имъ удобнѣе.

Читатель, конечно, догадался, что въ этомъ назидательномъ примѣрѣ мой хозяинъ служить представителемъ низкаго уровня потребностей, а дама въ голубомъ платьѣ—высшаго. Если этотъ примѣръ перенести въ различныя сферы общественной и государственной жизни, то сущность его нисколько не измѣнится. Какимъ бы образомъ, напримѣръ, Петръ I уяснилъ своимъ подданнымъ мысль о необходимости для нашего экономического развитія учрежденій совѣтмъ иного характера, чѣмъ бывшія при Алексѣѣ Михайловичѣ? Какимъ образомъ вы, мой просвѣщенный читатель, растолкуете своимъ сызранскимъ соотечественникамъ, что имъ, для ихъ же собственной пользы, не мѣшало бы завести если не женскую гимназію, то хотя бы женское училище 2-го разряда? Вотъ эта-то невозможность растолковать многое и была причиной, что явились разныя обязательныя повинности, а между ними и рекрутская. Разумѣется, если бы Петръ I захотѣлъ ждать, когда русскіе люди, исполнившись высокоихъ государственныхъ и общественныхъ помысловъ, составили бы сами многочисленную и сильную армию и съ помощью ея побѣдили бы Карла XII, и затѣмъ прорубили бы окно въ Европу,—прошло бы, конечно, столько времени, что Карлъ XII умеръ бы непобѣжденный; да и окна въ Европу не прорубили бы въ XVIII вѣкѣ.

Въ вопросѣ о лично-обязательной рекрутской повинности, существующей въ континентальныхъ европейскихъ государствахъ, самымъ лучшимъ было бы, разумѣется, чтобы военныя государства могли располагать достаточной суммой для найма охочихъ людей, и чтобы имѣлся достаточный запасъ подобныхъ людей. Но у европейскихъ государствъ прежде всего нѣтъ для этого средствъ; во-вторыхъ, нѣтъ увѣренности, чтобы нашлось достаточно охотниковъ для большихъ армій. Однимъ словомъ, если было бы возможно устроиться иному порядку, то, конечно, онъ бы и устроился; а если другой, лучший противъ существующаго порядокъ не устраивается, то, разумѣется, только потому, что онъ невозможенъ. Изъ этого очевидно, что сущность вопроса по комплектованію армій останется для континентальныхъ европейскихъ государствъ еще далеко неизмѣнной, и всѣ улучшения, являющіяся постоянно и повсюду, могутъ относиться собственно къ внѣшней, формальной сто-

рошѣ дѣла. Подобный порядокъ происходитъ совсѣмъ не оттого, чтобы правительства не понимали, что въ мирное время переходъ въ военное званіе составляетъ для простаго человѣка равныя, болѣе или менѣе важныя, болѣе или менѣе продолжительныя лишения и стѣсненія. Но есть ли возможность измѣнить все это?—Возможности нѣтъ, потому что для этого пришлось бы измѣнить весь существующій военный порядокъ и военную систему. Этого сдѣлать нельзя, и потому понятно, что всему дѣлу дается только объективный, т. е. государственный характеръ; а его субъективная или личная сторона, невозможная въ своемъ полномъ удовлетвореніи, становится на второй планъ и удовлетворяется только на столько, на сколько это не вредитъ сторонѣ объективной.

Въ 1863 году у насъ было два рекрутскихъ набора,—съ 15 января по 15-е февраля и съ 1-го ноября по 1 декабря. Въ каждый наборъ было взято со всей имперіи по десяти человѣкъ съ тысячи душъ, или всего 2%. Такъ какъ въ рекруты берутся только люди не моложе 21 года и не старѣе 30 лѣтъ, то по отношенію собственно къ лицамъ, подлежащихъ рекрутской повинности, т. е. исключая всѣхъ, кто моложе 21 года и старѣе 30 лѣтъ, процентъ этотъ долженъ значительно повыситься, т. е. составить никакъ не менѣе 5%.

Чтобы сдѣлать повинность, по возможности, легкой для народа, было разрѣшено принять къ руководству при наборѣ облегчающія правила, указанныя высочайшимъ манифестомъ отъ 1-го сентября 1862 г. Я укажу на главнѣйшія изъ нихъ, имѣвшія преимущественно въ виду ослабить то тяжкое впечатлѣніе, которое производилъ на народъ самый процессъ или внѣшнія формальности призыва.

При выборѣ людей въ рекруты дѣлается имъ строгій медицинскій осмотръ и берутся люди совершенно здороваго и крѣпкаго тѣлослаженія. Прежде осмотръ этотъ дѣлался очень просто, т. е. правды будущего рекрута въ передней до-нага; затѣмъ въ этомъ пародическомъ костюмѣ вводили его въ присутствіе, гдѣ и осматривали безъ всякой задней мысли о томъ, что человѣкъ можетъ и стыдиться, и что самимъ членамъ присутствія лицезрѣніе чужестранной наготы можетъ также не доставлять особеннаго удовольствія. При новомъ порядкѣ, рекруты вводятся на осмотръ въ рубашкахъ.

Прежде, послѣ осмотра рекрута, когда онъ оказывался годнымъ для службы, председатель провозглашалъ торжественно: «добъ!» а

когда рекрута находили несходнымъ, то съ этою же торжественностью произносилось: «затылокъ!» Сейчас же за провозглашениемъ, выбраннаго или забракованнаго сажали на стулъ, и тутъ же цирюльникъ производилъ надъ нимъ операцію. Въ болѣе отдаленныя времена рекрутовъ всею и не стригли, а подбривали спереди или сзади, т. е. клали на нихъ такую замѣтку, которая очень наводила брѣтѣ арестантовъ. Нонятно, что подобная операція, торжественное провозглашеніе председателя производили на рекрута самое подавляющее вліяніе, и онъ, какъ замѣчаетъ «Военный Сборникъ», «въѣсто ласковаго приѣма, могущаго болѣе или менѣе его утѣшить, встрѣчалъ жестокую формальность, наводившую его на мысль, что надъ нимъ произойдетъ какой-то приговоръ.» По новымъ правиламъ, вся эта тяжелая формальность отмѣнена, и мало-малька, признаннаго годнымъ, стригутъ и причисляютъ по воинному расписанію въ военную команду, куда онъ поступаетъ.

Брѣтѣ затылка совершенно отмѣнено; во-первыхъ, не только потому, что операція эта отнимаетъ даромъ время и заставляетъ цирюльниковъ трудиться совершенно напрасно, но еще и потому, что имѣть ликаго вполнѣ разумнаго основанія подбривать въ каждый наборъ затылки у нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ и отправлять ихъ домой въ этой новой куафюрѣ. Благодаря новымъ правиламъ, все это кончилось.

Прежде, когда въ солдаты отдавали дурныхъ людей или провинившихся, надо было смотрѣть за рекрутами очень внимательно, потому что, при малѣйшей оплошности стражи, они разбѣгались. Чтобы этого не могло случиться, партіи новобранцевъ слѣдовало подѣлывать сильными конвоирь. — Съ измѣнившимся взглядомъ на дѣло, измѣнился и порядокъ отвода на мѣста назначенія рекрутовъ. Число конвоирь не только уменьшено, но даже разбѣшено, при возможности, и совсѣмъ ихъ не имѣть, а отправлять партіи подѣлывать однимъ только партіоннаго начальника, придавая ему въ помощь отъ одного до трехъ унтеръ-офицеровъ, одного писаря и квартирмейстеровъ для занятія квартирь. Самый же надзоръ за порядкомъ въ партіяхъ предоставленъ самимъ рекрутамъ. Для этого партіи дѣлятся на десятки и каждый десятокъ выбираетъ самаго десяскаго, который и исполняетъ должность конвоирь. Мнѣ случилось видѣть, въ какомъ порядкѣ шли новобранцы чрезъ благословенную Тольмю (читатель знаетъ, въ чему промія? Не могу, читатель, ей

богу не могу. Я очень уважаю всѣхъ тотемскихъ обитателей и питаю къ нимъ самое вѣрное, дружеское чувство; но, право, въ Тотемѣ жить ужасно. Сначала поживите сами читатель, а ужь потомъ и обвиняйте меня. Вѣдь и Миттермайеръ очень расхваливаетъ, однажды заключеніе только потому, что никогда не сидѣлъ ни въ крѣпости, ни въ тюрьмѣ), и нельзя не согласиться, что въ военномъ отношеніи порядокъ былъ безукоривенный. Рекруты шли въ двѣ шеренги, въ ногу и стройно, какъ старые солдаты. Впрочемъ, относительно того, что они шли въ ногу, память мнѣ измѣняетъ; спорѣе я расположенъ думать, что они шли не въ ногу, потому что гдѣ же новобранцу проникнуться вдругъ такую военную ловкость, чтобы вдругъ измѣнить способъ своего человѣческаго хожденія, въ которомъ онъ упражнялся болѣе двадцати лѣтъ! Поэтому, оставляя сей спорный вопросъ нерѣшеннымъ, я утверждаю съ положительною точностью только то, что рекруты шли въ совершенномъ порядкѣ, парами, и что одна шеренга несла на плечахъ ружья. Желая разъяснить себѣ это обстоятельство, я узналъ, что мѣстное военное начальство воспользовалось отправкой рекрутской партіи, чтобы отслѣдить съ нею, куда слѣдуетъ, старыя ружья. Такимъ образомъ, партія шла дальше и не просто, а вооруженная, и, не смотря на то, при ней, находилась только два унтеръ-офицера: одинъ шелъ при первой парѣ, другой при послѣдней.

Изъ числа другихъ облегчительныхъ правилъ уважу слѣдующія:

Всѣ сословія, отправляющія рекрутскую повинность, получили право имѣть въ рекрутскихъ присутствіяхъ своихъ представителей.

Прежде дворяне и классные чиновники не имѣли права записываться въ рекруты; теперь это право предоставлено всѣмъ лицамъ, за исключеніемъ имѣющихъ военный офицерскій чинъ.

Чтобы армія не комплектовалась слишкомъ молодыми людьми, неспособными выносить тягости военной службы, постановлено принимать рекрутовъ не моложе 21 года, тогда какъ прежде принимали и 17-лѣтнихъ. Потомъ, дозволено младшему брату поступать за старшаго—разумѣется, добровольно и съ согласіемъ родителей,—даже и 20 лѣтъ. А старѣе 30 лѣтъ не принимать въ рекруты никого, за исключеніемъ укрывающихся отъ службы и членовредителей, для которыхъ позднѣйшимъ срокомъ установленъ 31-лѣтній возрастъ.

Уменьшена мѣра роста до 2 ар. 8 вер., за исключеніемъ жителей уѣздовъ Мезенскаго, Пинежскаго и Камскаго Архангельской гу-

бернн, и Устьемсольскаго и Яренскаго Вологодской губернн, для которых установлена мѣра 2 ар. 2 1/2 вершка. Нужно полагать, что это постановленіе вызвано тѣми условіями мѣстнаго климата, по которымъ и кедръ начинаетъ слаться отъ холода по землѣ, а береза изъ обыкновенной превращается въ малорослую, — что ученые ботаники выразили по латыни не совсѣмъ вѣрно словомъ: папа; а можетъ быть, и русскіе ученые перевели это слово не совсѣмъ вѣрно по русски. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ очень холодно, что береза становится въ нихъ малорослой и что только для этихъ двухъ губернн въ цѣлой Россіи понижена мѣра роста рекрутства до 2 ар. 2 1/2 вершковъ.

Если рекрутъ взять въ военную службу не за прѣступки или прѣступленіе, то онъ можетъ быть смѣненъ другимъ, т. е., вмѣсто его, можетъ быть поставленъ другой, въ какой бы ни было срокъ.

Хотя русскій человекъ и не отличается, повиднмому, большою политической и общественной мудростью, но, тѣмъ не менѣе, онъ сочинялъ много умныхъ афоризмовъ, практическое примѣненіе которыхъ къ жизни, въ полномъ правильномъ ихъ логическомъ развитіи, принесло бы всѣмъ большую пользу. Такъ, русскій человекъ высказалъ слѣдующій превосходный житейскій принципъ, который не всегда признавали даже передовые изъ европейскихъ мыслителей, предлагавшіе разные проэкты для преобразования общественнаго и экономическаго быта Европы: — «хоть щей горшокъ, но самъ большой». Въ нашей русской деревенской практикѣ принципъ этотъ выразился въ раздѣлахъ большихъ семействъ на части по мѣрѣ женитьбы сыновей. Министерство государственныхъ имуществъ, понимая совершенно безошибочно, что тѣмъ больше въ семьѣ взрослыхъ работниковъ, тѣмъ оно благосостоятельнѣе, заботилось постоянно о томъ, чтобы крестьянскія семьи не дѣлились на отдѣльныя маленькія хозяйства, потому что при раздѣлѣ, взамѣнъ одного богатаго хозяйства, являлось столько бѣдныхъ и беспомощныхъ, на сколько оно раздѣлялось. Но въ то время, какъ министерство являлось представителемъ соціально-общиннаго начала, самъ крестьянинъ стремился къ индивидуализму, къ проявленію начала личнаго. Соглашеніе этихъ двухъ противоположныхъ крайностей въ примѣненіи въ большомъ размѣрѣ къ народной жизни и выработка новаго общественнаго принципа — принципа, который на Западѣ пытались только выработать въ

теоріи, но еще никому не удалось указать, какъ онъ можетъ быть примѣненъ къ жизни въ большомъ размѣрѣ, — конечно, удасться не могла, и каждая сторона старалась только отстоять свое, не видя возможности согласить свое съ чужимъ. Такъ, крестьяне постоянно дѣлились, а министерство постоянно запрещало раздѣлы и, желая ихъ прекратить, не давало юридическаго значенія тѣмъ изъ нихъ, которые были сдѣланы безъ разрѣшенія начальства. Не смотря, однако, на всѣ строгости министерства, жизнь брала свое; самовольные раздѣлы продолжались, и министерству оставалось только одно: — признавать юридическое значеніе ихъ, потому что соединить раздѣлившіяся семьи было уже невозможно. «Рекрутскій уставъ» точно также не признавалъ раздѣловъ, потому что для отбыванія рекрутской повинности, большія семьи для государства выгоднѣе, чѣмъ мелкія; ибо, напримѣръ, въ большой семьѣ, гдѣ три работника, одинъ изъ нихъ долженъ идти въ рекруты, тогда какъ если семья эта раздѣлится на три, съ однимъ работникомъ въ каждой, то онѣ исключаются изъ рекрутскаго списка.

Не признавая юридическаго значенія самовольныхъ раздѣловъ, «Рекрутскій уставъ» ставилъ перѣдко въ весьма экономически-убыточное положеніе крестьянскія семьи, раздѣлившіяся уже давно и немогшія поставить рекрута или по недостатку мужчинъ, или же долженствовавшія совершенно обнищать, если бы онѣ выставили хоть одного рекрута. Для устранения подобнаго обстоятельства, во многихъ случаяхъ, совершенно для крестьянъ разорительнаго, признаны законами всѣ семейные раздѣлы, совершенные до 1 января 1863 года, если дѣйствительность раздѣла будетъ удостовѣрена ближайшей властью.

Этой чрезвычайно-облегчительной для крестьянъ мѣрой фактическому раздѣлу дано юридическое значеніе и устранено множество жалобъ со стороны лицъ, подлежащихъ рекрутской повинности; потому что для крестьянъ признавались законными только раздѣлы, совершившіяся до 1823 года, а для горожанъ — до 1830 года, — со времени же 1823 г. прошло 40 лѣтъ, со времени 1830—33 года, и во все это время крестьяне и мѣщане, дѣлились на отдѣльныя семьи, по мѣрѣ женитьбы членовъ, желавшихъ составить отдѣльныя семейства, — а между тѣмъ, рекрутскіе списки составлялись все по первому составу семей, — выходитъ то, что, какъ говорить, напримѣръ, «Военный Сборникъ», «при предпоследнемъ на-

боръ встрѣчался въ ревнии подъ однимъ номеромъ такия семьи, отцы которыхъ раздѣлились, а новое поколѣніе даже не знало друга друга».

Прежде, всѣмъ сектаторамъ сектъ, признаваемыхъ правительствомъ особенно вредными, именно молоканамъ, духоборцамъ, иконоборцамъ, іудействующимъ, скопцамъ, а также евреямъ, запрещалось нанимать вмѣсто себя въ рекруты людей, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ и закону; а также покупать выданныя на такихъ людей зачетныя квитанціи. Эта мѣра была установлена исключительно съ цѣлью — въ связи съ другими подобными мѣрами, — стѣснить развитіе и распространеніе вредности вѣроученій. Но если подобныя мѣры имѣли значеніе въ общихъ правительственныхъ интересахъ, то, конечно, онѣ не представляли подобныхъ же выгодъ въ отношеніи моральной однородности войска. И потому военное начальство признало необходимымъ дозволить всѣмъ сектаторамъ, безъ различія, нанимать и поставлять вмѣсто себя въ рекруты кого они хотятъ, имѣя при этомъ въ виду, что если послѣдователи нѣкоторыхъ сектъ признаются особенно вредными, то, безъ сомнѣнія, они будутъ вреднѣе всего въ войскѣ, гдѣ, кромѣ того, долженъ быть учрежденъ за ними особенно тщательный надзоръ. Новымъ постановленіемъ число сектаторовъ, конечно, уменьшится въ нашей арміи, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе квитанцій и возможность замѣны личной повинности денежными взносами теперь значительно облегчены. Слѣдовательно, понятно, что сектаторы, какъ люди, по большей части, съ лучшими средствами, чѣмъ всѣ остальные крестьяне, найдутъ для себя болѣе удобнымъ замѣнить натуральную повинность денежной или выставомъ за себя другихъ лицъ.

Кромѣ этихъ облегченій, въ нынѣшній наборъ 1865 г. (съ 15 января по 15 февраля) были допущены еще новыя, имѣвшія цѣлью уравнивать исполненіе рекрутской повинности. Напримѣръ, до сихъ поръ законъ не опредѣлялъ, какое именно число должно быть выставлено подставныхъ, на случай необходимости замѣнить забракованныхъ людьми, годными для военной службы. Существовало только запрещеніе не представлять на каждаго рекрута болѣе одного подставного, и общества, исполнявшія рекрутскую повинность, принимая это отрицательное указаніе за положительное постановленіе, исполняли его буквально. Такимъ образомъ, въ послѣдній наборъ было выставлено 122,000 подставныхъ; это значитъ, что

122 т. молодыхъ людей были оторваны отъ своихъ занятій и представлены на мѣста приѣма, т. е. введены въ напрасные расходы и крестьянскія семьи, и общества. Для устранения этого, постановлено, чтобы число подставныхъ не было болѣе половины всего числа рекрутовъ, слѣдующихъ съ рекрутскаго участка, если участокъ ставить болѣе трехъ рекрутовъ; если же участокъ ставить только трехъ рекрутовъ, то выставляетъ двухъ подставныхъ; а если одного, то одного и подставного. На сколько это новое правило уменьшило число подставныхъ во весь наборъ, — свидѣній еще нѣтъ. Конечно, число это будетъ менѣе; но едва ли вся масса подставныхъ уменьшится болѣе, чѣмъ на одну треть, т. е., вмѣсто прежнихъ 120 т., выставится около 80 т.; разумѣется, облегченіе даже и въ этомъ видѣ будетъ уже весьма значительно.

Прежде, продажа рекрутскихъ квитанцій была ограничена разными отъсннительными постановленіями. Напримѣръ, продажа ихъ отъ казны не производилась въ то время, когда былъ объявленъ наборъ, т. е. какъ разъ тогда, когда квитанціи преимущественно требовались. Потомъ, квитанціи могли быть перепродаваемы другъ другу только лицами, принадлежащими одной и той же губерніи, одному и тому же городу, посаду, мѣстечку. — Все это теперь отиѣнено.

Но наиболѣе выгодное для государственныхъ крестьянъ постановленіе заключается въ томъ, что общее число рекрутовъ «опредѣлено распределять между рекрутскими ихъ участками не по числу ревизскихъ душъ, а по числу записанныхъ въ призывные списки молодыхъ людей, которымъ къ 1 января 1864 г. исполнился 21 годъ отъ роду». Прежде же призывалось изъ каждой волости то число молодыхъ людей, какое въ данное время въ ней находится. Но какъ число молодыхъ людей въ каждой волости ежегодно колеблется; то изъ этого происходило то, что та волость, въ которой много молодежи, отбывала свою повинность легко; а другая, въ которой подобныхъ лицъ мало, ставилась въ необходимость отдавать иногда все свое молодое поколѣніе. Между тѣмъ, въ общемъ населеніи государства число лицъ возраста, опредѣленнаго для рекрутства, составляетъ извѣстный процентъ; и слѣдовательно, чѣмъ раскладка будетъ сдѣлана шире, тѣмъ будетъ она уравнительнѣе. Конечно, лучше всего было бы сдѣлать расчетъ на все населеніе страны, но такая раскладка встрѣтила бы въ практикѣ много весьма сложныхъ затрудненій. Поэтому принято дѣлать раскладку набора не на во-

сти, какъ было прежде, а на всю губернію. Если эта мѣра и не уравниваетъ вполне повинности во всемъ населеніи государства, то, во всякомъ случаѣ, какъ говорить «Военный Сборникъ», она ближе къ справедливости, потому что разность въ числѣ молодыхъ людей между губерніями не можетъ быть такъ значительна, какъ она значительна между отдѣльными волостями «относительно губерніи». Придерживаясь того же начала, и денежная повинность по набору разлагается уже не на отдѣльныя волости, а на цѣлую губернію.

Изъ всего этого читатель видитъ, что, относительно возможнаго облегченія и уравнианія рекрутской повинности, военное министерство сдѣлало въ послѣднее время довольно много улучшеній, которыя хотя и не имѣютъ характера реформы, но приносятъ экономіи народныхъ силъ значительную пользу. Больше того, что сдѣлано министерство, оно сдѣлать и не могло, потому что имѣло въ виду, «не предрѣшая основныхъ вопросовъ будущаго «Рекрутскаго устава», который теперь составляется, устранить затрудненія, существующія у насъ безъ крайней необходимости при исполненіи рекрутской повинности». Все это и было сдѣлано. Теперь же мы подождемъ новаго «Рекрутскаго устава».

Вмѣстѣ съ постановленіями, имѣвшими значеніе положительныхъ мѣръ, дѣлались и опыты преобразованій новаго рода. Такъ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ испытывается во второй разъ, введенный, въ видѣ опыта, на три рекрутскіе набора, новый порядокъ отправленія рекрутской повинности деньгами. Это значитъ, что обывателямъ, вмѣсто личнаго поступленія въ рекруты, дозволяется вносить въ общество, къ которому они принадлежатъ, деньги, въ размѣрѣ, определенномъ высшимъ военнымъ начальствомъ; а общество должно на эти деньги поставить рекрута. Однимъ словомъ, это переводъ въ большемъ размѣрѣ личной повинности въ денежную. Къ какимъ результатамъ приводитъ этотъ опытъ, я скажу въ концѣ «Лѣтониса».

III.

Числовые данныя, обнаруженныя о наборахъ 1863 г., представляютъ, конечно, весьма много любопытнаго для той части публики, которая хотя и интересуется общественными вопросами, но не зади-

маются военнымъ дѣломъ или не читаетъ специальныхъ военныхъ изданій.

Во второй наборъ 1863 г. было представлено въ рекруты, вмѣстѣ съ подставными, 335,068 человекъ. Изъ этого числа:

Принято въ рекруты или 158,892 человекъ.

Забраковано по разнымъ причинамъ или 53,943 челов.

И возвращено подставныхъ или 122,233 человекъ.

Слѣдовательно, 52,6% или 176,176 оказались негодными или излишними, и изъ всей массы доставленныхъ людей, только 47,4% пошли на укомплектованіе войска.—О томъ, какія мѣры были приняты противъ этого неудобства, я уже говорилъ выше.

Въ общемъ числѣ всѣхъ лицъ, отбывавшихъ рекрутскую повинность, лично исполнили ее, поступленіемъ въ рекруты 156,143 ч. Зачтено по квитанціямъ 25,257 и внесено деньгами за 1,911 ч. Слѣдовательно, личная повинность составляетъ 84,8% всего числа рекрутской повинности, а денежный замѣнъ ея только 15,2%.

По возрастамъ въ общемъ числѣ рекрутъ было:

отъ 20 — 25 лѣтъ 127,368 чел. или 80%.

и отъ 25 — 30 лѣтъ 31,504 чел. или 20%.

По сословіямъ:

Дворянъ и чиновниковъ, поступившихъ по найму, 88 человекъ.

А общее число всѣхъ опредѣлившихся по найму—4,445 человекъ или 2,7%.

Привожу эти цифры, я не дѣлаю никакихъ толкованій, потому что цифры и выводы изъ нихъ совершенно ясны безъ всякихъ объясненій. Но совсѣмъ другое числовое отношеніе взятыхъ рекрутъ ко всему населенію губерній. По этому предмету «Военный Сборникъ» представляетъ только общія цифры о числѣ рекрутъ, а потому сближеніе ихъ съ цифрами общаго населенія губерній совершенно необходимо, что я и сдѣлаю.

Въ абсолютныхъ величинахъ, наибольшее число рекрутовъ выставили губерніи:

	Рекрутовъ.	Зачтено по квитанціямъ.	Внесено деньгами.	Всего натурой, квитанціями и деньгами.
1) Вятская	8750	—	224	» = 8974
2) Воронежская	7733	—	458	» = 8191
3) Тамбовская	7320	—	686	» = 8006

4) Курская	6668	—	795	1	==	7459
5) Пермская	6131	—	529	»	==	6660
6) Казанская	6287	—	371	»	==	6658
7) Харьковская	6170	—	317	1	==	6488
8) Саратовская	5467	—	945	»	==	6412
9) Тверская	5412	—	886	»	==	6298
10) Самарская	5391	—	829	»	==	6220
11) Орловская	4885	—	1289	»	==	6174
12) Рязанская	4444	—	1607	»	==	6051
13) Московская	3693	—	1699	1	==	5393
14) Владимирская	4006	—	1139	»	==	5145
15) Смоленская	4066	—	397	»	==	4463
16) Новгородская	3399	—	659	»	==	4058
17) Херсонская	3754	—	178	»	==	3932
18) Екатеринославская	3688	—	145	»	==	3833

А наименьшее число:

Губерніи:	Рекрутовъ.	Зачтено по квитанціямъ.	Внесено деньгами.	Всего натурой, квитанціями и деньгами.
19) Ярославская	2155	—	1676	» == 3831
20) С.-Петербургская	1821	—	494	» == 2315
21) Таврическая	1161	—	164	» == 1325
22) Олонецкая	1003	—	219	» == 1222
23) Архангельская	380	—	32	633 == 1045
24) Астраханская	800	—	158	» = 958

Изъ этихъ цифръ оказывается прежде всего, что число рекрутъ, поставленныхъ каждой губерніей, не соответствуетъ повсюду одинаково общему населенію губерній. Чтобы читателю было удобнѣе сличить самому цифры, привожу размѣръ населенія каждой губерніи по Кольбу, и тоже въ нисходящемъ порядкѣ, какъ и цифры первой таблицы:

Губерніи:	Число жителей.
1) Вятская	2,123,000
2) Пермская	2,046,000
3) Воронежская	1,930,000
4) Тамбовская	1,910,000
5) Курская	1,811,000
6) Саратовская	1,636,000
7) Московская	1,599,000
8) Харьковская	1,582,000

9) Казанская	1,543,000
10) Орловская	1,532,000
11) Самарская	1,530,000
12) Тверская	1,491,000
13) Рязанская	1,427,000
14) Владимирская	1,207,000
15) Смоленская	1,102,000
16) Екатеринославская	1,042,000
17) Херсонская	1,027,000
18) С.-Петербургская	1,083,000
19) Ярославская	976,000
20) Новгородская	975,000
21) Таврическая	687,000
22) Астраханская	477,000
23) Олонецкая	287,000
24) Архангельская	274,000

Если поставить эти оба списка, т. е. о числѣ рекрутовъ и о народонаселеніи рядомъ, то большая часть губерній разойдутся въ нумераціи, и только очень немногія удержатъ одно и то же мѣсто. Сличивъ тотъ и другой списки, читатель увидить, что въ обоихъ изъ нихъ сохранили свои мѣста только слѣдующія губерніи: Вятская (1), Смоленская (15), Херсонская (17), Таврическая (21), Астраханская (22), Олонецкая (23), Архангельская (24) и Владимирская (14). Измѣнили свои мѣста на одинъ номеръ внизъ или вверхъ: Курская, Орловская, Харьковская, Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Самарская, Ярославская и С.-Петербургская. Значить, изъ числа двадцати-четырехъ губерній, взятыхъ для сравненія, сохраняютъ, въ томъ и другомъ случаѣ, свое нормальное отношеніе или возможно приближаются къ нему 17 губерній; а 7 болѣе или менѣе отъ него уклоняются. Но и сличеніе номеровъ не дасть еще точнаго понятія о размѣрѣ дѣйствительнаго отношенія повинности къ народонаселенію, и при опредѣленіи его процентнымъ содержаніемъ открываются значительныя уклоненія отъ нормальной величины. Такъ, въ наборѣ, о которомъ идетъ рѣчь, было назначено брать 10 рекрутовъ съ тысячи мужского населенія или 1%, между тѣмъ, въ дѣйствительности взято: въ Новгородской губерніи 0,86%, въ Казанской 0,86%, въ Олонецкой 0,85 $\frac{1}{8}$ %, въ Владимирской 0,85%, въ Тверской 0,84%, въ Вятской 0,84%, въ Смоленской 0,81%, въ Саратовской 0,78%, въ Ярославской 0,78%, въ

Херсонской 0,76 $\frac{1}{5}$ ‰, въ Архангельской 0,74 ‰, въ С-Петербургской 0,43 ‰, (впрочемъ эта цифра невѣрна, потому что въ расчетъ взята столица, гдѣ значительнѣйшая часть мужского населенія — чиновники, войска — стояла внѣ рекрутской повинности), въ Астраханской 0,40 ‰, въ Таврической 0,39 ‰. Такимъ образомъ, Вятская губернія, занимающая въ обоихъ спискахъ первое мѣсто, заняла въ процентномъ расчетѣ шестое; а первой стала Новгородская, расходившаяся въ первомъ и второмъ спискахъ на четыре номера. Далѣе, изъ процентнаго расчета видно, что нигдѣ рекрутская повинность не доходила до своей нормальной величины 1 ‰, и самое малое уклоненіе составляло 0,14 ‰, а самое большое 0,61 ‰. Легче всего въ рекрутскомъ отношеніи было губерніямъ Астраханской и Таврической. Но почему это такъ, не было ли дапо этимъ губерніямъ особенныхъ льготъ или не заключаются ли причины этого въ особенномъ племенномъ составѣ ихъ населенія, — «Военный Сборникъ» не говоритъ ничего. Наконецъ, изъ процентнаго расчета видно, что наибольшее число рекрутъ поставляютъ великорусскія губерніи; а самое малое — югъ, юго-востокъ и западъ Россіи.

Первый списокъ даетъ возможность сдѣлать еще одинъ интересный выводъ. Если число зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій и денежные взносы зависятъ отъ матеріальныхъ средствъ населенія, то очевидно, что числомъ ихъ можно опредѣлять число денежно-благосостоятельныхъ лицъ каждой губерніи. Конечно, благосостояніе это можетъ быть и не особенно поразительное; оно можетъ уживаться отлично съ большою бѣдностью; но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что имъ можетъ быть опредѣлено относительное положеніе губерній между собой въ числѣ лицъ со средствами, стоящими выше общаго средняго уровня. По абсолютнымъ величинамъ представленныхъ зачетныхъ квитанцій, губерніи располагаются въ такомъ порядкѣ: 1) Московская, представившая 1699 квитанцій; 2) Ярославская — 1676 кв.; 3) Рязанская — 1607 кв.; 4) Орловская — 1289 кв.; 5) Владимірская — 1139 кв.; 6) Саратовская — 945 кв.; 7) Тверская — 836 кв. Но и тутъ абсолютныя величины не даютъ яснаго сравнительнаго понятія, и необходимо обратиться къ процентному расчету. По процентному же расчету оказывается вотъ что. Первое мѣсто принадлежитъ губерніи Архангельской, въ второй денежныя взносы и рекрутскія квитанціи составляютъ

63 $\frac{3}{15}$ % всего числа рекрутской повинности; 2-е) — Ярославской, где такое же отношение составляет 43 $\frac{2}{3}$ %; 3-е) Московской, съ 31 % отношением; 4-е) Рязанской 26 $\frac{1}{6}$ %; 5-е) Владимирской — 22 $\frac{1}{5}$ %, 6-е) Орловской — 20 $\frac{5}{6}$ %; 7-е) Саратовской — 14 $\frac{5}{6}$ %; 8-е) Тверской — 14 $\frac{1}{6}$ %; 9-е) Самарской — 13 $\frac{1}{2}$ %; 10-е) Курской — 10 $\frac{5}{7}$ %; 11-е) Тамбовской — 8 $\frac{1}{2}$ %; 12-е) Воронежской — 5 $\frac{1}{2}$ %; 13-е) Херсонской — 4 $\frac{2}{3}$ %; 14-е) Екатеринославской — 3,9 %. Изъ этого оказывается, что наибольшими денежными средствами располагают губернии промышленныя — Архангельская, Ярославская, Можовская, Рязанская, Владимирская, Орловская; а наименьшими — губернии земледѣльческія — Саратовская, Самарская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Херсонская, Екатеринославская. Причины этого понять очень нетрудно. Только промышленное развитіе даетъ дѣйствительную экономическую силу народу, и только имъ опредѣляется размѣръ и сила цивилизаціи. Поэтому, чисто-земледѣльское населеніе хотя и можетъ владѣть достаточнымъ и вполне обезпечивающимъ его количествомъ сырыхъ произведеній, въ видѣ ржи, пшеницы, огурцовъ, арбузовъ, барановъ, лошадей и коровъ, но все это изобиліе сырья нисколько еще не поднимаетъ быта населенія выше уровня полудикой, первобытной жизни тѣхъ счастливыхъ временъ, когда цари и вожди народа сидѣли на такихъ же простыхъ бараньихъ кожахъ и ѣли тотъ же бишь-бармакъ, какъ и бѣднѣйшій ихъ подданный. Чисто-земледѣльское населеніе можетъ быть очень сыто; оно можетъ ѣсть даже гораздо лучше, т. е. вкуснѣе, питательнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ населеніе промышленное; земледѣлецъ можетъ не знать никогда нужды и смотрѣть свѣтло и спокойно въ свое будущее, не боясь голодной смерти, грезящей, сплошь и рядомъ, на старости промышленному пролетарію; но жизнь промышленнаго человѣка все-таки гораздо разнообразнѣе и богаче разными условіями, позволяющими ему между многими выбрать наибольше ему выгодное. Говоря короче, у промышленнаго человѣка, иногда при всемъ его безденежьи, денегъ бываетъ гораздо больше, чѣмъ у земледѣльца, и тамъ, гдѣ земледѣлецъ, владѣя цѣлыми табунами лошадей и скирдами хлѣба, долженъ все-таки идти самъ лично въ рекруты, потому что не на что купить квитанціи, — промышленникъ вноситъ квитанцію и остается дома.

Кромѣ поставки рекрутъ матуры или взноса за нихъ квитанцій, общества, подлежащія рекрутской повинности, несутъ на себѣ и всѣ

издержки доставки и сдачи поставляемыхъ ими людей. Расходы эти бываютъ весьма различны въ различные годы, въ различныхъ полосахъ имперіи, и вообще зависятъ отъ различныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе измѣняющихся. Такимъ образомъ, въ губерніяхъ восточной полосы, наиболѣе удаленныхъ отъ происходившихъ въ послѣдніе годы въ Польшѣ волненій, сдача рекрутъ обходилась гораздо дешевле, чѣмъ въ губерніяхъ западныхъ и близко къ нимъ прилегающихъ. Напримеръ, въ губерніяхъ Астраханской, Вятской, Казанской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Симбирской сдача рекрута стоила отъ 24 до 27 р. 64 к., тогда какъ въ губерніи Виленской рекрутъ стоилъ обществу 77 р. 77 $\frac{1}{2}$ к., въ Ковенской 49 р. 68 к., въ Смоленской 34 р., въ Могилевской 31 р. 58 к.; въ губерніяхъ Курляндской 65 р. 24 $\frac{1}{2}$ к., Эстляндской 55 р. 61 к., Лифляндской 34 р. 60 к.

Въ этой различной стоимости доставки рекрута на различныя сословія приходится различныя доли. Дороже всего обходились рекруты временно-обязаннымъ крестьянамъ, потомъ крестьянамъ государственнымъ; а дешевле всего мѣщанамъ и удѣльнымъ крестьянамъ. Въ западныхъ же и Остзейскихъ губерніяхъ было наоборотъ: дороже всего обходились рекруты мѣщанамъ, и въ особенности евреямъ и однодворцамъ. Такъ, напримеръ, въ Курляндской губерніи сдача рекрута мѣщанамъ обошлась: христіанамъ въ 65 р. 2 к., а евреямъ въ 125 р. 70 к.; въ Эстляндской губерніи мѣщанамъ-христіанамъ въ 96 р. 25 $\frac{3}{4}$ к., и въ Лифляндской мѣщанамъ въ 39 р. 20 к. Вообще среднимъ числомъ стоимость рекрута обществу обошлась: въ первый наборъ 1863 г. въ губерніяхъ восточной полосы въ 28 р. 44 к., въ губерніяхъ западной полосы въ 36 р. 12 к. Во второй: въ губерніяхъ восточной полосы 28 р. 6 к., въ губерніяхъ западной полосы 41 р. 92 к.

Общества, выставляющія рекрутъ, берутъ на себя расходы до момента сдачи людей, т. е. до перехода ихъ въ военное вѣдомство. Съ момента же приема начинаются расходы военнаго министерства. Расходы эти заключаются въ заготовкѣ суконъ и прочихъ вещей обмундированія, въ постройкѣ обмундированія, въ перевозкѣ вещей и полушубковъ, въ прогонахъ лицамъ, наблюдающимъ за производствомъ набора, и, наконецъ, въ разныхъ мелочныхъ расходахъ.

Въ наборы 1863 г. военное министерство сдѣлало по всемъ этимъ предметамъ слѣдующіе расходы:

	Въ 1-й наборъ.	Во 2-й наборъ
На заготовленіе суконъ	до 682,000 р.	1,168,500 р.
На заготовленіе прочихъ вещей	— 489,500 »	851,000 »
На шитье вещей,	— 152,500 »	260,500 »
На перевозку вещей и мелочные рас- ходы	— 124,000 »	213,000 »
На полушубки.	— 317,000 »	227,000 »
	<hr/>	<hr/>
	Всего. 1,765,000 р.	2,720,500 р.

Или средній расходъ на одного рек-
рута составлялъ 18 р. 65 к. 16 р. 71 к.

Наконецъ, кромѣ расходовъ обществъ и Военнаго Министерства, дѣлаются расходы и со стороны государственнаго казначейства. Къ этимъ расходамъ относятся издержки на жалованье рекрутамъ, ихъ продовольствіе и препровожденіе до назначенныхъ мѣстъ, и на другія надобности по набору. На все это въ первый наборъ израсходовано до 832,994 р. 49 к., или среднимъ числомъ на рекрута около 9 р. 25 к. О расходахъ во второй наборъ свѣдѣній еще не получено; но, принимая, что на каждого человѣка были сдѣланы такіе же издержки, окажется, что на всѣхъ 162,600 человѣкъ, взятыхъ въ солдаты, употреблено 1,460,000 р.

Такимъ образомъ, поставка каждого рекрута обходится въ 60 р. 56 к., и изъ этого числа на долю казны, т. е. Военнаго Министерства и Государственнаго Казначейства, причитается 26 р. 93 к., и падаетъ на общество 33 р. 63 к.

Всего же по этому расчету было израсходовано:

	Въ 1-й наборъ.	Во 2-й наборъ.
Казной	до 2,597,994 р. 49 к.	4,180,500 р.
Обществомъ	— 3,363,000 »	5,448,060 »
	<hr/>	<hr/>
	5,960,994 р. 49 к.	9,628,560 р.

Всѣ приведенныя цифры относятся къ 1863 году, потому что свѣдѣнія за 1864 г. не всѣ еще доставлены военному министерству; что же касается до статистическихъ данныхъ о послѣднемъ наборѣ (1865 г.), то онѣ будутъ извѣстны не ранѣе конца 1866 г. Не смотря на это, уже и изъ цифръ 1863 года можно видѣть, насколько новыя облегчительныя правила принесли существенной пользы многосложнымъ манипуляціямъ, связаннымъ съ рекрутскимъ наборомъ. Нужно полагать, что цифры за 1864 и 65 годы будутъ еще благо-

пріятіе. Конечно, свѣденія, публикуемыя Военнымъ Министерствомъ, относятся исключительно до той стороны дѣла, которая интересуется наиболее само министерство и составляетъ его спеціальность. Тѣмъ не менѣе, тѣ же самыя данныя даютъ возможность судить, въ нѣкоторой степени, и о пользѣ новыхъ мѣръ для другой заинтересованной стороны.

Какъ я уже говорилъ, во второй наборъ 1863 года было принято рекрутовъ 158,892. Изъ нихъ на мѣстахъ набора:

Бѣжало	61	человѣкъ.
Умерло	44	»
Поступило въ больницы . . .	2071	»

Во время отправленія рекрутовъ съ мѣстъ набора и въ пути:

Бѣжало	59	человѣкъ.
Умерло	21	»
Сдано въ больницы	1376	»
Предано суду	8	»

Чтобы показать, на сколько эти цифры благопріятны новымъ мѣрамъ Военнаго Министерства, «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ» сравниваютъ ихъ съ подобными же данными за 1855 годъ. Годъ этотъ взятъ потому, что число принятыхъ въ немъ рекрутъ подходитъ близко къ размѣру второго набора 1863 года. Для полноты сравненія, приводятся данныя и за первый наборъ 1863 г.

Во всѣ эти три набора было отправлено рекрутъ посредствомъ внутренней стражи:

Въ 1855 г.	Въ 1-й наб. 1863 г.	Во 2-й наб. 1863 г.
147,305 ч.	87,108 ч.	141,328 ч.

Изъ нихъ во время пути:

Бѣжало	161 ч.	26 ч.	42 ч.
Заболѣло	7506 »	1031 »	1135 »
Умерло	126 »	11 »	16 »

Отношеніе между всѣми этими величинами слѣдующее:

	Въ 1855 г.	Въ 1 наб. 1863 г.	Во 2 наб. 1863 г.
Бѣжало	1 изъ 915 ч.	1 изъ 3034 ч.	1 изъ 3365 ч.
Заболѣло	1 — 19 »	1 — 84 »	1 — 125 »
Умерло	1 — 1169 »	1 — 7919 »	1 — 18223 »

Сравненіе это показываетъ, конечно, что второй наборъ 1863 г. былъ гораздо благопріятнѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ первый, и въ особенности для здоровья рекрутъ. Но нельзя не замѣтить, что 1855 годъ, хотя онъ и подходитъ очень близко, по числу рекрутъ, ко второму набору 1863 года, все-таки выбранъ не совсѣмъ удачно для сравненія. 1855 годъ былъ предпоследнимъ годомъ крымской войны,—годомъ, когда всѣ силы Россіи доходили до своего наибольшаго напряженія, когда исходъ войны былъ уже очевиденъ и невозможность вести ее дальше была совершенно ясна для всѣхъ, законныхъ съ дѣломъ. Все, что дѣлалось въ это время, требовало большой посвященности и чрезвычайныхъ усилій: снаряженіе рекрутъ, ихъ обученіе, отправка въ дѣйствіе. Поэтому нечего удивляться, что въ 1855 году убѣжало четверо болѣе рекрутъ, чѣмъ во второй наборъ 1863 г.; что число заболѣвшихъ было въ семь разъ болѣе, а число умершихъ въ восемь. Пусть всѣ эти цифры благопріятны для 1863 г.; но сравненіе все-таки слишкомъ рѣзко, потому что годъ тяжелой, изнурительной войны никакъ нельзя сравнивать съ годомъ мира; а во-вторыхъ, что дѣйствительность полезности новыхъ мѣръ Военнаго Министерства такъ несомнѣнна, что едва ли она нуждается въ усиленныхъ доказательствахъ.

Между этими мѣрами особеннаго вниманія заслуживаетъ все то, что имѣетъ спеціальную цѣлью сохраненіе здоровья людей, и въ этомъ отношеніи въ послѣднее время, конечно, сдѣлано много такихъ улучшеній, какихъ у насъ никогда не существовало. Прежде существовала система закаливанія людей, — система, по которой полагали, что человека можно приучить къ холоду, къ голоду, къ перенесенію трудностей, которыя едва подъ силу доброй леновой лошади. Попытка оцѣнивалась, разумѣется, тѣмъ, что люди отъ холода мерзли, отъ голода умирали, а отъ излішняго труда впадали въ чахотку и въ сухотку. Теперь это отмѣнено въ военной практикѣ, и солдаты стали оттого здоровѣе. Теперь устранено все то, что не имѣло никакой существенной важности; а такихъ неважныхъ, но, вѣстѣ съ тѣмъ, вредно вліявшихъ вещей было прежде много. Преобразования начались съ формы одежды, которая имѣетъ существенное вліяніе на здоровье. Не все равно — быть ли одѣтымъ удобно или облачиться въ снарядь, сжимающую человѣку всѣ члены, какъ тиски. Это носить яркій мундиръ и ужасные брюки, застегивавшіяся сады, тотъ знаетъ очень хорошо, отъ какихъ ино-

гда ужасныхъ страданій избавить пынѣнный кастанъ и вынѣшнїе шаравары. Пальто, смѣнившее кремную шинель, теплые воротники, а въ последнее время башмаки принесли огромную пользу здоровью и молодымъ, и старымъ солдатамъ; и предупрежденіе, конечно, множество простудныхъ болѣзней, составляющихъ у насъ вообще такое обыкновенное повсюду явленіе. Остается еще желать, чтобы сукно на пальто, да, пожалуй, и на кастаны приготавливалось бы плотнѣе, потому что въ своемъ теперешнемъ видѣ—деше и выскіе сорта симбирскаго, — оно грѣетъ плохо, легко намокаетъ и чрезвычайно легко продувается вѣтромъ. За границей, гдѣ, конечно, климатъ лучше русскаго, доктора признаютъ совершенно необходимыми носить еланель на тѣлѣ, особенно весной и осенью. Но мы, русскіе люди, живя даже въ такомъ климатѣ, какъ, напримѣръ, вологодскій, и схватывая простуду на каждомъ шагу, не только отмахиваемся отъ еланели и руками, и ногами, увѣряя, что отъ нея скорѣе простудишься, но и устроиваемъ свои дома такъ, какъ будто мы живемъ не у Ледовитаго озера, а гдѣ набудь въ померанцевыхъ рощахъ Бразиліи. Говорю это не для того, чтобы предложить солдатамъ еланелевыя фуфайки—хотя многіе наши солдаты уже носятъ (правда, не еланелевыя, а шерстяныя, вязанія),—а только для того, чтобы сказать, что въ нашемъ климатѣ, а особенно въ сѣверныхъ лѣсистыхъ губерніяхъ, для всякаго человѣка, хотя немного заботящагося о своемъ здоровьи, еланель совершенно необходимая вещь, и что вообще русскому человѣку слѣдовало бы одѣваться теплѣе и не воображать, что можно приучить себя или кого бы то ни было къ 30° мороза.

Второе обстоятельство, на которое было обращено вниманіе Военнаго Министерства, заключалось въ улучшеніи пищи и продовольствія солдатъ. Пища, какъ извѣстно читателю, производитъ въ человѣческомъ организмѣ чудеса. По Молежотту, только пища превратила дикую кошку въ домашнюю; вслѣдствіе постепенной привычки, являющаяся животная, имѣющая вообще короткий пищеварительный каналъ, могутъ дойти до перевариванія растительной пищи, и пищевой каналъ ихъ при этомъ удлиняется. Подобное же могущественное дѣйствіе оказываетъ пища и на человѣка. Въ Англіи существуютъ боксеры, жонглеры, водолазы, которые, вслѣдствіе особенныхъ измѣненій въ питаніи, могутъ, по мѣрѣ надобности и въ извѣстный срокъ, уменьшить или увеличить весь свой тѣлесный объемъ.

Точно также и аэробаты, гимнасты могут развить свою грудную клетку и увеличивать мускулатуру. Все это достигается единственно систематическим образом жизни и регулированием диеты. Читателю, конечно, известно, чего достигли англичане съ своим домашним скотомъ: они заставили однихъ животныхъ, вмѣсто прежнихъ длинныхъ костей, выращать себѣ короткія; другихъ заставили уменьшать объемъ костей и увеличивать массу мускуловъ. Наконецъ, читателю известно, до какихъ результатовъ дошелъ человекъ въ обращеніи въ плодовые деревьями. Во всемъ этомъ главную роль играло умѣнье вести такъ питаніе организмовъ, чтобы получились непремѣнно тѣ самые результаты, какіе именно нужны. Поэтому понятно, что и въ примѣненіи къ обширнымъ арміямъ вопросъ о пищѣ и питаніи долженъ стоять на первомъ планѣ, потому что отъ пищи зависить не только здоровье людей, но и размахъ, и характеръ ихъ услугъ. Вслѣдствіе несоразмѣрности между потребностью въ пищѣ и количествомъ ея, является много различныхъ болѣзней, тѣлесная слабость и неспособность къ военной службѣ; многіе рекруты, оказывающіеся при медицинскомъ осмотрѣ съ здоровыми легкими, по вступленіи въ военную службу, погибаютъ вскорѣ отъ чахотки; наконецъ, огромное число солдатъ бываетъ болыны перемежающейся лихорадкой, гастрической и тифозной горячками. Причиной всего этого исключительно пища. На сколько вліяетъ пища на солдатъ, можно видѣть изъ сравненія англійской арміи съ вѣтскими континента. По мнѣнію Либиха, самое малое количество пищи, необходимое для взрослого человека, составляетъ: 9 лотовъ альбумината, 2 лота жиру (доставляемыхъ мясной выецей), 20 лотовъ крахмала (въ хлѣбѣ) и 4 лотъ соли. Большее противъ этого количество питательныхъ веществъ отпускается только въ англійской арміи, гдѣ достается солдатамъ много мяса, — а отъ мяса и зависить вся сила. Только въ хорошей пищѣ и заключается причина, что англійскіе солдаты, отъ природы вообще несильнаго тѣлосложенія, легче всѣхъ остальныхъ солдатъ въ Европѣ переносятъ трудности военной службы и разнообразныя вѣданы: Грудная клетка англійскаго солдата имѣетъ въ объемѣ, среднемъ числѣмъ, 31 дюймъ, тогда какъ для прусской военной службы люди съ такимъ малымъ объемомъ груди совершенно не годятся, и потому въ прусской арміи почти не встрѣчаются. Ясно, что въ этомъ случаѣ помогаетъ англичанамъ исключительно хорошая пища. Чѣмъ пища

лучше, тѣмъ солдатъ крѣпче и здоровѣе и переносить легче всѣ трудности военной службы, особенно въ военное время. Важное значеніе пищи можно лучше всего видѣть изъ ея вліянія на цѣлыя массы населеній. Въ англій, гдѣ на человѣка приходится въ сутки, среднимъ числомъ, 10 лотовъ мяса, средняя продолжительность жизни составляетъ 40 лѣтъ; а смертность въ годъ 1 на 50 человѣкъ. Въ Германіи же и во Франціи, гдѣ среднее количество мяса составляетъ въ день на человѣка отъ 4 до 6 лотовъ, средняя продолжительность жизни—30 лѣтъ, а смертность 1 на 40 человѣкъ. Разнообразіе пищи важно не менѣе ея количества. Животныхъ, которыхъ кормили все одной и той же пищей, околѣвали накопецъ съ голоду, не смотря на то, что пища была питательна, и легко варима. Изъ этого очевидно, что человѣку необходима пища смѣшанная, тѣмъ болѣе, что строеніе его зубовъ и устройство кишечнаго канала приспособлены къ животной и растительной пищѣ. Какую изъ нихъ слѣдуетъ употреблять человѣку по преимуществу—зависитъ отъ расходовъ или выдѣлений организма; поѣтому солдатамъ, ведущимъ жизнь усиленно-напряженную, слѣдовательно, сопряженную съ значительными выдѣлениями, нужно давать пищу болѣе мясную.

Количество и качество пищи, даваемой солдатамъ, не во всѣхъ государствахъ сообразно строго съ гигиеническими условіями, въ томъ видѣ, какъ опредѣляютъ ихъ современная физиологія. Это происходитъ частью отъ недостаточнаго распространенія физиологическихъ знаній, а частью и отъ привычекъ народа, въ средѣ котораго формируются войска.

Такимъ образомъ, австрійскій солдатъ получаетъ въ день: 5 2/3 лота хлѣба, 10 1/3 лота мяса, 8 лотовъ овощей (бобовъ, ячменной крупы, проса), 6 1/2 лотовъ гречневой крупы, 6 лотовъ рису, 10 2/3 лота муки, фунтъ картофеля, лоть соли, 3/4 лота жира, 5/8 лота луку и 1/3 лота перцу. Такое количество пищевыхъ веществъ полагается солдату въ мирное время; въ военное же солдатъ получаетъ 1/2 фунта мяса, 10 лотовъ пшеничной муки, 6 лотовъ рису, 1 лоть соли и 1 эйдель-вина.

Войска Германскаго союза получаютъ: 64 лота хлѣба, 16 лотовъ мяса, 16 лотовъ муки, 2 лота соли.

Французскія войска: 28 лотовъ хлѣба, 23 лота мяса, 10 1/2 лотовъ рису, 1 1/11 лота соли.

Англійскія: 36 лотовъ хлѣба, 48 лотовъ мяса, 12 лотовъ муки, $1\frac{2}{10}$ лота соли.

Русскіе: 70 лотовъ хлѣба, 16 лотовъ мяса, 10 лотовъ муки, $1\frac{1}{10}$ лота соли.

Турецкія: $66\frac{1}{3}$ лота хлѣба, 18 лотовъ мяса, $1\frac{7}{10}$ лота соли, $2\frac{1}{10}$ лота сала и 6 лотовъ рису.

Такъ какъ мясо составляетъ самую питательную и наиболѣе необходимую для солдата пищу, то первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ англійскимъ войскамъ, получающимъ въ день 48 лотовъ мяса; второе мѣсто войску французскому, третье турецкому, четвертое русскому и войскамъ Германскаго союза, и послѣднее австрійскому. Австрійскій солдатъ получаетъ мяса почти въ пять разъ меньше, чѣмъ англійскій; русскій и пѣмецкій въ три раза меньше, а французскій нѣсколько менѣе половины. По количеству же получаемаго хлѣба перечисленные войска располагаются въ такомъ порядкѣ: русское, турецкое, Германскаго союза, австрійское, англійское и французское.

Возможно-экономическое расходованіе силъ составляетъ также одно изъ важныхъ условій сохраненія здоровья солдатъ. Сильная смертность и болѣзни, замѣченныя въ наборѣ 1855 года, происходили главнѣйше оттого, что нельзя было медлить и растягивать переходы. При усиленныхъ маршахъ, особенно при непогодахъ и недостаточной пищѣ, все слабое должно отставать, заболѣвать, умирать, и остаются живы и здоровы только богатыри и атлеты. Въ наборѣ 1863 года, когда, вмѣстѣ отправленія партій обыкновеннымъ, пѣшимъ порядкомъ, перевозили ихъ еще на вольно-наемныхъ подводахъ, по желѣзнымъ дорогамъ и на пороходахъ, должна была, разумѣется, накопиться большая экономія силъ. На вольно-наемныхъ подводахъ было отправлено 34,484 человекъ, и, уже не говоря про выигрышъ въ здоровьи солдатъ, этотъ новый способъ препровожденія сократилъ казны расходы болѣе, чѣмъ на 7,000 рублей. Теперь читателю будетъ понятно, почему въ наборѣ 1863 г. число заболѣвшихъ было въ семь разъ и число умершихъ въ восемь разъ менѣе, чѣмъ въ наборѣ 1855 года. Случилось это просто потому, что солдата кормили и одѣвали лучше и больше берегли его силы.

IV.

То, что осуществимо въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, принимается обыкновенно въ настоящемъ за болѣе или менѣе несбыточную теорію; а практическимъ считается только то, что осуществимо немедленно.

Поэтому есть на свѣтѣ очень много хорошихъ вещей, которыя, не смотря на то, что онѣ очень хороши для многихъ странъ и народовъ, должны оставаться до времени теоріей. Напримѣръ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что имѣть вкусный обѣдъ, съ хорошимъ виномъ, — вещь очень хорошая, и, не смотря на то, европейскія государства должны отказать своимъ солдатамъ въ этомъ удовольствіи, потому что правительствамъ не на что готовить гастрономическіе обѣды. Подобное желаніе есть не только теорія вообще, но еще теорія въ безусловномъ смыслѣ, т. е. для всѣхъ европейскихъ государствъ, не исключая и Англіи. Но кромѣ этихъ безусловно-теоретическихъ желаній есть теоріи относительныя. Напримѣръ, для австрійскаго солдата съѣдать въ день 48 лотовъ мяса, какъ это дѣлаетъ англичанинъ, конечно, тоже теорія, хотя для англичанина она — практика. Точно также не только для австрійскихъ, но даже и для остальныхъ ганноверскихъ солдатъ будетъ теоріей — жить съ такими удобствами, какъ живетъ 6-й ганноверскій полкъ. Солдаты размѣщены въ веселыхъ, свѣтлыхъ, просторныхъ и сухихъ комнатахъ, незагроможденныхъ кроватями. При каждой спальнѣ находится еще просторная жилая комната, изображающая солдатскій салонъ. Кровати у солдатъ желѣзныя, съ хорошими постельями и всѣми принадлежностями для сна. На каждые десять человекъ устроена особая умывальная комната. Есть солдатъ тоже хорошо и вкусно и получаетъ ежедневно большую мясную порцію. Наконецъ, въ концѣ земного счастья 6-го полка служить пивная лавка, устроенная въ самыхъ казармахъ. Въ этой пивной продается превосходное пиво и по такой низкой цѣнѣ, по какой его нельзя достать нигдѣ въ городѣ, но за то продажа водки запрещена. Нѣмцамъ очень нравится такой порядокъ, что, разумѣется, и справедливо; но несправедливо только то, будто бы, вслѣдствіе продажи пива внутри казармъ, солдатъ приучается «нѣкоторымъ образомъ» (подлинное мнѣніе пѣмцевъ) къ домашней жизни. А впрочемъ, пусть себѣ приучается.

Какъ хорошее матеріальное содержаніе солдатъ для многихъ государствъ должно еще считаться теоріей, хотя и желательной, и законной, а все-таки неосуществимой въ ближайшемъ будущемъ, такъ точно и самый вопросъ о коренномъ преобразованіи системы формированія армій. По этому вопросу существуетъ два противоположныхъ мнѣнія. Защитники одного отправляются отъ чисто-экономическихъ основаній и желали бы устроить повсюду военную часть такъ, чтобы на нее производилось менѣе всего затратъ. Въ доказательство того, что это возможно, они ссылаются на Швейцарію и на Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Швейцарія, напримѣръ, при 2,500,000 жителей, выставляеть, въ случаѣ крайней нужды, до 100,000 человекъ войска, считая тутъ и ополченіе; а между тѣмъ, въ мирное время ни одинъ кантонъ не смѣетъ держать болѣе 300 солдатъ, слѣдовательно, всѣ кантоны вмѣстѣ—6,600 человекъ. Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ въ мирное время не бывало тоже никогда болѣе 17,000 войска.—Защитники же другого мнѣнія говорятъ, что швейцарскій порядокъ во многихъ мѣстахъ совершенно невозможенъ; во-первыхъ, по растянутости территоріи государствъ; а во-вторыхъ, по инымъ свойствамъ и качествамъ населенія. Что же касается до Сѣверной Америки, то ее выставляютъ именно, какъ доказательство того, на сколько желаніе имѣть дешовую армию ведетъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ, т. е. вмѣсто выгоды, дѣетъ только громадныя убытки. Такъ, одинъ изъ противниковъ экономической военной теоріи говоритъ въ мартовской книжкѣ «Военнаго Сборника» слѣдующее: «лучшій примѣръ невыгодности быть черезчуръ экономнымъ представляетъ Сѣверная Америка: до разведипенія, штаты органичивались 17,000-ю арміею, а теперь несутъ такіа громадныя издержки и сдѣлали разомъ такой долгъ, что все это, навѣрное, покрыло бы, одними процентами, ежегодное содержаніе десятиро сильнѣйшей арміи. Самая распрѣ-давно бы уже кончилась, и потому каждый лишній долларъ, затрачиваемый вашингтонскимъ правительствомъ, каждая лишняя капля крови, проливаемая арміей, падаетъ всею тяжестью на голову той ложной экономіи, которая работаетъ только объ уменьшеніи современныхъ, текущихъ расходовъ и нисколько не думаетъ о томъ, что всѣ ежегодныя грошовыя сбереженія придется вынуть изъ кармана въ одно прекрасное утро сторицею.

«Внутренній долгъ вашингтонскаго правительства, сдѣланный для

покрытія военныхъ издержекъ, простирался къ концу 1862 года до четырехъ миллиардовъ франковъ или до миллиарда рублей серебромъ.

«Съ тѣхъ поръ прошло уже два года; издержки увеличиваются, а какой результатъ принесли они?»

Нибніе это, можетъ, быть совершенно справедливо въ военномъ отношеніи, но въ экономическомъ оно не можетъ быть подтверждено точными доказательствами. Авторъ думаетъ, что однихъ процентовъ съ сдѣланнаго теперь Америкю долга достало бы на содержаніе огромной арміи; а теперешній долгъ оный считаетъ въ 1 миллиардъ рублей. Я сдѣлаю автору большую уступку и предложу, вмѣсто одного миллиарда, четыре — кажется, немало! — Далѣе, я предположу, что Сѣверо-американскіе Штаты, подходящіе по размѣру населенія къ Франціи, держали бы подобную армію, въ 500,000 человекъ, и тратили бы на нее столько же, т. е. ежегодно 145 милліоновъ рублей. Въ теченіи 80 лѣтъ, оттого что у Американцевъ не было постоянной огромной арміи, имъ пришлось бы изстратить на содержаніе ея, въ случаѣ ея существованія, 9,200,000,000 рублей; теперь же долгу они надѣлали только 4 миллиарда; очевидно, что у нихъ осталось въ экономіи 5,200,000,000 рублей. Что однихъ процентовъ съ этого долга недостало бы на содержаніе большой арміи, видно изъ того, что, рассчитывая по 4%, четыре миллиарда дали бы только 4,600,000 р. въ годъ, а требовались бы 115 милліоновъ. Далѣе, авторъ не обратилъ вниманія и на то, что содержаніе въ теченіе 80 лѣтъ арміи въ 500,000 человекъ было бы для Америки совершенно равносильно тому, какъ если бы Американскіе Штаты заставили бы все свое населеніе (по точному расчету выходить 40 милліоновъ людей) не заниматься въ теченіи цѣлаго года рѣшительно ничѣмъ, кромѣ военныхъ упражненій. Я думаю, что если бы экономическія потери такого года присоединить къ 9 миллиардамъ на содержаніе арміи, то сумма вышла бы весьма ничтожная, а вовсе не грошовое сбереженіе, какъ называетъ ихъ авторъ «Кавалерійскихъ вопросовъ». Изъ этихъ расчетовъ видно, что, не смотря на огромность сдѣланнаго долга и не смотря на продолжительность войны, которую авторъ объясняетъ исключительно недостаткомъ у американцевъ хорошей арміи, при существованіи которой война давно бы кончилась, — Америка все-таки сдѣлала большіе сбереженія денегъ, не говоря уже про все то экономически-полезное,

что произвела огромная масса людей, неотвечаемая ничѣмъ отъ своего дѣла. Поэтому я думаю, что если ставить вопросъ о войскѣ, какъ исключительно экономическій, то, конечно, не можетъ быть сомнѣнія о томъ, въ какую сторону онъ рѣшится. И это знаютъ очень хорошо все европейскія правительства. Ни одно изъ нихъ не сомнѣвается въ томъ, что американская и швейцарская система выгоднѣе, чѣмъ французская или нѣмецкая. Но одного арифметическаго расчета еще недостаточно, и, вслѣдствіе солидарности, существующей между европейскими государствами, вслѣдствіе ихъ пространственныхъ и народныхъ условій, чѣмъ существующія въ Америкѣ и въ Швейцаріи, континентальныя европейскія государства никакъ не могутъ въ ближайшемъ будущемъ отступить отъ таперешней своей системы. Слѣдовательно, очевидно, что авторъ «Кавалерійскихъ вопросовъ» защищаетъ дѣло, на которое наше Военное Министерство имѣетъ другой взглядъ, — что оно и доказало нѣкоторыми расчираженіями и мѣрами послѣдняго времени, и между прочимъ, и опытами иного способа комплектованія арміи, производимыми въ настоящее время въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Поэтому, оставляя вопросъ о степени выгоды, существующей теперь въ Европѣ военной системы, я перейду къ тому вопросу, о которомъ говорилъ въ началѣ и на который обращено въ настоящее время вниманіе нашего Военнаго Министерства. Здѣсь я буду пользоваться напечатаннымъ въ той же мартовской книжкѣ «Военнаго Сборника» извлеченіемъ изъ записки «О способахъ избавленія отъ личнаго исполненія рекрутской повинности», поданной начальству флигель-адъютантомъ, полковникомъ княземъ Кропоткинымъ.

У насъ избавленіе отъ личнаго исполненія рекрутской повинности совершается частной замѣной и выкупомъ.

При частной замѣнѣ, люди, вынужшіе жребій, могутъ мѣняться имъ съ тѣми, кому жребій не достался. Напримеръ, вынимаи Иванъ и Петръ; жребій достался Ивану, — Петръ беретъ жребій на себя и идетъ за Ивана. Въ частные расчеты, которые произойдутъ между Иваномъ и Петромъ, начальство не вмѣшивается. Или же, вмѣсто лично-обязаннаго идти въ солдаты, поставляется охотникъ. Наконецъ, вмѣсто поставки рекрута, покупается у частныхъ лицъ зачетная рекрутская квитанція.

При освобожденіи отъ повинности выкупомъ покупаются зачетныя квитанціи у казны или же вносятся въ казну прямо опредѣленная

сумма, какъ это допущено нынче, въ видѣ омыта, въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Въ какомъ бы видѣ не производилась замѣна, деньгами или оставкой вмѣсто себя другого, — сущность остается всегда одной и той же, т. е., вмѣсто жеребьеваго поступаетъ охотникъ; разница только въ томъ, что въ первомъ случаѣ его нанимаетъ казна, а во второмъ — тотъ, кому, иначе, пришлось бы идти въ солдаты самому. Следовательно, возможность приложенія этой системы въ большомъ размѣрѣ зависитъ отъ количества и качества охотниковъ и отъ денежныхъ средствъ лицъ, несущихъ рекрутскую повинность.

О качествахъ наемниковъ всѣ военные начальники, въ вѣдѣніе которыхъ вступали рекруты, имѣютъ совершенно одинаковое мнѣніе: они считаютъ ихъ людьми дурными и бесполезными солдатами. Значительная часть бѣжавшихъ въ послѣдніе наборы рекрутовъ были охотники; изъ 3200 рекрутовъ Херсонской губерніи, поступившихъ въ 34-ю пѣхотную дивизію, бѣжало въ первые два мѣсяца 18 человекъ, и всѣ изъ охотниковъ. Изъ поступившихъ лично не убѣждалъ никто. Причина этого въ томъ, что человекъ домовитый, живущій хорошо, въ солдаты охотно не пойдетъ; а пойдетъ тотъ, кто отъ перемѣны образа жизни не проигрываетъ, а выигрываетъ; следовательно, или человекъ бездомный, или такой веселый человекъ, которому скромная деревенская жизнь не по нутру. Кромѣ того, магнитемъ, влекущимъ охотниковъ къ найму, служатъ частью и то безобразіе и разгулъ, которому они предаются при поступленіи въ рекруты. Охотникъ удержу не знаетъ: ему подавай всего — пѣсни, пляски, водку, — однимъ словомъ, чтобы было весело. Но какъ подобное веселье достается наемнику только въ томъ случаѣ, если охотника нанимаютъ частныя лица, то понятно, что охотники предпочитаютъ тотъ родъ найма, при которомъ можно отвести душу, и не любить найма солиднаго, при которомъ никто не подосылаетъ чарочки. Вотъ почему казна, которая платитъ дороже, гораздо труднѣе найдетъ охотниковъ, чѣмъ частнымъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, въ послѣдній наборъ средняя частная плата охотникамъ въ девяти губерніяхъ была 223 р. и охотниковъ оказалось недостаточно; а въ казнѣ они получали 300 руб. на руки, 50 руб. въ артель и 70 руб. должны были получить при отставкѣ, и все-таки въ казну наниматься никто не шелъ. Въ Остафьевскихъ губерніяхъ, по новымъ правиламъ казеннаго найма, давалось охотнику на руки 500 руб., и папалось всего четыре чело-

Вѣна. Между тѣмъ, рядомъ производился частный наемъ за весьма дешовую цѣну; именно въ Эстляндіи средняя плата была 140 руб., а въ Курляндіи 325 рублей. И причина этого весьма понятна. Частный человекъ, думая замѣстить себя охотникомъ, знаетъ, къ кому обратиться; да кромѣ того, знаетъ, какъ ему склонить нерѣшительнаго и чѣмъ смягчить человѣческое сердце. Казна такихъ приемовъ употреблять не можетъ; она просто вызываетъ охотниковъ и объявляетъ плату за наемъ, значить, все нерѣшительное и все пугливое останется дома. Во Франціи система частнаго найма превратилась, наконецъ, въ особую промышленность, развращавшую народъ, и была, наконецъ, запрещена правительствомъ. Организовались цѣлыя общества, которыя чрезъ своихъ агентовъ, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ городскихъ пролетаріевъ, вовлекали молодыхъ людей въ порочную жизнь, въ долги и, поставивъ ихъ въ безвыходное положеніе, побуждали идти въ охотники за ничтожную плату. Съ 1855 года частная замѣна сильно ограничена во Франціи и установлены выкупъ и казенный наемъ охотниковъ. Но, не смотря на всѣ облегченія для частнаго найма, принятыя прежде французскимъ правительствомъ, не смотря на воинственный духъ націи и на обиліе пролетаріевъ, съ 1850 по 1853 годъ, на 80,000 призываемыхъ ежегодно рекрутовъ, число замѣненныхъ охотниками составляло среднимъ итогомъ 15,000. Въ 1854 и 1855 г. на 140,000 ежегоднаго контингента, охотниковъ было въ 1854 г. — 20,000, а въ 1855 г. — 16,000 человекъ. У насъ же въ послѣдній наборъ поступило по найму 4,445 человекъ на 158,892 рекрута. Изъ этого видно, на сколько система замѣны личной повинности наймомъ охотниковъ не можетъ имѣть значенія общей мѣры.

Князь Кропоткинъ, находящій систему частнаго найма весьма неудовлетворительной, особенно въ томъ отношеніи, что ею вербуются въ солдаты люди сомнительной нравственности, полагаетъ полезнымъ примѣнить у насъ французскую систему, т. е. ввести наемъ отъ казны и приглашать отставныхъ солдатъ, чего до сихъ поръ у насъ, правда, и не могло быть, потому что срокъ службы былъ слишкомъ продолжителенъ. Предполагая, что изъ числа отставныхъ половина, вѣроятно, согласится поступить въ охотники, князь Кропоткинъ разсчитываетъ, что даже при нынѣшнемъ срокѣ службы (сокращенномъ въ 1859 году съ 2-хъ на 15 лѣтъ) можетъ явиться ежегодно 7,000 военныхъ замѣстителей.

Въ такомъ видѣ и стоитъ въ настоящее время вопросъ о формированіи армій на континентѣ Европы (кромя Швейцаріи); т. е. войска комплектуются обязательной личной повинностью; желающіе избавиться отъ нея могутъ поставить вмѣсто себя или охотника, или внести въ казну деньги. Поставка вмѣсто себя охотниковъ частнымъ лицамъ дозволяется не вездѣ. Одни государства не допускаютъ ея совершенно; другія только въ томъ случаѣ, если казна не можетъ найти сама охотника; третьи допускаютъ только одинъ казенный наемъ; четвертыя — только денежный выкупъ. Тамъ, гдѣ существуетъ наемъ охотниковъ, приглашаются во вторичную службу и отставные солдаты. У насъ этой мѣры до сихъ поръ еще не существовало.

Изъ всего сказаннаго читатель видитъ, что американская и швейцарская системы на континентѣ Европы, конечно, невозможны: для швейцарской нужны инныя свойства и качества народонаселенія, а для американской — сильное экономическое развитіе.

Н. Шелгуновъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕБУРОВА

НА ВАС. ОСТР. ПО ПЕРВОЙ ЛИНИИ, ДОМЪ БРУНИ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

выснлаетъ иногороднымъ *всѣ русскія книги* (кромѣ казенныхъ изданій) *по петербургскимъ цѣнамъ*, принимая пересылку на свой счетъ.

Поступили въ продажу:

О ПОЛЕЗНЫХЪ И ВРЕДНЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ. Чтенія Карла Фогта. Съ предисловіемъ автора къ русскому переводу. Въ текстѣ 73 рис. Спб. 1865. Ц. 60 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. А. Э. Брема. Перев. подъ ред. В. А. Зайцева. Т. 1-й. Спб. 1865. Подписная цѣна за все сочиненіе 6 р. с. Отдѣльно выпуски по 25 к.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. Четыре лекціи В. Сэвори. Спб. 1865. Ц. 40 к.

МИРЪ И ЕГО ЗАКОНЪ. Гипотезическій взглядъ на мірозданіе. А. Старикова. М. 1865. Ц. 75 к.

МИРЪ ДО СОЗДАНІЯ ЧЕЛОВѢКА или колыбель вселивной. Популярная исторія сотворенія и превращенія вселивной. Соч. В. Циммермана. М. 1865. Ц. 3 р. 50 к.

НАЧАЛА МІРА. Соч. Жуванселя. Спб. 1862. Ц. 85 к. (вмѣсто 1 р. 25 к.).

ЖИЗНЬ, продолженіе «Началъ міра», соч. Жуванселя. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к.

Выписывающіе обѣ книги вмѣстѣ платятъ за нихъ 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ. Д-ра Ав. Кекуле. Первый вып. второго тома: Соединеніе ціана. Спб. 1865. Ц. 60 к. Того же томъ 1-й ц. 1 р.

ЗООЛОГІЯ И ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній, сост. А. Богдановъ. Отдѣлъ третій. М. 1845. Ц. 2 р. 50 к. Того же весь 1-й томъ ц. 4 р. 25 к.

ОЧЕРКЪ МЕТЕОРОЛОГІИ. Д-ра Шмидта. М. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ДѢТСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ. Д-ра А. Фогеля. Ч. вторая. Спб. 1865. Ц. 2 р. Цѣна всему сочиненію 4 р.

СЕЛЬСКИЙ ЛЕЧЕБНИКЪ или краткое наставленіе о первыхъ пособіяхъ въ внезапныхъ и опасныхъ для жизни случаяхъ до прибытія врача. Издано М. Маркусомъ. М. 1865. Ц. 50 к.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи. Ф. Соколова. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и основаніе республики соединенныхъ провинцій. Д. Л. Мотля. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 1 р.

ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, Сталь и Роланъ. Ф. Шлосера. Спб. 1865. Ц. 30 к.

ОПОВѢДАНІЯ МАРКА ВОВЧКА. Кармелюкъ, Невильничка, Девять братьевъ и десята сестрица Галя, Ведмидъ. Спб. 1865. Ц. 50 к.

О ЛИЧНОСТИ ГАМЛЕТА въ Шекспировой трагедіи. А. Ярославцева. Спб. 1865. Ц. 25 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАЙОРАТЫ. П. Ж. Прудона. Спб. 1865. Ц. 80 к.

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ. Извлеченіе изъ XI тома 2 ч. устава торговаго, изд. 1857 г. со внесеніемъ въ тебеть всѣхъ послѣдующихъ измѣненій. Спб. 1857. Ц. 30 к.

Въ Іюль поступятъ въ продажу:

В. ВУНДТА. Душа человека и животныхъ. М. 1865. Ц. 1 р. 25 к.
К. ФОУТА. Человекъ и мѣсто его въ природѣ. Т. 2-й (и послѣдній). М. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

60 коп. въ мѣсяцъ

съ доставкою и пересылкою.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА.

Подъ редакціею К. ТРУБНИКОВА.

Подписка принимается на столько мѣсяцевъ, на сколько кто пожелаетъ, съ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца: въ конторахъ редакцій «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Вечерней Газеты», въ С.-Петербурѣ, на Конно-гвардейскомъ бульварѣ, въ домѣ Мельникова № 11; и въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ княгини Ухтомской, а также въ конторѣ «С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей».

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ДѢТСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ

Д-ра Фогеля, переведенное и дополненное подъ редакцію д-ра
М. С. Зеленскаго.

Поступило въ продажу окончаніе (II-я часть) руководства къ изученію дѣтскихъ болѣзней д-ра Фогеля, переведенное подъ редакцію М. Зеленскаго. Съ 6-ю хромолитографическими таблицами съ изображеніями различныя болѣзненныя измѣненія въ организмѣ дитяти, также паразитовъ (глистовъ).

Переводъ этотъ съ значительными дополненіями М. Зеленскаго, составляющими около половины всего сочиненія, рекомендованъ Медицинскимъ Департаментомъ Министерства внутрен. дѣлъ всѣмъ ему подвѣдомственнымъ врачамъ циркуляромъ, напечатаннымъ въ «Сѣверной Почтѣ» 1864 года въ № 150.

Содержаніе I-го тома: Особенности дѣтскихъ болѣзней. Физиолого-анатомическія замѣчанія о дѣтскомъ организмѣ: О дыханіи и кровообращеніи у дѣтей, о ростѣ ихъ и черепѣ, образованіе и прорѣзываніе зубовъ молочныхъ и постоянныхъ. Общія правила для изслѣдованія больныхъ дѣтей, изслѣдованіе каждой части тѣла.

Кормленіе ребенка и уходъ за нимъ, о молокѣ и кормилицѣ, правила для искусственнаго вскармливанія, о пищѣ дѣтей старшихъ года, ванны, одежда и помѣщеніе ребенка. Объ умственномъ развитіи дѣтей. Болѣзни дѣтей, часто встрѣчающіяся вскорѣ послѣ родовъ; болѣзни пищеварительныхъ органовъ: рта, желудка, кишечнаго канала и имъ прилежащихъ органовъ. О вліяніи прорѣзыванія зубовъ на организмъ.

Болѣзни органовъ дыханія: гортани, бронховъ и легкихъ; о физиологіи гортани, крупѣ и т. д. болѣзни плевры.

Содержаніе II-го тома: болѣзни сердца и сосудовъ. Болѣзни нервной системы. Общая патологія головного мозга, о конвульсіяхъ, параличахъ и измѣненіяхъ въ умственной сферѣ у дѣтей, вслѣдствіе страданія мозга, и частныя болѣзни мозга.

Общая патологія спинного мозга, конвульсіи, параличи, боли и потеря чувствительности, вслѣдствіе страданія спинного мозга. О нервныхъ болѣзняхъ дѣтей. Болѣзни органовъ зрѣнія и слуха. Болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ (мужскихъ и женскихъ). Навожныя болѣзни, какъ скарлатина, корь, оспа, оспопрививаніе и т. д. Англійская болѣзнь. Золотуха и бугорчатка. Наслѣдственный сифились.

Цѣна полному сочиненію (два тома) 4 руб. серебр. II-я часть отдѣльно 2 руб. серебр. I-я часть отдѣльно не продается. — Также продаются остальные экземпляры сочиненія доктора М. Зеленскаго о признакахъ и распознаваніи нервныхъ болѣзней въ области узловатой системы. Цѣна 1 руб. серебр.

Эти сочиненія продаются въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Сѣрно-Соловьевича и другихъ. Покупаящіе не менѣе 5 экз. у автора: въ Стремянной улицѣ, домъ Бегрова, получаютъ 20% уступки. Иногородные прилагаютъ за I-е сочиненіе на каждый экз. за 4 фунта, а на II-е за 1 фунтъ.

